

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

XV

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян (научный редактор), М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

А. Ю. Борисов, Л. М. Ефимова, В. Б. Маковский, С. М. Монин, А. А. Недашковский, А. Ф. Носкова, Н. В. Павлов, А. В. Ревякин, М. А. Сапронова, А. А. Синдеев, Н. В. Шевцов

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 15: Великая победа и современный мир — 2015. — 404 с., [20] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1315-0

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1315-0 (т. 15)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: Советский танк типа ИС-2 у рейхстага.

1945 г., место съемки: Берлин; автор съемки: Темин Виктор Антонович, ГАРФ.

Книга сорок третья

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
КАК МОСТ
В БУДУЩЕЕ**

Война и Победа: как рождался послевоенный мир

А. Ю. Борисов*

Семидесятилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) вновь и вновь обращает благодарную память потомков к тому героическому противоборству наших дедов и отцов с фашизмом, которое продолжалось без малого четыре года и закончилось полным разгромом гитлеровской Германии и ее сателлитов. Это была поистине титаническая борьба Советского Союза при поддержке его союзников по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании, потребовавшая сверхнапряжения всех духовных и физических сил народов СССР, колоссальных людских и материальных потерь, и исход которой был изначально отнюдь не предрешен.

Победа в войне всегда предстает задним числом безальтернативной в глазах победителей. История Второй мировой войны не была исключением. На самом деле, все было далеко не так, и, с большей или меньшей долей уверенности, говорить о реальных шансах на победу над державами «оси» стало возможным лишь с вступлением в войну 22 июня 1941 г. Советского Союза, краха гитлеровских планов «блицкрига» на Восточном фронте и, особенно, коренного перелома в войне в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге.

До этого будущим союзникам СССР было явно не до победы, их скорее занимал вопрос, как выжить в борьбе с фашизмом. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский в своей телеграмме в НКВД сообщал о беседе с У. Черчиллем, состоявшейся вскоре после разгрома Франции в мае 1940 г. «Черчилль ответил на мой вопрос о его генеральной стратегии очень кратко и красочно: „Моя генеральная стратегия, сказал он, — состоит

сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших трёх месяцев”»¹.

В наши дни немецкий журнал «Шпигель», опубликовал статью под эпатажным заголовком: «Альтернативная история: что было бы, если бы Гитлер победил?». В частности журнал рассуждает о том, каким стал бы мир, если бы вермахту в начале 40-х годов удалось завоевать Советский Союз. И как бы протекала война дальше. Вот что думают по этому поводу некоторые авторитеты на Западе. Например, британский историк Майкл Бёрли считает: «С большой долей вероятности можно утверждать, что военные и захватнические цели Гитлера стали бы просто безграничными». Другие современные западные историки называют Гитлера «ненасытным глобалистом», стремившимся к абсолютной власти над миром. По словам историка Андреаса Хилльгрубера, диктатор хотел завоевывать все новые и новые территории — до тех пор, пока ему не пришлось бы вступить в решающую схватку за мировое господство с США.

По мнению Бёрли, к середине 70-х годов гитлеровский рейх выглядел бы следующим образом: были бы построены «безгранично длинные» дороги, которые бы соединяли немецкие города в Европе с порабощенными территориями в Сибири и солнечным Крымским полуостровом. В то время как там, «на немецкой Ривьере», наслаждались бы жизнью самозванные представители «расы господ», в Западной Сибири ежедневно гибли бы тысячи и тысячи рабов. Туда эсэсовцы после победы над Советским Союзом депортировали бы 31 млн человек из Восточной Европы, чтобы освободить место для 10 млн немецких переселенцев из других районов мира. Как известно, это было пред-

* Борисов Александр Юрьевич — д. и. н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

усмотрено в Генеральном плане «Ост» («Восток»), разработанном в ведомстве Гимmlера в 1942 г. и реконструированном Бёрли.

Из Берлина, переименованного в новую столицу рейха «Германия», Гитлер планировал руководить военными действиями по всему миру. «Возможно, — самонадеянно говорил он, — нам предстоит борьба, которая продлится 100 лет. Если это так, то тем лучше — она уберезет нас от благостного сна». Такое будущее обещал человечеству нацизм, если бы в смертельной схватке с ним не выстоял и не победил советский народ. Как справедливо заключает немецкий журнал, «в случае победы Германии в войне против Советского Союза начался бы настоящий век ужасов»².

Об этом сегодня нелишне напомнить некоторым сторонникам «нового прочтения истории», которые под влиянием итогов «холодной войны» принижают роль Советского Союза во Второй мировой войне и поднимают на щит выше всякой меры вклад западных союзников, особенно Соединенных Штатов. Как показали торжества в связи с 70-летием начала операции «Оверлорд» — высадки союзных войск на Севере Франции в Нормандии в июне 1944 г., европейцам настойчиво внушают, что именно американская военная мощь освободила Европу от фашизма. В своей юбилейной речи президент Обама, вероятно, под влиянием украинского кризиса, обошел молчанием решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом.

Остается напомнить, что к моменту высадки Красная армия уже приближалась к границам Германии и судьба Третьего рейха была решена. Не случайно, в то судьбоносное время в журнале «Тайм» появилась насмешливая карикатура. Ее сюжет был прост и выразителен. Заспанный Черчилль в 4 часа утра снимает телефонную трубку и слышит знакомый голос: «Уинстон? Это я, Джо (Сталин). Я у Кале. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно»³.

Шутки-шутками, но вопрос о сокращении сроков войны в Европе принимал для жаждущих мира европейцев совсем не шуточный характер, о чем в полной мере тогда даже и не подозревали. Дело в том, что в силу логики военного противоборства и совершенствования военных технологий конец войны пришелся на начало ядерного века. В США полным ходом шли работы в рамках «Манхэттонского проекта» и завершалась подготовка к испытанию первого ядерного устройства. Хотя эти факты старательно замалчиваются на Западе и, по неизвестной причине, не заинтересовали отечественных исследователей, судя по американским источникам, первоначально применение ядерного оружия планировалось американцами против городов Германии, а не толь-

ко Японии. Сегодня это кажется невероятным сценарием, но тогда легко вписывалось в смертельную логику войны. Весь вопрос заключался в темпах и синхронизации военного наступления с запада и востока.

В военных кругах США «супербомба» долгое время не рассматривалась как нечто принципиально новое. По мнению адмирала У. Леги, начальника личного штаба президента Рузвельта, это была всего лишь новая «более мощная взрывчатка». Англо-американские «ковровые» бомбардировки Дрездена в феврале 1945 г. с применением обычных фугасов и зажигательных бомб мало чем отличались по числу жертв от последствий первой ядерной бомбардировки Хиросимы. Всего согласно подсчетам англичан в результате воздушных бомбардировок германских городов погибло более 600 тыс. человек⁴.

Изучивший по архивным документам этот вопрос американский автор У. Пинкус пишет: «Подбор первоначальных целей в рамках Манхэттенского проекта был осуществлен в 1944 г., когда война против нацистской Германии все еще продолжалась. Поэтому предусматривалось применение (атомного) оружия против Германии и Японии, что предусматривало различную тактику». Специально прикомандированный к «Манхэттенскому проекту» английский ученый Уильям Пенни — специалист по взрывотехнике, занимался отработкой этой тактики применительно к архитектурным и конструкционным особенностям немецких и японских городов.

Как после войны вспоминал Пол Тиббетс, пилот бомбардировщика Б-29, названный в честь его матери «Энола Гей», с которого была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, в Адриатическом море уже был найден остров в качестве базы дислоцирования американских бомбардировщиков на европейском театре военных действий. Тиббетсу было приказано подготовиться «для нанесения бомбовых ударов одновременно в Европе и по Японии». Однако к весне 1945 г., еще до того как первая атомная бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом. «Поэтому планы были ограничены Японией», вспоминал он. Получается, что немцы, которые сегодня так любят учить русских демократии, были на волосок от испепеляющего ядерного удара и их спасло стремительное наступление Красной Армии, хотя в исторической литературе это наступление изображается всего лишь как «гонка за Берлин»⁵.

Между тем, если бы в роли освободителей Европы, как принято сегодня считать на Западе, выступили англо-американские войска, то еще неизвестно, как сложилась бы судьба старого континента. Ведь до атомного «часа X» оставалось

каких-то 2–3 месяца. И любая «заминка» в приближении конца войны могла оказаться роковой. А единственное крупное сражение англо-американцев с вермахтом после высадки, так называемая «Битва на выстуе» ими было по существу проиграно, если бы не помощь Красной армии. Об этой стороне войны тоже не любят вспоминать на Западе. А эта история под тенью «атомного гриба» стоит того, чтобы о ней напомнить.

В сентябре 1944 г. западные союзники, освободив Париж, без серьезных боев с немцами вышли к границам Германии. Их наступление застопорилось только из-за перебоев со снабжением и растянутости линий коммуникаций. Казалось, конец войны был совсем близок. В войсках уже царила победная эйфория. Но так только казалось. Разыгравшиеся вскоре на Западном фронте кровавые события явились полной неожиданностью для наших союзников и наглядно показали силу и мощь немецкого оружия даже в конце войны, противостоять которому на равных и побеждать в той войне мог только советский солдат.

Вечером 12 декабря 1944 г. группа генералов вермахта — командиров армейских соединений на западном фронте — была срочно вызвана в штаб к главнокомандующему фельдмаршалу Рундшtedту. Специально приготовленный автобус, пропетляв полчаса по заснеженным дорогам с погашенными фарами, доставил их к входу в подземный бункер, оказавшимся ставкой Гитлера в Зигинберге под Франкфуртом. Там они впервые узнали о том, что через четыре дня Гитлер решил нанести внезапный удар по англо-американским войскам в районе Арденнского выступа.

Эта идея зрела в мозгу «фюрера» с середины сентября. Было решено, пользуясь затишьем на восточном фронте, вырвать инициативу из рук противника, нанести удар в стык 1-й и 3-й американских армий, совершить бросок к Антверпену и тем самым лишить союзников основного порта снабжения, а затем отбросить английские и канадские армии вдоль границы Бельгии и Голландии. Острые стремительного удара отборных танковых дивизий СС было нацелено на Арденны, где был совершен прорыв в 1940 г., решивший судьбу Франции. По сведениям немецкой разведки, там держали фронт лишь четыре слабые американские дивизии.

Эта военная операция преследовала чисто политические цели, как разъяснил Гитлер в узком кругу высших нацистов. «Он пришел к выводу... что война более не могла быть выиграна чисто военными средствами. Выход из положения давало заключение почетного мира с Западом, с тем чтобы он мог бросить всю германскую мощь против Востока. Но, чтобы добиться такого мира, ему надлежало занимать выигрышные позиции.

Поэтому он и нанес удар через Арденны, собрав в кулак все дивизии, которые только было можно, с тем чтобы выйти к Антверпену и тем самым вбить самый настоящий клин между Америкой и Англией. Черчилль всегда боялся большевизма не меньше, чем он, и это военное поражение дало бы премьер-министру аргумент настаивать на каком-либо соглашении с Германией»⁶.

Расчеты Гитлера на сепаратный мир с западными с союзниками были не столь уж беспочвенны и являлись попыткой воскресить довоенную политику «умиротворения» Германии, чтобы «не пустить русских в Европу». Известный «бернский инцидент», вызвавший серьезный кризис в советско-американских отношениях еще при жизни президента Рузвельта, был далеко не случаен. Сталин, зная своих партнеров по войне не понаслышке, особенно беспринципного Черчилля, и в какой-то мере, может быть, идеализируя более обтекаемого Рузвельта, допускал возможность сговора английского премьера «с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»⁷.

Для Черчилля, как для самого слабого в Большой тройке, классовое и геополитическое шли рука об руку и порождали причудливую смесь опасных дипломатических расчетов, авантюристических шагов и рискованных комбинаций, которые должны были компенсировать недостаток военной мощи Великобритании. Скорее всего, он явно увязывал свой «балканский вариант» второго фронта или, как он образно говорил, удар в «мягкое подбрюшье Европы», со своими надеждами на антинацистский переворот в Германии и сговор с правооппозиционными силами («группа Герделера»), которые должны были, как он надеялся, устранить Гитлера и открыть западный фронт. Ясно, что при таком раскладе высадка в Нормандии, против которой он вел такую упорную борьбу вплоть до Тегеранской конференции, теряла изначальный смысл.

Своей слепой верой в «удар молнии» — переворот в Германии он заразил «лондонских поляков», польское эмигрантское правительство в Лондоне и руководителей его военного крыла в Польше — Армии Крайовой, с которыми советское правительство разорвало отношения в апреле 1943 г. Далеко не случайно, что решение о так называемом Варшавском восстании было принято одновременно с совершением покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. и, вероятно, по законам авантюристического жанра, исходило из неизбежности самоликвидации нацистского режима со всеми вытекающими отсюда последствиями для восстановления довоенной Польши и захвата власти в Варшаве до прихода советских войск.

В истории важно не принимать случившееся за единственный вариант возможного. В данном случае, англичане, как оказалось, принимали желаемое за действительное. По свидетельству одного из немногих уцелевших после свирепых гестаповских чисток свидетелей тех событий министра финансов Я. Шахта, впавшего в немилость к Гитлеру, Герделер был несерьезной фигурой. «Раньше я поддерживал тесные контакты с Герделером, — вспоминал Шахт, оправданный Нюрнбергским трибуналом вопреки требованию советского обвинения, — теперь, однако, прекратил с ним все отношения, поскольку его поведение казалось мне слишком неосмотрительным». Некоторые сочувствующие оппозиции считали, что Герделер «похож на двигатель, который работает слишком шумно». Другие вообще избегали контактов с ним и боялись, что он находится «под колпаком» у гестапо, которое тем самым держало ситуацию в лагере оппозиции под контролем. По признанию Шахта, Герделер какое-то время был «уверен в себе, теперь же впал в полную прострацию. Его лицо выражало внутреннее разочарование и отчаяние»⁸. Что и говорить, нацистский режим был крепким орешком, чтобы покончить с ним изнутри.

Но вернемся к событиям на Западном фронте, которые чуть было не обернулись катастрофой для англосаксов. 16 декабря 1944 г. генерал О. Брэдли, командующий 12-й американской группой армий прибыл в ставку Эйзенхауэра, с тем чтобы обсудить с ним напряженное положение с резервами. Неожиданно дежурный офицер доложил о пока еще незначительном прорыве немцами фронта на участке 9-го корпуса генерала Миддлтона и на правом фланге 5-го корпуса генерала Джероу.

Вскоре из поступающей информации стало ясно, что прорыв немцев не был местной вылазкой, а являлся частью широко задуманного плана, нацеленного в центр 12-й группы армий с далеко идущими последствиями для союзных войск в Западной Европе. В памяти генералов всплывали мрачные картины мая 1940 г., когда именно здесь, в Арденнах механизированные корпуса вермахта совершили стремительный прорыв, закончившейся позорной эвакуацией английских войск в Дюнкерке и капитуляцией Франции. Впечатление усиливало то обстоятельство, что вновь гитлеровскими войсками командовал фон Рундштедт, один из наиболее опытных и талантливых гитлеровских военачальников.

Утром следующего дня стало известно, что немцы наступали крупными силами с применением большого количества танков, бросив в бой 24 дивизии. Им удалось пробить две большие бреши в американской обороне и использовать фактор внезапности, застав американцев врасплох или,

как говорят некоторые авторы, «with their pants down» (буквально, «со спущенными штанами»). В войсках началась паника, тем более, что немцы, зная о расовом напряжении в американской армии, демонстрировали гуманность к чернокожим джи-ай, видимо, надеясь повторить свою антиколониальную тактику среди арабов на Ближнем Востоке, зато не щадили белых. В окрестностях Мальмеди имел место даже позорный расстрел американских военнопленных. Всего, по свидетельству генерала З. Вестфаля, начальника немецкого генерального штаба, в плену оказалось 30 000 американских военнослужащих, а могла оказаться «в мешке» добрая четверть всех экспедиционных сил американцев⁹.

Сказалась недооценка союзниками возможностей противника, как считалось, измотанного сражениями с русскими, и явное головокружение от успехов, достигнутых легкой ценой в первые месяцы после высадки на севере Франции. Изрядно лакируя ситуацию, генерал Эйзенхауэр позднее признавал: «Перед лицом ужасных поражений... мы считали, что они окажутся неспособными начать такое большое наступление, как это, столь быстро. Другим обстоятельством, которое ошеломило нас, была сила удара»¹⁰.

Ситуация переходила в плоскость большой политики. Ставки были слишком высоки, чтобы полагаться на чудо или «военный гений» Эйзенхауэра. Первым забил тревогу Черчилль. 22 декабря после разговора с Эйзенхауэром, который лишь усилил его опасения, он решает напрямую обратиться к Сталину с просьбой о поддержке и ускорении сроков готовящегося советского наступления. Дальше — хорошо известно. В преддверии ответственных переговоров Большой тройки в Крыму в Москве, разумеется, пошли навстречу просьбе союзников и перенесли сроки наступления, видимо, надеясь записать это в свой дипломатический актив при решении других вопросов на предстоящей конференции. «Можете не сомневаться, — писал Сталин в Лондон, поскольку самолюбивый Рузвельт переложил унижение на плечи Черчилля, предпочитая сам держаться в стороне, — что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹¹. Тон послания говорил сам за себя.

Начатое значительно раньше первоначально намеченного срока наступление советских войск, быстро парализовало действия гитлеровцев на Западном фронте и заставило их начать переброску частей, в первую очередь 6-й танковой армии СС — ударной силы прорыва в Арденнах, на восток. По свидетельству генерала Вестфаля, «12 января 1945 г. началось великое наступление Красной Армии. Громадные шаги, которые делала эта

армия, отчетливо показали, что Восточный фронт нуждается в помощи. Командование Западного фронта признавало первостепенную роль Востока с самого начала и поэтому приказало 6-й танковой армии собраться на станциях погрузки за три дня до того, как получило из ставки Гитлера указание сделать это»¹².

Так закончилась знаменитая «битва на выступе» — единственно крупное сражение в истории «второго фронта», чуть было не проигранное западными союзниками, если бы не помощь Красной армии. Потрясение было настолько сильным, что к форсированию Рейна союзники смогли приступить только в марте 1945 г. после тщательной подготовки, когда противостоять им было уже почти некому. Поэтому, как отмечали современники, операция по форсированию Рейна напоминала «прыжок в пустоту». Общие потери двух американских дивизий составили 31 человек.

Старая истина: можно выиграть войну и проиграть мир. Это было, пожалуй, главное, что на протяжении всей войны волновало союзников «поневоле» — участников антигитлеровской коалиции, будь то в Вашингтоне, Лондоне или в Москве. Каждый из них имел далеко идущие послевоенные цели, которые стремился упорно отстаивать в соответствии со своими национальными интересами, какие бы при этом публично не высказывались общегуманные соображения о грядущем мироустройстве как, например, «четыре свободы», сформулированные Рузвельтом в Атлантической Хартии. Законы геополитики в духе «реалполитик» действовали с неумолимой силой, хотя внешне, главным образом для внутренней аудитории, и прикрывались либеральным идеализмом или пацифистской фразеологией.

С первого дня войны, даже еще до официального в нее вступления в декабре 1941 г., наибольший интерес к обустройству послевоенного мира на выгодных для себя началах проявляли американцы. Их можно было понять: они не были в кольце вражеской осады, как англичане, и не подверглись вероломному нападению Германии, как русские. Вполне можно было поразмышлять, как это делал президент Рузвельт, на тему о том, «ради чего эта война ведется». Понимал это он или нет тогда, но с высоты сегодняшнего времени ясно, что это был судьбоносный момент в истории Америки, который определил ее благополучие и доминирование в мире на десятилетия вперед и заложил основы современной миросистемы. Этот момент важно было не упустить. Влиятельный американский журнал «Форин афферз» уже в наши дни отмечал, что «большая часть мира сегодня живет в рамках системы, которая, с одной стороны, основана на мощи США, с другой — узаконена их либеральными идеалами.., которую

США помогли основать после окончания Второй мировой войны»¹³.

Началом реализации подобных планов можно считать сепаратную англо-американскую встречу на высшем уровне в середине августа 1941 г. в бухте Арджентия на Ньюфаундленде, вошедшую в историю как Атлантическая конференция, к участию в которой не был приглашен Советский Союз. Американцы, пользуясь моментом, торопились правильно «расставить акценты» в отношениях с англичанами и не считали нужным протянуть руку русским до прояснения обстановки на Восточном фронте, а возможно, и чтобы «дать сигнал» японцам в ответственный момент выбора ими, как хорошо знали в Вашингтоне, дальнейшего направления агрессии.

Можно сказать, что именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона, пользуясь ослаблением «владычицы морей», стала играть роль первой скрипки, а премьер-министр Черчилль смирился с ролью, как он говорил с грустной иронией, «лейтенанта Рузвельта». Как отмечает популярный современный американский автор Ф. Закария, «вторая мировая война стала последним гвоздем, вбитым в гроб экономической мощи Британии»¹⁴.

Уже тогда, на борту крейсера «Огаста», где проходили переговоры двух титанов западного мира, между ними обнаружилось принципиальное разногласие в отношении будущего миропорядка, которые обычно возникают между восходящей и нисходящей державами. Если американцы стремились к основательной «ревизии» довоенной международной системы в свою пользу при условии, что фортуна войны будет на их стороне, то англичане выступали как твердые охранители статус-кво, что означало, прежде всего, сохранение и защиту ими своей колониальной империи и довоенной политической конфигурации в Европе.

Как пишет П. Брендон, автор недавно опубликованной работы по истории английского колониализма, «статус-кво устраивал Черчилля, но он не устраивал человека, на которого тот смотрел как на спасителя Британии — Ф.Д. Рузвельта. Президент был вильсонским либералом, борцом с колониализмом... Черчилля чуть не хватил удар, когда Рузвельт сказал по поводу Индии: «Я не понимаю, как мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время не стремиться к освобождению людей во всем мире от оков отсталой колониальной политики»¹⁵.

Время, как будто, вернулось к тому моменту, когда оно так неудачно оборвалось для американцев в конце Первой мировой войны, завершившейся Версальской мирной конференцией и не-

удачей президента В. Вильсона с участием США в Лиге Наций. Очевидец и участник тех событий президент Рузвельт (в то время скромный заместитель военно-морского министра, о случайной встрече с которым Черчилль, тогда уже глава адмиралтейства, даже и не помнил), не хотел, чтобы Соединенные Штаты во второй раз упустили свой исторический шанс потеснить конкурентов и установить свое доминирование в мире.

14 августа на конференции была принята историческая Атлантическая хартия, отредактированная лично Рузвельтом, и представляющая собой свод хорошо известных международно-правовых и общепацифистских принципов ведения войны и организации послевоенного мира. В частности, в Хартии говорилось, что Англия и США не ставят цели территориальных или иных приобретений и захватов, и не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не согласованные со свободно выраженной волей народов, что можно было рассматривать как прозрачный намек на советско-германский пакт о ненападении и его последствия для политической карты Европы. Далее, не без намека на экономические интересы авторов Хартии, провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей», что было приоритетной целью политики наращивания внешнеэкономической экспансии США, проводимой госсекретарем в администрации Рузвельта К. Хэллом.

Не секрет, что англичане крайне болезненно восприняли усилия США использовать подписанный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками и источниками сырья. Не случайно Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и, в конечном счете, добился внесения в Хартию оговорку, что ее положения будут осуществляться «с соблюдением существующих обязательств». В работе «Франклин и Уинстон» современный американский автор Джон Мичэм пишет: «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия Хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»¹⁶.

В Москве хорошо понимали, что движет авторами Атлантической хартии. При всех имеющихся между западными союзниками разногласиях, послевоенный мир виделся им англо-американским миром, а СССР, как говорилось с понятным

раздражением в одном из закрытых документов НКВД, была уготована роль «бесплатного приложения других держав»¹⁷. Это не могло не вызывать чувства негодования в Кремле, хотя, если не поддаваться эмоциям, вполне соответствовало сталинскому представлению о «соотношении сил» и критическому военному положению Советского Союза в начале войны с Германией.

В то же время демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать примером политической мудрости и удачным началом консолидации коллективных сил на отпор агрессорам. Дело выглядело таким образом, что пока одни сражались — другие думали о дележе трофеев еще задолго до победы. В беседе с английским министром иностранных дел А. Иденом в декабре 1941 г. Сталин, в свойственной ему манере, жестко расставит акценты. «Невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР», — заявил он¹⁸.

Правда, блюстители политической морали вполне могли сослаться на предвоенный опыт, когда, по словам Черчилля, Англия вела борьбу «не на жизнь, а на смерть», а СССР и Германия в это время занимались «переустройством» европейского пространства. Так или иначе, не вдаваясь в нравственные тонкости, а больше заботясь о своих перспективных интересах советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, намеченной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений Хартии. Скорее, речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация на фронте была катастрофической.

По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, США приступили к практическому планированию послевоенного мира вскоре после своего вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 г.¹⁹ Ключевой вопрос при этом заключается в том, как Соединенным Штатам, уклонившись от принятия на свои плечи основного груза войны и переложив его на другие державы, прежде всего СССР, удалось, тем не менее, добиться таких впечатляющих дипломатических результатов и долговременного влияния в мире. Ответ следует искать в выгодном геополитическом положении Америки, активной военной политике и успешном внешнеполитическом маневрировании администрации Рузвельта, обеспечивших американской элите выход на выигрышные позиции в мире.

Архитектором этой политики являлся Белый дом и лично сам Рузвельт, опытный и иску-

шенный политик мирового масштаба, который не даром у тех, кто его хорошо знал, ассоциировался с образами «льва и лисицы». На проницательного собеседника он, как правило, производил неизгладимое впечатление. Посетивший его еще перед войной министр финансов Германии Я. Шахт, сам «старый лис» в политике, отмечал: «Без сомнения, это был превосходный политический игрок, человек большого ума, обладавший при всей своей откровенности, определенной скрытностью». Рузвельт напоминал ему «нечто от современного менеджера, действующего по импульсу и интуиции»²⁰.

В политике Рузвельт всегда придерживался золотого правила «не опережать события». Поэтому американская общественность до поры, до времени кроме общих фраз из Атлантической хартии о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании, не была информирована и оставалась в неведении в отношении глобальных замыслов Вашингтона. В тайне от народов рождалась не только война, но и послевоенный мир, который должен был прийти ей на смену. Опросы общественного мнения все больше входили в моду в США, и проведенный в сентябре 1942 г. службой Гэллага такой опрос обнаружил, что 40% американцев вообще не представляли себе, «к чему была вся эта война»²¹.

Судя по многим косвенным признакам, полной ясности на том этапе, кроме самых общих представлений об интересах Америки, не было и у самого президента. Его «великий замысел», как позднее назовут планы американского переустройства мира, действительно, покоился скорее на интуиции, чем на просчете возможностей и вариантов при определении вектора интересов правящей элиты США. Слишком много еще оставалось неизвестных величин. Идея «американского века», брошенная в общественный дискурс Генри Люсом, многим казалась слишком смелой и далеко не беспорной, а главное насколько практически осуществимой?

Характерной явилась реакция на выступление 8 мая 1942 г. вице-президента Г. Уоллеса, кумира либерального крыла демократической партии, которое громко называлось «Цена победы свободного мира». Выдержанное в популистском духе, оно на «ура» было встречено в лагере левоцентристской общественности. В своем выступлении Г. Уоллес провозгласил в традициях «нового курса» Рузвельта наступление «века простого человека» и призвал осуществить идеалы «народного мира».

Зато в цитадели консерватизма — госдепартаменте к нему отнеслись весьма скептически. Принимая гостя из Великобритании, помощник госсекретаря А. Берл с сарказмом откликнулся

на просьбу того прокомментировать выступление вице-президента: «Мир, который описал Уоллес, потребует богов, чтобы управлять им. Я не знаю, как с этим обстоят дела у вас, но здесь, в Вашингтоне, ощущается явная нехватка архангелов»²².

Американские политики, родившиеся в конце XIX в., были воспитаны на возведенных к тому времени в ранг государственной доктрины США идеях «предначертания судьбы», американской «исключительности» и «богоизбранности». Идея американской «исключительности» была близка политическому складу ума президента Рузвельта, хотя в отличие от своих многочисленных послевоенных преемников из демократической партии США, вплоть до Б. Обамы, он публично избегал называть вещи своими именами. Другое дело в кругу близких и доверенных лиц.

Как-то беседуя с сыном в поздний час, когда конец войны еще не был виден, президент разоткровенничался: «Дело в том, что в действительности мы вовсе не идем к единой цели, если говорить не о показной стороне... Война — дело сугубо политическое. Если страна не находится в слишком уж отчаянном положении, она старается вести войну таким образом, чтобы в конечном счете извлечь из нее наибольшие политические выгоды, а не так, чтобы окончить ее возможно скорее».

Словно сверяя сказанное с собственными мыслями, президент в этот момент рассеянно выводил на листе бумагу большую четверку, которая, вероятно, должна была символизировать главных союзников — США, СССР, Великобританию и Китай. Вернувшись из задумчивости, он уверенно продолжал: «Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно... Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире»²³. Интересно, что, как Рузвельт, так и его многочисленные последователи видели в доминировании «богоизбранной» Америки «всеобщее благо», а не голый расчет, и не сомневались, что, в результате этого, мир станет только лучше. Удивительный пример «искреннего лицемерия», свойственный американской политике вплоть до сегодняшнего дня.

На самом деле, если отбросить красивую риторику, Америка видела в войне прежде всего путь к достижению своих экономических целей. В госдепартаменте, избегая вдаваться в детали, уклончиво говорили о создании «новой системы» или о закладывании «основ обновленного международного порядка», широко используя при этом человеколюбивую фразеологию. Понятно, что подобного рода туманные заявления американских

руководителей ни к чему особенно не обязывали и создавали странное впечатление, что все в мире, пока США выжидали за гладью двух океанов, наладиться «само собой» к выгоде Америки.

Однако идеальный сценарий, на который очень рассчитывали в Вашингтоне, не удался. Коварный удар японцев по американскому флоту на Тихом океане спутал все карты Вашингтона и вынудил Рузвельта объявить Японии войну. Но даже в «день позора», как окрестили в США 7 декабря 1941 г., Белый дом продолжал цепляться за соломинку, откладывая объявление войны главному союзнику Японии по «Тройственному пакту» — Германии, пока за американцев это не сделал сам Гитлер, за которым тенью последовал и Муссолини.

Война окончательно приобрела глобальный характер. Сценарий вступления в войну «под занавес», как это получилось в Первую мировую войну с высадкой экспедиционного корпуса генерала Першинга в Европе лишь в апреле 1917 г., на этот раз не удался. Стоит ли удивляться, что тактика «выжидания» или «лёгкой войны», как окрестили в Москве политику уклонения от преждевременного вступления США в войну («никаких разговоров о войне», инструктировал Гопкинса президент перед визитом своего посланца к Сталину в июле 1941 г.), плавно переросла в тактику «затягивания» активного участия в ней. Даже став воюющей стороной, воевать в Вашингтоне собиравшись малой кровью, желательна чужой.

Надо отдать должное президенту Рузвельту: он умел мыслить глобально, увязывая между собой ключевые вопросы большой стратегии войны и послевоенного мира. Его не отвлекали в такой степени, как его советского союзника, каждодневные дела на фронте, и он мог позволить себе больше времени уделять будущему и, что называется, «заглядывать за горизонт». А оно, это будущее, в его воображении выглядело все более заманчивым и достижимым. Война принимала явно затяжной, долговременный характер, истощая основных участников к выгоде США. Нужна была яркая идея, которая могла сплотить народы на борьбу с фашизмом и стать, после коллективной победы в войне, основанием прочного мира, разумеется, мира победителей. Такой вдохновляющей идеей стала идея Объединенных Наций, пока еще не организации, а достаточно аморфной широкой коалиции всех антифашистских, демократических сил.

1 января 1942 г. 26 государствами была подписана Декларация Объединенных наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством и с учетом внесенных им замечаний и поправок. Опыт размолвки с Москвой при под-

писании Атлантической хартии был явно учтен в Вашингтоне. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания Декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны были перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большой степени благодаря личной протекции президента Рузвельта, который связывал большие надежды на будущее для интересов США в Азии и на Тихом океане с гоминдановским Китаем, при подозрительной реакции со стороны Черчилля и сдержанном отношении Советского правительства. Зато в Декларации, опять-таки под нажимом США, вовсе не была упомянута Франция под надуманным предлогом, что генерал де Голль представлял мол «движение», а не государство.

На самом деле Вашингтон не мог простить «заносчивому» французу его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции, что вылилось в открытый конфликт в декабре 1941 г. между ними по поводу французских островов Сан-Пьер и Микелон, на которые «положили глаз» Соединенные Штаты, пользуясь возникшим безвластием во французских владениях и не ожидая получить отпор со стороны «свободных французов». Кроме того, личную неприязнь к генералу де Голлю — «руководителю всех французов», Рузвельт подкреплял своей уверенностью, что статус великой державы Францией был потерян навсегда.

Тем временем, пока Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом, руководители США и Великобритании, срывая раз за разом свои обязательства об открытии второго фронта во Франции и выдавая за него второстепенные действия своих войск на других театрах военных действий, все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем. Тон, как уже повелось, задавали американцы и лично сам президент Рузвельт. Как вспоминал генерал де Голль, «премьер-министр взял за правило не предпринимать ничего важного без согласия Рузвельта... хотя его коробило от тона превосходства, который усвоил по отношению к нему президент»²⁴.

По мере приближения конца войны, отношение к ней как к политическому «предприятию» в уме президента еще более укрепилось. В январе 1943 г., генерал Д. Эйзенхауэр, чья полководческая звезда уверенно всходила после высадки англо-американских войск в Северной Африке, вспоминал о своей беседе с Рузвельтом на конференции

в Касабланке: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоящих перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»²⁵.

После Сталинграда, лишившего Гитлера шансов на победу в войне, Рузвельт чувствует все большую необходимость обсудить послевоенные планы с главным союзником — СССР и предпринимает в этих целях сложные дипломатические маневры, чтобы организовать двустороннюю встречу со Сталиным. Но кремлевский вождь всячески уклоняется от этой встречи, давая понять, что без решения вопроса о втором фронте такая встреча не имеет смысла. Точки в большой геополитической игре расставлены точно, и Рузвельту приходится на время смириться и ограничиться обсуждением послевоенных проблем в обществе более покладистых англичан. В марте 1943 г. с этой целью в Вашингтон с трехнедельным визитом прибыл глава английской дипломатии А. Иден.

В ходе англо-американских переговоров, начавшихся с обсуждения европейских проблем, быстро выяснилось, что Рузвельт не был готов безоговорочно признать интересы СССР. Он продолжал настаивать на непризнании вступления прибалтийских республик в состав СССР без проведения нового плебисцита, ставя под сомнение результаты выборов 1940 г. Когда Иден, высколенный выпускник Итона, все-таки позволил себе прервать монолог президента словами, что, мол, «Сталин не пойдет на это», то услышал в ответ, что президент это понимает, но исходит из того, что США и Англия могли бы использовать свое возможное согласие в качестве козыря, для того чтобы «заставить Россию пойти на уступки».

Главное место в переговорах заняла судьба Германии, поражение которой в войне Рузвельту уже казалось предрешенным. Он хорошо помнил, какими социальными потрясениями для Германии и всей Европы закончилась предыдущая мировая война, и не хотел повторения подобных событий еще в более широких масштабах, тем более что с востока надвигалась «революционная» советская мощь. Надо было обладать поистине незаурядным талантом политика, чтобы избежать новой революционной бури и нейтрализовать СССР. Задача казалась почти невыполнимой. «Я сказал, — записал вмешавшийся в разговор Г. Гопкинс, — что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии»²⁶.

Президент немедленно поддержал своего ближайшего помощника и согласился с тем, что

дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Это был серьезный сигнал Черчиллю, что с его «балканской стратегией» пора было кончать, хотя до практического решения вопроса о втором фронте было еще далеко. Наступал момент, когда военные и политические вопросы сливались в единое целое.

Стороны легко согласились и с необходимостью расчленения Германии на ряд слабых и нежизнеспособных государств, что, по их мнению, в духе полицейской тактики помогло бы избежать «революционного взрыва». Как отмечал Иден, «президент определенно выступал за расчленение на этой стадии войны». В телеграмме Черчиллю министр сообщал, что он сам «в целом высказался за идею расчленения, поскольку вы неоднократно высказывались при мне в ее поддержку»²⁷. На тот момент ненависть к нацистам, грубо нарушившим правила «честной конкуренции», перечеркивала все другие соображения в умах западных политиков.

Если обсуждение европейских проблем в Вашингтоне прошло сравнительно гладко перед лицом Советского Союза, то в отношении будущих глобальных геополитических перемен на карте мира между западными союзниками такого единства не наблюдалось. Конечно, Иден был не Черчилль, который «с пол оборота» приходил в ярость при попытках покушения на британскую «собственность», министр соблюдал почтительную дистанцию и больше слушал президента, чем возражал ему, но для Англии перспективы от этого не становились легче. Англичанам ясно давали понять, кто в семье был новым хозяином.

В Белом доме от туманных фантазий переходили к конкретным проектам по переделу мира в свою пользу за счет старых колониальных империй и в этой связи большие надежды на успех связывали с выдвинутой идеей опеки над зависимыми территориями. Накануне приезда Идена в Вашингтон Рузвельт одобрил подготовленный в стенах госдепартамента меморандум о «международном контроле» над зависимыми народами и территориями и вручил его экземпляр главе Форин офис, хотя из общения с Черчиллем хорошо знал о негативном отношении англичан к американской затее.

Особое место в озвученных Рузвельтом послевоенных планах США занимал раздираемый гражданской войной и японской интервенцией Китай. Это была едва ли не любимая тема президента, которую он с несвойственным для него азартом развивал перед скептически настроенным Иденом. Находившийся уже долгое время в состоянии внутреннего коллапса Китай, явил-

ся первым крупным направлением внешней экспансии США с конца XIX в. и провозглашения доктрины «открытых дверей» (доктрина Хэя, 1899 г.). Считая, что наступил подходящий момент, США стремились занять там место других держав-конкурентов, прежде всего императорской Японии.

Если Черчилль насмешливо отзывался о китайцах как о «свиных хвостиках», насмехаясь над их традиционными косичками, и презрительно говорил о китайских военных как о «кули в униформе», то Рузвельт публично был всегда предельно вежлив и уважителен, демонстративно дистанцируясь от «старых колонизаторов». США делали ставку на гоминдановский режим и, чтобы продемонстрировать свою лояльность и чувство нового, 11 января 1943 г. заключили с ним договор об отказе от экстерриториальных прав, навязанных Китаю в предыдущем веке под давлением англичан.

В этой части Иден сообщал премьер-министру по итогам переговоров в Вашингтоне: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы столь серьезным бедствием, что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку»²⁸.

Вместе с тем, зная о традиционных страхах англичан в отношении «русской экспансии» в Азии и в связи с этим их длительным кооперированием с японцами, пока страна «восходящего солнца» не вышла «из-под контроля», Рузвельт, умеющий играть на всех досках, попытался соблазнить англичан перспективой создания нового «баланса сил» на Дальнем Востоке, взамен разрушенного войной. Китаю предназначалась в нем ключевая роль. Поэтому президент с жаром убеждал Идена, что при любом серьезном столкновении с Россией Китай будет «на нашей стороне». Англичанину эта логика была близка и понятна. Поэтому, вернувшись в Лондон, министр доложил военному кабинету, что Соединенные Штаты «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»²⁹.

Рузвельт, конечно, не предполагал, каким сокрушительным провалом, когда его уже не будет в живых, закончится для американцев ставка на гоминдановский режим, но его прозорливость в отношении великого будущего Китая последующая история полностью подтвердила. Война разрешала одни противоречия и на их место ставила новые. А сила предвидения политиков, даже самых выдающихся из них, имела свои пределы.

И все-таки, самым любимым детищем американского президента в перечне послевоенных дел стал проект создания мировой организации, с осуществлением которого он связывал грандиозные планы Америки на будущее. Организация, по его первоначальному замыслу, должна была стать центральным звеном новой системы мировой взаимозависимости, олицетворением коллективизма и чуть ли не мировым правительством под эгидой США.

Основная дилемма на том первоначальном этапе для Рузвельта заключалась в том, будет ли это узкий круг «четырех полицейских» — главных союзных держав, ответственных за судьбы мира, или это будет более широкая структура, как настаивали англичане, где каждая «маленькая птичка», по словам Черчилля, могла петь своим голосом. В Москве, до поры до времени, внимательно следили за событиями, но не определялись на этот счет.

С деятельностью этой новой международной организации связывалось решение многих политических и экономических проблем в интересах США в ослабленном войной мире и в соответствии с новым американским мессианским стилем в духе поисков согласия, компромиссов и достижения широкого международного консенсуса. Поэтому в ходе переговоров в Вашингтоне Рузвельт не поддержал английское предложение о создании ряда региональных организаций, по типу «восточноевропейских федераций» в противовес мировой организации и, в конце концов, убедил Идена принять американское предложение.

30 марта на пресс-конференции в Белом доме, Рузвельт сообщил о прошедших переговорах и заявил, что он надеется провести подобные переговоры с русскими. Наиболее амбициозная часть американской элиты, которую уже начинал волновать вопрос, не собирается ли президент «выиграть войну и проиграть мир», на время успокоилась. Американцы явно брали дело мирного урегулирования крепко в свои руки.

Можно сказать, что в основе послевоенного мега-проекта Рузвельта по переустройству мира лежал геополитический подход. Прагматик до мозга костей, он весьма скептически относился к любой идеологии, на словах делая исключение лишь для религии, хотя при этом особенно никогда не выставлял напоказ свою религиозность. В отношениях с Москвой это имело как свои плюсы, так и свои минусы. Как-никак, в основе советской внешней политики лежала марксистско-ленинская идеология, учение о неминувшей гибели капитализма и торжестве коммунизма в мировом масштабе, хотя в годы войны эта тема и была сильно приглушена.

Многое зависело от того, какой подход возобладает в Кремле — классовый, идеологический, так называемая «линия Коминтерна», как его окрестили на Западе, или деловой, прагматический, или сочетание того и другого. Во всяком случае, Рузвельт, еще до своей личной встречи с главой советского правительства несколько самоуверенно считал, что «он, как и Сталин, являются реалистами» и что это мол поможет им найти общий язык, как добросовестно передавал в Москву содержание беседы в Белом доме 11 апреля 1942 г. советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко³⁰.

Судя по многим косвенным признакам, Рузвельт, несмотря на всю свою уважительную публичную риторику в отношении Советского Союза предназначал ему в послевоенном мире место младшего, «ведомого» партнера США. Он, скорее всего, исходил из того, что Соединенные Штаты по своим разбухшим войной колоссальным экономическим и военным возможностям являлись глобальной державой «двух океанов», в то время как Советский Союз — великой региональной, континентальной или евроазиатской державой, хотя последний термин не был тогда в ходу в мировых столицах. Заметим, что этот самоуверенный менталитет американского превосходства давал о себе знать еще задолго до появления «атомной дипломатии».

Следовательно, согласно подобной логики и принимая во внимание, что из войны, вопреки некоторым прогнозам, Советский Союз выходил не ослабленным, а от мобилизованным и окрепшим, с ним нужно было договариваться, а не конфликтовать. А для этого важно было принимать во внимание его жизненные интересы и, по возможности, пойти им навстречу. Тем более что они были на порядок скромнее, чем американские и не распространялись на весь мир, а в основном касались Европы и, в меньшей степени, Дальнего Востока. Рузвельт, вероятно, полагал, что послевоенный мир был достаточно велик, чтобы СССР и США смогли в нем ужиться, не сталкиваясь между собой и обходя острые углы. Тем более что в отношении Европы, истощенной двумя мировыми или, как тогда говорили, самоубийственными «гражданскими» войнами, он считал, что наступил ее закат.

Все это подразумевало, в порядке рабочей гипотезы, и большую сферу временно совпадающих интересов США с СССР в зоне имперских интересов старых колониальных держав, серьезно ослабленных войной и отброшенных на обочину мировой политики, не говоря уже о кандидатах в побежденные — державы «оси», за счет которых американцы прежде всего намеревались осуществить новый передел мира впервые

в истории под благородными лозунгами его демократизации и освобождения от всякого угнетения и тирании.

Объективно, интересы США и СССР в известной степени и до определенного предела совпадали в отношении «старого колониализма». С момента своего создания советское государство последовательно выступало против всех форм колониального и расового угнетения и неравенства, рассматривая освободительную борьбу народов колоний как часть всемирного революционного процесса. Если в отношениях с Англией это вызывало острые трения на межгосударственном уровне, то с американцами, наоборот, до поры до времени сближало при всем различии конечных целей двух главных союзников. Не случайно, на встречах Большой тройки Сталин одобрительно воспринимал американские планы «опеки» над зависимыми народами и открыто упивался тем, как Рузвельт, со свойственным ему остроумием, высмеивал «неисправимого колонизатора» Черчилля.

Как видно из этого анализа послевоенных планов Вашингтона, президент — на словах большой противник раздела мира на «сферы влияния», — на деле был не так уж далек от планов создания некоего фантастического советско-американского condominiuma за счет интересов побежденных и ослабленных войной стран, где США надеялись играть руководящую роль при поддержке со стороны Советского Союза.

В Кремле тоже мыслили категориями дальнейшего сотрудничества, хотя вкладывали в него свой смысл. Еще в январе 1943 г. рупор ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» опубликовал примечательную статью «Ленин о сущности войны», которая не осталась незамеченной союзниками. В статье в развитие идей военного стратега Клаузевица, которого высоко ценил Сталин, говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»³¹. В Кремле, как бы, предупреждали, что не только Запад, но и Советский Союз вел войну ради конкретных политических целей и интересов, или, говоря словами князя Горчакова, стремился к «улучшенному статус-кво».

Скорее всего, на том этапе советское правительство, возможно, несколько идеализируя будущее, исходило из того, что удастся найти некую магическую формулу, «modus operandi» в отношениях с западными союзниками, невзирая на мировоззренческие различия и нередко противоположные геополитические интересы. Разумеется, никто, и с приблизительной долей определенности, не мог сказать, как далеко смогут зайти стороны в сближении друг с другом ценой отказа хотя

бы от части своих классовых или национальных интересов во имя более широких целей.

Тема послевоенного мироустройства, хотя и не была основной, затрагивалась по инициативе американцев на первой в годы войны встрече руководителей трех союзных держав Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. К ней вел долгий и извилистый путь, отмеченный не только закулисным политическим маневрированием и интригами, но и личными амбициями лидеров антигитлеровской коалиции. До последнего момента было не ясно, возьмут ли на себя союзники четкие обязательства в отношении второго фронта и не отступят ли в решающий момент, как это было уже не раз. Позиция Черчилля, пока на него не надавили американцы, была непримиримой и ставила под сомнение успех конференции. Но на карту было поставлено слишком многое, чтобы игнорировать требования русских. О каком послевоенном сотрудничестве могла идти речь, если бы не удалось согласовать военные вопросы. В итоге, мнение американцев одержало верх и, тем самым, открыло дорогу обсуждению на конференции послевоенных вопросов³².

Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в его постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война, как-никак, была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов по некоторым послевоенным проблемам.

Вырисовывалась значительная область советско-американского кооперирования. Именно после Тегерана Рузвельт стал все больше расходиться с консерватором Черчиллем, обеспокоенного, прежде всего, судьбой британской империи и восстановлением довоенного европейского «равновесия». По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, деколонизации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др.

Обозначились также реальные контуры участия США в послевоенном восстановлении СССР. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР. Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив пере-

дать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»³³.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать не дружественной Советскому Союзу. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР и т. д. Разумеется, энтузиазма с советской стороны эта часть переговоров не вызвала и лишь настроила на необходимость продолжать твердо отстаивать свои интересы по мере успехов Красной армии на фронте.

Тегеранская конференция, о которой современники говорили как о крупной «встрече умов», во многом расставила акценты в межсоюзнических отношениях, продемонстрировав гибкость и дальновидность Рузвельта, прямолинейность и консерватизм Черчилля и готовность прагматика Сталина идти на уступки и договариваться с союзниками, если это не шло вразрез с коренными советскими интересами, как их понимали тогда в Кремле.

Большая дипломатическая игра, где ставкой были судьбы народов и их право на благополучие и мирную жизнь, вступала в решающую стадию с началом освобождения Европы от фашизма. Для послевоенного сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции центральным становился вопрос о принципах реорганизации освобожденных европейских государств. Особую актуальность этой теме придают участвовавшие попытки отдельных авторов в свете распада СССР поставить на одну доску «нацизм» и «сталинизм» и изобразить действия СССР по избавлению Европы от фашизма как ее новую оккупацию. Чтобы понять насколько антиисторичен этот взгляд, достаточно указать на то беспокойство, которое воцарилось в антифашистских кругах, когда Красная армия освободила свою территорию и, теоретически говоря, могла на этом и остановиться.

В союзных столицах понимали, что ситуация в освобожденных странах Европы носила кризисный, противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические

отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий. Какое-то время казалось, что ответ может быть найден в старой как мир, и не раз осужденной как империалистической, концепции «сфер влияния». Рожденным в XIX в. политикам была близка классическая «realpolitik», хотя, отдавая дань времени, им приходилось оперировать лозунгами демократии и свободы выбора.

Не удивительно, что инициативу взял на себя циничный Черчилль, когда в октябре 1944 г. напросился на визит в Москву. Предполагая, о чем может идти речь, Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей Большой тройки. При этом, по подсказке Гопкинса, президент на всякий случай напомнил своим партнерам, что не было такого вопроса в этой войне, который бы не интересовал США как «глобальную державу». Отметим, это был первый случай, когда американцы открыто заявили о своих глобальных претензиях.

Черчилль, действительно, привез в Москву, как он откровенно выразился, довольно «скверный» документ, который ни много, ни мало являлся отчаянной попыткой британской дипломатии, выступавшей с позиций слабости, полюбовно договориться с советским правительством о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной Европы. Правда, одному богу было известно, как можно было на практике соблюсти процентные соотношения «сфер влияния», предложенные Черчиллем в отношении Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, не говоря уже о воле самих народов.

Однако хранящиеся в советских архивах записи бесед Черчилля и Идена со Сталиным и Молотовым дают основания судить, что советские руководители, в традициях европейской силовой политики, склонные мыслить конкретными категориями, как показал еще советско-германский «секретный протокол», в целом восприняли благосклонно неуклюжую арифметику британского премьера, вполне вероятно, видя в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками. В конце концов, удалось же союзникам заранее договориться о зонах оккупации в Германии и тем самым не допустить неконтролируемого развития событий на завершающем этапе войны.

Записи советско-английских бесед в Москве дают возможность почувствовать щекотливость момента и выставляют Черчилля — страстного обличителя довоенного сговора Сталина и Гитлера как инициатора новой сделки за спиной народов. В то же время, сам факт обсуждения такой сделки, какими бы резонами это не мотивирова-

лось, не красил советских руководителей. Может быть, поэтому реакция Сталина была в чем-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками³⁴.

Одни считали, что поставленная на английском документе «кремлевским горцем» синяя птичка свидетельствовала о его согласии с Черчиллем, другие столь же эмоционально это отрицали. Выскажем и мы свою точку зрения на этот запутанный исторический вопрос. Скорее всего, Сталин не верил, что можно было подменить искусственной «политической инженерией» реальный политический процесс и уступал натиску Черчилля под давлением обстоятельств, памятуя в то же время об осторожной позиции, занятой Рузвельтом. В конце концов, не будем забывать, что инициатива в постановке этого вопроса принадлежала англичанам, а отказ с советской стороны «полюбовно» договориться в контексте неудержимого наступления Красной армии мог легко создать ложное впечатление в столицах союзных держав, что победитель намеревался «получить все». А самое главное, цена согласия с советской стороны, даже если оно имело место, была не велика, так как предстояла новая встреча Большой тройки, подготовка к которой уже шла полным ходом, и которая должна была окончательно расставить все точки над «i» в этом чувствительном и непростом вопросе.

Рузвельта, как «политического менеджера», куда в большей степени волновали экономические интересы корпоративной Америки в послевоенном мире. С этой целью по инициативе Вашингтона летом 1944 г. была созвана конференция в Бреттон-Вудсе, к участию в которой был приглашен и Советский Союз. На конференции были заложены основы послевоенной международной экономической системы при верховенстве доллара в качестве мировой резервной валюты, действующей и по сей день. Ради послевоенного сотрудничества в Москве закрывали глаза на своекорыстные планы американцев, хотя и видели их скрытый смысл³⁵.

Общий настрой союзников на послевоенное сотрудничество продемонстрировала Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г., — первая в мировой истории конференция на высшем уровне, занимавшаяся глобальными проблемами мироустройства. Речь шла в первую очередь о решении ее участниками германской проблемы, включая репарационный вопрос, оказании содействия освобожденным европейским народам в организации их послевоенной жизни,

создании международной организации безопасности, координации усилий союзников в войне против Японии.

В Москве стремились сохранить на будущее сотрудничество с западными союзниками и вместе с тем добиться удовлетворения коренных интересов своей территориальной и политической безопасности, включая окончательное признание новых советских границ как в Европе, так и на Дальнем Востоке и создания пояса дружественных соседних государств, и хотя бы частичного возмещения понесенного ущерба от германской агрессии. Это была трудно выполнимая дипломатическая задача, равнозначная, как стало принято говорить в дипломатических кругах в XXI в., искусству «делать шпагат», и потребовавшая большой гибкости на конференции от советской делегации.

Надо сказать, что в то время западные союзники не считали требования Сталина чрезмерными, хотя и не прочь были использовать отдельные вопросы в качестве «рычагов» дипломатического давления на Советский Союз. Американский историк Л. Роуз отмечал, что, узнав об «азиатских требованиях Сталина», Рузвельт «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией по результатам войны 1904–1905 гг.»³⁶.

Примером такого «давления» стал репарационный вопрос. В Москве, видимо, не уловили момент, когда западные союзники от чувства мести к Германии и желания наказать ее за нарушение «кодекса поведения» перешли к более рациональной и классово-ориентированной политике. С американским «планом Моргантау» превратить Германию после войны в расчлененное и «пасторальное», как выразился Черчилль, государство, т.е. лишенное промышленности, было покончено под давлением американского бизнеса, тесно связанного до войны с немецкими промышленниками и финансистами. Стремление определенной части американской элиты наказать нацистскую Германию за «холокост» еврейского населения и ослабить конкурента уступило место соображениям практической выгоды и политической целесообразности.

Это была долговременная стратегия, которая увязывалась с ближайшими американскими планами. Дело в том, что Рузвельт, блестящий игрок в покер, настойчиво искал уязвимые места Советского Союза, чтобы сделать его более восприимчивым к послевоенным американским планам. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд. долл., поставленный советским правительством накануне

не Ялтинской конференции перед послом А. Гарриманом, видимо, ожидая повторных просьб с советской стороны. Но в роли униженного просителя Советский Союз не выступал даже в самый отчаянный период Великой Отечественной войны, когда западная помощь ему была крайне необходима.

Чтобы не создавать впечатление дипломатического фиаско на конференции, вопрос решили красиво отложить и передать на рассмотрение в специально созданную комиссию по репарациям. Рузвельт, хотя и мог, не стал выкручивать руки Черчиллю, который повел себя крайне вызывающе и непримиримо в репарационной проблеме, явно стараясь «уязвить» Сталина. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. Для Черчилля нацизм был всего лишь случайным зигзагом истории, который уходил в прошлое, а Германия оставалась и, на новом витке истории, подтверждала старую истину, что у Англии не было вечных врагов.

Уже много лет историков занимает вопрос, что стало бы с послевоенными американскими планами, если бы президент Рузвельт не ушел из жизни 12 апреля 1945 г. в самый ответственный момент Второй мировой войны, когда победителям предстояло подвести ее окончательные итоги. Сохранил бы он верность своему «великому замыслу», в котором Советскому Союзу отводилась столь важная роль, или и он не устоял бы под натиском событий и, также как его преемник, связал свое имя с наступлением «холодной войны» и распадом «великой коалиции»? В недавно увидевшей свет в США монографии ее автор Ф. Кастильола утверждает: «Если бы Рузвельт прожил немного дольше... он, вероятно, преуспел бы в осуществлении перехода к послевоенному миру под управлением Большой тройки»³⁷.

Вопрос, разумеется, риторический, так как история не знает сослагательного наклонения. Смерть президента удивительно пришлась на тот исторический момент, когда американская элита все заметнее тяготилась его политикой и считала, что Соединенные Штаты заслуживают куда большего и могут не церемониться с остальным миром. Это достаточно определенно указывает на то, что за кулисами власти в Вашингтоне, выдвигая Гарри Трумэна, сенатора от штата Миссури — человека «с кругозором командира роты», по словам одного американского автора, на второй пост в государстве на выборах 1944 г., на всякий случай страховались от неожиданностей, случись что с президентом в критический момент. Преемственность в американской столице понимали, прежде всего, как верность коренным послевоенным целям США, но не методам их достижения.

Смена курса в Вашингтоне с приходом нового человека в Белый дом, во многом по эрудиции, стилю и взгляду на мир, отличного от своего предшественника, происходила постепенно и растянулась на многие месяцы. На этом пути были свои спады и подъемы, временные отливы и приливы, потепления и похолодания, пока в американской политике полностью не возобладал дух «холодной войны».

Оценивая происходившие весной и летом 1945 г. судьбоносные для мира события, многие историки в нашей стране и за рубежом считают, что отношения между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, «споткнулись» из-за ситуации в странах Восточной Европы, обострившейся по мере формирования там новой системы власти. Де, Сталин не ограничился установлением в этих странах «дружественных» правительств, а повернул руль в сторону их насильственной «советизации» и насаждения в них коммунистических порядков, используя присутствие там советских войск. В современном западном дискурсе после распада СССР тема об «оккупации» стран Восточной Европы вытеснила тему их освобождения³⁸.

Эта тема, до поры до времени резервная, стала муссироваться с весны 1945 г. в закрытых американских документах сразу же после прихода в Белый дом нового президента. Тон задавал посол США в Москве Гарриман — один из богатейших людей Америки и обладатель крупной собственности в Восточной Европе, прежде всего в Польше, экономическим интересам которого реально угрожали наметившиеся перемены. Его, все еще по инерции, в Москве почему-то продолжали считать «человеком Рузвельта» и баловали дорогими подарками.

Открыто претензии к Москве по поводу поддержки «коммунистического меньшинства» были заявлены на Потсдамской конференции летом 1945 г., когда закипели страсти вокруг выборов в освобожденных государствах³⁹. Тем самым был подан сигнал, что с политикой Рузвельта было покончено и западные партнеры не собирались мириться с установлением в Европе советской сферы влияния. С советской стороны это расценили как попытку вчерашних союзников лишить главного победителя законных плодов победы и вернуть ситуацию в Европе к довоенному состоянию.

Между тем, что бы не писали сегодня некоторые авторы, некритически реанимируя и «обогащая» оценки начала «холодной войны», ситуация не выглядела столь однозначной. Имеется масса свидетельств, что после окончания военных действий в Европе американцы и англичане, не ограничиваясь изоляцией и разгромом левых сил в своих зонах оккупации и установлением там

угодных им порядков, начали решительно вмешиваться во внутренние процессы в странах Восточной Европы, освобожденных советскими войсками, на стороне своих ставленников⁴⁰.

В итоге ситуация обострялась и становилась далека от той «свободы выбора», о которой шла речь в Ялте, вынуждая Советский Союз форсировать события и помогая, в свою очередь, прийти к власти лояльным Москве политическим деятелям, причем на начальном этапе, далеко не всегда из числа прошедших «школу Коминтерна». Как известно, в политике «действие — противодействие» — абсолютный закон.

Дело было не только в освобожденной Европе. Коренной ревизии была подвергнута вся концепция «великого замысла» покойного президента, как слишком умеренная и примирительная и не отвечающая новому духу времени и возможностям США. Хотя на Дальнем Востоке война еще не закончилась и американские военные оправданно боялись, что США ждут там затяжные и кровавые бои, в ходе которых помощь СССР была необходима, по большому счету было уже ясно, что Советский Союз, ценой жизни миллионов своих солдат, разгромил главного врага и свою миссию выполнил. Именно об этом, с чувством глубокой горечи и обиды, говорил в Кремле Сталин в беседе с Гопкинсом в конце мая 1945 г., все еще цепляясь за призраки прошлого и не в силах до конца поверить, что начинался новый отсчет времени.

По-разному можно интерпретировать конец войны и наступление долгожданного мира. Для одних это была «весна победы», для других закат «великой коалиции», для третьих начало «американского века». Становилось ясно, что ставка Рузвельта на изменение мировых противоречий в результате победы над фашизмом оказалась слишком смелой, преждевременной и оторванной от жизни. Мир на десятилетия вперед возвращался к довоенному межсистемному противостоянию с поправкой на вызванный войной новый «расклад сил» между основными игроками, что позднее академично назовут биполярной системой.

Америка чувствовала себя уверенной в своих силах и способной самостоятельно осуществить свое глобальное лидерство. В ее внешней политике, наряду с геополитическими «драйверами», возрождались идеологические и классовые мотивы. Иначе расставлялись стратегические акценты и приоритеты. По сравнению с «временем Рузвельта» в Вашингтоне заметно возрос интерес к будущему Европы по мере осознания важности ее послевоенной консолидации на антикоммунистической основе перед лицом Советского Союза. США не собирались отказываться от доминирования в Старом Свете во имя туманных глобальных интересов.

Под влиянием наступившего после войны «революционного хаоса» усиливалась тревога за судьбы капиталистической системы в целом, что логически вело к смягчению американской политики в отношении старых колониальных держав, в первую очередь родственной Великобритании, а в не столь уж отдаленной перспективе и к побежденным вчерашним врагам. Слова, сказанные в узком кругу Сталиным о том, что после смерти Рузвельта Черчилль быстро столкнется с Трумэнном, приобретали зловещий смысл. «Дружить» ангlosаксы собирались против вчерашнего союзника.

До поры, до времени размах новых американских амбиций сдерживала советская военная мощь, стоявшая в центре Европы, и важность ее привлечения к предстоящей схватке с японцами. Именно поэтому в период между концом войны в Европе и завершением Второй мировой войны в целом так «лихорадило» политику Вашингтона, словно в ней шла невидимая борьба между желаемым и действительным. Безуспешные попытки нового президента надавить на СССР и «поставить его на место» сменялись примирительными жестами и шагами ему навстречу, как продемонстрировала Потсдамская конференция. Стратегическая ситуация кардинально изменилась, когда на американской стороне появился принципиально новый фактор силовой политики — ядерное оружие. Это был бесспорный большой успех Соединенных Штатов в начинающейся конфронтации с СССР. Правда, как оказалось, успех временный.

Сталин оказался перед трудным выбором, к которому, при всем обилии имеющейся информации, он был не готов, и к которому приходилось приспосабливаться «на ходу». Ситуация в чем-то напоминала его стратегический просчет с началом войны. Политика Рузвельта, на которую делали ставку в Кремле и с которой уже свыклись как с «константой», лежала в руинах. Возникла новая внешнеполитическая реальность, угрожавшая советским планам послевоенного восстановления и интересам его безопасности. При таком стратегическом повороте, было уже не до американских кредитов, которые, даже случись они, все равно были бы «каплей в море». Обозначилась мрачная перспектива нового противостояния с Западом, необходимость наращивания военных расходов, создания «атомного щита» и вновь «затягивания поясов» для измученного войной населения после всех тягот войны.

Послевоенное сотрудничество с Вашингтоном, правда, можно было «купить» ценой принципиальных уступок, затрагивающих итоги войны и, скорее всего, сам характер советского строя. Причем, легко было ожидать, что требования Вашингтона будут по экспоненте нарастать по мере уступчивости партнера. Такой «выбор», близкий к капитуляции после выигранной войны, теоретически существовал. Но могло ли его принимать всерьез государство-победитель? Поэтому оставалось лишь вновь собираться с силами и после кровопролитной войны обрекать народ на новые жертвы и испытания. Так начиналась «холодная война». Трагический круг истории замкнулся.

- ¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1983, с. 107.
- ² Der Spiegel. 12/12/2013/. (<http://www.inosmi.ru/world/20131212/215617578-print.html>)
- ³ Борисов А. Ю. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. с. 144.
- ⁴ Marek Pruszewicz. The 1920s (так?) British Air Bombing Campaign in Irak. BBC news. (www.bbc.com/news/magazine-29441383?print=true). См. также: Ирвинг Д. Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944–1945. М., 2005.
- ⁵ Борисов А. Уроки второго фронта, или могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки? М., 1989.
- ⁶ Tolland J. The Last 100 Days. New York, 1966, p. 40–41.
- ⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1, с. 294.
- ⁸ Шахт Я. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011, с. 304, 306.
- ⁹ Вестфаль З. Германская армия на западном фронте. Воспоминания начальника генерального штаба. 1939–1945. М., 2007, с. 238.
- ¹⁰ Eisenhower D. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 240.
- ¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976, т. 1, с. 348–349.
- ¹² Вестфаль З. Германская армия на западном фронте, с. 237.
- ¹³ Farrell H., Finnemore M. The End of Hypocrisy. — Foreign Affairs, November — December 2013, p. 96.
- ¹⁴ Закария Ф. Постамериканский мир. М., 2009, с. 194.
- ¹⁵ Brendon Piers. The Decline and Fall of the British Empire. 1781 — 1997. London, 2007, p. 392.
- ¹⁶ Meacham Jon. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York, 2003, p. 120.
- ¹⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1, с. 104.
- ¹⁸ Там же, с. 189.

- ¹⁹ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 207.
- ²⁰ Шахт Я. Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923 — 1948. М., 2011, с. 304, 306.
- ²¹ The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace. 1942 — 1946. Ed. by J. Blum. Boston, 1973, p. 104, 128–129.
- ²² Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932 — 1945. New York, 1979, p. 359.
- ²³ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 137–138.
- ²⁴ Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942. М., 2003, с. 225 — 229.
- ²⁵ Eisenhower D. Crusade in Europe, p. 136.
- ²⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958, с. 385.
- ²⁷ Carlton D. Anthony Eden. A Biography. London, 1981, p. 191–192.
- ²⁸ Eden to Churchill, 29 Mar. 1943 Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, The Eden Memoirs: The Reckoning, London, 1965, p. 373.
- ²⁹ Carlton D. Anthony Eden, p. 195–197.
- ³⁰ Международная жизнь, 1970, № 5, с. 37; см. также: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. В 2-х т. М., 1984, т. 1, 1941–1943, с. 159–159.
- ³¹ Большевик, 1943, № 1, с. 47.
- ³² Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969, p. 148; Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966, p. 140–141.
- ³³ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978, с. 133, 173, 190.
- ³⁴ Churchill W. The Second World War, v. 6. London, 1948, p. 196–197; Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran, p. 193–194; Resis A. "The Churchill — Stalin Secret "Percentages" Agreement in the Balkans, Moscow, October 1944. American Historical Review, LXXXI 111, 1978, p. 368–387.
- ³⁵ Из последних работ см. Benn Steil. The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keines, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton University Press, 2013.
- ³⁶ Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York, 1973, p. 25.
- ³⁷ Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton University Press, 2013, p. 318.
- ³⁸ Applebaum A. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. Doubleday, 2012; Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. Basic Books, 2012; Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.
- ³⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сборник документов. М., 1980, с. 172.
- ⁴⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin. The Potsdam Conference 1945, v. I — II. Washington, 1960, v. I, p. 317–321, 357–420, 714–790, 826–840.

Война в исторической памяти народов

(9 мая глазами немцев и русских: победа, освобождение или поражение?)

Н. В. Павлов*

Я не принадлежу к военному поколению. Мне не довелось получать по продовольственным карточкам пайку хлеба, заклеивать окна крест на крест, рыть окопы, устанавливать противотанковые ежи, ждать вестей с фронта, воевать, наконец. Я ничего этого не могу физически помнить. Но во мне, как и в любом моем соотечественнике, на генном уровне живет память войны, память того, что военное нашествие на Отечество дважды начиналось с немецкой земли.

Это не я, а мой дед, Гаврила Иванович, воевал с винтовкой Мосина на германском фронте в Первую мировую войну, гнил в Пинских болотах. Это не я, а его сын и мой дядя, Александр Гаврилович, который построил в Москве Краснохолмский мост, будучи военным инженером, в 29 лет пал смертью храбрых в 1941 году и похоронен в братской могиле под Ельней. Его имя навечно вписано в Книгу памяти. Это не я, а моя мама, Клавдия Гавриловна, учась в институте, заклеивала окна, рыла окопы под Москвой, гасила на крышах домов зажигательные бомбы. Это не я, а она в 1946 году стала военной переводчицей штаба ВВС Красной армии в Берлине-Карлсхорсте, а потом всю свою жизнь несла школьникам и студентам знания прекрасного немецкого языка, языка всемирно известных гуманистов, поэтов, писателей и философов. Обе войны оставили на Руси свои рубцы практически в каждой семье. И поэтому в каждом из нас живет память войны, которая является одновременно и памятью побед, и памятью потерь.

Не являются в этом смысле исключением и наши бывшие враги, а ныне, по прошествии семи десятилетий, добрые и надежные партнеры, которых жизнь заставила в корне пересмотреть

взгляды на свою историю, историю своей страны, на отношения между странами и народами и на обломках своей судьбы выстроить новую систему мировоззренческих координат. Будучи как-то в Гамбурге в престижном районе Бланкенезе, я получил в подарок от известного гамбургского историка, публициста и художника Фолькера Хайдорна его книгу, посвященную началу войны Германии против Советского Союза¹. Автор книги изучал описываемые им события не в пыли библиотек, не в беседах с участниками вторжения, а на полях битвы в кровавых схватках с самым непримиримым, как тогда объясняли своему народу теоретики крестового похода на Восток, «врагом третьего рейха». Он не состоял в НСДАП, а был простым солдатом разведвзвода 292 пехотной дивизии вермахта, которая участвовала в нападении на СССР. И что любопытно, дарственная надпись гласила: «Коля, я люблю твою Родину, ее просторы, песни и людей. Твой друг Фолькер». И я уверен, что любовь эта абсолютно искренняя, выстраданная, без примеси политической корректности и показного дружелюбия.

Пример этот не единичный. Другой мой хороший знакомый, Петер Прин, также одурманенный нацистской пропагандой, добровольцем записался в вермахт и с 1941 по 1945 год воевал против нас на восточном фронте командиром танковой роты. Он прошел многие сражения, в том числе Курскую битву, и затем до дна испил горечь поражения, как он потом осознал, в несправедливой войне. Уже в Западной Германии он продолжил семейный бизнес и занялся самым мирным и созидательным трудом — строительством домов. Так вот и он испытывает самые теплые чувства и глубокое уважение к русскому народу, а меня стал называть в шутку своим «приемным сыном».

* Павлов Николай Валентинович — д. и. н., профессор кафедры ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.

Для двоих других моих зарубежных друзей, наоборот, еще до войны Советский Союз стал второй родиной, которая предоставила им и их родителям убежище в годы нацистских гонений и террора. Они добровольцами пошли в Красную армию и воевали против гитлеровского режима, будучи убежденными антифашистами. Один, Иоганн Штайнер, член Коммунистической партии Австрии, занялся после войны профессиональной партийной работой, другой, Штефан Дёрнберг, участвовал в государственном строительстве Германской Демократической Республики, стал ученым и дипломатом, возглавлял Институт международных отношений в Потсдаме/Бабельсберге. Для них целью войны было освобождение Германии и Европы от коричневой чумы.

Герои и антигерои Германии. Их неслучайно объединяют теплые чувства к нашей стране и народу. В благожелательном отношении немцев к русским и, несмотря на все войны и страдания, пришедшие с германской земли, аналогичном отношении русских к немцам нет ничего удивительного. И вот почему.

Ни с одной страной Европы и тем более мира у России нет такой богатой совместной истории, как с Германией. Многие столетия российско-германские отношения в самом широком понимании были одним из важнейших элементов европейской безопасности. От их состояния многое зависело в Европе и в эпоху «концерта европейских держав», и в биполярном мировом устройстве после Второй мировой войны. Марио Дедерихс, автор известной в ФРГ книги «Общая история: немцы и русские», писал: «На протяжении более чем тысячи лет русские и немцы узнавали друг друга, любили и ненавидели, дружили и воевали друг с другом. Образ ли врага или пример для подражания — история этих отношений оставила у обоих народов глубокие следы. А то, что между ними происходило на широких просторах от Эльбы до Волги, никогда не оставляло мир равнодушным»².

Память войны — это память победителей и побежденных. Память войны — это память потерь. Никто и никогда не простит эсэсовских палачей. Но никто и никогда не вправе ненавидеть целый народ. Еще Сталин говорил, что было бы смешно ставить на одну доску гитлеровскую клику и немецкий народ. Однако простить не значит забыть.

Память войны глубоко сохранилась в генах наших народов, потому что каждая семья и стой, и с другой стороны понесла потери. Эта память жива в стихах, прозе, в фильмах и спектаклях, в песнях, в памятниках, биографиях и исторических датах. Но что более важно, память войны — в делах потомков, которые и в Германии

и в России ведут сейчас крайне важную работу по розыску погибших, по уходу за воинскими захоронениями, по компенсации ущерба пострадавшим в войне.

Память мира — это память приобретений. Память мира — это память сотрудничества и партнерства. Благодаря ей мы знаем, что в 1231 году, когда в Новгороде свирепствовал голод, немцы спешили на помощь новгородцам на кораблях, груженных хлебом. Мы помним и то, что русские и немцы вместе проливали кровь в «битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года и помогли освободить Европу от нашествия Наполеона. Мы не забудем и то, что национальное объединение Германии в XIX веке произошло во многом благодаря тесным дружественным отношениям между Россией и Пруссией.

Русские и немцы нужны друг другу. Так, еще в начале 1920-х гг. нарком внешней торговли РСФСР Леонид Красин активно выступал за налаживание и интенсификацию российско-германского взаимодействия. «Россия и Германия, — писал он, — так сказать, созданы друг для друга. С одной стороны — гигантская страна с неисчерпаемым природным богатством и полезными ископаемыми, с многомиллионным трудовым населением; с другой стороны — индустриальная страна с новейшей техникой и с переизбыточным населением, для поддержания которого непрерывным условием является развитие экспорта и транспорта. Ни одна из западноевропейских стран не имеет такого опыта в сотрудничестве с Россией или такого глубокого и точного знания всех условий в нашей стране, как Германия. Сотни тысяч немцев жили до войны в России, многие из них были совершенными мастерами русского языка и имеют самые разветвленные личные контакты в России вдоль и поперек.

Наконец, вся наша цивилизация, прежде всего наше техническое развитие, промышленность и торговля, десятилетиями базировалась на работе в партнерстве с Германией, и для русского промышленника, торговца и даже рабочего легче найти общий язык с немцем, чем с каким-то другим иностранцем»³.

О роли Советского Союза в победе над фашизмом

Война, развязанная гитлеровской Германией против Советского Союза, стала самой низшей точкой в более чем тысячелетней истории российско-германских отношений. И что любопытно, сам ее идеолог и инициатор еще в 1924 году в своем труде «Майн кампф», этой библии нацизма, указывал на возможные катастрофические последствия для Германии агрессии против СССР: «Уже в самом факте заключения с Россией союза

заложено указание на будущую войну». И далее: «Ее исход был бы концом Германии».

22 июня 1941 г. в 4 часа утра германские войска силами 153 дивизий (3 млн человек, 600 тыс. автомобилей, 500 тыс. лошадей, 3350 танков и броневозов, 7200 артиллерийских орудий) и 37 дивизий сателлитов Германии атаковали СССР практически по всей западной границе. Нападение Германии на СССР поставило Сталина именно в то положение, которого он хотел избежать путем заключения пакта с Гитлером. И главными причинами этому стали догматическое мировоззрение советского вождя, слишком рациональная оценка действий Гитлера на международной арене, пренебрежение основными принципами политики в области безопасности и требованиями обороны страны в угоду интересам территориального расширения державы и сферы ее идеологического влияния. Поэтому германское нападение произошло неожиданно для Красной армии и вовлекло СССР в высшей степени кровопролитную борьбу за существование при крайне неблагоприятных исходных условиях.

Война против СССР была запланирована Гитлером как часть борьбы за мировое господство, как важный этап на пути подчинения западных держав и их колониального мира «германскому мировому порядку». Считается, что, принимая решение напасть на СССР, Гитлер хотел реализовать главные положения своей идеологической программы. Почти во всей историографии Второй мировой войны доминирует точка зрения о преображении искусного и бесовестного стратега и авантюриста Гитлера в зашоренного идеолога. Тем самым он также преобразил характер ведения войны немцами — из «нормальной войны» в «расово-идеологическую войну на уничтожение», экспериментальным полем которой к тому времени уже стала оккупационная политика, проводившаяся в Польше.

Тезис о неизмеримой вине немецкого руководства и следовавшего за ним немецкого общества в войне против Советского Союза не подлежит сомнению. Источники говорят об этом убедительно и недвусмысленно. Попытки же оспаривать неопровержимые факты можно трактовать исключительно как «темный политический умысел»⁴. Современные немецкие историки дают сходные по смыслу определения развязанной Гитлером войне: «расистская война на уничтожение» (Мари-Луизе Реккер)⁵, самая «чудовищная захватническая война на уничтожение и порабощение» в истории (Эрнст Нольте)⁶ и т.п.

Для Гитлера же ни одно решение не имело таких весомых последствий для хода войны в целом и судьбы национал-социалистической Германии,

как его решение напасть на Советский Союз с целью полного уничтожения государства и народов, его населявших. Ни в одной другой военной кампании имперская и расово-идеологическая мегаломания национал-социализма не проявилась столь явно. Нигде и никогда армия столь откровенно не использовалась для проведения в высшей степени преступной политики. Фактически еще до начала войны Гитлер ее проиграл. Объективными факторами, определившими поражение Германии, явились сам характер войны (для Советского Союза она была освободительной) и геостратегическое положение СССР (наличие протяженной территории и суровый климат, людские и материальные ресурсы). Даже западные эксперты вынуждены признавать: Германия проиграла войну против остального мира в основном на территории Советского Союза. Здесь дольше, чем где бы то еще, были задействованы почти три четверти всех немецких сухопутных войск и большая часть авиации. Потери вермахта на Востоке до мая 1944 года в три — четыре раза превышали потери на других фронтах вместе взятых⁷. И после открытия союзниками по антигитлеровской коалиции второго фронта основные силы нацистской Германии продолжали оставаться на Востоке. Красная армия внесла больший, нежели любая другая армия мира, вклад в разгром третьего рейха и, следовательно, в освобождение оккупированных им территорий. И хотя американские и британские поставки военной техники Советскому Союзу продолжали расти, их значение не стоит преувеличивать, если учесть, что они составили всего 4% от всего военного производства в СССР.

Этого не отрицают и сами немцы. Политика Советского Союза, пишет профессор университета в Тюбингене Герхард Шульц, «на каждом этапе Второй мировой войны влияла на ее ход»⁸. Даже эмигрировавший в 1940 году в США известный немецкий историк и эссеист, сын Томаса Манна Голо Манн, которого трудно заподозрить в любви к Советскому Союзу, признавал в годы «холодной войны», что СССР «внес огромный вклад в победу» над нацистской Германией⁹.

Гитлер предполагал закончить войну до начала зимы. Эту оценку разделяли многие западные аналитики. Даже самые информированные американские военные предсказывали победу нацистской Германии в течение месяца, в крайнем случае — трех. Но уже в первые недели восточной кампании стало ясно: расчет на то, что в лице СССР Германия встретится с «колоссом на глиняных ногах» не оправдался. Не оправдался потому, что помимо, как уже говорилось, геостратегического фактора традиционный для русского народа патриотизм и готовность к самопожертвованию заслонили собой и размыли в его сознании

последствия той деспотичной и репрессивной политики, которую проводил тоталитарный коммунистический режим.

Гитлер недооценил прочность государственно-принудительно-плановой советской системы хозяйства, созданной в 30-е годы. Эта система оказалась достаточно устойчивой в экстремальных условиях войны и выдержала испытание на прочность. Русский солдат, с одной стороны, слепо держался за свое политическое кредо, с другой — искренне стремился освободиться от чужеземного ига. «Агрессивная идеология и диктаторский единовластный режим третьего рейха показали свое превосходство в борьбе с классическими демократиями на Западе. Но столкнувшись с подобным, а может быть, и лучше организованным режимом на Востоке, нацизм не выдержал испытания огнем»¹⁰. Конечно, Советский Союз при Сталине нельзя было назвать образцовым социалистическим государством. Помимо деформаций социалистической идеи и практики имели место ничем не оправданные массовые репрессии против собственного народа. И тем не менее, подчеркивает Ш. Дёрнберг, «без Красной Армии, без Советского Союза, без его миллионов и миллионов граждан, которые в своем большинстве думали и действовали по-социалистически, фашизм не был бы остановлен и уничтожен. Капиталистическая Россия не смогла бы этого сделать. Это доказала Первая мировая война. Сегодня это вновь становится очевидным»¹¹.

Стремительные успехи вермахта в первые недели и месяцы, сопровождавшиеся огромными территориальными приобретениями, привели германское руководство к ложному выводу, будто окончательное падение советского режима — это дело нескольких дней, в крайнем случае, недель. Затем можно было браться за Великобританию. В действительности же немцы, не подготовленные к русской зиме, вначале застряли под Москвой, а потом были разгромлены свежими резервами Красной армии. Вину за это Гитлер возложил на генералитет и взял командование на себя. Полководческий гений фюрера оказался блефом, когда 6-я германская армия во главе с генерал-полковником Паулюсом была окружена под Сталинградом и капитулировала 2 февраля 1943 г., а затем в июле вермахт потерпел сокрушительное поражение в танковом сражении на Курской дуге. В итоге исход Великой Отечественной и Второй мировой войны был предрешен. С высадкой западных союзников 6 июня 1944 г. в Нормандии и открытием таким образом долгожданного второго фронта до окончательной победы оставалось 11 месяцев. Немецкий исследователь Вольфганг Бенц подчеркивает, что державам оси — Германии, Японии и Италии — теперь противостоя-

ла антигитлеровская коалиция, которая могла опереться на экономические и военные ресурсы США, волю к победе Советского Союза, твердость и готовность к жертвам Великобритании, а также движение сопротивления на оккупированных Германией территориях¹².

Юбилейные даты — это не только повод для праздников и торжеств, не только повод помянуть погибших и ушедших. Это и время, когда стоит, опираясь на прожитое и пережитое, задуматься о будущем. Ибо лишь тот, кто знает прошлое, может созидать будущее. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее.

Первая мировая война была проиграна Россией, во-первых, потому что, заключив сепаратный мир с Германией, она автоматически попала в число побежденных. Во-вторых, потому что потеряла таким образом главных союзников по борьбе против агрессора. Мобилизацию прошли 15 млн человек, призваны в армию были 13,3 млн. Безвозвратные потери (убитые на поле боя и умершие от ранений) составили примерно 2 млн 300 тыс. человек. Свыше 2 млн 700 тыс. человек стали калеками. Но Первая мировая война, еще не закончившись, вылилась в результате революции в кровопролитную Гражданскую войну внутри страны, в которой под ружьем с двух сторон оказались 20 млн человек. Потери в Гражданской войне со стороны красной и белой армий по самым скромным подсчетам составили около 5 млн человек, а так называемые «санитарные потери» (раненные, контуженные, обмороженные, больные) — до 15–18 млн человек. И Первая мировая и Гражданская война обернулись кроме того утратой значительных территорий бывшей Российской империи, которые частично были компенсированы затем в ходе строительства государства сталинского образца.

Вторая мировая война была выиграна Советским Союзом. И не только потому, что речь шла об освобождении от гитлеровского порабощения, но и потому, что у СССР в этой смертельной схватке были союзники, взявшие на себя часть военных тягот. Под ружьем с советской стороны находились до 45 млн человек. Людские потери в общей сложности составили около 27 млн человек, в том числе 14 млн гражданских лиц, которые были убиты на оккупированных территориях или умерли на принудительных работах. В 1941 году немцами было пленено 3,4 млн красноармейцев и командиров. К январю 1942 года 2 млн из них пали жертвами расстрелов, эпидемий, голода и холода. Всего из 5,7 млн советских военнопленных, оказавшихся в немецкой неволе, погибло до конца войны 3,3 млн человек, то есть 57,9 %¹³. На советско-германском фронте Красная армия потеряла 11,4 млн человек. Помимо этого милли-

оны тяжело раненых умерли или стали инвалидами. Смертность превысила рождаемость. В целом за годы войны население Советского Союза сократилось на 38 млн человек. Материальные же потери вообще не поддаются исчислению.

Территориальные приобретения СССР имели не прямой, а «буферный» характер. Они охватили страны так называемой «народной демократии», впоследствии — лагерь «реального социализма», что опять-таки должно было служить гарантией безопасности от возможной агрессии, о чем свидетельствовал опыт двух мировых войн.

Потери вермахта на всех фронтах составили 8,8 млн человек. Многие миллионы, в том числе сдавшиеся в 1945 году в результате тотального поражения в войне, попали на долгие годы в плен и отбывали заключение в различных лагерях. Согласно официальным данным, в советском плену находились 2,4 млн немецких военнослужащих, последние из которых вернулись на родину только после установления в 1955 году дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

Когда задают вопрос о важнейших событиях 20-го столетия, одни называют Октябрьскую Революцию 1917 года, другие — крах системы социализма в 1989/91 гг. При этом оба ответа имеют идеологическую мотивировку. Консенсуса можно было достичь, пожалуй, только в вопросе совместной победы единого фронта народов и государств над фашизмом. Она действительно стала важнейшим событием 20-го века, уже хотя бы потому, что предотвратила «конец цивилизации»¹⁴. Я думаю, что под этой оценкой, кто бы ее ни придерживался и какой бы политической окраски он ни был, подписался бы любой здравомыслящий человек.

Вторая мировая война не только решающим образом изменила лик всего мира, но и образ мышления людей. Никогда за всю свою историю человечество не несло таких тяжелых людских, материальных потерь и не испытывало таких нравственных и физических страданий, как в эту войну, справедливо названную у нас Великой Отечественной. Именно эта война поделила мир на черное и белое и на долгие годы определила мышление людей в категориях «друг — враг».

Из Второй мировой войны, предельно мобилизовав все свои людские и материальные ресурсы, подлинными победителями вышли только две страны — Советский Союз и США. Соответственно, центр тяжести мировой политики переместился в Москву и Вашингтон, на долгие годы определив двухполюсное состояние мира. Отныне две ядерные «сверхдержавы» диктовали миру свои правила игры, выстроив жесткую систему глобального блокового противостояния и двухцветного черно-белого мышления.

К поистине всемирно-историческим последствиям Второй мировой войны относится образование Организации Объединенных Наций и распад колониальных империй. Вторая мировая война была войной за освобождение народов и таким образом она послужила прологом и к освобождению народов от колониализма. Этот процесс затронул вначале Италию и Японию в 1945 году, а затем захватил и все другие колониальные державы: Бельгию, Францию, Великобританию, Нидерланды, Португалию, Испанию и Соединенные Штаты.

Но Вторая мировая, как и Первая, еще не закончившись, переросла в третью мировую — «холодную войну», которая в условиях глобального биполярного противостояния проявлялась в десятках локальных и региональных конфликтов, антиколониальных и гражданских войн, которые также потребовали огромных жертв. Число их до сих пор не подсчитано. Закончилась она распадом «социалистического лагеря» и развалом самого СССР. Мир, долгие годы базировавшийся на стратегическом паритете СССР — США, Восток — Запад, прекратил свое существование. Соответственно, перестали действовать и законы биполярного мироустройства. Оно стало качественно иным.

8 мая в политической культуре немцев

Из Второй мировой войны Советский Союз вышел великой державой, той мировой державой, которая внесла решающий вклад в победу над Германией. Он пользовался международным признанием, принадлежал к числу основателей Организации Объединенных Наций и стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Он вышел из мировой войны преисполненный гордости, но в то же время с тяжелейшими потерями. Ни одной другой стране победа не обошлась так дорого, как Советскому Союзу.

И, тем не менее, 9 мая 1945 г. в день Победы над гитлеровской Германией И. В. Сталин в обращении к советскому народу заявил, что Советский Союз, торжествуя победу, «не собирается ни расчленять, ни уничтожить Германию». Весь мир запомнил его слова о том, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Но история распорядилась по-своему.

Образовавшиеся после Второй мировой войны германские государства были порождением глобального биполярного противостояния. Германская Демократическая Республика конституировалась и развивалась по советскому образцу, взяв на вооружение не только экономические законы, диктовавшиеся Москвой, но и идеологические установки «мировой опоры социализ-

ма», решительно отмежевавшись от нацистского прошлого Германии. Федеративная Республика Германия, вошедшая в сферу влияния трех западных держав-победительниц, действовала по англо-саксонским лекалам и в силу этого обстоятельства не могла конструктивно участвовать в развитии германо-советского диалога в условиях жесткого противоборства между Востоком и Западом.

Вплоть до конца 60-х годов в массовом сознании граждан ФРГ и СССР пестовался «образ врага». Лишь подписание в 1970 году Московского договора стало отправной точкой налаживания всестороннего сотрудничества. «Особый» с исторической точки зрения характер российско-германских отношений позволил ФРГ стремительно выдвинуться на передовые позиции в политическом и экономическом диалоге Запада с Советским Союзом. ГДР же оставалась форпостом социализма и главным стратегическим союзником Москвы в Европе. Пиком советско-германского сотрудничества в XX столетии стало второе объединение Германии, которое позволило 9 ноября 1990 г. заключить двум великим европейским державам Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве.

Разновекторное развитие двух германских государств, появившихся на карте в 1949 году, не могло не отразиться и на возникновении двух политических культур, двух культур исторической памяти, которые с одной стороны противостояли друг другу в качестве антиподов, с другой — были своего рода близнецами в том, что касалось выбора памятных дат, проведения праздников, а также толкования «белых» и «темных» пятен совместного прошлого. В этой связи замечу, что как на востоке, так и на западе Германии до сих пор редко можно услышать о «победе» Советского Союза над гитлеровским фашизмом. Данная констатация остается уделом историков. И в восточных, и в западных немецких землях фатальный для нацистской Германии исход Второй мировой войны, трактованный первоначально как «тотальное поражение», «разгром», «капитуляция», как «национальная катастрофа», достаточно быстро трансформировался в Восточной Германии в «освобождение» от фашизма, от национал-социалистического господства. Уже 8 мая 1949 г. по решению Социалистической единой партии Германии на территории Восточного Берлина в Трептов-парке был открыт памятник советскому воину-освободителю в память о погибших в ходе боев за Берлин советских солдатах. Позже Народная палата ГДР утвердила этот день в качестве нерабочего дня (до 1967 года) и государственного праздника, который сопровождался обязательным военным парадом, торжественны-

ми мероприятиями во всех округах, районах и на предприятиях.

В качестве «Дня освобождения от гитлеровского фашизма» (как сказал в 1981 году главный идеолог ГДР, член политбюро ЦК СЕПГ Курт Хагер, «священного дня») 8 мая оставалось неизменным вплоть до падения ГДР. Культивируя у населения историческую память с позиций антифашистов-победителей во Второй мировой войне, героизируя участников сопротивления в Германии, верхушка восточногерманского государства, оставляла за скобками вопрос ответственности и вины немцев, прежде всего проживавших в Германской Демократической Республике, за мировую катастрофу и не позволяла выносить его на общественное обсуждение. Все грехи приписывались политической наследнице третьего рейха — ФРГ. В начале 80-х годов наряду с коммунистами-антифашистами, погибшими во времена третьего рейха, стали чествовать и других участников сопротивления — жертв нацистского режима. Появились и осторожные здравницы в адрес западных союзников, также внесших неоспоримый вклад в победу над гитлеровским фашизмом. В 1985 году в ГДР были отменены военные парады по случаю «освобождения», на смену которым пришли народные гуляния. Руководство ГДР начало постепенно дистанцироваться от, как считали в Берлине, опасной для СЕПГ политики «перестройки», провозглашенной М. С. Горбачевым.

В Федеративной Республике Германии, в начальной фазе ее существования, 8 мая было неформальной памятной датой окончания войны и капитуляции. Политическое руководство страны считало, что этот день — не повод для праздника, поскольку, по словам первого президента ФРГ Т. Хойса, Германия была «одновременно и уничтожена, и освобождена»¹⁵. Поэтому любое отклонение от официальной позиции или попытки по-иному трактовать эту историческую дату, придать ей эпохальное значение со всеми вытекающими из этого историческими выводами и последствиями, по крайней мере, до середины 60-х гг., строго пресекались со стороны руководства ФРГ. К этому добавлялось то, что в условиях конфликта между Востоком и Западом, германской двугосударственности и в контексте западногерманских претензий на единоличное представительство всех немцев на международной арене любое смягчение позиции рассматривалось как уступка Восточному Берлину и, соответственно, предавалось анафеме¹⁶. Термин «освобождение» использовался исключительно бывшими узниками концентрационных лагерей и немногочисленными представителями левого крыла политического спектра Федеративной Республики.

В 1965 году по случаю 20-летия Победы канцлер Людвиг Эрхард и президент Хайнрих Любке впервые почтили память жертв нацизма возложением в Бонне венка. Однако при этом из уст канцлера вновь прозвучал заезженный тезис о том, что, дескать, у немцев действительно нет повода для празднования этой даты, поскольку «8 мая 1945 г. Германия была полностью разбита и унижена». Он отверг мысль о необходимости отмечать 8 мая как «день освобождения», мотивируя это тем, что с уничтожением гитлеровской Германии так и не удалось искоренить в мире «несправедливость и тиранию». Только с приходом к власти социал-либеральной коалиции в день 25-й годовщины канцлер Вилли Брандт неожиданно для многих выступил в бундестаге с приуроченным к ней правительственным заявлением. 8 мая 1975 г. во Франкфурте-на-Майне прошла многотысячная демонстрация под лозунгом «30 лет освобождения от гитлеровского фашизма — 30 лет борьбы за мирную Европу». В заявлении канцлера Гельмута Шмидта перед кабинетом министров впервые прозвучало слово «освобождение», а президент ФРГ Вальтер Шеель в выступлении в Боннском университете затронул такую тему, как сознательное уничтожение нацистами евреев, цыган, душевнобольных, политических заключенных, а также проблему вины немцев за совершенные преступления, подчеркнув, что «немецкая трагедия началась не в 1945, а в 1933 году».

Реальный поворот в восприятии политической элитой ФРГ значения и последствий Второй мировой войны начался десятью годами позже с произнесением президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзеккером речи в бундестаге по случаю 40-летия 8 мая. Напомню, что именно в 1985 году в стране развернулись дебаты в связи с провокационным посещением 5 мая канцлером Гельмутом Колем и президентом США Рональдом Рейганом военного кладбища в Битбурге, где похоронены, в частности, эсесовцы, принимавшие участие в уничтожении в Арденнах десятков тысяч американцев, в массовой казни пленных американских солдат в Мальмеди (Бельгия). Поклонение могилам нацистов, задуманное как знак американо-западногерманского примирения, вызвало не только бурю негодования у мировой общественности, но и осуждение этого шага со стороны руководителей крупнейших промышленно развитых стран. В отличие от поступка канцлера слова Вайцзеккера о том, что «8 мая стало днем освобождения», были восприняты как аксиома и повсеместно поддержаны населением Боннской республики. В течение двух лет текст его выступления был распространен по всей стране тиражом в 2 млн экземпляров. И хотя речь президента в после-

дующие годы продолжала обсуждаться, прежде в правом политическом лагере, она открывала возможность отличной от сложившейся на пике «холодной войны» официальной трактовки этого исторического события.

Падение Берлинской стены в 1989 году позволило Германии и немцам с точки зрения исторической и политической ретроспективы вернуться к истокам общенационального и отныне не разделенного законами «холодной войны» критического осмысления прошлого. Это, безусловно, повлияло и на восприятие и трактовку памятных дат. Во всяком случае, состоявшиеся после германского объединения в 1995 и 2005 гг. масштабные международные мероприятия по случаю 8 мая придали дню «освобождения от национал-социалистического террора» интернациональное полифоническое звучание. В целом, подчеркивают современные немецкие исследователи, в связи с увеличением временной дистанции к эпохе третьего рейха, уходом с политической сцены влиятельных лиц, переживших то время и обладавших правом вето, со сменой поколений и значительными изменениями на национальном и международном уровне можно говорить о начале процесса «очищения и нормализации исторической памяти». Объединенная немецкая нация предстает перед нами как прошедший через искупление народ, который не только вынес исторические уроки из 20-го столетия, но и глубоко прочувствовал их. Поэтому, сегодняшняя Федеративная Республика, канонизированная в послевоенной немецкой истории как «удавшаяся демократия», вправе претендовать в 21 веке на «демократическую нормальность»¹⁷.

«Нормальность» заключается в том, что воссоединенная германская нация и ее руководители пришли, наконец, к консенсусу, который разделяет все международное сообщество: коллективная победа стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне была освобождением мира от фашизма. Это находит отражение в памятных мероприятиях, посвященных освобождению Освенцима и других концлагерей, покаянии немцев за Холокост, в выступлениях федерального президента и федерального канцлера, приуроченных к годовщине подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции.

В то же время есть круги, которые хотели бы сфальсифицировать историю, изобразить СССР не освободителем Европы, а ее послевоенным поработителем, что активно поддерживается в Польше и отдельных государствах на постсоветском пространстве. Но память войны и страданий нашего народа, память великих побед и великих жертв исказить нельзя.

**От «Больше никогда!»
к «Помнить всегда!»**

Национал-социализм с его доведенной до гигантизма технократической псевдоромантикой, с его бесчеловечным расовым учением и его хорошо смазанной тоталитарной государственной машиной вновь, как и после Первой мировой войны, распространил по всему миру негативный портрет немца и сформировал его как стереотип. И сегодня, когда немцы по праву ощущают себя совершенно другими, когда они, наконец, всерьез воспринимают достижения демократии, они, тем не менее, вынуждены считаться с тем, что их имидж за рубежом все еще определяется негативным опытом исторического развития с 1914 по 1945 год. Об этом свидетельствуют результаты общественного мнения, проведенного в Германии Институтом прикладных социальных исследований в г. Мангейме.

Какую роль, по вашему мнению, играет сегодня национал-социалистическое прошлое в оценке немцев со стороны заграницы?	Всего %	Запад %	Восток %
Большую роль	59	59	59
Не такую большую роль	34	35	33
Вообще никакой роли	3	3	3
Не знаю	4	4	5

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-Trend-Buch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 678.

Конец германской государственности в 1945 году не стал концом немецкого народа и германской истории. Германия была повержена и могла возродиться как политический и общественный организм, лишь проявив готовность порвать с определенными политическими традициями, которые привели ее к катастрофе. В контексте денацификации произошло явное разрушение реакционных и милитаристских традиций. Вопрос исторической вины немцев был в 1945 году определеннее, чем это было в 1918 году, а отмежевание немецкой демократической элиты от ставших известными преступлений национал-социализма — много легче в силу их неоспоримости. После Второй мировой войны чувство вины за содеянное гитлеровским рейхом было настолько велико, что возрождение политической, национальной и религиозной вражды и ненависти в Германии, а также правый экстремизм лишились питательной среды.

Действительно, немцам после Второй мировой войны удалось в значительной мере порвать со своими национал-социалистическими, милитаристскими и антидемократическими традиция-

ми. Это привело к тому, что они не имеют больше определяющего влияния на политическое сознание немцев Федеративной Республики. Германия вновь примкнула к политической культуре Запада и стала частью западной цивилизации.

Крах национал-социализма был воспринят немцами как «германская катастрофа», как глубочайший кризис в вопросе национальной идентичности, которая после долгих лет «воспитания» немцев в двух противостоявших друг другу системах мировоззренческих координат не могла быть в один присест заменена на общеевропейскую. Этим, собственно, объясняются различные оценки восточными и западными немцами своей политической культуры и истории, которой сегодня в той или иной степени интересуются 82% населения ФРГ, а 89% граждан считают, что проводить ответственную политику можно, лишь зная историю собственной страны, за изучение которой выступают 53% западных и 54% восточных немцев (за изучение истории других стран и народов выступают соответственно 33% жителей западных земель и 34% восточных).

В какой степени вы интересуетесь историей?	Всего %	Запад %	Восток %
Очень интересуюсь	13	13	14
Интересуюсь	29	29	29
Немного интересуюсь	39	40	38
Не интересуюсь	13	13	12
Совсем не интересуюсь	5	5	7

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-Trend-Buch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 676.

Но самое главное состоит, пожалуй, в том, что 63% опрошенных согласны с утверждением, что «немцы вынесли уроки из своей истории».

Согласны ли вы с утверждением, что немцы вынесли уроки из своей истории?	Всего %	Запад %	Восток %
Полностью согласен	19	21	15
В целом согласен	44	46	36
Скорее, не согласен	27	24	36
Не знаю	3	3	3

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-Trend-Buch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 681.

В первые годы после войны и на востоке и на западе страны доминировал лозунг «это никогда не должно повториться!». И это понятно. Еще

живы были в памяти немцев кровавые преступления гитлеровского фашизма. Естественно, по мере укрепления демократических начал и интеграции обоих германских государств в цивилизованное мировое сообщество стало очевидно, что возврата к бесчеловечному милитаристскому прошлому Германии возврата нет и не будет. А этому, как считают значительное число немцев, в значительной степени содействует воспитание исторической памяти, прежде всего памяти о Второй мировой войне, свергнувшей мир и Германию в катастрофу. Поэтому неудивительно, что генеральной линией воспитания граждан ФРГ, в первую очередь представителей молодого поколения, стал после объединения Германии лозунг «помнить всегда!».

Какие события в истории Германии последних 100 лет не должны предаваться забвению? (можно указывать несколько пунктов)	Всего %	Запад %	Восток %
Вторая мировая война	42	40	49
Преступления нацистов	40	42	30
Германское объединение 1990 года	16	14	22
Первая мировая война	12	10	16
Падение Берлинской стены в 1989 году	11	11	14
Захват власти Гитлером	9	10	9
Сопrotивление в третьем рейхе	5	5	6
Образование Федеративной Республики Германии	5	5	2
Строительство Берлинской стены в 1961 году	5	3	10
Не знаю	13	13	14

Источник: Korte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-Trend-Buch. Fakten und Orientierungen. — Bonn, 2001. — S. 678.

За всю долгую историю «холодной войны» (а ее начало датируется разными исследователями по-разному и достаточно широко — от 1942 года, когда начали проявляться советско-американские противоречия, до фултонской речи У. Черчилля в 1946 году) СССР и ФРГ, советский и немецкий народы проделали огромный путь от реального врага до «образа врага», от вооруженного противоборства через преодоление идеологической конфронтации к деловому сотрудничеству по самому широкому спектру проблем. Буквально за год до германского объ-

единения социологические исследования, проведенные в ФРГ, показали, что число жителей ФРГ, ощущавших угрозу от Советского Союза, сократилось с 66% в 1952 году до чуть более 20% в 1989 году. Более впечатляющие цифры содержались в опросах граждан СССР.

И до, и после германского объединения многих западных немцев поражал дружелюбный прием, оказываемый им повсюду в Советском Союзе. Незабываема и та гуманитарная помощь, и то чисто человеческое участие, которые проявили немцы к советским ветеранам в распадавшемся СССР. А это еще раз доказывает, что между народами нет и не может быть победителей и побежденных. Эти категории могут относиться к государствам, к режимам и, наконец, к правителям, которые и ввергают свои ни в чем не повинные народы в пучину кровавых войн. А следствием этого остается вражда и недоверие, посеянные когда-то имперскими идеями и давшие обильные всходы на благодатной почве тьмы и невежества.

Самое трудное, пожалуй, — это преодолеть инерцию мышления, особенно если человек привык думать в черно-белых красках по принципу «друг — враг». Но делать это просто необходимо хотя бы для того, чтобы увидеть, насколько богата красками палитра человеческого бытия. А помочь в преодолении стереотипов прошлого, в утверждении мысли о неизбежности сотрудничества с другими народами в целях своего же национального и государственного возрождения может только историческая правда и наша память о войне и мире. Она одна способна самым удивительным образом опрокинуть наши представления о настоящем и заставить задуматься о том, какое и с кем нам строить будущее.

Мы по-прежнему, как в старые добрые времена возлагаем на Германию большие надежды в плане получения помощи, не важно какой, но главное побольше и поскорее. При этом забываем, что и мы сами — то есть Россия, и немцы — то есть объединенная Германия, уже другие.

Можно сказать, что третья мировая война («холодная») закончилась с объединением Германии и распадом Советского Союза. Изменение системы международных координат прямо противоположным образом повлиял на геополитическое положение России и Германии, на их роль и место в европейском регионе. Самое любопытное, что разновеликий мировой статус России и Германии подтверждают и опросы общественного мнения, проведенные как в Российской Федерации, так и в Федеративной Республике через пару лет после глубинных трансформационных процессов, потрясших обе страны.

И граждане России, и граждане ФРГ примерно одинаково оценили соотношение сил двух

государств на мировой арене, отдавая пальму первенства объединенной Германии. В России в пользу Германии высказалось 41% (в пользу России — 26%). В Германии Россию предпочли 31% (Германию — 43%)¹⁸. Сопоставление образа Германии с образом ряда других стран в массовом сознании россиян показало, что по всем показателям опросов общественного мнения Германия либо лидирует, либо находится в числе лидеров. Положительные чувства к ней высказали 69% опрошенных (негативные — 11%); ее опыт послевоенного хозяйственного строительства и проведения реформ российское население оценило выше всех иных стран (40% высказались за его изучение); рейтинг Германии как возможного места проживания также весьма высок (второе место после США)¹⁹.

Мы преодолели «образ врага», мы сотрудничали в условиях конфронтации. Но в новом мире мы пока еще не нашли друг друга. Нестабильность на постсоветском пространстве, как и поиски своего нового «Я» обеими странами в изменившемся мире, по-новому поставили вопрос о взаимной адаптации, иными словами о взаимопонимании и доверии. Тревожит то, что на смену прежним страхам, опасениям и подозрениям приходят новые. Последние опросы свидетельствуют о том, что между русскими и немцами возрождается недоверие. Согласно исследованиям Алленсбахского института общественного мнения, после событий на Украине весной 2014 года у 55% немцев Россия начала ассоциироваться с угрозой миру и только 10% продолжали видеть в ней надежного партнера. Все меньше граждан ФРГ считают целесообразным тесно сотрудничать с Москвой. Если 10 лет назад еще 55% выступали за интенсивную кооперацию, то сейчас их число снизилось до 32%²⁰.

Главных причин этому, на мой взгляд, две: во-первых, в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств идет переформатирование послевоенной системы международных отношений, во-вторых, мы замкнулись на решении проблем каждый в своем геополитическом ареале и стали меньше общаться друг с другом. Причем первое не может быть отделено от второго. Кроме того, у общественности не хватает средств, а у государственных деятелей — политической воли для выстраивания системы постоянных контактов между древнейшими народами европейской цивилизации. Вот и возникают у меня вопросы, как нам, немцам и русским, оценивать итоги прошедших после войны семидесяти лет? Состоялось ли все-таки историческое примирение? Какие цели ставим мы перед своими государствами и народами? И, наконец, как нам ковать совместное будущее, за которое не было бы стыдно ни перед нашими детьми, ни перед всем миром?

Я не участвовал в Параде Победы, не чеканил шаг по-батальонно по брусчатке Красной площади и не бросал к подножию Кремлевской стены фашистские знамена и штандарты. Но во мне жива коллективная память этого исторического события, память «праздника со слезами на глазах». И меня переполняет гордость за то, что победа Советского Союза и членов антигитлеровской коалиции над нацистской Германией стала освобождением и избавлением мира от фашизма, который грозил уничтожить человеческую цивилизацию. И сегодня, в день 70-летнего юбилея этой славной даты, повторяя слова Г. К. Жукова, еще раз хочу сказать, что «никому не дозволено преуменьшать значение ратного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне!».

¹ Heydorn Volker Detlef. Der sowjetische Aufmarsch im Bialystoker Balkon bis zum 22. Juni 1941 und der Kessel von Wolkowysk. — München, 1989.

² Dederichs Mario R. Gemeinsame Geschichte: Deutsche und Russen // Der neue Flirt/ Klaus Liedtke (Hrsg.). — Hamburg, 1989. — S. 200 — 201.

³ Цит. по: Dederichs Mario R. Op. cit. — S. 223.

⁴ Хартманн К. Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза // Трагедия Европы: От кризиса 1939 года до нападения на СССР / под ред. А. Чубарьяна и Х. Мёллера по поручению Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. — München, 2013. — С. 185.

⁵ Recker M.-L. Die Aussenpolitik des Dritten Reiches. — München, 1990.

⁶ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

⁷ Вегнер Б. Основные черты стратегии Германии в войне с Советским Союзом// Россия и Германия в годы войны и мира (1941–19951). — М., 1995. — С. 97.

⁸ Schulz Gerhard. Deutschland seit dem Ersten Weltkrieg 1918–1945. — Göttingen, 1982. — S. 225.

⁹ Mann Golo. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. — Frankfurt am Main, 1958. — S. 906.

¹⁰ Ларионов В. Политика и стратегия в войне// Россия и Германия в годы войны и мира (1941–19951). — М., 1995. — С. 129.

¹¹ Doernberg Stefan. Fronteinsatz. Erinnerungen eines Rotarmisten, Historikers und Botschafters. — Berlin, 2004. — S. 104.

¹² Benz Wolfgang. Geschichte des Dritten Reiches. — München, 2000. — S. 184.

■ Том XV. Великая Победа и современный мир

- ¹³ Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. — М., 2009. — С. 8.
- ¹⁴ Doernberg Stefan. Op. cit. — S. 103.
- ¹⁵ Цит. по: Baumgärtner Ulrich. Reden nach Hitler. Theodor Heuss — Die Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus. — Stuttgart, 2001. — S. 99.
- ¹⁶ Schmid Harald. Deutungsmacht und kalendarisches Gedächtnis — die politischen Gedenktage // Peter Reichel / Harald Schmid / Peter Steinbach (Hrsg.). Der Nationalsozialismus — Die zweite Geschichte. Überwindung — Deutung — Erinnerung. — Bonn Bundeszentrale für politische Bildung, 2009. — S. 184.
- ¹⁷ Ibid., S. 216.
- ¹⁸ Что думают россияне о Германии и немцах? Аналитический доклад Российского независимого института социальных и национальных проблем по заказу московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта. — М., ноябрь 1996. — С. 20–21.
- ¹⁹ Там же, с. 11, 17.
- ²⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2014, 16. Apr.

СССР и его роль в победе над фашизмом в политической культуре ФРГ

А. А. Синдеев*

В политической культуре Федеративной Республики Германии сложились особые модели интерпретации прошлого. Они были призваны утвердить самостоятельность страны, обосновать притязания на представительство всей немецкой нации, противопоставить себя ГДР и социалистическому пути развития. Данные модели, обусловленные политическими интересами и сознательно утверждаемые политиками, подчас далеки от объективности: они не фиксировали прошлое так, как оно было на самом деле.

Процесс сознательной фальсификации истории длительное время воспринимался в качестве феномена, свойственного исключительно арсеналу тоталитарного господства. Однако его научное изучение в демократиях давно назрело. Попытаемся рассмотреть то, как складывались модели интерпретации прошлого в ФРГ и оценить ту роль, которую они до сих пор играют, в том числе и относительно СССР.

Политическая культура ФРГ: основные черты

На Потсдамской конференции Сталин в ходе длительной дискуссии с Трумэном и Черчиллем заявил: «У Германии нет никаких войск... она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна...»¹. В административно-территориальном плане данное утверждение, возможно, соответствовало действительности, но не в идейном. К 1945 г. немцы подошли не «запоздавшей», а несформировавшейся нацией, о чем свидетельствовали различного рода социальные эксперименты нацистского руководства. Для западных союзников в этой связи важное значение должна была приобрести кон-

солидация немецкой нации, средствами которой становились идеология, традиция, в первую очередь христианская, возрождение партий, гражданской позиции, то есть всего того, что массово не могло наблюдаться после окончания войны. Имелось несколько направлений консолидации. Наиболее быстрое из них — обострение отношений с СССР. Западные союзники могли рассчитывать на антисоветизм, укоренившийся в сознании немцев в период нацистского господства. Не случайно «правительство Дёнитца», анализируя ситуацию, планировало длительное сотрудничество с США и Великобританией. По мнению Йодля, следовало убедить западных союзников в том, что «роль Германии как народа в центре Европы еще не закончилась»². В противном случае можно было бы обвинить западных союзников в том, что они допустили проникновение в Европу «азиатского коммунизма»³. В «правительстве Дёнитца» было разработано несколько документов, касающихся будущего Германии. Ситуация после Второй мировой войны с ее разрушениями, значилось в одном из них, способствовала тому, что буржуазный образ жизни стал невозможным. Создана значительная масса пролетариев. Следовало учитывать то, что идеи Запада в Германии вряд ли имеют притягательную силу. Франция с участием коммунистов в правительстве также, по мнению авторов рассматриваемого документа, должна была восприниматься в качестве угрозы для будущего Запада. Поэтому был поставлен вопрос, а выгодно ли Западу и западным союзникам разрушать Германию. Очевидно, что в данном контексте давался ответ «нет», так как Америка, делая вывод, вряд ли длительное время останется на Европейском континенте. Нерешенные социальные проблемы приведут к новой борьбе. Победа над Германией,

* Синдеев Алексей Александрович — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

таким образом, не создала стабильности в политических отношениях. Ситуация напоминала, утверждалось в документе, положение «после оккупации Польши СССР и третьим рейхом». Кроме того, не следовало забывать, что немецкий народ является в большей степени объектом, так как из него нельзя в одночасье удалить и разрушить все, что его прежде объединяло, определяло идентичность. Если же это попытаться осуществить, то народ будет подвергнут большим опасностям. Интерес Запада в этой связи должен заключаться в том, чтобы сделать немецкий народ своим союзником, а это означало признать его ценность и традицию.

В документе речь шла и еще об одной опасности, которую, по мнению его авторов, не следовало сбрасывать со счетов: советская и западные системы не смогут долго сотрудничать, поэтому немецкий народ может быть разделен на две части. Основной вывод этих размышлений: «Мир [мирное состояние] в теперешней ситуации еще не так просто увидеть. Мы не в конце, а в середине большой войны»⁴.

С 1949 г. ситуация внешне изменилась — появились государственные образования (ФРГ и ГДР). Принято исходить из того, что Федеративная Республика Германия — демократическая страна. Спорить с этим утверждением вряд ли имеет смысл; однако немецкая демократия имеет свои особенности, в которых попытаемся разбираться. Она оформлялась первоначально как *управляемая демократия*, что в условиях объективности и раздробленности не могло быть по-иному. Отцы-основатели ФРГ полагали, что неподготовленный избиратель не должен получить право на референдум, на прямую демократию. Его активность могла осуществляться исключительно в виде поддержки политических партий на выборах, при желании через партийное членство и участие в различных общественных организациях. Политика тем самым становилась полем деятельности ответственных людей, политических элит.

5 апреля 1951 г. в контексте обсуждения региональных выборов Аденауэр заметил: «При неустойчивом душевном состоянии немца непременно необходимо, чтобы он видел власть». У него, заметил он в беседе с представителями западных оккупационных властей, хорошие нервы, но не у его народа»⁵.

Реальная власть в СДПГ и в ХДС зависела от партийных лидеров, К. Шумахера и К. Аденауэра соответственно. Аденауэр, первый канцлер, считал необходимым проводить интеграцию небольших буржуазных партий, дискредитировать СДПГ, вплоть до его знаменитого, что он уедет из страны, если на выборах победят социал-демократы. Ему было важно внушить соотечественникам

трепет и уважение перед строящимся порядком, к которому, в первую очередь, относились западная ориентация ФРГ, рыночная экономика и отрицание социализма. Постепенно в массовом сознании и в сознании политиков модель социальной рыночной экономики превратилась в своеобразный миф, а ее критическое обсуждение стало политическим табу.

Свободные выборы Аденауэру скорее мешали, потому что приходилось периодически бороться за голоса избирателей. Он принимал их как неизбежность и стихию, которой следовало управлять, добиваясь необходимого результата. Это на первый взгляд спорное утверждение легко можно доказать, если обратиться к первым предвыборным кампаниям, которые велись по всем законам работы с общественным мнением и напоминали боевые действия.

К новой избирательной кампании советники Аденауэра начинали готовиться сразу же после окончания предыдущей. В первую очередь, это выражалось в том, чтобы постоянно поддерживать образ врага — каким, естественным образом, стал Советский Союз. У избирателя должно было сложиться и остаться неизменным представление, что он живет в осажденной крепости. Заблуждением было бы считать, что так называемый железный занавес оформлялся только с советской стороны. В доступной форме окружающий мир рисовался немцу в дихотомии «добро и зло», западногерманские коммунисты назывались не иначе как «ударная группа русского империализма». К злу поэтому относились и все политические силы внутри страны, которые не поддерживали христианские ценности и «интернационализм», нацеленный на сотрудничество с западным лагерем. Естественным образом СДПГ, стремящаяся как можно быстрее добиться объединения Германии, превращалась в партию националистическую⁶.

Аденауэр, разделяющие его взгляды депутаты и партийные деятели в публичных выступлениях стремились утвердить эти идейные установки. Не менее эффективным средством поддержания образа врага была подробная информация об успехах западного пути и о неудачах и опасностях, исходящих от советского лагеря. Практически с этой целью был создан правительственный бюллетень. Следует напомнить, что немцы в период национал-социализма отвыкли от диалога с властью, открытого обмена информацией. *Бюллетень* предлагал *аргументированную* официальную *позицию*. Для работы над ним привлекались профессиональные журналисты, при его чтении и анализе не возникает впечатления пропагандистского листка. Многие историки и сейчас используют эту информацию как надежный источник. Аденауэр и его советники в Бюллетене сделали ставку

на информирование и интерпретацию; последняя преследовала цель понятно доказать правоту правительства и аргументировано опровергнуть воззрения оппонентов. Спор фактически велся одной стороной, но взгляды оппонента излагались полностью. Бюллетень был адресован наиболее политически активным гражданам, которые не ограничивались чтением газет. Кстати, он был важен и для депутатов правительственных партий всех уровней, потому что они знали, как можно объяснять населению на местах.

Что касается газет, то не менее значимым было ограничение информации со стороны официального Бонна, особенно по текущей политике. Советники Аденауэра проводили ежемесячные встречи журналистов с канцлером, так называемые *беседы за чаем*⁷, на которых Аденауэр доверенному кругу журналистов а) давал информацию о текущих событиях, делился личными впечатлениями и размышлениями; б) просил настоятельно ту или иную полученную информацию прокомментировать под особым углом зрения. Канцлер мог попросить временно отказаться от использования информации. Сознательно формировался *круг привилегированных журналистов*. В рыночной экономике те газеты, которые могут дать интересную информацию из первых рук, получают большую прибыль. Естественным образом шла конкурентная борьба за место на встрече с канцлером. Конечно, не попавшие в список приглашенных, иронично отзывались об этом элитарном клубе, и, сами того не подозревая, делали ему рекламу.

Кроме того, Ведомство канцлера отслеживало наиболее *важные газетные публикации* как в ФРГ, так и в Западной Европе. Интересно, что практически любая критика, если она не устраивала федеральное правительство, получала аргументированный ответ, как правило, на страницах официального бюллетеня и поддерживавших правительство газет. Аденауэр не стеснялся на встречах с западными лидерами высказывать недовольство по поводу той или иной статьи зарубежной прессы. Если же вдруг виновными оказывались журналисты привилегированного круга, то их не приглашали на последующие беседы за чаем. Тем самым внимание любой, даже оппозиционной прессе было обеспечено. Журналисты понимали, что к ним относились серьезно. Одновременно, на основе материалов газет и журналов, правительство оттачивало официальную позицию.

Отказавшись от пропагандистской модели работы с населением и перейдя на смешанную (просветительско-пропагандистскую) модель, Ведомство канцлера массово нанимало *журналистов для написания информационных брошюр*. Известен и занимательный факт: первая биография Аденауэра была написана под диктовку самого канцле-

ра. В западногерманской демократии сознательно создавался культ Аденауэра как отца отечества, знающего как нужно успешно управлять Германией. *Патернализм* во власти в первое десятилетие в ФРГ, как не странно, способствовал утверждению демократии. Исторически его можно попытаться объяснить и религиозным архетипом: ведь, в любой религии присутствует авторитет, а общество ФРГ после Второй мировой войны было в своем большинстве консервативным. Речь, к примеру, идет и о четком разделении между католиками и протестантами⁸, и о значительном числе верующих, и о множестве замкнутых локальных обществ и групп. Аденауэр и его сторонники стремились развивать демократию во множестве локальных сообществ. Сделать это без патернализма было нельзя. Просветительские кампании иногда носили забавный характер. После визита Аденауэра в Москву в 1955 г. канцлер принял решение объяснить населению, что представляет собой диамат. Были наняты лекторы из университетской среды, которые знакомили с основами диамата различную аудиторию, даже католических монашек. *Пропаганда* в чистом виде выходила на первый план в период избирательных кампаний.

Обращаем внимание, что еще задолго до выхода различных учебников и учебных пособий по основам пиара, западная политическая элита в той или иной мере владела способами воздействия на население в условиях демократии. Применительно к ФРГ следует отметить следующее: успех этой страны во многом стал возможным благодаря сохранению прежнего элитарного слоя, прошедшего серьезную политическую школу. Поэтому переход от национал-социализма к управляемой демократии не занял много времени.

Цель управляемой демократии в Западной Германии состояла в том, чтобы утвердить ценности и построить эффективное политическое пространство. В основе западногерманской демократии длительное время лежали *авторитет лидера, политическое мировоззрение и патернализм* по отношению к обществу. Нехватка авторитета могли компенсироваться мировоззренческой привлекательностью. Практически каждый период послевоенной истории ФРГ реализовал определенный *идейный комплекс*:

- при Аденауэре — это идея возрождения Германии в Западной Европе;
- при Эрхарде — прогресс капитализма после периода восстановления;
- при Кизингере — социальная справедливость и капиталистическое развитие;
- при Брандте — социальная справедливость и примирение с Востоком;
- при Шмидте — социальная справедливость и экономический прогресс;

- при Коле — консервативные ценности, объединение и идея Германии как моста между западом и востоком Европы;
- при Шрёдере — новое осмысление социальной политики и геополитической роли страны;
- при Меркель — спасение западной модели развития и утверждение при этом роли и влияния Германии.

Управляемая демократия может существовать успешно только определенное время, затем обязательно возникнет выбор между плюралистичным вариантом демократического развития или диктатурой. Причина выбора заключена в том, что благодаря управляемой демократии создается эмансипированное политическое пространство: граждане стремятся больше влиять на власть, поддерживать диалог с избранными ими депутатами, задумываются о социальной справедливости. В Западной Германии эмансипация 50–60-х гг. XX в. привела как к более известному — движению новых левых, так и к менее известному — конфликту внутри правящих партий: выходу министра внутренних дел Г. Хайнеманна из правительства, появлению общественно-политического движения «*Ohnemich*», требующего проведения референдума о создании немецкой армии.

Благодаря событиям 60-х гг. прошлого века *патернализм потерял былое значение* в немецкой демократии. Его «рецидивы» остались только в партийных структурах⁹. *Партии ФРГ отказывались от разработки мировоззренческой составляющей* и все более становились идеологическими, то есть представляющими не системы взглядов, а отдельные проблемы, которые в течение небольшого временного отрезка могли заметно меняться. Появившиеся «зеленые» не были исключением. Парадокс состоял в том, что подобные черты не развивали имевшееся политическое пространство, а сужали возможности действия в нем, в том числе и через усиление взаимной конкуренции. Ведь тех же дискуссий о состоянии демократического развития между партиями не велось. А Меркель, еще не являясь канцлером, сожалела: «Если я и разочарована чем-то после объединения Германии, так это тем, что в демократии отсутствует хорошая культура ведения дебатов, интеллектуальный спор сразу же смешивается с личным...»¹⁰. Однако и она, не удовлетворенная этим недостатком немецкой демократии, не предприняла ничего, чтобы его исправить. В ситуации, когда политическое пространство не развивается, а уровень образования населения повышается, естественным образом, возрастает критика существующих структур и институтов. Ограниченность средств и методов проведения реформ приводит к недовольству населения политиками. Коррупционные

скандалы лишь добавляют масла в огонь. О кризисе свидетельствует и то, что раньше одно Ведомство канцлера профессионально справлялось с пропагандой во время избирательной кампании, теперь число советников и агентств, предлагающих политикам свои услуги, заметно возросло.

Речь, по всей видимости, идет о системном кризисе демократии в Германии: не ясны пути развития; отсутствует значительная легитимация со стороны граждан, о чем свидетельствует низкое участие в выборах всех уровней. Усложняются процедуры воздействия на граждан; низка ответственность политиков¹¹; доминируют сиюминутные интересы; политики не ведут за собой население, а оказываются ведомыми.

Одним из вариантов развития демократии могла бы стать прямая демократия. Парадоксально то, что СДПГ и либералы имели крайне амбивалентную позицию относительно прямой демократии¹². И все же с постепенным истощением политического пространства, созданного при Аденауэре, повышением в нем конфликтного потенциала, прямая демократия рассматривается в качестве средства выхода из кризиса. Кстати, Аденауэр в 1960 г., хотя и в виде исключения, не отрицал возможности проведения общественной дискуссии по европейской интеграции¹³.

Несмотря на эмансипацию 1960-х гг., созданное в начальный период истории ФРГ политическое пространство продолжает свое существование. Отказ от мировоззренческой составляющей приводит к тому, что количество так называемых тем-табу в нем лишь увеличивается. Известная книга Т. Саррацина «Германия самоликвидируется» служит тому подтверждением. Т. Саррацин упрекал политическую элиту в неспособности действовать. Его книга — это вызов элите. «В управление политическим, экономическим и общественным развитием, — писал Саррацин, — следует включить то, что хотят достигнуть, а также реалистическую оценку существующих взаимосвязей (*Wirkungszusammenhänge*). Каждый, кто размышляет об обществе или хочет участвовать в его оформлении, действует... на основании нормативной связи. Если же он при этом не обращает внимания на природу человека или оценивает ее неправильно, он живет и действует в рамках искаженного изображения»¹⁴. За прошедшее со времени выхода книги время элита ничего не сделала, чтобы принять «вызов Саррацина», хотя те же социал-демократы должны быть заинтересованы в проведении широких дебатов о состоянии партии: идеи Саррацина поддержало большинство членов и сторонников СДПГ. Саррацина даже побоялись исключить из партии. Политическая элита Федеративной Республики, отказываясь от мировоззренческой составляющей

в политике и в формировании общества, представляет возможность действовать радикальным силам, политикам, которые способны расшатать политическую систему страны.

Табуирование стало неотъемлемой частью мышления элиты ФРГ. Его наиболее известные элементы — политическая корректность и особый язык, а менее очевидные — избегание серьезного обсуждения существенных проблем общественного развития, к примеру:

1. Вопросов равенства в немецком обществе. Почему-то достаточно указывать на прежние успехи модели социальной рыночной экономики;
2. Регулированного доступа и интеграции различных этнических групп. Длительное время подобно мантре произносилась фраза «Германия — не страна эмигрантов»;
3. Границ развития национального государства в условиях глобализации. Немцев в течение более 10 лет готовят к тому, что такое обсуждение все-таки состоится и т.д.

Табуирование приводит к алгоритмизации политического действия, что в свою очередь укрепляет технократизм и повышает дезинтерес к политическим кампаниям. Всплески активности избирателей обусловлены участием новых партий, выбывающих из партийного мейнстрима, — таких, как «Пираты» или «Альтернатива для Германии».

Политическая элита оказывается в ситуации заложника своих действий: ей нужно предлагать что-то актуальное, но не требующее серьезного и длительного обсуждения, потому что интерес избирателя не постоянен, то есть искать не решения, а лозунги и броские заголовки. Простой альтернативы «Больше государства — меньше государства» оказывается недостаточно.

Политическая культура ФРГ, таким образом, в 1950-х гг. строилась на патернализме и управляемой демократии. Патернализм не позволял иметь альтернативы, заставлял действовать в категориях «либо... либо». Локализация пространства, включая и политическое, в основе которого находилось деление по конфессиональному признаку, облегчало укрепление подобной модели общества, стимулировало появление различных мифов. Западные немцы к началу 1950-х гг. были уверены, что большая часть их налогов идет на оккупационные расходы и заработную плату министрам. Патернализм привел к усилению корпоративизма политического класса ФРГ, появлению многочисленных табу. Управляемая демократия сменилась особым вариантом демократии, основанной на воспроизводстве т.н. корпоративной демократической модели, продуктивные стадии работы которой связаны с фигурами лидеров. Без периода

оккупации и патернализма такая модель вряд ли имела большие шансы на успех. Базовыми идеями политической культуры ФРГ на длительное время стали равенство страны на международной арене, возвращение в русло западной цивилизации. Особое место в политической культуре страны занимают модели понимания прошлого.

Аденауэр: антисоветизм и мировоззренческий детерминизм

Первый западногерманский канцлер, как и большинство политиков, отказался признать коллективную вину немецкого народа. Это на первый взгляд было явно нелогичным в его понимании действительности, так как вина в той или иной мере им допускалась. Будь-то в преступлениях «большого масштаба»; будь-то в признании того, что широкие слои населения были подготовлены, по Аденауэру, к ядовитым посевам национал-социалистов¹⁵; будь-то в возрождении национального духа. Максимально на что соглашался канцлер в вопросе вины, так это на «изучение совести» (*Gewissenserforschung*), больше являвшемся в условиях того времени индивидуальным процессом. Среди очевидных причин подобной «переработки прошлого» таких, как необходимость мобилизовывать население на возрождение страны; включение *правового аспекта* во взаимоотношения между союзниками и немцами, так как юридически затруднительно доказать вину целого народа; наконец необходимость работать над формированием западного лагеря, а виновному это трудно; есть и другая не менее значимая — наличие «немецкой болезни». «Немецкая болезнь», по Аденауэру, — «неправильн[ое] представлени[е] о государстве, власти и положении человека». Данное представление заключалось в вере во всемогущество государства и в осознании его как более высшей ценности по сравнению с человеком. Такое развитие происходило, по мнению Аденауэра, в два этапа: сначала идеи доминирования государства распространились после освободительных войн в Пруссии, а затем «после победоносной войны 1870–1871 гг. во всей Германии». Интеллектуалы также способствовали превращению государства в «почти божественную сущность»¹⁶. Это и Гердер с романтиками, открывшими народный дух. Это и Гегель с его осознанием «государства как воплощения разума и нравственности». Власть, размышлял Аденауэр, связана с государством, наиболее ярко это видно на примере армии: «Таким образом милитаризм превратился в господствующий фактор в мыслях и чувствах широких слоев населения». Признав подобную линию исторического развития, Аденауэр допустил и другое: государство, государственные структуры формируют, по его мнению, не только

армию, но и общество. Фактически, анализируя «немецкую болезнь», он не отошел от доминирующей роли государственных структур. Для превращения государства в тоталитарное, с его точки зрения, было необходимо все же нечто большее: провести механизацию государственной жизни, превратить государство в «суверенную машину», а также обеспечить успехи этой модели.

Аденауэр полагал, что подобная механизация и ее успехи способствовали в Германии существенному распространению материалистического мировоззрения. Оно привело к возвышению представлений о государстве и власти, уменьшению роли этических ценностей и достоинства отдельного человека. Таким образом, система первоначальных убеждений, например об особой роли государства, создала некий механизм, для развития которого потребовались идеологические подпитки, например материализм, возвращенный для Аденауэра среди прочего и в марксизме. Механизм стал способен воспроизводить структуру через мировоззренческие установки. Марксизм являлся одной из них. Аденауэр, хотя и не говорил об этом напрямую, уравнивал тем самым марксизм и прусское начало, так как одно в его интерпретациях немыслимо без другого. Не случайно он заключал: «Тот, кто стремится централизовать политическую и экономическую власть в руках государства или класса... является врагом свободы индивида, он неизбежно подготавливает путь к диктатуре в чувствах и мысли...». Или: национал-социализм — «доведенное до преступного следствие обожествления власти, вытекающего из материалистического мировоззрения, следствие пренебрежения, даже презрения ценности отдельного человека»¹⁷.

Уподобление материализма, а фактически марксизма, пруссачества и милитаризма, поставили знак равенства между марксизмом и милитаризмом, национал-социализмом и милитаризмом, а тем самым между марксизмом и национал-социализмом. Ничего исторического в этом нет и быть не может, но подобное толкование приводит к нескрольким важным, на наш взгляд, выводам:

- марксизм по своей природе, с точки зрения Аденауэра, агрессивен. Он постоянно будет говорить об этом. Отрицание марксизма для западногерманского федерального канцлера стало базисным утверждением в его картине мира;
- агрессивно, по Аденауэру, все, что препятствует свободе. Центральная дихотомия — это «свобода — диктатура». Был ли раскол мира после войны в этой связи для Аденауэра *новым* вызовом? Вряд ли, так как раскол продолжил тенденцию, которую немцы уже пережили. Они потеряли три государства. Ценность государства дискредитирована. Его форма и гра-

ницы более чем относительны. Преимущество имело лишь содержание, куда среди прочего относилась и свобода человека. Иными словами, преимущество имела мировоззренческая составляющая в истории духа народа. Возвращаясь к проблематике новизны вызова биполярности, следует подчеркнуть, что вызов присутствовал, а вот новым он, по всей видимости, для немецкой истории не был;

- немецкая история, это также следует из размышлений Аденауэра, отсекала прошлую традицию, стояла перед движением вперед, новым мировоззренческим этапом. Размышляя в этом направлении, можно предположить следующее: отсечение Восточной Германии, большей части прусской территории, давало возможность / было призвано возродить немецкий дух на рейнских территориях, где свободы могли укрепиться де-юре и де-факто;
- нужно еще раз остановиться на вине немцев за развязанную войну. Аденауэр не просто оправдал немцев. Он размыл их вину в историческом процессе обретения государственности, в котором наслаивались друг на друга пруссачество, милитаризм, интеллектуальный поиск, где расстояние между романтиками и Марксом крайне незначительно. Именно эти «наслоения» подготавливали немцев к тому, чтобы в конечном итоге оступиться. Но как можно обвинить весь исторический процесс? Немцы поэтому в большинстве своем объекты. Такая трактовка делала невозможным, а подчас и ненужным их обвинение и признание роли СССР в разгроме нацизма. Более важным было то, что немцы готовы двигаться вперед.

Представленный предварительный анализ позволяет отметить, что Аденауэр в то время не только политик, которому может быть тактически и выгодно смешивать понятия, проводить поверхностные параллели, не создавать логически выверенные и соответствующие реальности системы, а, руководствуясь политическими интересами, формировать аксиомы, идеологемы. Аденауэр воскрешал свойственный началу XIX в., противоборству консерватизма и либерализма, тип политического проповедника, или, политика-проповедника. В этом случае речь должна была идти не только об идеологии, что являлось больше принятым, но и о формировании картины мира, что становилось более значимым. Аденауэр выступал, а возможно и вынужден был выступать, в этой роли как минимум по двум причинам:

- во-первых, Германия в известной степени и материально, и духовно начинала свое движение с некоего нового рубежа. Отнюдь не случайно в этой связи популярное, хотя и представляющееся среди историков-германистов

все больше неверным, упоминание о «часе ноль» в послевоенной Германии. Осознанная рубежность знаменовала собой потребности обновления мировоззренческой парадигмы;

— во-вторых, возраст Аденауэра. Он воспитан в иной исторической ситуации.

И хотя он критиковал прежнюю систему за превращение человека в массу, сам он вынужден был обращаться к среднему человеку, человеку массы, а значит и к массе. Он полагал возможным добиться в о з р о ж д е н и я теории христианского естественного права. Именно оно было способно, по Аденауэру, противостоять несвободе. Христианское естественное право в его интерпретации межконфессионально. Это не являлось чем-то новым. Теория естественного права после поражения 1945 г., по сути, воскрешала христианское представление о государстве и человеке, которое лежало, с точки зрения Аденауэра, в основе западной культуры. Новизна, думаем, и его значение как мировоззренческого политика состояла в том, что он вместе с другими политиками попытался сделать для Западной Европы в условиях общего старта, когда та переживала экономический кризис, требовалось ее восстановление и т.п. Он, как и в период Реформации, поставил изменившееся христианское мировоззрение во главу эволюции капитализма. Если тогда протестантизм породил не только новую этику, но и отделение от католичества, то в условиях послевоенной Европы новый этап развития капитализма сопровождался усилением межконфессионального диалога.

Аденауэр в Кёльнской речи 1946 г. заявил: «Национализм нашел сильнейшее духовное сопротивление в тех католических и евангелических частях Германии, которые меньше всего попали под влияние учения Карла Маркса, социализма!!! Это абсолютно так!»¹⁸ Оставим в стороне очередное, явно умышленное сопоставление национализма и социализма, а в конечном итоге также четко читающее, как национал-социализм. Фантом национализма не покидал Аденауэра все время нахождения его у власти. Речь пошла о защите немецкой нации и христианства. Воскрешение, спасение и поддержка христианства превратились, по Аденауэру, из национальной задачи в европейскую задачу. Национализм, следовательно, был для него явно неуместен, потому что в условиях зарождающейся биполярности он был направлен как против Европы, так и против христианства и будущего немцев.

Полагаем, что первый канцлер ФРГ представлял себя политиком постреформаторского толка, стремящимся к интеграции, сплочению западно-европейского пространства. Аденауэр был ревностным католиком. Он еженедельно посещал воскресные проповеди. Правда, как вспоминают

люди, знавшие его близко¹⁹, поведение Аденауэра было весьма любопытно. Он мог выйти во время проповеди, если она ему не нравилась, а затем вернуться, когда она была закончена. У него по этому поводу были якобы конфликты с кёльнским кардиналом Фрингсом. Такое поведение верующего католика скорее всего напоминает отношение паствы и священников, встречающееся в протестантской церкви.

Функции политика-проповедника сложны. Обычно политик ограничивается двумя известными перспективами:

— *стратегической* — установлением цели, программы деятельности, которые следует достичь, и тогда будет гарантирован успех в развитии, а вслед за ним переизбрание на следующий срок, а в идеале прогресс для общества и государства;

— *тактической*, которая призвана корректировать предыдущую перспективу, замедлять или ускорять ее достижение, а то и останавливаться, идти непрямыми дорогами.

То, что делал Аденауэр, заключалось в выстраивании мировоззрения. Уже в кёльнской речи 1946 г. вполне можно заметить как мировоззренческие, так и стратегические установки. К первым, в частности, относятся следующие высказывания: «Демократия не исчерпывается для нас в парламентской форме правления или в господстве большинства над меньшинством... Демократия — больше, чем парламентская форма правления; она — мировоззрение, которое коренится в представлении о достоинстве, ценности и неотъемлемых правах каждого конкретного человека, которые создало христианство». По сравнению с другими странами в Германии ситуация отличалась: «Я могу себе представить, — продолжал Аденауэр, — что подобное религиозно-мировоззренческое обоснование (*Untermawerung*) политической партии чуждо для Англии и понятно [там] не без затруднений». Положение Германии обуславливалось тем, что эта страна в Европе одна из самых атеистических и нехристианских. В том же Берлине Аденауэр чувствовал, что находился в некоем языческом городе. «В Германии, — считал он, — политика наконец-то обосновывается 'мировоззренчески'». Таким образом, ситуация после окончания Второй мировой войны изменилась. Именно на это указывал Аденауэр. Выживет, по его мнению, та партия, которая будет мировоззренческой. Объяснялось это, на наш взгляд, в первую очередь, тем, что население после войны потеряло прежние ориентиры, произошла дискредитация власти, государства, ценностей. Решение, по Аденауэру, чрезвычайно простое — возрождение христианской картины мира. Поэтому и демократия — не только форма

правления, но и мировоззрение. Сам Аденауэр указывал на это в той же речи 1946 г. в Кёльне, когда говорил, что у немцев все «обрушилось», не уделялось внимания воспитанию молодому поколению; хаос времени привел к пересечению общественной и религиозной жизни²⁰.

На основе вышеизложенного понятными становятся и другие высказывания канцлера. «Союзники (здесь он имел уже ввиду западных союзников. — А. С.) должны, в конце концов, доверять нам», — утверждал он. Они уже слишком давно в стране, чтобы понять, что не все немцы — национал-социалисты, даже половина из них не нацистские преступники. Но и немцы, по Аденауэру, должны показать, что доверяют союзникам. Немцы, с его точки зрения, хотят равноправия, честно работать в Германии и в Европе²¹. Идея равноправного участия означала ни что иное, как участие в формирующемся западном лагере. 14 июля 1948 г., обращаясь к депутатам различных фракций ландтага Северный Рейн-Вестфалии, будущий первый западногерманский канцлер заявил: «...подумайте, следует ли... относить на счет немцев тот беспорядок, который господствует сегодня в мире... Участвовали немцы в Квебеке, в Ялте? Участвовали они в Потсдаме?»²². Он указывал на то, что немцы оказались неравноправными партнерами, объектом.

Европа воспринималась им в качестве пространства, где возможно осуществление равноправия, где произойдет выстраивание нового наднационального уровня, благодаря которому Германия сможет решить стоящие перед ней задачи в экономике и политике. «Есть, действительно, только один путь безопасности, — пришел к выводу Аденауэр, — и это путь сотрудничества в европейской федерации государств, имеющих равные права и обязанности... Это единственная безопасность и единственное спасение не только для Германии, но и вообще для Европы...»²³.

Советскому Союзу отводилась роль официального противника. Антисоветизм, таким образом, — это составная часть политической культуры Боннской республики. 6 сентября 1951 г. на встрече с журналистами Аденауэр заметил: «Мы должны заботиться о том, чтобы Запад был сильнее Востока»²⁴, потому что только когда русские испугаются, с ними следует вести переговоры. В массовом сознании западногерманские политики утверждали и поддерживали тезис о якобы «перманентной опасности»²⁵, исходящей от СССР. Кроме того, распространялась особая интерпретация новейшей истории СССР. В «Советской России», пришел к выводу тот же Аденауэр, азиатский элемент взял верх благодаря уничтожению прежней элиты. Влияние европейской части России полностью исчезло²⁶.

На основании этого утверждалось, что «Советская Россия» — не европейская страна, поэтому все планы в отношении ее Запад может забыть. Руководство государством в нашей стране якобы находилось в руках тех людей, родина которых не была в Европе, истинное европейское мировоззрение у которых отсутствовало. Панславизм, констатировал канцлер, только усилился с тоталитаризмом и диктатурой. «Каждая диктатура, — по своей внутренней сути имеет потребность и стремление расширить собственное господство». Это утверждение стало аксиомой политики Боннской республики.

Идеи, которые отстаивал Советский Союз, утверждал федеральный канцлер, «диаметрально противоположны» христианскому мировоззрению. И далее: «Самый смертельный и страшный враг христианства — Советская Россия». Любопытно, что стиль подобных выступлений напоминает геббельсовскую пропаганду. Целями СССР, с точки зрения Аденауэра, являлось уничтожение христианства, превращение личности в массового человека. Советская Россия в Западной Германии, заявил он, действует через подпольные организации²⁷.

То, насколько сознательно нагнетался антисоветизм, свидетельствует интервью 1964 г., данное Аденауэром одной из израильских газет: «Никогда я не просил восстановления границ 1937 г. Этого я никогда не делал. Я же не сошел с ума. Мы подойдем к мирным переговорам и посмотрим, какие уступки сможет сделать другая сторона. Необходимо учитывать позицию другой стороны. Следует, однако, предвидеть развитие и иметь терпение». В этом контексте «предвидеть развитие и иметь терпение» означало среди прочего и то, что политики были готовы вмешиваться в формирование образа прошлого и настоящего, сознательно искажать факты, используя их для реализации национальных интересов.

Аденауэр и его сторонники заложили мировоззренческий фундамент Боннской республики, в том числе и в отношении представления о прошлом, сделав будущих политиков своего рода заложниками, так как сформированные установки («Запад должен объединяться», «отношения с СССР вторичны», «ослаблять коммунизм», «коллективной вины нет» и т.п.) стали частью массового сознания. Не учитывать их не представлялось возможным. Парадоксально, что никакая из последующих внешнеполитических инициатив не способствовала принятию перспектив развития советской модели. СССР рано или поздно должен был «отпустить» ГДР, то есть ослабнуть. В такой картине мира ожидать осмысления роли Советского Союза в борьбе с фашизмом было бессмысленно. В этом не было интереса ни у западногерманских, ни у западноевропейских политиков.

Утверждение и эволюция мировоззренческого подхода

Последующий анализ покажет, что рассмотренные выше установки, касающиеся прошлого, мало изменились. Более того, они получили свое развитие, а после объединения Германии — причудливые формы.

В 1964 г. федеральное правительство, опасаясь упреков в милитаризме, отказало Боннскому университету в сооружении памятника Неизвестному солдату. Однако оно поддержало появление памятника, посвященного «жертвам войны и насилия». За этим скрывалась тенденция интерпретировать преступления нацистов в более широком контексте: насилие в истории мол-де исходило не только от них.

В ноябре 1964 г. федеральное правительство приняло решение распространить на преступления нацизма строк давности, то есть остановить преследования бывших активных нацистов. В ответ последовала критика из других стран. Бундестаг, желая продемонстрировать независимость, в декабре обратился с просьбой к правительству «незамедлительно и в согласии с федеральными землями принять меры с целью изучения центральным органом земельных юридических управлений всего доступного документационного материала о преступлениях периода нацистов». Однако 10 марта 1965 г. министр юстиции Бухер убеждал коллег в том, что «среди немцев, которые приговорены иностранными судами, прежде всего на Востоке, находится немало таких, которые не совершали нацистские преступления...»²⁸. По мнению депутата от фракции ХДС/ХСС Бенда, на Востоке «господствует продолжение неправового режима (*Unrechtsregime*)»²⁹.

«Историческая» аргументация, которую представил Барцель, другой депутат бундестага, объединила все известные стереотипы того времени. «Мы, — говорил Барцель, — всегда признавали этот народ, его историю и честь немецкого солдата... Обе идеологии, коммунизм и нацизм, приложили немало усилий, чтобы разрушить демократию Веймара; обе идеологии являются авторитарными, врагами свободы, человеконенавистническими; обе подавляют демократию, правовое государство и достоинство человека. И тот факт, что это соответствует действительности, позволяет сказать в ходе дебатов следующее: Гитлер мертв, а Ульбрихт жив, нацистский крест был над Германией, а Красное знамя веет над частью Германии... Никто из нас не хочет новой денацификации; никто из нас не хочет наказывать образ мыслей (*Gesinnung*)»³⁰. Бывшей в то время канцлером Л. Эрхард в ноябре 1965 г. произнес: «Не следует забывать, что коммунизм продолжает свою разрушительную работу»³¹.

В начале 1960-х гг. в ФРГ появилось новое оправдание собственной невинности в преступлениях нацизма: западным немцам удалось построить демократическое государство, они могут гордиться собой. ГДР все больше стала восприниматься как неправоовой режим, что после объединения превратилось в печально известное «ГДР — неправоовое государство», феномен, суть которого ни в правовом, ни в историческом смысле понять невозможно. Необходимо обратить внимание на то, что в ходе молодежных протестов 60-х гг. XX в. против поколения отцов две установки, лежащие в основе отказа от анализа нацизма, остались неизменными: «ФРГ — это успешная демократия» и «Интеграция и западная ориентация страны — главные цели внешней политики».

Это привело к морализации подхода западно-германских политиков к действительности: если у их страны получилось построить демократию (ее суть и особенности, как правило, не интересовали), то они имеют право советовать и определять стандарты культуры воспоминаний, которую, по их мнению, нужно рассматривать всесторонне в различных контекстах (в первую очередь, в рамках европейского контекста): получается, что по т.н. немецким стандартам, если говорим о СССР и его роли в победе над фашизмом, то обязательно должны написать об изнасилованиях и разделе Европы. То, что подобные контексты приводят к релятивации преступлений нацизма, не принято говорить в политическом сообществе.

Ведь и знаменитая речь Р. Вайцзеккера 1985 г. написана в контексте морализации и требования всестороннего рассмотрения нацистских преступлений. Кроме знаменитого тезиса о 8 мае как дне освобождения она не содержала в себе чего-то нового. Проанализируем ее основные положения. Вайцзеккер вслед за Аденауэром выбрал формат речи-проповеди³². «Мы, немцы, встречаем этот день среди нас, и это необходимо. Мы должны *самостоятельно* (выделено нами. — А. С.) найти масштаб [воспоминания] (*Maßstäbe allein finden*)», — произнес федеральный президент. И далее: «Нам нужны и мы имеем силы посмотреть... правде в глаза». Может создаться впечатление, что президент был готов к серьезному анализу, так как посмотреть правде в глаза он призвал без «прикрас» и «односторонностей». Однако он продолжил следующим образом: «Вины или невинности целого народа не существует. Вина, как и ее отсутствие — не коллективны, а носят личный характер. Имеется известная и скрытая вина людей. Есть вина, которую люди признают и которую они отрицают... Мы ищем примирения. Поэтому нам следует понять, что без примирения не может быть никаких воспоминаний... 8 мая — значимая историческая веха не только в немецкой, но

и в европейской истории. Закончилась европейская гражданская война...».

Поразительно, что «масштаб» Вайцзеккер искал не только для немецкого народа. В духе всестороннего анализа и европеизации контекста он не мог не вспомнить и другое: «23 августа 1939 г. был заключен германо-советский пакт о ненападении. Секретный дополнительный протокол регулировал предстоящий раздел Польши. Договор был заключен, чтобы облегчить захват Гитлером Польши. Это тогдашнему руководству СССР было полностью понятно. Всем политически мыслящим людям того времени было ясно, что германо-советский пакт означал агрессию Гитлера против Польши и тем самым начало Второй мировой войны... Советский Союз принимал в расчет войну других народов, чтобы участвовать в разделе добычи (*um sich am Ertrag zu beteiligen*)... [После войны] Советский Союз вошел во все государства Восточной и Южной Европы, которые во время войны были оккупированы Германией... Начался раскол Европы на две различные политические системы... Были невинные, которые подверглись преследованиям; были виновные, которые смогли избежать наказания... Мы в Федеративной Республике Германия позднее получили драгоценный шанс на свободу. У многих миллионов немцев он до сих пор отсутствует...».

Как видно, даже спустя двадцать лет после первых дебатов в бундестаге о сроке давности в отношении нацистских преступлений ситуация не поменялась. Вайцзеккер не рискнул напрямую обвинить СССР в пособничестве Гитлеру и даже говорил об освобождении, только любому из слушавших его было ясно: оно действовало не для Восточной Европы и исходило не от Советского Союза. Тот факт, что СССР не «входил» во все государства Южной Европы, терял значимость. Всесторонность в политической культуре не требовала исторической правды, она «работала» с освоенными установками, понятными как политикам, так и населению. Установки заставляли подчеркивать тяготы, выпавшие на долю рядовых немцев. Правда, Вайцзеккер несколько обновил привычную формулировку о согласованном всеми союзниками (СССР, США и Великобританией) переселении немцев с бывших восточных территорий: «За вынужденной миграцией на Запад миллионов немцев последовали миллионы поляков, а потом миллионы русских. Это люди, которых не спрашивали. Люди, которые испытали несправедливость (*Unrecht*), люди, которые стали беззащитными объектами политических событий». И опять не важно, что поляки не возражали против расширения своей территории, а Черчилль первоначально даже опасался, что у «польского гуся» будет несварение от подобного территори-

ального прироста. Всесторонность в немецком варианте требовала привычной жертвенности: теперь жертвами делались поляки и граждане СССР, приехавшие в бывший Кёнигсберг.

«Жертвенность» немцев становилась бесспорной. В интерпретации Вайцзеккера для СССР места страны героя-освободителя в принципе нет. «Следствием войны, — заявил он, — стало сближение старых противников как в человеческом, так и в политическом плане. Уже в 1946 г. госсекретарь Бирнс в своей примечательной Штутгартской речи призвал к взаимопониманию в Европе и к тому, чтобы помочь немецкому народу найти дорогу к свободному и мирному будущему...».

И опять не важно, что речь Бирнса стала началом раскола Германии, послужила созданию совместной американо-британской оккупационной администрации, которая среди прочего должна была сократить расходы на оккупацию, о чем США настоятельно просила Великобритания. Всесторонность предусматривала обязательное указание на общность судеб в рамках европейской интеграции. «Благодаря дальновидности таких французов, как Жан Монне и Робер Шуман и немцев, к примеру Конрада Аденауэра, завершилась навсегда прежняя вражда между французами и немцами», — продолжал Вайцзеккер. «Прощение» немцев объяснялась как и раньше их достижениями в построении демократии: «Вместо несвободы мы создали демократическую свободу... Никогда на немецкой земле не было лучшей защиты прав и свобод граждан как теперь. Развлетвленная социальная сеть, которую не нужно бояться сравнить с любым другим государством, гарантирует условия жизни людей».

После Вайцзеккера морализация и утверждение (навязывание) немцами свойственной им культуры воспоминаний продолжились. Тем более, что объединение Германии окончательно утвердило т.н. победные настроения. Р. Херцог, другой федеральный президент, дипломатично избежал прямого сравнения нацизма и большевизма и выразился следующим образом: «Самое важное научить молодежь видеть, как можно различать истоки расизма и тоталитаризма, так как в борьбе против этих основных бед (*Grundübel*) 20-го столетия многое зависит от своевременной защиты»³³. Объединение Германии оказало существенное влияние на восприятие событий Второй мировой войны. Тот же Херцог одним из первых заявил: «После того, как Европа «подарила» миру самые печальные катастрофы, в 1989 г. последовал позитивный сигнал: желание получить свободу миллионами людей... С 1945 г. у немцев (ни на Востоке, ни на Западе) не было дат, которые можно было бы обозначить как «исторические опоры».

Но обществу с надломленной историей (*mit gebrochener Geschichte*) нужны позитивные ориентиры. Иначе для него присутствует опасность впасть в неисторичность или даже в отрицание истории (*Geschichtsfeindlichkeit*)... В 1989 г. немцы создали опору для позитивного освоения истории»³⁴. Социал-демократ Й. Рау, также избранный федеральным президентом, был не менее категоричным: «Каждая нация имеет естественное право о [жертвах]. Нашей обязанностью является позаботиться о том, чтобы воспоминание и скорбь не использовались (*mißbraucht*) для того, чтобы привести Европу к расколу. Поэтому не должно быть никакого места претензиям на компенсации, обоюдным обвинениям и пересчетам преступлений и потерь...»³⁵.

До объединения Германии от немцев такого услышать было невозможно. В этой связи, к сожалению, не кажутся необъяснимыми мотивы Э. Штайнбах, когда она в ходе обсуждения вопроса о компенсациям советским военнопленным в период нацизма, заявила в бундестаге: «России следовало бы вместо того, чтобы нападать на Украину, выплатить компенсации своим еще живущим бывшим военнопленным»³⁶. Какого-либо значимого протеста и обсуждения в прессе не последовало. Не было протеста и после пресловутого интервью Яценюка немецкому телевидению. Интересно, что с осуждением не выступил ни один серьезный историк.

Германия, действительно, активно создает свою позитивную историю. Для нее сейчас важно утвердить собственную культуру воспоминаний и собственные установки в европейском контексте, а также оказать влияние на интерпретационные модели будущей европейской истории. С этой точки зрения следует воспринимать наметившиеся направления эволюции политической культуры ФРГ. Под Европой странным образом понимаются только страны Евросоюза и страны-кандидаты на вступление. То, что роль СССР в победе над фашизмом, так и не получила окончательной достойной оценки, пока не особо интересует большинство политиков ФРГ.

Внешне все достаточно прилично: памятники защищены, об ответственности время от времени говорится. Однако периодически возникают тре-

вожные сигналы: например, инициатива удалить из Тиргартена с постаментов танки. Неожиданно визит канцлера Меркель откладывается в 2015 г. на один день. И совершенно не ясно, если не обращать внимание на особенности политической культуры ФРГ, как ответственность немцев за нацистские преступления связана с событиями на Украине.

Немцы борются за свое понимание истории. При этом теряется из виду, что фразы типа «построить Европу без России или против России невозможно» не имеют смысла с учетом происходящей в настоящее время неприкрытой борьбы за сознание европейцев, за новые, подчас радикальные и противоречащие действительности представления о прошлом. Борьба, в которой исторический процесс и объективное понимание механизмов выстраивания тех или иных феноменов не имеют значения. В качестве эталона выступают результат и логика победителя: победитель якобы имеет право писать свою историю.

И то, что в современное время такая логика устарела, тоже не слишком интересует. Новый федеральный президент Гаук призывает Россию чуть ли не покаяться за раздел Европы. При этом тот же Гаук отказывается видеть, что между Аденауэром и «правительством Дёнитца» в вопросе антисоветизма отличий практически нет. Не учитывает бывший пастор Гаук и то, как немцы строили свою демократию. Гаук — пример своего рода заложника политической культуры ФРГ, в которой мировоззрение всегда имело приоритет и некую сакральную силу.

Главная задача в настоящее время состоит все же в том, чтобы не строить пресловутую и модную общую европейскую историю, а понять, в первую очередь, до конца собственную национальную историю и не только в духе позитива и одностороннего отрицания любых альтернативных моделей, к примеру социалистических экспериментов в той же ГДР. Речь идет о том, чтобы осознать, почему без СССР и его роли в разгроме фашизма вряд ли бы удалось немцам получить тот позитив, которым полон теперешний исторический и политический дискурс.

Разрушить догмы и табу в Германии означает обновить политическую культуру и ее установки. Тогда наверняка прошлое перестанет разделять, а начнет объединять народы.

¹ Потсдамская конференция: второе заседание, 18 июля 1945 г. // Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов / Сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1970; ссылка дана на электронную версию книги: <http://grachev62.narod.ru/stalin/confer/content.htm>

² Buddrus M., „Wir sind nicht am Ende, sondern in der Mitte eines grossen Krieges“: Eine Denkschrift aus dem Zivilkabinett der Regierung Dönitz vom 16. Mai 1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Heft. 4. S. 611.

³ Ibid. S. 606.

⁴ Ibid. S. 627.

⁵ Nr. 23: Wortprotokoll der Sitzung vom 5. April 1951 // Adenauer und die Hohen Kommissare, 1949–1951 / hrsg. von H.-P. Schwarz in Verbindung mit R. Pommerin. Bd. 1. München, 1989. S. 348–349.

- ⁶ См. высказывания Аденауэра о СДПГ как о националистической партии: Nr. 3: Wortprotokoll der Sitzung vom 17. November 1949 // Adenauer und die Hohen Kommissare, 1949–1951... S. 18.
- ⁷ См.: Adenauer K. Teegespräche, 1950–1954 / bearb. von H.J. Kuesters. Berlin, 1984; Ibid. Teegespräche, 1955–1958 / bearb. von H.J. Kuesters. Berlin, 1986.
- ⁸ В ХДС, к примеру, длительное время практиковалось паритетное разделение партийных и государственных постов по профессиональному признаку.
- ⁹ Г. Коль, как председатель ХДС, контролировал партию с помощью телефонной политики. Он мог позвонить руководителям локальных организаций всех уровней и решать с ними вопросы: Kistenfeger H. So funktioniert das System Kohl. Focus. 1998. Nr. 7. S. 68–73.
- ¹⁰ Langguth G. Angela Merkel. München, 2005. S. 349.
- ¹¹ В прошлой правительственной коалиции из ХДС/ХСС и СвДП в ходе обсуждения реформы здравоохранения вместо деловой дискуссии и дипломатии звучали взаимные оскорбления (Gurkentruppe, Rumpelstilzchen, Wildsau), растиражированные СМИ.
- ¹² СДПГ, находясь с «зелеными» в правительстве, поддерживала идею референдумов, затем уже в «большой коалиции» решила не настаивать на ее реализации. Либералы, которые в оппозиции предлагали собственный законопроект по референдумам, заключая коалиционный договор в 2009 г. с христианскими партиями, посчитали вопрос о них второстепенным: Drucksache 14/1129: Entwurf eines Gesetzes über die Volksinitiative, Volksbegehren und Volksentscheid (dreistufige Volksgesetzgebung), 9. Juni 1999 (PDS). Berlin, 1999; Drucksache 16/474: Entwurf eines Gesetzes zur Einführung von Volksinitiative, Volksbegehren und Volksentscheid in das Grundgesetz, 25. Januar 2006 (FDP). Berlin, 2006; Drucksache 16/680: Entwurf eines Gesetzes zur Änderung des Grundgesetzes (Einführung von Volksinitiative, Volksbegehren und Volksentscheid), 15. Februar 2006 (Die Grünen). Berlin, 2006.
- ¹³ См.: Informationsgespräch Adenauers mit dem Journalisten Jean Botrot am 24.11. 1960 // Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa: Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn, 1976. S. 369.
- ¹⁴ Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München, 2010. S. 11.
- ¹⁵ Rede Adenauers als Vorsitzender der Christlich-demokratischen Union für die britische Zone in der Aula der Kölner Universität am 24. 3. 1946 // Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa... S. 277.
- ¹⁶ Ibid. S. 278.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. S. 279.
- ¹⁹ Во время бесед автора с Клаусом-Отто Скибовски, помощником Аденауэра по связям со СМИ, тот упомянул, что Аденауэр жаловался Папе Римскому на священников, проповеди которых ему не нравились. К 80-летию юбилею Аденауэр выразил желание получить в Рёндорфе собственную капеллу, где он мог бы молиться, не создавая проблем прихожанам, связанных с мерами безопасности. Кардинал Фрингс впрочем, так как пожелание было передано через К.-О. Скибовски, вежливо отказал.
- ²⁰ Ibid. S. 280–282.
- ²¹ Zeigt, daß Ihr auf dem Wege der politischen Reife seid...: Wahlkampfrede in Pulheim bei Köln, 13. September 1946 // Konrad Adenauer: «Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung»: Reden und Gespräche (1946–1967) / hrsg. von Felix Becker. Köln; Weimer; Wien, 1998. S. 25–26.
- ²² Landtag Nordrhein-Westfalen: Sitzung № 49. Düsseldorf, 1948. S. 641.
- ²³ Ibid. S. 642.
- ²⁴ Nr. 19: 6. September 1951: Tee-Empfang für Chefredakteure // Adenauer K. Teegespräche, 1950–1954... S. 138.
- ²⁵ Nr. 17: 13. Juli 1951: Tee-Empfang für Chefredakteure // Adenauer K. Teegespräche, 1950–1954... S. 103–104.
- ²⁶ Rede Adenauers vor den «Nouvelles Equipes Internationales» in Bad Ems am 14.9. 1951 // Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa... S. 327.
- ²⁷ Ibid. S. 327–329.
- ²⁸ Deutscher Bundestag — 4. Wahlperiode — 170. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 10. März 1965. S. 8517.
- ²⁹ Ibid. S. 8521.
- ³⁰ Ibid. S. 8530–8531.
- ³¹ Deutscher Bundestag — 5. Wahlperiode — 4. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 10. November 1965. S. 33.
- ³² Здесь и далее по речи Р. Вайцзеккера от 8 мая 1989 г. см.: www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Richard-von-Weizsaecker/Reden/1985/05/19850508_Rede.html
- ³³ См. речь Р. Херцога от 19 января 1996 г.: www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1996/01/19960119_Rede.html
- ³⁴ См. речь Р. Херцога от 17 сентября 1996 г.: www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1996/09/19960917_Rede.html
- ³⁵ См. речь Й. Рау от 29 октября 2003 г.: www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Johannes-Rau/Reden/2003/10/20031029_Rede.html
- ³⁶ Deutscher Bundestag — 18. Wahlperiode — 85. Sitzung. Berlin, Donnerstag, den 5. Februar 2015. S. 8113.

К историографии Великой Отечественной войны

А. А. Ахтамзян*

Вторая мировая война началась в 1939 году с нападения гитлеровской Германии на Польшу по заранее подготовленному плану под кодовым названием «Вайс». Здесь следует отметить, что планы экспансии нацисты готовили заранее: план аншлюса Австрии под названием «Отто», план аннексии Судетской области и ликвидации государства Чехословакия — «Папка Грюн», оккупации Бельгии — «Гельб», вторжения во Францию — «Рот», высадки германских войск в Норвегии — «Везерюбунг» и так далее. План нападения на Советский Союз нацисты составили сразу после капитуляции Франции как директиву главного командования с условным названием «Барбаросса». А. Гитлер подписал директиву в декабре 1940 года. Операции вермахта в 1939–41 гг. были столь успешными (подчинение десятка стран Европы за короткий срок и без больших потерь), что придало нацистским стратегам уверенность в том, что война с СССР будет краткосрочной и успешной. Одним из инициаторов плана блицкрига (молниеносной войны) против Советского Союза считались наряду с В. Кейтелем генерал танковых войск Ф. Гудериан, а также генерал Ф. Паулюс.

Исходная позиция заключалась в том, что коммунисты основной противник фашизма, а Советский Союз гитлеровцы считали главным препятствием на пути Германии к мировому господству под лозунгом установления «нового порядка» в мире. Разрушение Советского Союза, уничтожение России как государства, а русских как нации было глобальной стратегией нацистской Германии. Лозунг — борьба против большевизма, цель — уничтожение России. Такова суть стратегии нацистской Германии — «Третьего Рейха», которая разрабатывалась в течение длительного

времени (вплоть до весны 1942 года) и получила отражение в нескольких государственных документах. Совокупность или комплекс документов нацистских ведомств получил общее название «Генеральный план Ост».

Текст генерального плана на 100 страницах был выявлен после войны в архиве Берлин-Лихтерфельде¹. Подзаголовок на титульном листе гласил: Правовые, хозяйственные и территориальные основы обустройства Востока. План составлялся в течение нескольких лет, однако на титульном листе поставлена дата — 28 мая 1942 года. Основная цель пространного документа — обоснование захвата чужих земель. Эта задача была определена А. Гитлером еще в пресловутом сочинении «Майн Кампф»: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» (там же, стр. 250). Разработка в деталях была поручена Альфреду Розенбергу — главе внешнеполитического ведомства НСДАП. В апреле 1941 г. под его началом начало свою деятельность центральное бюро по подготовке «решения» судьбы «восточного пространства». Непосредственно после вторжения вермахта на территорию СССР (17 июля 1941 г.) было создано имперское министерство по делам оккупированных земель во главе с А. Розенбергом, получившее краткое название восточного министерства. Свою деятельность это министерство развернуло в тесном контакте с ведомствами Г. Геринга и Г. Гимmlера, т.е. СС и гестапо. Ни один из документов не предусматривал создания коллаборационистских, хотя бы марионеточных, «самостийных» правительств.

Еще в мае 1941 года внешнеполитическое ведомство рейха рассмотрело карту админи-

* Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович — д. и. н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.

стративного управления территориями, которые подлежали оккупации. Захваченные территории Советского Союза предполагалось расчлнить по крайней мере на четыре «протектората»: 1. Прибалтика и Белоруссия, 2. Московия, 3. Украина, 4. Кавказ. Для управления этими территориями намечены гауляйтеры. «Ленинград остается вне намеченных пределов. На юг граница идет до Ильмень-озера, далее вдоль реки Волхов и проходит в 50 км восточнее Смоленска вплоть до Украины», говорилось в документе. Предполагалось расширение Украины за счет России (Московии) вплоть до поселений немцев в Поволжье. Восточные пределы Московии предполагалось определить позже. Названные документы дают полное основание для категорического отклонения утверждения нацистской пропаганды (первым эту версию ввел в оборот Геббельс), что Германия начала превентивную войну против Советского Союза. Генерал (фельдмаршал) Ф. Паулюс, попавший в плен в Сталинграде, одним из первых германских военных признал, что оценка войны Германии против СССР как превентивной войны — это ложь: при разработке в германском генштабе плана вторжения в Советский Союз офицеры не получали никаких указаний о необходимости оборонительных операций.

В течение нескольких десятилетий советские военные историки продолжали исследование Великой Отечественной войны. Были созданы многотомные исследования². Исследования проведены на основе изучения документов из российских и германских архивов. Серьезным источником информации служат воспоминания советских военачальников, маршалов и генералов. Большой вклад в изучение основных событий периода войны внесли участники войны, ставшие профессиональными историками: В. А. Анфилов, Л. А. Безыменский, М. А. Гареев, В. И. Дашичев, А. С. Протопопов, Г. Л. Розанов.

Фундаментальные исследования В. А. Анфилова «Начало Великой Отечественной войны» и «Бессмертный подвиг» М. 1971, Л. А. Безыменского «Генеральный план Ост» и «Гитлеровские генералы с Гитлером и без него» М. 1979, М. А. Гареева «Маршал Жуков» М. 1996 и «Полководцы победы и их наследие» М. 2003, В. И. Дашичева «Стратегия Гитлера — путь к катастрофе» в 4 томах М. 2005, А. С. Протопопова «Италия в годы Второй мировой войны», Г. Л. Розанова «Германия под властью фашизма» и «Конец третьего рейха», поистине составили солидный научный фонд истории Великой Отечественной войны. Особенно ценно, что за десятилетия сложился довольно полный пласт источников — российских и германских, включая в том числе воспоминания и исследования советских военачальников.

На этом фоне попытки некоторых индивидуумов пересмотреть и общие оценки и конкретные события войны выглядят как негодное покушение на итоги Второй мировой войны, на Победу народов над фашизмом. Такие покушения имели место в западных странах вскоре после завершения мировой войны. Так называемая перестройка создала условия для проявления такой тенденции и в среде «публицистов» российского происхождения. В мае 1990 года лондонская газета «Таймс» презентовала книгу «Ледокол. Кто начал вторую мировую войну» как «самое оригинальное произведение современной истории», якобы написанное Виктором Суворовым, а на самом деле агентом спецслужб, перебежчиком по фамилии Резун. Уже через пару лет издательский дом «Новое время» при содействии банка «Деловая Россия» выпустил книжонку на русском языке в Москве. Правая германская газета «Вельт» высказала ожидание «дикой ярости» советских товарищей: профессиональный разведчик дескать устраняет «белые пятна» истории. На деле измышления Резуна — это типичная фальсификация истории под видом новой интерпретации: это же была превентивная война Гитлера против Сталина, но не война советского народа против фашистских захватчиков. Вскоре появилась книга новоявленного мэра Москвы Гавриила Попова «1941–1945. Заметки о войне». Через несколько лет выходит двухтомная история России под редакцией православного автора Зубова, опровергающая давно установленные факты и оценки³ (см. книгу). Есть основания говорить не только о тенденции, но и о диверсии. Правда на титулах книг авторы не пишут, кто финансирует издания.

На книжных прилавках России на рубеже веков появились в переводе на русский язык мемуары и сочинения нацистских военных преступников: дипломатов и генералов, в том числе осужденных в Нюрнберге в 1946 году. Возможно, это допустимо для создания имиджа объективности «либералов». Однако количественный баланс явно не в пользу отечественных авторов. Тенденциозность сочинений германских генералов вполне понятна: реабилитация своего участия в преступной войне, стремление возложить всю вину на Адольфа Гитлера⁴, а поражения на фронтах объяснить исключительно неблагоприятными погодными условиями в России и зимой, и летом. Таких книг германских авторов, военных и политиков, на книжных полках скопилось более сотни книг.

На этом фоне выход в свет книги генерала армии М. А. Гареева «Полководцы Победы» — это обращение к соотечественникам: «Граждане, на уроках истории надо учить молодое поколение защищать свою страну, ее честь и достоинство».

Книга генерала армии, доктора военных наук и доктора исторических наук Махмута Ахметовича Гареева, вышедшая первым изданием в 2003 году, а вторым — в 2004 году, представляет собой фундаментальное исследование не только опыта стратегических решений в период Второй мировой войны, но и современного стратегического положения России⁵.

Ближайшими сотрудниками Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина в ГКО были маршал Г.К. Жуков, маршал А.М. Василевский, генерал армии А.И. Антонов и адмирал флота Н.Г. Кузнецов. Командовали фронтами: маршал К.А. Мерецков, маршал Л.А. Говоров, маршал И.Х. Баграмян, генерал армии И.Д. Черняховский, маршал К.К. Рокоссовский, маршал И.С. Конев, маршал А.М. Еременко, маршал Р.Я. Малиновский, маршал Ф.И. Толбухин. Эти военачальники противостояли профессиональным военным, германским фельдмаршалам. Именно они оказались на голову выше чванливых германских феодалов, надеявшихся увеличить свои земельные владения. Только двое советских маршалов имели опыт участия в коалиционной первой мировой войне (Г.К. Жуков и А.М. Василевский), тогда как почти все германские генералы имели опыт участия в коалиционной войне. Это было их преимуществом и в то же время минусом, который был отмечен в конце войны одним из сподвижников фюрера. Они были старше советских генералов и маршалов лет на десять и не учились в военных академиях как советские офицеры.

Гитлер готовился к агрессивной войне, имея в своем подчинении большое количество высших офицеров, которые, как полагал фюрер «свое дело знают». Фельдмаршалы фюрера составляли большой список: Вернер фон Бломберг, Вальтер фон Браухич, Эвальд фон Клейст, Вальтер фон Рейхенау, Вильгельм фон Лееб, Фёдор фон Бок. Список аристократов фельдмаршалов этим не исчерпан. Пополним его менее титулованными именами: Эрвин Кейтель, Зигмунд Роммель, Фридрих Паулюс, Эрнст Буш, Вальтер Модель. Здесь уместно отметить замеченное нацистами отличие советских генералов — их неаристократическое социальное происхождение и опыт участия в Гражданской войне. Продолжение списка фельдмаршалов аристократов: барон Максимилиан фон Вейхс, Эрих фон Манштейн, Георг фон Кюхлер, Георг фон Рундштедт, Гюнтер фон Клюге, Эрвин фон Витцleben, Фердинанд Шёрнер. Список завершают маршалы люфтваффе во главе с Германом Герингом⁶. Привожу список, чтобы было ясно, что трехмиллионная гитлеровская армия вторжения имела в качестве командиров профессиональных военных, а не одного ефрейтора первой мировой войны Адольфа Гитлера. Попытка западных ав-

торов героизировать германских генералов за их «подвиги», особенно в войне против Советского Союза, скажем прямо, не имеет никаких реальных оснований, так же как и для восхищения «гением» фюрера, который менее чем за год (к середине 1940 года) покорил десяток стран Европы.

Между тем, такие попытки имеют место в западной историографии. В 2010 году в Москве вышла в свет книга «Десять фатальных ошибок Гитлера» некоего Бевина Александра. Книга имеет подзаголовок «Фюрер мог выиграть войну?»⁷ Издательская аннотация представила «сенсационную книгу» как исследование, переворачивающее прежние представления на самую страшную войну в истории человечества. Издатели полагают, что фюрер не только мог, но и должен был победить, если бы внимательно выслушал своих генералов и не допустил несколько ошибок стратегического характера. Стратегию первого года Второй мировой войны надо было продолжить и покорять слабые в военном отношении страны, используя стратегию древних китайцев: «Чтобы избежать сильного, нужно нанести удар по слабому». Главная ошибка фюрера — неверная оценка силы Советского Союза, преждевременное нападение на него. Книга Б. Александра по сути своей предположение, а не исследование. Он широко использует гипотезу, прибегает к методу и утверждению «Если бы...»

На первом этапе Второй мировой войны гитлеровцы получили в свое распоряжение материальные ресурсы 12 стран Европы с общей численностью населения в 290 млн человек, годовой добычей угля в 400 млн тонн, выплавкой стали 45 млн тонн, производством автомобилей до 700 тыс. штук в год. Германская промышленность выпускала в год около 10 тысяч самолетов и 5 тысяч танков. Материальные ресурсы, которыми располагали нацисты, в два с лишним раза превосходили возможности Советского Союза. Потери вермахта на западе были минимальными.

С 1939 по 1941 гг. германское командование сосредоточило для восточного фронта против СССР 190 дивизий, в том числе, 153 германских дивизии численностью до 4 млн, кроме того 37 дивизий сателлитов, общей численностью около 1 млн человек! Армия вторжения состояла из 3,3 млн сухопутных сил, 4 танковых армий (4 тысячи танков), 4 воздушные армий (4 тысячи самолетов), артиллерия: свыше 40 тысяч стволов.

Германский вермахт был подготовлен для захватнической войны и имел директиву германского командования под номером 21, утвержденную Гитлером 18 декабря 1940 г., вскоре после дипломатической миссии наркома В.М. Молотова в Берлин, и известную как «план Барбаросса». Это был план быстротечной, «молниеносной» опера-

ции по разгрому Красной армии и достижению геостратегической линии Архангельск — Астрахань. Немецкие историки в послевоенное время были вынуждены признать, что война нацистской Германии против СССР планировалась с самого начала как расовая война.

Вторжение вермахта 22 июня 1941 г. происходило по трем стратегическим направлениям:

- Норд (командующий фельдмаршал фон Лееб) на Ленинград;
- Центр (командующий фельдмаршал фон Бок) на Москву;
- Зюд (командующий генерал-фельдмаршал фон Рундигедт) на Киев.

Начальный период войны был очень тяжелым для нашей страны в силу ряда причин объективного и субъективного характера. Одной из причин было внезапное нападение Германии вопреки имевшемуся пакту о ненападении. Произошло вторжение хорошо вооруженной мобилизованной для ведения мировой войны германской армии. С другой стороны действовала установка не дать повода для конфликта, чтобы избежать вовлечения в мировую войну. Таким поводом могло стать подтягивание войск к границам или даже учения близ них.

Нападение гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз 22 июня 1941 года — это неопровержимый исторический факт. «Божья кара» здесь ни при чем. С первого дня войны — Великой Отечественной войны советского народа против нацистских захватчиков была войной справедливой, оборонительной. Карателями с первого дня и часа выступали не только отряды СС и офицеры вермахта, но и солдаты вермахта, исполнявшие преступные приказы. В первые месяцы Великой Отечественной войны сотни тысяч воинов Красной армии оказались в окружении и в германском плену не по своей вине.

Особенно много воинов попали в плен в первые месяцы войны.

Провал операции «Тайфун» и «Плана Барбаросса»

В истории не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом оборона Москвы и начавшееся с нее контрнаступление Советской армии против германского вермахта занимает особое место. Значение обороны Москвы заключается не только в том, что советский народ отстоял свой главный город после многочисленных кровопролитных сражений и больших потерь, но и в том, что нацистская Германия потерпела первое с начала мировой войны масштабное, можно сказать, сокрушительное поражение. Стратегический план агрессии, известный под названием «План Барбаросса» оказался несосто-

ятельным. План быстрой, молниеносной войны, составленный в германском генеральном штабе, не был реализован, потому что Советский Союз, сосредоточив свои силы, противопоставил агрессору несокрушимую волю к сопротивлению агрессору.

Отечественная и зарубежная историография знает сотни и тысячи публикаций, в которых подвергнуты анализу разные аспекты этого события. В Советском Союзе, а теперь и в России история Великой Отечественной войны, включая начальный этап войны и сражения за Москву, исследована весьма основательно и получила отражение в многотомных исследованиях⁸. Особо следует отметить исследования отечественных военных историков, которые тщательно изучили не только отечественные документы, карты и мемуары, но и германские трофейные документы и публикации⁹.

В итоге изучения архивных источников, не только отечественных, но и германских свидетельств и документов историк М. Ю. Мягков опубликовал в 2005 г. обобщающее исследование под названием «Вермахт у ворот Москвы»¹⁰. Монография представляет собой наиболее полный на данный момент анализ исторического события. Автору удалось уточнить и конкретизировать многие факты военной истории, а главное — выявить политические причины поражения германского вермахта. Может показаться, что тема изучена и исчерпана. Однако и спустя десятилетия после события тема остается актуальной в силу того, что не прекращаются попытки разных политических сил в разных странах исказить картину хода и исхода второй мировой войны, а главное извратить причины победы Советской армии.

Основными отечественными источниками по истории сражений за Москву, естественно, служат документы и воспоминания советских полководцев, прежде всего Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. Рокоссовского и других¹¹. Серьезным источником информации по истории событий на советско-германском фронте остаются дневники и документы германских военачальников, прежде всего Франца Гальдера, Фёдора фон Бока, Карла Рудольфа фон Рундштедт и других¹².

Автор данной статьи считает актуальной задачей исследователей показать, как в историографии с течением времени предпринимаются попытки смещением акцентов изменить реальную картину битвы за Москву, подменить действительные причины поражения вермахта под Москвой субъективными суждениями о погодных условиях таких, как непроходимая осенняя слякоть, а затем «преждевременная» зима, «генерал Мороз» аж в 36 градусов. После войны и смерти Гитлера и военные, и историки всю вину за под-

готовку и развязывание войны попытались переложить на фюрера, особенно вину за... поражение в войне. Особенно усердно клеймили фюрера генералы, которые в свое время не присоединились к заговору против него и остались живы. Германские генералы потерпели поражение в мировой войне, однако, как отметил не без иронии Уинстон Черчилль, они взяли реванш в мемуарах.

Теперь и в перестроившейся России они нашли издателей и читателей. Их сочинения в переводе на русский язык выходили в России большими тиражами. Общее количество мемуаров и сочинений нацистских деятелей, увидевших свет в России спустя более полувека, достигает 200 наименований. Полагаю важной задачей историков старшего поколения сохранить и передать новому поколению соотечественников верное представление о Великой Отечественной войне, чтобы избежать повторения трагедии.

Научная проблематика исследования истории обороны Москвы имеет ряд аспектов: от изучения хода и исхода военных действий до международных политических последствий первого крупного поражения германского вермахта. Разумеется, предметом изучения исторического события и его последствий являются и социально-экономические факторы, определившие ход и исход не только сражения за Москву, но и всей Второй мировой войны.

Для систематизации знания фактов и их взаимосвязи для историков имеет значение условная периодизация исторических событий. Для определения места и значения сражения за Москву на первом этапе Великой Отечественной войны важно определить временные рамки сражения за Москву. Одни исследователи считают, что битва за Москву началась с момента нападения германского вермахта на нашу страну, поскольку стратегические планы Германии предусматривали захват Москвы, Ленинграда, Киева и продвижение до линии Архангельск — Астрахань. Другие склонны считать началом сражения за Москву введение в действие германского плана «Тайфун». Имеются разночтения в определении завершения этапа сражения за Москву: ржевско-вяземская операция (2–31 марта 1942 г.) или 20 апреля 1942 года. Полагаю, что наиболее точно определил рамки Московского сражения маршал Г. К. Жуков, один из главных руководителей обороны Москвы. Это две даты: 30 сентября 1941 г. и 20 апреля 1942 г. Первая дата — это начало германского наступления с целью захвата Москвы, Вторая дата — завершение ржевско-вяземской операции (8 января — 20 апреля 1942 г.).

Наступление с целью захвата Москвы германское командование начало готовить сразу после первых успешных действий в приграничных районах СССР, не останавливаясь, несмотря на суще-

ственные потери в живой силе. Генштаб спокойно констатировал, что за первую неделю войны на восточном фронте, с 22 июня по 30 июня 1941 года, потери вермахта составили 41087 человек, в том числе 524 офицера и 8362 унтер — офицера. Генштабисты хладнокровно отметили, что это относительно немного, если иметь в виду контингент в 2,5 миллиона человек на восточном фронте. Однако это было больше, чем потери на западном фронте за то же время. Конечно, расчет строился на плане быстрой, молниеносной войны, не долговременной войны¹³.

«Отход противника перед фронтом группы армий «Юг» происходит наверняка не по инициативе русского командования, а в результате того, что в ходе продолжительных упорных боев силы противника оказались перемолотыми и большая часть его соединений разбита», — записал Ф. Гальдер. Он полагал, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии на фронте Западной Двины и Днепра выполнена. Ссылаясь на показания одного пленного командира корпуса, начальник генштаба полагал, что за Днепром смогут сопротивляться лишь разрозненные группы русских. Общий вывод генерала был таков: «Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней» (там же, с. 296). Начальник генштаба явно мыслил масштабами войны против Польши, Франции и Дании.

«План Барбаросса», точнее директива № 21 верховного командования, предусматривала быстрое продвижение трех группировок войск на направлениях «Юг», «Центр», «Север». Стратегическая цель была обозначена четко: достижение за несколько недель линии Архангельск—Астрахань. Директива ставила перед группировкой армий «Центр» как важнейшую задачу — быстрое продвижение к Москве: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»¹⁴. Нацистское командование рассчитывало за несколько недель дойти до Москвы, разгромив основные силы Красной армии на театре военных действий на территории до Днепра и Западной Двины. Начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля, пехотные соединения смогут занять Москву только в августе»¹⁵. Однако на деле в августе удалось лишь начать переброску войск на центральное направление с целью захватить Смоленск и до зимних холодов захватить столицу Советского Союза.

По сведениям военных исследователей, к октябрю 1941 года соотношение сил на советско-германском фронте сложилось в пользу агрессора:

общая численность сухопутных сил вермахта на восточном фронте достигала 4 млн 300 тыс. человек против 3 млн 245 тыс. человек в действующей Советской армии. Вермахт имел на фронте 2270 танков против 2715 (в том числе средних и тяжелых танков было всего 726) артиллерийских орудий более 43 тысяч против 20, 6 тыс., более 3000 самолетов против 1460 с советской стороны¹⁶. Следует иметь в виду, что значительное количество техники Советская армия потеряла в ходе вынужденного отступления.

Дневники Франца Гальдера, несмотря на определенную субъективность суждений представляют собой достоверный источник информации о соотношении сил и о событиях на фронте¹⁷. Как историк полагаю, что вопреки предвзятому мнению в зарубежной и отечественной историографии следует признать, что Советская армия оказала упорное сопротивление агрессору и нанесла ему уже в первые месяцы войны существенный урон. Об этом свидетельствуют данные германской стороны. За 5 месяцев (до середины ноября) войны на советско-германском фронте вермахт потерял уже 16 920 офицеров ранеными и 6360 убитыми. Общие потери унтер-офицеров и рядовых достигло 685792¹⁸. Таким образом, к решающему сражению под Москвой германская армия пришла существенно ослабленной. Правда, и Красная армия понесла огромные потери, особенно ощутима была потеря кадрового состава вооруженных сил. Однако советское командование за время оборонительных боев и вынужденного отступления непрерывно пополняло действующую армию людскими резервами. Здесь уместно отметить, что партия и правительство страны выполнили гигантскую работу по мобилизации резервов и ресурсов под лозунгом: «Всё для фронта!» В литературе некоторые авторы применяют понятие «перманентная мобилизация».

Без планомерной работы по подготовке к оборонительной войне было бы немыслимо мобилизовать миллионные массы воинов, которых надо было одеть, обуть, регулярно кормить и обеспечить оружием, не говоря уж о технике и вооружениях. Публицистам, которые с легкостью необыкновенной рассуждают о стратегии, следовало бы помнить о таких обыденных факторах, как снабжение сражающейся против агрессора армии. Самоотверженный труд соотечественников в тылу был, несомненно, одним из важных факторов обороны страны.

На Германию в это время работала индустрия десятка союзных с ней и оккупированных стран Европы. У России имелся в этот момент надежный союзник — Монгольская народная республика, которая поставляла не только мясо, но и овчинные полушубки, лошадей для кавалерии

и артиллерии. Участник Великой Отечественной войны, академик С. Л. Тихвинский, выступая на конференции круглого стола в Дипломатической академии в связи с 65-летием Московской битвы, вспоминал о пребывании монгольской правительственной делегации в нашей стране и даже на линии фронта в дни московского сражения. Делегация была принята Г. К. Жуковым в Перхушково, где находился штаб Западного фронта¹⁹.

Серьезным фактором обороны Москвы с первых недель войны стало партизанское движение на оккупированных территориях, прежде всего в Белоруссии и Украине. Как историк я уверен в том, что действия партизан Белоруссии на коммуникациях, особенно на железных дорогах, служили важным фактором обороны Москвы. Масштабы партизанского движения в Подмосковье не были велики: более 40 отрядов общей численностью до 2000 человек²⁰. Однако к этому времени эффективно действовали отряды в Смоленской области, в Витебской области Белоруссии, на линиях коммуникаций в оккупированных западных районах страны.

В дневнике начальника генштаба 5 сентября записано в связи с совещанием у фюрера: «Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет «второстепенным театром военных действий». Кавычки в тексте, видимо, означают, что это выражение принадлежит самому фюреру. Далее следует стратегическое соображение: «Исключительно важно значение Шлиссельбурга. Для полного окружения Ленинграда по внешнему кольцу (до Невы) потребуется 6–7 дивизий. Сильные пехотные части сосредоточить по возможности за Невой. Окружение с востока, соединение с финнами» (с. 374). Таким образом, если на северном направлении цель достигнута, то центр тяжести может быть перемещен на центральное направление. Следующий пункт стратегического плана — «Наступление на войска Тимошенко». Задача: «окружить и уничтожить» На следующий день генштаб определяет соотношение сил ВВС, своих и (по разведанным) советских: на центральном направлении соотношение: 457 единиц против 549, при явном преимуществе германских сил в бомбардировщиках, советских — в истребителях (с. 317).

Еще 6-го сентября германское командование издало директиву о наступлении на Москву через Брянск и Смоленск. Командование группы армий «Центр» подготовило к 16 сентября директиву о проведении наступательной операции под претенциозным названием «Тайфун», которая должна начаться не позже первых чисел октября. План предусматривал прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль—Москва. Предусмотрен был возможный поворот наступления на Вязь-

му, а также на Ржев. Задачи армий и соединений в приказе расписаны весьма обстоятельно²¹.

В конце сентября вермахт захватил Киев. Фельдмаршал Ф. фон Бок вместе с фельдмаршалами В. фон Брухичем и А. Кессельрингом убедили Гитлера развернуть наступление на Москву, чтобы взять ее еще до зимних холодов. Утром 30 сентября Ф. фон Бок отдал приказ начать наступление на двух направлениях: на Брянск и на Вязьму. Ставка делалась на быстрое продвижение танковых армий и окружение крупных группировок советских войск. Западные историки склонны считать операции по окружению под руководством Ф. фон Бока самыми хорошо продуманными операциями «за всю военную историю»²². Перед развертыванием наступления на Москву германское командование перебросило 10 дивизий с других направлений, а также из резерва. Ударные силы (три полевые армии плюс три танковые группы) имели более 14 тысяч орудий, 1700 танков, поддержку примерно 1400 самолетов²³. В целом ударные силы группировки «Центр» составляли, по оптимальным оценкам, 75 дивизий численностью до 1 млн. 800 тысяч человек.

Командующий группой армий «Центр» Фёдор фон Бок вел ежедневные записи относительно положения на центральном направлении. В первой декаде сентября он зафиксировал такое соотношение германских дивизий на трех основных направлениях восточного фронта: «Юг» — Рундштедт 77 дивизий против 47 советских дивизий, «Север» — Лееб 31 дивизия против 25 советских, «Центр» — Бок 55 германских дивизий против 86 советских дивизий. (цит. соч. стр. 502). Численность и состояние советских дивизий следовало бы уточнить. Советское командование подтягивало силы для обороны Москвы с других фронтов, не оголяя, однако, фланги. Но основная ставка делалась на переброску свежих сил, формируемых в тылу с задачей ведения боевых действий в зимних условиях.

2 октября, за два дня до намеченного общего наступления, 3-я танковая группа под командованием генерала Гота наносит удар по 18 и 30 армиям на стыке Западного и Брянского фронтов и прорывает фронт. Войска Гудериана пошли на г. Орел и 3 октября вошли в город. «Брянский фронт оказался рассеченным», — отметил Г. К. Жуков (т. 2, с. 216). 6 октября 17-я танковая дивизия вошла в г. Брянск. На следующий день силы 4-й танковой армии захватили Вязьму. По данным верховного командования вермахта, имеющимся в Центральном архиве министерства обороны России и введенным в научный оборот молодым исследователем Н. Пархитько, за три недели в октябре 1941 года на московском направлении попали в плен более 660 тысяч солдат и офицеров Красной ар-

мии, а общие потери достигли миллиона человек. Агрессор захватил у окруженных в районе Брянска и Вязьмы советских войск почти 1250 танков, более 5 тысяч орудий²⁴.

Почти одновременно 4-я танковая группа под командованием генерала Гепнера наносит удар в полосе обороны 43-й армии, а затем по войскам 33-й армии Резервного фронта²⁵. Тем временем, 2-я танковая армия вклинилась на 120 километров в полосу обороны Брянского фронта. Бои шли и к северо-востоку от Орла. Генерал Гудериан вспоминал о действиях русских: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших (немецких) танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»²⁶. В сложившейся ситуации Гудериан не смог взять Тулу.

К этому следует добавить, что еще в середине июля впервые получили эффективное боевое применение ракетные установки, получившие в войсках название «Катюша». Маршал Тимошенко сообщил об этом историческом эпизоде — огневом ударе батареи капитана И. А. Флерова лично И. В. Сталину: «20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5-й пехотной дивизии, наступавшей на Рудня и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5-й пехотной дивизии оказала батарея РС, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудне противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день»²⁷. Правда, до массированного применения этого эффективного вооружения потребовалось еще довольно много времени. Очевидно, были введены в действие экспериментальные образцы.

В октябре агрессор по плану под кодовым названием «Тайфун» создал непосредственную угрозу Москве. Германское командование сосредоточило на направлении «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока войска численностью 1,8 млн человек. В общей сложности они составляли 57 дивизий. Командование сухопутных сил группы армий дает 12 октября указание о «порядке захвата Москвы и обращении с ее населением». Документ начинался словами: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником». Достаточным «моральным обоснованием» германские генералы считали объявленную решимость советских людей сражаться с врагом до последней капли крови. Фюрер опасался, что

коварные большевики заминируют город, что возможна эпидемия. Поэтому в отношении Москвы гитлеровский план предусматривал окружение и блокаду города, затопление города и уничтожение жителей. Для этого «следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром»²⁸.

«Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием «Тайфун» началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка—Шостка», — записал маршал Г.К. Жуков. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин реагировал немедленно на изменение стратегической ситуации. По указанию Ставки создан 1-й гвардейский корпус под командованием Д.Д. Лелюшенко с целью задержать наступление немцев и обеспечить отвод войск Брянского фронта (Жуков, т. 2, с. 216). Однако 3 октября немецкие танки вошли в г. Орел, глубоко вклинившись в территорию нашей страны. По свидетельству лиц из ближайшего окружения верховного главнокомандующего, этот факт сильно взволновал И.В. Сталина. По телефону он гневно отчитал И.С. Коневу. Он приказывает докладывать об обстановке каждые два часа, а если надо, то чаще... В одном из телефонных разговоров прозвучала фраза: «Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!»²⁹

Всё внимание Кремля — Западному фронту. 5 октября И.В. Сталин по прямому проводу вызывает командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова в Москву, «чтобы посоветоваться». Из-за некоторых обстоятельств в районе Петергофа Г.К. Жуков не мог вылететь в Москву на следующий день и с разрешения И.В. Сталина отложил вылет в Москву на один день. Вечером 6 октября И.В. Сталин вновь позвонил Г.К. Жукову, чтобы спросить: «Что нового в действиях противника?» Ответ Г.К. Жукова точно отразил изменение обстановки: «Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление»³⁰. По прибытии в Москву Г.К. Жуков был тотчас принят И.В. Сталиным на его квартире. «И.В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо», — отметил генерал армии. Указав на топографической карте на район Вязьмы, он сказал: «Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка». Верховный Главнокомандующий поручил Г.К. Жукову отправить-

ся в штаб Западного фронта, чтобы разобраться в обстановке и позвонить оттуда «в любое время». После короткого разговора с начальником генштаба Б. М. Шапошниковым генерал на автомобиле отправился на фронт. Поздно ночью он прибыл на место назначения, где застал штаб фронта за работой в полном составе: И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и другие.

10 октября пополудни И.В. Сталин по телефону сообщил Г.К. Жукову, что решил освободить И.С. Коневу от командования Западным фронтом, отдав под суд за катастрофу. За Коневу вступился Жуков. Тотчас был отдан приказ о назначении Г.К. Жукова командующим Западным фронтом, а И.С. Коневу его заместителем. Одновременно Резервный фронт был объединен с Западным фронтом, штаб которого переместился в Алабино, а военный совет фронта в Можайск. На Можайскую линию обороны стали перемещать войска из резерва и с других фронтов. К середине октября были подтянуты 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, до 40 артиллерийских полков, общей численностью личного состава около 90 тысяч человек. Но этого было не достаточно для создания сплошной линии обороны³¹.

На подступах к Москве германскому вторжению противостояли армии Западного фронта под командованием генерал-полковника И.С. Коневу, Брянского фронта во главе с генерал-полковником А.И. Еременко, войска резервной оперативной группы А.Н. Ермакова, а также Резервного фронта во главе с маршалом С.М. Буденным. Общая протяженность трех фронтов составляла примерно 800 километров, а общая численность войск — 1 млн 250 тысяч человек. Преимущество в соотношении сил в тот момент было на стороне противника примерно в полтора–два раза.

В октябре 1941 года Москва оказалась в критическом положении. Германские войска продвинулись к западу и северу от Москвы до деревни Крюково, (41 километр Ленинградского шоссе), до г. Калинина (Твери) и до Дмитрова, до канала к р. Москве, на юго-востоке до Подольска, на юго-западе до Наро-Фоминска. Ближе всего к городу оказались отдельные подразделения вермахта в районе Фили. Немецкие офицеры бахвалились тем, что они в бинокль видели Красную площадь. Нацисты планировали парад своих войск у стен Кремля.

Однако из-за осенней распутицы дальнейшее германское наступление оказалось проблематичным. Германское командование, а вслед за ним и западные историки ссылаются на то, что немецкая техника сначала увязла в грязи, а потом отказала из-за мороза. Подвоз боеприпасов и продовольствия, очевидно, был затруднен из-за нарушений и разрушений на транспортных коммуни-

кациях: на дорогах застряли до 2000 транспортных средств. Западные авторы приводят примеры, когда 16 лошадей не могли вытащить из трясины гаубицу или когда артиллерия не имела смазки для подвижных частей орудий. Ощутимой стала нехватка горючего для самолетов и т.п. Сэмюел Митчем в книге, выпущенной на английском языке в 1990 году, написал:

«Бок, находившийся тогда примерно в 70 милях от Москвы, был вынужден 30 октября приостановить наступление и дожидаться морозов, пока почва не промерзнет настолько, чтобы можно было подвезти продовольствие и боеприпасы»³². И.В. Сталин, взвешивая факторы войны и делая ставку на сибирские дивизии, учитывал и климатический фактор, скорее как позитивный для обороны фактор. Так в беседе с польским генералом Андерсом, явно желая склонить его к союзническому взаимодействию в трудный момент, как бы вскользь упомянул привычную для восточных славян зимнюю погоду.

В тот момент нацистские стратеги обратились к своему фюреру с предложением приостановить продвижение в глубь территории Советского Союза: «Леиб и Рундштедт настаивали на том, чтобы отменить наступление, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, не разделяя планов Бока. Последний, при поддержке Браухича и Гальдера, настаивал на том, чтобы возобновить наступление. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября»³³.

Критическим днем для москвичей было 16 октября, когда эвакуация мирных жителей не только по железной дороге, но и по шоссе стала очевидной. Из Москвы в Куйбышев (Самару) выехали правительственные учреждения. Изустная легенда повествует, что на Казанский вокзал выехал и лично И.В. Сталин. Он якобы долго ходил по перрону, выкуривая одну за другой папиросы. Все ожидали команды к отправлению эшелона, пока вождь не ушел с платформы и вернулся в Кремль, чтобы оставаться там до полной победы над врагом. Документальных подтверждений этого мне не доводилось видеть. Однако в каждой легенде есть доля правды. А она состоит в том, что И.В. Сталин в течение всей войны оставался в Москве или в пригороде «на даче» в Филях.

В ноябре 1941 года на Западном фронте нарастала напряженность. В этой тревожной обстановке большое политическое значение имело проведение вечером 6 ноября торжественного заседания с участием И.В. Сталина на станции метрополитена «Маяковская». Уезжая после собрания, И. Сталин пригласил некоторых участников заседания прийти утром рано на Красную площадь, чтобы приветствовать участников во-

енного парада. Проведение парада уходящих на фронт войск на Красной площади в Москве имело огромное значение для укрепления морального духа фронтовиков.

Газета «Правда», вышедшая на следующий день с фотографиями и текстом речи И.В. Сталина, стала действительно историческим документом. Попытки отбросить противника или хотя бы прорваться из окружения не приводили в решающему успеху. Более того, противнику удалось закрепиться на флангах к востоку и западу от столицы, заняв Клин и подойдя к каналу у Яхромы. 1 декабря немецкие войска неожиданно прорвались в центре фронта и направились к Кубинке, а танковые части противника пошли на Голицыно. В итоге этой операции противник оставил на поле боя 10 тысяч трупов и 50 подбитых танков. «Это была последняя попытка немецких войск прорваться к столице. В первых числах декабря по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что противник выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств»³⁴. Потери немецких войск за 20 дней в конце ноября превысили 150 тысяч человек и около 800 танков.

Еще в начале ноября Главнокомандующий дал указание Г.К. Жукову начать подготовку контрудара по германским войскам, обложившим город полукругом от г. Калинина до подступов к г. Тула. 10 ноября И. Сталин вызвал Г.К. Жукова вместе с командиром корпуса генералом И.А. Беловым в Кремль, где встретил их в подземном помещении. Выслушав доклад генерала армии, И. Сталин выразил свое одобрение и обещал подкрепление кавалерийским корпусом и танковой дивизией.

Тем временем германское командование готовилось к решающему сражению с целью захвата Москвы до наступления настоящей зимы. В середине ноября в штаб группы армий «Центр» в г. Орша прибыл начальник генерального штаба Ф. Гальдер. Туда же были вызваны начальники штабов группировок «Север» и «Юг», которые довольно сдержанно доложили, что без пополнения сил на их направлениях дальнейшее продвижение невозможно. Генерал Ф. Гальдер, имевший в папке одобренную в Берлине директиву, предоставил слово начальнику штаба группы армий «Центр» генералу Грейфенбергу, который бодро заявил: «Фельдмаршал Бок считает, что в военном и психологическом отношении необходимо взять Москву. Опасность, что мы этого не сможем сделать, должна быть принята во внимание, но будет еще хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в пятидесяти километрах от манящей цели»³⁵. В итоге этого совещания германским генералам стало ясно, что поставлена цель — взять Москву, что стратеги-

ческая цель — продвижение до линии Вологда–Горький–Саратов–Сталинград–Майкоп, если не отменяется, то отодвигается. После совещания Ф. Гальдер ознакомил командующего группой армий «Центр» Ф. Бока с приказом фюрера, согласно которому танковая армия Гудериана захватывает г. Тулу и наносит удар на юго-востоке от Москвы в направлении на Коломну с целью двигаться на г. Горький (Нижний Новгород). Одновременно армия Штрауса и группа Рейнхардта развертывают наступление на северо-западе: от Торжка и Калинин в восточном направлении с целью перерезать канал Москва—Волга и нанести удар по Москве с северо-востока. В центре Западного фронта фронтальное наступление должна была развернуть 4-я армия под командованием Клюге и танковая армия под командованием Гепнера. Дату перехода в наступление должен был определить сам Ф. Бок. Таким образом, германский план захвата Москвы имел вполне определенные очертания.

Однако план Г. К. Жукова был не менее конкретен, но более реалистичен. Он строился на верной оценке сил противника (противник «выдохся») и на расчете Ставки подтянуть к обороне Москвы «сибирские» дивизии. Риск от переброски дальневосточных дивизий на запад был, конечно, велик, но смертельная опасность, нависшая не только над столицей, но и над страной, была неизмеримо большей. Определенное значение имело для принятия решения и сообщение из Токио легендарного разведчика Рихарда Зорге относительно стратегических намерений японского правительства. В критический для Советского государства момент Япония предпочла воздержаться от нападения на Россию и таким образом от поддержки своего идеологического союзника в Европе. Очевидно, японские стратеги лучше знали, что такое русская зима.

В отечественной публицистике в последние годы еще встречается утверждение, что контрнаступление советских войск произошло чуть ли не спонтанно без тщательной подготовки. Такое утверждение не имеет никаких оснований. В серьезных научных исследованиях показано на основе изучения всей совокупности документов того времени, что контрнаступление под Москвой было подготовлено как концентрацией стратегических резервов, людской силы и техники, так и разработкой реального плана боевых действий. Задача была поставлена Ставкой перед командованием Западного фронта — переход от обороны к контрнаступлению еще в начале ноября. Г. К. Жуков, естественно, ставил вопрос о дополнительных подкреплениях. Так 29 ноября он попросил передать в состав Западного фронта 1-ю ударную армию, подчиненную непосредственно Ставке, а также 10-ю армию, расположенную под Рязанью.

И. Сталин ответил, что должен посоветоваться с генштабом. Уже вечером того дня Г. К. Жуков был вызван к телефону. Генштаб сообщил, что в распоряжение командующего Западным фронтом передаются запрошенные соединения и, кроме того, соединения Московской зоны обороны, объединенные в 20-ю армию. Начальник генштаба Б. Шапошников сказал в заключение разговора: «Верховный просил вас прислать план операции по разгрому немецких войск под Москвой».

На другой день так называемая план-карта с пояснительной запиской поступила в генеральный штаб. И. В. Сталин написал в верхнем правом углу документа: Согласен. Там же поставлена дата: 1 декабря. План Г. Жукова наметил следующие действия:

- Удар в направлении г. Клин и Солнечногорск и в истринском направлении с целью разгрома основной группировки противника на правом фланге.
- Удар по пунктам Узловая и Богородицк во фланг и тыл группы Гудериана с целью разгрома противника на левом крыле.
- В центре фронта намечено наступление армий, однако, с ограниченными задачами³⁶.

Первый удар был нанесен противнику 5 декабря на Калининском фронте, которым командовал И. С. Конев. На следующий день после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начали боевые действия войска Западного фронта, затем начала наступление ударная армия Юго-Западного фронта. Ценным источником информации о том, как оценивало обстановку германское командование, является «Дневник» Ф. Бока, командующего группой армий «Центр». Еще 2 декабря он записал: «2-я армия (Гудериан) перешла в наступление и на первом этапе добивается внушительных успехов. Наступающие войска довольно слабы, ради наступления пришлось довольствоваться слабыми силами как восточного, так и северного флангов. Одна из дивизий 20-го корпуса 4-й армии (Клюге) сумела глубоко вклиниться в оборону врага южнее автострады, однако, не сможет там удержаться — во время своего наступления тыловые части упомянутой дивизии были окружены неприятелем и вызволить их удастся не раньше завтрашнего утра»³⁷. На следующий день Клюге ставит в известность командующего, что отдал приказ отвести наступающие части у Троицкого. В тот же день в дневнике появляется лаконичная запись: «У южного крыла 3-й танковой группы (генерал-полковник Георг Ханс Рейнгард) под Дмитровом и Яхромой неприятель, подтянув подкрепление, переходит в наступление» (с. 388). Командующий 4-й танковой группы Гепнер настойчиво просит поддержки. В записях Фёдора фон Бока появляется мотив: войска не могут на-

ступать. А после 6-го декабря появляется понятие кризис. 7 декабря Ф. Бок доложил командующему германскими войсками Браухичу, что русские развернули наступление на нескольких участках фронта: против танковой группы Гудериана под Тулой, против группы Рейнгарда у Клина и против армии Штрауса в районе Калинина. Самое главное в донесении Бока, что он не в состоянии сдержать крупное наступление советских войск. Бок просит разрешения Берлина перейти к обороне. Однако Гитлер отдает распоряжения непосредственно командующим группами армий: держаться на занятых рубежах.

Начальник генерального штаба, находясь в Берлине, конечно, хорошо представлял себе масштабы предстоявшей катастрофы. 7 декабря он написал в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам носится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков»³⁸.

Однако по настоянию Браухича и Гальдера 8 декабря Гитлер разрешил издать директиву под номером 39 о переходе к обороне на всем восточном фронте. «Директива ОКВ № 39» в первом абзаце введения сообщает командующим группами армий на восточном фронте версию перехода к обороне: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне»³⁹.

В этом документе впервые появилась ссылка на «преждевременное наступление холодной зимы» как на причину прекращения наступления и перехода к обороне. Здесь берет начало миф о «генерале Мороз», используемый до сих пор фальсификаторами истории. Что касается «холодной зимы» на восточном фронте в начале декабря, то, очевидно, версия возникла в штабе фельдмаршала Ф. Бока, а затем в Берлине. Запись Ф. Бока от 4 декабря завершается лапидарно кратко фразой: «Жестокий мороз». Находясь в Берлине, генерал Гальдер записал в своем дневнике 5 декабря: «Мороз 36 градусов ниже нуля. Намеченное наступление 3-й и 4-й танковых групп должно бы быть отменено. Противник прорвал наш фронт восточнее Калинина». В Дневнике Ф. Бока запись 6 декабря имеет явно оправдательный смысл: «Поскольку из-за исключительно низкой температуры — минус 38 градусов — танковые двигатели повсеместно отказывают, приходится оставлять часть

машин и орудий» (с. 390). Правда, днем позже немецкий генерал признает, что русские танки при такой же температуре заводятся. Чуть позже германские генералы, увидев в бою советские танки Т-34, вынуждены будут признать превосходство этой модели. Однако в битве под Москвой таких новых танков много не было.

Ни одна метеостанция Москвы и Подмосковья не зафиксировала такого мороза в те дни и позже. Максимум, отмеченный станцией под Наро-Фоминском («полюсом холода» в Подмосковье), в ночное время не превышал 28 градусов. Кроме того, следует учитывать, что мороз действует на всю живую силу и на технику не выборочно, а одинаково. Ветераны войны — участники обороны Москвы, да и ополченцы вспоминают, что они находились в окопах и землянках, сменяя друг друга, круглые сутки в течение нескольких недель. Правда, спасали овчинные полушубки и шапки-ушанки, да валенки. А это уже вопрос, относящийся к сфере предусмотрительности командования. Главным фактором разгрома германской армии под Москвой была, конечно, боеспособность Красной армии и эффективные действия командования. Об этом свидетельствуют документы и германской стороны, в том числе такие краткие как запись Ф. Гальдера, сделанная 5 декабря: «Гудериан решил на отвод войск от Тулы». Очевидна причина такой решимости танкового барона: нет сил удержать позиции под напором русских. В «Дневнике» Ф. Гальдера сделаны и такие записи:

5 декабря: «Фон Бок сообщает: Силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать».

6 декабря: «По шоссе Дмитров–Москва — сильное движение. Продолжается эвакуация из Москвы».

7 декабря: «Группа армий «Центр». Отвод 10-й моторизованной армии у Михайлова (армия Гудериана) по всей вероятности будет иметь очень неприятные последствия».

Все верно. Однако еще не видно осознания того, что это начало конца быстротечной, молниеносной войны. Начальник штаба спокойно фиксирует факт: «Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник также на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения нам удалось локализовать»⁴⁰.

Все идет по плану Жукова, хотя и не так быстро, как хотелось бы советскому командованию. Первым из германских генералов задумался над причинами «кризиса», естественно, командующий группой армий «Центр» Фёдор фон Бок. Фельдмаршал в своем Дневнике под 7 декабря выделит текст под названием: «Причины тяжелого кризиса» (с. 392–394).

В своем дневнике он записал 7 декабря: «Тяжелый день. Правый фланг 3-й танковой группы ночью начал отвод своих сил. Весьма досаждают прорывы противника на северном фланге танковой группы. На правом фланге 9-й армии враг сумел существенно расширить зону прорыва»⁴¹. Что касается причин кризиса, то фельдмаршал видел их прежде всего в «осенней распутице», а также в «хаосе на железных дорогах». Лишь на 3-е место ставил силу сопротивления советских войск: «Недооценка боеспособности неприятеля и его материальных и людских резервов» (там же, с. 392). Эта причина относилась, естественно, к компетенции верховного командования, которое не дало вовремя подкрепления.

Германский стратег ссылался не только на эффективность действий русских по разрушению коммуникаций и построек на оставляемых территориях (протяженность коммуникаций превышает 1500 километров), но и на умелое маневрирование советского командования на этом огромном пространстве: «За поразительно короткий срок русские сумели поставить на ноги свои разгромленные дивизии, перебросить на угрожаемые участки фронта новые из Сибири, Ирана и Кавказа и воссоздать утраченные во время отступления артиллерийские орудия и реактивные установки. Сегодня перед фронтом группы армий насчитывается уже на 24 дивизии больше, чем 15 ноября». Силы германских войск в результате ожесточенного сопротивления русских и «жесточких зимних холодов», по оценке германской стороны, сократились вдвое. «Потери командного состава в среднем и нижнем звене чудовищно высоки, и на сегодняшний день компенсировать их куда сложнее, чем потери среди рядового состава»⁴².

Началом наступательной операции под Москвой принято считать 5 и 6 декабря 1941 года. В немецких источниках отмечены «попытки» советских войск перейти в контрнаступление, датированные 4-м декабря (см. Бок 6 дек.). Это не означает, что на фронтах до того было полное затишье. Серьезные бои происходили на разных участках фронта. На Южном направлении 28 ноября войскам под командованием Тимошенко был отдан приказ освободить г. Ростов. Задание было выполнено в кратчайший срок. Армия генерала Клейста отступила, что вызвало у Гитлера приступ ярости.

Особенно опасными были атаки германских танковых групп под Москвой. В историю обороны Москвы вписаны эпизоды самоотверженной борьбы советских воинов против танков не только Гудериана, но и Гепнера. Бессмертный подвиг совершили воины дивизии генерала Панфилова в районе разъезда Дубосеково 16 ноября. Именно здесь родилась крылатая фраза, ставшая боевым лозунгом. Обращаясь к воинам, политрук роты

В. Ключков сказал: «Велика Россия, а отступить некуда: позади Москва!»⁴³. Попытка некоторых публицистов нынче принизить значение подвига панфиловцев выглядят кощунственно. Разумеется, отдельные бои и эпизоды не предопределяли исход грандиозного сражения. В сражении участвовали миллионы солдат и офицеров. Массовый героизм и стойкость воинов и умелое руководство гигантской армией были главным фактором победы в битве за Москву.

Изустная легенда, зафиксированная в военных воспоминаниях, повествует о том, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в те дни особенно часто, по крайней мере дважды в день, лично звонил по телефону генералу армии, командующему Западным фронтом Г. К. Жукову, чтобы убедиться в том, что войска твердо стоят на позициях. Предполагают, что И. В. Сталин не выпускал из рук записную книжечку, в которой фиксировал прибытие свежих дивизий к полуокруженной Москве. Накануне контрнаступления он спросил Г. К. Жукова, имеется ли возможность отбросить противника на несколько километров, скажем, километров на пять-восемь. Ответ Г. К. Жукова был по военному кратким. Он воспринял вопрос, как указание действовать.

Контрнаступление советских войск началось на Калининском участке фронта 6 декабря. Было бы наивным представлять дело так, что с возгласом «Ура!» солдаты пошли в атаку и гнали врага до его логова. Бои под Москвой в декабре—январе были упорными и долгими. На участке фронта в районе Дмитрова советские войска пошли в наступление 11–13 декабря. В результате ожесточенных боев советским войскам удалось освободить 13 декабря г. Клин, а 16 декабря г. Калинин. Лишь 30 декабря удалось освободить Калугу. В течение января удалось преодолеть выступ германского фронта между Калининским и Клином и отбросить противника от Волги. К 30 января 1942 года был выровнен в известном смысле фронт от Верхней Волги до реки Москва. Еще два месяца, до самой весенней распутицы, продолжались бои в сложных условиях зимы на подступах к Москве.

Какое влияние на ход военных действий под Москвой оказали события на Западе? Собственно серьезных событий на западе Европы со времени вероломного нападения Германии на Советский Союз не произошло, да и материальной помощи не поступило. Правда, германская разведка отметила несколько британских танков в советских танковых частях. Вероятно, это были танки, переброшенные из Ирана, где находились советские и британские вооруженные силы.

Как только в Лондон пришла весть о начале наступления советских войск под Москвой, в британских правящих кругах появилось жела-

ние узнать об этом побольше на месте событий. В Москву по поручению премьер-министра Уинстона Черчилля прибыл министр иностранных дел, глава разведывательной службы Британии Антони Иден. Его сокровенным желанием было увидеть своими глазами хотя бы одного убитого немца. И. В. Сталин распорядился, чтобы визитера сопровождал в поездке к линии фронта не дипломат, а один из высших офицеров. Выбор пал на генерал-лейтенанта П. А. Ермолина. Позже генерал П. А. Ермолин рассказал, как И. В. Сталин напутствовал своего подчиненного: «Надо показать англичанам результаты разгрома немцев под Москвой. Будете сопровождать Идена в поездке до Волоколамска. Но помните: он не только министр иностранных дел, но и руководитель английской секретной службы. В беседах с ним будьте крайне осторожны. Больше смотрите на выражение его лица»⁴⁴. Замысел И. В. Сталина был прост: выполнить психологический эксперимент, чтобы склонить англичан к серьезным переговорам о союзном договоре.

По просьбе гостя его повезли под охраной на нескольких машинах к линии Калининского фронта по Волоколамскому шоссе. Близ г. Клин вдоль дороги ему предстала невиданная в Европе картина разбитой германской техники и застывшие трупы немцев. Ничего подобного в Западной Европе видеть не приходилось. Тем не менее, на предложение заключить наконец союзный договор, откликнуться на призыв И. В. Сталина от 18 июля 1941 года открыть второй фронт в Европе министр реагировал сдержанно. Великобритания не хотела признать довоенные границы Советского Союза из-за присоединения к нему прибалтийских республик. Британский премьер У. Черчилль собирался с силами, чтобы вести войну с Германией вплоть до... последнего русского солдата. В США в тот момент еще преобладала точка зрения, которую тогдашний сенатор Г. Трумен выразил цинично: пусть русские и немцы как можно больше убивают друг друга.

Во время поездки А. Иден задал генералу вопрос: каковы потери немцев? Генерал, что называется, не моргнув глазом, ответил: «около пятисот тысяч». Если генерал имел в виду потери германских войск непосредственно под Москвой, то это была завышенная цифра. А если он имел в виду общие потери с начала войны, то это была заниженная цифра. Впрочем, общие потери германской армии к этому моменту он мог и не знать, точнее: не мог знать. Генерал сделал тонкое наблюдение о реакции англичанина: «Рот его приоткрылся, подбородок опустился вниз». Иначе говоря: англичанин разинул рот. После доклада П. А. Ермолина И. В. Сталин «с удовлетворением в голосе» сказал: «Теперь англичане на перегово-

рах с нами будут более стоворчивыми». Однако на деле, хотя до стоворчивости англичан было еще далеко, поворот не только на фронте, но и в сознании европейцев должен был произойти перелом: «непобедимый» нацистский вермахт потерпел первое серьезное поражение.

Иначе складывалась обстановка на Дальнем Востоке, на Тихом океане. В США внимательно следили за действиями Японии в этом регионе, возлагая надежду на то, что она развернет свои военные силы на континенте против Китая и Советского Союза. Заместитель госсекретаря США С. Уэллес, естественно, хорошо зная положение Москвы в этот момент, заявил 1-го декабря 1941 года публично: «Япония может напасть на Советский Союз в случае отвлечения им значительного числа своих войск с Дальнего Востока на Восточный (точнее: на Западный) фронт»⁴⁵. Советское командование перебросило к этому времени примерно половину дислоцированных на востоке страны дивизий, т.е. по калькуляции западных стратегов ситуация складывалась благоприятно для расчетов японских милитаристов. При решении о переброске дивизий с востока на запад советское правительство учитывало не только информацию разведчика Р. Зорге, но и донесение военного атташе и военного советника в Пекине, в котором четко отмечено: что все разговоры о подготовке Квантунской армии к наступлению ни на чем не основаны»⁴⁶.

Нападение Японии на флот США в Пёрл Харбор 7 декабря 1941 года не оставило администрации США никакого выбора. Война на Тихом океане стала фактом. Еще осенью американская дипломатия из Москвы уведомила администрацию США лаконичным слогом: «Здесь преобладает безграничная воля к победе». В ноябре того же года правительство США приняло решение — распространить действие закона о ленд-лизе, т.е. о поставках военных материалов взаймы и в аренду, странам, ведущим войну против нацистской Германии. В тот момент это была декларация о намерении. Реальная помощь военными материалами и вооружениями до сражения за Москву в СССР не поступала.

Ну а как была воспринята в самой Германии весть о начавшемся контрнаступлении Красной армии под Москвой и о переходе германских войск к обороне? Нельзя сказать, что события на восточном фронте тотчас повергли немцев в шоковое состояние. После некоторого замешательства главный шеф пропаганды пресловутый Й. Геббельс решил ввергнуть обывателя в состояние шока, используя версию неожиданной суровой русской зимы, развернув кампанию по сбору теплых вещей для армии под лозунгом: «Сдавайте теплую одежду!» Признавая, что тыловая служба вермахта не

обеспечила солдат зимней одеждой, Й. Геббельс 21 декабря, за день — два до рождества, призвал немцев создать «фронт» по спасению немецких солдат: «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы. Если у вас дома есть какие-то теплые вещи, отправьте их на фронт»⁴⁷. Перечень вещей, которые помогут избежать катастрофы, вызвал в западной прессе, особенно в британской, можно сказать сардонический отклик. В списке вещей были названы не только шерстяные носки и свитеры, теплое белье и шапки, рукавицы, но и наушники и наколенники. Не были названы, но оказались в массе сданных вещей, а их общее число достигло 67 миллионов единиц, даже дамские шубы и дамское белье. Цель ярого нациста — повергнуть в шок немцев, чтобы избежать катастрофы, (именно это выражение было пущено в ход), была достигнута.

Разумеется, серьезнее поняли причины и следствия перехода к обороне германские военачальники. Германское командование понимало, что молниеносная война не состоялась, что предстоит долговременная «кампания» с неопределенным окончанием. Однако высшее политическое руководство не считало утраченной стратегическую инициативу, полагая, что перестановки в командном звене и перегруппировка еще имеющихся сил позволят сокрушить Советский Союз и договориться с западными державами о разделе жизненного пространства. Рейхсканцлер Адольф Гитлер легко возложил ответственность за провал «Плана Барбаросса» и операции «Тайфун» на неумелых исполнителей, прежде всего на фельдмаршала Фёдора фон Бока, начальника генштаба генерала Франца Гальдера, на командующего сухопутными силами Браухича, чтобы взять в свои руки безраздельно командование вермахтом.

Именно в результате поражения под Москвой в правящих кругах Германии появились признаки «прозрения» не только в военной среде, но и в высших сферах государства, особенно после объявления А. Гитлером войны Соединенным Штатам из-за нарушения ими статуса нейтралитета. Одним из первых мысль о целесообразности вступить в переговоры о мире высказал Гальдеру генерал Фромм.

Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, отстраненный после нападения Германии на Советский Союз от восточной политики, пытался уговорить А. Гитлера дипломатическими методами умиротворить европейские страны, в том числе и оккупированные. Он поддержал версию А. Гитлера о «преждевременной зиме» как причине катастрофы под Москвой, но он же одним из первых в правящих кругах сделал вывод о необходимости искать пути к миру. В своих записках, опубликованных после его казни по при-

говору Нюрнбергского трибунала, мы находим такие строки: «После вызванной погодными условиями катастрофы зимой 1941–42 г., в результате которой наша армия, как известно, застряла перед Москвой и весь Восточный фронт зашатался, я по случаю новогоднего поздравления на рубеже 1941–1942 гг. впервые заговорил с фюрером о возможности заключения мира с Россией. На это Гитлер ответил мне всего лишь, что такой мир он не считает возможным, на Востоке речь может идти только о несомненном решении хода войны в нашу пользу»⁴⁸.

Позже, осенью 1944 года, «разведенная» жена И. Риббентропа написала письмо фюреру с предложением поручить ей вступить в контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме, чтобы получить контакт «для серьезного разговора с Россией о мире». А. Гитлер категорически отверг эту инициативу. Тем не менее, И. Риббентроп в январе 1945 года предложил Гитлеру поручить ему особую миссию: он готов вместе с семьей (в качестве заложника) полететь в Москву, чтобы убедить И. Сталина в «честности наших намерений». В ответ А. Гитлер твердо заявил, чтобы министр не уподоблялся Рудольфу Гессу, который, как известно, пытался выполнить миссию в Великобритании.

Иоахим фон Риббентроп, очевидно, считал себя умелым дипломатом, хотя на самом деле играл роль пособника сумасбродного диктатора. В ночь объявления войны, когда нацистские дивизии уже вторглись на территорию СССР, И. Риббентроп провожал советских представителей до выхода, повторяя невнятно: «Передайте в Москве, что я был против...» Он явно считал себя способным договориться в Москве о мире даже в момент, когда Советская армия численностью более 10 миллионов развернула уже наступление на Берлин. Записки нацистского дипломата, тем не менее, представляют интерес для историков, желающих понять, как рождаются иллюзии дипломатов. Одно свидетельство такого рода представляет интерес, хотя может быть истолковано двояко.

После Сталинградской катастрофы А. Гитлер завел разговор с министром о роли И. Сталина как личности, как лидера нации. «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным, — рассуждал А. Гитлер. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, нестигаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный

замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, историческая личность совершенно огромного масштаба⁴⁹. Обмен оценками не состоялся. Однако сталинская оценка личности фюрера могла быть доведена до него еще в годы войны. Имея в виду склонность А. Гитлера ставить себя в один ряд с Наполеоном, И. В. Сталин однажды сказал: Гитлер так же похож на Наполеона, как котенок на льва.

Из всех оценок личности А. Гитлера следует признать самой точной записанную Вальтером Шеленбергом: «Одной из характерных черт Гитлера была мания расового неравенства. Составной частью теории превосходства германской расы была ненависть Гитлера к евреям»⁵⁰. Начальник секретной службы нацистов свидетельствовал (он знал официальные заключения врачей-психиатров) о психической ненормальности фюрера. В архиве Гимmlера сохранились документы, свидетельствующие о патологических извращениях, в частности в отношении женщин: «Его вполне удовлетворяли экстазы власти в любых формах. Произнося свои речи, он впадал в такой экстаз и так дико корчился, что получал от этого полное удовлетворение». Ближайшее окружение фюрера, особенно врачи, знали об извращениях его и продолжали выполнять его приказы (там же, с. 60). Разумеется, немецкие генералы, в руках которых были судьбы сотен тысяч и миллионов своих сограждан не могли не понимать, что выполняют преступные приказы.

Агрессивный «План Барбаросса» и целый пакет приказов и распоряжений в развитие этого плана агрессии и уничтожения «неполноценных» народов составляли «нормальные» генералы, которые позже пытались возложить ответственность за неудачи и поражение в войне, но не за развязывание преступной войны, на фюрера. Возможно, первые сомнения в дееспособности и вменяемости фюрера появились после провала плана молниеносной войны. Однако гитлеровские генералы и высшие офицеры продолжали преступную «кампанию», стоившую миллионов жизней народов, включая и немецкий народ.

Если говорить серьезно и объективно о причинах поражения германского вермахта под Москвой и вместе с тем крушения плана молниеносной войны против СССР, то, конечно, на первый план следует поставить мощное организованное сопротивление Красной армии, всего народа вероломному вторжению агрессоров — нацистской Германии и ее союзников: Италии, Румынии, Венгрии, Испании и Финляндии. Такие факторы как климатические обстоятельства («преждевременная» зима) или даже субъективные просчеты гер-

манских генералов в оценке военного и экономического потенциала Советского Союза, включая сумасбродные установки фюрера, следует отодвинуть на второй и даже третий план.

К сожалению, в то время Советский Союз не получил практически реальной военной и материальной поддержки, от потенциальных союзников, от Великобритании и США. Реальные переговоры о союзном договоре СССР с Великобританией и о соглашении СССР с США стали возможны лишь после завершения битвы за Москву: в мае—июне 1942 г. Для полного разгрома агрессоров потребовалось еще три года. Нацистская Германия потерпела первое поражение. Однако еще не утратила стратегической инициативы и способности сосредоточить силы для летнего наступления на Южном направлении с целью прорыва к Волге и даже к Кавказу. Во многих странах мира, особенно в Великобритании и США, не говоря об оккупированных странах, поражение германской армии под Москвой было воспринято тогда же как провал германского плана молниеносной войны, как знак надежды на полный разгром агрессора.

Пресловутый бывший мэр Москвы Г. Х. Попов, выступая в роли историка — ревизиониста (читай: фальсификатора), выпустил в Москве в 2005 году книгу «Три войны Сталина», в которой попытался развенчать стратегию советских полководцев с позиций обывателя-злопыхателя в стиле перебежчика Резуна. Тщетные потуги. Грубой фальсификацией истории выглядит в этой связи утверждение пресловутого «историка» (на деле изменника Родины) В. Резуна, который в книге «Тень победы», вышедшей на русском языке под псевдонимом В. Суворов, представил исход сражения за Москву как поражение, более того, как «позорный разгром» Красной армии. Автор исследований полководческого искусства маршала Советского Союза Г. К. Жукова генерал армии М. А. Гареев показал в фундаментальном труде «Полководцы Победы и их военное наследие» абсолютную несостоятельность такого рода толкований, фактически искажений, фальсификации истории Второй мировой войны⁵¹.

В последние годы стало модным обсуждать масштабы безвозвратных потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. При этом ответственность за гибель миллионов граждан страны часто возлагается не на агрессора, а на «неумелое» руководство страны, игнорируется тот факт что значительная часть населения погибла на оккупированных территориях от голода (блокада Ленинграда), массовых расстрелов (Бабий Яр под Киевом), голода и холода (по признанию фельдмаршала Ф. Паулюса в сталинградском котле). В числе безвозвратных потерь оказались попавшие в плен советские солдаты и офицеры.

Из 5 миллионов военнопленных, по германским данным, два с половиной миллиона погибли от голода, болезней и истязаний в германской неволе.

Больших жертв стоила и оборона Москвы. Миллион участников этой битвы был отмечен медалью «За оборону Москвы». Однако значительными были безвозвратные людские потери вооруженных сил. Значительными были и потери техники и вооружений: 4171 танк, 21478 орудий и минометов, 983 самолета⁵². На московском направлении вермахт потерял 615000 солдат и офицеров.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Такой вывод сделал один поэт еще в средние века. В XX веке, веке техники и массовой информации, эта сентенция стала расхожим обобщением, которым пользуются публицисты, чаще всего игнорируя реальные исторические условия. В изображении событий Второй мировой войны этим грешат западные публицисты, которые высоко ставят германских стратегов, принижая стратегическое мышление советских военачальников. Между тем, в конце войны никто иной как Й. Геббельс вынужден был признать, русские генералы и маршалы превосходят германских, имея преимущество не только в возрасте (они были моложе германских лет на 10–15), но и в военном образовании (советские учились в академиях, в чем не были замечены немецкие). Даже рабоче-крестьянское социальное происхождение было признано достоинством русских в отличие аристократического, дворянского происхождения, питавшего национальное чванство. Нацистская идеология с ее доктриной расового превосходства дала отнюдь не позитивные плоды германской нации в целом. Очевидно, что доктрина расового превосходства предопределяла и концепцию военного превосходства Германии над другими странами.

Начиная с поражения под Москвой генералы на фронте начали сомневаться в правильности оценки военного потенциала Советского Союза в генеральном штабе Германии. Перед нападением на СССР Гитлер игнорировал мнение посла В. Шуленбурга и военного атташе в Москве Э. Кёстринга и положился на впечатления, которые получил полковник Кребс, побывав на параде Красной армии в Москве 1 мая 1941 года. Военная разведка имела достаточно много агентов, особенно в западных районах СССР. Однако правильно оценить военный и экономический потенциал страны накануне Второй мировой войны германский генштаб не сумел. Это относится и к первому этапу войны на восточном фронте в части, касающейся мобилизационной способности РККА. Недооценка боеспособности Красной армии была одной из причин просчетов германского командования.

Фактор внезапности вторжения потерял свое значение в первые месяцы войны, встретив упорное сопротивление советских войск, которые продолжали сражаться, хотя масштабы потерь были огромными. Способность Советского государства мобилизовать армию и наладить производство вооружений оказались иными, нежели те представления, которые сложились в германских официальных органах. Западные историки объясняют победу Красной армии тем, что И. В. Сталину удалось в короткий срок создать на московском направлении численное превосходство над противником. На самом деле к декабрю 1941 г. превосходство сил было еще на стороне противника: группе армий «Центр» численностью 1,8 млн противостояли советские войска численностью 1 млн 100 тыс. Противник подтянул технику: 13,5 тыс. орудий, 1170 танков, 600 самолетов. Советские войска имели на фронте 7650 орудий, 770 танков. Правда, на советской стороне имелось еще 415 установок реактивной артиллерии и до 1000 самолетов на подмосковных аэродромах. Иной вопрос: германский тыл находился в более, чем 1000 километрах и не обеспечивал достаточно горючим и боеприпасами. Советские войска имели прочный тыл, хотя в условиях окружения не всюду можно было свободно подвозить необходимое для войск.

Германские стратеги ссылались не только на климатический, но и на геополитический фактор, на беспредельные российские просторы, которые поглотили военную силу рейха. Это получило отражение даже в подзаголовках книг некоторых германских военных, например, в титуле книги К. Рейнхардта: «Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42». В публичных дискуссиях, в том числе в немецких аудиториях, иногда приходится слышать и такой обывательский «аргумент»: коварный Сталин сознательно заманил вглубь России германские армии, чтобы в неблагоприятных для немцев условиях устроить «русскую баню». Фальсификаторы истории до сих пор используют ссылки и на несостоятельную стратегию А. Гитлера, и на русский мороз, и на необъятные просторы России, чтобы игнорировать решающий фактор поражения вермахта под Москвой: хорошо организованное сопротивление агрессору, самоотверженность солдат и офицеров Красной армии (действительно рабоче-крестьянской армии), наконец, опыт ведения оборонительной войны, полученный военачальниками в первые месяцы войны.

Разгром десятков дивизий вермахта под Москвой имел резонанс во всем мире. Президент США Ф. Д. Рузвельт в послании И. В. Сталину 16 декабря 1941 г. сообщил, что в Америке наблюдается «всеобщий подлинный энтузиазм» по

поводу успехов великой нации в войне против нацизма.

После войны некоторые германские генералы признали, что поворот в войне наметился именно под Москвой зимой 1941–42 года. Например, генерал Г. Блюментрит отметил в своих воспоминаниях: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла первый сильнейший удар как в политическом, так и в военном отношениях»⁵³.

Из итогов зимней кампании 1941–42 гг. враждующие стороны сделали свои различные выводы, которые имели значение для дальнейшего хода войны. После битвы за Москву война вступила в качественно иной этап: в этап затяжной, долговременной борьбы, исход которой определялся такими стратегическими факторами как, материальные и людские ресурсы сторон, а также морально-политическим состоянием страны, народа. Разумеется, имели значение военное мастерство командования противоборствующих сторон и адекватность оценок ими стратегической ситуации, соотношения сил. Правящие круги Германии, преданные фюреру, старались преуменьшить масштабы поражения вермахта под Москвой, полагая, что смена фельдмаршалов, командующих направлениями наступления на начальном этапе войны, обеспечит успех в последующих крупных операциях. Они исходили из убеждения, что стратегическая инициатива отнюдь не потеряна, что германская сторона обладает достаточными силами для сокрушения большевизма, завоевания России.

Используя промышленный и людской потенциал не только Германии и Австрии, но и союзных государств, а также оккупированных стран, беспощадно эксплуатируя труд миллионов военнопленных на тяжелых работах на предприятиях и в шахтах, нацистские бонзы рассчитывали на быстрое восполнение потерь вермахта, увеличение производства вооружений для армии. Германское командование имело в своем распоряжении более, чем четырехмиллионную армию, в составе которой еще имелись войска, участвовавшие в покорении западных стран и обеспечившие триумф фюрера в Западной Европе. Новые стратегические планы Германии, новые наступательные операции на восточном фронте имели целью захват территорий на южном фланге, прорыв к Волге и Кавказу. Замысел заключался в том, чтобы перерезать коммуникации противника и захватить нефтяные промыслы Кавказа, грозненскую и бакинскую нефть. Это означало бы лишение советских вооруженных сил поставок горючего для танков и самолетов. Правда, германский генштаб и на этом направлении рассчитывал на успех, исходя из сведений полученных на бумаге, на топографи-

ческих картах и на рельефных ящиках. На южном направлении фактор пространства был не менее значительным, а главное стойкость и сопротивление советских войск здесь было не менее упорным, чем в битве под Москвой.

Первое крупное контрнаступление Красной армии имело не только военное, но и морально-политическое значение. Победа вдохновила и фронтовиков и тружеников тыла на продолжение самоотверженной борьбы за освобождение страны от оккупантов. Однако не только рядовые граждане, но и верховное командование не могло знать в полном объеме замыслы и планы противника. Многие в окружении И. В. Сталина были уверены, что германское командование может вновь начать наступление с целью захвата Москвы. Говорят, что И. В. Сталин не исключал такую возможность и не спешил перебрасывать армии на другие направления. К лету 1942 г. еще не удалось восполнить потери в живой силе и в технике, понесенные на начальном этапе войны. Безвозвратные потери были огромными. Потери техники можно было восполнить усилиями тружеников тыла, но для этого требовалось время. Знатоки говорят, что в период войны на каждого фронтовика в тылу должны работать по крайней мере 7 человек.

Производство вооружений в городах за Волгой и за Уралом на предприятиях, которые успели вывезти, не могло быть налажено мгновенно, по мановению волшебной палочки. Для налаживания производства необходимы помещения и технологически подготовленные кадры. Спасением для страны стали созданные до войны промышленные центры: Свердловск (Екатеринбург) и Магнитогорск, Караганда и Кузнецкий бассейн, другие менее крупные города и села. Гитлеровцы рассчитывали, что они с оккупированных территорий смогут направить бомбардировщики для уничтожения промышленных объектов за Уралом. Однако это оказалось нереально. В истории войны такие факты (бомбардировки глубокого тыла России) не зафиксированы.

Стратегические расчеты советского командования весной и летом 1942 года еще не были точными, хотя наступление на Сталинград, очевидно, не было полной неожиданностью. Одним из важных последствий победы Красной армии под Москвой было оформление союзных отношений Советского Союза с Великобританией и достижение соглашений с США, соглашения о принципах, применимых к совместной борьбе против Германии. Произошло это в итоге полета В. М. Молотова над Балтикой в Англию и в США в мае-июне 1942 г. В результате миссии Молотова появилась надежда на открытие второго фронта в Западной Европе. Однако западные союзники не торопи-

лись с высадкой большого десанта на континенте. Для подготовки такой операции им потребовалось два года. Мотив затягивания высадки был весьма неубедительным: сами разговоры о втором фронте уже полезны для Советского Союза. Однако гитлеровское командование строило свои стратегические планы без всякой оглядки на эту эвентуальность. Летом 1942 года германская армия начала наступление на Сталинград.

Главным фактором стратегической ситуации летом 1942 года было соотношение материальных технических средств на фронте. Вермахту удалось восполнить потери в технике. Советскому Союзу требовалось время для производства необходимого количества танков и самолетов, а главное артиллерийских орудий. Для коренного перелома в мировой войне требовалось не только время, но и вступление в силу факторов долговременной войны — борьбы «не на жизнь, а на смерть». Нашему народу предстояли сражения «не ради славы, ради жизни на земле».

Война глазами боевого офицера, прошедшего ее фронтовыми дорогами с первых недель до победного конца

Автор исследования «Полководцы Победы», видный военачальник и ученый М. А. Гареев, известен в нашей стране и за ее рубежами своими трудами по военной истории. Его монографии о полководческом мастерстве М. В. Фрунзе и стратегическом искусстве Г. К. Жукова получили широкое признание. Книга «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» (М., 1996) удостоена государственной премии в 1998 г. Общественное признание получили его книги «Моя последняя война» (М., 1996) и «Афганская страда» (М., 1999). Новая книга — это научное обобщение огромного опыта военной стратегии, на основе которого сделаны актуальные выводы для настоящего и будущего. Монография ценна, прежде всего тем, что крупный военачальник, знающий, что такое война не из книг, а из личного боевого опыта офицера, прошедшего по дорогам Отечественной войны с первых ее недель до победного завершения ее на Дальнем Востоке, дает представление о масштабах Второй мировой войны, о гигантских и людских, и материальных усилиях нашей страны в войне против фашизма, о решающем вкладе СССР в разгром нацистского вермахта. Автор хорошо знает цену не только словам, но конкретным фактам и цифрам. Приведенные в книге документы, факты, цифры прошли через сознание профессионального военного, мыслящего категориями стратегических масштабов.

Американский историк Лэнинг написал книгу «Сто величайших полководцев мира всех времен», которая вышла в 1998 г. в переводе на

русский язык под названием «Сто великих полководцев». Для таких книг российские издатели находят средства. В этом, казалось бы солидном специальном исследовании можно было ожидать объективные оценки. Однако в книге дан своего рода рейтинг — перечень выдающихся полководцев, который едва ли можно считать объективным. Среди ста выдающихся полководцев оказались 17 американцев, 12 англичан, 12 французов и только четыре русских (советских) военачальника: А. В. Суворов помещен под номером 50, а маршал Г. К. Жуков сдвинут на 70 место, причем отнюдь не по хронологическому принципу. В этом списке не нашлось места для М. И. Кутузова, изгнавшего Наполеона из России, но встречаются имена военных, отличившихся в колониальных войнах. В перечень включен ефрейтор первой мировой войны А. Гитлер, но не нашлось места для генералиссимуса И. В. Сталина, впрочем, как и для других руководителей стран-победителей — Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля и Ш. де Голля под предлогом, что они не были собственно военными, в том числе и генерал де Голль. Логика американского автора обусловлена, очевидно, какими то иными соображениями. Логика российских историков представляется более предпочтительной.

Выработать единый объективный критерий, действительно, не так просто. Однако еще не потеряв «общечеловеческий» здравый смысл. Российские военные историки объективно оценивают полководческое мастерство даже военачальников противника, скажем, германских фельдмаршалов. Правда и наши военные еще спорят относительно критериев оценки полководцев, не существует общего аршина для измерения полководцев «всех времен»: и исторические условия и масштабы войн, да и материально-технические средства ведения войн даже в рамках XX века весьма различны, не говоря уже о предшествующих эпохах. Очевидно, рейтинги полководцев имеют смысл, если применяется единый критерий для каждой эпохи и для каждой конкретной войны.

Критически оценивая рейтинги полководцев, которые встречаются в сочинениях зарубежных авторов, особенно германских, английских, американских и французских, наш генерал дает свою шкалу оценки вклада полководцев в политику и теорию военного искусства. Всякие рейтинги весьма условны и субъективны, однако в данном случае исследователь дает, пожалуй, наиболее объективные оценки, не огульно критические, но и не апологетические.

Выделяя отдельную категорию руководителей государств, автор, естественно, ставит в один ряд И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля, И. Б. Тито и Ш. де Голля. Это дает ему возможность предложить свою градацию полководцев

Великой Отечественной войны — маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского. Это не означает, что этим ограничивается исследователь. Он дает краткие, но емкие характеристики выдающихся военачальников, маршалов, которые командовали фронтами Отечественной войны, положив в основу последовательность марша сводных полков фронтов (с правого фланга к левому — с севера на юг) на Параде Победы 24 июня 1945 года: К.А. Мерецков, Л.А. Говоров, И.Х. Баграмян, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, А.И. Еременко, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин. Конечно, в определении последовательности прохождения полков в 1945 году был субъективный момент — мнение верховного командующего.

За выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне орден «Победа» получили дважды И.В. Сталин, Г.К. Жуков и А.М. Василевский, орденом «Победа» награждены также К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, А.И. Антонов, Л.А. Говоров, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин. Орден «Победа» следует признать не только критерием оценки, но и высшей оценкой заслуг полководцев в Великой Отечественной войне.

В книге дана характеристика и оценка вклада каждого полководца в Победу. Не оставлены без внимания и командующие видами вооруженных сил, общевойсковыми армиями. Словом, в книге сказано и доброе, и критическое слово о десятке полководцев, сотне военачальников.

Наиболее острой проблемой до сих пор остается оценка начального этапа Великой Отечественной войны, когда страна потеряла свою кадровую армию, а гитлеровские полчища за четыре месяца дошли до подступов к Москве. В книге дана критическая оценка «установки» И.В. Сталина накануне войны: нападения Германии на СССР в 1941 г. не будет.

Любые другие попытки «дополнить» плеяду выдающихся полководцев задним числом выглядят просто нелепо. Как специалист по военной истории, М.А. Гареев анализирует ход и исход обороны Москвы и значение первого крупного поражения вермахта в этом сражении, Сталинградскую битву — коренной перелом в ходе не только Отечественной войны, но и всей мировой войны, окончательную утрату стратегической инициативы германским командованием после сражения на Курской дуге, а затем и стратегические операции 1944 года — все это получило весьма квалифицированное освещение.

Отношения между И.В. Сталиным и Г.К. Жуковым — особая тема великой эпопеи. Свообразие мышления политических руководителей

и военных остается проблемой не только теоретической, но и этической. Кроме неверной оценки намерений нацистской Германии в отношении Советского Союза в 1941 году серьезным просчетом И.В. Сталина были его представления о намерениях противника весной и летом 1942 г. И в своей книге М.А. Гареев вновь возвращается к проблеме стратегической «преднамеренной» (я бы сказал, заблаговременной) обороны, которая не потеряла своей актуальности и спустя десятилетия после большой войны.

В российской публицистике до сих пор наблюдается тенденция принизить значение победы советского народа в Великой Отечественной войне. При этом в качестве основного аргумента используется тезис о «цене победы» — о жертвах, принесенных на алтарь Победы. Таким образом, ответственность за жертвы войны как бы перекладывается с Гитлера на Сталина, с агрессора на организаторов обороны и сопротивления агрессору. Логика некоторых российских публицистов ведет к выводу, что надо было сдаваться без сопротивления, отказаться от обороны Москвы и Ленинграда, тем более Сталинграда и Кавказа, не предпринимать контрнаступления, поскольку оно имело следствием большие потери. Массовое уничтожение мирных жителей и пленных германскими оккупантами, не говоря уже о конечной цели оккупации — полное уничтожение населения европейской части Союза ССР и выселение за Урал не поддающихся онемечиванию, авторы таких сочинений почему-то умалчивают. Эти же публицисты полагают, что Советской армии следовало остановиться на довоенной границе, отказаться от полного разгрома противника на территории стран Восточной Европы.

Освобождение Польши, Чехословакии, Австрии, штурм Кёнигсберга, Будапешта и Берлина, освобождение территории стран Восточной и Центральной Европы стоили, действительно, больших жертв. Они известны, но их пытаются предать забвению новые правители в этих странах. Значит ли это, что надо было воздержаться от полного разгрома германского вермахта? Там, где было возможно избежать военных действий, Советское правительство не вводило свои войска: в 1944 году перемирие было заключено с Финляндией, Румынией, Болгарией, когда германские войска были вытеснены с территории этих стран.

За годы войны на советско-германском фронте было разгромлено более 500 дивизий противника, примерно три четверти вооруженных сил Германии: 10 млн убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь за годы войны. На восточном фронте германские вооруженные силы потеряли большую часть военной техники: более 70 тысяч самолетов, около 50 тысяч танков

и бронетехники, 167 тысяч артиллерийских орудий, 2,5 тыс. кораблей и вспомогательных судов. Ясно, что такую массу техники невозможно вывести из строя заклиниваниями или «закидать шапками». Этой гигантской машине надо было противопоставить еще большую массу вооружений и техники, а главное умение воевать.

Ценность труда М. А. Гареева не только в том, что он дает взвешенные оценки исторического опыта, но и делает выводы для настоящего и будущего страны. Интересны наблюдения автора за превосходством советских военачальников над германскими: кроме преимущества по возрасту (советским маршалам к началу войны было до 45–50 лет, а германским под 60 и более), по образованию и боевому опыту. Кейтель на Нюрнбергском процессе признался: «Я никогда не учился в военной академии». Геббельс в конце войны записал в дневнике: «...Приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучших, чем наше, классов... Народного они корня...» Перед войной в Советской армии было 1106 генералов и адмиралов (в германской армии 1500), в годы войны в нашей армии получили звание генерала 3700 человек, из них погибли 235. В целом М. А. Гареев высоко оценивает профессиональный уровень и германских военных, особенно в управлении войсками, штабной работе, планировании операций. Это и понятно: Советская армия выстояла в борьбе с действительно сильнейшей армией в Европе, да и в мире того времени. Очерк М. А. Гареева о роли штабов и генерального штаба особенно интересен и потому, что несколько лет он сам был заместителем начальника генштаба нашей армии.

Некоторые публицисты в последнее время ставят вопрос: а нужны ли генштабы в мирное время? Нужен ли генштаб России? На этот вопрос генерал армии дает однозначный ответ: «Мозг армии» необходим не только во время войны, но и особенно в мирное время». Более того, автор приводит слова Б. М. Шапошникова из книги «Мозг армии» о том, что даже смена начальника генштаба являет собой эру военной подготовки государства. Если генштаб приходится собирать по тревоге, то лучше его заранее разогнать.

Третья часть книги «Военное наследие полководцев Второй мировой войны и перспективы развития военного искусства» особенно поучительна и в теоретическом, и в практическом плане. Генерал армии предупреждает общество, что было бы большой ошибкой (которую делают доморощенные «стратеги» типа А. Арбатова или В. Кокошина) ликвидировать западное стратегическое направление, исключить саму возможность возникновения для России крупномасштабной войны.

Ряд обобщений М. А. Гареева звучат как афоризмы:

«В народе издавна говорят: оборона и армия стоят столько, во сколько нация оценивает свой суверенитет».

«Бой для военного человека — экзамен, который неизвестно, когда будет, но к нему надо готовиться всю жизнь».

Интересна аргументированная интерпретация автором известного изречения германского военного теоретика начала XIX — «Война — это продолжение политики иными (насильственными) средствами». В книге отвергается попытка ревизии этой сентенции современными публицистами: у политики де не может быть «продолжения» в наше время.

В числе актуальных выводов есть и такое обобщение: «Иногда говорят: пока есть ядерное оружие, безопасность России гарантирована. Но у СССР было ядерное оружие. Ядерное оружие осталось, а государства нет» (с. 304). Важно, в чьих руках это оружие, служит ли оно сдерживающим средством.

«Нужно ли сотрудничество с НАТО? Да, необходимо. Но нужно равноправное сотрудничество по формуле, партнерство во имя мира».

В книге делаются выводы из вооруженных конфликтов, точнее, войн в Югославии, Афганистане, Ираке — выводы трезвые, реалистические и актуальные. Специальные главы посвящены анализу войн будущего: локальных, региональных или крупномасштабных. Готова ли Россия к ответу на вызовы XXI века? — вопрос, ответ на который ищут военные и политики. Только обыватель остается безразличным. Ясного ответа на этот вопрос не хотят политиканствующие «общечеловеки и геростраты», которые за похлебку для себя готовы отдать чужеземцам недра своей страны.

Миф о превентивной войне и историческая правда

Уже в первое десятилетие после войны германские генералы, проигравшие вторую мировую войну, по меткому выражению Уинстона Черчилля взяли реванш в мемуарах и все свои неудачи, а тем более катастрофу свалили на сумасбродного фюрера, ефрейтора, отмеченного железным крестом по недоразумению. В нашей стране первое десятилетие после войны не было отмечено обилием публикаций, монографий или мемуаров о Великой Отечественной войне. Зато второе десятилетие после войны, прошедшее под знаком критики культа личности И. В. Сталина, а заодно и безосновательной критики Г. К. Жукова, знает несколько дискуссий и книг, в которых остро ставился вопрос об ошибочной оценке ситуации 1941 года и о причинах отступления Красной ар-

мии вплоть до Москвы и Ленинграда. С середины 60-х годов, когда торжественно было отмечено 20-летие Победы, появились в публицистике утверждения, а затем и книги, в которых давались завышенные оценки вклада отдельных политиков в Победу (Н. С. Хрущева или Л. И. Брежнева). Академическая наука в тот период вела большую исследовательскую работу и совместно с военными историками подготовила и выпустила многотомные исследования, в которых дана объективная картина и Второй мировой войны и Великой Отечественной войны⁵⁴. Огромную историческую ценность имеют (и сохраняют надолго) воспоминания советских военачальников, генералов и маршалов, которые смогли изложить свое видение причин неудач и успехов советского солдата в годы войны. Особую ценность, разумеется, имели воспоминания маршала Г. К. Жукова, которые были выпущены впервые издательством «Новости» в 1969 г. и выдержали до середины 90-х годов более десяти изданий⁵⁵. Не десятки, а сотни исследователей провели огромную работу, используя целые пласты архивных источников и выпустили индивидуальные монографии и многотомные коллективные труды.

Нацистская Германия начала агрессивную войну против СССР в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., выдвинув в качестве повода для агрессии совершенно несостоятельную ссылку на концентрацию советских войск на границе. Германский посол Ф. В. Шуленбург явился на прием к наркому иностранных дел В. М. Молотову в 5 ч. 30 минут, т.е. после начавшегося вторжения вермахта в нашу страну. Он пришел, чтобы вручить ноту своего правительства и заверил наркома, что во время встречи накануне вечером он «ничего не знал», т.е. не знал о намерениях своего правительства. Посол был явно в подавленном настроении и назвал действия своего правительства «неоправданными и неожиданными». На вопрос, что означает эта нота, он ответил: это начало войны. От имени Советского правительства В. М. Молотов заявил: «Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной»⁵⁶.

Когда сегодня некоторые персоны в России способствуют распространению лжи, что Гитлер упредил Сталина, начав «превентивную войну», то они не просто повторяют ложь нацистов, но фактически идентифицируют себя с фальсификаторами истории.

Версия «превентивной» войны Гитлера против Сталина, введенная в оборот Геббельсом в первый день войны, в день нападения Германии на Советский Союз, странным образом возродилась в 90-х годах XX века не на германской, а на

российской почве, в частности в книгах некоего Резуна, выступающего кощунственно под псевдонимом Суворов (см. «Ледокол» и др.). Одним из первых отверг эту нацистскую версию германский генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, принимавший непосредственное участие в разработке и реализации «Плана Барбаросса», но попавший в плен на исходе Сталинградской битвы.

Собственноручно написанное заявление Ф. Паулюса, направленное в адрес Советского правительства в январе 1946 года, важное свидетельство относительно подготовки Германии с самого начала к агрессивной, но отнюдь не превентивной войне против Советского Союза. Цель операции была с самого начала обозначена германским командованием как захват Москвы, Ленинграда и Украины с последующим завоеванием Северного Кавказа с его нефтяными промыслами. «Конечная цель, — писал германский фельдмаршал, — характеризует это планирование как прямую подготовку агрессии, что кроме того вытекает из факта, что не предусматривались никакие оборонительные меры. Тем самым разоблачаются лживые утверждения Верховного Командования Вермахта относительно превентивной войны против якобы угрожающей опасности, аналогичные распространявшимися геббельсовской пропагандой»⁵⁷.

Известно, что уже в первые после нападения дни войны Германии против СССР главы правительств Великобритании и США — У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт, публично заявили, что будут действовать совместно с Советским Союзом против общего врага — нацистской Германии. Однако это было всего лишь заявление о намерениях, за которым должны были последовать конкретные действия, однако начало реальных действий затянулось на многие месяцы, во время которых Советский Союз один противостоял вооруженному вторжению нацистской Германии и ее союзников. Правда, в течение нескольких недель было выработано весьма краткое (всего в один абзац) соглашение между СССР и Великобританией о совместной борьбе против Германии. Однако это не был еще союзный договор в собственном смысле слова. Правительство США прежде чем оказать реальную материальную помощь, хотя бы военными материалами, потребовало от Советского правительства сведения о золотом запасе страны. Только после известной миссии Гопкинса в Москву США приняли решение о применении закона о ленд-лизе к воюющей стране, однако в довольно ограниченных масштабах. В самый тяжелый начальный период войны Советский Союз вел боевые действия против превосходящих сил противника, не получая реальной помощи со стороны потенциальных союзников.

Еще в первый месяц войны И. В. Сталин в личном послании У. Черчиллю 18 июля 1941 г. поставил вопрос об открытии второго фронта в Европе против Германии⁵⁸. С этого момента задачей советской дипломатии стало создание антинацистской коалиции государств и открытие второго фронта союзников в Европе. Однако формирование коалиции затянулось на несколько месяцев, а открытие второго фронта на целых три года. Выжидательная позиция Великобритании и США выражала расчет их правящих кругов вести войну против Германии чужими силами, силами Советского Союза, вплоть до полного истощения страны, «до последнего русского солдата».

Вынужденное отступление Красной армии дорого обошлось стране: территориальные, материальные и людские потери были неизмеримы. За несколько месяцев изнурительной войны страна потеряла довоенную кадровую армию, а имевшиеся резервы надо было не только одеть, обуть и вооружить, но и подготовить к боевым действиям в суровых условиях зимы. Вопрос об ответственности за потери начального этапа войны до сих пор остается сложным вопросом, из которого еще долго надо будет извлекать выводы и уроки. Именно так и ставит вопрос генерал армии М. А. Гареев. Главный урок из опыта большой войны заключается в том, что страна должна постоянно укреплять вооруженные силы, способные отстаивать интересы народа. Обвинять И. В. Сталина в том, что он сидел сложа руки и не готовил страну к серьезным испытаниям, к войне, было бы несправедливо. Такая подготовка, конечно, велась, иначе было бы невозможно вооружить и оснастить многомиллионную армию. Однако исторический просчет И. В. Сталина состоял в том, что в условиях уже идущей мировой войны он весной и летом 1941 г. держался установки: не «поддаваться на провокации»: он исходил из предположения, что в 1941 году войны не будет.

Оборона Москвы — с 6 сентября по 5 декабря 1941 г., а затем успешное контрнаступление советских войск стала первым стратегическим успехом Советской армии и первым крупным поражением нацистского вермахта в ходе второй мировой войны. Организаторами этой первой крупной победы были верховный главнокомандующий И. В. Сталин и его ближайший сподвижник Г. К. Жуков. Это утверждение не умаляет роль других военачальников, выполнявших свой долг на полях сражений, на различных участках фронта. Однако организаторский талант одного и военное мастерство другого едва ли может подлежать сомнению⁵⁹.

Каждое крупное сражение после разгрома вермахта под Москвой имело серьезные международные последствия: от увеличения поставок военных материалов до многократных обещаний

открыть второй фронт и от разработки соглашений о коалиции до готовности обсуждать проблемы послевоенного устройства мира.

Именно в момент начавшегося 6 декабря контрнаступления советских войск в Москву пожаловал британский министр иностранных дел А. Иден. Одним из первых его желаний было увидеть хотя бы одного убитого немца, чего не довелось ему видеть в Европе. Для этого ему устроили поездку к линии фронта. Однако в тот момент британское правительство еще не было готово заключить полноценный союзный договор между двумя странами и таким образом сформировать антинацистскую коалицию. Камнем преткновения стало нежелание признать предвоенный территориальный состав Советского Союза, т.е. включение в его состав пограничных территорий в 1939–1940 гг. Только в результате миссии В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. был подписан англо-советский союзный договор. Договор о союзе и послевоенном сотрудничестве от 26 мая 1942 г. закрепил формально складывавшиеся союзные отношения. За ним последовало соглашение СССР и США о принципах, применимых к совместной войне против Германии, который правящие круги США не захотели назвать союзным договором.

Поражение под Москвой означало для Германии несостоятельность стратегического плана под кодовым названием «Тайфун», на выполнение которого было брошено более 50 дивизий группы армий «Центр». План захвата Москвы был определен директивой германского командования за № 35 от 6 сентября 1941 г. В сражении под Москвой столкнулись миллионные группировки войск. С 1 января 1942 г. по 30 марта 1942 г. вермахт потерял под Москвой убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 330 тысяч человек. Выведены из строя 16 германских дивизий. В целом потери Германии зимой 1941–1942 гг. превысили 830 тысяч человек. В ходе наступательных операций Красная армия отбросила противника на 100–150 км от Москвы, понесла также большие потери. В обороне столицы принимали участие более миллиона человек: такое число граждан было награждено медалью «За оборону Москвы». Сражение за Москву и изгнание противника продолжалось до 20 апреля 1942 г.

«Цена Победы» или трагедия безвозвратных потерь

К лету 1942 года германское командование сосредоточило на южном фланге восточного фронта значительные силы с целью развернуть наступление на Сталинград и выйти на подступы к Кавказу. Гитлер рассчитывал обеспечить вермахт горючим, добытым на грозненском промысле. Сражение миллионных группировок войск

в пространстве между Доном и Волгой, продолжавшееся с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г. закончилось, как известно, полным поражением и разгромом 6-й германской армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса, произведенного в последний день в фельдмаршалы. А. Гитлер считал, что фельдмаршал не должен попасть в плен к русским. Из более чем 300 тысячной группировки 90 тысяч солдат и офицеров оказалось в плену, в том числе командующий армии фельдмаршал Ф. Паулюс.

Победа Советской армии в битве за Сталинград означала коренной перелом в ходе всей мировой войны. Непосредственным результатом этой великой битвы стало усиление движения Сопротивления нацизму в ряде оккупированных стран Европы, в том числе в самой Германии⁶⁰.

Открытие второго фронта на европейском континенте в тот момент, конечно, могло бы ускорить разгром вермахта и окончание войны. Однако, несмотря на обещания и договоренности, западные державы затягивали подготовку открытия второго фронта. У Черчилль полагал, что разговор об угрозе открыть второй фронт достаточно для психологического воздействия на противника. Высадка десанта в Северной Африке, а затем и на острове Сицилия мало влияла на ход войны на восточном фронте. Гитлеровцы могли даже перебросить бронетехнику, выкрашенную в цвет пустыни, на восточный фронт.

Если Московское сражение было выиграно огромным напряжением сил, но без заранее продуманного плана, а переход в контрнаступление стал возможен в результате постепенного накопления сил в ходе тяжелых оборонительных боев, то разгром вермахта под Сталинградом имел место также при огромном напряжении сил, но уже по тщательно разработанному плану, имевшему кодовое обозначение «Уран». Подготовительную работу по поручению И.В. Сталина выполнили генералы Г.К. Жуков и А.М. Василевский. План операции был утвержден 13 ноября 1942 г. Огромное значение для успешных боевых действий имела подготовительная работа на северном и южном флангах.

Если в численности сухопутных сил и в авиации к началу наступления удалось создать некоторое преимущество: один миллион сто тысяч человек против примерно одного миллиона на стороне противника, то существенное преимущество удалось обеспечить в бронетехнике (танках и САУ) и в артиллерии от полутора до более чем двукратного превосходства. Артподготовка наступательных операций играла решающую роль. Не случайно именно в тот момент у советского командования сложилось убеждение, что артиллерия — это бог войны. Реализация замысла верховного командования была возложена на три

фронта: Юго-Западный (командующий генерал Н.Ф. Ватутин), Сталинградский (командующий генерал А.И. Еременко) и Донской (командующий генерал К.К. Рокоссовский. Координация действий трех фронтов возложена на генерала А.М. Василевского.

В Сталинградскую эпопею вошли имена десятков тысяч героев — и солдат и офицеров. Поражение под Сталинградом германская пропаганда не могла скрыть от своего народа, а тем более от граждан других стран. Никакие слова о «выравнивании линии фронта» теперь не могли обмануть. Пришлось объявить национальный траур, пожалуй, впервые за все время войны. Однако германское командование не считало утраченной стратегическую инициативу (сюда абзац со стр. 20).

К лету 1943 г. оно сосредоточило на выгодных для себя рубежах на т.н. Курском выступе значительные силы, чтобы развернуть новое наступление. В этот момент, собственно в середине войны, против Советского Союза германский вермахт насчитывал до 10 млн солдат и офицеров, вооруженных современной техникой, на оснащение которой работала промышленность стран не только Центральной, но и Западной Европы, а также оккупированных территорий. Советская армия имела 6,6 млн человек личного состава, которые были оснащены более чем 100 тысячами орудий, 10 тысячами танков и САУ, более чем 19 тысячами самолетов. Перемещенные на восток страны заводы снабжали свою армию техникой и боеприпасами.

По плану «Цитадель» германское командование бросило против наших войск Центрального фронта (командующий генерал К. Рокоссовский) и Воронежского фронта (командующий генерал Н.Ф. Ватутин) 50 свежих дивизий, в т.ч. 16 танковых и моторизованных, из 196 дивизий, находившихся на восточном фронте. Цель операции заключалась в том, чтобы отрезать от «большой земли» курский выступ ударами от Орла и от Белгорода на Курск, втянув в котел стратегический резерв советского командования. Однако советское командование создало под Курском мощный оборонительный рубеж. Если германская группировка насчитывала около 990 тысяч живой силы, то советские войска составляли 1336 тысяч человек. Германские войска имели около 10 тысяч орудий и минометов, советские более 19 тысяч единиц. По танкам и самолетам также было создано преимущество: 3400 танков против 2700 и 2200 самолетов против примерно 2 тысяч немецких самолетов. Один из важных факторов успеха советских войска состоял в своевременной информации командования относительно плана наступления противника, что позволило нанести упреждающий удар после развертывания его сил для наступления.

На Курской дуге в районе деревни Прохоровка имело место крупнейшее в истории войн танковое и артиллерийское сражение, в котором верх взяли советские воины. По случаю освобождения г. Белгорода в Москве был дан первый артиллерийский салют. Вскоре после курской битвы ближайшая союзница нацистской Германии — Италия — была вынуждена в сентябре 1943 г. сменить правительство и выйти из войны. В октябре 1943 г. в Москве встретились министры иностранных дел СССР, Великобритании и США, чтобы подготовить встречу и совещание большой тройки с целью наметить контуры послевоенного устройства мира.

1943 год вошел в историю Второй мировой войны как год коренного перелома в ходе всемирной войны. В конце января — начале февраля завершилась великая битва в пространстве между Волгой и Доном. В период с 12 по 30 января советские войска предприняли попытку прорвать кольцо блокады Ленинграда. Операция силами двух фронтов Ленинградского и Волховского — привела к прорыву кольца, что несколько облегчило положение населения. Однако полностью снять блокаду города не удалось. Тогда же в феврале началась подготовка операции «Полярная Звезда» с целью разгрома германской группировки «Север», однако выполнение этой задачи требовало времени и дополнительных сил. Определенным успехом стало овладение силами Северо-западного фронта городом Старая Русса (на с. 18).

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. был принят ряд согласованных решений относительно дальнейших совместных действий в ходе войны, а также относительно послевоенного устройства мира. Особенно важным было принятие в принципе идеи создания всемирной организации для обеспечения международного мира и безопасности, воплощенной затем в виде Организации Объединенных Наций.

Конференция глав правительств СССР, Великобритании и США — И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта, состоявшаяся в Тегеране в конце ноября 1943 года, имела кодовое обозначение «Эврика». Декларации, принятые на конференции, разумеется, не раскрывали всех замыслов большой тройки. Скажем, если были намечены сроки открытия второго фронта, то в опубликованной 1 декабря 1943 г. Декларации трех держав было объявлено следующее: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»⁶¹.

Самое важное заключалось в том, что эта конференция, на которой принята декларация трех держав об Иране, положила начало ряду встреч

глав трех держав, на которых решались проблемы послевоенного урегулирования, территориального и политического устройства стран Европы и Азии. Сам факт встречи глав правительств за столом переговоров свидетельствовал о полном признании значения побед Советской армии и роли Советского Союза как великой державы в решении проблем мировой политики.

Согласованный в Тегеране срок открытия второго фронта не был точно выполнен. Второй фронт в Нормандии, на севере Франции, был открыт только 6 июня 1944 года, когда Советская армия нанесла по вермахту ряд стратегических ударов и продолжала очищение своей земли от нацистских захватчиков. Летом и осенью 1944 года были выведены из войны Финляндия, Румыния и Болгария, что существенно сократило линию фронта для наступающей Советской армии. На фоне гигантских по масштабам сражений на восточном фронте высадка десанта в Нормандии имела, конечно, определенное военное значение, но большее значение она имела, разумеется, политическое, как выражение воли западных держав участвовать в разгроме противника, хотя бы на заключительном этапе войны.

В статистике потерь воюющих сторон не может быть бухгалтерского баланса, как не может быть рыночных отношений в военном деле. Нападающая сторона использует фактор внезапности и наносит удар в удобный для себя момент. На начальном этапе войны агрессор наносит большой ущерб жертве агрессии. Долговременные факторы, факторы затяжной войны вступают в силу не сразу, не автоматически. Вермахт вторгся на территорию нашей страны с заранее подготовленного плацдарма и начал продвижение на фронте в несколько тысяч километров. Блицкриг — молниеносная война дала германскому командованию выигрыш на начальном этапе войны. Не только части, но и соединения оказывались в окружении противника. Именно поэтому значительные массы наших солдат попали в плен: 2 млн человек в 1941 г. и 1,4 млн чел. в 1942 г.

Комиссия специалистов в генштабе изучала материалы, относящиеся к учету потерь обеих сторон. Результаты расследования были опубликованы в виде целого тома сведений⁶². Обобщенные данные дают возможность сравнить потери СССР и Германии. Безвозвратные потери советских вооруженных сил составили около 9 млн личного состава. Потери фашистского блока составили 9,3 млн чел., в том числе 7,4 млн германских граждан. Потери Советского Союза, таким образом, примерно на 1,5 млн больше, чем потери Германии. Однако надо учитывать и потери союзников Германии. Значительное превышение потерь Советской армии объясняется и тем, что из

4,5 млн советских солдат, попавших в плен, более 2 млн погибли от голода и репрессий в германских лагерях, тогда как из примерно 2 млн германских пленников большая часть выжила в суровых климатических условиях России и вернулась домой после определенного срока.

Общие потери населения Советского Союза превысили 26 млн человек, главным образом, из-за того, что германские оккупанты подвергли массовому уничтожению мирное население страны. В результате карательных операций, повальных расстрелов, голода и болезней погибли 18 млн граждан страны. В блокадном Ленинграде погибли около миллиона граждан.

В фондах Российского Государственного Военного Архива нами выявлен важный документ, который дает точный ответ на вопрос, сколько военнопленных находилось в лагерях НКВД в 1941–1945 гг. Документ имеет название: «Статистические сведения о военнопленных европейских армий, принятых ГУПВИ МВД СССР за период войны 1941–1945 гг.». Достоверность сведений не подлежит сомнению, поскольку это официальный документ, составленный для служебного пользования. Папка имеет пометки: начато 1 января 1946 г., окончено 31 декабря 1946.

Из этого обстоятельного отчета следует, что всего за годы войны приняты в лагеря военнопленных 3 149 862 человека 59 национальностей, в том числе 1 949 994 немцев и 145 738 австрийцев. Абсолютное большинство военнопленных вскоре после окончания войны вернулось на родину. На 1 января 1946 г. в лагерях находились еще 1 645 183 человека, а на 1 января 1947 г. 1 334 795 человек. Известно, что в 1953 г. все германские военнопленные были возвращены по месту их довоенного жительства. До 1955 года в нашей стране находились около девяти тысяч немцев, осужденных за военные преступления. Они были отпущены после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ⁶³.

Основы послевоенного мироустройства

Основопологающей идеей послевоенного устройства кроме мирного урегулирования стала идея создания международной организации безопасности, идея предотвращения агрессии любой державы, но особенно «держав оси». Декларация объединенных наций 1 января 1942 года уже дала приемлемую формулу: Объединенные Нации — не союзные и не ассоциированные, а именно объединенные в борьбе против агрессивных держав. Когда сегодня говорят, что Россия — союзница США в борьбе против террористов, следует помнить, что США не желали считать себя союзником России даже в годы совместной борьбы против Германии и Японии.

На Московской конференции министров иностранных дел трех держав (СССР, Великобритания и США) 19–30 октября 1943 г. — первой конференции союзников в собственном смысле слова, а затем в Тегеране (ноябрь 1943 г.) было ясно выражено намерение создать всемирную организацию для поддержания международного мира и безопасности. Тогда же намечены первые контуры послевоенного устройства мира. В повестку дня вставал вопрос о составе, структуре и механизме деятельности такой международной организации. По предложению Советского Союза решено было начать работу по составлению устава международной организации с учетом опыта Лиги наций.

Конференция представителей СССР, США и Великобритании была созвана 21 августа 1944 г. в местечке Думбартон-Окс в США⁶⁴. Надо полагать, что в связи с очередной годовщиной окончания войны и создания ООН исследователи напомнят об обстоятельствах выработки основных принципов этой универсальной организации, которая включила при учреждении 51 государство и в послевоенные десятилетия охватила более 190 государств мира. Это, конечно, показатель жизнеспособности не только самой идеи предотвращения агрессивных войн, но и эффективности ее деятельности при условии соблюдения принципов международного права. Чтобы модернизировать организацию, не превращая ее в прямо противоположный институт, надо знать основные намерения первоначальных участников. Иначе это будет уже иная организация.

Высадка десанта и экспедиционного корпуса союзников во Франции была, разумеется, важным политическим и военным событием. Оно могло бы иметь еще большее значение, если бы последовали серьезные наступательные действия и вторжение сил союзников на территорию собственно Германии. Однако серьезных сражений не последовало. Более того, в конце 1944 г. германское командование решило преградить путь англо-американским силам и отбросить их хотя бы на одном участке и, возможно, склонить США и Великобританию к сепаратному миру или хотя бы перемирию. Союзные войска оказались в районе Арденн в весьма сложном положении, можно сказать, в критическом положении. Союзники обратились за помощью к Советскому правительству. Личное и строго секретное послание У. Черчилля маршалу И.В. Сталину от 6 января 1945 г. начиналось словами: «На Западе идут очень тяжелые бои...». Британский премьер поставил вопрос: «...Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...» И.В. Сталин дал ответ тотчас по получении послания У. Черчилля 7 ян-

варя: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. «В зимних условиях затруднено применение не только авиации, но и артиллерии. Как только был получен ответ И. В. Сталина, У. Черчилль не преминул блеснуть дипломатическим мастерством, вставив фразу в очередное послание 9 января: «Битва на Западе идет не так уж плохо. «Тяжелые бои», которые вели главным образом американцы на узком участке фронта в несколько десятков километров, превратились за три дня в «битву», которая, возможно, позволит «вытеснить гуннов», т.е. немцев, со своего выступа. Советская армия, между тем, развернула наступление на фронте в тысячу километров и в конце января вышла на довоенные границы Германии⁶⁵.

Уже в конце 1944 г. в переписке между главами правительств СССР и Великобритании обсуждалась возможность новой встречи глав «большой тройки», которой дано кодовое название «Аргонавт». Такая встреча состоялась в Крыму с 4 по 11 февраля 1945 г. в историческом Ливадийском дворце. В итоге переговоров за круглым столом были согласованы действия союзников на завершающем этапе войны, политика трех держав в отношении послевоенной Германии, мирного урегулирования после окончания войны. Кроме того, подписан договор, определивший условия вступления СССР в войну против Японии. Особенно важное значение имела выработка к этому моменту Устава ООН. Три державы согласовали принципиальные положения для обеспечения их сотрудничества в будущем: условия приема в члены ООН, состав Совета безопасности и процедуру голосования в Генеральной Ассамблее ООН и в Совете безопасности. Принципиально важным было решение вопроса о принятии решений в Совете безопасности ООН в конфликтных ситуациях: принцип единогласия постоянных членов Совета, получивший в обиходе название право вето.

В ходе войны в центре внимания, естественно, находились вопросы, связанные с противоборством с агрессивными державами «оси», создания второго фронта против агрессоров, создание коалиции держав и взаимопомощи — военной и материальной, в частности по принципу ленд-лиза, т.е. займы и в аренду. На завершающем этапе войны на первый план, естественно, вышли проблемы территориального и политического устройства государств Европы и Азии

после войны, политики в отношении вражеских государств. Особенно остро стоял вопрос: как быть с Германией? В американских и британских правящих кругах вынашивались планы расчленения Германии на три-пять отдельных государств, деиндустриализации страны и превращения ее в сплошное «картофельное поле». Советское правительство склонялось к тому, чтобы сохранить единую Германию, которая стала бы миролюбивым, дружественным государством, которое не будет угрожать миру в Европе. В принципе был решен вопрос о том, что ответственная за развязывание войны Германия должна платить репарации, т.е. компенсацию за ущерб, нанесенный другим государствам в результате агрессии.

Ввиду успешного зимнего наступления Советской армии у некоторых командующих фронтами возник соблазн продвинуться по территории Германии и «с ходу» взять Берлин. Верховное командование, очевидно, взвесив все за и против, приняло решение тщательно подготовиться к ответственному сражению: необходимо было сосредоточить силы, подтянуть резервы, пополнить техникой и боеприпасами миллионные группировки войск. Не простой задачей оказалась ликвидация германской группировки в Восточной Пруссии и взятие Кёнигсберга.

В середине апреля 1945 г. три фронта Советской армии приступили к реализации заключительной операции — взятию Берлина. 16 апреля началось наступление. К северу от Берлина в наступление перешел 2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. Рокоссовского, к югу от Берлина — 1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева, а на центральном направлении — 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова. Каждый из фронтов имел в своем составе несколько группировок и армий, каждую из которых возглавляли закаленные и прославленные в сражениях генералы. Вермахт оказал отчаянное сопротивление советским войскам.

Штурм Берлина стал одним из самых крупных и кровопролитных сражений второй мировой войны. Ожесточенные бои на Зееловских высотах на подступах к столице нацистского рейха стоили больших жертв. 1 мая 1945 г. Знамя Победы развевалось над рейхстагом. 2 мая Берлин капитулировал. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в районе Карлсхорст командующие родами войск Германии подписали Акт о военной капитуляции. Это была безоговорочная капитуляция нацистского рейха. В последовавших за этим документах, в частности в Декларации о поражении Германии, было объявлено, что всю полноту власти на территории Германии взяли на себя представители держав-победителей. На конференции союзников в Потсдаме

в июле-августе 1945 года были приняты исторические решения, определившие политику в отношении Германии, потерпевшей сокрушительное поражение во второй мировой войне. Германский вопрос, т.е. вопрос о статусе германской нации в Европе и в мире, стал одним из острых вопросов мировой политики на несколько послевоенных десятилетий.

- ¹ См. Ахтамзян И. А. Нацистский генеральный план «Ост». Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход.: Документальные очерки/ сост. А. А. Ахтамзян. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. МГИМО-Университет, 2010. — С. 249.
- ² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6 томах. М. 1960–1965. История Второй мировой войны 1939–1945 в 12 томах. М. 1973–1982. 65 лет Великой Победы в шести томах. Под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М. 2010. Великая Победа (многотомное продолжающееся издание) МГИМО—Университет, т. IX, М. 2013.
- ³ История России. Вып. XX, 1974–1939. В 2-х т. М.: АСТ Издательство «Астрель», 2010. 581 с.
- ⁴ Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. М., 2005. Ф. Гальдер. Военный дневник. 1941. Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006.
- ⁵ М. А. Гареев. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004.
- ⁶ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 3.
- ⁷ Б. Александер. 10 фатальных ошибок Гитлера. Фюрер мог выиграть войну? М. «Яуза-пресс», 2010.
- ⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М. 1960–1965; История Второй мировой войны, 1939–1945. в 12 томах, М. 1973–1982.
- ⁹ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны, М. 1971. Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна», М. 2001. Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие, М. 2004. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. В четырех томах., М., 2005. Колл. авторов. Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. (сост. А. Ахтамзян), М., 2010.
- ¹⁰ Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора О. А. Ржешевского. М., 2005.
- ¹¹ Маршал Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. (12-е издание), т. 2, М., 1995.
- ¹² Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006. Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт, М. 2005. Манштейн Э. Утерянные победы. Ростов. 1999. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42, М., 1980.
- ¹³ Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Смоленск, 2006, с. 298.
- ¹⁴ Дашичев В. И. Цит. соч., т. 3, с. 88.
- ¹⁵ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971, с. 445.
- ¹⁶ Вторая мировая война. М., 1985, с. 139.
- ¹⁷ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Смоленск, 2001.
- ¹⁸ Там же, с. 454.
- ¹⁹ Незабываемый 41-й. М., 2007, с. 10–16.
- ²⁰ Елисеев Н. С. Партизанское движение в битве под Москвой. Там же, с. 17–23.
- ²¹ Дашичев В. И. Цит. соч., с. 327–329.
- ²² Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 212.
- ²³ Вторая мировая война. М., 1984, с. 140.
- ²⁴ Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. М., 2010, с. 308.
- ²⁵ Там же, с. 305.
- ²⁶ Жуков Г. К. Цит. соч., т. 2, с. 217.
- ²⁷ Анфилов В. А. Цит. соч., с. 455–456.
- ²⁸ Дашичев В. И. Цит. соч., т. 3, с. 337.
- ²⁹ Емельянов Ю. Сталин — Генералиссимус Великой Победы. М., 2008, с. 292.
- ³⁰ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах, т. 2, (12-е издание), М., 1995, с. 212–213.
- ³¹ Там же, с. 226.
- ³² Митчем С. Цит. соч., с. 215.
- ³³ Там же, с. 215.
- ³⁴ Маршал Жуков. Воспоминания, т. 2, с. 240–249.
- ³⁵ Анфилов В. А. Цит. соч., с. 284–285.
- ³⁶ Анфилов В. А. Цит. соч., с. 328–329.
- ³⁷ Фон Бок. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006, с. 385–386.
- ³⁸ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: военный дневник, М., 2001, с. 507.
- ³⁹ Дашичев В. И. Цит. соч., с. 340.

- ⁴⁰ Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда. Военный дневник, М., 2001, с. 500–506.
- ⁴¹ Фёдор фон Бок. Дневники. 1939–1945. М., 2006, с. 391–392.
- ⁴² Бок Ф. Цит. соч., с. 394–395.
- ⁴³ Анфилов В. А. Незабываемый Сорок первый, с. 322–323, с. 334–335.
- ⁴⁴ Жухрай В. М. Роковой просчет Гитлера. М., 2000, с. 281.
- ⁴⁵ Цит по: Соколов В. В. Российская дипломатия в 1941 г. в период битвы под Москвой. В брошюре «Незабываемый 41-й. М., 2007, с. 28.
- ⁴⁶ Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1981, с. 217. Цит. по: Соколов В. В. Цит. соч., с. 28.
- ⁴⁷ Рисс К. Адвокат дьявола Геббельс. М., 2000, с. 296.
- ⁴⁸ Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата, М., 1998, с. 262–263.
- ⁴⁹ Шеленберг В. Секретная служба Гитлера. Киев, 1991, с. 60.
- ⁵⁰ Шеленберг В. Цит. соч., с. 60.
- ⁵¹ Гареев М. А. Полководцы победы и их военное наследие. М., 2004, с. 132–134.
- ⁵² Военно-промышленный курьер ВПК №46 (412), 23–29 ноября 2011 г.
- ⁵³ Цит. про Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985, с. 185. Роковые решения. М., 1958, с. 108.
- ⁵⁴ См. Вторая мировая война. Краткая история. «Наука. М., 1984. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. Издание третье. М., 1984. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Изд. 2-е. М., 1985.
- ⁵⁵ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. М., 1995.
- ⁵⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996.
- ⁵⁷ Российский Государственный Военный Архив. Фонд 463, опись 1, ед. хр. 17. «Учетное дело № 4613» (или «Папка № 17»).
- ⁵⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер — министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958, с. 10–11.
- ⁵⁹ Капченко Н. И. Политическая биография Сталина, том III (1939–1953). Тверь, 2009, с. 349–374.
- ⁶⁰ Пещерский В. «Красная Капелла». М., 2000.
- ⁶¹ Тегеран. Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970. с. 98–99. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в шести томах. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19–30 октября 1945 г. Сборник документов. М., 1978.
- ⁶² См. также. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева.
- ⁶³ Российский Государственный Военный Архив. Фонд 1-Е. опись 01, ед. хр. 55.
- ⁶⁴ См. Крылов С. Б. История создания ООН. М., 1949 и 1961.
- ⁶⁵ Переписка, т. 1, с. 298–299.

Хроника основных событий великой отечественной войны 1941–1945 гг.

22 июня 1941 г.	Нацистская Германия и ее союзники начали агрессивную войну против Советского Союза
12 июля 1941 г.	Правительства Союза ССР и Великобритании подписали Соглашение о совместных действиях в войне против Германии
30 сентября — 5 декабря 1941 г.	Оборона Москвы
5 декабря — 20 апреля 1942 г.	Контрнаступление Советской армии на западном направлении, провал германского плана «Тайфун»
26 мая 1942 г.	Заключен договор между СССР и Великобританией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»
11 июня 1942 г.	Подписано соглашение между правительствами СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»
17 июля — 18 ноября 1942 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Сталинградском направлении
19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.	Разгром 6-й армии вермахта в Сталинграде по плану советского командования «Уран»
5 июля — 23 июля 1943 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Курской дуге, провал германского плана «Цитадель»
12 июля — 23 августа 1943 г.	Контрнаступление Советской армии в пространстве между Орлом и Белгородом
3–8 сентября 1943 г.	Высадка британских войск на юге Италии, капитуляция Италии
19–30 октября 1943 г.	Конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве
28 ноября–1 декабря 1943 г.	Конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании в Тегеране (кодовое название встречи — «Эврика»)
27 января 1944 г.	Окончательное освобождение Ленинграда от блокады
24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.	Разгром фашистских войск на правом берегу Украины
12 мая 1944 г.	Освобождение Крыма
23 июня — 29 августа 1944 г.	Белорусская наступательная операция
14 января — 1 марта 1944 г.	Ленинградско-новгородская операция советских войск
14 сентября — 24 ноября 1944 г.	Прибалтийская наступательная операция
20–29 августа 1944 г.	Яско-кишиневская наступательная операция
12 января — 3 февраля 1945 г.	Висло-Одерская наступательная операция Красной армии
4–11 февраля 1945 г.	Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение встречи «Аргонавт»)
16 апреля — 2 мая 1945 г.	Берлинская наступательная операция
8–9 мая 1945 г.	Подписание Акта о военной капитуляции Германии
5 июня 1945 г.	Подписание декларации о поражении Германии
17 июля — 2 августа 1945 г.	Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение конференции «Терминал»)
2 сентября 1945 г.	Капитуляция Японии

Об объективном освещении военной истории России

М. А. Гареев*

В 60-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, 22 июня 2001 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал. В выступлении 9 мая 2006 г. и в Послании Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. В. В. Путин еще раз подчеркнул нетленность памяти о Великой Победе и необходимость извлечения уроков из опыта Великой Отечественной войны. На заседаниях Российского Оргкомитета «Победа» обращалось внимание на необходимость более активного противостояния фальсификации истории Второй мировой войны и дискредитации Победы, которые приняли в последнее время беспрецедентные масштабы. С учетом всего этого возникает необходимость активизации нашей деятельности по реализации задач, поставленных Президентом РФ, и решений Российского Оргкомитета «Победа».

В целом в этой области проводится большая работа. У ветеранов войны и большинства российских граждан вызывает удовлетворение то обстоятельство, что удалось достойно и в широком масштабе отметить 60-летие и 65-летие Победы над нацистской Германией. Прибытие в 2005 г. в Москву на празднование Дня Победы глав более 50 и государств явилось еще одним актом признания решающего вклада нашей страны в достижение Победы. Этот факт имеет огромное историческое значение¹.

В органах управления, вузах, войсках и флотах Министерства обороны (МО), в структурах Министерства внутренних дел (МВД) и Федеральной службы безопасности России (ФСБ), в Министерстве иностранных дел (МИД) и в других государственных ведомствах, в исторических

институтах РАН, в Институте военной истории МО, в Академии военных наук, в ветеранских организациях Москвы, в регионах России проводятся научные конференции, посвященные истории Великой Отечественной войны. Для отстаивания правды о войне и патриотического воспитания молодежи особое значение имеют выступления ветеранов войны в различных аудиториях и встречах. Издаются новые добротные книги, статьи в газетах и журналах, среди которых можно отметить «Красную Звезду», «Ветеран», «Военно-исторический журнал», «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение», «Новую и новейшую историю».

Заслуживают внимания такие фундаментальные труды, как «Мировые войны XX века»², (издание подготовлено Институтом всеобщей истории РАН); военно-исторические очерки «Великая Отечественная война 1941–1945»³ и очерки о командармах и командирах корпусов, подготовленные Институтом военной истории МО; Документы внешней политики России, издаваемые МИД РФ; сборник документов «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне»⁴; «Очерки истории российской внешней разведки»⁵; серия «Русский архив»⁶ и др. Полезную работу проводит координационный совет по военно-историческим вопросам, возглавляемый генерал-полковником А. С. Скворцовым. Есть и некоторые другие достижения.

Однако надо признать, что положение дел в области истории Великой Отечественной войны вообще, и в отечественной военной истории в частности, нельзя оценить как благополучное. Мы не можем не видеть, что искажается не только история Великой Отечественной войны. Попытки дискредитации Великой Победы и придания это-

* Гареев Махмút Ахмéтович — советский и российский военный деятель, военачальник, генерал армии в отставке, доктор военных и доктор исторических наук, профессор.

му процессу исторической опоры сочетаются с пересмотром всей отечественной истории.

Ставятся под сомнение заслуги Александра Невского, победа Дмитрия Донского на Куликовом поле. Объявляются «реакционерами» Минин и Пожарский, поскольку, оказывается, они еще 400 лет назад сорвали возможность присоединения России к Западу. Последующее противодействие России иноземной экспансии — это де «реакция», «ряд ошибок», в частности во время Великой Отечественной войны. Восхваляется гатчинская военная школа Павла I, которая якобы стояла выше суворовской науки побеждать.

Появилось много сенсационных и легковесных суждений об Отечественной войне 1812 г., Крымской, русско-японской, Первой мировой войнах. В сугубо негативном плане изображается весь советский период истории Отечества. Присоединение США и Великобритании во время второй мировой войны к антигитлеровской коалиции объявляется ошибкой, а победа над фашизмом — чуть ли не злом. Популярная молодежная газета 22 июня, в день памяти и скорби, писала: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? Мы освободили Германию, может, лучше бы освободили нас?»⁷.

В. В. Путин подчеркнул, что распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. С этим тезисом не согласен директор Московского центра Карнеги Э. Качинс. «Для Запада, — считает он, — крах СССР.. Означал величайший триумф XX века... Отказ от суверенитета ради безопасности является признаком Европы эпохи постмодерна, будучи сегодня основополагающим принципом Евросоюза»⁸. Все страны и народы, согласно этой точке зрения, должны жить под эгидой одной сверхдержавы. Вот такая историческая концепция и «национальная идея» навязывается сегодня России.

В дни, когда исполняется 70 лет после начала Великой Отечественной войны, есть смысл задуматься над тем, почему все это происходит?

Почему переиначивается наша история?

Понятно, что для оправдания такой концепции нужна переиначенная история, которая призвана внушить людям, что, если в прошлом у России ничего кроме поражений и позора не было, она не может рассчитывать ни на что путное ни сегодня, ни в будущем. Причем эта информационная диверсия осуществляется под предлогом поиска «правды» о войне. Но вместо правды плodятся ложь и новые мифы.

Нашу страну обвиняют и вговоре с гитлеровской Германией в 1939 г., хотя до советско-гер-

манских соглашений 1939 г. был Мюнхенский договор; прибалтийские страны и Польша заключили с Германией различного рода пакты и соглашения, в частности секретные.

Советский Союз объявляют виновником и зачинщиком Второй мировой войны. Извращаются подлинные причины наших неудач в начале Великой Отечественной войны. Возникают новые «версии»: например, по мнению Г. Х. Попова, Курской битвы как таковой не было, так как после высадки союзников на Сицилии Гитлер увел все свои танковые дивизии на запад. Даже выдающиеся наступательные операции 1944–1945 гг., в частности, Берлинская, объявляются бездарными, а отечественное вооружение и военное искусство — никудышными⁹.

Приводятся надуманные данные о наших военных и гражданских потерях во время войны. Называются числа и 40, и 50, и 60 млн чел. — кому сколько заблагорассудится.

В переломные периоды исторического развития всегда возникало обостренное внимание к прошлым событиям, стремление толковать их с учетом нового видения и приспособления к потребностям решения назревших социально-политических проблем. В свое время даже говорили, что история — это политика, опрокинутая в прошлое.

Во всяком случае, крупные историки не только описывали прошлое, но и стремились делать выводы из прошлого, извлекать уроки из истории, необходимые для современности и для будущего, размышлять о судьбах Отечества, о задачах государства, формировать историческое сознание граждан. Например, Н. М. Карамзин в знаменитой «Истории государства российского» ставил целью раскрыть смысл русской истории, роль России в мировой истории, подводя все к единению церкви и государства, Бога и царя, в целом к единению России, которое спасало ее в наиболее трудные годы. Но жизнь скорректировала заветы даже такого умнейшего историка: идеи незыблемости самодержавия или крепостничества не могли существовать вечно, но идеи единения России будут востребованы всегда.

Карамзин оставил нам и другие полезные советы, к которым не грех прислушаться и в настоящее время. «Историк, — писал Карамзин, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть, прежде всего, правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом»¹⁰.

Что-то оказалось жизненным, а что-то безвозвратно ушло в небытие и из наследия дру-

гих известных историков — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других.

Не во всем жизненным оказался и марксистский сугубо классовый подход к историческим событиям, а «прямолинейная» школа М. Н. Покровского только дискредитировала историю как науку.

Все это говорит о том, что, с одной стороны, ни один историк не может исследовать прошлое в полном отрыве от интересов общества, в котором он живет. С другой стороны, очевидно и то, что излишняя идеологизация и политизация исторической науки, как правило, не могут поколебать фундамент этой науки, основанный на объективных фактах и логике исторических событий.

Иногда ставится вопрос: можно ли и нужно ли «переписывать» историю? Переписывать по конъюнктурным политическим соображениям — это дело бесплодное: другие опять переписут. Но когда появляются новые источники, факты, доказательства, безусловно, что-то приходится уточнять. Например, рано или поздно придется корректировать некоторые выводы, относящиеся к Крымской, русско-японской, Первой мировой или Гражданской войнам в России.

В 2005 г. во время пребывания российской делегации ветеранов войны в Китае, в Порт-Артуре местные власти настойчиво рекомендовали нам не посещать кладбища, где похоронены русские воины, погибшие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Как сказали местные жители, это кладбище находится в запущенном состоянии. Мэр г. Далянь пытался объяснить не ухоженность русских воинских захоронений тем, что царская Россия была империалистическим государством и осуществляла экспансию против Китая. Это обычный классовый подход, который не всегда объективно объясняет исторические события. Как показал последующий ход истории, национальные геополитические интересы России и Китая уже тогда требовали совместного противодействия японской агрессии. Даже при неудачном для России исходе войны, Япония по Портсмутскому мирному договору должна была уйти из Северо-Восточного Китая.

События 1930-х — 1940-х годов лишь подтвердили необходимость активного участия нашей страны в дальневосточных делах. Как оказалось в последующем, политика США, Великобритании и других стран, способствовавших (финансами и вооружением) росту военного могущества Японии, обернулась, в конечном счете (особенно наглядно это видно на примере Пёрл-Харбора), против этих же государств. По настойчивой просьбе союзников, Советский Союз в августе 1945 г. вступил в войну против Японии.

Да и в 1904–1905 гг. Россия проиграла отдельные сражения, но войну в целом она бы не проиграла и была бы даже способна успешно за-

вершить ее. Однако в силу ряда субъективных и объективных причин, обострения революционной ситуации в стране, Россия была вынуждена выйти из войны¹¹.

Нельзя бросаться из одной крайности в другую и в освещении истории Гражданской войны. Когда ставили памятник адмиралу А. В. Колчаку в Иркутске или занимались перезахоронением генерала А. И. Деникина в Москве, в речах организаторов этих мероприятий звучали нотки какой-то нашей виновности перед ними. Едва ли это справедливо. Еще до октября 1917 г., свергнув царя и изменив присяге, «русскую смуту» затеяли именно такие генералы, как Деникин (в марте 1917 г. он был назначен начальником штаба Ставки), и «демократы» типа Керенского. Красные командиры Фрунзе, Буденный, Чапаев сражались не только против белых и за советскую власть, но и, не на словах, а на деле — за «единую неделимую Россию» против иностранных интервентов, стремившихся расчленивать нашу страну. Генерал Деникин, адмирал Колчак и их белые сподвижники, по существу, воевали в одном лагере с интервентами. Но независимо от того, кто и где сражался, — это были наши соотечественники. Солдаты и офицеры, белые и красные, выполняли свой воинский долг — так, как они его тогда понимали.

С точки зрения историографии, необходимо объективно, критически рассматривать и советский период, но неправомерно только «чернить» или вовсе «перечеркивать» его. Заместитель руководителя администрации Президента РФ, помощник Президента РФ В. Ю. Сурков, выступая перед активистами «Единой России» 7 февраля 2006 г., говорил: «Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами... Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами»¹². Это все — часть нашей общей истории. При описании советского периода некоторые авторы забывают о том, что, несмотря на все репрессии, притеснения и бедствия, народ не только продолжал жить, творить, но являлся и хранителем устоев духовной жизни, ее патриотических традиций.

Зарубежные историки признают вклад советских ученых в мировую историографию в том отношении, что советская наука отошла от традиции, когда вся история сводилась к описанию деятельности царей, полководцев, верхушки общества, и впервые серьезно занялась изучением деятельности народных масс, революционного и народно-освободительного движения. Это дало более полную и объективную картину исторического развития. Правда, кое-кто сегодня и от этого наследия начинает отходить. В Академии Ген-

штаба ВС РФ выпущена книга «Стратегия духа», где, например, Емельян Пугачев, как и в царские времена, изображен как бродяга и бандит, где не говорится ни слова о том, что заставило казаков и крестьян поднять восстание.

Выдающиеся мыслители России отрицательно относились к нигилистическому подходу к отечественной истории. Л.Н. Толстой критиковал односторонность исследований истории С.М. Соловьевым, принижение им роли народа, который не только управлялся сменявшимися друг друга государями, но и созидал, жил своей жизнью. Такой подход, по мнению великого писателя, не давал историку постичь главную суть и саму тайну истории. «Читаю историю Соловьева, — писал Толстой. — Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?»¹³.

Что касается советской историографии, в ее адрес много нелепых наветов, необоснованных обвинений, но немало и справедливых нареканий. В советской историографии были не только ошибки или необоснованные суждения, а просто произвол, когда история писалась или переписывалась в угоду тем или иным находившимся у власти политикам и военачальникам. Отсюда, как всегда, меткая реакция народа: «Воевал ли ты на Малой земле или отсиживался в окопах Сталинграда?»; «Великая Отечественная война — это эпизод в битве за Малую землю».

В одном из многотомных изданий истории Великой Отечественной войны 12 раз упоминался начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер и ни разу — наш начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, как будто его совсем не было на этой войне. А чего стоят хрущевские басни о том, что де Сталин управлял военными операциями по глобусу?

Обо всем этом приходится лишний раз напоминать потому, что все еще живут и продолжают действовать те люди, которые раньше порождали неблагоприятные дела, а теперь их продолжают оправдывать. Но есть и другие — те, кто разрушает теперь то, что сами же прежде создавали.

В наше сложное время особенно важно возрождение правдивого и уважительного отношения к отечественной истории. Следуя советам П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского, можно не

идеализировать старину, но вместе с тем нельзя забывать пушкинские слова о том, что «уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно»¹⁴.

Порою дело изображают таким образом, что мы — ветераны войны или историки, стоящие на объективных позициях, возмущаемся по поводу фальсификаций истории только из-за того, что мы «лакируем» историю и не хотим видеть негативные стороны и события войны.

Но дело не в этом. Просто невозможно согласиться с заведомой ложью и фальсификацией истории, выхватыванием отдельных удобных авторов фактов¹⁵.

Международный фонд «Демократия» под руководством академика А.Н. Яковлева издал сборник важнейших документов за 1941 год¹⁶. В предисловии к первой книге сказано, что никакой внезапности в начале войны не было. И.В. Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но научной историографии для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Это говорится не для оправдания Сталина. Оправдать все это невозможно. Просто обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается, шли разведанные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг¹⁷, не упоминается. Однобокий подбор только удобных авторам фактов искажает историю. Полпред СССР в Лондоне И.М. Майский накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Начальник Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии Ф.И. Голиков и нарком внутренних дел Л.П. Берия представляли Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у наших границ и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения: 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много поступало и другой противоречивой информации. Но сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощенно и в отрыве от того, что происходило в действительности.

Это неправда, когда самый трудный для нас 1941 год изображается как сплошное паническое бегство, когда будто бы войска, побросав танки и другое вооружение, целыми соединениями сдавались в плен. Были и тяжелые отступления, и паника, и массовая сдача в плен, но многие соединения и в 1941 г., и в 1942 г. самоотверженно сражались, наносили контрудары, выходили из окружения. Неожиданное для противника упорное сопротивление наших войск было вынуждено признать и германское командование. Без упорного сопротивления невозможно было бы обескровить, остановить врага и перейти в наступление под Москвой, Сталинградом и Ленинградом.

Не может быть, чтобы гитлеровское командование и германские войска все правильно делали, воевали отменно и вдруг потерпели поражение. А мы все делали неправильно, бездарно воевали и вдруг каким-то чудом победили.

В историческом плане, победой или поражением окончилась война, определяется, прежде всего, тем, какие цели преследовали воюющие стороны и были ли эти цели достигнуты. Нацистская Германия стремилась поработить наши и другие народы, установить мировое господство. Советское государство имело целью защитить и освободить свои и другие народы, сокрушить фашизм в Европе. Как известно, планы Гитлера кончились полным провалом, а наша страна и ее Вооруженные Силы выполнили свою историческую миссию. И не фашисты пришли в Ленинград, Москву или Лондон, а советская Красная армия и ее союзники пришли в Берлин, Рим и Токио.

Разговоры о том, что мы завалили противника трупам своих солдат, тоже не состоятельны. Наши военные потери по отношению к германским составили 1,3 к 1 и то в основном за счет истребления более 2-х млн наших военнопленных в нацистских лагерях. Неисторичными являются и заявления о том, что народ победил вопреки сталинскому руководству. Во-первых, не то, что вопреки, а без ведома Сталина ни один вопрос не решался и не мог решаться. Во-вторых, почему этот же народ не только не одержал побед, но и потерпел поражение в Крымской, русско-японской или Первой мировой войне? Ни один самый самоотверженный народ без твердого руководства, без руля и ветрил не может не только одержать победу, но и просто действовать организованно.

Пересмотр итогов Второй мировой войны, попытки принизить значение Победы над фашизмом, решающую роль нашей страны в достижении Победы, начали давать о себе знать сразу после войны (тогда в основном за рубежом). В деле извращения истории войны свою негативную роль сыграл и Н. С. Хрущев. Но в последующем объективная история была в основном восстановлена.

Тогда на более или менее объективных позициях стояли все государственные средства массовой информации (СМИ), театры, кино, большинство историков, практически все общество. Только диссиденты выступали с противоположных позиций.

Начиная со времен перестройки и особенно в последние годы все перевернулось вверх дном. Большинство СМИ, литература, школьные и вузовские учебники и особенно телевидение почти полностью переключились на искажение важнейших событий и пересмотр итогов Второй мировой войны в целом. Отстаивать подлинную правду о войне становится все труднее. Журналист, называющий себя историком, может месяцами вещать по телевидению, рассказывая всякого рода выдумки о войне. Настоящие историки или ветераны войны почти лишены возможности выступить в СМИ, сказать свое слово. Книги В. Суворова (Резуна) и других фальсификаторов издаются миллионными тиражами. Западные спонсоры и отечественные издательства этому способствуют. Выход в свет же, и тем более распространение честных книг о войне крайне затруднительно, прежде всего, по финансовым причинам.

Отчего это происходит? Оглядываясь в прошлое, нетрудно заметить, что по различным, как объективным, так и субъективным, причинам после Отечественной войны 1812 г. военная история России складывалась не лучшим образом. Достаточно вспомнить поражения в Крымской 1853–1856 гг., русско-японской 1904–1905 гг. войнах, неудачах в первой мировой войне 1914–1918 гг. В 1945 г., впервые за сто с лишним лет, была одержана величайшая за всю отечественную историю победа — Победа над гитлеровской Германией — сильнейшим в военном отношении государством, покорившим до этого многие европейские страны, в том числе и Францию, и претендовавшим на завоевание в недалеком будущем мирового господства. При этом следует учитывать, что антисоветская составляющая идеологии фашизма имела немало сторонников среди влиятельных политических, финансовых, промышленных и военных кругов не только Германии, но и других западных держав, стремившихся «канализировать» агрессивные устремления Гитлера на Восток и его руками расправиться с «общим врагом» — Советским Союзом. Однако история рассудила иначе, и западным державам, чтобы спасти себя, отстоять свою независимость, пришлось совместно с СССР противостоять гигантской военной машине агрессора, участвовать в ее разгроме, причем играя в этом процессе второстепенную роль. Именно эти обстоятельства до сих пор и выводят из себя тех, кто не хотел триумфа СССР, его Вооруженных Сил, кто желал им поражения.

Известны высокие оценки усилий советского народа и его Вооруженных Сил во Второй миро-

вой войне, высказанные Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, Ш. де Голлем, другими видными политическими и военными деятелями¹⁸. В то же время, существовали и существуют влиятельные круги, особенно за рубежом, которые такие оценки не устраивают. Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны достойно отметить День Победы во Второй мировой войне как день примирения между народами. Однако около ста депутатов Европарламента подписали обращение к главам государств мира не праздновать его в Москве 9 мая. Ясно, что для зарубежных недоброжелателей нашей страны признание всемирно исторического значения Победы означает признание и решающей роли СССР в ее достижении. А это, в свою очередь, предполагает незыблемость итогов Второй мировой войны и требует соответствующего места России как правопреемницы СССР в Европе и мире, что больше всего не устраивает тех, кто пытается сегодня определять судьбы человечества. Но все же и на Западе люди должны сделать для себя вывод: хорошо это или плохо, что народы антигитлеровской коалиции при активном участии антинацистов Германии разгромили фашизм в 1945 году. И если будет решено, что одержанная Победа — благо, то тогда не останется и никаких сомнений, как к ней относиться, как оценивать те или иные события минувшей войны.

Что же касается своих, доморощенных «новопротченцев» истории Великой Отечественной войны, то они, стремясь в своей ангажированности перечеркнуть весь советский период истории, считают, что память о Победе, преклонение перед ней — последний плацдарм, который еще удерживают «консерваторы». Этот плацдарм «новопротченцы» пытаются ликвидировать.

Многие небывлицы, сплетни, клеветнические наветы на советских полководцев, особенно на Г.К. Жукова, разоблачены, на неопровержимых фактах показана их несостоятельность. Тем не менее, их продолжают тиражировать. За последние 10–15 лет не показано ни одного нового фильма (кроме некоторых старых, таких как «Горячий снег» или документальный фильм «Мифы и факты»), где бы правдиво и доброжелательно по отношению к участникам великой войны отобразилась ее история.

60-летие Курской битвы газета «Известия» озаглавила «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 334¹⁹. Возникает резонный вопрос: почему же тогда гитлеровцы, вместо того чтобы наступать, стали отходить, а Красная армия, преследуя врага, вышла к Днепру и с ходу форсировала его?

Переходит, например, с экрана на экран рассказ о том, будто бы Жуков сказал Эйзенхауэру, что мы во время войны специально посылали пехоту на

противотанковые поля противника, чтобы она своими телами проделала проходы для танков (пехотные мины для танков не помеха). Но ведь известно, что для подрыва противотанковой мины нужно давление весом не менее 200–250 кг и пехотинец, наступая на противотанковую мину, не мог ее подорвать.

Не менее десятка писателей и историков написали о том, что Ленинград не надо было оборонять, а следовало бы сдать его. Но известен приказ Гитлера от 18 сентября 1941 г.: «капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена»²⁰. Обороняя эти города, несмотря на огромные лишения, мы сохранили и войска и большую часть населения, а в случае сдачи они были бы полностью уничтожены.

Группа российских и немецких историков и литераторов выпустила сборник статей о Второй мировой войне²¹. В нем приводится справедливое высказывание бывшего президента ФРГ Р. фон Вайцекера: «И тем не менее с каждым днем становилось все яснее то, что мы сегодня должны высказать все вместе: 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистического деспотизма». Но в книге пишется и об оккупации Красной армией Польши, Венгрии, Прибалтийских стран. Почему для одних — освобождение, для других — оккупация, если цель нашей армии состояла в изгнании фашистских оккупантов с территории этих стран?

Если бы страны Прибалтики в 1940 г. не были в составе СССР, их бы Гитлер заставил воевать на стороне Германии и они оказались бы в стане побежденных со всеми вытекающими отсюда последствиями. По крайней мере, Литва сегодня не владела бы ни Вильнюсом, ни Клайпедой. Гросс-адмирал К. Дениц в конце войны заявил, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», неся большие жертвы, всегда оставаясь верной военной присяге, а «результаты его военных действий незабываемы»²². В таком духе пишут о вермахте и современные авторы, в частности и отечественные. А про армию, которая сокрушила этот вермахт, говорят, что она воевала бездарно и чуть ли не проиграла войну.

Один из авторов сборника «Память о войне 60 лет спустя» историк В. Ветте (ФРГ) отмечает: «Германский вермахт, конечно, проиграл вторую мировую войну, зато добился победы после 1945 года, а именно в борьбе за представление о себе в глазах общественности — немецкой и международной»²³. Американцы после войны засадили гитлеровских генералов писать мемуары, обобщать опыт войны. Эта литература распространялась по всему миру, формировала общественное мнение.

Американский историк Дж. Най растолковывает нам, что «в информационный век побеждает

тот, чья история убедительнее, чья история способна привлечь людей»²⁴.

Убедительность нашей истории в правде объективных исторических фактов. Но ее пытаются извратить, сделать непривлекательной.

Крайности в изучении истории Великой Отечественной войны

В изучении и освещении истории войны в последние годы, на мой взгляд, образовались две крайности. Одни авторы, иногда вроде бы из добрых патриотических побуждений, не признают критического рассмотрения событий и действий тех или иных личностей. Но ведь еще Сталин говорил в 1945 г., что и у советского правительства были просчеты и ошибки, моменты отчаянного положения. Однако сейчас некоторые редакции газет и журналов, да и, увы, ветераны войны, этого не хотят слышать. Но при таком подходе нам просто не будут верить, а главное — без объективного критического анализа прошлых событий невозможно извлечь должных уроков, сделать выводы для современной деятельности. Но ничего не стоит литература и историческая наука, если она любую историческую личность, любые события не будет рассматривать объективно и критически. Когда нигилисты, занимающиеся ниспровержением нашей Победы, твердят только о наших неудачах, потерях, об отступлении до Москвы и Волги, при этом «забывая» чем кончилась война, что мы пришли в Берлин, то это тоже искажает правду о войне.

Или когда мы в пылу патриотических чувств, рассказывая о таком необычайном подвиге руководителей и народа, как эвакуация в тыл 2500 промышленных предприятий и организации производства в новых районах, полагаем возможным умолчать о таких острых вопросах: почему так произошло, что в самый ответственный период, когда идет война, войска несут потери и нужно их снабжать оружием, боеприпасами, другими материальными средствами, именно в это время все демонтируется и откатывается на Восток. Как же мы планировали вести войну? Если мы будем от таких вопросов уходить, то наши позиции тоже будут уязвимы.

Как писал поэт Александр Твардовский, «нам только правда ко двору». Стремление оправдать все, что было во время войны, изображая даже начало войны как сплошные победы, ни к чему хорошему привести не могут и в конечном счете льют воду не на нашу мельницу. Такая история не будет принята обществом, да и ветеранами войны. У нас есть достойная история со всеми ее великими достижениями, неудачами и огорчениями. Таковую историю мы будем отстаивать.

Однако духовным основам Российского государства, его достоинству в настоящем и будущем

наибольшую угрозу представляет ультралиберальный исторический нигилизм, когда опошляется и дискредитируется вся история Отечества и в первую очередь история Великой Отечественной войны. При таком подходе вся история войны изображается как сплошная цепь безобразий и преступлений. Доходит даже до утверждений о том, что это была позорная война, в которой мы потерпели поражение²⁵.

Ко Дню Победы были изданы и широко распространяются такие оскорбляющие чувства ветеранов произведения, как «Беру свои слова обратно» В. Суворова (Резуна)²⁶, «Отцы-командиры» А. З. Лебединцева и Ю. И. Мухина²⁷, «Десять сталинских ударов» В. В. Бешанова²⁸, легковесные книги Б. В. Соколова²⁹, «Походно-полевые жены» Олега и Ольги Грейг³⁰. Последняя книга — характерный пример издания, в котором авторы придумывают небывлицы или собирают сплетни. Авторы пересказывают, например, разговоры Г. К. Жукова с теми или иными историческими лицами, но нигде нет ссылок, откуда все это взято, чем авторы могут подтвердить то или иное высказывание. Для людей, знающих подлинную фронтовую жизнь, обстановку того времени, совершенно очевидна и надуманность многого из того, о чем пишут авторы. Из этой же серии монография Б. Н. Красильникова под характерным названием «Разгром Советского Союза»³¹.

Основной недостаток многих современных книг на историческую тему состоит в том, что они основываются не на объективном анализе и сопоставлении различных событий, фактов, свидетельств. Чаще всего, заранее намечается определенная ангажированная версия, и на нее нанизывается все то, что подтверждает авторскую позицию. Остальное же, даже существенное, просто отбрасывается за ненадобностью.

В качестве примера такого подхода можно назвать работу В. В. Бешанова³² и подобные ей книги. Они не являются плодом углубленных исследований, самостоятельных исторических изысканий. Это компиляция из того, что уже было написано в ранее изданных трудах. Но при том факты и выводы подбираются и подаются настолько однобоко и тенденциозно, что неподготовленному читателю трудно понять, что же происходило в действительности. На исторической ниве подвизается не мало так называемых «историков», которые не по образованию, ни по научному статусу не имеют никакого отношения к исторической науке.

Возникает вопрос: почему же тогда даже такие массовые издания, как газета «Аргументы и факты», обращаются именно к таким авторам, особенно в дни юбилеев исторических событий? Разве нет других, более авторитетных, профессиональных историков или еще здравствующих участников тех или иных боев и сражений?

Примечательно, что иногда приводятся самые невероятные цифры или другие данные, но, как правило, ссылки на источники отсутствуют. При этом расчет делается на неосведомленного читателя. Неоднократно публиковался тезис, что 100 тысячный десант союзников во время Крымской войны победил 1,5 миллионную русскую армию. Причем для Англии, Франции и других армий берутся войска только в Крыму, а для России — на всей ее территории.

А.Н. Яковлев писал: «Мне нечего сказать в защиту тех, по чьей вине в гражданскую войну погибли 20 млн человек»³³, не делается никакой попытки обосновать или объяснить эту цифру. В действительности общие демографические потери России на фронтах и в тылу (в боях, от голода, эпидемий, террора) в годы Гражданской войны составили 8 млн человек³⁴. В начале 20-х годов XX в. в Европе только от испанского гриппа умерло 22 млн человек. Но ни в одной стране их не относят к военным потерям.

Особенно много измышлений о нашей истории в зарубежной историографии³⁵. Американский военный историк Д. Глэнтц, не разобравшись в сути операции «Марс» (осень в 1942 г.), написал книгу «Величайшее поражение Маршала Жукова», которую некоторые отечественные его последователи всячески рекламируют³⁶.

Многие факты и события рассматриваются в отрыве от исторической обстановки. После войны появилось различные издания, где утверждается, что нарком военно-морского флота (ВМФ) адмирал Н.Г. Кузнецов «вопреки Сталину» еще задолго до войны привел флот «в полную боевую готовность». Но полная боевая готовность, кроме подъема по боевой тревоге, предполагает укомплектование всех частей до штатов военного времени, т.е. их отмобилизование. У наркома ВМФ своих военкоматов и своего особого Верховного Совета не было. Мобилизацию он провести не мог. Указом президиума Верховного Совета СССР мобилизация была объявлена 23 июня 1941 г.

Распространяется миф, что в отличие от других округов, в Одесском военном округе и войска были своевременно приведены в боевую готовность, авиация рассредоточена, поэтому войска и авиация этого округа не понесли больших потерь. Но противник с территории Румынии перешел в наступление через неделю после начала войны. И в первые дни войны в полосе Одесского военного округа не было таких массированных ударов, как на Западном или Юго-Западном направлении.

Г.Х. Попов написал книгу «Три войны Сталина», где «третью войну Сталина» он связывает с продолжением войны в 1944–1945 гг. за пределами СССР³⁷. Автор полагает, что с выходом на государственные границы Советскому Союзу надо

было остановиться и дальше в войне не участвовать. Военные действия наших войск по освобождению Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран и тем более оккупацию части Германии, он считает агрессивными действиями Сталина, положившими начало «холодной войне». Г.Х. Попов прибегает к историческим аналогиям, к ссылкам на 1812 г. Изображая дело таким образом, что М.И. Кутузов не хотел идти в Европу и добивался того, чтобы остановиться на границе и дальше войска не посылать. Но 21 декабря 1812 г. Кутузов в приказе по армии поблагодарил войска за изгнание врага из пределов России и призвал их «довершить поражение неприятеля на собственных полях его»³⁸. Исторически считается уже доказанным, что интересы стабилизации обстановки в Европе и национальные интересы России требовали совместных усилий европейских стран по пресечению наполеоновской экспансии. И, конечно, участие русских войск в походе в Европу в 1813–1814 гг. было вполне оправданным.

Для правильных, обоснованных решений по назревающим проблемам нужен анализ сложившейся обстановки и перспективное понимание национальных, в том числе и геополитических интересов государства. Если исходить из этого, могло ли советское правительство в 1944 г. принять решение остановить войска у государственных границ и закончить на этом войну? Это практически было невозможно, если бы даже кто-то и принял бы такое решение.

Во-первых, советское правительство было связано соответствующими международными соглашениями с США, Великобританией, другими государствами о полном разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, добиваясь безоговорочной капитуляции Германии, ее денацификации и демилитаризации.

Во-вторых, с точки зрения военно-политической, при отказе СССР переходить свои западные границы, союзникам пришлось бы одним воевать против Германии, Италии, Венгрии и других стран гитлеровской коалиции, в том числе и против всех войск, снятых и переброшенных на Запад с советско-германского фронта. Перед завершающей кампанией 1945 г. против советских войск действовало 179 немецких и 16 дивизий ее союзников, а против американско-английских войск 107 — дивизий. Не трудно себе представить, особенно, если вспомнить Арденнские события декабря 1944 г., в какое положение попали бы союзники, если бы против них было переброшено еще 150–200 дивизий с германского Восточного фронта. Никто бы, конечно, в то время не пошел на прекращение военных действий на советско-германском фронте. Но если даже теоретически допустить такую возможность, то это означало бы катастрофу

для союзников или они, наверняка, пошли бы на заключение сепаратного мира с Гитлером. Тогда продолжала бы существовать агрессивная германская империя и исходящая от нее военная угроза для нашей страны.

Госсекретарь США К. Хэлл вынужден был признать: «Только героическое сопротивление Советского Союза спасло союзников от позорного сепаратного мира с Германией. Это сепаратное соглашение открыло бы дверь для следующей 30-летней войны»³⁹.

Пусть здравомыслящий читатель рассудит, как, с учетом всего изложенного, можно было нашим войскам останавливаться у западных границ и отказываться от освобождения других стран, находящихся под фашистской оккупацией, а главное — дать возможность разбитому, но еще сильному противнику отступить в глубь своей территории и снова собраться с силами? Не говоря уже о том, что на оккупированной нацистами территории Европы и в Германии были лагеря наших военнопленных, угнанные в рабство соотечественники, которые ждали своего освобождения.

Даже в Германии не критикуют так резко гитлеровскую армию, потерпевшую сокрушительное поражение, как некоторые историки и публицисты в нашей стране — свою армию-победительницу. Должно же быть хотя бы элементарное уважение к делам и интересам своей страны.

Автор вышедшего несколько лет назад фильма «Последний миф» В. Синельников говорит уже о виновности не только Сталина, Жукова, других высших руководителей страны и армии, но и всего народа, которому непременно надо покаяться перед всем миром. «Для меня, — пишет В. Синельников, — ...нет ничего важнее проблемы покаяния советского народа»⁴⁰. Враги хотели нас уничтожить, поработить, но мы победили захватчиков, спасли всю Европу от угрозы фашистской чумы, а теперь, оказывается, нам надо перед миром каяться! Нет, мы, каяться по этому поводу не будем. Мы воевали не против немецкого или японского народов, а против фашизма и милитаризма.

В свое время поэт и дипломат Ф. И. Тютчев заметил в России явление, которое он назвал «наиболее прискорбной склонностью», выражающейся в стремлении «подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта склонность изобличает и всегда будет изобличать одну лишь злость»⁴¹.

К сожалению, в последние годы на исторической ниве России преобладают именно такая озлобленность и нигилизм по отношению к общественным делам и интересам. Дошло до того,

что мы уже вроде «стесняемся» побед своих Вооруженных Сил. Победа осени 1945 г. над Японией даже не обозначена в Федеральном законе «О днях воинской славы России». Но нельзя отменить того, что произошло. В памяти народа 3 сентября 1945 г. как было, так и останется Днем воинской славы — днем торжества отечественного оружия, нашей полководческой школы.

В истории не раз уже бывало, когда победившие революции во многом невольно копировали свергнутые режимы, повторяли в еще более жестком виде методы их борьбы с противниками, оппозицией, и, в конечном счете, приходили к тому, против чего боролись. После августовских событий 1991 г., когда непримиримость ужесточилась, многие справедливо выражают озабоченность тем, что продолжение такой линии может привести к новой форме единомыслия, что было бы опасным не только для судеб исторической науки, но и вообще для демократии, для всего общества.

Нередко происходит шельмование инакомыслящих, озлобление и ожесточение против целых групп людей, исходя лишь из их корпоративной принадлежности. Редакции ряда журналов, газет, издательств часто публикуют только соответствующие их взглядам работы, недоброжелательно относятся к другим мнениям. Под напором нового идеологического пресса даже известные историки и писатели ломаются, высказывают суждения, прямо противоположные проповедовавшимся ими ранее. Пересмотр своих взглядов на основе новых фактов и жизненных явлений — дело естественное. Но тогда должны быть подвергнуты научной критике прежние взгляды и обоснованы новые.

Поощрение конъюнктурности неизбежно ведет к снижению научной требовательности. В научную среду под прикрытием модной политической демагогии проникают посредственности, возводящие ту самую глухую стену, о которую в истории науки разбивались многие новые мысли и открытия. Давно известно, что без сопоставления и борьбы мнений наука не может плодотворно развиваться. Некомпетентные суждения в области военной истории входят в оборот еще и потому, что выступить и развенчать их в печати не всегда дозволяется. Как говорил академик П. Л. Капица, когда в какой-то науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, то эта наука идет по пути к кладбищу — на свои похороны.

При всех наших трудностях, и в наши дни выпускаются новые книги, в частности ветеранскими организациями, рассказывающие о Московской, Ленинградской, Сталинградской или Курской битвах. Но обычно в них содержится то, что уже много раз публиковалось 20–30 лет назад. В этих изданиях нет разоблачения измышлений, которые распространяются сегодня об этих бит-

вах. Поэтому эти, сами по себе нужные книги, не в полной мере достигают своей цели.

Историческая истина — это не просто поиск и воспроизведение документов и систематизация известных фактов, тем более что они не всегда адекватно отражают историческую действительность. Для постижения исторической правды нужно искать недостающие данные, сопоставлять их с известными фактами, неоднократно перепроверять источники для выяснения их достоверности, проникать в их подлинный смысл, глубоко и всесторонне анализировать разноречивые свидетельства. Но такой кропотливой работы часто недостает военно-историческим исследованиям. Поэтому некоторые стереотипы широко распространяются в печати без надлежащей их проверки и сопоставления с фактами.

Мы до сих пор не имеем обобщенных карт, воспроизводящих двусторонний ход операций. Когда уже в наши дни начинаешь сличать положение сторон в тех или иных операциях, то во многих случаях на германских и советских картах они существенно отличаются. До сих пор по-разному сообщаются данные о конкретных решениях, военных действиях, их результатах и потерях. Многие карты и схемы стратегической и оперативной обстановки, положения сторон перед началом и в ходе операции, были разработаны у нас уже после войны. С целью соблюдения «секретности» они были основательно выхолощены, и на них остались лишь многочисленные стрелы. Из этих карт и схем нельзя получить представление о группировках наших войск и сил флотов, нумерации объединений и соединений, базировании авиации, тыловых органах, пунктах управления и других данных о положении и состоянии войск. Многие связанные с «секретностью» ограничения давно уже сняты, но подготовленные сразу после войны карты и схемы продолжают кочевать из одного издания в другое.

Даже историки союзных по антигитлеровской коалиции стран — СССР, США, Англии, Франции по-разному описывают одни и те же боевые действия. Немало было допущено необъективности и предвзятости как со стороны советских историков, так и специалистов из западных стран, поскольку история второй мировой войны оказалась одним из полей «холодной войны».

Известно, что для того, чтобы правильно разобраться в исторических событиях, факты и документы следует брать в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности, соотносить их с конкретной обстановкой рассматриваемого времени, объективно оценивать, к чему в конечном счете эти события привели. Однако и этот важнейший принцип историографии зачастую игнорируется.

В условиях такой однобокости и ангажированности любое слово историков, участников

Великой Отечественной войны, пытающихся рассматривать ее события с позиций объективности и здравого смысла, встречается гневными нападками как с той, так и с другой стороны, и крайности как всегда смыкаются. Начинает преобладать обывательский взгляд на историю войны. Такие подходы в идеологической борьбе, может быть, и удобны, но тогда мы никогда не узнаем, что же было на самом деле. А попытки оправдать все происходившее во время войны или, напротив, опорочить могут привести лишь к тому, что новое поколение просто никому не будет верить.

С тем чтобы преодолеть эти негативные явления, представителям государственной власти и общественности нужно, прежде всего, четко определиться в оценке значения Победы в Великой Отечественной войне. Без этого трудно добиться единства и согласия в обществе.

Всем нашим соотечественникам, независимо от их политических взглядов, необходимо понять: без добротного, прочного исторического фундамента невозможно построить новое достойное общество и сильное демократическое государство.

Когда не так давно в Японии был издан учебник для школ, где делалась попытка обелить японскую агрессию в Юго-Восточной Азии, немедленно последовал протест Китая. В результате в Японии этот учебник был изъят из сферы образования. К сожалению, в России нет подобной реакции ни со стороны как государственных, так и общественных организаций.

Мы в своем историческом соперничестве с фальсификаторами истории значительно уступаем в финансовом отношении. Враждебные нам книги издаются миллионными тиражами. Вместе с тем издать и распространить правдивые, объективные книги о войне, о наших полководцах крайне затруднительно.

Нет должной централизации руководства военно-исторической работой и внутри ведомств. В Министерстве обороны РФ Институт военной истории, органы планирования военно-исторической работы, архивная служба, военно-мемориальный центр подчинены разным должностным лицам. До сих пор не упорядочен доступ историков к архивным документам. Остается нерешенной проблема издания школьных и вузовских учебников, объективно освещающих историю Великой Отечественной войны. В результате все правильные, в частности официальные, оценки истории войны, прозвучав, минули вместе с юбилейными днями, а формируют общественное сознание, влияют на молодежь совсем другие взгляды и оценки — подрывающие наши исторические устои и противоречащие национальным интересам. Все это вызывает обеспокоенность общественности.

Отражением этих настроений явилась статья В. Т. Третьякова «Россия без истории»⁴². Как же так, трудится большой отряд профессионалов, издаются капитальные исторические труды и вдруг — «Россия без истории»?

По-своему правы и историки, и В. Т. Третьяков. Исторических трудов действительно много. Но их мало кто читает. Поэтому историческая наука и значительная часть общества живут порознь. В. Т. Третьяков пишет, что в России сегодня параллельно существует, если так можно сказать, две школы — советская (красная) и белая — традиционно антисоветская. Представители этих двух направлений даже не соприкасаются друг с другом, не сопоставляют свои взгляды, ограничиваясь заочной критикой. А общераспространенный курс российской истории XX в. создается ныне СМИ, отечественными дилетантами и антироссийски настроенными зарубежными историками. Некоторые историки считают, что не надо обращать внимания и отвечать таким лжеисторикам, как В. Суворов (Резун), и другим. Но ряд телеканалов, газет, журналов чаще всего именно этих людей привлекают на свои экраны и страницы. В значительной мере они формируют общественное сознание. Вы можете написать и хорошие книги, но они большинству читателей, в особенности молодежи, неведомы. В учебнике по литературе для старших классов из всех писателей, писавших о войне, рекомендованы только два: Иосиф Бродский (стихотворение «На смерть Жукова») и Георгий Владимов («Генерал и его армия»)⁴³. В одной из детских энциклопедий выдающимися полководцами второй мировой войны названы Монтгомери, Гудериан и Власов.

Министерство образования лишь имитирует свою деятельность в области преподавания истории. В этом году в Москве вообще отменили вступительные экзамены по истории в вузы, ограничившись формализованным единым госэкзаменом (ЕГЭ) в виде тестов по принципу телевикторин. Так из истории выхолащивается ее содержание. Что будут знать выпускники средних школ, например, о том, «какие изменения произошли в Красной Армии в ходе войны», (об этом написаны сотни томов), если в качестве правильного ответа на этот вопрос ЕГЭ им предлагается такой: «были введены погоны, появились гвардейские части и заградительные отряды»?⁴⁴

По существу свернуто изучение военной истории в военных учебных заведениях.

Что можно и должно сделать?

Во-первых, с учетом высказанных Президентом РФ В. В. Путиным суждений, вынести вопрос об истории Великой Отечественной войны на заседание Оргкомитета «Победа», где принять

обращение к общественности, СМИ, историкам о недопустимости и опасности извращения истории Отечества. Активизировать деятельность научных учреждений, историков, ветеранских организаций по предотвращению искажения отечественной истории, особенно истории Великой Отечественной войны. Необходимо давать достойную отповедь тем, кто принижает значение Победы, одержанной во второй мировой войне при решающей роли нашей страны и ее Вооруженных Сил. Важно сплочение историков, писателей, журналистов, ветеранов войны, стоящих на здравых, объективных, а следовательно на патриотических, позициях. Надо отказаться от взаимных упреков по пустякам и сосредоточиться на главном — отстаивании подлинной правды о войне.

Сделать главным содержанием работы Оргкомитета «Победа», государственных, ветеранских и других общественных организаций убедительное, научно обоснованное отстаивание значения и важности Великой Победы как важнейшего исторического фундамента для утверждения достоинства нашей страны и патриотического воспитания нового поколения. Во-вторых, было бы желательным Указом Президента РФ или постановлением правительства создать комиссию по выработке концепции национальной истории, где должно быть отведено достойное место истории Великой Отечественной войны. Эта концепция, разумеется, не предполагает расставлять все точки над «i», регламентировать понимание всех вопросов. По каким-то проблемам споры идут, и они будут продолжаться. В концепции национальной истории желательно определить лишь основные направления понимания важнейших проблем отечественной историографии. Например, еще раз закрепить научно обоснованное понимание вопроса о зачинщиках и виновниках развязывания второй мировой войны, подлинных причинах наших неудач в 1941 г., факторах, обеспечивающих нашу победу, определить историческую значимость победы в Великой Отечественной войне.

Конечно, по возможности, не следует политизировать и идеологизировать историю. На это обращалось внимание и на XX Международном конгрессе исторических наук в Сиднее (Австралия) в июле 2005 г.⁴⁵

Можно согласиться с предложениями ряда историков и общественных деятелей о том, что современная история России должна опираться на лучшие достижения русской дореволюционной и советской исторической науки. История России должна быть преемственной, рассматриваться в контексте всемирной истории, представлять собой непрерывный процесс, не замалчивая и не приукрашивая ни один из периодов. История нашей Родины должна быть единой. В событиях

гражданской войны 1918–1922 гг. или гражданско-противостояния 1991–1993 гг. действия противостоящих сил должны освещаться объективно. История России должна рассматриваться как история Государства Российского и одновременно, как русской (российской) государственности, российской многонациональной цивилизации, породившей внутри себя не только Россию, но еще и ряд государств.

Надо признать, что истории стран СНГ за последние годы значительно разошлись, особенно в области военной истории. Но, видимо, постепенно эти расхождения надо преодолевать. В декабре 2005 г. по инициативе академика А. О. Чубарьяна в Институте всеобщей истории РАН было проведено совещание научных учреждений государств СНГ. Принято соответствующее коммюнике, где подчеркивается, что наша общая история — это не только история Российской империи или СССР, но и история входивших в них народов⁴⁶.

Нужно развивать и более широкое международное сотрудничество, в частности со странами «дальнего» зарубежья. Тем более что сейчас есть и общие угрозы для России, США и других стран, что требует объединения усилий для обеспечения безопасности и стабильности в мире. Но при этом нужно сохранять и достоинство своей страны, в частности и в области истории. К сожалению, на пути этого сотрудничества чинится много препятствий и зарубежные поездки недостаточно стимулируются, от чего мы много теряем.

В-третьих, следует признать, что существующая практика подготовки школьных и вузовских учебников по истории не оправдывает себя. Надо, видимо, как уже неоднократно предлагалось, собрать две-три группы ученых, соответствующим образом стимулировать их труд и поручить им на конкретной основе создать исторические курсы, которые в последующем послужили бы ориентирами для создания других учебников по истории.

В-четвертых, напрашивается необходимость создания фонда, который способствовал бы изданию и распространению как в нашей стране, так и за рубежом правдивой, объективной литературы по истории Великой Отечественной войны. Надо выполнить решение Президента РФ В. В. Путина о подготовке и издании нового многотомника по истории Великой Отечественной войны. При создании Общественной палатой органа по осуществ-

лению общественного контроля за деятельностью радио и телевидения было бы целесообразно иметь в его составе консультантов (экспертов) по истории Великой Отечественной войны.

В-пятых, для дискредитации Победы в Великой Отечественной войне больше всего используются фальсифицированные данные о наших потерях в Великой Отечественной войне. В 1988 г. официальные данные о военных потерях Министерства обороны были представлены в ЦК КПСС и опубликованы в печати. Однако эти сведения о людских потерях носили все же ведомственный, а не общегосударственный характер, они не содержали данных о гражданских потерях. Учитывая это, было бы желательным решением Президента РФ или главы правительства создать государственную комиссию из представителей Федеральной службы государственной статистики, Федерального архивного агентства России (Росархива), Генштаба ВС РФ с привлечением представителей ФСБ, МВД, демографов РАН, авторитетных общественных деятелей для проверки и уточнения всех имеющихся данных о людских потерях за время войны. После окончания работы госкомиссии результаты следовало бы опубликовать на государственном уровне. Тем более что в настоящее время в России и других республиках бывшего СССР завершается работа по составлению книг памяти о погибших, открылись возможности для наиболее полного выявления всех видов потерь. Целесообразно ускорить принятие решения о продлении работы Объединенной редколлегии и редакции «Книги памяти» Российской Федерации. Все это позволит выявить истинную картину потерь в Великой Отечественной войне и будет способствовать противодействию спекуляциям по этому вопросу.

Выдающийся русский военный мыслитель А. А. Свечин считал, что «каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые, не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника в виде официальной истории войны неизбежна для всякого правительства, продолжающего нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Воинская доблесть нуждается в культе, и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»⁴⁷.

¹ См. об этом: Гареев М. А. Мы мир спасли! — Красная звезда, 6. V. 2006.

² Мировые войны XX века, в 4-х кн. М., 2002.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки, в 4-х кн. М., 1995.

⁴ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне, в 2-х кн. М., 2003.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки, в 6-и т., М., 1999–2006.

⁶ Русский архив. Великая Отечественная, т.13 (2–1). Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 — 21 июня 1941 г. М., 1994; т. 13 (2–2). 22 июня 1941–1942 г. М., 1997; т.13 (2–3). 1943–1945 гг. М., 1997.

- ⁷ Московский комсомолец, 22. VI. 2005.
- ⁸ Профиль, 9. V. 2005.
- ⁹ Попов Г.Х. Три войны Сталина. М., 2005, с. 49–53, 88–91.
- ¹⁰ Карамзин Н.М. Соч., т. 2, Л., 1984, с. 49–50.
- ¹¹ См.: Балакин В.И. Причины и последствия русско-японской войны 1904–1905 годов. — Новая и новейшая история, 2004, №6.
- ¹² Цит. по тексту выступления В.Ю. Суркова на сайте: www.edinros.ru/news
- ¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч., т. 48–49, М., 1952, с. 124.
- ¹⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. 5, М., 1950, с. 165.
- ¹⁵ См. об этом: Гареев М.А. История Великой Отечественной войны нуждается в защите. — Военно-промышленный курьер, 2006, №23.
- ¹⁶ 1941 год, в 2-х кн., серия «Россия XX век. Документы». М., 1998.
- ¹⁷ Непомнящий Н.Н. Военные загадки третьего рейха. М., 2000, с. 280–290.
- ¹⁸ Коротков Г.И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. — Новая и новейшая история, 2005, №2, с. 41–49.
- ¹⁹ Известия, 12. VI. 2003.
- ²⁰ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991, т. 2, с. 242.
- ²¹ Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа, М., 2005.
- ²² Там же, с. 541.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Коммерсант, 6. III. 2006.
- ²⁵ См. об этом: Гареев М.А. Итоги деятельности Академии военных наук за 2001–2005 годы и основные задачи Академии. — Вестник Академии военных наук, 2006, №1, с. 10–11.
- ²⁶ Суворов В. Беру свои слова обратно. Донецк, 2005.
- ²⁷ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004.
- ²⁸ Бешанов В.В. Десять сталинских ударов. М., 2005.
- ²⁹ Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск, 2000; его же. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2004.
- ³⁰ Грейг О., Грейг О. Походно-полевые жены. М., 2005.
- ³¹ Красильников Б.Н. Разгром Советского Союза. М., 2005.
- ³² Бешанов В.В. Указ. соч.
- ³³ Коммерсант власть, 15. IX. 2005.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. М., 2001, с. 111, 129.
- ³⁵ См., например, Хофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006.
- ³⁶ См. об этом: Гареев М.А. Операция «Марс» и современные «марсиане». — Военно-исторический журнал, 2003, №10, с. 17–21.
- ³⁷ Попов Г.Х. Указ. соч., с. 95–104, 142–163.
- ³⁸ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 9190, оп. 1636, св. 25, д. 14, л. 351–351об; См. также: «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала Светлейшего Князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского». СПб, 1813, с. 272–274.
- ³⁹ Цит. по: Российская Федерация сегодня, 2005, №9, с. 34.
- ⁴⁰ Версия, 2000, №37.
- ⁴¹ Тютчев Ф.И. Соч. М., 1980, т. 2, с. 74.
- ⁴² Российская газета, 12. V. 2005.
- ⁴³ Современная русская литература (1990–XXI в). СПб, 2005.
- ⁴⁴ Пономарев М.В., Хартулари Г.С. Единый государственный экзамен 2006. История России. Тематические тренировочные задания. М., 2006, с. 98.
- ⁴⁵ Бибииков М.В., Тишков В.А., Волков В.К. XX Международный конгресс исторических наук. — Новая и новейшая история, 2006, №1.
- ⁴⁶ Форум историков стран СНГ. — Новая и новейшая история, 2006, №3, с. 6–7.
- ⁴⁷ Свечин А.А. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919, вып. 1, с. 6.

«Синдром Мюнхена» и «синдром 22 июня» в происхождении холодной войны

М. М. Наринский*

По окончании Второй мировой войны представления политических руководителей различных государств и массовая психология находились под сильным воздействием памяти о войне, в частности, о ее происхождении и начале. Для Запада были важны воспоминания о Мюнхене. Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 года) стала апогеем и символом политики умиротворения нацистской агрессии со стороны Англии и Франции. Их лидеры согласились удовлетворить территориальные притязания Гитлера за счет передачи Германии значительной части территории Чехословакии, вынудив Прагу пойти на роковые уступки. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме от 22 октября 1938 г. сообщал в Москву: «В том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз»¹. Известный французский историк Ж.-Б. Дюрозель писал: «Конференция в Мюнхене принесла в жертву целостность Чехословакии во имя того, что сторонники „политики умиротворения“ называли „делом мира“. Это было в первую очередь творением Чемберлена, за которым с гораздо меньшей убежденностью следовал Даладьё. Единственным результатом было то, что силовую акцию Гитлера было решено любым способом заменить юридической фикцией, всего лишь фикцией, поскольку согласились почти на все его требования, не консультируясь с Чехословакией, основным заинтересованным участником. Эта фикция была основана на убеждении, что Гитлер выполняет подписанные им договоры, и что его притязания ограничиваются аннексией стран, населенных немцами»².

Мюнхенские соглашения обернулись серьезным просчетом, а весь курс на умиротворение нацистской Германии — крахом. США в этот период проводили политику невмешательства. Американский политолог Кр. Лэйн позднее утверждал: «Для творцов американской послевоенной политики Мюнхен казался доказательством того, что для тоталитарных государств характерна ненасытная агрессивность, что мир неделим, что агрессии необходимо противодействовать повсюду, и что «умиротворение» (трактовавшееся как любые результативные дипломатические контакты с тоталитарной властью) всегда является сумасшествием»³. Одновременно осуждалась и политика невмешательства, проводившаяся Соединенными Штатами в период подготовки Второй мировой войны. Аналогии между возникновением Второй мировой войны и холодной войны (правильные или неверные) приводили Вашингтон к выводам об отсутствии принципиальных различий между политикой нацистской Германии и Советского Союза, между Гитлером и Сталиным.

Сравнения сталинской политики с политикой Гитлера проходили красной нитью через рассуждения американских деятелей в период формирования послевоенного международного порядка. Американский посол в Москве (1945–1946 гг.) А. Гарриман склонялся к признанию схожести сталинской политики в Восточной Европе с экспансионистской политикой Гитлера в этом же регионе⁴. В апреле 1945 года он подчеркивал в аналитической депеше в госдепартамент: «Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что советская программа направлена на утверждение тоталитаризма и отрицание личных свобод и демократии в нашем понимании»⁵. Осенью

* Наринский Михаил Матвеевич — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

1945 года, как отмечает профессор В. О. Печатнов, мотивы и характер советской внешней политики однозначно трактовались в Пентагоне по аналогии с нацистской угрозой: СССР стремится к «доминированию над Евразией и стратегическими подступами к ней», а «многие аспекты внешней и внутренней политики Кремля разительно напоминают политику Гитлера перед Второй мировой войной»⁶.

Что касается президента Г. Трумэна, то он записал в свой дневник в мае 1945 года: «У меня нет доверия к любому тоталитарному государству, будь то русское, германское, испанское, аргентинское или японское. Они все исходят из неверной предпосылки, что ложь оправдана, и что старая опровергнутая формула иезуитов — цель оправдывает средства — верна, и она необходима, чтобы удерживать власть»⁷. В ноябре 1946 года он еще более определенно высказался в письме своей матери и сестре. Трумэн писал по поводу состоявшегося визита В. М. Молотова в Вашингтон: «Он представляет тоталитарное государство — полицейское правительство. В действительности, нет разницы между тем правительством, которое представляет Молотов, и тем правительством, которое представлял царь, или тем правительством, от имени которого выступал Гитлер»⁸. При таких установках советской экспансии и наращиванию советского влияния необходимо было противодействовать повсюду.

Следовательно, США были призваны противостоять СССР в глобальном масштабе, осуществлять его «сдерживание» всеми средствами, включая военные. По мнению американского аналитика К. Лэйна, «Мюнхен стал кульминацией пяти лет глупости — половины десятилетия, когда британцы оставались слепы в отношении германской угрозы, игнорируя при этом важную роль военной силы во внешней политике»⁹. Другой американский эксперт Джек Снайдер подчеркивал: «Урок Мюнхена заключается не в соглашении самом по себе, а в отказе Европы принимать германскую угрозу всерьез. Главным образом потому, что позиция Чемберлена (в меньшей степени это относится к Даладье) исключала возможность европейской военной реакции на политику установления германской гегемонии»¹⁰. Д. В. Ларсон пришла к выводу, что «результаты политики умиротворения в тридцатые годы убедили Трумэна в том, что только твердое намерение использовать преобладающую силу может сдерживать агрессоров»¹¹. Уроки Мюнхена побудили американских руководителей в процессе формирования послевоенной системы международных отношений избрать политику «сдерживания» в различных регионах земного шара с опорой на внушительную военную мощь США.

Некоторые эксперты утверждали, что именно уроки Мюнхена лежали в основе американской «концепции домино». «Глобальному сдерживанию не удастся различать между жизненно важными и периферийными интересами, — отмечал Кр. Лэйн. — Глобальное сдерживание диктует то, что Америка должна противостоять коммунизму повсюду, поскольку оно полагает, что Америка подвергается угрозе в результате любого продвижения коммунизма»¹². Весьма характерно высказывание президента Линдона Джонсона в связи с втягиванием США во вьетнамскую войну: «Мы усвоили в Мюнхене от Гитлера, что успех только подпитывает аппетиты агрессора. Схватка будет возобновлена после одной страны в другой стране»¹³. Однако позднее американские политологи признавали, что попытки применить уроки Мюнхена в джунглях Вьетнама основывались на неверных аналогиях¹⁴.

Правда, среди американских политиков и экспертов звучали трезвые голоса, предостерегавшие от упрощенного сравнения гитлеровской и сталинской внешней политики. Весьма характерное утверждение содержалось в хорошо известной «длинной телеграмме» Кеннана: «Советская власть, в отличие от власти гитлеровской Германии, не является ни схематичной, ни авантюристической. Она не следует жестко установленным планам. Она не рискует без необходимости. Невосприимчивая к логике рассуждений, она весьма восприимчива к логике силы. По этой причине она может легко ретироваться — что она обычно и делает — в любой момент, когда встречает сильное сопротивление»¹⁵.

К тому же Сталин был прекрасным актером. Он предпочитал играть роль «добротного полицейского», оставляя Молотову роль «злого полицейского». Президент Трумэн и государственный секретарь Бирнс в 1945 году считали его «благомысленным государственным деятелем, заинтересованным только в сохранении всеобщего мира», в отличие от Молотова, с которым было совершенно невозможно иметь дело. Во время Лондонской сессии СМВД (11 сентября — 2 октября 1945 г.) Бирнс утверждал: «Если бы Молотов занял место лидера, он повел бы Россию по тому же пути, по которому Гитлер вел Германию, а Муссолини Италию». Объясняя эту странную аналогию, госсекретарь отметил: «Молотов пытался методами «ловкого вора-карманника» добиться того, что Гитлер стремился совершить, устанавливая господство над малыми странами силой»¹⁶.

На самом деле В. М. Молотов неизменно выполнял директивы «хозяина», даже если был с ними не очень согласен. Рассуждая о советской кампании 1945–1946 годов за пересмотр режима черноморских проливов, установленный конвен-

цией в Монтре, Молотов говорил: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не совсем правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 году, после окончания войны. Пролиты должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки»¹⁷.

Потребовалось немало времени, чтобы американские политологи признали: Советская Россия — это не нацистская Германия. Советская внешняя политика была скорее традиционной внешней политикой великой державы. «Конечно, советские лидеры (включая и Сталина в сфере внешней политики) не были похожи на Гитлера», — утверждал в конце 80-х годов уже цитировавшийся Кр. Лэйн¹⁸. Вместе с тем в контексте формирования нового миропорядка после Второй мировой войны уроки Мюнхена подталкивали американских политиков и экспертов к далеко идущим расширительным выводам. Тот же Кр. Лэйн позднее утверждал: «Мюнхен привел к заключению, что Америка несла ответственность за навязывание мирового порядка через трансформацию внутренних политических структур недемократических государств. Мюнхен научил, что безопасность Соединенных Штатов может быть реально обеспечена только в идеологически благоприятной международной среде»¹⁹. Отсюда оставался один шаг до насильственного насаждения демократии американского образца в различных регионах земного шара.

Внушительная мощь США на выходе из Второй мировой войны в соединении с верой в американскую исключительность и с решительным отказом от политики невмешательства периода Мюнхена способствовали возникновению холодной войны. Работающий в Великобритании исследователь Владислав Зубок отмечает: «Многие историки согласны в том, что Соединенные Штаты взяли на себя роль сверхдержавы не только в ответ на политику советских властей, но и в соответствии с собственными представлениями о будущем устройстве мира. Программа построения «свободной и демократической» Европы и сдерживания коммунизма, составленная в духе Вудро Вильсона и подкреплённая атомной монополией, а также финансовой, промышленной и торговой мощью Соединенных Штатов, в корне изменившей структуру и характер международных отношений»²⁰. Тем самым США внесли свой весомый вклад в формирование системы биполярной конфронтации.

Пожалуй, еще большее влияние гитлеровская агрессия оказала на представления и психологию советских руководителей, и в первую очередь

И. Сталина. Он обладал сильным, но крайне жестоким умом, мрачным и мстительным характером, ему была присуща болезненная подозрительность. Как отмечает В. Зубок, в области внешней политики Сталин еще с 30-х годов сосредоточил все свое внимание «на вопросах безопасности СССР и его расширении»²¹.

В рамках этой парадигмы Сталин договорился с Гитлером в 1939 году (пакт о ненападении с секретным протоколом). Советское руководство тщательно выполняло политические и экономические обязательства по соглашениям с Германией. Поэтому-то «Сталин воспринял внезапное нападение Гитлера на Советский Союз как исторический и свой личный провал»²². Советские руководители охотно говорили о «вероломном нападении гитлеровской Германии». Но что означало «вероломное нападение»? Ведь руководство нацистской Германии официально заявило о начале войны против СССР и в Берлине, и в Москве (может быть, с некоторой задержкой). Лучше понять логику Сталина позволяет его высказывание в разговоре с Димитровым в Кремле рано утром 22 июня 1941 года: «Немцы напали, не предъявляя никаких претензий, не предлагая никаких переговоров, напали подло, как разбойники»²³. Ясно, что Сталин рассчитывал на переговоры с Гитлером, на то, что ему удастся оттянуть начало войны. Не получилось! Советский лидер находился в состоянии шока. У него сформировался своеобразный «синдром 22 июня» — стремление предпринять все возможные и невозможные усилия, чтобы не допустить повторения трагедии июня 1941 года.

Советское руководство стало еще более энергично бороться за обеспечение безопасности СССР. Необходимые гарантии советской безопасности были четко изложены Сталиным в его беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года в Кремле. Советский лидер изложил свое видение общей реорганизации европейских границ после войны. Что касается гарантий безопасности СССР, то на первый план он выдвинул требование восстановления советских границ, «как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину». Граница СССР с Польшей могла бы идти примерно по «линии Керзона». Сталин добивался передачи Советскому Союзу Петсамо. «Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз

хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы». Сталин настаивал на неотложном решении ряда вопросов, «которые касаются интересов безопасности только наших двух стран»²⁴. В английской записи беседы Сталина с Иденом 18 декабря имеется характерное утверждение кремлевского диктатора: «Все, что мы просим — это восстановить нашу страну в ее прежних границах. Мы должны получить это для нашей безопасности и отсутствия угрозы, например, для Ленинграда»²⁵. В. Зубок и К. Плешаков в их совместной работе отмечали: «Концепция территориальной безопасности была краеугольным камнем режима»²⁶.

Эта же тема — необходимость обеспечить безопасность СССР — неизменно звучала в ходе бесед В. Молотова с британскими руководителями в мае 1942 года. Повторив требование восстановления советских границ на июнь 1941 года, Молотов подчеркнул: «Вопрос об обеспечении безопасности СССР — это не просто вопрос о границах СССР. Возникнут ли другие вопросы об обеспечении интересов безопасности — это дело будущего. Но важно признать интересы безопасности СССР в Финском заливе и в северо-западной части Черного моря, тем более, что эти районы были плацдармом для гитлеровского нападения на СССР»²⁷. «Синдром 22 июня» проявлялся в советской позиции в полной мере.

Британская сторона уклонялась от конкретных обязательств в отношении гарантий безопасности СССР. Молотов предлагал даже отклонить английский проект договора о союзе и послевоенном сотрудничестве. Однако Сталин с ним не согласился. Он телеграфировал своему наркому в Лондон: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»³². В этой телеграмме Сталина отразилась характерная особенность его подходов к вопросам внешней политики после Второй мировой войны. Это была ставка на силу при решении сложных международных проблем. Хорошо известна его реплика на замечание Черчилля в Москве в октябре 1944 года о позиции папы римского по польскому вопросу: «Папа римский! Папа римский! А сколько у него дивизий?». В отличие от США Советский Союз опирался, прежде всего, на военно-политические методы обеспечения своей безопасности.

«Синдром 22 июня» диктовал упорную борьбу Кремля за выгодные границы и за расширение советского пояса безопасности, трактовавшегося в Москве как сфера влияния СССР. Максимальные геополитические запросы СССР предусматривали пересмотр режима черноморских проливов и обеспечение выхода СССР в Средиземное море, получение контроля над опорными пунктами выхода в мировой океан: Додеканесские острова, Триполитания, Эритрея. «Зона безопасности» Советского Союза, по разработкам комиссии М. М. Литвинова, могла бы включать не только всех западных соседей СССР, но и Швецию с Норвегией, а также Турцию. Реализация советских предложений должна была обеспечить СССР преобладающее влияние в регионе Балтийского моря³³. Подобные претензии на расширение зоны советского влияния неизбежно должны были вызывать противодействие США и Великобритании.

Ощущение гарантированной безопасности СССР после войны было поставлено под угрозу появлением у американцев атомной бомбы. Советник-посланник британского посольства Ф. Робертс сообщал в Лондон: «Тень атомной бомбы омрачила наши отношения, и за каждым проявлением англо-американской солидарности, будь то Болгария или Румыния, правители Советского Союза, доселе уверенные в подавляющей мощи Красной Армии, стали усматривать угрозу англо-американского блока, обладающего этим решающим оружием и потому способного не только лишить СССР плодов победы, но и создать угрозу его с таким трудом завоеванной безопасностью»³⁴.

После войны полуопальный М. М. Литвинов критически относился к методам борьбы советского руководства за безопасность страны. В конце июня 1946 года в беседе с американским журналистом бывший нарком выразил свое разочарование избранной внешнеполитической линией СССР. Литвинов говорил об «устаревшем — географическом» понимании безопасности, принятом в Кремле («чем больше у вас пространства, тем безопаснее ваше положение»); о невозможности удовлетворить советское руководство какими-либо уступками³⁵. Литвинов завершил беседу словами: «Теперь я чувствую, что лучшее, на что можно надеяться — это длительное вооруженное перемирие»³⁶. Но это и была холодная война!

При этом политические деятели и эксперты США готовы были в какой-то степени учитывать стремление советского руководства обеспечить безопасность СССР. Д. В. Ларсон отмечала: «Рузвельт признавал, что предшествующий опыт Советов в международной политике — вмешательство союзников в гражданскую войну в России,

последовавшую за большевистской революцией, и внезапное нападение Гитлера на его русского союзника в 1941 году — усиливал их недоверие в отношении внешнего мира»³⁷. Американский эксперт Р. Радней обоснованно утверждал: «Можно было предвидеть, что Сталин будет добиваться такого послевоенного политического порядка в Европе, который обеспечит советскую безопасность»³⁸. Но Сталин добивался не просто безопасности, а абсолютной безопасности для СССР! К этому его подталкивал и «синдром 22 июня». Американский историк Войтех Мастны писал: «Победа во Второй мировой войне обещала его стране больше безопасности, чем она когда-либо имела, но все же для него это было недостаточно. Его ненасытное стремление к безопасности стало основной причиной нарастающей напряженности между Востоком и Западом, независимо от его собственного желания и желания его западных партнеров иметь, если уж не сердечные, то хотя бы управляемые отношения. Грядущая холодная война была и неожиданной, и нежелательной; тем не менее, она была предопределена»³⁹.

Возможно, западные партнеры Сталина и готовы были в какой-то мере считаться с требованиями обеспечения советской безопасности. Однако два обстоятельства вызывали их смущение и возмущение. Во-первых, сфера влияния СССР в Восточной Европе устанавливалась чрезвычайно жесткими методами. Сталин использовал при этом такие инструменты как советские вооруженные силы и органы НКВД, такие методы, как политические репрессии и массовые депортации. Характерно высказывание В. М. Молотова в его беседах с Ф. Чуевым: «Ну что значит „холодная война“? Обостренные отношения. Все это просто от них зависит или потому, что мы наступали. Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия — они же были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок»⁴⁰. Эта проговорка Молотова — «то, что завоевано» — отражает отношение сталинского руководства ко всей территории, занятой Красной армией. Впрочем, иного трудно было

и ожидать от кремлевского диктатора. Во-вторых, Сталин стремился не только закрепить, но и максимально расширить советскую сферу влияния. Отсюда давление СССР на Турцию и Иран, попытки вклиниться в Восточное Средиземноморье. Поэтому руководства США и Великобритании оказывали жесткое противодействие стремлению Москвы закрепить советскую сферу влияния. Они исходили из вывода: «Уступить в отношении ограниченной сферы влияния в настоящее время означало бы побудить к ее расширению в будущем»⁴¹.

Происхождение холодной войны было обусловлено сочетанием целого ряда факторов: социально-экономических, военных, политических и дипломатических. Свое место в этом комплексе занимали и психологические ингредиенты. Опыт ведения дел с Гитлером способствовал нарастанию недоверия и подозрительности, подпитывавших взаимную враждебность СССР и США. На Западе сформировался своеобразный «синдром Мюнхена». Политика умиротворения и невмешательства категорически отвергалась. При этом проводились упрощенные аналогии между внешней политикой Советского Союза и нацистской Германии, между Сталиным и Гитлером. В результате США стали проводить политику сдерживания коммунизма в глобальном масштабе, постепенно смещая акценты на военное сдерживание. Тем самым закладывались основы политики Запада в холодной войне. Со своей стороны, Сталин испытал сильнейший шок в связи с нападением нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. «Синдром 22 июня» укреплял маниакальную подозрительность Сталина, его стремление добиться абсолютной безопасности для СССР. Усилия советского руководства по установлению максимально выгодных границ страны и формированию широкого пояса безопасности, по существу сферы влияния СССР, порождали первые кризисы холодной войны. Модели послевоенного мироустройства СССР и США строились на принципиально противоречащих парадигмах. Отсюда противостояние СССР и США во всех сферах — холодная война. «Синдром Мюнхена» и «синдром 22 июня» вносили в это противостояние дополнительное ожесточение.

¹ Документы внешней политики СССР. Том XXI. Москва, 1977, стр. 576.

² J.-B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1978, p. 227.

³ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 18.

⁴ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985, p. 71.

⁵ Цит. по: В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. Москва, МГИМО, 2006, стр. 34.

⁶ В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. Москва, МГИМО, 2006, стр. 95–96.

⁷ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985, p. 179.

- ⁸ Ibidem, p. 301.
- ⁹ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 14.
- ¹⁰ Jed C. Snyder. Learning the Correct Lessons of Appeasement // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 9.
- ¹¹ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985, p. 141.
- ¹² Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 19.
- ¹³ E. C. Ravenal. The Enduring Relevance of Munich // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 25–26.
- ¹⁴ D.C. Hendrickson. The Significance of Munich // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 73.
- ¹⁵ Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945 — 1950 гг. Составитель и автор вступительной статьи проф. И. М. Ильинский. Москва, 2006, стр. 86.
- ¹⁶ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985, p. 229.
- ¹⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 102.
- ¹⁸ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 21.
- ¹⁹ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 18–19.
- ²⁰ В. М. Зубок. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Москва, РОССПЭН, 2011, стр. 85.
- ²¹ В. М. Зубок. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева, стр. 42.
- ²² V. Zubok , С. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996, p. 19.
- ²³ Г. Димитров. Дневник (9 марта — 6 февраля 1949). София, 1997, с. 235–236.
- ²⁴ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. Москва, 2000, стр. 503–505.
- ²⁵ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, Наука, 2004, стр. 69.
- ²⁶ V. Zubok , С. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996, p. 19.
- ²⁷ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, Наука, 2004, стр. 162.
- ²⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. Москва, 2000, стр. 503–505.
- ²⁹ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, Наука, 2004, стр. 69.
- ³⁰ V. Zubok , С. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996, p. 19.
- ³¹ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, Наука, 2004, стр. 162.
- ³² О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945, стр. 157.
- ³³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. Том 2. 1917–2002 гг. Москва, 2002, стр. 331–332.
- ³⁴ В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. Москва, МГИМО, 2006, стр. 90.
- ³⁵ В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. Москва, МГИМО, 2006, стр. 151.
- ³⁶ V. Zubok , С. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996, p. 38.
- ³⁷ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton , Princeton Univ. Press, 1985, p. 75.
- ³⁸ R. Rudney. Demythologizing Munich: The Uses and Abuses of History // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K.M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990, p. 46.
- ³⁹ V. Mastny. The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. New York, 1996, p. 23.
- ⁴⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, «ТЕРРА», 1991, стр. 86.
- ⁴¹ J.L. Gaddis. The Long Peace. Inquiries Into the History of the Cold War. Oxford, 1987, p. 53.

Уроки войны и Победы, забвение которых недопустимо

А. А. Падерин*

Тема об уроках победы в Великой Отечественной войне впервые за постсоветский период достаточно глубоко и, можно сказать, системно была раскрыта в научном издании «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. М.: Наука, 1998–1999». Содержание очерков помогает глубже осознать смысл и значение Победы над фашизмом для всего последующего хода всемирной и отечественной истории. Авторы из Российской академии наук, Института военной истории Министерства обороны России, а также других научных учреждений предприняли попытку показать это с современных позиций. Благодаря тому, что историки получили доступ ко многим документам не только военных лет, но и послевоенного периода, появилась возможность подвести развернутые, более конкретные итоги войны как для победителей, так и побежденных, а также учесть последствия, которые могут оказать влияние на тех и других в условиях смены моделей международных отношений. Конечно, ответы на поставленные выше вопросы давались и до этих очерков. Авторы последних, опираясь на плечи своих предшественников, но обладая большей научной базой и, что чрезвычайно важно, большей свободой мысли, старались сделать следующий шаг в познании истории войны, раздвигать рамки уже известного о ней.

Об уроках войны и Победы речь идет в завершающей — четвертой книге очерков¹. Учитывая ограниченный объем статьи, остановлюсь лишь на основных положениях этого раздела. Применительно к Великой Отечественной войне, пишут авторы, можно выделить три группы уроков: утверждающие, обязывающие (императивные)

и напоминающие (предупреждающие). Утверждающие уроки отражают реальность победы над фашизмом как свершившегося явления, укрепляют веру в торжество справедливых идей и в то же время недопустимость войн как средства разрешения политических противоречий. Опыт вооруженной борьбы с фашизмом показывает, насколько опасно попустительство по отношению к зачинщикам военных авантюр. Существовавшие перед Второй мировой войной международные организации и союзы государств оказались неспособными остановить агрессора, хотя соотношение экономических, политических и военных сил между инициаторами развязывания войны и их противниками было явно в пользу последних.

В числе уроков войны и Победы, несомненно, сохраняет свою актуальность урок неизбежного исторического возмездия агрессорам, добивавшимся тотального физического уничтожения целых народов. 16 октября 1946 г. по приговору международного Нюрнбергского процесса были казнены двенадцать высших руководителей Третьего рейха. После войны в СССР были осуждены деятели антисоветских организаций, активные пособники нацистов, в том числе бывшие советские генералы А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, М. Н. Жиленков и девять других предателей Родины.

Наряду с утверждающими уроками войны и Победы очевидны и обязывающие уроки. Один из них — необходимость закрепления добытой Победы, твердой и последовательной поддержки позитивных процессов, получивших развитие в ходе справедливой войны и в результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма. Самое главное — то, что благодаря Победе

* Падерин Александр Александрович — к. и. н., член-корреспондент РАН, полковник в отставке, ветеран Института военной истории МО РФ. E-mail: paderin41@mail.ru

Европа несколько десятилетий жила в мирных условиях. Огромная заслуга в этом принадлежит советскому народу — победителю в Великой Отечественной войне. Ее история «дала ключ к пониманию того, как беда, обрушившаяся на страну, делала обывателя — гражданином, гражданина — патриотом, патриота — героем»².

«Война продемонстрировала огромный духовный потенциал народа. Анализируя уроки Великой Отечественной войны, необходимо подчеркнуть удивительный контраст между нищенским бытом населения и его несокрушимой силой воли. Высокая духовность военного поколения, унаследованная от отцов и дедов, была одним из источников Победы в 1945 г.», — вполне справедливо отметила в своем очерке «Испытание и величие народа» М. С. Зинич³.

В духовном потенциале народа важное место занимала православная вера, хранимая в страшные годы гонений и помогающая побеждать даже тогда, когда поражение кажется неизбежным. Русская Православная Церковь, священнослужители и простые верующие с первых дней войны занялись активной разнообразной патриотической деятельностью: всячески поддерживали у соотечественников веру в неизбежность победы над врагом, организовывали сбор денежных средств, направляемых в помощь фронту, и т.д. «Советская власть признала заслуги Церкви перед Отечеством. Об этом свидетельствует решение правительства предоставить места на гостевых трибунах у мавзолея Ленина иерархам Церкви во время Парада Победы 24 июня 1945 года»⁴.

Высокий моральный дух и патриотизм советских людей являлись важными факторами единства фронта и тыла. «Как свидетельствуют документы архивов ЦК ВКП (б), ГКО, Прокуратуры СССР, имевшее место в советской историографии Великой Отечественной войны представление о тотальном монолитном сознании советских людей как признаке их морально-политического единства в военный период, привычки жить только по указке сверху не совсем верно. Простая логика подсказывает, что народ, задавленный диктатурой и лишенный самостоятельного мнения, активной жизненной позиции, не мог бы так героически сражаться на фронте за свою Родину, столь самоотверженно относиться к работе в тылу, как это делали советские люди»⁵.

Таким образом, из вышесказанного со всей очевидностью вытекает чрезвычайно важный, судьбоносный урок, напоминающий о том, что победа в войне достигается лишь при обеспечении неразрывного единства фронта и тыла, народа и армии, экономики и политики, материального и духовного в жизни людей. «В российском обществе были и есть здоровые силы, которые при

определенных обстоятельствах способны актуализировать духовный потенциал Великой Победы в интересах развития Отечества и решения исторических задач, стоящих перед Российской Федерацией. Это нужно главным образом в интересах формирования у россиян четких мировоззренческих позиций; сознания и самосознания народа, патриотизма — настоящего, действенного; эффективной идеологической и морально-психологической ориентации граждан; сплочения народа и армии, всех соотечественников независимо от этнонациональной принадлежности; формирования стимулов, мотивов поведения. Необходимо делать все, что возможно, для усвоения россиянами, особенно молодежью, всех слагаемых духовного потенциала Победы. Ведь человек всегда нуждается в ориентирах — исторических, героических, патриотических»⁶.

Все актуальнее становится также урок, требующий учитывать возрастание жестокости и кровопролитности современных войн. Обязательному учету подлежит и урок, связанный с фактором военной мощи, имеющим решающее значение в обеспечении национальной безопасности России. Поистине судьбоносный характер имеет урок, требующий от руководителей государства правильной оценки соотношения политики и военной стратегии. С этим связано требование постоянно обеспечивать, чтобы забота об армии, об укреплении безопасности государства была общенародным делом, а служба в Вооруженных Силах подкреплялась высоким морально-патриотическим и материальным статусом защитника Отечества. Весьма актуален урок войны о необходимости отказа от национального и расового эгоцентризма, чрезмерной идеологизации международных отношений. Возможность этого продемонстрирована созданием и эффективной деятельностью Антигитлеровской коалиции, обеспечившей разгром агрессора.

Увы, ныне стараниями некоторых ведущих западных политиков под давлением руководства США в Европе складывается ситуация, благоприятствующая возрождению нацизма, наиболее агрессивно настроенного пока еще на территории Западной Украины. Но не повторился бы политический просчет, допущенный в 1930-е годы руководством западных демократий и в известной степени СССР. Первые — своим потворством Гитлеру, близорукой политикой умиротворения, стремлением изолировать Советский Союз и направить фашистскую экспансию на восток создали необратимые предпосылки для реального развязывания войны. А дипломатия СССР в тот судьбоносный период, к сожалению, не всегда проявляла достаточную последовательность и гибкость в процессе поиска компромиссных

способов решения назревших острых проблем. В этих условиях у фашизма оказалось достаточно сил и возможностей для развязывания военной авантюры.

А у его противников не нашлось ни должной политической воли, ни сплоченности, чтобы ему противостоять. Между тем современный анализ тогдашних событий показывает, что Вторая мировая война, а значит и Великая Отечественная, как ее главная составная часть, не были фатально неизбежными: «Агрессора можно было остановить, а войну предотвратить, если бы со стороны западных демократий, как и СССР, не были допущены роковые политические ошибки и стратегические просчеты. Во всяком случае, если возникла бы в какой-либо форме система коллективной безопасности, то вместе с ней, вероятно, появилась и сила, способная сдержать, осадить агрессора, ставившего своей целью достижение мирового господства»⁷. Вышесказанное содержит чрезвычайно важный, поистине судьбоносный урок Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. За истекшие послевоенные семь десятилетий его актуальность не только не снизилась, но и в значительной степени возросла. Сегодня опасно обострилась международная обстановка. Она все более напоминает 1930-е годы, когда западные державы, яро ненавидевшие Советский Союз, вместо того, чтобы общими силами противостоять изготавившемуся к прыжку фашистскому зверю, дружно проводили антисоветскую политику, стремясь натравить на СССР этого «зверя».

К чему привела такая политика, чего она стоила всему миру хорошо бы постоянно помнить сегодняшним ненавистникам новой России, окружающим ее своими военными базами, всячески, в том числе различными неправомерными санкциями, пытающимся подорвать ее экономику, обороноспособность, изолировать с помощью глобальной блокады. Организатором таких действий выступает бывший союзник СССР в период Второй мировой войны — Соединенные Штаты Америки. Нынешнее руководство этой страны, мнящее себя вершителем судеб всех народов мира, стремящееся подчинить своей воле непокорные государства, различными способами принуждая их к послушанию, в том числе угрозой применения, а то и реальным использованием вооруженных сил. Однако мир становится многополярным, уже не все страны мирятся с претензиями США на единоличное лидерство.

Тем не менее президент Барак Обама, как говорится, пытается сохранять хорошую мину при плохой игре. В выступлении на выпускной церемонии в военной академии Уэст-Пойнт 28 мая 2014 г. он так объяснил выпускникам свое видение роли США в мире: «Те, кто полагает, что Америка

находится в упадке или потеряла свою позицию глобального лидера, — либо недостаточно глубоко изучали историю, или занимаются партийной политикой. Американские вооруженные силы не имеют равных. Шансы прямой угрозы со стороны какого-либо государства — невысоки и несравнимы с теми опасностями, с которыми мы столкнулись во времена холодной войны. От Европы до Азии мы выступаем центром альянсов, не имеющих себе равных в истории народов. Однако мир меняется все быстрее. Это наряду с возможностями таит новые опасности. После 11 сентября нам слишком хорошо стало известно, как технологии и глобализация власть, некогда принадлежавшую государствам, предоставили индивидууму, увеличивая тем самым возможности террористов причинить вред. Агрессия России в отношении бывших советских республик будоражит капиталы в Европе, в то время как экономический подъем и военные амбиции Китая беспокоят его соседей. Задачей вашего поколения будет поиск ответов на вопросы этого нового мира. Нам и вам придется столкнуться с вопросом о том, каким образом Америка будет осуществлять свое лидерство, а не о том, является ли она лидером. Вопрос в том, как мы будем обеспечивать мирную жизнь и процветание не только в нашей стране, но и во всем мире».

Действительно, после распада СССР и «бархатных революций» в Европе закончилось глобальное противоборство двух сверхдержав. Возник однополярный мир, где полным гегемоном стали США. В 1991 г. они помогли Кувейту изгнать иракские войска со своей территории. В 1999 г. была проведена военная операция против Югославии. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. США ввели свои войска в Афганистан. В марте 2003 г. начали войну в Ираке. Лидер Ирака Саддам Хусейн был казнен. Однако однополярный мир постепенно окончился. Заявление об этом сделал Президент РФ В. В. Путин во время своего выступления в Мюнхене в феврале 2007 г. Он подчеркнул возросшую роль в мире Китая, Индии, Европейского союза.

Летом 2008 г. ряд государственных структур США выступили с заявлениями о том, что в борьбе с международным терроризмом, за укрепление всеобщей безопасности США готовы разделить ответственность с такими странами как Китай и Россия. Начавшийся также летом 2008 г. экономический кризис показал, что внутренняя и внешняя политика США стала одной из главных причин этого кризиса. Тем не менее Соединенные Штаты Америки обладают крупнейшей в мире экономикой (14,2 трлн долларов валового внутреннего продукта), мощными вооруженными силами, в том числе крупнейшим военно-морским

флотом, имеют постоянное место в Совете Безопасности ООН, являются государством — учредителем Североатлантического альянса. США располагают вторым по совокупной мощности ядерным потенциалом на Земле. Между тем в 2014 г. в западной прессе появились иные экспертные оценки. Так, 15 июля 2014 г. в СМИ была опубликована статья «США превратились в «бессильную сверхдержаву»: огромный военный бюджет и мощь корпораций Вашингтону не помогают: США теряют способность решать как свои внутренние проблемы, так и добиваться успеха на международной арене, полагают журналисты The Nation и The Washington Post.

14 июля «РИА Новости» сообщили: «Несмотря на свое богатство и могущество, в последние годы Соединенные Штаты все менее способны достигнуть какого-либо успеха — что в мире, что во внутренней политике, пишет Том Энгельгардт (Tom Engelhardt) в статье, опубликованной The Nation. В современной Америке, по его мнению, сформировались два центра силы — и это не президент с конгрессом, а система национальной безопасности и корпорации. И чем мощнее становятся эти два сектора, тем менее США способны удерживать власть в ее традиционном смысле как внутри страны, так и за рубежом. Политическая система страны парализована: конгресс и президент не могут договориться по элементарным вопросам, например, о ремонте дорог. «Беспомощная Америка внутри мнимой мировой сверхдержавы», — так характеризует эту ситуацию Энгельгардт. США вкладывают немалые средства в обеспечение безопасности, поддерживают сотни военных баз и форпостов по всему миру. Однако американская армия бессильна в борьбе с мировыми беспорядками, а Вашингтон, при всей его военной и экономической мощи, испытывает немалые трудности, пытаясь «навязать свою волю» другим странам. По выражению автора вышеназванной статьи, США не могут «трансформировать свою мощь во что-либо, напоминающее успех».

Наряду с процитированной выше публикацией приведу весьма солидное, основанное на анализе суждений и выводов известных миру аналитиков, их прогнозов развития международных отношений на обозримое будущее, а также на формулировании его собственных взвешенных и убедительных оценок и выводов, исследование отечественного автора К. Н. Брутенца «Закат американской гегемонии». «По сути дела, — заключает он в своей книге, — можно говорить о начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений, во всяком случае о том, что мы вступили или вступаем в новую эпоху. Более того, говорить даже о заре великой геополитической

и геоэкономической революции. Давшая глубокие трещины, но все еще существующая система международных отношений, сформировавшаяся под эгидой Соединенных Штатов, — иерархическая и недемократическая, морально несостоятельная и задуманная как моноцентрическая, — явно устарела, она не отвечает ни интересам ее участников, ни интересам человечества в целом. Она не отвечает потребностям мирного и поступательного развития мирового сообщества, вступившего в XXI век и столкнувшегося с судьбоносными вызовами, справиться с которыми можно только коллективными усилиями.

Начавшаяся фундаментальная перестройка международных отношений будет, очевидно, развиваться по следующим направлениям: кардинальное повышение роли стран Азии и движение некоторых из них к статусу мировых, рост их влияния, в частности за счет традиционных «держателей» на Западе; формирование многополярного мира, повышение роли регионов в мировой политике; эрозия основ политической и экономической (но не военной) гегемонии Соединенных Штатов⁸. «Внешиполитическая философия России, — считает Брутенц, — не должна противопоставлять ее миру, должна отстаивать право на нашу собственную специфику. Проведение курса, адекватного международной среде обитания, — центральная внешнеполитическая задача любого государства. Но она особенно важна для России наших дней»⁹.

Однако вернусь к теме уроков войны и Победы. Она получила дальнейшее существенное развитие в новом фундаментальном научном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В 12 т. М.: Воениздат, 2011–2015. Издание его ключительных томов завершается в ближайшие месяцы. Так, уже в первом томе данного труда урокам Победы посвящен особый раздел¹⁰. Беря лучшее из того, что было достигнуто предшественниками в исследовании истории Великой Отечественной войны, авторы стремились выйти на новый уровень научного осмысления ее событий, явлений и процессов. Их цель — извлечение практических уроков, особенно необходимых в настоящее время, востребованных сегодняшней непростой международной обстановкой. Так, сформулированные предшественниками некоторые уроки уточнены с целью их актуализации и соответствия событиям предшествующего десятилетия. Вместе с тем сформулированы новые уроки. Все это внимательный читатель, несомненно, заметит.

Остановлюсь на основных положениях раздела об уроках, основанных на исследованиях первого десятилетия двадцатого века. Уроки минувшей войны советского народа с нацист-

ской Германией, подчеркивается в разделе, отражают историческую неизбежность Победы над фашизмом. Она — неотъемлемое звено прошлого, настоящего и будущего. Без этой Победы история человечества была бы иной. Поэтому в числе уроков особое значение имеют уроки исторического оптимизма и исторического возмездия. Исторический оптимизм связан, во-первых, с ведущей ролью СССР в борьбе с фашизмом и, во-вторых, с реализацией в ходе войны приоритета общечеловеческих ценностей и демократической направленности развития общества. Он воплощен в самой Победе над фашистско-милитаристской военной машиной и политической системой в Германии, Италии, Японии и некоторых других странах.

Победа выразила единство решения национальных и общечеловеческих задач. В силу сложившихся обстоятельств Советский Союз оказался единственной страной, способной остановить агрессора и тем самым создать условия для реального объединения всех антифашистских сил в борьбе с агрессией и достижения победы над захватчиками во Второй мировой войне. Защитив свою Родину, советские люди спасли от порабощения и физического истребления целые народы, предотвратили гибель многих государств, не позволили уничтожить цивилизацию. Цели Советского Союза предполагали решение комплекса задач всемирно-исторического значения: от разгрома фашистских политических режимов с их реакционной идеологией и милитаризмом до создания условий для долговременного демократического мира после войны.

Историческое возмездие, достигшее фашистско-милитаристских агрессоров, потому и является историческим, что было направлено против такой реакционной силы, которая не только препятствовала свободной демократической жизни народов, но и угрожала им физическим уничтожением. Выступив против миролюбивых народов, а также против государств Антигитлеровской коалиции, против демократии и свободы, гитлеровский фашизм сам сгорел в огне вызванного им пожара. Это — закономерный итог борьбы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции с агрессивными силами. Важным слагаемым исторического возмездия стало наказание военных преступников. Впервые в истории народы, одержавшие великую Победу, привлекли к уголовной ответственности и заставили понести справедливое возмездие инициаторов агрессивной войны. Неотвратимость расплаты за причиненное зло стала одним из сильнейших общественно-политических воспитательных факторов международного значения, подкрепленная международным правом. Нюрнбергский и Токий-

ский процессы явились судом народов над виновниками Второй мировой войны, агрессии против СССР, других стран и по сути судом над международной реакцией.

В связи с вышесказанным формулируется урок, утверждающий историческую истину о том, что в справедливом огне погибли отжившие общественные учреждения. В ходе войны Советским Союзом решались крупные социальные проблемы, велось сопротивление не на жизнь, а на смерть, проявился огромный политический, организаторский, духовный потенциал нового общества и государства, раскрылось величие души советского народа, его героизм, способность к самовывживанию и готовность к самопожертвованию во имя спасения Родины. В то же время война вскрыла противоречия, накопившиеся в обществе, обозначила существенные недостатки системы управления, способов решения национальных, социальных и политических проблем. Но в целом наше общество выполнило свою историческую роль в самой тяжелой для Отечества войне.

Годы Второй мировой войны, в которой Великая Отечественная война была основной частью, стали временем согласованных действий различных социально-политических сил в борьбе с общей опасностью. Разрешение противоречия между демократией и реакцией (фашизмом) нашло выражение в уникальном политическом достижении Второй мировой войны — Антигитлеровской коалиции. В основе ее функционирования лежали принципы суверенности и равенства стран и народов в выборе форм правления, сотрудничества в интересах обеспечения более высокого уровня жизни, экономического развития и социального обеспечения; устройства мира без насилия, чтобы люди во всех частях Земли могли бы свою жизнь строить без страха и нужды. Тем самым уже на пути к Победе над фашизмом возникли начала нового понимания истории, нового образа действий государств, независимо от их общественного строя. Об этом убедительно свидетельствуют и итоги конференций глав правительств основных великих держав: Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. Их созыв и работа — результат реального, основанного на понимании и учете подлинных условий действительности подхода к решению сложных вопросов ведения войны, ее завершения и послевоенного устройства мира. Политика участников конференций была нацелена на долговременное сотрудничество, отражала ответственность великих держав за разгром фашизма и послевоенное мирное сосуществование.

Одним из уроков является необходимость закрепления добытой с таким трудом и такой

кровью Победы. Это — обязательная предпосылка необратимости позитивных процессов, получивших начало в ходе справедливой войны и в результате разгрома германского фашизма, а затем и японского милитаризма. Закрепление Победы прежде всего создавало условия для восстановления пострадавшей в ходе войны страны и ее последующего прогрессивного развития. Оно также оказалось благоприятным и для развития общедемократических процессов в других странах, реализации новых возможностей в решении проблемы войны и мира.

Наша страна, одержав победу над нацистской Германией, вышла из войны с огромным морально-политическим авторитетом, сильной в военном отношении, но с ослабленной гражданской экономикой и большими потерями. Во время войны советские люди расправили плечи и почувствовали свою силу. Это позволило стране к середине 1950-х гг. в основном устранить на советской земле причиненные агрессорами разрушения, поднять из развалин сотни городов и сел. Был восстановлен и превзойден промышленный потенциал страны, ожило сельское хозяйство. В области образования, науки и культуры были достигнуты большие успехи: по оценке ЮНЕСКО, Советский Союз в начале 1960-х гг. по уровню образования вышел на третье место в мире. Он первым шагнул в космос. Имелись и другие достижения в материальной, социальной и духовной областях. Место и роль СССР в мировом сообществе возросли многократно. Однако в последующем случилось то, чего не ожидали советские люди: страна, выигравшая войну, и ее народ-победитель постепенно стали жить хуже, чем побежденные. В итоге Советский Союз распался на несколько независимых государств. Нарушилось единое экономическое и оборонное пространство, обострились прежние и возникли новые противоречия: политические, этнонациональные, территориальные и т.д. На территории бывшего СССР возникли вооруженные конфликты. Изменилась духовная атмосфера. Республики, бывшие ранее в составе Советского Союза, оказались отброшенными в своем развитии назад на несколько лет. Причин этому несколько, но искать их в победе над фашизмом было бы неправильно. В то же время правомерно полагать, что в определенной степени она оказала свое успокаивающее воздействие.

В середине 1970-х гг. произошло смягчение международной обстановки, усилилось сотрудничество между европейскими государствами независимо от их социального строя, появились признаки создания системы коллективной безопасности в Европе. В августе 1975 г. на Совещании в Хельсинки 33 европейских государства, США

и Канада подписали Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Он содержит признание сложившихся в итоге Победы над фашизмом и послевоенного развития территориальных границ, необходимости мирного урегулирования споров, принципа создания надежной основы для исключения агрессии из международных отношений. Это важное историческое событие в конце 1970-х — начале 1980-х гг. получило дальнейшее развитие в связи с обострением международной обстановки, когда угроза ядерной войны стала особенно ощутимой. По-видимому, все же некоторые уроки истории политическим руководством ведущих государств учитываются, ибо после очередного обострения «холодной войны» во второй половине 1980-х гг. вновь наступила разрядка.

Отношения между СССР и США улучшились, «холодная война» отступила, а вместе с ней и ядерная опасность. Начался процесс реального ядерного и общего разоружения. В рамках СБСЕ было принято решение о сокращении в Европе обычных средств ведения войны, в первую очередь наступательного оружия, об ограничении численности личного состава вооруженных сил европейских стран. Эти и некоторые другие факторы стимулировали перемены в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Произошла смена моделей международных отношений. Исчезло противостояние Восток — Запад. Существенно изменилась геополитическая карта Европы. Кажется, что общественность, политики, государственные и военные деятели стали все больше усваивать ту истину, что в ядерный век надо мыслить новыми категориями, ибо речь идет о выживании и сохранении рода человеческого.

Однако реалии начала XXI в. показали, что военная сила продолжает играть большую роль в международных отношениях, да и в жизни отдельных государств и народов. Тенденции решения спорных вопросов и обеспечения безопасности политическими и другими мирными средствами противостоит сильная тенденция их решения военно-силовыми средствами. Об этом свидетельствуют многочисленные локальные вооруженные конфликты. Количество их в дальнейшем, к сожалению, не только не уменьшилось, но, напротив, увеличилось. Одновременно мировому сообществу брошен вызов со стороны международных террористических и других организаций, опирающихся на мощную военную силу. В связи со сказанным выше сохраняет огромное значение урок, обязывающий учитывать коренное изменение места и роли войны и военного насилия в жизни общества вообще. Это означает, что гонка вооружений и терроризм любого толка сдерживают социальный прогресс, тормозят экономи-

ческое развитие стран и не позволяют повышать уровень жизни народов.

Отсюда следует, что категорическим императивом нашего времени является не только недопущение ядерной войны и борьба с международным терроризмом, но и урегулирование и недопущение локальных вооруженных конфликтов, гонки вооружений, применения военной силы там, где противоречия и спорные вопросы могут разрешаться политическими и иными ненасильственными средствами. Теперь и безопасность государств не является функцией только военной силы. Наступило время, когда межгосударственные отношения, отношения между народами должны быть подчинены политике сохранения мира, решительного отказа от угрозы силой и тем более ее применения. Мировая политика должна основываться на широкой демократизации и гуманизации отношений. Таков еще один обязывающий урок.

Чрезвычайно важным уроком минувшей войны является необходимость отказа от национального, расового, классового эгоцентризма, чрезмерной идеологизации международных отношений. Нужно также, чтобы у различных стран и народов была жизненная потребность в сотрудничестве ради предотвращения войны, в борьбе с ядерной опасностью и терроризмом. То, что это возможно, убедительно показали создание и функционирование во время Второй мировой войны Антигитлеровской коалиции, ее решительная победа над блоком фашистских государств — агрессоров. Теперь же сотрудничество государств мира приобретает новые черты и сталкивается с новыми проблемами, получившими название глобальных. При их решении необходимо идти на разумные и приемлемые для каждой из сторон компромиссы. Для государств и народов все больше и больше возрастает потребность в сотрудничестве ради мира на Земле.

Новое содержание получил урок по обеспечению национальной, региональной и международной безопасности. Воплощая в себе диалектическую связь исторического опыта и современных задач, стоящих перед Россией, другими странами и перед человечеством в целом, новым в уроке безопасности является прежде всего то, что прежние представления о безопасности и стабильности уже не могут считаться достаточными. Еще в 1970-е гг. было осознано, что в сфере безопасности происходят перемены принципиального характера, касающиеся не только путей и средств обеспечения безопасности в мире, но и самой сути понятия безопасности: в новых исторических условиях военная сила перестает быть главным средством решения политических, социальных, экономических, национальных и иных проблем.

Понятие безопасности включает теперь такую объективную потребность стран и народов, как необходимость защитить окружающую природу, саму социальную жизнь, устранить из нее причины, порождающие насилие, жестокость, членовеннавистничество. В интересах безопасности необходима оптимизация условий существования человека при обязательном исключении насилия над природой, общественными отношениями и личностью.

Вместе с тем и после мировой войны шли локальные войны, возникали вооруженные конфликты. Не исчезли угрозы национальной безопасности. Поэтому еще один урок минувшей войны и победы над фашистами состоит в необходимости надежной защиты страны от любых внешних угроз, в том числе военных. Такая защита должна строиться на поддержании необходимого и достаточного оборонного потенциала (военной мощи) и построении стабильной системы международных отношений во всех областях: политической, экономической, социальной, военной, экологической, духовной.

Оборонная (военная) мощь необходима для сохранения территориальной целостности и национальной стабильности России и других государств СНГ. Им требуется военная мощь для обеспечения своей безопасности при возникновении кризисных ситуаций в непосредственной близости от их границ, для участия в случае необходимости в коллективных международных акциях по сдерживанию возможной агрессии. Непосредственным носителем необходимой военной мощи государства являются его вооруженные силы. Их главная задача — быть фактором стабильности общества, обеспечивать суверенитет, целостность и независимость государств. Вооруженные силы призваны решать эту задачу меньшей численностью, но с высоким профессионализмом в соответствии с концепцией защиты Отечества.

Итоги Великой Отечественной войны и Победа над фашизмом постоянно напоминают: чем значительнее историческое событие, тем поучительнее уроки, которые следует учитывать народам России, других стран СНГ, да и всему человечеству. Это особенно важно понимать как политическому и военному руководству страны, так и всему обществу, каждому человеку. Отсюда вытекает еще один важный урок. Это урок реализма во внутренней и внешней политике, особенно при оценке состояния и тенденций развития общества, международной обстановки, соотношения сил мира и сил войны, основных тенденций исторического развития, а также высокой ответственности за выработку и принятие оптимальных решений. Ошибки и просчеты, допущенные

накануне и в ходе войны, дорого стоили советскому народу. Исправление их было достигнуто ценой больших жертв и лишений.

В числе уроков Великой войны и Великой Победы над фашизмом особое место занимает урок патриотизма, готовности к защите Родины. Его важность особенно велика в переходный для общества период, когда наряду с положительными тенденциями особенно опасно разрушительное действие негативных явлений, свидетельствующих об ослаблении у некоторой части общества чувства патриотизма, о непонимании и даже об отрицании ею конституционного долга защиты Отечества. Отсюда еще один урок минувшей войны и Победы над фашизмом, урок послевоенных лет: жизненная потребность воспитания любви к Родине, гордости за Отечество, уважения к своей истории, делам и традициям предшествующих поколений. История Великой Отечественной войны, Победы над фашизмом является важнейшим и обязательным средством формирования патриотических качеств россиян, влияет как на ум человека, так и на его чувства. Она помогает гражданину лучше понять ход войны, более правильно определять свое отношение к нынешним событиям и поступать разумно.

Уроки войны и Победы учат молодежь, как необходимо защищать Родину, помогают понять необходимость овладения военным делом, следовать примеру героев Великой Отечественной войны, понимать сущность их подвигов, преданность своему народу, любовь к Родине. Необходимо, чтобы это учитывали старшие, прежде всего те, кто обучает и воспитывает подрастающее поколение. Наряду с традиционными формами воспитательной работы — выступлениями ветеранов, посещением музеев, выставок картин, показом документальных фильмов и т.д. нужно находить также формы, не только обогащающие подростков военно-историческими знаниями, но и стимулирующие развитие у них способности к самовыражению — самостоятельному формулированию своих убеждений и взглядов. Разумеется, при этом следует учитывать возрастные особенности воспитанников, не копируя формы, практикуемые среди взрослых, а использовать применяемые в школе. Приведу конкретный пример такого удачного, на мой взгляд, использования.

В октябре прошлого года мне довелось присутствовать на весьма интересном мероприятии в «Далматовском Доме детского творчества» (Курганская область). В нем участвовали приехавшие из школ района под руководством учителей литературы авторы школьных сочинений (52 человека), посвященных землякам, широко известным своей благородной жизнью и деятельностью. Эти сочинения вошли в изданный Шадринским До-

мом печати сборник «Историческая азбука Далматовского края» (автор проекта и составитель сборника Р.П. Новоселова, методист по краеведению). В результате получился интереснейший коллективный 95-страничный труд о прославленных людях Далматовщины. Надо было видеть счастливые лица авторов! Жаль только, что тираж сборника составил всего сто экземпляров: на большее не было денег.

Между тем его содержание, состоящее из обобщенных свидетельств о выдающихся земляках, истинных патриотах не только Далматовского района — их малой родины, но и Родины большой, которой они отдали все силы, богатства души, некоторые из них погибли, отстаивая ее честь и территориальную целостность. Это ли не благодатный материал для патриотического воспитания молодого поколения! Да и можно ли оставаться равнодушным, читая искренние откровения авторов сочинений. В частности, Андрея Меденникова из Уксянской средней школы: «Когда я повзрослею, то пойду служить в армию. Хочу быть бойцом спецназа. Правда, мама и папа против моего решения, но, думаю, они изменят свое мнение, когда поймут, что я должен выполнить свой воинский долг». Вот такие ребята в процессе их целенаправленного идейного воспитания, эффективной военной подготовки и становятся убежденными патриотами, надежными защитниками нашего Отечества.

Безусловно, допризывное обучение молодежи военному делу должно носить системный характер, охватывая все общеобразовательные и профессиональные учебные учреждения. При этом необходимо творчески, с учетом современных требований к боевой выучке военнослужащих, овладению ими новейшими видами вооружения и военной техники использовать опыт, накопленный накануне и в ходе Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период. Помня уроки прошлого, учитывая усложняющуюся международную обстановку, руководство нашего государства приняло конкретные меры, направленные на укрепление обороноспособности страны. В 2008 г. началась подготовка к военной реформе. Прежде всего была разработана новая военная доктрина. 5 февраля 2010 г. она была опубликована. В ней формулировались основные задачи реформы: оптимизация численности Вооруженных Сил, повышение качества их боевой готовности и военной подготовки, достойное социальное обеспечение и перевооружение армии. Однако 26 декабря 2014 г. была принята военная доктрина России в новой редакции: в документ внесено актуальное положение о том, что наращивание силового потенциала НАТО относится к основным угрозам безопасности России. Сохранено положе-

ние о возможности нанесения ядерного контрудара в ответ на использование против Москвы ядерного или неядерного оружия.

Одним из своевременных и содержательных мероприятий, способствующих теоретической поддержке военной реформы, явился, на мой взгляд, «круглый стол» на тему «Концепции и войны будущего», организованный в мае 2011 г. журналом «Международная жизнь» и ИМИ МГИМО (У) МИД РФ. Участвовавшие в нем ученые, военные, политики (Институт военной истории представлял и выступил автор данной статьи) обсуждали, какие военные концепции, возможно, появятся в будущем, где, когда, с какой целью и с помощью каких вооружений будут вестись войны¹¹.

Реформа, начатая в 2008 году, стала самой крупной в Российской армии за всю постсоветскую историю. Существенно изменилась система военного управления, сократилась общая численность армии, при этом доля военнослужащих по призыву снизилась, а число контрактников увеличилось. Значительно выросли зарплаты офицеров, успешно решаются их жилищные проблемы. Но главное — удалось принять беспрецедентную по объемам программу перевооружения армии до 2020 года. Доля нового оружия в войсках и силах Военно-морского флота за эти годы повысилась до 16 %. Государство выделяет на перевооружение армии огромные деньги. В целом расходы на Минобороны составляют сегодня 2,3 триллиона рублей.

Вице-премьер Д. О. Rogozin 25 января нынешнего года в телеинтервью рассказал, как проходит перевооружение армии. Он подтвердил свое ранее сделанное заявление о том, что перевооружение армии и флота идет повышенными темпами и к 2020 г. будет завершено. Вместе с тем России необходимо создать такую компактную армию, которую при необходимости можно будет перебросить на любой угрожаемый театр военных действий. Вооружение, безусловно, необходимо для надежного обеспечения безопасности нашего Отечества. Вместе с тем важно иметь союзников, которые в случае серьезной угрозы со стороны каких-либо объединенных агрессивных сил останутся верными союзническому долгу, не станут строить и стремиться реализовать коварные планы при наступлении благоприятных для этого обстоятельств. Между тем история войны дала немало примеров такого рода, которые заставляют сделать вывод о необходимости ответственного подхода к выбору союзников как еще об одном чрезвычайно судьбоносном уроке, подлежащем неуклонному учету.

Имеются свидетельства, что И. В. Сталин не доверял союзникам и накануне, и в ходе войны,

и после нее. В этом он сам признавался в узком кругу. Но такое мнение бытовало и на Западе. Вот что об этом пишет, например, известный военный историк Энтони Бивор в своей книге «Высадка в Нормандии»: «В 1943 году Сталин... отказался от планов убить Гитлера... После Сталинграда Советскому Союзу больше не угрожало поражение, и теперь Сталин стал опасаться, что в случае устранения Гитлера западные союзники могут не устоять перед соблазном заключить с Германией сепаратный мир...»¹². «Из рассмотрения опыта войн XX в. вытекает один из главных исторических уроков: войны становятся все более опустошительными и опасными. Поэтому совершенно недостаточно призывать к миру и осуждать войну. Необходим постоянный поиск конкретных путей нейтрализации источников войн и военных угроз, объединение в этих целях усилий международного сообщества с тем, чтобы войны стали невозможны. Нужно уметь защищать мир. Вооруженные силы и страна должны быть к этому всегда готовы»¹³.

От нас, историков, требуется умение защищать саму Победу над фашизмом, оберегать ее от нападков фальсификаторов, стремящихся переписать историю Великой Отечественной, а также всей Второй мировой войны. Так, в настоящее время в исторической литературе выделяются несколько направлений искажения сути нашей Победы над гитлеризмом. Во-первых, некоторые псевдоисторики пытаются доказать, что Советский Союз и нацистская Германия несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны. Такие рассуждения, безусловно, вздорны и абсурдны: кто больше нашей страны сделал в 1930-е годы для противодействия нарастающей фашистской агрессии? Ведь не мы позволили Гитлеру перевооружить армию, не мы потакали аншлюсу Австрии, не мы способствовали чехословацкой трагедии, расправе с Литвой. Лидеры ведущих Западных стран — участники мюнхенского сговора сделали возможной мировую катастрофу, демонстративно отвергнув в 1938 г. и 1939 г. предложения СССР о сотрудничестве в создании системы коллективной безопасности.

«Томас Манн как-то сказал о Третьем рейхе: «Это не государство и не социальный порядок, а дьявольское злодейство. Война против него — это священная война человечества против самого дьявола»... Сказано, конечно, слишком резко, с элементами мистицизма, но по большому счету Т. Манн прав. Ведь во Второй мировой войне речь шла о спасении европейской и еще шире — всей человеческой цивилизации от «коричневой чумы». И в этой «священной войне» (по выражению Т. Манна) прогрессивного и сво-

бодолубивого человечества нельзя отрицать огромный вклад Советского Союза и его вооруженных сил»¹⁴.

Во-вторых, некоторые псевдоисследователи рассуждают о якобы органически присущем политике нашего государства милитаристском экспансионизме. При этом опять пропагандируются фальшивки гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа о неких советских планах вторжения, якобы сорванного только немецким превентивным наступлением. За подобными вымыслами кроется стремление оправдать вероломную гитлеровскую агрессию. Каких-либо достоверных доказательств готовности СССР к внезапному вторжению в Европу у этих фантазеров нет и быть не может.

В-третьих, освободительную миссию Красной армии в Европе ставят на одну доску с фашистской оккупацией. При этом умалчивают о том, что фашистская агрессия привела к огромным человеческим жертвам и разграблению покоренных Германией стран. Еще более страшной была для континента перспектива реализации германского «нового порядка»: ради обеспечения жизненного пространства для «сверхчеловеков» планировались ассимиляция, изгнание и уничтожение целых народов. При этом церемониться с младшими «партнерами», в частности прибалтийцами, немцы не собирались: им была уготована тотальная «германизация».

Советские воины принесли народам поработанной Европы спасение от геноцида и национальное возрождение. Из пепла и руин восстали польская, чехословацкая, югославская, албанская государственность. Под напором народных масс канули в лету профашистские режимы в Болгарии, Румынии, Венгрии. Благодаря различной советской помощи и поддержке западные соседи, пожалуй, впервые стали равноправными членами мирового сообщества.

Наконец, еще одно популярное среди фальсификаторов направление: яростной критике подвергаются исторические решения, принятые державами — победительницами в Ялте и Потсдаме. Эти злобные нападки — заказ реакционных кругов потерпевших крах стран. Между тем СССР, США и Великобритания в 1945 г. не делили Европу: ее раскол — следствие иных исторических реалий. И как бы не бесились заказные политиканы, им не удастся опровергнуть неопровержимый факт: по завершению Второй мировой войны державы — победительницы заложили надежную базу для переустройства континента, обеспечившего европейцам почти самый длительный в истории период мирной жизни. Однако критики, не считаясь ни с чем, придумали новый выпад: якобы Ялта и Потсдам — это прошлое Европы. Но взамен для

того, чтобы не допустить на континенте возникновения новой войны, ничего конструктивного не предлагают.

«Победа над немецким фашизмом навсегда останется символом могущества нашего Отечества. Память о ней сплачивает с нами друзей, служит предостережением недругам. И поскольку Российская Федерация является правопреемницей СССР, нынешние попытки жаждающих приуменьшить историческое значение победного мая 1945 г. и оклеветать победителей они нацеливают против новой России.

Как показывает дискуссия историков и публицистов у нас и за рубежом в связи с юбилеем Победы, тема войны по-прежнему вызывает острые разногласия. Но сейчас в центре внимания не только традиционные споры о том, где решился ее исход и кто из союзников внес в разгром агрессоров больший вклад. Похоже, что предпринимается попытка подорвать устоявшиеся представления об этой глобальной трагедии, перетолковать главные события, слепить новую версию ее происхождения, развития и итогов, попутно очернив воинский подвиг нашего народа, а его Победу представив чуть ли не Пирровой. Все это сопровождается завуалированными усилиями реабилитировать истинных виновников и инициаторов Второй мировой войны.

Эти политики и идеологи забывают об опасности такого беспардонного отношения к истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, делая ее предметом политиканства. В.В. Путин справедливо назвал глубоко аморальными попытки переписать историю войны, уравнивать жертв и палачей, освободителей и оккупантов. «Наш долг — сохранить для истории правду о войне, величии Победы нашего народа, память о героях антифашистской борьбы. Фальсификаторам надо дать жесткий отпор»¹⁵.

О необходимости защищать нашу Победу от фальсификаторов писали многие авторы. В частности, В. Р. Мединский в своей статье «Уроки войны», опубликованной в журнале «Международная жизнь», называет три урока войны и Победы. Главным среди них он считает то, что «войну выиграла мы, остальные нам только помогали». Вторым важным уроком, по его мнению, является урок великодушия: «мы победили, но не мстили». А вот третьим он рассматривает урок о том, что «победу нужно защищать». «Война, — пишет Мединский, — стала временем массового героизма, реализацией лучших качеств нашего многонационального народа. Сталинская пропаганда многократно искажала события, создавала образы — штампы. Что ж... Любая пропаганда искажает события, и осуждать ее нелепо: она действует в условиях войны. Великая Отече-

■

ственная дает урок того, что народ непобедим, пока есть идея... и это была не коммунистическая идея, а любовь к своему Отечеству, Родине, дому, семье... Мы по-прежнему живем в тылу той Войны. Она все дальше, но каждое новое поколение входит в жизнь благодаря Победе. И об этом ему надо непрестанно напоминать... Да вот беда, понимания, что на самом деле принесла та война и чем грозит пересмотр ее итогов для сегодняшнего мира — а главное — для России! — нет до сих пор... Пересмотр итогов Второй мировой войны — ни больше, ни меньше есть часть большого плана по изъятию у России ресурсов и территорий»¹⁶. В своей статье Мединский высказывает и весьма конструктивное, на мой взгляд, предложение: «Не думаю, что самосознание людей можно сформировать президентским указом или официальным запретом на «фальсификацию истории». Черные мифы не побеждаются постановлениями партии и правительства. Но чувство гордости за свою историю можно и должно формировать: и через пропаганду, и через произведения искусства»¹⁷.

Необходимость бескомпромиссной борьбы с воинствующими дилетантами, которые под флагом поисков исторической правды занимаются переписыванием нашей истории, ее умышленной фальсификацией, подчеркивает действительный член Российской академии наук Г. А. Куманёв в своей книге «Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг». Он пишет о наличии в отечественной историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн тревожного положения, когда «сражения на историческом фронте в последние годы принимают все более ожесточенный характер, когда представители фальсификаторских кругов... продолжают проводить свою линию нарастающего давления на Российское государство через искаженные или сфабрикованные факты... Долг каждого гражданина российского Отечества, честного патриота Родины — защитить историческое наследие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. от всяких искажений, грязной клеветы, политических спекуляций»¹⁸.

Безусловно, наша историческая наука много и плодотворно поработала по исследованию Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Усилиями ученых создана детальная картина событий, подтверждающих решающий вклад СССР в избавление человечества от коричневой чумы, в достижение грандиозной Победы над фашизмом. Эти достижения отечественной историографии войны необходимо не только пропагандировать, но и защищать. Мы не вправе отмалчиваться, примирившись с нарастающей

мутной волной псевдоисторических бульварных публикаций и выступлений электронных СМИ, беспардонно перевирающих военные события, оплевывающих героизм армии и народа в судьбоносной борьбе с фашистским нашествием. Нельзя также мириться с нападками зарубежных фальсификаторов. Необходимо находить возможности для разоблачения их измышлений. Вместе с тем надо признать, что на Западе есть историки, много пишущие о событиях на советско-германском фронте. Это и не удивительно: ведь именно там велось бескомпромиссное единоборство с армией агрессора. С этими авторами необходимо сотрудничать в разработке проблем, требующих совместного исследования, опираясь при этом не только на отечественные, но и на западные архивы.

Тем более нам, российским историкам, не следует отворачиваться от сотрудничества с историками стран СНГ. Ведь в минувшей войне наши народы совместно добывали Победу на полях сражений и напряженным трудом в тылу. Значит святой долг нынешнего поколения историков — вместе исследовать ее истоки, пути достижения и уроки, вместе защищать от фальсификаторов. Таков еще один чрезвычайно важный, можно сказать, судьбоносный урок великой Победы: ведь на ее примере воспитываются патристические взгляды и чувства новых поколений наших соотечественников. К сожалению, не во всех бывших республиках Советского Союза ее воспитательный потенциал используется в полной мере. И причина в том, что у самих воспитателей, включая и некоторых историков, отношение к нашему общему военному прошлому, мягко говоря, неоднозначное.

Между тем уже в постсоветский период историками России и других бывших союзных республик накоплен определенный опыт разработки и издания совместных научных трудов. Как сотрудник Института военной истории с многолетним стажем могу привести конкретный убедительный пример. Веду речь, в частности, об исследовании российских и белорусских историков «Беларусь непокоренная (воспоминания, документы, хроника партизанского движения и подпольной борьбы 1941–1944 гг.)», которое вышло в свет в 2005 году. Кроме того, несмотря на трагические события последнего времени, необходимо активизировать научное сотрудничество с украинскими историками. Среди них есть искренние сторонники защиты от фальсификаций нашей общей Победы над нацистской Германией. Свидетельство этому — вышедший в 2001 г. сборник материалов научно-практических конференций предыдущего пятилетия под названием «Правда о Великой Отечественной войне непобедима». Его

подготовили и издали члены Комитета ветеранов войны и Центра по защите правды истории Великой Отечественной войны.

Тексту сборника предшествует эпиграф, под которым я готов подписаться: «Мы стоим на том, что надо ответственно подходить к событиям и фактам, не допуская бесцеремонного и некомпе-

тентного вмешательства в живую ткань истории и не оскорбляя сомнительными обобщениями и выводами целые поколения соотечественников... Это не только антинаучно, но и глубоко аморально по отношению к светлой памяти тех, кто будто бы «неправильно» остановил фашизм и спас человечество»¹⁹.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. — М.: Наука, 1999. С. 302 — 311.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: История Великой Победы. — М.: AnimiFortitudo, 2005. — С. 9.

³ Зинич М. С. Испытание и величие народа // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. — М.: Наука, 1999. — С. 361 .

⁴ Бог и Победа: верующие в великих войнах за Россию. — Москва: Эксмо, 2014. — С. 520.

⁵ Падерин А. А. Высокий моральный дух и патриотизм советских людей — решающий фактор единства фронта и тыла // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 — 22 апреля 2005 г. — М.: Academia, 2007. — С. 208–217

⁶ Тюшкевич С. А. Преумножим духовный потенциал Великой Победы / Военно-исторический журнал. — М.: Редакционно-издательский центр МО РФ, 2008, № 5. — С. 15.

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. — С. 303.

⁸ Брутенц К. Н. Закат американской гегемонии: конец однополярного мира и великая геополитическая революция. — М.: Международные отношения, 2009. — С. 348.

⁹ Там же, с. 435.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. — С. 800–805.

¹¹ Концепции и войны будущего. «Круглый стол» // Международная жизнь. 2011. Июнь. — С. 60–80.

¹² Бивор Э. Высадка в Нормандии / Энтони Бивор; пер. с англ... — М.: КоЛибри, Азбука–Аттикус, 2015. — С. 453.

¹³ Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2002 // Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е. Н. Кульков. — 2002. — С. 571.

¹⁴ Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания / Виктор Земсков. — М.: Алгоритм, 2014. — С. 122 .

¹⁵ Чурилин А. А. О дискуссии в связи с юбилеем Победы над фашистской Германией / Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф. Москва, 15 — 16 марта 2005 года // Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: Наука, 2008. — С. 355.

¹⁶ Мединский В. Р. Уроки войны // Международная жизнь. 2010. — С. 24–44.

¹⁷ Там же, с. 41.

¹⁸ Куманёв Г. А. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг / Г. А. Куманёв. — М.: Вече, 2012. — С. 6, 8.

¹⁹ Правда о Великой Отечественной войне непобедима. Сборник научных докладов, сообщений научно-практических конференций 1996–1999 годов // Комитет ветеранов войны и Центр по защите правды истории Великой Отечественной войны. — Киев, 2001. — С. 3, 124–132.

Налаживание военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941 году

С. М. Монин*

Центральной задачей советской дипломатии после начала Великой Отечественной войны стало создание антигитлеровской коалиции. Трагическое положение на фронте, где Красная армия отчаянно сопротивлялась, но вынуждена была с колоссальными потерями в людях и вооружениях отступать вглубь страны, требовало не только мобилизации всех сил своей страны, но также усилий по скорейшему получению военно-экономической помощи из-за рубежа. Главные надежды при этом Москва возлагала на Великобританию, уже сражавшуюся с Гитлером, и на США, еще не вступившие в войну, но однозначно заявившие о неприемлемости нацистской экспансии и готовности поддержать тех, кто ей противостоит.

Между тем наладить отношения с новыми союзниками было очень непросто. Москве предстояло пересмотреть многие свои оценки, постулаты и лозунги, избавляясь от догматических представлений и предубеждений в отношении «буржуазных демократий». Надо было выправлять то зачастую неблагоприятное впечатление, которое на Западе произвели действия Москвы в начальный период Второй мировой войны, пусть даже они и были направлены на обеспечение жизненно важных интересов Советского государства.

Особенно сложными были отношения России с Великобританией. Вся их история со времен Петра I представляла собой в значительной, а в XIX веке — в решающей степени — геополитическое соперничество (за исключением периодов совместной борьбы против наполеоновской Франции и кайзеровской Германии), дополнившееся после 1917 года идеологическим противостоянием. Не располагало к союзу и то, как развивались эти отношения накануне и в начале Второй

мировой войны, хотя, казалось бы, очевидная угроза обеим странам со стороны Третьего рейха должна была подтолкнуть их к сближению.

Москве трудно было забыть роль англичан в срыве тройственных переговоров по созданию антигерманской коалиции весной-летом 1939 года, что толкнуло СССР на сближение с Берлином в надежде таким путем обеспечить свои интересы. Спасать своего официального союзника Польшу британцы не стали, зато с готовностью собрались отправить войска в Финляндию во время «зимней войны», да еще и Баку бомбить намеревались. И все же критическое положение Советского Союза делало его более открытым к сотрудничеству, готовым принять поддержку от тех, кого еще недавно клеймили как «империалистов» и «поджигателей войны».

Со своей стороны, в Лондоне никак не могли успокоиться по поводу того, что СССР не дал втянуть себя в мировую войну в самом ее начале, а вот Англии воевать все-таки пришлось. Причем после падения Франции она фактически в одиночестве вынуждена была противостоять Гитлеру (и делала это с упорством, не склонив головы перед врагом), а СССР ей в этом как минимум никак не помог. Позднее в своих мемуарах британский премьер У. Черчилль, говоря о роковом просчете И. В. Сталина относительно времени нападения Германии на Советский Союз, не без злорадства указывал на «ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав...». А потому стоит вспомнить Немезиду — античную «богиню возмездия, которая разрушает всякое умеренное счастье, обуздывает сопутствующую

* Монин Сергей Михайлович — к. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления¹. Эти рассуждения едва ли были плодом спокойных, взвешенных размышлений: до 22 июня 1941 года СССР не был союзником Великобритании и не обещал ей помощь.

Однако жесткие реалии военного времени требовали от ответственных политиков, не потерявших способность рационально мыслить, отбросить эмоции и исходить именно из складывавшейся на тот момент геополитической ситуации. Тот же У. Черчилль, прекрасно знавший историю, считал, что «история всех коалиций — это длинное повествование о бесконечных жалобах союзников друг на друга». И, тем не менее, он без обиняков заявлял: «Хуже союзников может быть только война без союзников»². Советский посол И. М. Майский охарактеризовал отношения между двумя странами в течение года, предшествовавшего операции «Барбаросса», как «холодно враждебные»³. Хотя реальность, возможно, была не столь однотонной.

Точнее можно сказать, что в этот период Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их⁴. Через три дня после капитуляции Франции, 25 июня 1940 года, У. Черчилль отправил свое первое личное послание И. В. Сталину, в котором подчеркивал желательность восстановления контактов между Лондоном и Москвой для обсуждения любой из проблем, «возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе... политику завоевания и поглощения»⁵. Ответа в Лондоне, правда, не получили. В апреле 1941 года У. Черчилль адресовал Москве еще одно письмо с предостережением насчет германской опасности. Когда предчувствие грядущего столкновения Германии с СССР стало особенно сильным, У. Черчилль в послании президенту США Ф. Рузвельту от 15 июня заявил, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер». В ответном письме глава Белого дома обещал, что при нападении немцев на Россию он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»⁶.

Англичане первыми сделали шаги в направлении достижения взаимопонимания с Москвой. 21 июня находившийся в тот момент в Лондоне британский посол в СССР С. Криппс заявил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому, что в случае атаки Германии на Советский Союз в Москву «британское правительство не допустит никакого промедления в оказании СССР... той помощи, на которую оно будет способно»⁷. Намерение Великобритании и США поддержать СССР не было удивительным: при открытии Гитлером Вос-

точного фронта непосредственная угроза вторжения немцев на Британские острова практически отступала и шансы англичан на выживание резко повышались.

22 июня 1941 года жители туманного Альбиона действительно смогли вздохнуть с облегчением. Вечером этого дня премьер-министр Великобритании произнес по радио речь, которую многие сочли шедевром ораторского искусства и одним из лучших его публичных выступлений за долгую политическую карьеру. Известив своих слушателей, что война вступила в новый этап, когда, «воспользовавшись наивностью и доверием русских», и грубо нарушив все действующие договоренности и международное право, Германия обрушилась на Россию. Хотя он, У. Черчилль, «открыто и прямо предупреждал Сталина, что его ждет». Не пожалев красок для характеристики Гитлера («злое чудовище, одержимое стяжательством и ненасытной жадой крови», «кровавый ублюдок»), премьер обрисовал перспективы дальнейшего движения нацистов до Индии и Китая.

У. Черчилль не преминул напомнить о своем убеждении, что «нацистский режим в принципе ничем не отличается от худших проявлений коммунизма... За последние четверть века в мире не было другого такого последовательного врага коммунизма, как я. Я и сейчас не отказываюсь ни от одного своего слова по этому поводу. Но преступления коммунистов меркнут на фоне того ужасающего зрелища, которое мы наблюдаем сейчас. Прошлое со всеми его трагедиями, неудачами и просчетами отступает на задний план. На переднем плане, на линии фронта русские солдаты бесстрашно встают на защиту своей земли», тогда как «унылая серая масса безупречно вымуштрованной гуннской солдатни, похожая на стаю саранчи, неумолимо наступает, сметая все на своем пути».

Премьер-министр изложил программу действий своего правительства. «...У Британии ныне одна главная и неизменная цель — уничтожить Гитлера и искоренить нацистский режим. Ничто не заставит нас отказаться от этой цели. Мы не пойдем ни на какие переговоры с Гитлером или с кем бы то ни было из его шайки. Мы будем сражаться с ним на земле, на море и в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от этого проклятия и не освободим поработанные народы. Каждый, кто борется против нацизма — будь то отдельный человек или целое государство, может рассчитывать на нашу помощь... Из этого следует, что мы окажем России и русскому народу любую посильную помощь в борьбе с Германией. Мы обращаемся к нашим друзьям и союзникам по всему миру с просьбой поступить точно так же...». И далее. «...Если Гитлер воображает, будто

его нападение на Советскую Россию вызовет хотя бы малейшие разногласия по поводу основных целей между великими демократиями... и заставит их ослабить напор борьбы, то он заблуждается».

У. Черчилль предупреждал, что этот «злодейский поступок» Гитлера (нападение на Россию) имеет «еще один, гораздо более глубокий мотив. Гитлер... одержав верх на Восточном фронте, ...сможет вновь перебросить свои основные... силы на запад и обрушить их на наш остров, ведь пока он не покорит Британию, ему неминуемо грозит наказание за все его тяжелейшие преступления. Вторжение нацистов в Россию — лишь прелюдия к будущей попытке завоевания нашей страны». Отметив прием Гитлера «поочередного уничтожения противников», премьер заключил: «Поэтому нависшая над Россией угроза — это угроза и нам, и Соединенным Штатам, а дело каждого русского, вставшего на защиту своего очага, — это дело всех свободных людей и народов повсюду на земном шаре... Давайте теснее сомкнем наши ряды и ударим по врагу все вместе, пока мы живы и у нас есть еще силы»⁸.

Выступление У. Черчилля, первым из руководителей иностранных государств громко заявившего о поддержке СССР, произвело сильное впечатление в стране и за ее пределами. То, что британский премьер — убежденный и ярый антикоммунист, ни для кого не было секретом. Главное было в другом. Он четко и ясно заявил, что англичане будут сражаться до победы, ни о каком мире с Гитлером речи быть не может (это было особенно значимо в связи с «делом Гесса»), а русские теперь для них — союзники. Советский посол И. М. Майский 26 июня сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой эта позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»⁹.

В своем дневнике посол записал, что речь «с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубиной немедленно, не дав никому опомниться. Это сразу [за]дало тон — и здесь, и в Америке... По свидетельству многих, замешкайся Черчилль с[о] своим выступлением, протяни 2–3 дня — и антисоветские элементы в стране сумели бы внести немало смуты и разложения в обществен-

ное мнение». «Только недавно «Россия» считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, — и вдруг на протяжении 24 час[ов] она стала другом!, — продолжал Майский. Переход был слишком крут, и британская mentality [умонастроение, склад ума (англ.)] еще не успела приспособиться к новому положению»¹⁰. Была, впрочем, и другая сторона этого психологического «шока» — наступившая после него чрезмерная расслабленность, успокоенность многих англичан. Казалось, что опасность отступила и можно немного расслабиться, а основное бремя войны теперь будет на плечах других. На фоне сложной палитры настроений в британском обществе, далеко не всегда благоприятных для Москвы, решительные заявления с Даунинг стрит действительно имели огромное значение. Тем более, что из-за океана также последовали заверения президента Ф. Рузвельта о готовности Соединенных Штатов предоставить России всю возможную поддержку.

Отношения Советского Союза с США не имели такой сложной и скорее негативной исторической подоплеки, чем с Великобританией. Но ровные, порой даже дружественные связи Соединенных Штатов с царской Россией сменились долгим периодом непризнания России советской (до 1933 года), хотя экономическое сотрудничество в годы первых пятилеток развивалось неплохо. Как отмечал британский биограф Франклина Делано Рузвельта (ФДР) Рой Дженкинс, «парадокс заключался в том, что Черчиллю более, чем Рузвельту, приписывали серьезные антикоммунистические настроения (почти навязчивые). С другой стороны, ФДР руководил страной, в которой антикоммунистический невроз был выражен сильнее, чем в Британии. Кроме того, Рузвельт более четко прислушивался к общественному мнению, чем Черчилль»¹¹. Тем более, что в этом «мнении» громко звучали голоса противников оказания помощи СССР (изоляционисты, антикоммунисты, эмигранты из Восточной Европы и др.).

В отличие от англичан американцы, которые еще формально не вступили в мировую войну, реагировали на происходившие в Европе события не так быстро и эмоционально. Первая официальная реакция США последовала 23 июня из уст исполняющего обязанности государственного секретаря С. Уэллеса. Он, как и У. Черчилль, подчеркнул, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистического диктаторства так же невыносимы и так же враждебны их собственным верованиям, как и принципы и доктрины нацистского диктаторства». Однако самая насущная задача на данный момент — остановить Гитлера и разрушить его планы мирового господства. «Отсюда следует, по мнению правительства США, что любая оборона против гитле-

ризма, любое единение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорят окончательное поражение нынешних германских руководителей и поэтому будут идти на пользу нашей собственной обороне и безопасности».

24 июня президент США Ф. Рузвельт заявил на пресс-конференции в Белом доме, что Соединенные Штаты предоставят Советской России всю возможную помощь в её обороне от нашествия нацистской Германии. Он, однако, отметил, что американская помощь не может быть эффективной в случае, если нацистско-советская война будет скоротечной, а также подчеркнул, что Англия имеет преимущество на поставку самолётов, танков и военного снаряжения. Даже когда США получают список того, что необходимо СССР, пояснил президент, нельзя будет просто пойти в магазин и купить то, что нужно, ибо заказы на экспорт делаются загодя. Ф. Рузвельт уклонился от ответа на вопрос, является ли защита России обороной Соединенных Штатов¹².

Лондон и Вашингтон, таким образом, обнародовали свою позицию в отношении гитлеровской агрессии против Советского Союза, хотя и с определенными оговорками и без каких-либо конкретных обещаний. Москва приветствовала эти декларации западных лидеров. Председатель Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталин в своём выступлении по радио 3 июля заявил: «Наша война за свободу нашего отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободы против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными»¹³.

Однако первое время после начала Великой Отечественной войны западные державы больше говорили о поддержке СССР, чем реально помогали. Тому существовали свои объяснения. В условиях войны быстро наладить крупные перевозки морем в далёкую страну было очень сложно. Ресурсы англосаксов были безграничными. Британия сама воевала на море, в воздухе и — пусть и в весьма ограниченных масштабах, — на суше в Северной Африке. США еще только начинали разворачивать по-настоящему масштабное военное производство. Ход битвы за Атлантику пока не давал оснований для особого оптимизма, так что возможности военно-морских и торговых флотов западных держав в доставке грузов в Со-

ветский Союз были ограничены. Политические системы в США и Великобритании устроены так, что предполагали определенное время для согласования важных решений между различными ветвями власти. Ф. Рузвельту, У. Черчиллю и их единомышленникам в верхах, понимавшим необходимость оказания помощи СССР, важно было заручиться поддержкой общественного мнения в этом деле. Особенно с учетом проходивших в прежнем ритме в тех же Соединенных Штатах выборов, что заставляло волей-неволей учитывать интересы и настроения как можно большего спектра избирателей.

И все же, думается, главные препятствия для становления сотрудничества носили субъективный характер. США и Великобритания исходили из собственного видения мира. В правящих кругах и в общественном мнении западных демократий было широко распространено неприязненное, даже враждебное отношение к СССР, который воспринимался как политический и идеологический противник и геополитический соперник, а с началом войны зачастую еще и как «союзник» Гитлера. Даже радикальных сдвигов в военно-политической обстановке в мире после 22 июня 1941 года для многих представителей американского и британского истеблишмента оказалось недостаточно, чтобы поменять свое негативное восприятие СССР. Велик был соблазн сыграть на взаимном ослаблении и истощении сошедшихся в смертельной схватке двух диктатур для укрепления собственных позиций. Известность получили слова сенатора Г. Трумэна о том, что, если бы Германия выигрывала эту войну, то Соединенным Штатам следовало бы помочь СССР, но, если бы побеждал СССР, то надо было бы поступить наоборот. Хотя он все же добавил, что самое последнее, чему он хотел бы стать свидетелем, — так это победе нацистов¹⁴.

Да и сколько продержится Красная армия против вермахта, который до этого сметал всех на своем пути? Может быть, не больше 4–6 недель, как считали в британском военном министерстве¹⁵. Или все-таки подольше? Стоит ли в таком случае организовывать массированные поставки военных материалов в СССР, если того и глядишь все это попадет в лапы к немцам? Если и помогать, то исключительно для того, чтобы СССР как можно долго сковывал Гитлера и не заключал с ним сепаратный мир. Характерные для того момента взгляды изложил военный министр США Г. Стимсон в меморандуме, представленном президенту Ф. Рузвельту 23 июня. Полагая, что Гитлер скоро разгромит СССР (на это уйдет «минимум один и максимум три месяца»), военный министр рассуждал: «Начав войну с Россией, Германия тем самым чрезвы-

чайно облегчила наше положение и создала для нас благоприятные условия действовать незамедлительно с тем, чтобы устранить возможные угрозы до того, как Германия выпутается из русского клубка». В заключение Г. Стимсон признавал: «Для меня... действия Германии представляются почти как ниспосланное Господом Богом чудо». При этом в меморандуме не было ни слова о помощи Советскому Союзу или координации военных усилий с ним¹⁶.

Подобные эгоистические рассуждения и антисоветские настроения, сомнения и колебания в оценке перспектив и возможностей противостояния Третьему рейху не могли не сказываться на политике западных правительств, тормозя налаживание сотрудничества с Советским Союзом. Безусловно, по обе стороны океана были люди, прекрасно понимавшие значение Восточного фронта для судьбы их собственной страны и действительно стремившиеся помочь Красной армии. Так, в британской политической элите, в тот момент более остро и непосредственно воспринимавшей все происходящее, таких джентльменов оказалось немало. Большую роль в организации поставок в Советский Союз сыграл министр снабжения лорд У. Бивербрук. Активно стремился ускорить помощь СССР посол С. Криппс. Искренне переживал за неутешительное состояние дел в плане поддержки Советского Союза патриарх британской политики Д. Ллойд Джордж. Встречавшийся с ним И. М. Майский записал в своем дневнике 16 августа, что тот «сильно ругал Черчилля» за то, что правительство «по существу не оказывает СССР никакой помощи. Как? Сейчас разыгрывается величайшая битва нынешней войны, величайшая битва в истории, битва, от исхода которой зависит исход войны, — а что делает Англия? Ничего не делает». Досталось от Д. Ллойда Джорджа британским, а заодно и американским министрам «за их узкободность и ограниченность. Сейчас все — судьба войны, судьба Европы, судьба Брит[анской] Империи решается на восточном фронте, а они торгуются из-за каждого самолета, из-за каждого мотора! Невероятно!»¹⁷.

После 22 июня усилились настроения в поддержку Советского Союза среди широкой общественности:

- «британский народ, — писал известный английский историк и журналист Макс Хастингс, — с благоговением следивший за сопротивлением русских, воспринял Советский Союз как союзника с таким энтузиазмом, что привел в смятение и даже напугал свой правящий класс»¹⁸;
- рабочие танкового завода в Мидленде «обязались побить все существующие до сих пор рекорды ради помощи нашим друзьям в России»;

— 2 сентября съезд Британского конгресса тред-юнионов одобрил резолюцию в поддержку англо-советского сближения¹⁹.

Тем временем последовали первые практические шаги в налаживании военно-экономического сотрудничества СССР с западными странами. 27 июня 1941 года в Москву прибыли британские военная и экономическая миссии (руководители — генерал-лейтенант М. Макфарлан и Л. Кадбьюри) и возвратившийся вместе с ними из Лондона посол С. Криппс. В тот же день они были приняты наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым. С. Криппс, в частности, заявил, что «в экономической области Англия может предоставить СССР необходимые материалы, которые у нее имеются и которые могут быть ввезены в СССР при существующих транспортных ограничениях». «Если понадобится, — продолжал британский посол, — то Англия постарается уговорить США, чтобы последние поступились дефицитными материалами в пользу СССР. Что касается промышленной продукции, то в этом отношении придется обратиться к США, так как промышленность Англии работает на свою оборону»²⁰.

Переговоры в Москве и по военным, и по экономическим вопросам шли непросто. Так, для подготовки англо-советского соглашения о взаимных поставках, кредите и клиринге потребовалось более полутора месяцев, прежде чем 16 августа этот документ наконец-то был подписан. Нарком внешней торговли СССР А. И. Микоян, который вел переговоры с советской стороны, поначалу максимально поднял планку и попросил кредит на 100% поставляемых товаров. Англичане это не устроило, но в итоге сошлись на выгодных для СССР условиях: 60% британских поставок шли в кредит, а 40% Москва оплачивала золотом или долларами. Начальная сумма кредита составляла 10 млн фунтов. По величине процента сошлись на отстаиваемых советскими представителями 3% (англичане настаивали на 3.5%).

Острые дискуссии случались по частным вопросам. Советский Союз запросил 30–40 тыс. тонн алюминия. Англичане потребовали дать информацию о местонахождении алюминиевых заводов, о запасах и потреблении этого металла. Советский нарком, согласившись кое-что рассказать на этот счет «в порядке удовлетворения любопытства», выразил сомнение, что эти данные так уж необходимы Лондону для принятия решения о поставке алюминия в СССР. Гораздо важнее было то, что советские самолеты сбивают немецкие, которые при ином раскладе могли бы оказаться над Британией. Этот аргумент оказался убедительным. Опытный переговорщик А. И. Микоян, добываясь нужных Советскому Союзу условий соглашения, понимал, что возглавлявший с британской

стороны переговоры посол С. Криппс стоял перед дилеммой: или уступить, или отказать СССР. Но последнее было политически невозможно, ибо судьба Англии отныне была теснейшим образом связана с Восточным фронтом²¹. Переговоры о налаживании военного сотрудничества и организации поставок военных материалов проходили также и в Лондоне, куда 8 июля прибыла советская военная миссия. Ее возглавлял заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, заместителем являлся контр-адмирал Н.М. Харламов, до этого бывший начальником управления боевой подготовки Главного морского штаба ВМФ. С миссией встретился британский министр иностранных дел А. Иден. Основные переговоры проводились с высокопоставленными британскими военными. Советским представителям порой приходилось сталкиваться с откровенно недоброжелательным отношением со стороны ряда собеседников. Так, по воспоминаниям адмирала Н.М. Харламова, первая встреча с военным министром Г. Моргенсоном прошла «встоячку», «руки Моргенсону не подал. Сесть не предложил... Слушал рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярым противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе»²².

После переговоров в Лондоне Ф.И. Голиков был отозван в Москву, а затем отправился с аналогичной миссией в Вашингтон. 1 августа он был принят президентом Ф. Рузвельтом. Советское руководство считало, что для придания прочности и эффективности создаваемому союзу СССР и Великобритании следовало бы как можно скорее заключить политическое соглашение. Поначалу это не вызвало особого энтузиазма у английской стороны. С. Криппс неоднократно повторял, что в военной и экономической сферах Англия готова к развертыванию сотрудничества, а вот «для политического же соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало недоверия от прошлого...»²³. Не удивительно, что 8 июля, принимая британского посла, И.В. Сталин отметил, что «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением». Между тем сотрудничество, о котором все время говорил посол, «немыслимо без соглашения»²⁴.

Настойчивость советской стороны все же сделала свое дело. 12 июля в Москве В.М. Молотов и С. Криппс подписали соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Оно обязывало стороны взаимно «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода...»²⁵. Этот документ, хотя и был очень кратким (два пункта)

и общим по содержанию, стал важным шагом в оформлении англо-советского военного союза и в обеспечении условий для развертывания военно-экономических связей двух стран. Положительный импульс решению вопроса о военных поставках западных держав в СССР дал визит в Москву 29 июля — 1 августа Г. Гопкинса, личного представителя президента США. Его дважды принял И.В. Сталин и имел с ним обстоятельные беседы. Из своей поездки американский политик вынес твердое убеждение, что русские будут сражаться до конца и выстоят, несмотря ни на что. «...Я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»²⁶.

На состоявшейся 9–12 августа у берегов Канады встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля (Атлантическая конференция) с участием высшего военного руководства обеих стран Г. Гопкинс доложил об итогах своего визита в Москву. Лидеры США и Великобритании в совместном послании И.В. Сталину заверили, что они совместно работают над снабжением СССР максимальным количеством наиболее необходимых ему материалов. Чтобы можно было быстро принять решения по распределению ресурсов, президент и премьер выступили с инициативой провести трехстороннюю конференцию в Москве с участием своих высокопоставленных представителей. Это позволило бы обсудить соответствующие вопросы с высшим советским руководством²⁷. Летом 1941 года реальные результаты налаживания военно-экономических связей Советского Союза с его западными партнерами были невелики. В июле из Великобритании и США в СССР было отправлено всего 27 576 тонн в основном невоенных материалов²⁸. Первая «ласточка» в союзнических поставках оружия — приход 1 августа в Архангельск английского минного заградителя «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. 21 августа из Исландии вышел и через 10 дней прибыл в Архангельск первый британский конвой из 7 судов с военными грузами под кодовым названием «Дервиш».

26 июля У. Черчилль сообщил И.В. Сталину, что британское правительство приняло решение послать «в возможно короткий срок» Советскому Союзу 200 истребителей «Томагавк» из числа тех, что должны были быть получены полученными из Соединенных Штатов. К поставке в СССР вскоре должны были быть подготовлены от двух до трех миллионов пар ботинок, а также большое количество каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шеллака. Через месяц У. Черчилль написал И.В. Сталину, что готов отправить еще 200 истребителей «Харрикейн», «если бы Ваши пилоты могли эффективно их использо-

вать». В ответном послании от 3 сентября советский руководитель выразил благодарность за это намерение «продать» Советскому Союзу еще одну партию истребителей, хотя и отметил, что они, будучи «пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте»²⁹.

Темпы и масштабы военных поставок из Великобритании и США с точки зрения Советского Союза были совершенно не удовлетворительны, если оценивать их на фоне грандиозных сражений на советско-германском фронте и огромных потерь Красной армии в вооружениях и других военных материалах. Посол И. М. Майский в беседе с министром иностранных дел А. Иденом 26 августа заявил: «Фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей», — подчеркнул посол³⁰. Эти высказывания И. М. Майского, сделанные по его собственной инициативе, получили полное одобрение Москвы. В телеграмме послу от 30 августа И. В. Сталин писал: «По сути дела, Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам». Те хотят бить своих противников поодиночке. «То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела». Думаю, отмечал советский руководитель, что англичане это понимают. «Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления»³¹.

У. Черчилль считал, что политика Москвы до 22 июня 1941 года не давала советской стороне «никакого права упрекать нас»³². Тем не менее на встрече с И. М. Майским 4 сентября он согласился с тем фактом, что Советский Союз ведёт борьбу против Германии один «лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчёт Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке». В заключение беседы британский премьер сказал советскому послу: «Не хочу вводить Вас в заблуждение: до зимы мы не сможем оказать вам никакой серьёзной помощи — ни путем создания второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Всё, что мы можем вам сейчас дать, — это лишь капля в море»³³. Впрочем, один момент должен был приятно удивить советское руководство. В письме, полученном в Москве 6 сентября, британский премьер обратил внимание на то, что И. В. Сталин в своем последнем послании употребил слово «продать» применительно к 200 «Харрикейнам». «Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали

об уплате, — подчеркнул У. Черчилль. — Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе — аренде [о ленд-лизе — С. М.]³⁴, то есть без формальных денежных расчетов»³⁵.

Это было, безусловно, важным жестом в адрес Советского Союза, свидетельством того, что, отказав своему союзнику в открытии второго фронта, в Лондоне все же понимали, что надо предпринять что-то существенное, чтобы не ступить на корню нужный самим англичанам военный союз с Россией. В британской официальной истории Второй мировой войны отмечено, что положение России было настолько отчаянным, а значение для Великобритании ее сопротивления «столь велико, что стало необходимым как-то ободрить ее»³⁶.

На основу ленд-лиза англичане решили перевести свои военно-экономические отношения с русскими на два месяца раньше, чем это сделали американцы (7 ноября 1941 года). Правда, как отмечается в отечественной научной литературе, на практике английские поставки на основе ленд-лиза стали осуществляться только в конце осени 1941 года³⁷. При подготовке к предстоящей трехсторонней конференции по проблеме военных поставок в СССР настроения у англичан были противоречивыми. Как вспоминал У. Черчилль, «нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника — угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет». Военные ведомства «восприняли это так, как будто бы с них живьем сдирали шкуру»³⁸. В итоге было решено постараться обойтись, прежде всего, за счет американских ресурсов и не скупиться на обещания, чтобы поддержать решимость русских сражаться.

Соединенные Штаты поначалу не слишком торопились с поставками в Советский Союз. 24 июня американские власти разрешили советской стороне расходовать средства из советских денежных фондов, заблокированных в США. Была смягчена дискриминационная практика в торговле с СССР. Закон о нейтралитете не применялся к Советскому Союзу, что позволяло поставлять ему американское вооружение. Характерно, однако, что С. Уэллес, заявляя об этом решении, обосновал его тем, что война между СССР и Германией не угрожает интересам США или их граждан³⁹. Тем не менее, это все были полумеры, не имевшие ощутимых результатов.

30 июня Советское правительство направило в Вашингтон заявку на необходимые ему виды вооружения и промышленное оборудование, а также поставило вопрос о предоставлении кредита на 5 лет. Запрос был огромным: 3000 бомбарди-

ровщиков, 3000 истребителей, 20 000 зенитных орудий, 50 тыс. т толуола и другой продукции на общую сумму свыше 1 млрд 836 млн долл. Этот заказ был рассмотрен на заседании американского кабинета только 18 июля, причем лицензии на экспорт товаров в Советский Союз было разрешено выдать на 9 млн долл. (примерно 0,5 % от запрошенного)⁴⁰. Сам президент Ф. Рузвельт в первых числах августа признавал, что с момента нападения Германии на Советский Союз «мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь. Честно говоря, если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца»⁴¹.

Советская сторона была обеспокоена таким поворотом событий. 31 июля посол СССР в США К. А. Уманский и глава советской военной миссии в США Ф. И. Голиков в своей телеграмме И. В. Сталину подытожили те трудности, которые сохранялись в переговорах с американцами с самого начала войны:

1. «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны». Через месяц после вручения советской заявки на оружие ответа на неё не последовало, а по заявке на промышленное оборудование был получен неудовлетворительный и недостаточно конкретный ответ.
2. До сих пор не началась практическая работа «комитета трех», который, по мысли президента Ф. Рузвельта, должен был заниматься согласованием вопросов по развёрстке американского снабжения⁴².
3. «Пока нет никаких признаков готовности ни американцев, ни англичан произвести радикальную переразверстку своего производства... в нашу пользу».
4. Некоторые американские ведомства имели тенденцию «решать за нас вопросы о том, что нам нужно».
5. За нашей спиной американцы и англичане обсуждали вопросы о порядке доставки нам грузов, какие типы самолетов нам «подходят», не реализовывался принцип тройственного обсуждения.
6. По-прежнему советские военные атташе были изолированы, а советских людей не пускали в оборонные цеха заводов.
7. Особенно опасна проволочка с фрагтовкой тоннажа.
8. Военному министерству следовало прекратить игравшую на руку фашистам явную и скрытую пропаганду идей «непобедимости» гитлеровцев, попытки дискредитации командования советских Вооруженных сил и саботажа советских заказов⁴³.

Предоставление кредитов американская сторона обуславливала встречными поставками стратегического сырья из СССР (цветные металлы, платина, иридий и т.д.). Более конструктивной настройкой с американской стороны стал ощущаться после откровенного разговора о советских военных заказах, состоявшегося 1 августа на встрече президента Ф. Рузвельта с советским послом К. А. Уманским и главой советской военной миссии Ф. И. Голиковым. В начале августа между Москвой и Вашингтоном была достигнута договорённость о продлении до августа 1942 года торгового соглашения между двумя странами. Правительство США, как было сообщено советской стороне, «решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии».

В этой связи американцы выразили готовность «самым дружественным образом» рассматривать советские заказы на товары и материалы:

- «срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза»;
- содействовать их быстрому изготовлению и отгрузке;
- выдавать «неограниченные лицензии» на экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры различной продукции;
- благожелательно рассматривать предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для ускорения доставки указанных товаров⁴⁴.

С 29 сентября по 1 октября 1941 года в Москве прошла конференция трех держав по вопросам военно-экономического сотрудничества. Делегацию СССР возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, США — представитель президента А. Гарриман (он в то же время отвечал за британское направление в американской программе по ленд-лизу), Великобритании — министр снабжения У. Бивербрук. О значении, которое придавалось в Москве этим переговорам, говорило то, что И. В. Сталин накануне и во время работы конференции трижды принял руководителей американской и британской делегаций, в деталях обсуждая с ними предстоящие поставки военных материалов в СССР. При открытии конференции В. М. Молотов вручил главам западных делегаций «Программу заявок, начиная с октября 1941 года до конца июня 1942 года». По инициативе советской стороны для предварительного рассмотрения вопросов с участием всех трех держав было образовано шесть комиссий: авиационная, армейская, военно-морская, медицинская, сырьевая и оборудования, транспортная.

В итоге были подписаны коммюнике и секретный протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять Советскому Сою-

зу с 1 октября 1941 г. по конец июня 1942 года ежемесячно: 400 самолётов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей); 500 танков (не более 50% малых); сотни зенитных и противотанковых орудий; разведывательные автомобили; алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и др.⁴⁵ Московская конференция стала важнейшей вехой на пути создания антигитлеровской коалиции и особенно оформления и развертывания военно-экономического сотрудничества трех держав. При всех возможных нюансах в трактовке самих переговоров и подписанных документов обязательства сторон приобрели конкретный, юридически зафиксированный вид. Военные поставки должны были принять масштабный и систематический характер с тенденцией к еще большему увеличению в будущем.

Готовность СССР, Великобритании и США объединить свои ресурсы для борьбы против общей опасности придавало решениям Московской конференции особую значимость. Как подчеркнул в своем выступлении на заключительном заседании В. М. Молотов, «мы все имели возможность убедиться в том, насколько сильно решающие жизненные интересы и общие стремления наших великих свободолюбивых народов сблизили наши страны и привели к тесному сотрудничеству в развернувшейся исторической борьбе против разбойничьей гитлеровской Германии...». В том единодушии и быстроте, с которыми были приняты решения об оказании практической поддержки СССР в войне, советская сторона видела «признание дружественными странами того факта, что сейчас Советский Союз несет на себе всю тяжесть борьбы с фашистскими ордами Германии». Политическое значение конференции, отметил нарком, состояло в том, что расчеты гитлеровцев уничтожить своих противников поодиночке сорваны и против них «отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки»⁴⁶.

Решения Московской конференции выглядели тем более важными и актуальными, что они были приняты на фоне драматических событий, развернувшихся на советско-германском фронте. Как раз когда русские, американцы и англичане совещались в советской столице, немецко-фашистские войска 30 сентября начали операцию «Тайфун» и, прорвав оборону Брянского, а затем Западного и Резервного фронтов, ринулись к Москве. 30 октября правительство США предоставило СССР беспроцентный заём в 1 млрд долл. на оплату поставок вооружений и сырья с тем, чтобы выплаты по займу начались через 5 лет после окончания войны и производились в течение

10 лет после истечения этого пятилетнего периода. В послании Ф. Рузвельту от 4 ноября И. В. Сталин оценил этот шаг как «исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом...»⁴⁷. 7 ноября 1941 года Соединенные Штаты распространили на СССР действие закона о ленд-лизе. До этого американцы предпочитали проводить торговые операции с русскими за наличный расчет. Впоследствии все поставки в СССР с 1 октября 1941 года стали считаться проходившими на основе закона о ленд-лизе.

Предоставление Советскому Союзу возможности получать столь нужные ему военные материалы на новой основе («взаимы или в аренду») избавляло его от необходимости тратить крайне дефицитную во время войны валюту и другие ресурсы и открывало гораздо более широкий доступ к продукции быстро растущей американской военной экономики. Это было тем более важно, что ситуация на фронте оставалась крайне напряженной, а собственное военное производство в СССР падало из-за оставления обширных территорий на западе страны и масштабной эвакуации военных заводов в восточные районы, где они еще не успели развернуть свое производство. Распространение режима ленд-лиза на Советский Союз вполне соответствовало коренным интересам самих Соединенных Штатов. Поддерживая способность других стран противостоять гитлеровской агрессии, США тем самым выигрывали бесценное время для перестройки своих вооруженных сил, экономики и всего общества на военные рельсы, в перспективе сокращали усилия и жертвы американцев непосредственно на поле боя. Предпринятый Ф. Рузвельтом шаг имел огромное значение не только для развертывания военно-экономических связей между СССР и США, но и для упрочения отношений между двумя странами в целом и утверждения духа доверия и взаимопонимания между Москвой и Вашингтоном.

Летом — осенью 1941 года начал складываться механизм военно-экономического сотрудничества СССР, США и Великобритании. Преодолевая недоверие, подозрительность и просто незнание многих вещей, стороны постепенно стали лучше понимать потребности и возможности друг друга, особенности законодательства и внутренних процедур другой стороны, характерные черты национального поведения и менталитета. Записанные на бумаге обязательства наполнялись реальным содержанием. Путь ленд-лизовой продукции, условно говоря, от станка до поля боя был долг и труден. Заказ — производство — приемка — погрузка — транспортировка — разгрузка — сборка (если нужна) — подгонка под местные условия и потребности — техническое обслуживание —

обучение кадров — боевое применение — и (зачастую) утилизация. На любом из этих этапов могли возникнуть сбои и трудности, которые, в свою очередь, давали повод для взаимных упреков и непонимания. Вряд ли стоит удивляться неразберихе и нелепицам, которые первое время встречались с обеих сторон в организации столь многосложного дела. Поначалу И. В. Сталину даже пришлось писать по этому поводу У. Черчиллю: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде» (послание от 8 ноября 1941 года)⁴⁸.

С советской стороны ощущалась острейшая нехватка людей, которые были бы технически грамотны, имели военный опыт и вдобавок еще знали бы английский язык (до войны в школах и вузах СССР повсеместно изучался немецкий язык). Следовало точно и правильно определить, сформулировать и оформить заказ, а затем проконтролировать сроки поступления, объем, качество, комплектность продукции и ее отгрузку. При этом успевать читать техническую литературу и документацию на иностранном языке, разбираться в англоязычных инструкциях и маркировке, вести диалог с зарубежными коллегами. Немалые трудности вызывало в СССР освоение и эксплуатация западной техники. Она, как правило, была выполнена на другом — по сравнению с привычным — техническом уровне, требовала особого подхода и специальных знаний. Для советских людей, общеобразовательный и технический уровень подготовки которых зачастую был не слишком высок, все это было непривычно и усваивалось непросто. В результате — аварии, поломки, неэффективность использования техники. Впрочем, все эти, так сказать, «технические» проблемы, с течением времени вполне могли быть преодолены. Сложнее было с проблемами «политическими»: приходилось встречаться с саботажем и откровенным нежеланием не то что помогать, а просто иметь дело с советской стороной. Причем это касалось не только некоторых политиков и бизнесменов, но и рядовых граждан западных стран (забастовки на заводах с отказом выполнять советские заказы, нежелание докеров грузить корабли, направлявшиеся в СССР и т.п.).

Важнейшей и, может быть, сложнейшей задачей союзников было обеспечение доставки военных грузов в СССР. В 1941 году это можно было сделать тремя маршрутами. Самым коротким, быстрым (10–14 дней) и первоначально относительно безопасным был путь из Британии (или Исландии) через арктические моря в Архангельск (мог быть и Мурманск, но этот город в начале войны

немецко-фашистские войска пытались захватить с суши и разбомбить с воздуха). Перевозки по этому направлению не требовали согласия кого бы то ни было. Надо было только постараться избежать встречи с германскими подлодками и самолетами, что до начала 1942 года, как правило, удавалось.

Другой путь — из США через Тихий океан во Владивосток (18–20 дней) и далее по Транссибирской магистрали в Европейскую часть страны. Это требовало уже больше времени и затрат. К тому же здесь ощущалось действие «японского фактора». Когда в августе 1941 года во Владивосток из США пришли танкеры с нефтью, это вызвало беспокорство в Токио. Советской стороне было заявлено, что перевозка американских стратегических материалов, в том числе авиационного бензина, через прибрежные японские воды раздражает общественное мнение Японии, так как продажа ей такого бензина запрещена. Утверждалось, что американская нефть могла предназначаться китайскому правительству Чан Кайши, против которого Япония вела войну, а сами эти материалы могли использоваться в возможной будущей войне на Тихом океане. Более того, эти грузы могли попасть на европейский театр военных действий, что затрагивало обязательства Японии по Тройственному пакту перед Германией и Италией. Соответствующие заявления делались японским МИДом советскому послу в Токио К. А. Сметанину, а японский посол в Москве И. Татэкава говорил об этом наркому иностранных дел В. М. Молотову⁴⁹. Аналогичные протесты японцы заявляли Соединенным Штатам. В Токио опасались, что Чан Кайши примет участие в Московской конференции СССР, США и Великобритании по вопросам военно-экономического сотрудничества и решения конференции будут вредны для интересов Японии. В Стране восходящего солнца не исключали, что в обмен на военные поставки СССР может предоставить США военные базы в Приморье и на Камчатке, и это создаст «северную часть кольца — окружения Японии»⁵⁰. Советской дипломатии пришлось потратить немало усилий на то, чтобы опасения японцев не вызвали преждевременного обострения их отношений с СССР. И уж тем более — открытого конфликта.

Самые большие проблемы военно-политического и организационно-технического свойства СССР, Великобритании, а позднее и США пришлось решать при создании так называемого «персидского коридора» — маршрута, пролежавшего через Персидский залив, Ирак, Иран и Каспий в Советский Союз. В апреле — июле 1941 года Ирак, Сирию и Ливан чуть было не накрыла волна нацистской экспансии, и, оказавшись она успешной, создание «персидского коридора» было бы под большим вопросом. В апреле в Ира-

ке, ранее находившемся под управлением Лондона, к власти прорвались местные националисты. Они обратились за военной помощью к державам Оси и вскоре в небе Ирака появились немецкие и итальянские военные самолеты. Иракцы попытались вытеснить из страны британские войска, находившиеся там на основании англо-иракского договора, но были разбиты.

Англичане, не останавливаясь, предприняли военную экспедицию в Сирию и Ливан, вишистская администрация которых позволила люфтваффе использовать территорию этих стран. Когда был установлен контроль над этими тремя ближневосточными странами, Лондон обратил свой взор на Иран, одну из крупнейших нефтедобывающих стран. Здесь была сильна профашистская агентура и существовала опасность поворота Тегерана в сторону Германии. После 22 июня 1941 года ситуация в регионе поменялась. Ранее соперничавшие здесь Советский Союз и Британия объединились против общего врага — Третьего рейха. Их общей целью, помимо предотвращения прогерманского переворота, стало создание транспортного коридора через Иран в СССР. У. Черчилль писал на этот счет И.В. Сталину: «По поводу Персии⁵¹. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну»⁵². Москва разделяла такую позицию. Эти важнейшие в тот момент вопросы создали прочную общую основу для действий двух стран, хотя при этом каждая из них не забывала и о других своих интересах в регионе.

Уже в первый день Великой Отечественной войны британская сторона заявила о готовности оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив. На проходивших в Москве встречах И.В. Сталина и В.М. Молотова с С. Криппсом, а в Лондоне — У. Черчилля с И.М. Майским говорилось о желательности «общей политической линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока, о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион. Отмечалось, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. Хотя с Ираном пока не было никаких договоренностей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решённом вопросе. Они обсуждали пропускную способность Трансиранской железной дороги, иранских шоссейных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок⁵³. В Тегеране с удовлетворением воспринимали заявления о намерении

СССР обеспечить на своей территории перевозки для Ирана, в том числе вооружения. Но в ответ шахское правительство не соглашалось на транзит через Иран оружия для Советского Союза, ссылаясь на свой нейтралитет в войне. Без этого, однако, «персидский коридор» терял свое значение для русских и англичан. Союзники не нашли общего языка с Тегераном и по поводу активности в стране прогерманских, профашистских сил, хотя неоднократно, совместно и порознь, требовали пресечь подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране. Реза-шах и его окружение, очевидно, ожидали скорой военной победы Германии и оставались глухи к требованиям Москвы и Лондона.

Сложившаяся ситуация предопределила решение СССР и Великобритании о вводе своих войск в Иран, начавшийся 25 августа 1941 года. Наряду с арктическим конвоем «Дервиш», как раз в это время находившимся на пути в Архангельск, это был первый наглядный опыт совместной военно-политической акции участников формирующейся антигитлеровской коалиции. При этом вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне в условиях смертельной схватки с державами Оси отходил на второй план. СССР действовал на основе советско-персидского договора 1921 года, дававшего ему право при угрозе своей безопасности с территории соседнего государства вводить в Иран войска. У. Черчилль, объясняя произошедшее, лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь, а потому «Interarmasilentleges» («когда говорит оружие, законы молчат»)⁵⁴.

25 августа 1941 года советские войска с севера, а британские — с юго-запада перешли границу Ирана и стали быстро продвигаться в глубь страны. 29 августа союзники вошли в соприкосновение. Новое правительство в Тегеране к тому времени уже отдало приказ прекратить сопротивление, которого, впрочем, практически и не было. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а 30 — перед русскими. «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно», — написал в Москву в этот день У. Черчилль. «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо», — в тон ему ответил через три дня И.В. Сталин. Но добавил: «Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»⁵⁵. Прозрачный намек на необходимость открытия второго фронта. 8 сентября СССР и Великобритания подписали с Ираном соглашение, предусматривавшее пребывание союзных войск в этой стране. Однако высылка германской аген-

туры затягивалась. Тогда союзные войска двинулись к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрёкся от престола и передал власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви. На следующий день союзники вступили в столицу. Новый шах с гораздо большей готовностью шел навстречу союзникам. Профашистские элементы были высланы, разгромлены или загнаны в подполье. Решив эту задачу, союзники могли взяться за выполнение другой, то есть обеспечения транспортного коридора через Иран в СССР.

Однако сразу использовать иранскую территорию для масштабных поставок в Советский Союз было невозможно из-за слабости транспортной инфраструктуры страны. По трансиранской железной дороге в каждую сторону могло пройти всего по 2 состава в сутки. Необходима была ее коренная реконструкция, а также строительство шоссейных дорог, расширение портов в Персидском заливе и на Каспии. Ответственность за реорганизацию транспортной инфраструктуры поначалу взяли на себя англичане. У. Черчилль в своих посланиях И.В. Сталину постоянно подчёркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в ещё большей степени стремление установить ещё один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить её бесперебойную работу, используя дополнительной железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии». Британский премьер писал также об открытии сквозного пути «не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»⁵⁶.

Но в 1941 году все эти планы только-только начинали реализовываться и основной поток грузов в СССР шел через арктические моря и Тихий океан. Ход выполнения решений Московской конференции в период с октября по первую половину декабря был проанализирован в справке наркома внешней торговли СССР А.И. Микояна, направленной 22 декабря 1941 года Председателю Совета Народных Комиссаров И.В. Сталину и наркому иностранных дел В.М. Молотову. В указанный период с учетом ранее (до Московской конференции) данных обязательств англичане должны были поставить 700 самолетов, фактически было завезено в СССР 658 шт., а вот танков — из 875 шт. всего 405, из 500 танкеток — 310, из 137 40-мм противотанковых орудий — 62, из 500 противотанковых ружей — 208.

Из заказанных 725 станков было поставлено 484 ед., из них уже завезено — 332. Практически выполнены были обязательства по каучуку (с учетом находящегося в пути), а по олову и цинку, а также по шерсти даже перевыполнены. Между тем поставки алюминия, свинца и меди были значительно недо выполнены. Завезена была лишь четверть обещанного сахара (25 500 тонн вместо 105 000 тонн) и 4 тыс. тонн пшеницы вместо 500 тыс. тонн. Армейской обуви было завезено 3 млн пар, но в счет обязательств, данных до конференции. Из числа твердо обещанных, но так и не завезенных, в справке назывались никель, ферросилиций, феррохром, сталь серебрянка, тигельный графит.

Данные по американским поставкам выглядели следующим образом. По обязательствам, взятым на Московской конференции, поставки самолетов (истребителей, бомбардировщиков, разведчиков) должны были составить 500 шт., с учетом последующих уточнений со стороны американцев — 235. На 15 декабря была поставлена 651 машина. Но из этого числа было: завезено в Союз — 62 шт., погружены на пароходы, которые еще не вышли — 10, отгружены и находились в пути — 132, находились в портах — 447. Причем, например, отгрузка большой партии бомбардировщиков ДБ-7Б (А-20) была задержана, так как самолеты не имели вооружения, а истребители «Аэрокобра» были поставлены без пропеллеров, вооружения и запчастей. Более того, в декабре все самолеты, находившиеся в портах (447 шт.), по указанию американского правительства были отозваны обратно. Таким образом, было недопоставлено 296 самолетов против принятых на конференции обязательств. По танкам соответствующий показатель составил 444 ед.: обещано было 625 машин, по предоставленному американцами ежемесячному распределению (к середине декабря) — 473, фактически поставлено 181 (примерно поровну средних и легких). Из этих 181 танка находилось в портах — 68, в пути — 103, завезено в Союз в декабре — 10.

По плану США должны были поставить 20 600 грузовых автомобилей, фактически — лишь 7 242 ед. Из них: находились в портах и в погрузке — 2216, в пути — 4734, завезено в Союз — 292. Разведывательных автомашин было поставлено чуть более половины обещанного, телефонных аппаратов — несколько больше шестой части, полевого телефонного провода — десятая доля. Правда, почти выполнены были обязательства по колючей проволоке, а перевыполнены по столь важным позициям, как, например, алюминий (однако других цветных металлов не доставили вовсе). В конце справки шли длинные списки товаров, по которым совсем не было поставок при

наличии обязательств или по которым еще не были окончательно уточнены ни сроки, ни количество⁵⁷.

У США было свое оправдание недопоставкам — в декабре они вступили в войну, что потребовало пересмотра всей системы распределения их ресурсов. Это само по себе понятно, хотя отставание от графика наблюдалось задолго до 7 декабря 1941 года. Так что Красной армии, которая в это время вела битву за Москву, досталось не слишком много. Но когда враг стоял у стен их столицы, русские были рады любой помощи. То, что Красная армия успешно бьет врага даже при том, что оружие по ленд-лизу только начинало поступать на русский фронт, смог лично убедиться министр иностранных дел Великобритании А. Иден, посетивший Советский Союз в декабре 1941 года. Со своей делегацией он специально выезжал в подмосковный Клин, только что освобожденный в ходе контрнаступления советских войск. Разбитая германская военная техника, немецкие военнопленные в нелепом «зимнем» обмундировании, сгоревшие русские деревни — все это произвело сильное впечатление на иностранных гостей, почувствовавших весь размах, ожесточение и бескомпромиссность этой войны, в которой России и Англии суждено было помогать друг другу во имя общей победы.

Некоторые западные историки признают, что победа под Москвой была достигнута Красной армией, когда масштабные поставки от союзников еще не начали поступать. После Московской кон-

ференции, пишет английский историк Лоуренс Рис, «все обещания так и остались обещаниями — лишь незначительное количество помощи прибыло в Советский Союз в ноябре — декабре 1941 года. Лорд Бивербрук ушел из правительства в феврале 1942 года отчасти из протеста против «недостаточности» помощи Советскому Союзу... В первые месяцы 1942 года поток помощи Советскому Союзу увеличился, хотя и не достиг оптимистического уровня, предусмотренному Московским соглашением сентября 1941 года»⁵⁸.

«Большая часть этой (западной — С. М.) помощи поступила после Сталинградской битвы, — отмечает Джеффри Робертс, — так что основная ее роль заключалась в том, чтобы облегчить победу, а не в том, чтобы предотвратить поражение. С другой стороны, ...Вся оказанная Западом поддержка имела критическое значение — даже минимальная помощь, предоставленная в 1941–1942 гг.»⁵⁹. Несмотря на все проблемы и трудности, военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией постепенно налаживалось. Титанические усилия Советского Союза и его армии в летне-осеннюю кампанию 1941 года и их первый стратегический успех — контрнаступление под Москвой, показали, что, вопреки всем пессимистическим прогнозам, Советская страна способна выстоять и сражаться дальше. А потому ее сотрудничество с США и Великобританией закономерно должно было крепнуть и стать основой антигитлеровской коалиции — силы, которой предстояло сокрушить Третий рейх.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3–4 / Пер. с англ. — М., 2010. С. 173.

² Бедарида Ф. Черчилль / Пер. с фр. — М., 2003. С. 271.

³ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 год. — М., 2009. С. 11.

⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. — М., 2004. С. 12–13.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. Т. 1–2. С. 383–385.

⁶ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 186–187.

⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1983. С. 513. (Далее: Советско-английские отношения...)

⁸ Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. / Пер. с англ. — М., 2014. С. 394–400. См. также: Churchill: the Power of Words. His remarkable life recounted through his writings and speeches. 200 readings selected, edited and introduced by Martin Gilbert. London, 2012. P. 284–287.

⁹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. — М., 2004. С. 14.

¹⁰ Майский И. М. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Дженкинс Р. Франклин Делано Рузвельт / Пер. с англ. — М., 2013. С. 203.

¹² Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. — М. 2004. С. 132–135.

¹³ Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. Т. XXIV. — М., 2000. С. 103. (Далее: Документы внешней политики. Т. XXIV.)

¹⁴ Дженкинс Р. Франклин Делано Рузвельт / Пер. с англ. — М., 2013. С. 224.

¹⁵ Майский И. М. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Мальков В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. — М., 2004. С. 358–359.

¹⁷ Майский И. М. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁸ Hastings Max. All Hell Let Loose. The World at War 1939–1945. London, 2011. P. 181.

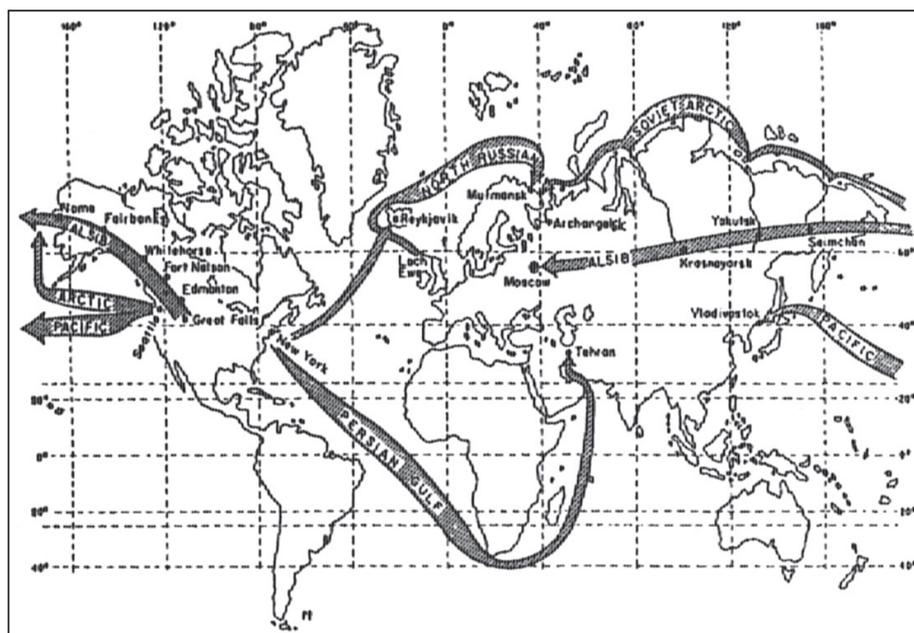
- ¹⁹ Майский И. М. Указ. соч. Примечания и комментарии. С. 342.
- ²⁰ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 49, 51.
- ²¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 92–99; Павлов М. Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. — М., 2010. С. 164–165.
- ²² Харламов Н. М. Трудная миссия. — М. 1983. С. 35.
- ²³ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 48–51.
- ²⁴ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 69.
- ²⁵ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 82.
- ²⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1984. С. 482. (Далее: Советско-американские отношения...)
- ²⁷ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 99–100.
- ²⁸ Куманев Г. А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 509.
- ²⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1976. С. 22, 26, 28. (Далее: Переписка...)
- ³⁰ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 106.
- ³¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 109.
- ³² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 230.
- ³³ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 114–115.
- ³⁴ Закон о ленд-лизе (от англ. lend — давать займы и lease — сдавать в аренду, внаём) от 11 марта 1941 года давал президенту США право предоставлять «займы или в аренду» любые материалы, услуги и информацию тем странам, оборона которых рассматривалась как жизненно важная для обороны Соединенных Штатов. Все, что было уничтожено, утрачено или использовано во время войны, оплате не подлежало. За остальное предполагалось произвести расчет после войны.
- ³⁵ Переписка... Т. 1. С. 31.
- ³⁶ Батлер Д., Гуайер Д. Большая стратегия. Июль 1941 — август 1942. М., 1967. С. 125.
- ³⁷ Куманев Г. А. Указ. соч. С. 510.
- ³⁸ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 225.
- ³⁹ Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 134–135.
- ⁴⁰ Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. — Oklahoma, 1969. P. 37.
- ⁴¹ Цит. по: Краснов В. Н., Краснов И. В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. — М., 2008. С. 27.
- ⁴² Советско-американские отношения... Т. 1. С. 59.
- ⁴³ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 83–85.
- ⁴⁴ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 85–97.
- ⁴⁵ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 341–348.
- ⁴⁶ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 339–341.
- ⁴⁷ Переписка... Т. 2. С. 9–10.
- ⁴⁸ Переписка... Т. 1. С. 43.
- ⁴⁹ Сафронов В. П. Война на Тихом океане. — М., 2007. С. 252–254.
- ⁵⁰ Там же. С. 254–256.
- ⁵¹ До 1935 года Иран официально назывался Персией.
- ⁵² Переписка... Т. 1. С. 40.
- ⁵³ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 14, 48, 61, 86–87, 116, 122–123, 132, 226–231 и др.
- ⁵⁴ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 246.
- ⁵⁵ Переписка... Т. 1. С. 27, 29.
- ⁵⁶ Переписка... Т. 1. С. 27, 31, 33–34.
- ⁵⁷ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 546–551.
- ⁵⁸ Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад: Тайная дипломатия Великих держав / Пер. с англ. — М., 2012. С. 181.
- ⁵⁹ Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953 / Пер. с англ. — М., 2014. С. 228.

Дорогами ленд-лиза

С. М. Монин*

В годы Великой Отечественной войны одной из важнейших форм взаимодействия СССР с его союзниками по антигитлеровской коалиции были военно-экономические связи. С осени 1941 года США и Великобри-

тания предоставляли Советскому Союзу помощь по ленд-лизу. После Московской конференции определились сроки, объемы, номенклатура поставок. Путей транспортировки военных грузов было несколько.

Источник: А. Паперно. Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998

Основные маршруты поставок в СССР грузов по ленд-лизу¹

Маршруты	Тоннаж, тыс. т	%
Тихоокеанский	8 244	47,1
Трансиранский	4 160	23,8
Арктические конвои	3 964	22,6
Черное море	681	3,9
Авиатрасса Аляска — Сибирь	452	2,6
Всего	17 501	100,0

* Монин Сергей Михайлович — к. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Динамику поставок по направлениям можно проследить по следующей таблице.

Отгрузка по ленд-лизу из США и Канады в СССР (тыс. тонн)²

Протоколы	Всего	Маршруты				
		Арктические конвои	Тихоокеанский	Транс-иранский	Авиатрасса Аляска-Сибирь	Черное море
Первый	1578	993	245	307	33	—
Второй	2915	345	1517	976	67	—
Третий	5774	883	2500	2270	91	—
Четвертый	6437	1715	3356	614	106	646
С 01.07.45 по 15.09.45	674	—	552	—	103	20

Тихоокеанский маршрут

По тихоокеанскому пути прошла почти половина грузов по ленд-лизу (47,1%)³. Этот маршрут имел свои особенности, обусловленные прежде всего географией и военно-политической ситуацией в регионе.

До декабря 1941 года на Дальнем Востоке было относительно спокойно, и американские суда могли заходить в советские порты. Тем не менее Япония уже тогда по дипломатическим каналам проявляла свою обеспокоенность: Какие стратегические товары везете? Нет ли таких, которые США не продают Японии? Не нарушают ли эти перевозки обязательств Японии по Тройственному пакту с Германией и Италией? Не попадет ли что-нибудь из американской продукции в Китай, с которым воюет Япония? Токио особенно будет интересоваться, не собирается ли Советский Союз предоставить США военные базы в Приморье и на Камчатке, чтобы замкнуть с севера «кольцо окружения» Страны восходящего солнца.

В дальнейшем, вплоть до конца войны, Япония очень ревниво следила за транспортировкой стратегических грузов на советский Дальний Восток. Приходилось терпеть то, что советские суда много раз подвергались досмотру и задержке со стороны японцев. Такая участь постигла 178 советских судов, причем некоторые из них удерживались месяцами. 8 судов были потоплены японцами. Неоднократно имели место случаи гибели транспортов при невыясненных обстоятельствах.

После нападения Японии на США 7 декабря 1941 года и начала полномасштабной войны на Тихом океане ситуация с перевозками грузов в СССР намного осложнилась. Теперь этим могли заниматься только транспорты под советским флагом с советскими экипажами. Обычно они шли поодиночке без какого-либо сопровождения (так называемые «капельные рейсы»). За 18–20 суток суда с западного побережья США добирались до дальневосточных портов СССР.

Геостратегическое положение СССР на Тихом океане до 1945 года было крайне невыгодным. Все проливы, ведущие к портам советского Приморья, контролировались Японией, которой тогда принадлежали южный Сахалин и все Курильские острова. Расположенный как раз «напротив» Владивостока незамерзающий пролив Цугару (Сангарский) между японскими островами Хоккайдо и Хонсю во время войны был закрыт японцами для прохода советских судов. Попасть в порты Приморья через другой незамерзающий пролив — Корейский (Цусимский) — можно было, лишь обогнув с юга Японские острова, где в прилегающих акваториях со временем развернутся военные действия. Первый Курильский пролив между островом Шумшу и Камчаткой мало того, что зимой покрывался льдом, но еще считался опасным из-за течений, рифов и отмелей. В проливе Лаперуза между Сахалином и Хоккайдо, который зимой забивается дрейфующим с севера льдом и к тому же «славится» сильными течениями, японцы выставили минные поля, оставив по краям двухмильные проходы. Мелководный Татарский пролив между Сахалином и материком, равно как и еще более мелкий Амурский лиман, а также северная часть Охотского моря могли быть по пол-года покрыты льдом. Вдобавок на подходах к главным советским портам Тихоокеанский флот выставил свои минные поля и заграждения. Столь сложные условия для судовождения потребовали создания военно-лоцманской службы.

Если ледовая обстановка, мелководье или транспортные заторы не позволяли крупнотоннажным судам дойти до нужного порта, они могли разгрузиться в какой-то промежуточной точке и опять уйти в США за новой партией ленд-лизовских материалов. Или разгрузиться лишь частично, чтобы с меньшей осадкой подняться вверх по Амуру до Николаевска, Комсомольска или даже Хабаровска.

Чаще всего в качестве перевалочной базы использовался Петропавловск-Камчатский, расположенный на берегу огромной Авачинской бухты.

В летний сезон небольшими судами импортную продукцию доставляли туда, где ее можно было перегрузить на железную дорогу. Чтобы Петропавловск мог выполнить столь масштабную работу, в его гавани было развернуто крупное строительство. До войны там был лишь один простенький деревянный причал для рыболовецких судов с грузооборотом лишь в 20–30 тыс. тонн в год. В 1943 году действовали два деревянных причала торгового порта, а в конце войны стоял капитальный механизированный морской торговый порт, через который за военные годы прошло, по некоторым подсчетам, 2,6 млн тонн грузов⁴.

Но основной поток поставок из США пришелся на порт Владивосток. С начала войны до 1 сентября 1941 года туда было доставлено более 151 тыс. тонн грузов. К такому наплыву порт не был готов, и вскоре там образовался первый большой затор. Американцы очень быстро заметили возникновение проблем в порту разгрузки. Советским дипломатам пришлось отвечать на вопросы, как они говорили, о «мифической «транспортной пробке» и заверять, что «американские оборонные грузы пойдут из Владивостока на фронт по истине пассажирской скоростью»⁵.

Хотелось бы, чтобы было именно так. Но в реальной жизни трудности разного рода, задержка с поставками, «пробки» и заторы при транспортировке серьезно осложняли поставки по тихоокеанскому маршруту. Например, за время действия Вашингтонского протокола с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года по этому маршруту в СССР было завезено только 1548 тыс. тонн грузов — вдвое меньше запланированного⁶. Для решения проблем иногда требовалось вмешательство Совнаркома СССР или даже Государственного комитета обороны (ГКО).

Во Владивостоке были развернуты работы по наращиванию возможностей порта и железной дороги, в том числе с использованием ленд-лизовой техники (портовое оборудование, различные краны, железнодорожный состав и т.д.). На подмогу прибыли опытные портовые специалисты из Европейской части страны. Для расшивки затонов была подготовлена специальная перевалочная база на станции Перелетная в 120 км от города. Позднее, в 1944 году, Владивостокскому порту были переданы близлежащие нефтяные терминалы, которые после реконструкции напрямую обеспечивали перекачку с танкеров в цистерны нефтепродуктов, различных масел, технического спирта.

Всего за годы войны порт Владивостока, перегружавший как отечественные, так и импортные материалы, отправил почти 400 тыс. вагонов и платформ, более 10 млн тонн грузов (в том числе 7,9 млн импортных), обработал 32 тыс. судов. Та-

ким образом, главный дальневосточный порт переработал в 1941–1945 годах почти в 4 раза больше импортных грузов, чем Мурманск, и почти в 5 раз больше, чем Архангельск и другие беломорские порты⁷.

Помимо Владивостока и Петропавловска-Камчатского ленд-лизовские поставки принимали — но в гораздо меньшем объеме — Находка, Советская Гавань, Магадан (Нагаево), Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск.

Руководил организацией тихоокеанского маршрута ленд-лизовских поставок начальник Дальневосточного государственного морского пароходства (ДВГМП) А. А. Афанасьев.

Свои проблемы имели место в портах Западного побережья США, которые были загружены перевозками, предназначенными для нужд американских армии и флота на Тихоокеанском театре военных действий.

Советскому Союзу остро не хватало тоннажа. ДВГМП в начале войны располагало 85 судами, еще несколько было у других ведомств. В 1942–1943 годах с севера на Дальний Восток были переведены некоторые старые советские транспорты, которые из-за своей малой скорости уже не могли ходить в полярных конвоях.

Проблема тоннажа была в значительной степени решена за счет поставок из США по ленд-лизу 128 сухогрузов и танкеров. Часть это были отремонтированные старые суда. Но около 50 единиц было из числа новых сухогрузов типа «Либерти» и танкеров. Первый транспорт такого типа был передан советской стороне в январе 1943 года. Эти «либерти» сыграли неоценимую роль в обеспечении морских перевозок союзников. Примененная американцами новая технология постройки торговых судов (замена трудоёмной клёпки сборкой сварных секций) позволила перевести их строительство на поток. Каждый день в США спускалось на воду несколько новых судов. Всего было построено более 2 700 единиц общим водоизмещением 19 млн. тонн. На стандартное судно можно было погрузить 2840 джипов, или 525 броневых автомобилей М8, или 440 легких или 260 средних танков, или 651 000 76-мм или 300 000 105-мм снарядов. Такие суда ходили также в арктических конвоях и в Персидский залив с ленд-лизовскими грузами для СССР.

Из США для советского флота были получены также ледоколы, морские буксиры, а в 1945 году на Миссисипи были построены 15 буксиров ледокольного класса типа река-море, которые советские моряки перегнали из Нового Орлеана через Панамский канал к устьям сибирских рек⁸.

Позиция Японии во многом обусловила то, что через Тихий океан СССР получал прежде всего продовольствие, горючее, машины, оборудование,

транспортные средства, предметы потребления. Это, кстати, позволяло Советскому правительству не вести все необходимое из европейской части на Дальний Восток. Оружие (за исключением того, что предназначалось советским вооруженным силам на Дальнем Востоке) предпочитали доставлять другими маршрутами.

Особенно интенсивным поток грузов из США стал после того, как Советский Союз к нескрываемому удовлетворению Вашингтона выразил готовность вступить в войну против Японии. Советская сторона передала американцам список необходимого ей оружия, боевой техники, боеприпасов и другой продукции. Появилась специальная программа, в которой отдельно были выделены поставки, необходимые для подготовки советского Тихоокеанского флота к войне с Японией. Предполагалась передача кораблей, самолетов, портового оборудования, радиоэлектронной аппаратуры. На американской базе Колд Бей на Аляске происходила передача советской стороне кораблей и подготовка советских экипажей, в том числе в таких сложных по тем временам сферах как радиолокация и гидроакустика. О масштабах этой работы говорят такие цифры: советский флот получил 149 кораблей разных классов, а подготовку прошли около 12 тысяч моряков, в том числе 750 офицеров⁹.

Грузы, отправленные по ленд-лизу по тихоокеанскому маршруту из США и Канады с 22 июня 1941 года по 20 сентября 1945 года¹⁰

Годы	Количество по всем маршрутам (тыс. тонн)	Количество по тихоокеанскому маршруту (тыс. тонн)	Грузы по тихоокеанскому маршруту в % к поставкам по всем маршрутам
1941	360,8	193,3	53,6
1942	2453	734	29,9
1943	4795	2389	49,8
1944	6218	2848	45,8
1945	3674	2080	56,6
Всего	17500	8244	47,1

Авиатрасса Аляска-Сибирь (АлСиб)

Рядом с Тихоокеанским морским маршрутом проходил воздушный путь, связавший два союзных государства и получивший название трассы Аляска-Сибирь (АлСиб)¹¹.

9 октября 1941 года ГКО принял решение об организации воздушной перегонки самолетов

из США в СССР. Из нескольких вариантов был выбран маршрут от города Фэрбэнкса на Аляске через Берингов пролив, центральные районы Чукотки, Колымы и Якутии до Красноярска протяженностью порядка 6,5 тыс. км (из них по территории СССР — 5 тыс. км). Всего же от заводской площадки где-то в США до советского фронтального или флотского аэродрома получалось около 14 тыс. км.

С осени 1941 года в авральном режиме силами заключённых и местных жителей развернулись подготовительные работы. Было реконструировано и построено 17 базовых, промежуточных и запасных аэродромов. В США и Канаде было построено 15 аэродромов. Сооружались узлы связи и радионавигации, метеостанции, авиационные мастерские.

Движение по воздушной трассе Аляска-Сибирь было открыто 6 октября 1942 года, когда из Фэрбэнкса вылетела первая группа из 12 бомбардировщиков «Бостон». За ней последовали другие. Организовано все было следующим образом. Американские лётчики пригоняли самолёты с заводских аэродромов в город Грейт Фолс в штате Монтана. Оттуда летели через Канаду до Фэрбэнкса на Аляске. Эту часть трассы длиной более 3,5 тыс. км называли АлКан (Аляска — Канада). Неподалёку от Фэрбэнкса на авиабазе Ленд Филд располагались советская военная миссия по приёмке самолётов, а также лётчики 1-го перегоночного полка. Они принимали самолёты и перелетали через Берингов пролив на Чукотку, на аэродром в Уэлькале, где им на смену приходили пилоты 2-го перегоночного полка. И таким «эстафетным» способом, сменяя друг друга, советские лётчики пяти авиаполков доводили самолёты до Красноярска. Далее боевые машины отправлялись или своим ходом или в разобранном виде по железной дороге в Европейскую часть СССР, а там разлетались по полевым аэродромам. Специально для АлСиба была сформирована 1-я перегоночная авиадивизия, состоявшая из пяти строевых и одного транспортного авиаполков. Первым начальником трассы и одновременно командиром дивизии был назначен И. П. Мазурук, известный полярный лётчик, Герой Советского Союза, участник экспедиции к Северному полюсу в 1937 году.

Для службы в дивизии отбирались самые опытные лётчики. Особенно ценились пилоты полярной и морской авиации. Это было обусловлено крайне сложными и тяжёлыми условиями, в которых приходилось действовать советским авиаторам. Полёты проходили в крайне сложных условиях: в дождь, снег, туман, в дыму от лесных пожаров, в жесточайшие морозы, при сильном ветре и низкой облачности. Самолёты с неотопляемыми кабинами пилотов обледеневали, маг-

нитные компасы оказывались ненадежны, точных карт не было. А под крылом самолёта — бескрайняя тундра, тайга и горы. Немудрено, что на советском участке перегонной трассы был потерян 81 самолёт (по другим данным — 44), погибло 115 советских лётчиков. На американском участке погибло 68 самолетов.

Темпы перегонки самолетов по АлСибу нарастали: 1942 год — 114 шт., 1943 год — 2465 шт., 1944 год — 3029 шт., до сентября 1945 года — 2300 шт. Всего за годы войны из США до Красноярска добралось 7908 самолетов. Среди них было 2616 истребителей П-39 «Аэрокобра», 2396 истребителей П-63 «Кинг-кобра», 1355 бомбардировщиков А-20 «Бостон», 729 бомбардировщиков Б-25 «Митчелл». Кроме того, транспортные самолёты перевозили особо ценные грузы и дипломатическую почту. Летали по этой трассе высокопоставленные государственные деятели, дипломаты и чиновники, в том числе вице-президент США Г. Уоллес, советские послы в Вашингтоне М. М. Литвинов и А. А. Громыко.

Маршрут через советскую Арктику

С Тихоокеанским маршрутом был сопряжен путь через советскую Арктику. Суда с американскими (и каботажными) грузами собирались в бухте Провидения (Чукотка) и в сопровождении ледоколов шли из Тихого океана через Берингов пролив в Арктику и далее Северным морским путем (СМП) в Архангельск и Мурманск. В устьях крупных сибирских рек разгружались те материалы, которые предназначались для обслуживания самого СМП, АлСиб или, например, для Норильского горно-металлургического комбината.

Западная часть этого маршрута, включая Карское море, находилась в зоне действия кригсмарине. В июле — августе 1942 года в этом море немцы провели крупную операцию «Вундерланд» с участием тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер» и подлодок, намереваясь прервать судоходство по СМП. Как раз в это время, по их расчетам, туда подходили с востока и запада два каравана торговых судов. Вместе с одним из них шли лидер и два эсминца, которые передислоцировались с Тихоокеанского флота на Северный. Но на пути крейсера оказался ледокольный пароход «Сибиряков». Советский экипаж не имел никаких шансов против крупного боевого корабля, но принял бой и, прежде чем погибнуть, успел передать в открытый эфир сообщение о немецком рейдере. «Адмирал Шеер» был, таким образом, расквечен. Когда он через сутки подошёл к Диксону, одному из главных портов на трассе СМП, его встретили огнём. В итоге крейсеру несолоно хлебавши пришлось убраться восвояси. Однако его рейд показал, насколько слабо защищены советские коммуникации в этой акватории¹².

В 1943 году гитлеровцы вновь активизировались в западном секторе СМП. Их подводные лодки использовали тайные радиостанции на берегах Карского моря и даже имели там пункты отстоя. По соображениям безопасности осенью этого года 15 шедших на запад груженных судов были даже оставлены на зимовку в порту Диксон вместо того, чтобы идти в пункты назначения. В 1944 году морская война на Крайнем Севере продолжалась. Беломорская флотилия, отвечавшая за безопасность в Белом, Печорском и Карском морях, была усилена современными тральщиками, большими охотниками за подводными лодками и гидросамолетами типа «Каталина», поступившими из США. Но угроза советским судам от вражеских мин и торпед сохранялась. Лишь следующая навигация проходила уже в мирной обстановке. 5 июня 1945 года система конвоев в советском секторе Арктики была отменена.

«Персидский коридор»

Этот маршрут назывался также «южный» или «трансиранский»¹³. Сама география подсказывала, что через Иран и Каспий можно было, как выразился один иранский дипломат, организовать «безопасный черный ход» для поставок в Россию¹⁴. Для этих целей очень подходила Трансиранская железная дорога, конечные пункты которой находились на берегах Каспийского моря и Персидского залива. По сравнению с арктическим маршрутом здесь всю войну было относительно спокойно. Но большим минусом было то, что суда с восточного побережья США вокруг Африки до портов Персидского залива шли около 75 дней. Плюс требовалось время для транспортировки грузов по территории Ирана.

Англичане и русские стали обсуждать варианты использования транспортных возможностей Ирана для транзита военных грузов в СССР буквально с первого дня Великой Отечественной войны. Другой заботой союзников была необходимость нейтрализации германской «пятой колонны» в этой стране. Два столь важных вопроса создали прочную общую основу для действий СССР и Великобритании, хотя при этом каждая из сторон не забывала и о других своих интересах в регионе.

Решением проблемы для СССР и Великобритании стал ввод войск этих двух стран в Иран, начавшийся 25 августа 1941 года (операция «Согласие»)¹⁵.

Однако сразу организовать масштабные поставки в Советский Союз через иранскую территорию было невозможно. Это не позволяла сделать слабая транспортная инфраструктура страны. В августе 1941 года по этому маршруту можно было перебрасывать всего 10 тыс. тонн грузов в ме-

сяц. Трансиранская железная дорога, соединявшая каспийский порт Торкман с городом Шахпур (совр. Бендер-Хомейни) на берегу Персидского залива, была введена в строй в 1939 году, но для новых задач требовалась ее реконструкция. Она пропускала не более двух поездов в сутки в каждом направлении и не была приспособлена для прохождения больших тяжеловесных грузовых составов. Почти на всем протяжении трасса была однопутной, с множеством мостов и тоннелей, так как проходила на местности со сложным горным рельефом. Имелось очень мало паровозов и лишь несколько сотен товарных вагонов.

Необходимо было капитально отремонтировать имеющиеся и построить новые шоссейные дороги и обзавестись парком грузовых автомобилей, который фактически отсутствовал. Надо было приспособить порты в Персидском заливе и на Каспии для переработки больших грузопотоков. А еще возвести склады и мастерские, жилье для военного и гражданского персонала и т.д. Наконец, связать воедино все элементы транспортной инфраструктуры Ирана и соседнего Ирака и наладить ее четкое, бесперебойное функционирование.

За решение этих сложнейших задач поначалу взялись англичане. У. Черчилль в своих посланиях И.В.Сталину постоянно подчёркивал, какие усилия предпринимала его страна в этом плане. С Британских островов и из Индии в Иран были направлены паровозы, подвижной состав, различное железнодорожное оборудование с таким расчетом, чтобы пропускная способность Трансиранской магистрали к весне 1942 года увеличилась с 2 до 12 поездов в сутки в каждую сторону. К строительству автомобильных дорог предполагалось привлечь американцев «с их энергией и организационными способностями». В Басре (Ирак) устраивался крупный «базисный склад» и хорошо оборудованный порт для приема грузов из США, которые, как считал У. Черчилль, «таким путем наверняка достигнут районов Каспийского моря и Волги»¹⁶.

Для налаживания поставок через Иран в Советский Союз Лондон сделал немало. Но всё же ему явно не хватало людских и материальных ресурсов, тем более, что их приходилось распределять по всему Ближнему Востоку. Порты Басры и Абадана, наиболее подготовленные к приему большого количества грузов, англичане использовали прежде всего для снабжения своих войск, а также для вывоза нефти.

Особенно остро необходимость резкого наращивания поставок по «персидскому коридору» стала ощущаться летом 1942 года, когда прекратилась отправка арктических конвоев, перегон самолётов по трассе Аляска-Сибирь еще не начался, и в

целом союзники запаздывали с обещанными объемами. На это обстоятельство обратил внимание И.В. Сталин на состоявшейся 23 сентября 1942 года встрече с личным представителем президента США, кандидатом от республиканской партии на президентских выборах 1940 года У. Уилки. Советский руководитель констатировал, что программа поставок вооружения, принятая на себя Америкой, «по югу через Персидский залив... выполняется за последние два месяца на 40–50%, по северу — на 15–20%, а нам сейчас помощь очень необходима». Причем в эту цифру были включены потери от потопления судов¹⁷.

Англосаксы сами почувствовали необходимость форсировать работы в зоне Персидского залива для резкого увеличения поставок в СССР. Начальник Управления по осуществлению закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус признавал, что «мы затратили много сил, чтобы наладить более безопасный путь через Персидский залив и Иран, но только с осени 1942-го удалось организовать этим путем действительно значительные поставки»¹⁸.

Произошло это после того, как в октябре 1942 года ответственность за функционирование «персидского коридора» взяли на себя Соединённые Штаты. До этого они уже участвовали в налаживании поставок: в ноябре 1941 года из США в Иран отправилось первое судно с товарами для СССР, а в марте 1942 года туда же своим ходом стали перелетать военные самолеты. В этот регион прибыли первые американские технические специалисты, стали завозить необходимое транспортное оборудование¹⁹.

Но теперь, возглавив весь проект, американцы еще энергичнее взялись за работу. Они обладали гораздо большими ресурсами и возможностями, чем англичане. Руководила всей деятельностью специально созданная Команда обслуживания Персидского залива (Persian Gulf Service Command) со штаб-квартирой в Басре. Численность американских военных и специалистов в Иране в конце войны достигла 30 тыс. человек²⁰.

В результате предпринятых усилий к октябрю 1942 года объем поставок вырос до 30 тыс. тонн грузов, а к маю 1943 года — до 100 тыс. тонн в месяц. В 1943 году, когда большую часть года арктические конвои не ходили, доля трансиранского коридора поднялась в общем объеме поставок до наивысшего за всю войну показателя — 33,5%.

Задачи, аналогичные тем, что стояли перед западными союзниками, советская сторона решала в находившейся под ее контролем северной части Ирана. Там тоже пришлось переделывать, расширять, а то и просто создавать на пустом месте буквально все. Равно как и готовиться к приему поставок по ленд-лизу непосредственно на тер-

ритории СССР (например, модернизировать свои порты на Каспии).

Формально все грузопотоки в северной зоне находились в ведении советского транспортного управления наркомата обороны. Но фактически ими руководил уполномоченный наркомата внешней торговли. Большую часть войны эту должность занимал генерал-майор Л.И. Зорин. В Москве курировал эту крупномасштабную инженерно-техническую и транспортную операцию член ГКО, нарком внешней торговли А.И. Микоян. Действовало также объединение «Ирансовтранс»²¹.

Пройдя через земли Ирана, ленд-лизские грузы поступали в советское Закавказье или в Среднюю Азию. Значительная часть доставлялась на советскую территорию морским путем по Каспию. Но пока немцев не изгнали с Северного Кавказа, корабли Каспийской военной флотилии и грузовые суда подвергались постоянным атакам люфтваффе, прежде всего в районе Астрахани.

Большой эффект в плане облегчения и ускорения поставок транспортных средств в СССР, принесло то, что американцы построили в Иране несколько автосборочных предприятий. Они работали под управлением General Motors Overseas Corporation. Так, в Андимешке находился завод ТАР — I (Truck Assembly Plant); в Хорремшехре — ТАР — II. Собранные на этих заводах автомашины (в основном это были грузовики «студебекеры») своим ходом шли к советской границе и далее на Баку, Орджоникидзе (совр. Владикавказ) и Ашхабад. Всего было отправлено более 184 тыс. автомобилей. Перегонка автомобилей (как правило, с полным кузовом грузов) осуществлялась по узким, извилистым горным дорогам, через знойные пустыни с пыльными бурями, в жару и непогоду.

Американцы возвели также авиасборочные предприятия, например, в Абадане. Туда морем привозили самолеты в разукomплектованном виде. Собранные самолеты с опытными советскими экипажами из специальных перегонных полков перелетали в Тегеран и на советскую территорию в Кировобад (совр. Гянджа). В Азербайджанской ССР были оборудованы аэродромы и налажена подготовка советских летчиков и инженерно-технического состава к эксплуатации поступавшей по ленд-лизу авиационной техники. До 30 июня 1944 года было собрано 3925 самолетов. За следующий год (до 1 июля 1945 года) этим маршрутом было перегнано всего 482 самолета²².

Через Персидский залив и Иран в Советский Союз проходило одно из ответвлений трансафриканского воздушного маршрута, который активно использовался союзниками для переброски авиации из США через Атлантику на театры военных действий в Старом свете²³. Первоначально бом-

бардировщики и транспортные самолеты, поднимались с аэродромов на территории Соединенных Штатов, перегонялись через Северную Атлантику на Британские острова и в Средиземноморье своим ходом, чтобы не занимать место на грузовых судах и экономить время.

Зимой, однако, пользоваться этим путем было очень затруднительно, а то и невозможно. Поэтому был налажен маршрут через Южную Атлантику. Американцы вслед за англичанами стали летать из США с промежуточной посадкой на британских базах в Вест-Индии или на аэродромах северо-востока Бразилии (Белем, Натал). Затем путь шёл через Атлантику до английских (с конца 1942 года и французских) владений в Западной Африке, оттуда в Хартум и далее в Каир и по всему Ближнему Востоку. Истребители везли в разобранном виде на судах и собирали на заводе в Такоради (Золотой берег/совр. Гана), откуда они шли над Африкой своим ходом. Этот путь через Южную Атлантику и Черный континент и получил название «трансфриканского». Он был продлен до Ирана (оттуда его продолжение шло в СССР), а также в Индию и на Дальний Восток.

На маршруте американцы развернули всю необходимую инфраструктуру: наладили навигацию, радиосвязь и метеослужбу, построили взлетно-посадочные полосы с твердым покрытием, ангары, ремонтные и сборочные заводы и др. В июле 1942 года была открыта авиабаза на принадлежавшем Великобритании острове Вознесения, расположенном примерно посередине между Бразилией и Западной Африкой. Теперь летать через Южную Атлантику могли не только 4-моторные, но и 2-моторные самолеты. Этот воздушный мост стал еще более привлекательным для союзников, когда под конец войны им удалось добиться от Португалии согласия на использование ими Азорских островов. Там появились военная база, формально британская, но с американским присутствием (по настоянию диктатора Португалии А. Салазара, опасавшегося реакции немцев, договоренность оформлялась под ширмой давнишнего англо-португальского союзного договора).

Работа в портах, на железных и шоссейных дорогах, на авто- и авиасборочных предприятиях требовала максимальной отдачи, слаженности и взаимопонимания от русских, американцев, англичан, иранцев. Трудиться приходилось в очень тяжелых условиях. Рабочая смена зачастую длилась с 3–4 часов до 11 часов утра. Позднее металл раскалялся настолько, что можно было получить ожоги. Как отмечал Э. Стеттиниус, «американские солдаты и офицеры постоянно общались с советскими военными на авиационных сборочных за-

водах, а также в Тегеране и транзитных пунктах на севере Ирана. Они очень хорошо сработались, и между службами обеих стран развилось дружеское соперничество: американские военные стараются опередить советских, привозят на транзитные пункты товары раньше, чем русские успевают их оттуда забрать»²⁴.

Маршруты движения надо было охранять не только от бандитов и воров, но и от мятежных племён, которые не подчинялись центральному правительству, да к тому же могли быть подкуплены немецкими агентами. Тут требовалось уже не только присутствие регулярных войск, но и усилия спецслужб. Для борьбы с еще сохранявшейся гитлеровской агентурой и обеспечения безопасности ленд-лизовских поставок, а также для наблюдения за деятельностью англичан и американцев Главное разведывательное управление в 1942 году направило в Иран девять офицеров, которые должны были действовать под прикрытием организации «Совтрансавто». В 1942–1943 годах разведотделы штабов Закавказского фронта и Среднеазиатского военного округа послали в Иран 30 хорошо подготовленных военных разведчиков²⁵.

По мере изменения стратегической обстановки на фронтах Второй мировой войны и приближением победы над гитлеровской Германией поставки по «персидскому коридору» со второй половины 1944 года стали сворачиваться. В Басру в сентябре 1944 года пришло лишь одно судно с грузами для СССР. В Бендер-Шахпур в декабре того же года прибыли два последних транспорта. Для сборки автомобилей, которые поступали по начавшему функционировать черноморскому пути, были демонтированы и переданы Советскому Союзу предприятия из Андимешки и Хорремшехра. Последние ленд-лизовские самолеты, преодолевшие трансафриканский маршрут, перелетели из Ирана на север в феврале 1945 года. За весь победный 45-й было собрано и отправлено в Советский Союз всего пять самолетов²⁶.

Грузы, отправленные через Персидский залив с 22 июня 1941 года по 20 сентября 1945 года²⁷

Год	Количество тонн	% к общей поставке по ленд-лизу этого года
1941	13 502	3,7
1942	705 259	28,8
1943	1 606 979	33,5
1944	1 788 864	28,8
1945	44 513	1,2

Черное море

В первые годы Великой Отечественной войны из-за активных боевых действий на средиземноморском театре путь через Черное море практически не использовался. Важна была также позиция Турции. Так, в конце 1942 года турецкие власти разрешили доставить некоторые грузы для СССР по Черному морю. За последний квартал этого года советскими судами из турецкого Трабзона в Батуми было перевезено 3730 тонн «гуманитарной помощи» (продовольствие, мыло, кожа, палатки).

Ситуация изменилась после выхода Италии из войны и освобождения Северного Кавказа, Крыма и юга Украины. Теперь суда с грузами по ленд-лизу могли направляться не вокруг Африки в Персидский залив, а через Средиземное море в Черное. 20 февраля 1945 года в Одессу пришли первые 4 парохода из США. Они доставили грузы, предназначенные для восстановления народного хозяйства и снабжения населения²⁸.

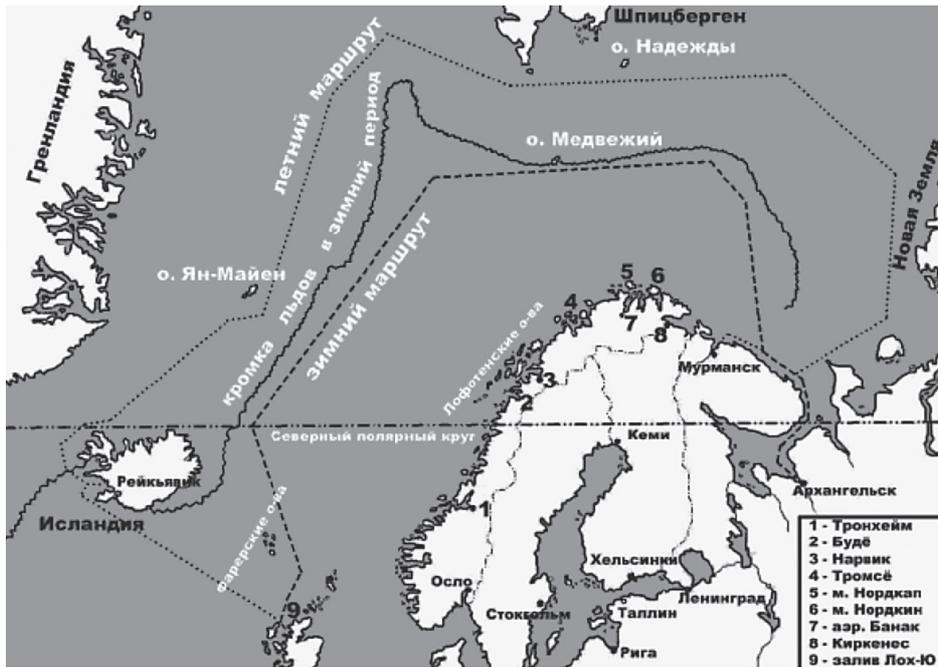
В конце войны этот маршрут становился наиболее перспективным, ибо позволял ближе всего доставлять необходимые материалы к фронту, к промышленным центрам Европейской части страны и на освобожденные территории, нуждавшиеся в срочной поддержке. Но за короткое время объем помощи по черноморскому направлению составил лишь несколько процентов.

Арктические конвои

Направлявшиеся в Мурманск и Архангельск конвои назывались «арктическими», «северными», «полярными», «мурманскими» или «союзными»²⁹. Из всех маршрутов, по которым в СССР шла помощь по ленд-лизу, широкой публике лучше всего известен, несомненно, именно этот путь. Произошло это благодаря СМИ, художественной литературе и кинематографу, а также активности самих участников конвоев. На деле этот маршрут оказался третьим по объему доставленных грузов (22,6%).

Этот путь был самым коротким, самым быстрым, но и самым опасным. Его ценность заключалась в том, что так было ближе и проще доставлять грузы в Европейскую часть СССР и непосредственно на фронт. Транспортная сеть на Севере была в большей степени готова к немедленному приему ленд-лизовских материалов по сравнению с другими маршрутами. Поэтому через северные моря везли особенно много оружия.

Маршруты, которыми следовали арктические конвои, проходили в сложных для плавания акваториях. Море постоянно штормило, налетали шквалистые ветры и снежные заряды, часто висели густые туманы. Зимой движению кораблей мешали льды, к тому же надводная часть судов очень быстро обледеневала, что нарушало их остойчивость. Полярная ночь скрывала караваны

Источник: http://www.e-reading-lib.org/illustrations/101/101646-i_028.png

от противника, но во время полярного дня спрятаться было невозможно.

Суда из портов восточного побережья США или Канады под конвоем союзных кораблей приходили в Великобританию или в Исландию, которая ещё с 1940 года была занята английскими, а затем американскими войсками. Чаще всего в шотландской бухте Лох-Ю, в Рейкьявике или в исландском заливе Хваль-фьорд из американских, британских и советских судов формировались уже собственно арктические конвои. С декабря 1942 года вместо Исландии конвои стали формироваться в Ливерпуле. Встречались транспорты (а в охране караванов — боевые корабли) под флагом Канады, Франции, Норвегии, Нидерландов, Дании, Польши, Панамы и других стран. Поначалу в караван включалось около десятка судов, а позднее их число доходило до 40–50. Иногда могли совершаться одиночные неохраняемые рейсы.

Основную роль в обеспечении проводки конвоев играло британское адмиралтейство. Оно тщательно планировало свои действия, благо опыта в этом деле было накоплено предостаточно ещё в Первую мировую войну и теперь в ходе битвы за Атлантику. Направлявшиеся в СССР конвои сначала получали кодовое обозначение PQ с соответствующим номером. PQ — это инициалы английского морского офицера Питера Квиллина Эдвардса (Peter Quelyn Edwards, P.Q. Edwards), который занимался в адмиралтействе этими операциями. На обратном пути конвой имел обозначение QP. С декабря 1942 года стали применяться буквенные литеры JW и RA с порядковым номером, начинавшимся с 51.

Караваны торговых судов сопровождались эскортом из боевых кораблей: крейсеров, эсминцев, тральщиков. Их предназначение — борьба с вражескими подводными лодками и авиацией. На случай появления крупных надводных сил кригсмарине на отдалении от конвоя шел отряд ближней завесы (ближнего прикрытия) обычно из крейсеров, а еще дальше — отряд дальнего оперативного прикрытия из тяжелых кораблей (линкоров, авианосцев, крейсеров). При пересечении меридиана 18° (позднее 20) в.д. конвои вступали в операционную зону советского Северного флота. Эскорт усиливался за счет советских кораблей (обычно 2–3 эсминца) и авиации.

Обычно летом караваны шли между кромкой льда и островом Медвежий, зимой — южнее этого острова, где оставалась свободной ото льда полоса шириной всего в 150 миль. В пути военные корабли и торговые суда соблюдали особый строй (ордер). Время от времени все участники похода совершали противолодочный маневр, по команде одновременно меняя курс. Средняя скорость движения поначалу была невелика (7–10 узлов). Позднее, когда американцы поставили на поток производство судов типа «Либерти», скорость караванов возросла.

Через 10–14 суток конвой подходил к советским водам. Теперь одни шли в Мурманск, а другие — в Архангельск и Молотовск (совр. Северодвинск). Разгрузившись, транспортные суда опять собирались в конвой для обратного пути. Многие из них везли из Советского Союза в США и Великобританию важное стратегическое сырье («обратный ленд-лиз»).

Среди северных портов главное преимущество Мурманска состояло в том, что он зимой не замерзал. Собственно говоря, город-порт и ведущая к нему железная дорога строились во время Первой мировой войны именно для приема поставок от западных союзников России³⁰. Однако серьезную опасность представляло то, что линия фронта проходила в нескольких десятках километрах от города, и вражеским самолетам, например, с аэродромов в норвежском Киркенесе и финском Петсамо, требовались всего лишь минуты, чтобы начать бомбардировку. Всю войну Мурманск был объектом ожесточенных налетов. Архангельску в этом смысле было несколько легче, хотя он тоже подвергался атакам люфтваффе. Но тут была другая проблема: Белое море на 6–7 месяцев замерзало, и движение было возможно только с помощью ледоколов.

Для приёма большого количества судов и переработки огромного количества грузов пришлось в спешном порядке коренным образом реконструировать северные порты: проводить дноуглубительные работы, строить причалы, склады, хранилища, прокладывать дороги и подъездные пути, монтировать грузовые краны и другое подъемно-транспортное оборудование. Большие усилия были предприняты также для увеличения пропускной способности железных дорог, связывавшим приморские города с фронтом и тыловыми районами. Когда южный участок Кировской железной дороги был перерезан противником, очень кстати пришлось только что построенная по берегу Белого моря ветка Обозерская-Беломорск, которая соединила Кировскую и Северную железные дороги и таким образом позволила сохранить связь с Мурманском по железной дороге. Эту ветку даже называли «второй дорогой жизни».

Руководство приемом грузов на Белом море и их отправкой дальше по назначению было возложено на знаменитого полярника, начальника Главсевморпути И. Д. Папанина, ставшего в октябре 1941 года уполномоченным ГКО по этим вопросам.

1 августа 1941 года в Архангельск пришел британский минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. Так было положено начало союзническим поставкам военных материалов в Советский Союз.

Первый английский конвой из 7 транспортов под кодовым названием «Дервиш» (иногда его обозначают как PQ-0) 12 августа вышел в море из Ливерпуля и, сделав остановку в Исландии, 21 августа оттуда направился в СССР. 31 августа союзные суда благополучно достигли Архангельска. До конца года в СССР прибыли еще шесть союзных конвоев и четыре отправились обратно. Лишь последний из них (PQ-6) встретил боевое проти-

водействие: его обстреляли немецкие эсминцы. Но все конвои добрались до цели без потерь.

Напав на СССР, Германия была настолько уверена в успехе своего «блицкрига», что не проявляла особой активности в северных морях. Но когда стало ясно, что война затягивается, ситуация изменилась. В начале 1942 года немцы сосредоточили на базах в Норвегии крупные надводные корабли во главе со своим самым мощным линкором «Тирпицем», десятки подводных лодок и сотни самолетов. Началась настоящая охота за союзными караванами.

7 января 1942 года случилась первая потеря — британский транспорт «Вазиристан» был потоплен немецким самолетом. Вскоре жертвой подводной лодки стал первый боевой корабль — эсминец «Матабеле». Затем в дело вступили тяжелые корабли. В марте на перехват союзного конвоя вышел линкор «Тирпиц» с эсминцами сопровождения, правда, особого успеха не добился.

Интенсивность боевых действий и потери сторон возрастали. Как отмечал Э. Стеттиниус, «6 из 31 корабля, отпавшего из США в Мурманск в марте, 18 из 62, отпавших в апреле, и 3 из 14, отпавших в мае, погибли в этих битвах. Четверть кораблей, отправленных за три месяца в Россию по этому пути, были потоплены немцами. Не менее тяжелыми были потери и англичан»³¹.

Британское адмиралтейство увеличило силы эскорта, но избежать потерь даже крупных боевых кораблей не удалось. Были потоплены крейсера «Тринидад» и «Эдинбург». Судьба последнего впоследствии вызывала особый общественный интерес, поскольку на его борту находилось примерно 5,5 тонн золота. Утверждается, что этот драгоценный металл Советское правительство отправило в Великобританию частично в оплату советских закупок сверх программы ленд-лиза, частично — в качестве сырья для золочения контактов телефонного, радио- и навигационного оборудования, которое затем должно было направляться в СССР³².

Наиболее известна печальная история конвоя PQ-17, со временем обросшая множеством версий и трактовок, но так и не проясненная до сих пор³³. Конвой, вышедший из Исландии 27 июня 1942 года, имел солидную защиту. Помимо непосредственного эскорта, его сопровождали отряд из 4-х крейсеров (ближняя завеса) и отряд из 2-х линкоров, авианосца и 2-х крейсеров (дальняя завеса). Тем не менее первый лорд адмиралтейства адмирал Д. Паунд, получив неподтвержденную (как потом выяснилось, преждевременную) информацию о выходе в море линкора «Тирпиц», 4 июля дал команду всем своим кораблям охранения уходить на запад, а торговым судам рассредоточиться и самостоятельно добираться до советских портов.

Почему появился такой, мягко говоря, странный приказ? Моряков флота «владычицы морей» едва ли можно заподозрить в малодушии. Что тогда? Поспешное, непродуманное решение? Какой-то слишком хитрый, но не оправдавшийся расчет? Конвой — приманка для «Тирпица»? В мае 1941 года чуть ли не весь британский флот метрополии гонялся за «Бисмарком» (линкором, однотипным с «Тирпицем»), пока не отправил его на морское дно. А теперь явное нежелание, неготовность (или что-то еще?) сразиться с немцами? Настолько опасались фашистских самолетов и подлодок? А каково было оставлять на погибель торговые суда, которые везли Красной армии столь необходимое ей оружие? Чего здесь больше: чисто военных соображений или политики?

«Тирпиц» с кораблями сопровождения вышел в открытое море только 5 июля, но, будучи почти сразу обнаружен советской подлодкой К-21 под командованием капитана 2-го ранга Н. А. Лунина (немцы перехватили ее радиограмму), не стал рисковать и на следующий день вернулся на свою стоянку в норвежских фьордах. Зато немецкие подлодки и самолеты с азартом принялись охотиться за союзными транспортами. Субмарины без всяких помех атаковали тихоходные, нагруженные до предела суда, добывая их при необходимости из орудий, чтобы не тратить дорогие торпеды. Всего за сутки после приказа Д. Паунда гитлеровцы потопили 12 судов, хотя за предыдущую неделю с лишним смогли уничтожить лишь три.

В итоге из 36 судов конвоя PQ-17 было потеряно 23, вернулись в Исландию 2, дошли до Мурманска и Архангельска 11. Доставлено было только 896 автомобилей из 3350, 164 танка из 430, 87 самолётов из 210, меньше 60 тыс. тонн других грузов из 160 тыс. тонн. При этом из 202 фашистских самолетов, участвовавших в атаках на конвой, было сбито всего пять.

Британский премьер У. Черчилль в пространном послании И. В. Сталину от 18 июля пытался как-то оправдаться за то, что произошло. Дескать, его военно-морские советники доложили ему, что, «если бы они располагали германскими надводными, подводными и воздушными силами при данных обстоятельствах, то они гарантировали бы полное уничтожение любого конвоя, направляющегося в Северную Россию» (особенно если его пустить без всякого охранения! — С. М.). «Поэтому, — продолжал У. Черчилль, — с очень большим сожалением мы пришли к заключению, что попытка направить следующий конвой P.Q.18 не принесла бы Вам пользы и нанесла бы только невозместимый ущерб общему делу». Взамен арктических конвоев британский премьер заявил о готовности увеличить поставки военных грузов

в СССР через Персидский залив. Этот демарш Лондона был сделан фактически одновременно с отказом от только что согласованной договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году.

Известна резкая реакция Москвы по этому поводу. И. В. Сталин в своем ответном послании от 23 июля заявил, что советская сторона считает доводы англичан о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР «несостоятельными», а приказ адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты — «непонятым и необъяснимым». Советский руководитель подчеркнул: «Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери». «Во всяком случае, — продолжал И. В. Сталин, — я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, ...в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем»³⁴. «Серьезное напряжение» на фронте, напомним, это уже ввсю развернувшаяся Сталинградская битва и битва за Кавказ.

После этого решительного протеста со стороны СССР PQ-18 в сентябре все же отправился в путь. На тот момент это был самый большой конвой из 40 судов. Его сопровождал значительно более сильный, чем раньше, эскорт, в составе которого впервые находился конвойный авианосец. Но все же 13 транспортов были потоплены. Подобные потери случались и у атлантических конвоев. Так, SC-94, направлявшийся в августе из Канады в Ливерпуль, не досчитался 11 судов из 35³⁵. Тем не менее, ссылаясь на потери, на необходимость сосредоточить тоннаж для десантирования англо-американских войск в Северной Африке, Лондон отложил выход очередных караванов до наступления полярной ночи.

Тем временем Германия расширяла сферу своей активности в Арктике. Помимо Мурманска, массированным бомбардировкам стал подвергаться Архангельск. На Шпицбергене, Новой Земле и Земле Франца-Иосифа были устроены тайные метео- и радиостанции. Можно было только пожалеть, что Великобритания в 1940–1941 годах не взяла под свой контроль Шпицберген и остров Медвежий, подобно тому, как она поступила с Исландией, обеспечив таким образом надежное прикрытие для своих атлантических конвоев.

Британцы удовлетворились тем, что противодействовали попыткам немцев превратить эти пустынные арктические острова в свою базу.

1942 год стал апогеем успехов немцев в Арктике. Тогда они потопили 69 союзных транспортов из 85, которых им удалось уничтожить в этом районе за всю войну. Омрачил радужное настроение гитлеровцев только исход так называемого «новогоднего боя» в Баренцевом море. 31 декабря более слабые британские силы охраны отогнали от конвоя JW-51B два немецких тяжёлых крейсера с кораблями сопровождения.

Полярный конвой под новой аббревиатурой JW-51A отправился в декабре 1942 года, за ним до февраля — еще три. Но с марта по ноябрь 1943 года конвои снова не ходили. По сути повторилась ситуация предыдущего года. В послании от 30 марта У. Черчилль снова пишет И. В. Сталину о том, как он с президентом Ф. Рузвельтом «с величайшей неохотой пришли к выводу о невозможности обеспечить соответствующую защиту следующего конвоя в Россию и о том, что без такой защиты не имеется ни малейших шансов на то, что какие-либо из кораблей достигнут Вашей страны ввиду известных германских приготовлений для их уничтожения». Ну, а начиная с мая, «не будет возможным продолжать отправку конвоев северным маршрутом», поскольку все морские силы будут сосредоточены на Средиземном море (опять операции в Средиземноморье вместо обещанного второго фронта!). Снова заверения, что «мы делаем все возможное для увеличения потока снабжения южным путем» и туманные обещания о возобновлении арктических конвоев в начале сентября «при условии, если это позволит диспозиция основных германских кораблей и если обстановка в Северной Атлантике будет такой, что даст нам возможность обеспечить необходимые эскорты и силы прикрытия»³⁶.

В 1943 году поток военных грузов из США и Великобритании через «персидский коридор» в СССР действительно нарастал. Шли суда по тихоокеанскому маршруту. Налаживалась перегонка самолетов по трассе АлСиб. Но ведь и потребности Советского Союза, который вел тяжелейшую кровопролитную войну, оставались очень велики. В Москве ждали, когда же союзники по-настоящему, как там считали, разделят с ней бремя этой великой войны. В этот момент, накануне грядущих грандиозных сражений на советско-германском фронте, ангlosаксы повторно отказались открыть второй фронт и даже не пожелали рисковать своими кораблями, чтобы хотя бы поскорее доставить самым быстрым северным путем оружие и другие грузы для сражавшейся на суше фактически в одиночку Красной армии. И это при том, что в 1943 году союзники явно брали верх в битве

за Атлантику и их потери на море заметно уменьшились.

Ясно, что такие действия союзников не могли не вызвать в СССР решительного неприятия. Ответ И. В. Сталина, последовавший 2 апреля, был кратким и категоричным. «Я понимаю этот неожиданный акт, — писал он, — как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны США и Великобритании, так как путь через Великий океан ограничен тоннажем и мало надежен, а южный путь имеет небольшую пропускную способность, ввиду чего оба эти пути не могут компенсировать прекращения подвоза по северному пути. Понятно, что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»³⁷.

У. Черчиллю пришлось хотя бы для вида соглашаться. «Я признаю все то, что Вы сказали в Вашей телеграмме относительно конвоев. Я заверяю Вас, что сделаю все, что в моих силах, чтобы принять все возможные меры к улучшению положения. Я глубоко сознаю гигантское бремя, которое несут русские армии, а также их непревзойденный вклад в общее дело»³⁸.

Возобновившись в конце 1943 года, движение конвоев продолжалось до апреля 1944 года, затем очередной перерыв на полярный день и с августа уже без пауз до самой Победы. В 1944 году общая ситуация в ходе войны и состояние Советского Союза были таковы, что прекращение на несколько месяцев отправки конвоев уже не вызывало такой реакции, как раньше. Тем более, что были отлажены перевозки по другим маршрутам. Ленд-лизовские грузы полным потоком шли в Советский Союз.

Немцы же уступали свои позиции. Они теряли не только подлодки, но и тяжелые корабли. 26 декабря 1943 года в бою у мыса Нордкап (в самом северном сражении в истории) британский флот потопил немецкий «карманный» линкор «Шарнхорст», пытавшийся перехватить конвои JW-55B и RA-55A. Что касается линкора «Тирпиц», которого так опасались союзники, то он практически всю войну простоял в норвежских фьордах, лишь трижды сделав боевые выходы, пока не был потоплен английской авиацией в ноябре 1944 года.

Устранение угрозы со стороны надводных сил кригсмарине позволило по-новому организовать морские перевозки по северному маршруту. Конвои стали более многочисленными. Потребность в отрядах дальнего прикрытия с участием линкоров отпала, а наличие в эскорте авианосцев и крейсеров ПВО заметно укрепило противоздушную и противолодочную оборону.

Петсамо-Киркенесская операция Красной армии в октябре 1944 года лишила гитлеровцев важных баз и аэродромов на Севере. С другой

стороны, наступление англо-американских войск на Западном фронте заставило немцев перебросить в Норвегию много подлодок из портов Франции и Бельгии. Их субмарины изменили тактику: теперь они ждали суда союзников у входа в Кольский залив, а не патрулировали за островом Медвежий, как раньше. При выходе конвоя RA-66 из Мурманска 29 апреля 1945 года в последнем бою этой войны немецкая подлодка U-968 потопила британский фрегат «Гудалл». Сам конвой 1 мая был обнаружен самолетом-разведчиком и немцы начали было готовиться к воздушной атаке на него. Однако известие о падении Берлина сделало эти планы бессмысленными.

Последний конвой JW-67 отправился из Шотландии 12 мая 1945 года и прибыл в Кольский залив 20 мая. Через три дня оттуда же по обратному

маршруту вышел последний конвой под литерой RA-67, который пришел в пункт назначения 30 мая. На этом история арктических конвоев закончилась.

Хотя, начиная с 1943 года, потери союзников в Арктике были относительно невелики, маршрут в Архангельск и Мурманск оказался самым опасным из всех вариантов доставки в СССР военных грузов. На этом направлении, по американским данным, на судах всех стран потери грузов составили 7% от отправленных, тогда как на пути через Персидский залив — 4%. Несравненно меньшими были потери на Тихом океане. Но и там погибло 28 судов Дальневосточного морского пароходства: в 1941 году — 8, в 1942 году — 4, в 1943 году — 8, в 1944 году — 6, в 1945 году — 2 (последняя потеря случилась 13 июня 1945 года)³⁹.

Статистика полярных конвоев⁴⁰

	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Число конвоев, отправленных на север СССР	8	13	6	9	4	40
Число судов в конвоях	64	256	112	284	95	811
Число обратных конвоев	4	13	6	9	5	37
Число судов в обратных конвоях	49	188	93	249	136	715
Число судов, вернувшихся из-за ледовой обстановки или полученных повреждений	45	21	8	6	1	40
Число судов, потопленных подводными лодками	1	24	4	7	5	41
Число судов, потопленных авиацией	—	36	—	—	1	37
Число судов, потопленных военными кораблями	—	3	—	—	—	3
Число судов, потопленных авиацией, или подорвавшихся на минах после прибытия в Кольский залив						5
Число судов, затонувших во время штормов						1
Число судов, подорвавшихся на британских минных полях						5
Число судов, потопленных во время плавания вне конвоев						6

¹ Рыжков Н. И. Великая Отечественная: ленд-лиз. — М., 2012. С. 148.

² Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 149.

³ См: Паперно А. Х. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее // Отечественная история. 1997. №2. С. 107–127; Ее же. Ленд-лиз. Тихий океан. — М., 1998.

⁴ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 178–179.

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1984. С. 90, 93. (Далее: Советско-американские отношения...)

⁶ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 174.

⁷ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 177–178.

⁸ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 181–183.

⁹ Коршунов Ю. Л. Россия и США. Страницы морской истории. — М., 2008. С. 183–194.

¹⁰ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 174.

¹¹ См: Глазков В. Д. В небесах мы летали одних // Военно-исторический журнал. 2015. №1. С. 67–75, №2. С. 69–76; Почтарёв А. Н., Горбунова Л. И. Полярная авиация в России. 1914–1945 гг. Книга 1. — М., 2011. С. 519–543; Хорошилов Э. Е. До встречи на Эльбе была встреча на Аляске // Независимое военное обозрение. №9. 13–19 марта 2015 года.

¹² Вайнер Б. А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. — М., 1989. С. 160–187; Платонов А. В., Морозов М. Э. «Admiral Scheer» в Карском море // Гангут. 2010, №56. С. 81 — 99.

- ¹³ См.: Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г. Война. Юг. Перелом (лето 1941 — осень 1943 гг.). — Ростов н/Д. 2012; Мони́н С. М. Ленд-лиз шел через Иран // *Международная жизнь. История без купюр. Специальный выпуск.* 2012; Его же. «Немцы назначили адмирала... на Каспийское море». К вопросу об обеспечении ленд-лизовского транзита через Иран и Каспий в 1941–1942 гг. // В кн.: *Великая Победа.* Т. XI. — М., 2013. С. 193–213.
- ¹⁴ Цит. по: Оришев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011. С. 92.
- ¹⁵ См.: Голуб Ю. Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы // *Отечественная история.* 2004. № 4; Его же. Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе-сентябре 1941 г <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; Любин Д. М. Ввод Красной Армии в Иран летом-осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Дисс... канд. ист. наук. Саратов. 2005; Мони́н С. М. «Дело с Ираном действительно вышло неплохо...» // *Международная жизнь.* 2011, № 8; Оришев А. Б. В августе 1941-го; Ходеев Ф. П. Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // *Военно-исторический журнал.* 2011. № 9.
- ¹⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1976. С. 27, 31, 33–34. (Далее: *Переписка...*)
- ¹⁷ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 233.
- ¹⁸ Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. — М., 2000. С. 203. (Далее: *Загадки ленд-лиза...*)
- ¹⁹ Загадки ленд-лиза... С. 198, 208–216.
- ²⁰ Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы второй мировой войны. — Киров, 2011. С. 136–142; Coakley R. W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR // *Command Decisions.* — Washington, 2000. P. 225–255.
- ²¹ Зорин Л. И. Особое задание. — М., 1987; Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 189.
- ²² Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 192, 199.
- ²³ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. — М., 1995. С. 382–383, 473–475; Френкель М. Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. // *США: экономика, политика, идеология.* 1993, № 5. С. 42–50; Mawdsley E. World War II .A New History. — Cambridge, 2009. P. 248–283.
- ²⁴ Загадки ленд-лиза... С. 215.
- ²⁵ Лота В. И. Сорвать «Эдельвейс»: Советская военная разведка в битве за Кавказ (1942 — Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 1943). — М., 2010. С. 499, 503.
- ²⁶ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 192, 199, 200.
- ²⁷ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 195.
- ²⁸ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 212–213.
- ²⁹ См.: Арктические союзные конвои 1941 — 1945. Санкт-Петербург, 2000; Два конвоя: PQ-17 и PQ-18: Сб.: П. Лунд. PQ-17 — Конвой в ад. Дж. Брум. Конвою рассеяться! П. Смит. Победа в Арктике / Пер. с англ. — М., 2004; Корякин В. С. Война в Арктике. 1941–1945. М., 2013; Полярные конвои. — М., 2003; Полярные конвои в иллюстрациях и статистике. — СПб., 2005; Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Вып. 1–4. Архангельск. Москва. 1991–2000; Скофилд Б. Русские конвои. Поуп Д. Новогодний бой / Пер. с англ. — М., 2003; Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М. 1997; Хенриксен Х. Мурманские конвои. Военная драма в Арктике и ее участники / Пер. с норв. — Мурманск-Архангельск, 2008; Шофилд Б. Арктические конвои. Северные морские сражения во Второй мировой войне / Пер. с англ. — М., 2003.
- ³⁰ Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915 — 1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. — СПб., 2011.
- ³¹ Загадки ленд-лиза... С. 202.
- ³² В 1980-е гг. золото было поднято со дна и поделено между СССР, Великобританией и английской фирмой, проводившей подводные работы. См.: Шигин В. В. Загадки золотых конвоев. — М., 2009. С. 290–363.
- ³³ См., например, Блон Ж. Гибель союзного конвоя PQ-17 // *Новая и новейшая история.* 1993. № 3. С. 196 — 211; Ллевеллин-Джонс М. История конвоя PQ-17: попытка исторически объективной оценки // *Гангут.* 2011. № 63. С. 88–98.
- ³⁴ Переписка... Т. 1. С. 64–69.
- ³⁵ Портер Д. Кригсмарине. 1935–1945. Германский военный флот: факты и цифры. — Ростов н/Д, 2012. С. 88.
- ³⁶ Переписка... Т. 1. С. 132–133.
- ³⁷ Переписка... Т. 1. С. 134.
- ³⁸ Переписка... Т. 1. С. 135.
- ³⁹ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 184–185.
- ⁴⁰ Шофилд Б. Указ. соч. С. 283.

Подъем национально-освободительного движения на Арабском Востоке после Второй мировой войны

М. А. Сапронова*

Вторая мировая война стала важным этапом в истории арабских стран, она в той или иной степени втянула в свою орбиту большинство их территорий, создала во многих странах этого региона военно-политические предпосылки для дальнейшего сопротивления оккупации и колониализму. Тяготы военного времени и послевоенного восстановления обнажили и обострили социально-экономические и политические противоречия колониального развития. В результате сформировался новый идеологический и моральный климат, способствовавший более четкой постановке вопроса о национальном освобождении и суверенитете.

Острота борьбы за Арабский Восток между западными державами определялась его важным геополитическим положением, стратегическим и экономическим значением. Германия и Италия стремились отобрать у Англии и Франции контроль над Средиземным морем, линиями связей с колониями в Африке и Азии.

Практически все стороны, участвовавшие в войне, вольно или невольно способствовали активизации и росту освободительного движения. Сначала это делали державы «оси», чьей задачей было подорвать позиции западных метрополий в их афро-азиатских колониях. Наряду с активной германо-итальянской пропагандой шел интенсивный процесс вербовки на месте агентуры среди общественных деятелей, политиков, военных. Однако вскоре ситуация изменилась. Германия и Италия, потерпев поражение, утратили возможность влиять на североафриканских и ближневосточных националистов, тем более, что у последних перед глазами был отрицательный опыт итальянского господства в Ливии, а германского — в Европе.

Западные державы, заинтересованные в подрыве позиций держав «оси», вели против них кроме военной также идеологическую борьбу, в основе которой было отстаивание положений Атлантической хартии 1941 г., предусматривавшей принципы свободы и демократии, а также право наций на самоопределение.

Политической активизации жителей арабских стран, ставших театром военных действий, способствовали резкое ухудшение социально-экономического положения, сдвиги в социальном положении и сознании, связанные с людскими потерями, разрушениями, перемещениями населения.

Одни арабские страны вели вооруженную борьбу с колонизаторами, другие делали упор на политические методы борьбы. В Египте политическое пробуждение было во многом результатом экономических трудностей, сомнений в силе англичан, терпевших поражения от Роммеля в 1941–1942 гг., деятельности агентуры держав «оси» и нежелания англичан позволить хотя бы лояльной к ним части египтян самим решать судьбу страны. В Ливии активизация освободительной борьбы была вызвана самим фактом краха тридцатилетнего господства Италии, а в странах Магриба — экономическим ограблением, небывалым ранее обострением политической борьбы в рядах самой французской администрации и европейского населения между сторонниками де Голля (частично облегчившими высадку союзников в Алжире), традиционными колонистами (как консерваторами, так и либералами) и фашистами.

В ходе войны в арабских странах шел процесс консолидации политических сил, расширение массовой базы национально-освободительного движения, повышение роли демократического

* Сапронова Марина Анатольевна — д. и. н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.

крыла; усиливались или возникали массовые политические партии общенационального характера, объединившие вокруг себя большинство народа под лозунгом борьбы за независимость.

Под влиянием вступления СССР в войну происходило все более существенное оформление освободительных целей, и антифашистская программа стала тесно связываться с борьбой за независимость.

Большую роль в этот период играли коммунистические партии. Опираясь на часть организованного рабочего класса города и деревни, а также левые круги интеллигенции, компартии смогли существенно расширить свое политическое влияние в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Численность некоторых из них (например, в Алжире) выросла втрое. Seriously активизировались вышедшие из подполья компартии Туниса, Сирии, Ирака. Компартии выросли не только численно, но организационно, они приобрели политический опыт и более весомое, чем до войны, влияние.

Однако маневры колониальных властей серьезно противодействовали развитию борьбы за национальное освобождение. Английские власти и руководители Свободной Франции, а позднее и представители властей США с большой неохотой шли на легализацию каких-либо политических сил в арабо-африканских странах, способных противостоять фашизму, прежде всего левых и прогрессивных организаций рабочего и национально-освободительного движения. Атлантическая хартия явилась в этом отношении уступкой, на которую вынуждены были пойти западные страны. К этому их побуждали, во-первых, вступление в войну Советского Союза и желание нейтрализовать его влияние на рост освободительного движения в колониях, а также стремление лишить державы «оси» возможности спекулировать на антиколониальных устремлениях народов колоний.

После наступления коренного перелома в пользу антигитлеровской коалиции, западные державы стали заботиться не столько о привлечении арабских народов к активному участию в антифашистских действиях, сколько о том, как сохранить свое господство после окончания войны. Последствия ее продолжали оказывать влияние на арабов и после прекращения военных действий на территории арабских стран. Природные и человеческие ресурсы их стран, их территория продолжали использоваться Англией, Францией и отчасти уже США, имевшими свои базы в Саудовской Аравии и получившими их в 1943 г. в Марокко. Вплоть до 1945 г. политика западных стран была двойственной: с одной стороны, они стремились заручиться поддержкой арабов, но с дру-

гой — прилагали усилия для восстановления своих прежних позиций.

В конце войны патриотические силы Магриба уже поняли, что соперники Франции (сначала Германия и Италия, потом — Англия и США) при всех разногласиях и противоречиях (которые магрибинцы старались использовать в своей борьбе) всегда предпочтут договориться с Парижем за счет народов колоний. Это наглядно проявилось в 1944–1945 гг., когда Англия и США, фактически оккупировавшие Магриб, попустительствовали репрессиям французских властей против патриотов, поверивших обещаниям предоставить независимость.

В результате сразу после окончания войны народам арабских стран пришлось вести борьбу за достижение полной политической независимости. Решающая роль Советского Союза в разгроме держав фашистского блока создала благоприятные международные условия для развития национально-освободительной борьбы, непосредственным итогом которой стали ликвидации английских и французских мандатов, вывод английских и французских оккупационных войск и образование суверенных республик.

Вторая мировая война внесла существенные изменения в расстановку сил на мировой арене. Изменилось положение таких арабских стран, как Египет, Ирак, Сирия, Ливан, которые предприняли новые усилия к освобождению от политической и экономической зависимости от западных государств. С оккупацией Франции и установлением в ее неоккупированной зоне режима Виши Магриб попал под контроль держав «оси», использовавших его ресурсы. Немцы развернули широкую пропаганду среди магрибинцев: вели непрерывное радиовещание на арабском языке, субсидировали издание в Париже газеты «ар-Рашид», выступавшей за отделение Алжира от Франции. Небольшая фракция алжирских националистов (впоследствии осужденных своими товарищами) сотрудничала с немецкими оккупантами во Франции и с их агентурой в странах Магриба. На магрибинцев также воздействовали сотни агентов Муссолини, который планировал превратить весь Магриб в свои провинции.

Однако, несмотря на большие затраты и пропагандистские усилия, державам «оси» практически не удалось добиться массового участия арабов в войне на их стороне. В ноябре 1942 г. англо-американцы высадили 150-тысячный десант в Марокко и Алжире, развернувший наступательную операцию. В ответ немцы высадили свой десант в Тунисе, где и держали оборону до мая 1943 г. Но 31 января 1943 г. 8-я армия англичан, преследовавшая отступавшего Роммеля, вступила в Тунис с востока, до этого освободив от фашистов

Ливию. В мае 1943 г. группа германо-итальянских войск в Северной Африке капитулировала.

В дальнейшем страны Магриба послужили плацдармом для высадки союзных войск в Италии и на юге Франции. В составе этих войск было около 260 тыс. уроженцев Алжира и примерно столько же тунисцев и марокканцев, впоследствии участвовавших в освобождении Франции, Италии, Германии и Австрии. Подъему национально-освободительного движения в странах Магриба способствовало крупное национальное восстание, начавшееся в мае 1945 г. в Алжире. На внутривосточном положении Алжира во многом сказывалось резкое ослабление Франции вследствие ее капитуляции в июне 1940 г. В армию была мобилизована наиболее трудоспособная часть населения, экономика страны была подчинена военным нуждам Франции, но прежде всего — начался разгул репрессий, была прекращена легальная деятельность национальных партий и организаций.

Державы «оси» действовали в Алжире через присланные осенью 1940 г. смешанные германо-итальянские комиссии по наблюдению за выполнением условий перемирия. Губернатор Абриаль исполнял все их распоряжения. При его пособничестве комиссии реквизируют все запасы продовольствия в Алжире, вывозили цветные металлы, топливо и прочее сырье¹.

Внимательно следя за ходом войны и не исключая краха держав «оси» и их союзников, алжирская буржуазия считала необходимым обеспечить свои интересы, встав на сторону антигитлеровской коалиции. К этому ее побуждали и усиление антифашистского освободительного характера войны после вступления в нее СССР и определенные шаги коалиции по привлечению народов колоний на свою сторону, нашедшие отражение, в частности, в Атлантической хартии 14 августа 1941 г., признававшей право народов на самоопределение. Принципы Хартии в дальнейшем были взяты на вооружение патриотическим крылом национальной буржуазии Алжира. Но само формирование этого крыла стало возможным во многом благодаря мужественной борьбе патриотического подполья.

Вооруженные акции патриотов-подпольщиков в Алжире в 1940–1942 гг. были сравнительно редки и в основном сводились к отдельным нападениям на офицеров из германо-итальянских комиссий, полицейских и чиновников. Наиболее крупным выступлением такого рода стал бунт 800 алжирских стрелков в январе 1941 г. Но в целом, вооруженная борьба и акты саботажа в Алжире в этот период еще только готовились. Организационной, агитационной и морально-политической их подготовкой занимались

Партия алжирского народа (ПАН) и Алжирская коммунистическая партия (АКП). Вишисты наносили АКП самые тяжелые удары: пытки, казни, длительное заключение в тюрьмы и концлагеря были обычными уделом коммунистов в Алжире в 1940–1942 гг.

Высадка войск США и Англии в Магрибе в ноябре 1942 г. привела к установлению в Марокко и Алжире, а впоследствии и в Тунисе фактической власти англо-американского военного командования. Формально власть захватил Ф. Дарлан, провозгласивший себя верховным комиссаром Франции в Северной Африке. Признав законность его власти, союзное командование тем самым фактически признало законность правительства Виши.

В марте 1943 г. видные алжирские деятели выработали документ, озаглавленный «Алжир перед лицом мирового конфликта. Манифест алжирского народа», и направили его губернатору Алжира М. Пейрутону.

Манифест² резко осуждал «колониальный режим, навязанный алжирскому народу и основанный на несправедливостях и преступлениях» и требовал «ликвидации колонизации, предоставления права народов на самоопределение, предоставления Алжиру собственной конституции». Манифест был подписан 56 видными деятелями Алжира, которые фактически представляли элиту национального движения со всеми его оттенками — от умеренных и даже сотрудничавших с властями до последовательных националистов.

Принятие Манифеста стало переломным моментом в развитии антиколониального движения в Алжире, став базой для сплочения самых разных его сил и течений. Он стал общей платформой их объединения в 1944 г. в ассоциацию «Друзья Манифеста и Свободы», вскоре сплотившей вокруг себя более 500 тыс. алжирцев.

М. Пейрутон вынужден был принять Манифест «как основу для будущих реформ»³ и создать комиссию по изучению экономических и социальных проблем мусульман. По всей стране шли митинги, организованные коммунистами, распространялся текст Манифеста, создавались новые организации и кружки. Молодежь вывешивала национальные флаги и лозунги, открыто отмечала национальные праздники.

Однако сменивший на посту губернатора Алжира генерал Жорж Катру заявил, что никогда не допустит независимости Алжира, ибо «единство Франции и Алжира — догма». Таковы же были и взгляды де Голля, который не собирался выходить за рамки «миссии Франции в трех департаментах французского Алжира», подчеркивая «упорный труд колонистов, благодаря усилиям которых стали доступны природные богатства Алжира»⁴.

Таким образом, алжирцы убедились в том, что принципы колониальной политики остаются неизменными.

8 мая 1945 г. — в день окончания войны в Европе, в двух городах Алжира — Сетифе и Гельме — состоялась массовая демонстрация, организованная националистами. Полиция учинила расправу с манифестантами, вызвав тем самым давно назревавший взрыв возмущения. В этот день по всему Алжиру манифестанты несли плакаты, на которых лозунги в поддержку ООН и приветствия союзникам соседствовали с требованием предоставления независимости Алжиру.

В последующие дни многие города Алжира были осаждены стихийно возникшими повстанческими отрядами, в основном из крестьян, которые жгли фермы колонистов, нападали на жандармов и чиновников. По различным областям распространялись слухи о всеобщем характере восстания и даже о «создании в Алжире арабского правительства»⁵.

Однако повстанцы действовали стихийно и неорганизованно, что облегчило их разгром. 17 мая последние отряды вынуждены были прекратить борьбу.

Репрессии против повстанцев и мирного населения, продолжавшиеся несколько месяцев, по своей жестокости не имели прецедента в истории Алжира. По различным данным, было убито более 40 тыс. человек, что стало тяжелым испытанием для борцов за национальное освобождение.

После этого в Алжире установилось относительное спокойствие, но события 8 мая, ставшие прологом будущей освободительной войны, не были забыты, движение не прекратило свое существование, но возобновилось на новой основе. Именно май 1945 г. для простых алжирцев, составлявших массовую базу антиколониального движения, стал решающим рубежом, шагом к разрыву с Францией, убедив их также в необходимости продуманной политической тактики, базирующейся на учете реальной обстановки. В дальнейшем это заставило патриотические силы сделать выбор в пользу вооруженной борьбы.

С окончанием Второй мировой войны начался новый подъем национально-освободительного движения в соседнем с Алжиром Марокко. Активное участие в борьбе за независимость приняла Марокканская коммунистическая партия (МКП), образованная в 1943 г. и сразу же выдвинувшая требование независимости. Генеральным секретарем марокканской компартии стал выходец из Алжира Леон-Ренэ Султан. Несмотря на трудности подпольной работы в начале 1943 г. вышел ее первый номер печатного издания — газета «Аль-Ватан» («Родина») с изложением программы Коммунистической партии. Она требовала права

для марокканского народа, как и для всех народов, самому решать свою судьбу и «свободного выбора политического строя». Партия выдвигала также требование немедленного восстановления «основных демократических свобод» и «созыва законодательного учредительного собрания»⁶.

В июле 1943 г. благодаря деятельности компартии были воссозданы профсоюзы, распущенные колониальными властями в 1940 г.; был организован Всеобщий Союз объединенных профсоюзов Марокко, в руководстве которого значительное влияние приобрели коммунисты.

В августе 1946 г. состоялся первый пленум ЦК МКП, принявший «Манифест за объединение и независимость Марокко». Компартия выступила за создание единого национального фронта в Марокко и выдвинула следующие требования: предоставить стране независимость, вывести иностранные войска, передать марокканскому народу право распоряжаться своими природными богатствами, ликвидировать господство иностранных монополий, провести демократические выборы в национальное собрание, разработать конституцию, создать национальную администрацию и армии, провести аграрную реформу⁷.

В первые послевоенные годы возникли благоприятные условия для деятельности марокканских национальных партий. В 1943 г. была образована Партия независимости (Хизб аль-Истикляль) во главе с Ахмедом Балафреджем, которая приобрела большой авторитет в национально-освободительном движении. Эта партия еще в начале 1944 г. направила султану, французским властям и союзному командованию Манифест с требованием возрождения самостоятельности Марокко и отмены режима протектората. Партия Истикляль обосновала свое требование независимости от Франции ссылками на Атлантическую хартию 1941 г. и заслуги Марокко перед союзниками в ходе войны. В постановляющей части Манифеста говорилось, что партия Истикляль требует независимости Марокко и его территориальной целостности под эгидой султана Мохаммеда Бен Юсефа, которого просит начать «переговоры с заинтересованными государствами с целью признания и гарантии этой независимости»⁸.

Однако Франция не хотела вести переговоры с Истикляль и вскоре ее лидеры были арестованы. В ответ в столице Марокко — Рабате и других городах произошли массовые выступления, жестоко подавленные полицией. В Фесе шли настоящие сражения с французскими войсками, длившиеся с конца января по 10 февраля 1944 г. «Слово «независимость» (истикляль) должно быть вырвано из уст и из сердца»⁹ — сокрушенно сказал тогда своим визириям султан Марокко Мухаммед бен Юсеф, ко двору которого срочно прибыл Рене Массигли,

комиссар Французского комитета национального освобождения по иностранным делам. На усмирение горожан были брошены, помимо полиции и добровольцев, армейские части.

Марокканцы осознали, что все это осуществляется при попустительстве Англии и США, войска которых находились в Марокко, хотя еще в 1943 г., встретившись в Касаблане с султаном Марокко, президент США Рузвельт говорил, что «положение после войны будет резко отличаться от довоенного, в особенности, в отношении колоний»¹⁰.

8 марта 1945 г. один из лидеров партии «Истикляль» Мухаммед Льязиди «от имени исполнительного комитета партии» обратился к председателю конференции в Сан-Франциско, а также к главам правительств СССР, США, Великобритании, Франции и Китая с просьбой о «приеме Марокко в члены Организации Объединенных Наций»¹¹. Тем самым партия Истикляль стремилась привлечь внимание руководителей иностранных государств и мирового сообщества к борьбе марокканского народа за независимость.

4 марта 1946 г. Коммунистическая партия Марокко выпустила Манифест, в котором определила свою национальную политику. Манифест подтверждал волю марокканского народа к восстановлению своего полного суверенитета и определял меры, необходимые для осуществления демократических свобод.

В борьбе за национальное освобождение марокканские партии стремились заручиться поддержкой других арабских стран и ЛАГ, которая в феврале 1947 г. созвала в Каире конгресс представителей стран Магриба. Участники конгресса призвали к борьбе за независимость этих стран. На конгрессе было основано Арабское магрибинское бюро с целью согласования основных акций националистов Магриба.

В своей деятельности внутри страны национальные партии использовали антиколониальные настроения большинства помещиков и окружения султана Марокко Мохаммеда Бен Юсефа, который сочувствовал идее независимости и тайно помогал националистам.

1946–1947 гг. были годами смягчения репрессий колониальных властей, чем пользовались марокканские национальные партии для укрепления своего влияния в массах. Увеличилось количество издаваемых ими газет. Истикляль стала выпускать с 1946 г. ежедневную газету на арабском языке «Аль-Алям» («Знамя»).

В январе 1947 г. в Марокко прибыл новый президент Франции Венсан Ориоль. Во время беседы с ним султан выразил надежду, что Франция предоставит Марокко политические и социальные свободы. 10 апреля в Касабланке произошло

кровавое столкновение местного населения с сенегальскими солдатами, служившими во французской армии. В этом столкновении погибли несколько десятков человек, что вызвало взрыв негодования по всей стране. Возмущение марокканцев нашло отражение в речи, произнесенной султаном в Танжере, в которой он заявил о праве марокканского народа на свободу, суверенитет и единство страны, а также на вступление в ЛАГ в качестве суверенного государства. «Марокко приняло активное участие во Второй мировой войне, — сказал султан. — Оно направило на войну своих сыновей и все средства, которыми располагало, участвовало в боевых действиях вплоть до победы. Сегодня, когда все народы требуют своих прав, соответствующих современности, будет справедливым, если марокканский народ добьется своих законных прав и реализует свои законные чаяния»¹². Впоследствии эта речь была названа Хартией марокканского национализма.

2 декабря 1947 г. султан обратился к президенту В. Ориолю с посланием, в котором предлагал пересмотреть франко-марокканские отношения в свете перемен, произошедших в мире после Второй мировой войны. В июне 1948 г. во время встречи в Париже с президентом де Голлем султан заявил, что настало время предоставить Марокко политическую независимость. Он предложил пересмотреть Фесский договор 1912 г. и заключить новое соглашение, основанное на равноправии сторон. Де Голль уклонился от обсуждения этого вопроса.

В послевоенный период качественно новым явлением в деятельности марокканских националистов стала их ориентация на ЛАГ как защитницу общеарабских интересов. Кроме того, впервые лидеры националистических партий приняли активное участие в создании и работе органа — Комитета освобождения Арабского Магриба, возглавляемого марокканцем Абд аль-Кримом¹³, призванного координировать усилия всех трех зависимых стран Северной Африки. Это свидетельствовало об их возросшей политической зрелости и понимании общности интересов всех народов региона в антиколониальной борьбе.

Со второй половины 1947 г. французские власти, напуганные размахом национально-освободительного движения, возобновили репрессии против левых сил. Террор вызвал массовые митинги и демонстрации протеста, которые охватили почти всю территорию страны в 1948 г.

Хотя протекторат Франции и Испании над Марокко сохранился, тем не менее, позиции западных держав сильно пошатнулись. Власти испанской зоны вынуждены были встать на позиции поддержки мусульманских националистов; правительство Франции также вынуждено было

считаться с подъемом антиколониальной борьбы и ростом национального самосознания марокканцев.

В Тунисе с начала 1940-х гг. наряду с национальной партией Новый Дустур (Конституционная партия) активно действовала коммунистическая партия, сумевшая создать в подполье сеть своих ячеек и наладить выпуск листовок и газет.

Сопrotивление фашистской оккупации выразилось в саботаже на транспорте и всех мероприятиях оккупантов, распространении антифашистской агитации, срыве трудовой мобилизации.

Период германо-итальянской оккупации Туниса (ноябрь 1942 — май 1943 гг.) стал переломным моментом в политическом развитии страны. Режим протектората впервые с 1881 г. пошатнулся, господствующая держава теряла власть.

В результате разгрома итало-германских войск в апреле—мае 1943 г. власть в Тунисе перешла в руки французских генералов, сотрудничавших с англичанами и американцами. Бей Туниса Монсеф, поддерживавший национальные партии, был арестован и выслан в Алжирскую Сахару. Всех националистов без разбора арестовывали как «коллорабационистов». Многие члены партии Новый Дустур были расстреляны без суда; свыше 10 тыс. человек оказались в тюрьмах и концлагерях. Председатель Нового Дустура Хабиб Бургиба ушел в подполье, откуда направил 1 июня 1943 г. письмо президенту США Рузвельту с просьбой вмешаться и попытаться пресечь колониальный террор и поддержать тунисских националистов в их борьбе с французскими властями. Властями, «политика которых систематически преследует цель разрушения государства и ассимиляции коренной нации, поскольку они не хотят видеть в Тунисе ничего другого, кроме земли, предназначенной для французских поселенцев... Мы возлагаем на Вас все надежды, состоящие в том, что Свободная Франция, которая борется против нацистского рабства, не будет третировать тунисцев как своих фактических рабов и станет проводить в их отношении политику, более соответствующую ее духу и традициям»¹⁴.

Однако ни американцы, ни англичане не были намерены вмешиваться во внутренние дела Франции. Размах репрессий, тем не менее, после этого обращения был ограничен, но французы отказались вести переговоры с национальной партией.

Обещанные в Тунисе административные реформы, частично реализованные в конце 1943 — начале 1944 г. вылились в дополнительное нарушение принципов договора о протекторате, расширив сферу контроля французского генерального резидента.

Новая тактика Х. Бургибы заключалась в том, чтобы, временно сняв лозунг независимости, добиваться «внутренней автономии» Туниса, равенства тунисцев и европейцев, возвращения к власти незаконно отстраненного бея.

22 февраля 1945 г. Х. Бургиба организует нелегальное общественно-политическое совещание с участием известных национальных деятелей, членов студенческих организаций, в т.ч. слушателей мусульманских учебных заведений, и внепартийной интеллигенции. Это «собрание шести-десяти» подтвердило ранее уже обсуждавшуюся декларацию о внутренней автономии тунисской нации на демократической основе и в той форме, какую определит после национальных консультаций, представительная ассамблея. Позднее эта февральская декларация получит название «Манифест тунисского фронта». Однако этот Манифест получил резкую критику со стороны тунисской компартии, пропагандировавшей в то время социальное освобождение трудящихся и построение ими демократии вместе с французским пролетариатом.

Вместе с тем, среди тунисцев стали широко распространяться идеи арабского единства и национального освобождения. В 1944–1945 гг. на первый план в Тунисе вышли антифашистские партии и организации борцов Сопrotивления, объединявшие и европейцев, и тунисцев. Существенно возросла роль тунисской компартии благодаря ее авторитету в Движении сопротивления, а также благодаря победам СССР и его упрочившимся позициям в антигитлеровской коалиции. К концу войны компартия имела свои отделения в более чем 60 городах и селах страны.

В сложившейся обстановке Новый Дустур ограничивался медленным накоплением сил, создав в 1944 г. свой профсоюз. В политическом плане он занял выжидательную позицию и обратил свои взоры на Арабский Восток, где в марте 1945 г. была создана Лига арабских государств (ЛАГ).

«Недопустимо, — говорил Х. Бургиба 17 августа 1946 г. в Дамаске, — чтобы в современном мире, который боролся и принес такие жертвы за свободу народов, страна у самого порога Европы продолжала оставаться закрепощенной... Создание Арабской лиги пробудило в Северной Африке огромные надежды, тем более что протокол № 1 Учредительного пакта ЛАГ предусматривает оказание помощи независимым государствам еще угнетенным арабским странам и завоевании ими права на жизнь»¹⁵. Х. Бургиба хотел добиться единства действий с националистами арабских стран, чем и занимался вплоть до 1949 г.

Знаменательным событием стал Конгресс Арабского Магриба, заседавший в феврале 1947 г. в Каире. По его рекомендации в египетской столи-

це создавался постоянный орган взаимодействия патриотических сил региона. Одним из решений Конгресса была рекомендация объединиться национальным партиям каждой из трех стран Северной Африки. Резолюция требовала немедленного вывода французских войск со всей территории Северной Африки и высказалась против включения Магриба в состав Французского союза, объявив начало совместной борьбы за независимость.

Подъем освободительного движения в арабских странах затронул и ливийские провинции.

Италия, вступив в войну в июне 1940 года, в августе захватила часть Судана и Сомали, а в середине сентября вторглась с территории Ливии в Египет. Муссолини возлагал большие надежды, как на профашистские настроения в окружении египетского короля Фарука, так и на командовавшего войсками Италии в Северной Африке маршала Грациани, ранее получившего титул маркиза за жестокие расправы с патриотами Ливии, Сомали и Эфиопии. Однако армия Грациани была выбита из Египта и Восточной Ливии английскими войсками. Срочно переброшенный в Ливию немецкий Африканский корпус генерала Роммеля, объединившись с остатками итальянских войск, перешел в контрнаступление в марте 1941 г. и достиг границ Египта. Деятели Виши разрешали использовать порты Туниса для снабжения сражавшегося в Ливии германо-итальянского Африканского корпуса.

Победы, одержанные Советской Армией, явились большой поддержкой наступления англичан в Африке в октябре 1942 г. Вместе с английскими войсками в наступлении принимали участие ливийские батальоны. В ноябре 1942 г. они вошли в Бенгази, в январе 1943 г. — в Мисурату, Хомс и Триполи. К февралю вся территория Ливии была освобождена от итало-германских войск¹⁶.

В период военных действий в Ливии, как ливийские вооруженные силы, так и местное гражданское население оказывали войскам Англии и Франции значительную помощь. Многие ливийцы в составе английских «коммандос» действовали в тылу противника, мирные жители помогали собирать информацию, оказывая тем самым существенную помощь английским разведчикам.

Однако англо-французские колонизаторы в течение 1943–1951 гг. при активной поддержке США проводили в Ливии политику, направленную на ее расчленение и закабаление. В стране был установлен антидемократический оккупационный режим, нарушены экономические связи между тремя провинциями (были определены границы между Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, введены различные денежные единицы, гражданство населения определялось по месту жительства, исходя из областного деления).

Еще в начале 1942 г. в Киренаике представители ливийских воинских частей, находившихся в Египте, создали «спортивный клуб» имени Омара аль-Мухтара. Руководители и члены этого клуба, число которых быстро увеличивалось за счет молодежи, внимательно следили за развитием событий в арабском мире. В 1943 г. клуб официально был зарегистрирован в Бенгази как культурно-спортивное общество.

Клуб им. Омара аль-Мухтара в первое время не выступал против мероприятий британской военной администрации. Вторая мировая война продолжалась, и ливийцы считали себя союзниками англичан. К тому же некоторые основатели клуба — Махди аль-Мутарди и Али аль-Фаллак — служили в британской военной администрации. Однако под воздействием происходивших на Ближнем Востоке событий, связанных с нарастанием национально-освободительной борьбы, члены клуба, особенно из числа молодежи, начали осуждать отдельные действия британских властей, не соответствовавшие национальным чаяниям ливийцев.

Рупором молодежи — членов клуба — стала газета «Аль-Ватан» («Родина»), в которой публиковались статьи с критикой действий британской военной администрации. Авторы статей требовали, чтобы Идрис ас-Сенуси без всяких отлагательств был официально признан эмиром, а Киренаика провозглашена эмиратом.

Опасаясь, что деятельность клуба может выйти из-под контроля, англичане поспешили пригласить в Киренаику Идриса, который вернулся на родину летом 1944 г. после многолетнего пребывания в эмиграции. Ему была предоставлена возможность выступить перед народом в ряде городов. Идрис ас-Сенуси обещал ливийскому народу процветание в будущем и призвал избегать раздоров, сохранять порядок и сотрудничать с британской военной администрацией. По поводу деятельности клуба им. Омара аль-Мухтара он заявил, что не считает целесообразным существование в стране многочисленных обществ и партий. Он пожелал, чтобы клуб стал организацией, способствовавшей развитию спорта и культуры.

Создание в марте 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ) в составе Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и ее позиция в отношении Ливии оказали большое влияние на рост национального самосознания ливийцев. В меморандуме (сентябрь 1945 г.), разосланном членам Лиги, содержался призыв оказать воздействие на великие державы с тем, чтобы они предоставили Ливии независимость на основе плебисцита или позволили ей объединиться с Египтом¹⁷.

В декабре 1945 г. Совет Лиги принял решение добиваться независимости Ливии, либо опеки над ней Египта или Лиги. 11 июня 1946 г. Совет Лиги одобрил принятую в мае главами арабских государств резолюцию, в которой они также высказались за независимость Ливии. В меморандуме Лиги, направленной Совету министров иностранных дел (сентябрь 1945 г.) говорилось, что любая попытка поставить Ливию под контроль одной из европейских держав неприемлема для арабов. Тесные связи с ливийскими общественными организациями поддерживал Генеральный секретарь ЛАГ Абд ар-Рахман Аззам.

В 1954–1946 гг. клуб им. Омара аль-Мухтара претерпел серьезные организационные изменения: в исполнительный комитет клуба вошли молодые приверженцы единства трех провинций Ливии — Киренаики, Триполитании и Феццана, противники традиционализма (сторонников Идриса ас-Сенуси) и узкого регионализма. Деятельность клуба после Второй мировой войны стала все больше противоречить политике британской военной администрации и сторонников Идриса ас-Сенуси, направленной на достижение независимости лишь одной Киренаики и утверждение там власти эмира. Положение усугубилось тем, что молодые националисты, в конце концов, заняли непримиримую позицию по отношению к англичанам и их пособникам и выступили за тесные контакты с Египтом.

Обстановка благоприятствовала активизации политической деятельности клуба. Среди жителей Киренаики зрело недовольство британской военной администрацией, ширилось движение за независимость. 26 июля 1946 г. в Эль-Бейде состоялось совещание шейхов племен, на котором был составлен манифест, переданный затем английским властям. Требования сводились к следующему: признание независимости страны, создание конституционного правительства, немедленная передача администрации в руки киренаикцев.

Британская военная администрация, не сумев взять политическую жизнь Киренаики под свой контроль, начала прибегать к крайним мерам, используя для этого Идриса ас-Сенуси, который приступил к организации Национального фронта, призванного координировать деятельность традиционалистов и сторонников англичан. Эта организация создала видимый противовес клубу им. Омара аль-Мухтара и была направлена, по существу, на раскол освободительного движения.

Британская администрация не только разжигала противоречия между сторонниками Национального фронта и клуба им. Омара аль-Мухтара, но и применяла административную власть по отношению к своим противникам. Так, 26 сентября 1946 г. в связи с приездом триполитанской

делегации на переговоры о единстве Киренаики и Триполитании британские власти временно запретили газету «Аль-Ватан». Глава британской администрации согласился разрешить выпуск газеты лишь при условии, что президент клуба Мустафа ибн Амир опубликует письмо с заверением, что члены клуба впредь не будут критиковать действия Идриса ас-Сенуси. Такое письмо появилось в первом номере газеты «Аль-Ватан», вышедшем спустя месяц после ее закрытия. Но, тем не менее, клуб им. Омара аль-Мухтара, где преобладали националисты, продолжал оставаться непримиримым противником английских властей.

В отличие от Киренаики в другой провинции Ливии — в Триполитании — британская военная администрация оставила в силе ранее действовавшие законы, которые были выгодны Англии и способствовали укреплению ее позиций. Английские власти продолжали даже пользоваться услугами итальянских чиновников. В 1943 г. в Триполитании насчитывалось более 45 тыс. итальянцев¹⁸.

С момента учреждения британской военной администрации в Триполитании начала возрождаться политическая жизнь. Местные жители стали требовать признания английскими властями их права на создание партий, издание газет. Выдвигались также требования ликвидации итальянского административного и судебного аппарата, выборов народных советов, возвращения триполитанских лидеров на родину и т.д.

Стремясь упрочить свое положение, британцы всеми средствами привлекали на свою сторону представителей именитых феодальных семей Триполитании, назначая их советниками администрации в различных районах страны. Тем не менее, предотвратить подъем национально-освободительного движения не удалось. В мае 1945 г. в Триполи состоялась демонстрация: десятки тысяч человек прошли под лозунгами протеста против британской администрации. Демонстрация была разогнана, однако после нее многие улицы города были переименованы в честь арабских деятелей национально-освободительного движения.

Политическая активность триполитанцев привела в 1945 г. к созданию ряда организаций. Так, возникла подпольная Национальная партия, основанная Ахмедом аль-Факихом Хасаном, ставившая задачи бороться за право триполитанцев на самоопределение, противодействовать всем попыткам отторжения какой-либо части Триполитании, добиваться упразднения итальянского законодательства, ликвидировать религиозные и общинные различия, поднимать политический, экономический и культурный уровень жителей.

Английские власти, напуганные размахом антианглийских настроений, отказались в сентябре 1945 г. признать эту партию, и только в апреле 1946 г. партия добилась права на существование.

Опасаясь, что Национальная партия под влиянием Египта и Лиги арабских государств может занять антианглийскую позицию, британская военная администрация всячески содействовала ее расколу, через свою агентуру сеяла в рядах партии разногласия. Это не составляло особого труда, поскольку партия объединяла сторонников самых разных политических направлений — от крайне левых (радикалов) до правых (консерваторов).

Национальная партия выступала за полную независимость объединенной Ливии под опекой ЛАГ. Однако такую программу разделяли далеко не все члены партии. Разгорелась борьба между лидером консерваторов — сторонником сотрудничества с англичанами Мустафой Мизраном и президентом партии, радикалом и противником британской военной администрации Ахмедом аль-Факихом Хасаном. В результате этой борьбы радикально настроенные ливийцы создали новую партию — Свободный национальный блок (СНБ), которая была признана британской администрацией в 1946 г. Эта партия последовательно выступала за независимость единой Ливии, за вступление ее в ЛАГ, а также против признания Идриса ас-Сениси главой объединенной Ливии. Настроенные в пользу республиканской формы правления, лидеры блока требовали создания консультативной ассамблеи для решения вопроса о будущем страны. Руководство блока проявляло большую активность. В 1946 г. в городах два раза в месяц проводились митинги; среди населения распространялись листовки, организовывались забастовки.

10 мая 1946 г. была учреждена еще одна партия — Объединенный национальный фронт (ОНФ), созданный при непосредственном содействии англичан, желавших иметь в стране надежную опору. В декабре того же года появилась еще одна партия — Египетско-триполитанский союз, члены которого ориентировались на Египет и выступали за объединение с ним. В 1947–1948 гг. было создано еще несколько мелких партий.

Все политические организации Триполитании группировались вокруг отдельных феодалов и не были связаны с широкими массами. Именно это было главной причиной провала попыток объединить усилия трех наиболее значительных партий — Национальной партии, ОНФ и СНБ. Личное соперничество лидеров и распри между знатными родами Триполитании, представители которых входили в разные партии, препятствовали их слиянию и одновременно ослабляли движение за независимость. К тому же задержка решения

вопроса о судьбе бывших итальянских колоний, в т.ч. Ливии, обуславливала известную нерешительность лидеров политических группировок. Большую роль в данном случае сыграли маневры западных держав, в первую очередь, Великобритании. Ставя своей ближайшей задачей укрепление позиций в Киренаике, Англия в дальнейшем предусматривала колонизацию Триполитании. Однако на пути к этому было много серьезных препятствий, и в первую очередь, соперничество Италии, которую поддерживала Франция, протестовавшая против установления монопольного господства Англии в Триполитании.

Политика Великобритании нашла свое отражение в проекте резолюции по вопросу о судьбе бывших итальянских колоний, выдвинутом на Парижской сессии Совета министров иностранных дел (апрель—май 1946 г.). Этот проект предусматривал создание т.н. независимого государства «Большая Ливия» в составе Триполитании и Киренаики. Английское предложение исключало установление международного контроля над Ливией и, по существу, сводилось к созданию условий, при которых английские оккупационные войска могли бы находиться в этой стране неограниченный срок, а британская военная администрация была бы ограждена от всякого контроля. Умело используя в своих интересах Идриса ас-Сенуси, англичане оказывали поддержку его стремлениям распространить политическую власть на всю Триполитанию.

Негативное отношение триполитанцев к сенуситскому эмирату нашло отражение в программах Национальной партии и Свободного национального блока. Однако проводником английской политики объединения Триполитании и Киренаики под руководством Идриса ас-Сенуси стал Объединенный национальный фронт (ОНФ), который, собственно, и был создан для этой цели. Фронт развернул активную деятельность по объединению усилий Триполитании и Киренаики в борьбе за независимость. В июне 1946 г. в Каир, где в то время находился Идрис ас-Сенуси, прибыла делегация ОНФ. В результате переговоров были достигнуты предварительные договоренности по объединению Ливии. Однако к этому времени стало известно, что предложение Англии о создании «Большой Ливии» провалилось при обсуждении на очередном заседании Совета министров иностранных дел. Англия начала искать иные пути для осуществления своих планов.

После подписания мирного договора с Италией в феврале 1947 г. судьба ее бывших колоний должна была быть определена совместно правительствами Советского Союза, Великобритании, США и Франции «в течение года со дня вступления в силу Мирного договора»¹⁹.

Советский Союз, который последовательно добивался решения вопроса о бывших итальянских колониях, настаивал на быстрой разработке рекомендаций Совету министров иностранных дел. С этой целью советская делегация на совещании заместителей министров иностранных дел (октябрь 1947 г.) внесла предложение об одновременной посылке в бывшие итальянские колонии двух комиссий четырех держав, чтобы сократить срок работы и завершить ее к январю — февралю 1948 г. Это предложение не было поддержано представителями западных держав. Была создана одна комиссия, которая проработала с ноября 1947 г. по май 1948 г.

Подводя итоги мнений, выраженных представителями трех провинций Ливии — Киренаики, Триполитании и Феццана — комиссия не смогла прийти к согласованному решению. В результате в ее доклад были включены два текста — делегации Советского Союза и делегаций Англии, США и Франции.

Делегации западных держав утверждали, что ни одна из трех областей Ливии в политическом отношении не была готова к самоуправлению, хотя однородность политической и социальной структур Киренаики представляла хорошую основу для самоуправления. Подчеркивалось широкое распространение в Триполитании и Киренаике антиитальянских настроений. В то же время умалчивалась или упоминалась вскользь проблема единства страны. В тексте советской делегации указывалось, что местные различия, увеличившиеся в послевоенный период из-за искусственного политического дробления страны, отступают на задний план перед ее естественной и социальной целостностью; подчеркивалось также, что «абсолютное большинство опрошенных комиссией лиц решительным образом высказалось за единство страны»²⁰.

Комиссия четырех держав начала работать с задержкой, и это дало свои плоды. Была достигнута определенная договоренность между Англией и США как о совместных действиях в период работы комиссии, так и о строительстве военных баз на территории Триполитании. Британская военная администрация в начале 1948 г. предоставила США право на сооружение в Меллахе военно-воздушной базы, что вызвало бурные протесты местного населения. Триполитанские политические организации осудили использование территории их страны как плацдарма для военных баз.

Советский Союз не мог не реагировать на данные американско-английские договоренности. 21 января 1948 г. послы Советского Союза в США и Англии направили соответственно в Государственный департамент и Министерство иностран-

ных дел ноты протеста, где отмечалось, что подобное англо-американское соглашение о создании в Ливии военно-воздушной базы США противоречит Мирному договору с Италией, в силу чего Советское правительство считает указанное соглашение незаконным.

Против сепаратного соглашения Англии и США с официальным заявлением выступила и советская делегация в комиссии четырех держав. В заявлении указывалось, что сепаратное соглашение между Англией и США не имеет юридической силы, т.к. Меллаха находится на территории бывшей итальянской колонии, которая только временно отдана под управление британской военной администрации.

В июле 1948 г. комиссия четырех держав предоставила доклад заместителям министров иностранных дел. Представители США, Англии и Франции стремились затянуть подготовку требуемых рекомендаций, чтобы по истечении годичного срока вопрос о судьбе Ливии механически был передан в ООН, где эти страны рассчитывали иметь большинство голосов.

По настоянию Советского Союза 13 сентября 1948 г. открылось совещание представителей четырех держав, на котором советская делегация внесла предложение передать бывшие итальянские колонии под опеку Италии на определенный срок. Эта опека должна была осуществляться под контролем ООН и при условии создания в бывших колониях демократического местного управления. Выдвигая такое предложение, советская делегация руководствовалась желанием достичь соглашения с США, Францией и Англией. Однако западные государства выступили против советского предложения, а представитель США рекомендовал передать Киренаику под бессрочную опеку Англии. Поэтому правительства четырех государств обратились совместно к генеральному секретарю ООН, уведомляя его о том, что вопрос о судьбе бывших итальянских колоний передается на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН.

Сирия и Ливан в начале войны были объявлены военной зоной, и в них было введено чрезвычайное положение. Генерал Вейган, ставший также главкомом французских войск на Ближнем Востоке, сосредоточил в Сирии и Ливане значительные силы и начал ускоренное строительство военных объектов, аэродромов и стратегических дорог. Во внутренней политике он продолжал начатый еще до войны курс преследования националистов и особенно коммунистов: компартия была распущена, ее руководство арестовано, так же как и руководство партии Национальный блок. Была запрещена и Лига борьбы с фашизмом. В начале 1940 г. профашистские элементы убили видного национального деятеля А. Шахбендера.

Капитуляция Франции в июне 1940 г. не улучшила положения в Сирии и Ливане. Новый верховный комиссар генерал Денц стал одним из наиболее лояльных гитлеровцам сотрудников коллаборационистского правительства Петэна. Он во всем помогал прибывшей в Бейрут в сентябре 1940 г. германо-итальянской комиссии по перемирию, организовавшей вывоз сырья и продовольствия из этих стран.

Летом 1941 года британские подразделения вместе с частями «Свободной Франции» вступили в Сирию. 8 июня 1941 г. командовавший сторонниками де Голля генерал Жорж Катру выступил с декларацией, в которой обещал отменить мандат и признать независимость Сирии и Ливана после их освобождения. Однако в коммюнике «Свободной Франции» от 4 ноября 1943 г. говорилось, что окончательно система мандатного управления будет отменена только после четкого определения основ взаимоотношений между обеими сторонами и метрополиями.

Предоставление значительных политических уступок народам Сирии и Ливана в этот период стало результатом сложившейся ситуации, когда немцы, в мае 1941 г. захватив Грецию и Крит, получили возможность непосредственно атаковать восточное побережье Средиземного моря. Англичане, ликвидировав угрозу своим позициям в Ираке и не вполне уверенные за свой тыл в Палестине, были заинтересованы в максимально быстром предотвращении намечавшейся с согласия властей Виши высадки гитлеровских войск в странах Леванта. Комитет Свободная Франция стремился вырвать из-под влияния вишистской администрации и привлечь на свою сторону сирийцев и ливанцев, что можно было сделать только путем полного пересмотра реакционно-колониалистской политики Виши. Кроме этого английское правительство, надеясь в дальнейшем распространить свое влияние на страны Леванта, вытеснив оттуда Францию, также побуждало Свободную Францию пойти на значительные уступки населению Сирии и Ливана. «Нетрудно было заметить, — писал в своих мемуарах генерал де Голль, — что наши партнеры хотели создать впечатление, что, если Сирия и Ливан обретут независимость, они этим будут обязаны Англии»²¹.

В целях привлечения населения обеих стран на свою сторону союзники разрешили деятельность ранее запрещенных политических партий, включая компартию, освободить их лидеров и снять запрет на прессу. Начался процесс активизации действующих и вновь создаваемых в обеих странах политических партий. Идеологами и лидерами движения за общеарабское единство и подлинное освобождение всех арабских стран стали дамасские учителя Мишель Афляк и Салах

ад-Дин Битар. Их сторонники в 1943 г. создали на базе разрозненных кружков Партию арабского социалистического возрождения (ПАСВ), сыгравшую значительную роль в дальнейшем политическом развитии не только Сирии, но и других арабских стран.

В Ливане был создан Национальный конгресс, который представлял собой единый фронт, объединивший в своих рядах все политические партии и общественные организации. Этот конгресс возглавил видный общественный деятель Жорж Ханна.

После разгрома армии Роммеля на Ближнем Востоке и устранении фашистской военной угрозы, политическая жизнь Сирии и Ливана еще более оживилась. В марте 1943 г. генерал Катру дал согласие на восстановление конституций обеих республик и проведение парламентских выборов. Это позволило Сирии и Ливану сформировать органы государственной власти и установить дипломатические отношения со многими странами, включая Советский Союз. Парламентские выборы в Сирии прошли в июле 1943 г., было сформировано правительство, президентом страны стал Шукри аль-Куатли.

8 ноября 1943 г. парламент Ливана утвердил решение правительства об изъятии из конституции всех положений о привилегиях Франции как державы-мандатария. Генеральный делегат Франции, не признав это решение, распустил парламент и прекратил действие конституции. Президент, премьер и ряд министров были арестованы. Это вызвало бурю протеста, массовые демонстрации и всеобщую забастовку. Различные политические партии объединились в антиколониальный Патриотический фронт. Обеспокоенные подъемом освободительной борьбы, Англия и США оказали давление на французские власти, настояв на уступках арабам. В декабре 1943 г. из текстов конституций Ливана и Сирии были устранены статьи о французском мандате, а Франция обещала вывести свои войска с их территории.

В середине 1940-х годов консолидировались и левые силы. Существенно возросло влияние коммунистов в Сирии и Ливане благодаря победам СССР, деятельности созданной в 1941 г. Лиги борьбы против фашизма и нацизма, а также поддержке национальных меньшинств, особенно армян и курдов. Основатель Лиги борьбы с фашизмом и нацизмом — известный арабский общественный деятель Омар Фахури писал, что арабы больше не могут жить так, как жили до сих пор, что «чудовищная война, поразившая весь мир огнем и железом, скорее всего, ведется вокруг спора: как должны жить люди и нации, и мы должны занять свое место в этом столкновении». Эти слова Омара Фахури стали программными для журнала

«ат-Тарик» («Путь»), вокруг которого в годы войны объединились писатели-антифашисты всех арабских стран и большинство статей которого так или иначе затрагивало вопрос «Как мы должны жить?»

В 1944 г. состоялся съезд Коммунистической партии Сирии и Ливана, на котором была принята новая программа — Национальная хартия. В этой программе выдвигалась задача борьбы за полный суверенитет, за дальнейшее упрочение республиканского режима и предоставление народу всех демократических прав и свобод. Под знаменем этой программы в борьбу втягивались все более широкие слои населения.

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом в 1944 г. имело для Сирии и Ливана исключительно большое значение, оно стало для них гарантией укрепления суверенитета. 21 июля 1944 г. министр иностранных дел Сирии Джамиль Мардам обратился к министру иностранных дел СССР В. М. Молотову с предложением установить дипломатические отношения между странами. В своем обращении он, в частности, писал: «Движимая своим восхищением перед советским народом, усилия и успехи которого в великой борьбе демократии против завоеваний и господства, дают основу для законных надежд на будущую свободу и равенство для всех больших и малых наций» Сирия, которая видит в победе над странами «оси» «закрепление и гарантию своей независимости и суверенитета, была бы счастлива поддерживать с СССР дружественные дипломатические отношения»²². Аналогичное мнение высказывала и ливанская сторона. В тексте правительственного заявления, в котором сообщалось об установлении дипломатических отношений между Ливаном и СССР подчеркивалось: «Это одно из крупнейших событий в жизни нашей страны со дня достижения ею независимости. Безоговорочное признание Советским Союзом укрепит нашу независимость сделает ее непоколебимой»²³.

Однако военная обстановка и продолжение англо-французской оккупации превращали независимость этих стран в формальность. Все зависело от хода войны и ее результатов.

С выполнением всех своих обязательств Франция не спешила. В то же время англичане продолжали пропаганду среди сирийцев и ливанцев планов создания «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», не теряя надежды реализовать их под эгидой лояльной им династии Хашимитов.

В марте 1945 г. обе республики подписали пакт Лиги арабских государств и стали ее членами-учредителями, а в апреле они подписали Декларацию ООН, став ее членами.

К моменту окончания Второй мировой войны активными участниками политического процесса в Сирии и Ливане становятся политические партии, выступающие в защиту подлинной независимости. Начиная с 8 мая 1945 г. в Сирии и Ливане прошла волна митингов и манифестаций против увеличения войск Франции, высадившей свои военные подкрепления. 19 мая манифестанты в Дамаске были расстреляны, начался террор против жителей Халеба, а 29 мая французы провели бомбардировку Дамаска. По официальным данным в одном только Дамаске было убито 400 и ранено 1500 сирийцев, разрушено более 100 зданий²⁴.

1 июня 1945 г. правительство Советского Союза обратилось с нотой к правительствам Франции, Англии, США и Китая с предложением совместно принять срочные меры к тому, чтобы прекратить военные действия в Сирии и Ливане и уладить конфликт мирным порядком в соответствии с принципами ООН.

И ООН и ЛАГ также требовали вывода всех иностранных войск с территории Сирии и Ливана. В феврале 1946 г. этот вопрос бурно обсуждался в ООН. Позицию Советского Союза в ООН озвучил его представитель А. Я. Вышинский. В своем выступлении он показал полную несостоятельность доводов, которые выдвигали сторонники оккупации Сирии и Ливана. Указав на то, что обстоятельства, «исторически оправдывающие присутствие английских и французских войск в Сирии и Ливане», уже прошли, он поставил вопрос о том, что Совет Безопасности должен вынести решение о немедленном одновременном выводе французских и английских войск с территории этих стран.

Выступление советского представителя в Совете Безопасности по вопросу о Сирии и Ливане произвело огромное впечатление в арабских странах. Касаясь обсуждения сирийско-ливанского вопроса в Совете Безопасности, депутат ливанского парламента Жорж Акль указывал: «нам стало совершенно ясно, что при разборе нашего вопроса в Совете Безопасности государства разделились на два лагеря: один из них был на нашей стороне, тогда как другой занимал противоположную позицию. Во главе первого лагеря стоял Советский Союз, который защищал национальный вопрос смело, мужественно и открыто. Мы сами не сумели бы лучше защищать наши интересы, чем сделал это Советский Союз»²⁵.

Развитие событий вокруг ситуации в Сирии и Ливане, а также итоги обсуждения этого вопроса в ООН вызвали мощную волну солидарности по всему арабскому миру. Франция и Великобритания, в конечном итоге, были вынуждены вывести войска в течение 1946 г.

В декларации ЦК Компартии Сирии и Ливана от 1 июля 1946 г. говорилось: «Народные массы и все честные патриоты Сирии и Ливана уверены, что их собственные интересы требуют установления искренних дружественных отношений с Советским Союзом и всеми свободолюбивыми народами, которые солидарны с борьбой арабов за независимость»²⁶.

В Египте военные действия велись с осени 1940 г. до осени 1942 г. Первое вторжение итальянцев англичане отбили в декабре 1940 г. и перенесли войну на территорию Ливии. Но с весны 1941 г. уже объединенные германо-итальянские войска во главе с Э. Роммелем выбили англичан из Ливии и вернулись в Египет. В начале 1942 г. в результате очередного контрнаступления Роммель продвинулся в глубь Египта и захватил Тобрук, выдержавший до этого 8-месячную осаду. Англичанам удалось его остановить у Эль-Аламейна, в 100 км от Александрии. В ноябре 1942 г. английская армия начала наступление.

Правительство партии Вафд, вставшее у власти в феврале 1942 года, развернуло борьбу против фашистской агентуры²⁷, что способствовало некоторому перелому в сознании большинства египтян, настроенных антианглийски. Численно небольшая и слабо вооруженная египетская армия использовалась англичанами для вспомогательных саперных работ, противовоздушной обороны, гарнизонной службы. Сотни тысяч феллахов были оторваны от сельского хозяйства и отправлены на военное строительство, проводившееся английским военным командованием. Упадок сельского хозяйства в связи с недостатком рабочих рук и снижением посевных площадей, принудительные реквизиции продовольствия, скота и фуража для английской армии снижали жизненный уровень и без того недоедавшего египетского населения.

Правительства Вафда в августе 1943 г. установило дипломатические отношения с СССР. О значении этого шага премьер-министр Египта Наххас-паша сказал, что это не только дипломатический успех Египта, но и «начало его национального существования».

Сдвигу влево в Египте в ходе Второй мировой войны способствовала активная работа марксистских кружков, таких как аш-Шарара (Искра), Тахрир аш-шааб (Освобождение народа), ат-Талиа (Авангард) и др. Однако их малочисленность, а также внутренние разногласия этих групп не позволили им создать единую компартию. Но через издававшуюся ими прессу они пропагандировали антифашизм, интернационализм, успехи и опыт Советского Союза. В их рядах объединились будущие борцы за национальное освобождение. Их деятельность во многом способствовала по-

литизации египетского народа и радикализации профсоюзного движения.

Вафд добивался выполнения своих требований о ликвидации всех ограничений самостоятельности Египта. В августе 1944 г. Наххас-паша заявил о необходимости пересмотра англо-египетского кабального договора 1936 г. После изгнания фашистов из Египта к концу 1942 г., а к весне 1943 г. вообще из Африки, пребывание английских войск в Египте с военной точки зрения уже не имело оправдания. Но все попытки Вафда использовать усилившееся с весны 1944 г. всенародное движение за полную независимость и вывод английский войск из страны успехом не увенчались. В октябре 1944 г. Наххас-паша ушел в отставку. По настоянию англичан, опасавшихся популярности патриотических лозунгов Вафда, король Фарук поставил у власти коалицию правых партий, которая стала преследовать демократические силы, одновременно выпуская из тюрем правых и профашистов.

После окончания войны английские войска остались в Египте, причем их количество во много раз превышало число, предусмотренное договором 1936 г., составляя в разное время 80–150 тыс. вместо предусмотренных договором 10 тыс. солдат и офицеров.

8 июля 1947 г. египетское правительство обратилось в Совет Безопасности ООН с заявлением, в котором указывалось, что «британские войска находятся в Египте вопреки воле народа и в нарушение Устава... Египет просил Совет предписать «полную и немедленную эвакуацию британских войск из Египта...» В заявлении также говорилось о том, что продолжение спора между Египтом и Великобританией может угрожать сохранению международного мира и безопасности.

175 заседание СБ, созванное 5 августа 1947 г. было посвящено рассмотрению египетского заявления. Советский представитель в своем выступлении поддержал требования Египта о немедленном выводе всех британских войск с его территории. Однако Совет Безопасности так и не пришел ни к какому решению. Англии, поддержанной США, удалось отстоять существующий договор 1936 г. И все же, несмотря на формальную победу Великобритании, обсуждение египетского вопроса в столь высокой инстанции имело большое значение для судеб дальнейшего развития освободительного движения не только в Египте, но и на всем Африканском континенте.

Процесс освободительной борьбы в Египте растянулся на десятилетие. И только в 1956 г. после свержения монархии в 1952 г. и подписания в 1954 г. договора о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала, английские части покинули страну.

Вторая мировая война определила новый рубеж и в истории Судана. Летом 1940 г. итальянские войска вторглись в Судан из Эритреи и захватили несколько городов. Силы обороны Судана, однако, смогли воспрепятствовать дальнейшему продвижению итальянцев, которые к весне 1941 г. были вытеснены из страны.

В начале войны Судан стал одним из объектов глобального соперничества между странами антигитлеровской коалиции и державами «оси». В ходе боевых действий в Судане Англия защищала, прежде всего, свои колониальные владения. Во время войны возросло значение Судана как сырьевой базы метрополии. Вырос объем экспорта хлопка. В то же время резкое сокращение импорта стимулировало развитие некоторых отраслей легкой и пищевой промышленности. Усилились позиции буржуазии, в основном сельской, а также собственников небольших предприятий, судопроизводителей. Вместе с интеллигенцией они содействовали развитию национального самосознания суданцев.

Во время войны Судан сделал шаг не только в своем экономическом, но и социально-политическом развитии. Размежевание общественных сил, ранее находившее выражение в основном в позициях религиозных орденов и феодальных вождей, эволюционировало к более современным формам организации общества, таким как культурно-просветительские ассоциации и политические партии со своими программами и требованиями.

Уже в апреле 1942 г. национальная организация суданской интеллигенции Конгресс выпускников направила британскому генерал-губернатору меморандум. Первый пункт меморандума гласил: «При первой возможности правительства Англии и Египта должны опубликовать совместную декларацию, гарантирующую Судану, в его географических границах, право на самоопределение сразу же после окончания войны»²⁸. Конгресс выдвинул требования формирования представительного органа из суданцев для одобрения бюджета и указов, отделения исполнительной власти от законодательной и др.

Администрация Судана категорически отказалась рассматривать меморандум. Секретарь по гражданским делам при генерал-губернаторе Судана Дуглас Ньюболд вернул меморандум, охарактеризовав его как неприемлемый. Такая реакция администрации была болезненно воспринята суданской интеллигенцией, принимая во внимание, что суданцы оказывали Англии активную поддержку, сражаясь в Эфиопии и Эритрее. В ответном послании председатель Конгресса Ибрагим Ахмед указывал, что требования организации находятся в соответствии с «Атлантической хар-

тией»; он также писал: «Несправедливо, что это выступление — неизбежный результат эволюции мирового сообщества — следует встречать отказом в доверии. Тем более, что методы, которыми пользовалась организация, не выходят за рамки закона»²⁹.

Отказ от рассмотрения меморандума суданцы восприняли как отказ англичан принять участие в диалоге о самоуправлении. В данной ситуации наиболее подготовленной к подобному повороту событий оказалась та часть членов Конгресса, которые выступали за союз с Египтом. В 1943 г. они создали свою партию аль-Ашикка (Братья). Во главе партии, объединившей в своих рядах интеллигенцию, национальную буржуазию, а также феодалов Северо-Восточного Судана, встал Исмаил Аль-Азхари, выдвинувший лозунг единства долины Нила.

Позиции противников консолидации с Египтом (сторонников сотрудничества с англичанами), существенно ослабли. В феврале 1945 г. они создали свою политическую партию — аль-Умму (Нация). Далеко не однородная по своему составу она представляла интересы феодалов, вождей племен. Массовую основу этой партии составили члены тариката Ансарийя — скотоводы арабских племен Кордофана, Дарфура и крестьяне Гезиры. По традиции они выступали против союза с Египтом под лозунгом «Судан для суданцев».

Таким образом, к концу войны в Судане определились две основные позиции политических сил страны в отношении национального освобождения страны: вместе с Египтом и против Англии и в союзе с Англией против Египта. Кроме аль-Уммы и аль-Ашикки в конце войны в Судане действовало еще несколько мелких партий.

В 1944 г. часть суданских студентов, посланных Конгрессом в Египет, примкнула к Коммунистической партии Египта. После возвращения на родину, они сформировали самостоятельную коммунистическую организацию.

На протяжении всего 1945 г. в различных городах Судана проходили массовые выступления с требованием эвакуации английских войск и предоставления Судану независимости.

21 марта 1946 г. в Хартуме состоялось совещание всех политических партий. На этом совещании была выбрана делегация, отправленная в Каир на англо-египетские переговоры, имевшие целью пересмотр условий договора 1936 г. Одним из важных пунктов повестки дня было определение статуса Судана. Делегация политических партий Судана представила следующие требования: 1. Образование свободного суданского демократического правительства, которое бы вступило в союз с Египтом и сотрудничало с Великобританией. Свободное суданское правительство определяет

форму союза с Египтом и форму сотрудничества с Великобританией; 2. Создание объединенного комитета, половина членов которого была бы назначена партнерами по кондоминиуму, а другая — Конгрессом, для подготовки предложения о передаче управления страной в руки суданцев в возможно короткий срок; 3. Гарантия свободы печати, собраний, передвижения и торговли во всех районах страны³⁰. Эти требования стали на ближайшие годы программой борьбы политических партий Судана на национальное освобождение.

Англо-египетские переговоры завершились провалом. Сторонам не удалось прийти к соглашению относительно будущего Судана.

С 5 августа по 10 сентября 1946 г. по инициативе Египта суданский вопрос обсуждался в Совете Безопасности ООН. Ситуация оказалась настолько запутанной взаимными обвинениями двух стран, что проект резолюции Совета Безопасности предусматривал всего две рекомендации: возобновить англо-египетские переговоры и постоянно информировать Совет Безопасности о ситуации в Судане. Однако даже эта резолюция не была принята. Окончательное решение было отложено на неопределенный срок. В последующий период выступления населения страны за предоставление независимости приобретали все более массовый характер.

Ирак в ходе войны продолжал контролироваться Англией, которая восстановила там свое присутствие после военного переворота 1 апреля 1941 года, приведшего к изгнанию англичан.

Сразу после переворота английское правительство перебросило к границам Ирака крупные контингенты войск. Расправившись с участниками выступления, англичане реорганизовали армию и полицию, провели чистку среди командного состава армии и служащих госучреждений. 9 октября 1941 г. премьером правительства Ирака стал Нури Саид. В январе 1943 г. Ирак объявил войну Германии и Италии. Через его территорию шли поставки продовольствия и вооружения в Советский Союз. Экономические ресурсы страны использовались для снабжения англо-американских войск, расположенных в Ираке и в других странах Ближнего и Среднего Востока. Население страны участвовало в строительстве казарм, дорог и других военно-стратегических объектов.

Война тяжело отразилась на положении большинства населения Ирака. Резкое сокращение импорта, вызванное нарушением традиционных экономических связей, а также большие поставки союзным армиям сопровождались острой нехваткой продовольствия и предметов широкого потребления, инфляцией. По стране вспыхивали

многочисленные бунты и забастовки против властей. Самым значительным событием стало восстание курдского племени барзан в 1943–1945 гг. Успех повстанцев вынудил правительство Нури Саида пойти на переговоры с лидерами восстания Ахмедом и Мустафой Барзани и подписать соглашение, признававшее права курдов на автономию. В августе 1945 г. против барзанцев были направлены войска, сопровождаемые авиацией. М. Барзани принял решение уйти в Иранский Курдистан, где в то время развертывалось национально-освободительное движение.

Вторая мировая война привела к созданию или возобновлению деятельности в Ираке целого ряда политических партий демократического характера, как арабских, так и курдских. Наиболее заметным явлением стало воссоздание в 1942 г. Иракской коммунистической партии, сумевшей не только возродить свое единство в условиях преследований и внутреннего раскола, но и значительно усилить свои позиции. Активно участвуя в формально беспартийном движении «За права трудящихся», компартия добилась организации массовых выступлений рабочих, крестьян, служащих и ремесленников, публикации в прессе статей, содержащих критику действий властей. Правительство Нури Саида, не в состоянии игнорировать новую обстановку в мире, вынуждено было идти на некоторую либерализацию. Освободив, в частности, в 1944 г. из тюрем многих политзаключенных, в т.ч. и членов компартии.

В августе 1944 г. по инициативе иракского правительства между Ираком и Советским Союзом были установлены дипломатические отношения.

Трансиордания в годы войны была и колониальным тылом и стратегической базой Британской империи на Ближнем Востоке. Лондон серьезно беспокоили случаи неповиновения бедуинов и даже солдат Арабского легиона, отказывающихся служить за пределами родины, а также деятельность панарабистов из дискуссионного «Клуба короля Хусейна» в Аммане и сообществ эмигрантов из Трансиордании в Сирии и Египте. Эмир Абдаллах, преданный Великобритании, тем не менее, предупреждал ее о росте антибританских настроений в эмирате, об опасности митингов и демонстраций.

С целью направить патриотические чувства арабов в нужное им русло, англичане возродили в 1943 г. выдвигавшийся еще в 1920-х годах план создания «Великой Сирии», т.е. объединения под эгидой Абдаллаха Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании. Этот план был поддержан представителями династии Хашимитов в Багдаде, которая предложила свой план «Благодатного полумесяца», т.е. слияния «Великой Сирии» с Ира-

ком. Однако общественность этих стран была категорически против подобного неоколониального объединения во главе с открыто пробританскими Хашимитами.

Во время войны Трансиордания усилилась экономически. Англия считала Абдаллаха своим самым надежным союзником и старалась укрепить его позиции. Поэтому логичным итогом непростого на Ближнем Востоке периода войны стало заключение в марте 1946 г. англо-трансиорданского договора «О дружбе и союзе», объявлявшего мандат Лиги Наций утратившим силу. На этом основании Законодательный совет 25 мая 1946 г. переименовал эмират Трансиорданию в Хашимитское Королевство Иорданию.

Предоставив формальную независимость Трансиордании, англичане будут продолжать пытаться использовать короля Иордании в качестве орудия для реализации своего плана «Великой Сирии». Став королем Абдаллах обязывался «консультроваться» с Лондоном по всем внешнеполитическим вопросам, а в стране оставались английские войска, советники и эксперты.

На территории Палестины в годы войны активизировали свою деятельность арабские националисты. В 1944 г. они выдвинули адвоката и публициста Мусу аль-Алами в качестве делегата Палестины на конференцию в Александрии по созданию Лиги арабских государств. В дальнейшем аль-Алами с помощью ЛАГ организовал Бюро Палестины за рубежом и выдвинул план скупки земель и создания «образцовых ферм молодежи» в Палестине для противодействия сионистской колонизации. В 1945 г. премьер Сирии Джамиль Мардам содействовал возрождению Верховного арабского комитета в Палестине с участием разных фракций.

Непрекращавшаяся борьба арабского народа Палестины, а также обострение англо-американского соперничества на Ближнем Востоке, вынудили Великобританию после войны передать «палестинский вопрос» на рассмотрение в ООН.

Советский Союз в годы войны и в послевоенный период продолжал защищать на междуна-

родной арене интересы арабских народов. СССР сыграл решающую роль при разбирательстве вопроса о принятии Сирии и Ливана в число первоначальных членов ООН, чему противились Великобритания, Франция и США; поддержал в Совете Безопасности Ливан и Сирию в вопросе о выводе с их территорий английских и французских войск, и Египет, потребовавший прекращения английской оккупации долины Нила. Советская делегация в ООН поддерживала предоставление независимости Ливии и борьбу народов Марокко, Туниса и Алжира за независимость, настаивала на ликвидации английского мандата на Палестину и эвакуации с ее территории английских войск.

В ходе войны Советский Союз установил дипломатические отношения с Египтом, Ираком, Сирией и Ливаном. В обращениях, которые были направлены правительствами этих стран правительству Советского Союза, выражались чувства восхищения арабов героической борьбой советского народа против гитлеровской агрессии и всей политикой СССР в защиту колониальных народов.

Основатель Лиги борьбы с фашизмом и национализмом Омар Фахури в своих произведениях («Советский Союз — краеугольный камень» (1944 г.) и др.) призывал народы арабских стран к дружбе и сотрудничеству со всеми народами и, прежде всего, с народами Советского Союза, в котором он видел защитника всех угнетенных народов.

Таким образом, политическая история арабских стран с окончанием Второй мировой войны вступила в новую фазу. Позиции западных держав в этом регионе серьезно пошатнулись. Арабы настойчиво заявили о своем стремлении занять подобающее им место в современном мире и играть соответствующую их возможностям роль в международных делах. Первые годы после Второй мировой войны стали периодом резкого подъема национально-освободительного движения на Арабском Востоке, периодом консолидации различных социально-политических сил, вступивших в заключительную фазу борьбы за политическое освобождение.

¹ Р.Г. Ланда. Кризис колониального режима в Алжире (1931–1954). — М.: Наука, 1980. — С. 105.

² Abbas F. La nuit colonial. — Paris, 1962. — P. 140–143.

³ Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine. — Paris, 1974. — P. 92.

⁴ Де Голль Ш. Военные мемуары. — М.: Иностранная литература, 1960. — Т. 2. — С. 654–655.

⁵ Nouschi A. La naissance du nationalisme algérien. — Paris, 1962. — P. 141.

⁶ А. Аяш. Марокко. Итог одной колонизации / Пер. с французского В. В. Волковой, М. Б. — М.: Издательство Иностранной литературы, 1958. — С. 413.

⁷ М. С. Сергеев. История Марокко. XX век. — М.: Институт Востоковедения РАН, 2001. — С. 127.

⁸ Л. П. Манасерян. Марокко в борьбе за независимость. — Ереван: Айастан, 1969. — С. 47.

⁹ М. Ф. Видясова. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). В 2-х т. — Т. 1. Книга 2. Битва за Тунис после операции «Факел» и во время холодной войны. — М.: ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — С. 85.

- ¹⁰ Эллиот Рузвельт. Его глазами. — М.: Издательство Иностранной литературы, 1947. — С. 120.
- ¹¹ А. Аяш. Марокко. Итог одной колонизации / Пер. с французского В. В. Волковой, М. Б. — М.: Издательство Иностранной литературы, 1958. — С. 420.
- ¹² D. Rivet. Le Maroc de Lyautey a Mohammed V. Le double visage du Protectorat. — Editions Porte d'Anfa, Maroc, 1999. — P. 313.
- ¹³ Абд аль-Крим в 1921–1926 гг. возглавлял борьбу рифских племен против испанских и французских колонизаторов. Возглавил Рифскую республику, представлявшую собой военно-политическое объединение 12 племен. В 1926 г. после упорной борьбы, Абд аль-Крим сдался французам и был сослан на остров Реюньон. В мае 1947 г. получил разрешение на въезд во Францию при условии отказа от политической деятельности. Бежал с парохода в Порт-Саиде и поселился в Каире, где и возглавлял Комитет освобождения Арабского Магриба в 1948–1956 гг.
- ¹⁴ Цит. По: М. Ф. Видясова. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). В 2-х т. — Т. 1. Книга 2. Битва за Тунис после операции «Факел» и во время холодной войны. — М.: ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — С. 83.
- ¹⁵ Там же. — С. 106.
- ¹⁶ Н. И. Прошин. История Ливии (конец XIX в. — 1960 г.). — М.: Наука, 1975. — С. 184.
- ¹⁷ The Arab League. The Libyan Question. — Cairo, 1959. — P. 3–9.
- ¹⁸ Н. И. Прошин. История Ливии (конец XIX в. — 1960 г.). — М.: Наука, 1975. — С. 199.
- ¹⁹ Внешняя политика Советского Союза. 1947 г. Документы и материалы, январь-июнь 1947 г. Ч. I. — М.: Госполитиздат, 1952. — С. 80.
- ²⁰ Н. И. Прошин. История Ливии (конец XIX в. — 1960 г.). — М.: Наука, 1975. — С. 220.
- ²¹ Шарль де Голль. Военные мемуары. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — С. 212.
- ²² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Сборник документов. Т. 2. — М.: ОГИЗ, 1946. — С. 153–154.
- ²³ Посольство Российской Федерации в Ливанской Республике // http://www.lebanon.mid.ru/articles_r_03.html
- ²⁴ Арабы в борьбе за независимость (национально-освободительное движение в арабских странах после Второй мировой войны). — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. — С. 220.
- ²⁵ Там же. — С. 221.
- ²⁶ Там же. — С. 284.
- ²⁷ Фашистская агентура открыто уверяла египтян, что Гитлер — прямой потомок пророка Мухаммеда, что он принял мусульманство и что его заветная цель — освободить все арабские народы от чужеземного господства. Были даже организованы массовые прогерманские демонстрации в Каире. Король Фарук, поддерживая давние связи своей семьи с правящей династией Италии, вступил в тайные контакты с Германией через египетских дипломатов в Швейцарии, Турции и Иране. При дворе короля служили итальянские агенты, а родственник короля известный политик Исмаил Сидки входил в правление нескольких немецких компаний. Когда осенью 1940 г. итальянские войска наступали в глубь Египта, многие националисты Египта принимали всерьез декларации Муссолини о том, что Италия, мол, воюет не против египтян, а только за изгнание Англии из долины Нила.
- ²⁸ Beshir M. O. Revolution and Nationalism in the Sudan. — Barnes & Noble Books, 1974. — P. 160.
- ²⁹ История Судана в новое и новейшее время. — Под ред. В. С. Кошелева. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1992. — С. 113.
- ³⁰ Abbs Mekki. The Sudan Question: The Dispute over the Anglo-Egyptian Condominium. — L., 1954. — P. 111; С. П. Смирнов. История Судана (1821–1956). — М.: Наука, 1968. — С. 253.

Победа СССР в Великой Отечественной войне и становление независимой республики Индонезии

Л. М. Ефимова*

Победа СССР совместно с союзниками по антифашистской коалиции во Второй мировой войне коренным образом изменила расстановку политических сил на мировой арене. Фашистская Германия была разгромлена. Ослабли позиции ведущих европейских держав — Великобритании, Франции, — доминировавших в международных отношениях в довоенный период. Такие государства-метрополии, как Голландия и Бельгия, владевшие обширными колониями, сами оказались на положении оккупированных фашистской Германией. Японские вооруженные силы на Востоке поставили под свой контроль колонии Англии, Франции, Нидерландов, США.

Появились два новых мировых центра силы — СССР и США. Обе державы, хотя и руководствуясь прямо противоположными принципами, выступали за ликвидацию существовавшей колониальной системы. Это создавало благоприятную международную обстановку для нового подъема антиимпериалистической борьбы на заключительном этапе и в первые годы по окончании Второй мировой войны.

Поражение фашизма в Европе, решающий вклад в разгром которого внес Советский Союз, ускорил капитуляцию милитаристской Японии. В межвоенный период японские правящие круги применяли тактику заигрывания с национально-освободительным движением в колониальных странах Юго-Восточной Азии. Используя антиколониальные настроения, обращенные против европейских поработителей, японцы стремились выставить себя в качестве «освободителей» азиатских народов от ига «белого человека», выдвинув планы создания «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» Японии и народов

Юго-Восточной Азии под лозунгами «Япония — светоч Азии», «Япония — лидер Азии», «Япония — покровитель Азии». Такая настойчивая пропаганда поначалу имела определенный положительный результат. ореол Японии как спасителя от западного империализма в регионе усилился под влиянием её военных успехов. Японской военщине легко удалось справиться с английскими, американскими и голландскими вооруженными силами, охранявшими колониальные режимы в Юго-Восточной Азии. Японцы продемонстрировали участникам национально-освободительных движений региона, что «белый человек» не является непобедимым и «азиаты» его вполне могут одолеть.

Некоторые лидеры национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии, в том числе и в Индонезии, начали рассчитывать на поддержку Японии в своей антиколониальной борьбе. Однако приход японских войск на территорию региона и установление военного оккупационного порядка быстро развеяли эти радужные иллюзии. Жесткий политический режим и беспримерная эксплуатация природных, экономических и людских ресурсов оказавшихся под властью японской военщины стран и народов Юго-Восточной Азии ясно продемонстрировали деятелям освободительных движений и простым людям, что их ждет в случае реализации планов создания «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» под эгидой Японии.

Победоносное окончание в мае 1945 года войны в Европе, где решающую роль сыграл Советский Союз, нанесло сокрушительный удар по милитаристской оси Берлин — Рим — Токио. Выполняя свой союзнический долг, Россия 9 августа вступила в войну на Дальнем Востоке и раз-

* Ефимова Лариса Михайловна — д. и. н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.

громила отборную Квантунскую армию Японии. Это стало серьезным вкладом в дело освобождения народов Азии от оккупации японской военной.

Огромное превосходство союзников над Японией летом 1945 года предопределило её поражение. На другой же день после вступления СССР в войну против японского фашизма, 10 августа японский министр иностранных дел Того обратился к советскому послу в Токио Я. Малику с заявлением о готовности принять условия Потсдамской декларации, призывавшей её к безоговорочной капитуляции. 14 августа 1945 года император Хирохито заявил о капитуляции Японии¹.

Это заявление японского императора создало уникальную обстановку в Юго-Восточной Азии, когда оккупанты признали своё поражение, а колонизаторы ещё не вернулись. Руководители индонезийских националистов восприняли ситуацию как благоприятный шанс для освобождения от колониальной зависимости и обретения суверенитета. 17 августа 1945 года состоялось торжественное провозглашение независимости Индонезии. Ведущий лидер национально-освободительного движения Сукарно огласил Декларацию независимости, а на следующий день была принята Конституция, юридически оформившая создание суверенной Республики Индонезии. Сформировались республиканское правительство и другие органы власти. Президентом Республики стал Сукарно, вице-президентом — Мохаммад Хатта — признанные лидеры национально-освободительного движения.

Жизненно важными для выживания суверенной Индонезии стали международная поддержка её борьбы за отстаивание независимости и официальное признание.

Поддержка Советским Союзом борьбы Индонезии в защиту провозглашенной независимости

Голландские власти не признали независимость своей колонии, а тот факт, что провозглашение независимости произошло в условиях продолжавшейся японской оккупации, до формальной капитуляции Японии, состоявшейся только 2 сентября 1945 года, было использовано голландской пропагандой для дискредитации молодого индонезийского государства. Республика Индонезия была объявлена «детисцем» японского фашизма, а Сукарно и Хатта, руководившие освободительной борьбой и в период колониального господства Голландии, и в годы японской оккупации, заклеены как коллаборационисты и ставленники оккупантов.

Войска союзников по антифашистской коалиции, в основном английские части, начали выса-

живаться в Индонезии в конце сентября 1945 года. Их задачей было разоружение и репатриация японских войск. Однако ещё в августе 1945 года между Англией и Голландией было подписано соглашение, по которому британские войска обязывались передать власть над архипелагом колониальному правительству Нидерландской Индии. Вскоре на острова Индонезии начали прибывать голландские части, а колониальная администрация Нидерландской Индии возвратилась из Австралии в Джакарту.

Начались вооруженные столкновения между голландскими подразделениями и вооруженными отрядами индонезийцев. Англо-голландские войска заняли основные города и порты Явы, Суматры и других островов. Под контролем Республики оставались лишь внутренние районы Центральной и Восточной Явы.

Победа СССР во Второй мировой войне, превращение его в мировой центр силы, неизменный антиколониальный курс Советского государства явились причинами того, что именно с поддержкой со стороны Советского Союза стали связываться надежды борющихся против колониального порабощения народов. Одной из первых в этом ряду стала Республика Индонезия.

С конца 1945 года в советской научно-политической печати национально-освободительное движение в Индонезии все чаще стало находить поддержку². Если на первых порах страна ещё именовалась Голландская Восточная Индия, то в последующих сообщениях о колониальной войне англо-голландских войск против индонезийского народа страна называлась уже Индонезией. С 4 ноября 1945 г. газета «Правда» начинает осуждать проколониалистскую политику США, Англии и Голландии в Индонезии. С этого времени советская пресса регулярно критиковала политику западных держав в Индонезии с антиколониальных позиций.

Превращение в мировую державу в результате победы во Второй мировой войне выдвинуло СССР на ведущие позиции в руководстве новой наиболее авторитетной в мировой политике Организации Объединенных Наций. Советский Союз стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности — важнейшего органа ООН. СССР использовал своё влияние для поддержки антиколониальной борьбы угнетенных народов и оказания дипломатической помощи освободившимся от колониальной зависимости государствам. На конференции в Сан-Франциско 25 июня 1945 года была создана Подготовительная комиссия для организации работы основных органов ООН на начальном этапе её деятельности. Комиссии удалось согласовать предварительную повестку дня работы Совета Безопасности и Генеральной Ассамб-

леи. Политбюро ЦК ВКП(б) 7 января 1946 года утвердило Директивы для советской делегации на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН³. Советская делегация должна была обратить внимание Генеральной Ассамблеи на положение в Голландской Индии. Этот вопрос рекомендовалось поставить вначале в форме запроса о предоставлении Генеральной Ассамблее соответствующей информации о положении в этом районе. При этом следовало использовать опубликованные в мировой прессе фактические данные о военных действиях в Индонезии, об использовании против местного населения английских войск, а также американского, английского и иного иностранного военного снаряжения, и о втягивании в борьбу против национального движения даже японских войск.

Первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН собралась в Лондоне 10 января 1946. На ней был сформирован Совет Безопасности, начавший действовать с 19 января 1946 года. Советская делегация, следуя полученным Директивам, поставила вопрос об Индонезии. К тому же, как отмечают советские авторы, в адрес делегаций СССР, Украинской ССР и Белорусской ССР в ООН поступило много письменных и телеграфных обращений от различных индонезийских организаций и отдельных лиц с просьбами о поддержке борьбы индонезийского народа против англо-голландской интервенции⁴. Советское правительство решило, что инициативу в постановке индонезийского вопроса перед Советом Безопасности должна взять на себя делегация не СССР, а Украины.

21 января 1946 года глава делегации УССР Д.З. Мануильский обратился к председателю Совета Безопасности с письмом, в котором говорилось, что в Индонезии на протяжении ряда месяцев ведутся направленные против местного населения военные действия, в которых принимают участие как регулярные английские войска, так и вражеские японские вооруженные силы⁵. В полном соответствии с Директивами, Мануильский сослался на многочисленные сообщения печати о военных действиях английских и японских войск против Индонезии. Делегация УССР внесла на рассмотрение Совета Безопасности предложение произвести необходимые расследования и принять меры, предусмотренные Уставом ООН, для устранения такого положения.

7 февраля 1946 года началось обсуждение письма делегации УССР по индонезийскому вопросу, которому было посвящено 6 заседаний Совета Безопасности. Украинская делегация настаивала на применении в отношении индонезийского народа принципа Устава ООН, который признает за каждым народом право определить свою судьбу и избрать форму правления. Она потребовала создать специальную комиссию Совета для рас-

следования положения на месте. Глава делегации СССР А.Я. Вышинский также принял активное участие в дискуссии и полностью поддержал тезисы и предложения делегации УССР⁶. Однако советские предложения по индонезийскому вопросу не были приняты. Представители Индонезии в обсуждениях не участвовали.

Видный отечественный дипломат, специалист по Индонезии Ю.А. Шолмов подчеркивает неизменную симпатию советского правительства и народа к антиимпериалистическим национально-освободительным движениям афро-азиатских народов⁷. Советское правительство твердо взяло курс на проведение антиколониального и антиимпериалистического курса во внешней политике после второй мировой войны, продолжая довоенную линию Коминтерна на ослабление позиций капитализма и империализма в мировом масштабе. К этому следует добавить и большую симпатию советских народов по отношению к народам Азии и Африки, борющимся за свободу и суверенитет своих стран.

Несмотря на то, что предложения советской стороны не были приняты в феврале 1946 года Советом Безопасности, поддержка со стороны СССР в такой авторитетной международной организации как ООН борьбы индонезийского народа за свободу и резкое осуждение империалистических устремлений и действий западных держав не могли не способствовать успеху антиколониальной борьбы индонезийского и других народов Азии и Африки, а также распространению и упрочению представлений об СССР как о защитнике угнетенных стран и народов в противодействии западному империализму и колониализму.

Индонезийский народ с благодарностью откликнулся на поддержку со стороны СССР. В 1947 году в независимую Индонезию впервые приехали советские журналисты — корреспондент ТАСС Георгий Африн и сотрудник молодежных изданий Ольга Четкина. Их сообщения были первыми свидетельствами очевидцев о положении дел в охваченной колониальной войной и революционными преобразованиями Республике Индонезии. Информация советских журналистов была важным источником представлений о реальных событиях и процессах в этой стране для руководства Советского Союза.

Г. Африн сообщал о своих встречах с лидерами Республики и индонезийскими коммунистами, которые спрашивали советского журналиста, «почему до сих пор нет ни одного дипломата СССР, ни одного дипломата от демократических стран в Индонезии, которые, несомненно, помогли бы РИ». Корреспондент восторженно описывал встречи с коммунистическими и другими левыми руководителями, членами ЦК Компартии Индо-

незии и её активистами, которые устроили ему радостный прием и «засыпали вопросами об успехах СССР, о Сталине». «Могу сообщить одно: — писал журналист, — все люди, которые здесь были, близкие, замечательные люди, близкие по крови и по духу». 24 сентября 1947 года Г. Африн встречался с президентом РИ Сукарно. По словам корреспондента, Сукарно «выразил благодарность СССР за поддержку, сравнивал ситуацию в Индонезии с революцией 1917 года в России, вспоминал произведение Ленина о революции».

Специальный раздел корреспонденции Г. Африна озаглавил «отношение индонезийцев к СССР». «Среди широких слоев населения Индонезии чувствуется огромная любовь к СССР, к нашим вождям, народу. В Джокьякарте, Суракарте и других городах Республики Индонезии, где люди могут свободно выражать свои чувства, я непрерывно встречался с настоящей искренней демонстрацией горячих чувств любви и восхищения народа по отношению к СССР. В киосках повсюду между Джокьякартой и Суракартой книжные полки заполнены книгами тов. Ленина и Сталина. Повсюду можно встретить Сталинскую конституцию, изданную на индонезийском языке. Повсюду у меня спрашивали портреты тов. Сталина. Огромным успехом пользовались наши кинокартины»⁸.

Материалы Г.Африна были использованы в важных рабочих документах, в частности, в Записке министра иностранных дел СССР Молотова В.М., направленной Сталину, и содержащей рекомендацию установить консульские отношения с республикой Индонезией: «Среди индонезийского народа широко распространены симпатии к Советскому Союзу. На индонезийский язык переведены и распространяются произведения Ленина и Сталина, Конституция СССР и т.п.»⁹.

Советский журналист Ольга Четкина, посетившая Индонезию и другие страны Юго-Восточной Азии в мае—июне 1947 года, отмечала, что главные надежды народы колоний возлагают на помощь со стороны СССР. «Во всех странах, которые мы посетили, я увидела необычайный интерес и любовь к Советскому Союзу. ...Несмотря на отчаянную антисоветскую пропаганду, которую ведут там английские и американские газеты, среди народных масс не только не гаснет вера в СССР, а наоборот, надежда на помощь Советского Союза растет там с новой силой». Она пишет, что в самых отдаленных деревнях её спрашивали, правильно ли они делают, поднимая мятежи (против колонизаторов, — Л. Е.); сможет ли СССР послать им оружие; поддержим ли мы их, если они начнут революцию (антиколониальную, — Л. Е.) «Мы справимся с англичанами, но нам надо знать, что вы нас поддержите». Она подчеркивает их надежду

на помощь прогрессивных сил Европы и Америки, и, прежде всего Советского Союза, в борьбе за национальную независимость¹⁰.

Признание Советским Союзом Республики Индонезии

Важнейшей для молодого государства стала задача добиться международного признания. Это было подчеркнуто президентом Сукарно уже 23 августа в речи по радио¹¹. Однако западные страны, в первую очередь те, которые имели собственные колонии, не хотели признавать молодую Республику.

1 октября 1945 года Голландия заявила о непризнании правительства РИ¹². 17 октября премьер-министр Великобритании Эттли подтвердил, что его правительство не признает РИ. США объявили о невмешательстве в дела Индонезии¹³. 25 октября 1945 года в Джакарте было опубликовано коммюнике правительства РИ об отношениях с внешним миром. В документе подчеркивалась готовность вступить в переговоры с любой страной на основе признания права индонезийского народа на самоопределение¹⁴. При этом правительство призывало СССР и другие великие державы обратить внимание на происходящие в Индонезии события.

10 ноября 1945 года Сукарно обратился к «президенту СССР» с приветственной телеграммой по случаю 28 годовщины Октябрьской революции¹⁵. С 8 декабря 1945 года можно говорить о косвенном признании СССР независимой Республики Индонезии. Газета «Правда» написала о республиканском премьер-министре Шарире как о «премьер-министре Индонезии» и с этого времени республиканское правительство называлось в печати законным правительством Индонезии¹⁶. О. Четкина после личных встреч с Сукарно отмечает: «В нем чувствуется упорство в сохранении всех прав республики и беспокойство о будущем». Его волновала проблема признания Республики Индонезии со стороны СССР. Когда он задавал вопрос об этом, в его голосе звучала просьба и боязнь отказа. Сукарно также выразил желание наладить торговлю с СССР¹⁷.

Вопрос о признании Республики Индонезии со стороны СССР был поставлен в повестку дня советским правительством после подписания между Голландией и Республикой Индонезией Лингаджатского соглашения. Убедившись в решимости индонезийцев защищать независимость Республики вплоть до вооруженного сопротивления восстановлению голландского колониального господства, англичане настояли на начале переговоров колониальных властей Нидерландской Индии с представителями республиканского правительства. Переговоры начались 17 ноября 1945 года

и продолжались с перерывами до ноября 1946 года. Одновременно голландцы предпринимали против независимой Индонезии враждебные акции, интенсивность которых возрастала по мере прибытия на архипелаг новых контингентов голландских войск. Колонизаторы расширяли свои плацдармы на территории Республики, блокировали её с моря.

Власти Нидерландской Индии приступили также к созданию марионеточных государств на контролируемых территориях с целью раздробить Индонезию и ослабить национально-освободительную борьбу. Первым шагом в этом направлении стала конференция в Малино (Южный Сулавеси) в июле 1946 года, на которой было принято решение о создании на территории архипелага Соединенных Штатов Индонезии (СШИ). Республике Индонезии предполагалось предоставить лишь статус одного из этих штатов. Обещая признать независимость СШИ, колонизаторы планировали сохранить тесные связи и сотрудничество этого государственного образования с Нидерландами.

Эти и некоторые другие положения были зафиксированы в договоре между индонезийской и голландской делегациями, получившем наименование Лингаджатского (по месту подписания) соглашения. 15 ноября 1946 года оно было парафировано, а 25 марта 1947 года вступило в силу. Согласно Лингаджатскому соглашению, Голландия признавала де-факто власть Республики Индонезии на островах Яве, Суматре, Мадуре. Республика Индонезия была вынуждена согласиться на создание СШИ, а также голландско-индонезийского союза под эгидой голландской короны.

Однако документ открывал простор для различных толкований. Республиканские лидеры считали, что до создания СШИ, намеченного на 1 января 1949 года, Республика Индонезия является суверенным государством и вправе самостоятельно осуществлять внешнеполитические связи. Голландцы же настаивали, что суверенитетом будут обладать лишь СШИ и, следовательно, Республика не должна иметь официальных контактов с другими государствами.

Несмотря на существовавшие разногласия, значение Лингаджатского соглашения заключалось, прежде всего, в том, что Голландия признала РИ де-факто. Вслед за ней такое же признание РИ получила со стороны Великобритании, США, Индии.

Но борьба против голландского колониализма в Индонезии за полную свободу и независимость Республики Индонезии продолжалась. В этой борьбе главный упор индонезийские власти сделали не на военные, а на дипломатические методы. Республиканские лидеры развернули широкую дипломатическую активность, стремясь

привлечь внимание международной общественности, а также помощь влиятельных мировых держав, особенно Советского Союза.

Первые контакты советских представителей с индонезийцами произошли на Межазиатской конференции по укреплению связей между странами региона, которая состоялась в Дели в конце марта — начале апреля 1947 года. Это была первая международная конференция, в которой участвовала делегация РИ. Её возглавлял премьер-министр и министр иностранных дел Шарир.

Шарир информировал советских делегатов о тяжелом положении Республики Индонезии, в отношении которой Голландия, несмотря на признание де-факто, продолжала проводить политику экономической блокады и внешнеполитической изоляции. Шарир прямо говорил советской делегации, что если Республике не будет оказана помощь, она будет разгромлена. Индонезийские представители выражали желание использовать Советскую миссию в Бангкоке (Таиланд) для связей¹⁸.

Индонезийцы вновь выразили желание быть признанными Советским Союзом в радиопередаче 4 апреля 1947 года. Индонезийское радио, говоря о взаимоотношениях Индонезии с другими странами, сообщило, что Индонезия стремится к установлению взаимоотношений со «странами, входящими в СССР»¹⁹.

Признание РИ целым рядом стран Европы, Азии и Африки не только де-факто, но и де-юре, а также развернутая Шариром деятельность в области налаживания внешних связей РИ, особенно обращения, хотя и косвенные, к СССР, вызывали озабоченность голландских властей. 19 апреля 1947 года нидерландское посольство в Москве направило ноту МИД СССР, в которой давало свою интерпретацию Лингаджатского соглашения, прежде всего в части, касающейся права РИ на установление дипломатических отношений с заграничней. В ноте подчеркивалось, что только СШИ, которые будут созданы согласно Лингаджатскому соглашению позже и включающие РИ, будут иметь право на установление дипломатических отношений. До создания СШИ правительство Нидерландов несет полную ответственность за все внешние сношения Королевства Нидерландов, включая и Нидерландскую Восточную Индию²⁰. Со своей стороны правительство Шарира заявляло, что «создание представительств РИ за границей является вопросом, касающимся только РИ и заинтересованных государств и никого больше»²¹.

Вопрос о признании Советским Союзом Республики Индонезии был поставлен на обсуждение в МИД СССР. Исходя из норм международного права договорно-правовой отдел заключал, что СССР не может в данное время признать РИ

де-юре, потому что РИ в международно-правовом общении представлена Нидерландским Королевством. Но СССР может признать РИ де-факто. В качестве первого шага отдел рекомендовал направить советского консула в Джокьякарту, где в то время находилось правительство РИ. Отдел полагал, что такое назначение не было бы признанием де-юре, и против него Голландия не смогла бы протестовать. Вместе с тем, это подчеркнуло бы советскую заинтересованность в развитии дружественных отношений с Индонезией²². Таким образом, Договорно-правовой отдел МИД рекомендовал оставаться строго в рамках международного права и вместе с тем проявить интерес к РИ и дружеским отношениям с ней.

В западной историографии утвердилось мнение, что попытка установления советско-индонезийских консульских отношений являлась результатом советской инициативы, была навязана Сталиным лидерам Республики Индонезии. Это событие рассматривалось как конкретное воплощение тщательно продуманных и разработанных планов распространения коммунизма и влияния СССР в Юго-Восточной Азии. Известные авторы Вирджиния Томпсон и Ричард Адлофф писали: «До и после войны русские нашли в Индонезии самую благоприятную почву в этом регионе для своих прямых и завуалированных действий»²³. Английский ученый Дж. Бриммел утверждал, что инициатива в деле установления советско-индонезийских консульских отношений исходила от Москвы: советский посол в Праге предложил индонезийскому представителю в Чехословакии Сурипно заключить советско-индонезийское консульское соглашение, которое было одобрено Советским Союзом в январе 1948 года, но отвергнуто индонезийским правительством во главе с А. Шарифуддином, и тогда СССР ратифицировал это соглашение в одностороннем порядке²⁴.

Ближе всего к истине подошла Рут Маквей, которая, по её собственному признанию, собирала материал об этом по крохам. Но и она признает, что для исследователей история заключения советско-индонезийского консульского соглашения осталась окруженной великой тайной²⁵.

Документы из Архива Внешней Политики Российской Федерации позволяют пролить свет на эту «тайну». Согласно архивным материалам, события происходили следующим образом.

20 июля 1947 года голландская армия начала первую «полицейскую акцию» против Республики. Положение Индонезии резко осложнилось. Республиканские лидеры видели, что хотя США и Англия фактически признали молодое государство и на словах громко осуждали голландскую агрессию, они не предпринимали никаких

практических мер для её прекращения. 17 января 1948 года республиканское правительство было вынуждено подписать Ренвиллское соглашение с Нидерландами. Территория Республики значительно сокращалась, под голландской оккупацией осталась большая часть Явы, важнейшие районы Суматры. Вопрос о статусе РИ был обойден, в результате чего и это соглашение допускало разные интерпретации о её суверенитете. В целом, Ренвиллское соглашение было ещё более тяжелым для РИ, чем Лингаджатское.

Поскольку посреднические функции при подписании Ренвиллского соглашения выполняли США, прежние проамериканские настроения среди республиканской общественности стали омрачаться подозрениями, что американцы стоят на стороне Голландии. Последовавшие затем в ООН дебаты способствовали росту симпатий индонезийцев к СССР, который неизменно призывал к отводу голландских войск на исходные позиции. Среди индонезийцев нарастала уверенность, что из всех членов Совета Безопасности лишь Советский Союз является истинным сторонником Республики Индонезии. Это подчеркивали даже американские историки²⁶. По мере нарастания голландской агрессии положение Республики Индонезии становилось катастрофическим, необходимы были немедленные и чрезвычайные меры. Правительство с середины 1947 года возглавлял Амир Шарифуддин — видный лидер левого крыла освободительного движения. Представляется, что именно эти факторы и предопределили первые практические шаги в советско-индонезийских отношениях.

26 января 1948 года Поверенный в делах СССР в Чехословакии М. Ф. Бодров сообщил заместителю министра иностранных дел СССР В. А. Зорину о том, что к нему обратился представитель Республики Индонезии с письмом, в котором содержится предложение установить дипломатические отношения между СССР и РИ. К сообщению прилагалось письмо Чрезвычайного посланника и полномочного министра Республики Индонезии Сурипно от 23 января 1948 года. В нем говорилось, что 13 января 1948 года он получил по телеграфу свое назначение на пост Чрезвычайного посланника и полномочного министра РИ в Восточной Европе с целью установления отношений РИ с этими странами. 23 января он получил дополнительные инструкции по установлению отношений с СССР и Чехословакией. Сурипно информировал, что получил от правительства РИ все полномочия для ведения переговоров от имени РИ с представителями СССР. Он сообщил также, что уже несколько месяцев находится в Праге как глава индонезийской информационной службы²⁷.

МИД не имел никакой информации о Сурипно, и Зорин поручил ОЮВА собрать сведения о нем. ОЮВА установил, что Сурипно являлся членом ЦК КПИ и руководителем Лиги индонезийской молодежи. Участвовал в ряде международных конференций, в частности был членом и секретарем индонезийской делегации и представителем МИД РИ на Межазиатской конференции в Дели (март—апрель 1947 г.) Там он установил близкий контакт с советской делегацией и проявил себя в качестве человека, дружелюбно настроенного к Советскому Союзу. Сурипно возглавлял индонезийскую молодежную организацию на Фестивале молодежи в Праге в 1947 году и вошел как представитель Индонезии в состав Исполкома Международного совета студентов, находившегося тоже в Праге. Однако он уже в Дели сообщил советской делегации, что получает дипломатический пост и должен отойти от молодежного движения²⁸.

Получив эти сведения, МИД разрешил советскому посланнику в Праге встретиться с Сурипно. Такая встреча произошла 17 февраля 1948 года. Сурипно сообщил, что он уполномочен правительством РИ вести переговоры с советским правительством об установлении между РИ и СССР дипломатических отношений и о заключении договора о дружбе и взаимопомощи. Сурипно обещал позднее прислать ноту в подтверждение этого²⁹. 10 июня 1948 года копия грамоты от 25 декабря 1947 года за подписью президента Сукарно и заместителя министра иностранных дел РИ доктора Тамзила, подтверждающей указанные полномочия Сурипно, была получена Отделом Юго-Восточной Азии (ОЮВА) МИД СССР³⁰.

В заключении Договора-правового Управления от 16 марта 1948 года говорилось, что СССР может устанавливать дипломатические отношения с любой страной, которую он считает самостоятельным субъектом международного права. Независимость и суверенитет РИ провозглашены в Декларации 17 августа 1945 года, подписанной Сукарно и Хатта. Голландия на основании Лингаджатского и Ренвиллского соглашений признает де-факто РИ. К тому же, выступая в феврале 1948 года в Рабочем Комитете Центрального Национального Исполнительного Комитета (временного парламента РИ) премьер-министр Хатта отметил намерение РИ сохранить суверенитет и взаимоотношения с иностранными государствами. Поэтому установление дипломатических отношений между СССР и РИ юридически возможно³¹.

Опираясь на юридическое заключение ДПУ и подтверждение полномочий Сурипно, ОЮВА рекомендовал руководству МИД принять предложение РИ и пойти на установление дипломатических отношений между РИ и СССР. Отдел

подчеркивал, что это благоприятно скажется на политическом положении РИ и будет способствовать повышению авторитета СССР как в странах ЮВА, так и в мусульманских государствах. Отдел указывал на политическую важность поддержки борьбы РИ против голландского колониализма и помогающего ему империализма США и Англии. В то же время ОЮВА считал целесообразным от переговоров по заключению договора о дружбе и взаимопомощи с РИ, как предлагал Сурипно, пока воздержаться³².

Представитель СССР в ООН А. А. Громыко также рекомендовал отнестись к предложению индонезийцев об установлении дипломатических отношений положительно и пойти на открытие советского консульства в РИ, признав её де-факто. Эту точку зрения разделял и советский посол в Голландии³³.

14 апреля 1948 года на совещании заместителей министра иностранных дел СССР вопрос об установлении дипломатических отношений между СССР и Индонезией был решен положительно³⁴. Теперь необходимо было получить согласие высшего светского руководства. 14 мая 1948 года В. М. Молотов направил Записку И. В. Сталину, в которой сообщал о желании правительства Республики Индонезии установить отношения с СССР. Текст Записки был следующим:

«Товарищу Сталину.

23 января с.г. к нашему Поверенному в Делах в Праге т. Бодрову обратился с письмом специальный посланник Республики Индонезии Сурипно (по его словам — член ЦК Компартии Индонезии). В своем письме Сурипно сообщил о желании правительства Республики Индонезии установить отношения с СССР.

17 февраля с.г. Сурипно посетил т. Бодрова и заявил ему устно, что правительство Республики Индонезии хотело бы установить дипломатические отношения и заключить договор о дружбе и взаимопомощи.

10 марта с.г. Сурипно сообщил т. Бодрову, что он, выступая с предложением об установлении дипломатических отношений, действует по поручению нынешнего правительства Республики Индонезии во главе с Хатта. Он заявил также, что голландско-индонезийское Ренвиллское соглашение от 17 января 1948 года не лишает Республику права иметь прямые дипломатические отношения с иностранными государствами, и что Республика Индонезия уже признана отчасти де-факто (США, Англия, Австралия, Индия), отчасти де-юре (Египет, Сирия, Иран, Афганистан и другие)». Далее следовали краткие сведения о территории и населении Индонезии.

В заключение говорилось: «Среди индонезийского народа широко распространены симпатии

к Советскому Союзу. На индонезийский язык переведены и распространяются произведения Ленина и Сталина, Конституция СССР и т.п.

Учитывая, что больше 10 государств уже имеют с Республикой Индонезией консульские отношения, полагал бы возможным установить и нам консульские отношения с Республикой Индонезией и сообщить Сурипно, что вопрос об установлении дипломатических отношений будет рассмотрен позже. В соответствии с вышеизложенным прошу утвердить прилагаемый проект Постановления ЦК ВКП(б) В. Молотов».

В проекте Постановления ЦК ВКП(б) говорилось:

1. Принять предложение МИД СССР об установлении консульских отношений между СССР и Индонезийской Республикой.
2. Поручить МИД СССР обменяться соответствующими нотами с Правительством Индонезийской Республики.

В приложении имелся также текст сообщения для печати, который и был опубликован позже³⁵.

22 мая 1948 года в помещении советского посольства в Праге состоялся обмен письмами между советским Чрезвычайным и Полномочным Послом М. А. Силиным и Специальным посланником и полномочным министром РИ Сурипно об установлении консульских отношений между СССР и РИ и взаимном обмене консулами. Сообщение из Праги в МИД СССР об обмене письмами об установлении консульских отношений сопровождалось записью беседы советского посла с Сурипно, в которой мы находим любопытные детали этой процедуры. Сообщается, что советский посол пригласил Сурипно в советское посольство, где Сурипно был вручен русский текст проекта индонезийской ноты советской стороне, поскольку индонезийская сторона практически не имела никакого опыта составления дипломатических документов. Тут же русский текст был переведен на английский и индонезийский языки Сурипно полностью согласился с текстом проекта ноты, взял его с собой и через некоторое время вернулся в советское посольство с этой нотой уже напечатанной на индонезийском языке. Текст остался практически без изменений. Сурипно подписал индонезийскую ноту и приложил к ней свою печать. После этого состоялась официальная церемония обмена нотами. При вручении ноты Сурипно просил как можно скорее направить советского консула в РИ. Он подчеркивал, что это будет первый иностранный консул на территории РИ. Другие консулы стран (США, Франции, Китая, Индокитая), признавших РИ, находились, тем не менее, в Батавии, на территории, оккупированной Голландией. Кроме того, Сурипно отметил, что врученная им нота является первым междуна-

родным документом на индонезийском языке — языке бывшей колониальной страны³⁶.

При обмене нотами нашел отражение тот факт, что инициатива об установлении отношений между СССР и РИ исходила от индонезийской стороны. В ноте Сурипно говорилось: «Настоящим уведомляю Вас, что правительство РИ, учитывая происшедший между нами обмен мнениями, пришло к выводу о целесообразности установления с сего числа консульских отношений и взаимного обмена консулами.» В советской ноте подтверждалось получение индонезийской ноты и сообщалось, что советское правительство принимает предложение правительства РИ об установлении консульских отношений и взаимном обмене консулами. МИД СССР приступил к разработке практических шагов для открытия Генерального консульства СССР в Индонезии³⁷.

После опубликования 26 мая 1948 года в Москве и Праге коммюнике об установлении консульских отношений между СССР и РИ в Голландии поднялась буря протеста. Все газеты требовали решительных мер против утверждения и реализации достигнутых между СССР и РИ договоренностей. Отражая мнение правительственных кругов, голландская печать стала запугивать молодую РИ, а голландские власти в Индонезии активизировали деятельность по удушению и ликвидации РИ (экономическая блокада, введение единой монетной системы с целью положить конец экономической независимости РИ). Одновременно в Батавии ещё до окончания продолжавшихся голландско-республиканских переговоров было создано «временное правительство» для всей Индонезии, что фактически означало восстановление колониального голландского управления.

Давление голландских властей на правительство РИ не принесло, однако, ожидаемых результатов. Республиканские власти всячески старались уклониться от выполнения требований голландцев дезавуировать действия Сурипно, поскольку не только левые группировки, входившие в правительство А. Шарифуддина, к которым принадлежал Сурипно, но и правые республиканские круги понимали, что признание со стороны СССР и установление с ним дипломатических отношений имеет жизненно важное значение для РИ в её отчаянных попытках отстоять своё существование.

В документах МИД СССР приводятся сведения, почерпнутые из голландских газет, о реакции республиканских деятелей на установление консульских отношений с СССР. Министр иностранных дел РИ Агус Салим заявил, что ему ничего не известно об установлении дипломатических отношений между РИ и СССР. Он отметил, что позиция Сурипно ему не совсем ясна, поскольку

Сурипно, по его мнению, не имел никаких полномочий подписывать соглашение. Салим добавил, что он, как министр иностранных дел республиканского правительства, не признает действий Сурипно. Тем не менее он не мог не отметить, что, возможно, сообщение об этом событии по радио свидетельствует о том, что СССР проявил собственную инициативу и в одностороннем порядке признал независимость Индонезии без всяких просьб со стороны Республики, что им, Агус Салимом, приветствовалось бы. В то же время, другая голландская газета, ссылаясь на полученные в Гааге сведения, сообщала, что Сурипно действительно получил из Джокьякарты задание вести переговоры с Россией³⁸.

По сообщению лондонской газеты «Таймс» со ссылкой на сообщение министра информации РИ 30 мая 1948 года, Сурипно был отозван из Праги. Министр информации также утверждал, что Сурипно не было дано специальных инструкций заключать подобное соглашение, и он действовал на основании общего мандата, данного ему в декабре 1947 года. Газета сообщала также, что республиканская делегация информировала комиссию «добрых услуг» и голландскую сторону на голландско-республиканских переговорах о том, что РИ не намерена предпринимать шаги по установлению новых внешних связей кроме уже существовавших до подписания Ренвиллского соглашения³⁹.

Однако Голландия настаивала на полном официальном дезавуировании Сурипно, требовала заявления о том, что правительство РИ не намерено ратифицировать соглашение с СССР. Глава голландской делегации ван Бреденбурх заявил, что, так как согласно первому принципу Ренвиллского соглашения суверенитет над всей Индонезией принадлежит Голландии, то республиканское правительство не может на законном основании осуществлять свои собственные внешние сношения. В ответ председатель республиканской делегации Рум сказал, что отказ от внешних сношений Индонезии будет означать для республиканцев ничто иное как ликвидацию РИ до создания СШИ, которые должны принять суверенитет как от РИ, так и Голландии на территории Индонезии. РИ считает, что она, а не Голландия обладает собственным суверенитетом над своей территорией до создания СШИ⁴⁰.

Последовала и официальная реакция голландского правительства на установление консульских отношений между СССР и РИ. В конце мая — начале июня в форме меморандума МИД СССР и бесед голландского министра иностранных дел с советским послом в Гааге голландское правительство выразило протест против установления советско-индонезийских консульских от-

ношений как противоречащих букве и духу Ренвилльских соглашений. Советский посол в Гааге в беседе с министром иностранных дел Голландии указал, что РИ признали и имеют с ней дипломатические и консульские отношения ряд стран, в том числе США и Британия. Но голландский министр подчеркнул, что консулы этих стран находятся на территориях, контролируемой Голландией, и СССР тоже мог бы иметь там своего представителя. В ответ на это советский посол указал, что это не относится к установлению отношений с РИ, и к тому же, Голландия не разрешает советским представителям (корреспонденту ТАСС и другому) пребывание на контролируемой ею территориях⁴¹. Отсюда видно, отношения голландских властей к Индонезии, к признанию СССР Индонезии де-факто и к советским представителям было предвзятым и расходилось с отношением к другим западным странам, признавшим РИ.

В сентябре 1948 года в РИ начались Мадийские события — мятеж левых сил против правительства РИ, в который была вовлечена и недавно воссозданная КПИ. Уже после стихийного начала Мадийских событий, выступая на митинге в г. Мадийне лидер индонезийских коммунистов Муссо настаивал на быстрейшем обмене консулами и установлении торговых отношений с СССР⁴². Это в значительной мере оттолкнуло умеренных и правых республиканских лидеров, поддерживавших правительство РИ, от одобрения связей с СССР. В результате установление консульских отношений между РИ и СССР так и не состоялось. Соглашение об их установлении в форме обмена письмами 22 мая 1948 года, не вступило в силу.

Установление советско-индонезийских дипломатических отношений

После Мадийских событий и отказа под нажимом Голландии правительства Республики Индонезии одобрить и ввести в действие достигнутое с СССР соглашение об установлении консульских отношений позиции СССР по индонезийскому вопросу в ООН не изменились. СССР продолжал поддерживать Республику Индонезию в её борьбе против голландской колониальной агрессии, потребовал отвода войск после второй «полицейской акции» Нидерландов 19 декабря 1948 года и немедленного освобождения арестованных голландцами президента Сукарно и других республиканских лидеров⁴³.

Не сумев силой оружия ликвидировать независимость Индонезии, Голландия в 1949 году навязала стране свои условия признания суверенитета на голландско-индонезийской Конференции Круглого Стола (ККС), проходившей в 1949 году. На территории Индонезийского архипелага было создано федеративное государство Республика

Соединенных Штатов Индонезии (СШИ). 27 декабря 1949 года состоялась официальная передача суверенитета новой федерации. Президентом был избран Сукарно, правительство возглавил Хатта.

Правительство Нидерландов было заинтересовано в признании СШИ международным сообществом. Оно обратилось к СССР с просьбой признать новое государственное образование. 24 декабря 1949 года посол Нидерландов в Советском Союзе Виссер встретился с заместителем министра иностранных дел А. А. Громыко и вручил ему ноту. В ней сообщалось, что на основе соглашений ККС от 2 ноября 1949 года с 27 декабря 1949 года СШИ будут признаны Голландией как независимое и суверенное государство. Высказывалось предположение, что новое государство будет пытаться установить дружеские отношения со всеми миролюбивыми странами. В ноте выражалась уверенность, что после передачи суверенитета СШИ правительство СССР признает новое государство⁴⁴.

Планы Нидерландов по образованию на территории Индонезийского архипелага Соединенных Штатов Индонезии с включением в новое образование и Республики Индонезии вызвали негативную реакцию в СССР. Однако понимая, что советское признание усилит позиции нового государства на мировой арене, советское правительство решило отреагировать положительно на просьбу Нидерландов.

25 января 1950 года министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский направил Сталину записку и проект Постановления ЦК ВКП(б).

«Тов. Сталину И. В.

Представляю:

1. Проект ответной ноты МИД СССР правительству Нидерландов об Индонезии;
2. Проект телеграммы на имя премьер-министра Индонезии Хатта;
3. Проект сообщения для печати.

Прилагаю проект Постановления ЦК ВКП(б).
Прошу рассмотреть.»⁴⁵

В проекте Постановления ЦК ВКП(б) содержались следующие пункты:

1. Принять предложение МИД СССР о признании Республики СШИ;
2. Утвердить представленные МИД СССР
  - Проект ноты правительству Нидерландов о признании СШИ
  - Проект телеграммы на имя премьер-министра СШИ
  - Проект сообщения для печати.

На данном проекте постановления ЦК ВКП(б) стоит надпись простым карандашом: «тов. Поскребышеву. [личный секретарь Сталина] Утверждено товарищем Сталиным 25.1. Прошу оформить (без подписи)⁴⁶.

В подготовленный МИД СССР проект телеграммы премьер-министру СШИ Хатте, которой сообщалось о решении советского правительства признать СШИ, рукою Вышинского добавлено «и установить дип. отношения» с пометкой «правка Сталина 25/1-50, в 11.15» Возможно, Вышинский правил проекты документов прямо под диктовку Сталина или сразу же после встречи с ним. Слова об установлении дипломатических отношений с СШИ были внесены Вышинским и в проект советской ноты Нидерландам о признании СШИ⁴⁷.

После всех исправлений и утверждений акт признания СССР Республики СШИ был оформлен официально рассылкой соответствующих документов. В тот же день 25 января Вышинский направил телеграмму о признании СШИ Хатте. Нота Нидерландам о признании СШИ была вручена Громыко послу Голландии Виссеру тоже 25 января поздно вечером в 23.30, о чем свидетельствует запись в дневнике Громыко⁴⁸. Официальное сообщение о признании СССР СШИ было опубликовано в газете «Правда» на следующий день 26 января 1950 года.

3 февраля 1950 года в МИД СССР была получена телеграмма премьер-министра СШИ Хатты на имя Вышинского. Хатта подтверждал получение советской телеграммы о признании СШИ, сообщал о высокой оценке в Индонезии этого акта СССР и выражал готовность рассмотреть вопрос об открытии переговоров относительно установления дипломатических отношений между двумя странами⁴⁹.

Советское правительство проявило интерес и готовность установить дипломатические отношения безотлагательно. При этом, несмотря на в целом сдержанное отношение в СШИ к советскому признанию, отношение СССР оставалось теплым и благожелательным. Вышинский в телеграмме на имя Хатты от 15 февраля 1950 года предложил индонезийской стороне выбрать место переговоров⁵⁰. Индонезийские власти сообщили 11 апреля о направлении индонезийской делегации на переговоры в Москву⁵¹. Делегацию возглавил Л. Н. Палар. Перед нею была поставлена задача выявить позицию СССР о приеме Индонезии в члены ООН. Палар подчеркнул, что весьма представительный состав индонезийской делегации должен показать правительству СССР и всему миру важность, которую придает правительство СШИ миссии этой делегации⁵². Палар неоднократно отмечал взаимопонимание между индонезийской делегацией и представителями советского правительства и подчеркивал, что главной целью его миссии является продемонстрировать всему миру важность установления дипломатических отношений с СССР и устранить всякие сомнения на этот счет⁵³. В сентябре

1950 года Индонезия с согласия СССР была принята в члены ООН.

На протяжении первой половины 1950 года в Индонезии шел процесс превращения США в унитарное государство. Формирование унитарного государства происходило путем присоединения отдельных штатов к Республике Индонезии. В итоге 19 мая 1950 года правительства США и Республики Индонезии подписали соглашение об образовании унитарного государства под названием Республика Индонезия. Этот процесс завершился 16 августа 1950 года официальным провозглашением единого государства.

Обмен дипломатическими представительствами между Республикой Индонезией и Советским Союзом состоялся только в 1954 году. Однако в Советском Союзе сложилась традиция считать

официальной датой установления советско-индонезийских отношений 3 февраля 1950 года, т.е. дату положительного ответа индонезийского правительства на уведомление Советского правительства о признании независимости и суверенитета Индонезии.

Таким образом, прекращение колониальной войны против провозгласившей независимость Индонезии, международное признание Республики, вступление молодой страны в ООН и превращение её уже в первые послевоенные годы в полноправного субъекта международных отношений в значительной мере были обусловлены неизменной помощью и поддержкой со стороны СССР, внесшего решающий вклад в победу над фашизмом и по праву занявшего ведущие позиции на мировой арене.

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973, Т. II, стр. 229.

² Ruth T. McVey. The Soviet View of the Indonesian Revolution. Interim Report Series, Modern Indonesia project, Southeast Asia Program, Cornell University, Ithaca, New York, p. 3.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) фонд (ф.) 89 опись (оп.) 38 дело (д.) 65 листы (л.) 7, 8.

⁴ Ю. А. Шолмов. Советский Союз — Индонезия 1945–1954. — М.: Наука, 1976. — С. 33–34.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см. там же стр. 35–42.

⁸ Архив Внешней Политики Российской Федерации (АВП РФ) Фонд Секретариата Молотова В. М. ф. 06 оп. 10 д. 631 папка (п.) 46 л. 3–21.

⁹ АВП РФ ф. 06 оп. 10 д. 633 п. 46 л. 2.

¹⁰ Raliby O. Dokumenta historica. Djakarta; Bulan-Bintang, 1953, h.17.

¹¹ Ibidem.

¹² Fisher L. The Story of Indonesia. N.Y. 1959, p.81.

¹³ Woodman D. The Republic of Indonesia. — London, 1955 — P. 210

¹⁴ Himpunan Undang2, Peraturan2, Penetapan2 Pemerintah Republik Indonesia. 1945, Djakarta, 1951, h. 65; Юрий Алешин. Советско-индонезийские отношения в 1945–1962 годах. Москва, 1963, с. 19.

¹⁵ АВП РФ ф. 091 оп. 2 д. 3 п. 1 л. 7.

¹⁶ Ruth T. McVey. The Soviet View of the Indonesian Revolution. Interim Report Series, Modern Indonesia project, Southeast Asia Program, Cornell University, Ithaca, New York, p. 3.

¹⁷ РГАСПИ ф.17 оп.128 д.249 л. 49.

¹⁸ АВП РФ ф. 091, оп. 1 д. 1 п. 1 л. 6–7,8

¹⁹ Там же, л. 5

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ Там же, л. 4.

²² Там же, л. 11.

²³ Tompson V., Adloff R. The Left Wing in Southeast Asia. William Sloane Associates, New York, 1950, p.193.

²⁴ Brimmel J. H. Communism in South East Asia. Oxford University Press, 1959, p. 232.

²⁵ McVey R. op. cit. p. 47.

²⁶ Kahin G.M. Nationalism and Revolution in Indonesia. Ithaca, N.Y. Cornell Univ. Press 1963, pp. 215–216, 220.

²⁷ АВП РФ ф. 091 оп. 2 д. 3 п. 1 л. 1–2.

²⁸ Там же, л. 4.

²⁹ Там же, с. 7.

³⁰ АВП РФ ф. 091 оп. 2 д. 3 п. 1 л. 13

³¹ Там же, л. 11–12,

³² Там же, л. 5–16.

³³ Там же, л. 18–19.

- 34 Там же, л. 22.
- 35 АВП РФ ф. 06 оп. 10 д. 633 п. 46 л. 1–3.
- 36 Там же, л. 28–29.
- 37 Там же, л. 25, 26, 84.
- 38 Там же, л. 37.
- 39 «Times» 31 May 1948.
- 40 АВП РФ ф. 091 оп. 2 д. 3 п. 2 л. 31–32
- 41 Там же, л. 54, 58–60.
- 42 Там же, л. 91.
- 43 Шолмов Ю. А. Советский Союз — Индонезия. 1945–1954. М., 1976, с. 106–112, Жаров В. А. и Кондрашкин О. Н. Дружба и сотрудничество Советского Союза и Республики Индонезии. Республика Индонезия 1945–1960. М., 1961, с. 355–356.
- 44 АВП РФ ф. 07 оп. 23а д. 185 п. 13 л. 1–2.
- 45 АВП РФ ф. 07 оп. 23а д. 185 п. 13 л. 14.
- 46 Там же, л. 15.
- 47 Там же, л. 12,16.
- 48 АВП РФ ф. 091 оп. 6 д. 3 п. 3 л. 6.
- 49 АВП РФ ф. 091 оп. 3 д. 1 п. 1 л. 1–2.
- 50 Там же, л. 3.
- 51 Там же, л. 4.
- 52 АВП РФ ф. 091 оп. 6 д. 3 п. 3 л. 26–27.
- 53 Там же, л. 28–32.

Книга сорок четвертая

ЗА ПРАВДУ В ИСТОРИИ

Мы не можем судить историю, но мы можем и должны знать правду

М. А. Мунтян*

Семьдесят лет тому назад безоговорочной капитуляцией Германии завершилась Вторая мировая война в Европе. Две конференции руководителей «Большой тройки» антигитлеровской коалиции приняли согласованные решения об основных параметрах послевоенного устройства мира, продемонстрировав высокие образцы союзнического сотрудничества. Опубликованные документы определяли принципы создаваемой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, а учреждаемая Организация Объединенных Наций должна была озаботиться обеспечением международной безопасности. Антигитлеровская коалиция «сумела обеспечить победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, показав широкие возможности демократического сотрудничества среди большинства государств мира»¹.

Союзники официально заявляли о продолжении сотрудничества и в мирное время. Но Сталин от «Кембриджской пятерки» знал уже о разработанной по приказу Черчилля весной 1945 г. операции «Немыслимое», предусматривавшей использование до 1 млн не разоруженных немецких военнослужащих в возможных боевых действиях англо-американских войск против Красной армии в случае, если русские не ограничатся взятием Берлина, а двинутся дальше на Запад. Москва также была предупреждена и об удачном испытании в США атомной бомбы, которую президент Г. Трумэн рассматривал как «большую дубинку для русских парней». Выиграв войну, главные державы антигитлеровской коалиции с самого начала начали проигрывать мир, в недалеком будущем на деле превратившийся в войну холодную:

- и потому, что к власти в США после смерти Ф. Д. Рузвельта пришла команда, которая изначально относилась к СССР как только к «союзнику на случай войны» и по иному, чем ФДР, формулировала геополитические интересы США, переформатировав свои международные цели с учетом возможностей «атомной политики»;
- и потому, что синдромы «Мюнхена 1938» и «22 июня 1941» подталкивали советское руководство к созданию дополнительного пояса безопасности, имея в виду дружественные СССР режимы в восточноевропейских странах;
- и потому, что усаженные в США за письменные столы, чтобы проанализировать причины поражения Третьего рейха, пленные немецкие генералы всю вину за крах блицкрига возложили на русское бездорожье, «генерала Мороза» и элементарные военные ошибки «бесноватого фюрера». Тем самым они предрекали США удачу в противоборстве с русскими, если янки будут опираться при этом на вчерашних противников — Германию и Японию;
- и потому, что СССР после Второй мировой войны была фактически единственной сверхдержавой, которая стояла на пути к осуществлению *Rex Americana*, то есть мировому военно-политическому и экономическому господству США.

И в этом смысле геополитические интересы двух супердержав не только разводили их по разные стороны баррикады в формировании и планировании собственной стратегии поведения в мире, но и в оценках прошлого военного

* Мунтян Михаил Алексеевич — д. и. н., профессор, шеф-редактор Объединенной редакции научных изданий МГИМО(У) МИД России.

сотрудничества и его политических результатов. Сначала это была разнящаяся интерпретация отдельных моментов и событий Второй мировой войны — причин возникновения всемирного конфликта, проблемы открытия второго фронта союзников на европейском континенте, вопроса о признании французского сопротивления важным субъектом антигитлеровской коалиции и т.д. Затем в это дело вмешалась холодная война, характеризовавшаяся приращением и укрупнением самих расхождений между вчерашними союзниками, которые проистекали из результатов Второй мировой войны. Это были проблемы «советизации Восточной Европы», провозглашения «железного занавеса», а затем и возведения «берлинской стены», берлинских кризисов, создания военных блоков и др., в связи с чем обозначившиеся между двумя сверхдержавами и их союзниками противоречия сдвигались в идеологическую сферу, то есть становились бескомпромиссными и дихотомичными.

Переписывание истории Второй мировой войны западными союзниками, прежде всего в той ее части, которая касалась решающего вклада СССР в достижение Великой Победы, заключалось в этот период:

- в смене акцентов в оценках главных военно-политических событий в антигитлеровской войне;
- в известном ретушировании участия в ней многих европейских государств, в том числе членов фашистско-нацистской «Оси», а также оценок деятельности коллаборационистских режимов и сил;
- в выдвигании на авансцену истории событий и процессов, которые на деле являлись и признавались, в свое время, второстепенными, и, соответственно, преуменьшении или полном забвении действительно судьбоносных для развертывания мировой войны битв и сражений на восточном, советско-германском фронте и т.д.;
- в фальсификации освободительного заграничного похода Красной армии, завершившегося штурмом Берлина и спасением восставшей против немецких оккупантов Праги.

Проигрыш Советским Союзом холодной войны и развал страны открыл перед западными союзниками возможность и обусловил желание победителей, как этого и следовало ожидать, полного и системного пересмотра истории Второй мировой войны, создания ее новой концепции. Масштаб искажений и фальсификаций в ней был настолько велик, что в мае 2009 года, в преддверии 65-летия Победы, президент РФ Д. Медведев на волне общественного возмущения кампанией по очернению истории Великой Оте-

чественной войны учредил «Комиссию по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России». Тем самым он возвел борьбу с фальсификацией истории в ранг государственной политики.

Международные структуры и государства, давно превратившие историю в эффективное средство решения своих политических задач, в том числе и в сфере международных отношений, дружно заявили о недопустимости вмешательства государства (естественно, российского) в исторические споры. Либеральная общественность внутри страны и вовсе устроила истерику по поводу того, что свобода слова в стране с созданием Комиссии оказалась в опасности. Но в действительности эта структура возникла потому, что в опасности оказались отечественная история и само Российское государство. Показательно, что в 2010 г. уже каждый третий гражданин России был согласен с утверждением, что наша страна несет равную ответственность с Германией за начало Второй мировой войны².

Замена Комиссии по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны воссозданным Российским историческим обществом вовсе не означала, что отпала необходимость в восстановлении объективной исторической памяти у значительной части наших соотечественников. К счастью, большую часть работы в этом отношении выполнила форма, процедура и сам факт возвращения в состав России Крыма, когда волеизъявление крымчан и решительность действий российского президента были поддержаны огромным большинством граждан страны и создали в ней новую идейно-патриотическую атмосферу.

В условиях антироссийской санкционной политики западных государств гражданская сплоченность населения вокруг руководства РФ играет решающую роль в сохранении страной суверенитета и самостоятельного курса развития. Следует также отметить, что в канун 70-летия Великой Победы в Отечественной войне 1941–1945 гг. активность внутренних фальсификаторов серьезно сократилась. Но о внешних реакциях на предстоящий юбилей Великой Победы в России этого сказать нельзя. Более того, можно утверждать, что в попытках изолировать РФ и сорвать юбилейные торжества в Москве западными странами была широко использована их новая концепция истории Второй мировой войны. Масштабы извращения и фальсификации в ней событий и контента этой большой войны были глубокими и опасными, в связи с чем некоторые СМИ посчитали эту концепцию еще одной глобальной угрозой будущему всего человечества, определив ее как «надругательство над историей».

Основные идеи данной концепции уже достаточно известны, так как широко растиражированы в мировых средствах массовой информации:

- *во-первых*, она исходит из признания равной ответственности Германии и Советского Союза за генезис Второй мировой войны, в связи с чем считается, что она стала следствием заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении и сотрудничестве, после чего Германия с запада и СССР с востока напали на Польшу и оккупировали ее территорию. Анализ исторической ситуации августа 1939 г. с учетом новых архивных источников, военных планов сторон и характера последующих действий приводит к следующим выводам.
1. Договор Германии и СССР о ненападении 23 августа 1939 г. лишь уравнивал положение СССР по отношению к Германии с положением Англии и Франции, подписавших декларации и ненападении с ней в 1938 г.
  2. Уклонение Англии и Франции от военных соглашений с СССР и отказ от сотрудничества Польши и Румынии сорвали возможность предотвратить нападение Германии на Польшу.
  3. В период подписания Договора ни советское руководство, ни Гитлер не знали, а руководители Франции и Англии еще не решили, что они объявят войну Германии из-за Польши. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что СССР подтолкнул Германию на войну с Западом, тем более, что и после подписания Договора СССР предлагал вернуться к переговорам с западными державами.
  4. Отказ СССР от подписания Договора осложнял международное положение и усиливал угрозу вовлечения в войну на два фронта при международной изоляции. Обвинения, что Сталин не предусмотрел возможное поражение англо-французского блока, не имеют оснований, так как англо-французская коалиция в 1939 г. имела решающее превосходство в силах.
  5. Главный вывод — Договор о ненападении 1939 г. исторически оправдан. Он означал крах наиболее опасного для СССР варианта развития Второй мировой войны — канализации агрессии фашистского блока против СССР при его международной изоляции. Он обеспечил почти два года для укрепления обороноспособности и дал возможность существенно улучшить свои стратегические позиции на западе, внес противоречия в отношения Японии с Германией. Торговые соглашения также имели важное значение

для развития оборонной промышленности. Но Договор нельзя считать дипломатической победой СССР. Советской дипломатии не удалось достичь главной цели внешней политики в этот период — создать англо-франко-советский военный союз. Договор стал дипломатическим зигзагом, выбором варианта из возможных более худших. Но и для гитлеровской Германии это был дипломатический зигзаг в отношениях с Японией, сказавшийся на дальнейшем ходе событий.

Обосновывая начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г., западные авторы по существу отрывают от нее такие предвоенные процессы, как преднамеренную канализацию усилиями дипломатических служб Англии, США и Франции агрессии гитлеровской Германии на восток, которая началась с аншлюса Австрии, мюнхенской сдачи в 1938 г. гитлеровцам Чехословакии, крупнейшего производителя оружия. Весь мир мог увидеть кадры кинохроники, где после Мюнхена премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен с трапа самолета заявил своим соотечественникам: «Я привез вам мир». Находясь в Германии, он был еще более конкретным, обращаясь к официальным лицам этого государства: «Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более, что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах». Несколько позднее (6 декабря 1938 г.) и министр иностранных дел Франции Бонне поделился своими мыслями с фашистами: «Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет вашей». Фактом является то, что Великобритания и Франция не только первыми заключили с гитлеровской Германией договоры о ненападении, но и отказались от предлагавшегося СССР тройственного пакта, заключение которого могло предотвратить катастрофическое сползание Европы к войне.

Оценивая значение дискуссионного советско-германского договора о ненападении, М. М. Наринский отмечает: «В сложной международной ситуации сталинское руководство предпочло заключить договор о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 г. и пойти с Берлином на раздел сфер интересов в Восточной Европе. Договор о ненападении и секретный дополнительный протокол стали тактическим успехом И. В. Сталина, но его стратегическим просчетом. Договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях»³.

А тот факт, что СССР в сентябре 1939 г. ввел свои войска не на польскую территорию, а на оккупированные Польшей в 1920 г. Западную Украину и Западную Белоруссию, вообще не рассма-

тривается, хотя известно, что в данном случае была лишь восстановлена так называемая линия Керзона в качестве российско-польской границы. Последняя была предложена англичанами на Парижской мирной конференции после Первой мировой войны и считалась справедливым решением вопроса;

— *во-вторых*, в американской и европейской современных историографиях стала общим местом идентификация сталинизма в СССР с нацизмом в Германии, так как оба этих режима считаются тоталитарными и преступными. Их отождествление отнюдь не относится только к уже пережитому далекому прошлому и/или тривиальной констатации таким образом понимаемой исторической правды. Речь идет о значительно большем, о попытке США и их союзников за счет откровенной фальсификации перевести СССР из стана главных победителей во Второй мировой войне в разряд потерпевшего поражение агрессора и навязать России как его наследнице судьбу бесправного и безродного сателлита.

В литературе западных стран эта цель обосновывается следующим образом: один из двух агрессоров, спровоцировавших Вторую мировую войну, а именно фашистская Германия, капитулировала в 1945 г., а унаследовавшая ее ФРГ, покаявшись и пройдя денацификацию, стала одной из опор патронируемой США интегрированной семьи европейских народов. Для оккупированных же Советским Союзом стран Восточной Европы война закончилась только в 1991 г., когда потерпел поражение второй из агрессоров — Советский Союз, а его наследнице — Российской Федерации — еще предстоит пройти такой же путь, как Германия, то есть:

- полностью капитулировать перед так называемым свободным миром, «возвратиться в цивилизацию», отказавшись от своей истории и собственных цивилизационных ценностей;
- отречься от устаревшей химеры государственного суверенитета;
- возместить ущерб, нанесенный бывшим оккупированным странам;
- вернуть окружающим государствам «захваченные» у них территории и т.п.

Все это должны знать и учитывать в своем творчестве отечественные кинематографисты и журналисты, о которых И. Шишкин писал в 2011 году: «По количеству кинофильмов и телефильмов, книг и статей, в которых «доказывается» тождество сталинского СССР с гитлеровской Германией, Россия по-прежнему уверенно сохраняет пальму первенства и способна дать фору любым зарубежным фальсификаторам»⁴.

Для того, чтобы опротестовать неправомерность отождествления сталинского и нацистского режимов, напрямую связанного с намерениями отобрать у нас достигнутую в основном за счет усилий советских народов Великую Победу, необходимо разобраться в самом термине тоталитаризма и уместности его употребления в упоминаемом контексте. Прежде всего, в изданной в 1968 г. американской «Энциклопедии социальных наук» тоталитаризм был назван «ненаучной концепцией». В последующие годы сомнения в научности, обоснованности и жизнеспособности теории тоталитаризма еще более усилились, так как эта концепция оказалась не в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить крах коммунистических режимов, которые с ее точки зрения считались тоталитарными. Как указывает К. Балестрем, с позиции теории тоталитаризма, отрицавшей наличие гражданского общества в бывших социалистических странах или хотя бы его элементов, невозможно осмыслить накопление взрывного материала, подготовившего внезапную смену политического строя в этих государствах⁵.

С другой стороны, этот термин утвердился в западном политическом дискурсе в годы холодной войны, в связи с чем во многом имел не столько научный, сколько пропагандистский характер. Он отражал в себе то общее, что было характерно для многих типов политических систем и форм государственного устройства, отличавшихся от либеральной демократии и уже потому не воспринимавшихся ею в качестве нормальных. С этим обстоятельством связано и частое игнорирование весьма существенных различий, которые существовали между правым и левым тоталитаризмом. Академик А. В. Торкунов, в частности, полагает, что, несмотря на известную схожесть сталинизма и гитлеризма, между ними были и важные различия. Он доказывает во второй книге «Истоки мирового пожара» первого тома из 6-томника «Великая Победа», что «в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера и тем более — считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами»⁶;

— *в-третьих*, перевод России из статуса государства-победителя и освободителя в ситуацию побежденной страны-агрессора оказался востребованным различными политическими силами как внутри страны, так и на международной арене. В России в этом были заинтересованы либеральные круги новой

российской элиты, ибо в таком случае почти автоматически решалась их стратегическая задача включения России «в европейскую цивилизацию». У влиятельных сил на постсоветском пространстве также были свои глубинные причины переписывать историю Великой Отечественной войны. На Украине, в Молдове, Грузии и Прибалтике в результате распада СССР к власти пришли национальные элиты, для которых главной задачей стало удержание своего независимого от России существования. Для этого мало было заручиться поддержкой западных стран, но и пришлось внедрять в массовое сознание своих народов новый взгляд на войну как схватку двух тоталитарных империй, в жернова противоборства которых попали оккупированные народы. Вновь образованным государствам уже мешала совместная Победа, так как она не разъединяла, а объединяла их с Россией. Для разъединения требовался иной подход, то есть миф об оккупантах и многовековой национально-освободительной борьбе, о России — «империи зла», источнике всех прошлых и нынешних бед их наций. Отсюда оправдание коллаборационизма, свойственное именно постсоветским фальсификаторам. В результате в этих странах появились свои «герои» — борцы с советскими оккупантами, которые надели эсэсовские мундиры, чтобы покончить с советской тоталитарной империей, а потом повернуть оружие против нацизма, став плечом к плечу со странами свободного западного мира⁷.

У европейских стран против Великой Победы также были свои резоны. Подавляющее большинство из них участвовали в войне на стороне Германии. Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Норвегия, Хорватия, Австрия (в составе Третьего рейха), Испания и Дания послали в антисоветский поход свои вооруженные силы. Другие государства направили добровольцев и поставили на службу Рейху (добровольно или принудительно) свои экономики. Только в советский плен попало почти полмиллиона представителей европейских государств, якобы не воевавших с Советским Союзом. После распада СССР и резкого ослабления международных позиций России для этих стран представилась уникальная возможность перейти из разряда побежденных агрессоров или пособников агрессоров в разряд жертв советской тоталитарной империи. В первую очередь в этом оказались заинтересованы элиты восточноевропейских государств, попавшие по итогам войны в зависимость от СССР. Для избавления от собственных долгов и выставления счетов России им идеально подходит концепция войны, основанная

на признании тождества нацизма и «сталинизма», их равной вины за беды «маленьких, но гордых демократических стран».

Элита Великобритании, единственного активного участника антигитлеровской коалиции в Европе, также оказалась заинтересована в пересмотре истории Второй мировой войны, чтобы снять с себя ответственность за политику «умиротворения агрессора», за раздел Чехословакии и многое другое. Польской элите в настоящее время жизненно важно сохранить западные области, отрезанные в ее пользу от Германии по инициативе СССР и восстановить влияние в потерянных в сентябре 1939 г. «восточных кресах»;

— *в-четвертых*, искажая ход и значение сражений, которые вела Красная армия в своем гигантском единоборстве с вооруженными силами гитлеровского блока, западные историки стремятся всячески преуменьшать вклад СССР в разгром военной машины «третьего рейха», представлять США и Англию главными творцами победы. Основные их усилия направлены на то, чтобы доказать, что:

- а) коренной перелом в войне в пользу антигитлеровской коалиции обеспечили боевые действия англо-американских войск в 1942–1943 годах;
- б) после открытия второго фронта в 1944 году он стал главным военным театром войны и внес решающий вклад в победу над германским фашизмом.

Эти приемы фальсификации на Западе используются и по сей день, хотя во время войны наши западные союзники более объективно оценивали ведущую роль СССР в борьбе против общего врага. Отечественная война была великой как по своему размаху, так и по привлекаемым на советско-германский фронт силам и средствам. Общее количество личного состава с обеих сторон только в действующей армии доходило до 12 млн человек. Одновременно в разные периоды действовало от 800 до 900 расчетных дивизий на фронте от 3 до 6,2 тыс. км, который приковывал подавляющую часть вооруженных сил Германии, ее союзников и Советского Союза, оказывая тем самым решающее влияние на обстановку на других фронтах Второй мировой войны. Президент США Ф. Рузвельт отмечал, что «...русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые». С трибуны палаты общин У. Черчилль заявил 2 августа 1944 года, что «именно Русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

В те годы было немало подобных оценок. И в этом нет ничего удивительного. Очень трудно было не видеть очевидной истины: решающий

вклад Советского Союза в Победу, его выдающаяся роль в спасении мировой цивилизации от гитлеровской чумы представлялись бесспорными. Но вскоре после разгрома фашизма недавние союзники СССР начали говорить по-другому, высокие оценки роли нашей страны в войне были забыты и появились суждения совсем иного рода. С особой настойчивостью в послевоенной историографии проводилась идея, будто важнейшие сражения Второй мировой войны происходили не на советско-германском фронте и исход вооруженного противоборства двух коалиций решался не на суше, а главным образом на море и в воздушном пространстве, где вооруженные силы США и Англии осуществляли интенсивные боевые действия. Авторы этих изданий утверждают, что ведущей силой антигитлеровской коалиции были США, поскольку они имели наиболее мощные среди западных стран вооруженные силы.

Но известные статистические данные свидетельствуют, что именно на советско-германском фронте происходили главные битвы Второй мировой войны, что именно здесь были сосредоточены основные силы гитлеровского вермахта и что именно здесь была одержана прежде всего Победа. С июня 1941 года до открытия второго фронта 6 июня 1944 г. на советско-германском фронте воевали 92 — 95% сухопутных войск фашистской Германии и ее сателлитов, а затем — от 74 до 65%. Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников. То есть почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны. На советско-германском фронте враг понес три четверти своих людских потерь. Урон в личном составе фашистской армии, нанесенный Красной армией, был в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, вместе взятых. По числу убитых и раненых — в 6 раз больше. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. (более 75%) самолетов, около 50 тыс. (до 75%) танков и штурмовых орудий, 167 тысяч (74%) артиллерийских орудий, более 2,5 тысяч боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов.

Открытие второго фронта также не изменило значения советско-германского фронта как главного в войне. Так, в июне 1944 года против Красной армии действовало 181,5 немецких и 58 дивизий союзников Германии, в то время как американским и английским войскам противостояли 81,5 немецких дивизий;

— *в-пятых*, при оценке итогов Великой Отечественной войны особенно пристальное внимание западные историки уделяют вопросу о цене победы, о советских жертвах во время

войны. Из-за больших потерь ставится под сомнение вообще значимость достигнутой победы. Известно, что общие потери СССР в войне составляют 26,5 млн человек, из них 18 млн были мирными жителями, погибшими в результате фашистских зверств на оккупированной территории. Общие безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн 668 тыс. 400 чел. Потери фашистского блока составили 9,3 млн чел. (7,4 млн человек потеряла фашистская Германия, 1,2 млн — ее европейские сателлиты, 0,7 млн — Япония в Маньчжурской операции), не считая потерь вспомогательных частей из числа иностранных формирований, воевавших на стороне фашистов (по некоторым данным — до 500–600 тыс. чел.).

В общей сложности безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил на 1–1,5 млн. чел. превышают соответствующие германские потери. Но это за счет того, что в фашистском плену были 4,5 млн. советских военнопленных, а возвратились в СССР после войны только 2 млн человек, остальные погибли в результате фашистских злодеяний. В советском плену из 3,8 млн немецких военнопленных умерли 450 тыс. человек. Попытки представить потери агрессора меньшими, чем они были в действительности, искажают историческую правду, свидетельствуют о предвзятости тех, кто стремится сознательно умалить подвиг советских народов в Великой Отечественной войне. И в этих случаях можно говорить о фальсификациях как результатах преднамеренных искажений исторической действительности, осознанных и/или неосознанных ошибок, как тривиального незнания или неверной трактовки документов и фактов.

Новая концепция истории Второй мировой войны — это не очередная страшилка об извечных кознях Запада. При ее реконструкции из всего моря исторических новаций были выбраны лишь те, которые массивно внедряются в общественное сознание и которые уже получили официальное признание на Западе на уровне резолюций Конгресса США, ПАСЕ, заявлений и статей первых лиц западных государств. То есть все это уже не исторические теории, а политическая практика. Такая концепция Второй мировой войны, внедренная в общественное сознание, способна стать эффективным орудием геополитического передела мира, то есть нового мирового конфликта. Дело в том, что пересмотр истории Второй мировой войны на Западе — проблема не историческая, а политическая, точнее, геополитическая, и рассматривать ее надо именно в этом ключе. Ну, а там где политика — там интересы. Только выяснив

интересы основных поборников «исторической правды» на Западе, и в бывших союзных республиках мы сможем понять — с какими вызовами столкнулась Россия, насколько они серьезны и что им можно и нужно.

Когда мы говорим о святости памяти о той войне и той Победе, то мы исходим из того, что они жизненно необходимы нынешней России. Эта память объединяет и сплачивает народы России. Память о войне не позволяет убить в нас дух уверенности в окончательной победе, несмотря на все жертвы и трудности. История — великий учитель. Ее уроки подчас бывают страшными и жестокими. Но именно поэтому их надо помнить, именно поэтому нельзя ни на минуту забывать о прошлом. Но искать виноватых в давно минувших бедах — дело неблагодарное и бессмысленное. Мы не можем судить историю, и тем более, мы не можем ее переписывать по своему усмотрению. Но мы можем и должны знать и помнить правду. Ложь, порожденная невежеством, неуважением к прошлому, к истории, к культуре, к памяти предков, может привести только к национальному краху и духовному обнищанию.

Давно известно, что подтасовка фактов особенно активно заявляет о себе в эпоху перемен, когда их интерпретация означает порой больше, чем сами факты, приобретая роль решающего аргумента в трактовке исторического события. Справедливо выступая против прежних искажений и фальсификации истории, некоторые исследователи, писатели и публицисты преподносят события Великой Отечественной войны и значение Победы в извращенном виде, сосредоточивая основное внимание на мрачных сторонах прошлого. Факты подгоняются ими под нужную концепцию, неудобные замалчиваются или вовсе отрицают-

ся. Субъективность усиливается из-за того, что история отражается конкретными людьми с их собственным мировоззрением и знаниями, симпатиями и антипатиями. В итоге получается, что произведения таких авторов о Великой Отечественной войне лишь отдаляют российское общество от подлинной ее истории, усиливают неразбериху и путаницу в умах молодежи, не оставляя ей позитивных ориентиров морально-этического свойства.

Знание своей подлинной истории является необходимой составляющей благополучия российского общества. И, наоборот, забвение своих исторических корней — это угроза национальной целостности народа, а значит, и угроза для существования самого государства. Вот почему в оценке Великой Отечественной войны лучше всего следовать завету Н.М. Карамзина, который еще в XIX веке отмечал: «Историк должен ликовать и горевать вместе со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом»⁸.

Авторы предлагаемого читателям труда не ставили своей целью рассмотреть в нем все концепции и направления фальсификаций истории Великой Отечественной войны. Не претендуя на истину в последней инстанции, они вместе с тем надеются, что книга будет полезна для молодых поколений россиян, поможет им лучше понять значение достигнутой предыдущими поколениями всемирно-исторической Великой Победы.

¹ Мунтян М.А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства Т. 3: Победа / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ.ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 50.

² www.levada.ru/preiss/2010040102.html

³ Наринский М.М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ.ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 142–143.

⁴ Шишкин И. Фальсификация истории и интересы российской элиты / www.regnum.ru/news/polit/1414246.html

⁵ Мунтян М.А. Политология. Курс лекций. М.: МАКС ПРЕСС, 2008. С. 340

⁶ Торкунов А.В. Мюнхен: роковой перекресток на дороге войны. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 102.

⁷ См. подр.: Шишкин И. Указ. раб.

⁸ Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1987. С. 28.

Советско-германский договор о ненападении: победа или поражение советской внешней политики?

Н. Н. Виноградова*

За минувшие после окончания Великой Отечественной войны десятилетия литература, посвященная рубежу 30–40-х годов XX столетия — этому сложнейшему периоду новейшей мировой истории, — пополнилась немалым количеством не только добросовестных трудов специалистов, но и получившими широкое распространение мифами, а то и просто откровенными фальсификациями.

В этом плане одной их самых излюбленных тем, используемых в последнее время западными средствами массовой информации и отечественными псевдодемократами, стал пресловутый договор между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г., более известный как пакт Молотова — Риббентропа. Фальсификация истории этого договора стараниями Евросоюза впервые была возведена на парламентский, а по своей сути на государственный уровень. Смысл принятой 3 июля 2009 г. резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ сводится к тому, чтобы возложить равную ответственность за развязывание Второй мировой войны на «двух кровавых диктаторов» — Гитлера и Сталина. Резолюция эта содержит пространные рассуждения о равнозначности нацизма и социализма, а также призыв объявить 23 августа Днем памяти их жертв. Так что вопросы о том, какие причины побудили руководство СССР подписать этот пакт и как рассматривать советско-германский договор 1939 г. — победой или поражением советского внешнеполитического курса, и ныне остаются весьма злободневными.

Для того чтобы разобраться в сложной обстановке тех предвоенных лет, необходимо критически оценить действия правящих кругов ведущих государств, проанализировать доводы спорящих

сторон, установить не только их достоверность, но и объективность. При этом следует учитывать, что в середине 1930-х годов в мире, прежде всего в Европе, существовали три силы — западные демократии, фашизм и социализм.

Предпосылки к такой расстановке были созданы в результате Первой мировой войны и появления на мировой арене первого социалистического государства — Союза Советских Социалистических республик. Официальный итог этой войны подвел Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., с одной стороны, державами — победительницами — США, Великобританией, Францией, Италией, Японией, а также рядом других государств, а с другой — капитулировавшей Германией. При этом Россия, к тому времени ставшая Советской и находившаяся в состоянии гражданской войны, в подписании договора не участвовала и тем самым была отнесена к некоей третьей силе — не победившей и не проигравшей. Версальский и последовавший вслед за ним ряд договоров имели целью закрепить передел мира в пользу государств, победивших в войне, не считаясь с правами и интересами других народов. В них содержались статут (устав) Лиги Наций, описание границ Германии с сопредельными странами, регулировались вопросы политического устройства Европы. Проигравшую сторону обязали соблюдать независимость Австрии, Польши и Чехословакии. К тому же она лишалась всех своих колониальных владений, которые позднее были поделены между главными державами — победительницами. Понятно, что западные демократии стремились сохранить свое доминирующее положение в Европе и мире, гарантированное им так называемой версальской (версальско-вашигтонской) системой.

* Виноградова Наталья Николаевна — научный сотрудник НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

В Германии же с приходом к власти нацистов началась активная пропагандистская, а следом и практическая подготовка к войне с целью изменения существовавшего мирового устройства. В первую очередь они приступили к пересмотру решений Версальского договора, которые сильно ограничивали возможности страны. Как известно, в соответствии с ним Германии разрешалось иметь сухопутную армию численностью до 100 тыс. человек, которая должна была комплектоваться путем добровольного найма. Запрещалось проводить мобилизации, создавать генеральный штаб, иметь тяжелую артиллерию свыше установленного калибра, а также танки, военную авиацию и подводные лодки. Уже в марте 1935 г. А. Гитлер заявил об отмене военных статей этого договора: была восстановлена воинская повинность, объявлено о воссоздании военной авиации и строительстве подводных лодок. Благодаря высокой степени милитаризации экономики, достигнутой и посредством долгосрочных кредитов, полученных от Великобритании, Франции и других европейских государств, Германия смогла в короткие сроки добиться значительных результатов в строительстве современных на тот момент вооруженных сил — вермахта.

Лидеры Великобритании и Франции, хотя и видели в притязаниях Гитлера угрозу своему установившемуся после Первой мировой войны приоритетному положению в мире, тем не менее приветствовали политику Третьего рейха, потому что он объявил своими главными врагами коммунистическое движение и СССР. Не скрывая этого, Гитлер в книге «Mein Kampf» («Моя борьба») отмечал: «...когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы должны в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба указывает нам этот путь»¹. Столь откровенное заявление позволяло западным лидерам надеяться на перспективу направить агрессивные устремления Германии на восток, а самим избежать военного столкновения с ней. Однако явный рост военной угрозы со стороны Третьего рейха все же вынудил некоторых представителей правящих кругов Франции вновь обратиться к идее традиционного союза с Россией — теперь уже с СССР. 2 мая 1935 г. между двумя странами был подписан договор. Он предусматривал оказание помощи друг другу и поддержку в случае неспровоцированного нападения на территорию одной из договаривающихся сторон третьей европейской державы.

Гитлер по-своему отреагировал на заключение советско-французского договора, который был ратифицирован парламентом Франции, несмотря на сопротивление правых сил. 7 марта 1936 г. группировка вермахта в составе 35 тыс.

человек пересекла германо-французскую границу и заняла все основные города в Рейнской зоне, демилитаризованной по условиям Версальского договора. Тем самым был восстановлен полный контроль над территорией Германии, чего она лишилась по итогам Первой мировой войны. Французское правительство, хотя и располагало на тот момент несравненно большим военным потенциалом, тем не менее отказалось от применения силы и лишь обратилось в Лигу Наций с жалобой.

Следует напомнить, что согласно статье 44 Версальского договора нарушение Германией режима демилитаризации должно было рассматриваться как враждебный акт по отношению к державам, подписавшим этот договор, и как стремление поколебать всеобщий мир. После долгих обсуждений Лига Наций признала, наконец, нарушение этого договора, но ничего, кроме слов осуждения, за этим не последовало. Впоследствии У. Черчилль, видный политический деятель первой половины XX века, один из наиболее решительных борцов с нацизмом, но одновременно и последовательный противник коммунизма, отмечал: «...если бы Франция и Англия, опираясь на авторитет Лиги Наций, заняли бы твердую позицию, это привело бы к немедленной эвакуации Рейнской области без всякого кровопролития. И в результате... не произошло бы такого колоссального усиления власти политического вождя Германии, которое позволило ему двинуться дальше»².

В тот период три великие державы — Англия, Франция и США, а также следовавшие в фарватере их политики средние и малые страны Европы оказались перед дилеммой: поощрять ли внешнюю политику Гитлера в расчете рано или поздно столкнуть германский нацизм с советским большевизмом или, наоборот, совместно с СССР поставить системой договоров заслон захватническим устремлениям нацистов, а в случае развязывания Третьим рейхом агрессии начать военные действия против него и с востока, и с запада.

Чтобы сделать выбор, прежде всего следовало решить, кто представляет наибольшую и ближайшую по времени угрозу — Германия или Советский Союз. В то время главным камнем преткновения в отношениях Запада и СССР была проблема долгов царского правительства. Отказ большевиков после прихода к власти от их выплат привел к фактическому исключению Советского Союза из клуба «великих держав», игнорированию его интересов на политической арене. К тому же на Западе были напуганы попытками экспорта революции со стороны руководителей Коминтерна, их поддержкой забастовок и вооруженных выступлений в 1920-х годах, помощью СССР испанским республиканцам и гоминьдановскому Китаю

в середине 1930-х годов и победой Народного фронта левых сил во Франции. С учетом этого западные лидеры предпочли договориться с Гитлером, который, в отличие от Коминтерна, не посягал на важнейшую западную ценность — частную собственность. Главным для них было направить устремления Германии на восток, чтобы она решала проблемы своего «жизненного пространства» за счет территорий Советского Союза. Так, британский премьер-министр С. Болдуин в 1936 г. заявил: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я бы хотел, чтобы это была бы драка между большевиками и нацистами»³.

Было бы ошибкой утверждать, что в Лондоне и Париже не видели, что Германия, сосредоточив усилия на подготовке к войне, с каждым днем представляла для своих соседей все большую опасность. Ведь такие дальновидные политики, как У. Черчилль и Д. Ллойд-Джорж, предупреждали об этом. Но в правящих кругах западных государств интересы национальной безопасности все больше уступали место идее направить агрессию Третьего рейха в восточном направлении, ускорить его конфликт с СССР и, дождавшись, когда оба противника максимально ослабят друг друга, продиктовать им свои условия. Такая внешнеполитическая позиция обуславливалась также тем, что экономика Великобритании и Франции была сильно ослаблена кризисом конца 1920 — начала 1930-х годов, и успешно соперничать с Германией в военном строительстве они не могли.

По сведениям советской разведки, руководство Англии не намерено было возражать даже против аннексии Австрии Германией, если в свою очередь Гитлер не будет претендовать на британские колонии⁴. И долго ждать не пришлось. На рассвете 12 марта 1938 г. немецкие войска вошли на территорию Австрии. Англия и Франция, которые являлись государствами — гарантами ее независимости, ограничились лишь формальным протестом. В июне того же года Великобритания пошла на соглашение с фашистским режимом Б. Муссолини, признав захват Италией Эфиопии и легализовав итальянскую интервенцию в Испании. Ощутимый удар по Испанской республике, которая боролась с начавшимся в июле 1936 г. мятежом фалангистов, нанесла Франция, закрыв свою границу с Испанией. Уже в начале следующего года Лондон и Париж официально признали профашистское правительство Ф. Франко.

Теперь настала очередь Чехословакии. Как известно, после Первой мировой войны границы вновь образованных государств Восточной Европы определялись не по этническому принципу, а по указаниям творцов версальской системы. Поэтому в Чехословакии, помимо титульных наций — чехов и словаков, проживали многочислен-

ные национальные меньшинства, но в Судетской области и ряде других районов немцы составляли большинство населения. Именно на их притеснение и сослался Гитлер, потребовав передать Германии эти территории.

Казалось бы, Чехословакия была надежно защищена системой международных соглашений. Ведь еще в 1924 г. был заключен бессрочный франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе, а в 1935 г. — советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. По предложению чехословацкой стороны в последнем было оговорено, что обязательства о взаимной помощи вступят в силу в том случае, если помощь стороне — жертве агрессии — будет оказана и Францией⁵.

Однако Гитлер уже давно пришел к убеждению, что ни Франция, ни тем более Англия не начнут военных действий за интересы других государств. 8 мая 1938 г. он отдал распоряжение о подготовке к нападению на Чехословакию. Но германский генералитет не разделял уверенности фюрера в легкой военной победе. В высших штабах учитывалось, что чехословацкая армия вполне боеспособна, так как располагает современным вооружением. Чтобы прорвать оборонительный рубеж в Богемии и разгромить противостоящие войска, потребуется развернуть не менее 35 дивизий. В то же время для защиты западной границы Германии вермахт сможет выставить всего пять кадровых и восемь резервных дивизий против ста соединений французской армии. По мнению военных советников Гитлера, не следовало забывать и о СССР: его отношения с Чехословакией как с государством и лично И. В. Сталина с президентом Э. Бенешем были основаны на тесной и прочной дружбе⁶.

СССР и без Франции был готов прийти на помощь Чехословакии. Однако этому препятствовало отсутствие общей границы. Поэтому советское правительство предложило Бенешу обратиться в Лигу Наций с просьбой принять решение о пропуске сил Красной армии через польскую или румынскую территории. К тому времени к западным границам СССР после проведения частичной мобилизации уже было направлено под предлогом учений значительное количество дивизий и авиационных эскадрилий. Увы, Польша категорически воспрепятствовала пропуску советских войск через свою территорию. «Предложение русских было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия», — такой вывод сделал по этому поводу известный британский историк Б. Лиддел-Гарт⁷.

В свою очередь руководители Великобритании и Франции, предпочитавшие откупиться

от Германии с помощью новых уступок, решили, что передача Судет — это единственное средство избежать общеевропейской войны и предотвратить захват всей Чехословакии. Прилетевший для переговоров в Берхтесгаден британский премьер Н. Чемберлен заявил, что на слово Гитлера можно положиться. Его поддержал и французский премьер Э. Даладьё. В ночь на 30 сентября 1938 г. ими были подписаны Мюнхенские соглашения с Гитлером и Муссолини. По этим соглашениям Чехословакия в десятидневный срок должна была передать Германии Судетскую область (почти пятую часть своей территории и четверть населения) со всеми имевшимися сооружениями, включая промышленные предприятия. Чехословакия теряла также важнейшие укрепления (в то время это была самая мощная оборонительная линия в Европе) на границе с Германией. Гарантии неприкосновенности оставшейся ее части все четыре державы брали на себя.

В тот же день в западных средствах массовой информации появилось сообщение об англо-германской декларации, подписанной Чемберленом и Гитлером. Из нее следовало, что обе стороны не намерены воевать друг против друга. Через два с половиной месяца после переговоров министров иностранных дел Франции и Германии — Ж. Боннэ и И. Риббентропа — была опубликована совместная декларация о том, что граница между двумя государствами является окончательной и никаких нерешенных проблем между ними больше не существует. По поводу этого документа Риббентроп заявил, что декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества»⁸.

Таким образом, сделка в Мюнхене, которая готовилась длительное время, по сути, в одночасье поставила крест на попытках миролюбивых сил предотвратить зарождавшийся в Европе политический кризис. Все действия СССР (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши), предпринятые в поддержку Чехословакии, успеха не имели. К тому же они так и не получили одобрения со стороны чехословацкого правительства, которое не откликнулось на предложение военной помощи и смирилось с результатами соглашения. По сути, в Мюнхене был дан сигнал для большинства государств Европы, что западные демократии больше не являются доминирующей силой на континенте, а потому им следует осуществить поворот в своей внешней политике в сторону Германии.

Совершенно ясно, что Англия и Франция, с одной стороны, а Германия и Италия — с другой, преследовали в Мюнхене свои определенные цели. Для Германии это был всего лишь промежуточ-

ный этап. Италия рассчитывала при поддержке своего союзника претворить в жизнь собственные колониальные планы. В свою очередь Франция и Англия намеревались ценой территориальных уступок в Европе ослабить напор агрессивной политики Германии, нацеленной на западные демократии, и направить его против СССР.

Что касается Гитлера, то подписанные им соглашения являлись лишь тактическим маневром на пути к достижению гегемонии в Европе. Прошло совсем немного времени, и он, укрепив после Мюнхена свои позиции как внутри страны, так и на международной арене, предпринял очередную пропагандистскую кампанию, на сей раз против Польши. Еще в октябре 1938 г. министр иностранных дел Германии выдвинул предложения об общем урегулировании спорных вопросов, существовавших между двумя странами: возвращение контроля Германии над Данцигом, который до Первой мировой войны являлся германской территорией, но в соответствии с Версальским договором оказался на территории Польши с приданием ему статуса «вольного города» (находился под управлением Лиги Наций); строительство экстерриториальной дороги через польские земли для обеспечения беспрепятственного сообщения между основной частью Германии с Восточной Пруссией (так называемый Данцигский коридор). Вместо этого польское правительство предложило меры по расширению возможностей Третьего рейха в его сообщениях с Восточной Пруссией, но выступило с предложением об установлении суверенитета Польши над Данцигом. В ответ Риббентроп напомнил пример с Чехословакией и заявил, что вступление польских войск в город будет рассматриваться в Берлине как повод для начала войны⁹.

Начиная с весны 1939 г. обстановка в Европе еще более обострилась. 14 марта Гитлер потребовал от президента Чехословакии Э. Гахи (Э. Бенеш, сложив с себя полномочия президента, покинул страну. — *Ред.*) согласия на установление германского протектората над всей страной, а в случае отказа угрожал начать бомбардировки всей ее территории. На следующий день в чешские земли вошли соединения вермахта. В Богемии и Моравии был создан протекторат, а в Словакии — марионеточное правительство, которое полностью зависело от Берлина. При этом Германия значительно увеличила свой военный потенциал за счет заводов «Шкода» — второго по величине арсенала Центральной Европы, который с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустил почти столько же продукции, сколько все английские военные заводы за тот же период¹⁰.

В то же самое время Польша, используя чехословацкий кризис, оккупировала Тешинскую

Силезию, а Венгрия — южные районы Словакии и Закарпатскую Украину с населением около одного миллиона человек. Что касается Англии и Франции, то они посчитали, что никаких оснований для их вмешательства в развитие событий нет. Более того, министр иностранных дел Франции заявил, что Чехословакия вообще не способна существовать как самостоятельное государство. Не отставал в откровении и его британский коллега лорд Э. Галифакс. Он высказал мнение, что захват чехословацкой территории Германией даже в какой-то степени выгоден западным державам, потому что их гарантии Чехословакии стали для них «несколько тягостными»¹¹.

В апреле 1939 г. в рейхстаг было внесено предложение о том, чтобы не продлевать договор о ненападении с Польшей. В том же месяце Гитлер, мотивируя свое решение отказом польского правительства выполнить германские требования относительно Данцига и сообщения с Восточной Пруссией, утвердил план «Вайс». Он предусматривал готовность вермахта к нападению на Польшу в любой момент, начиная с 1 сентября 1939 г. Но Данциг был лишь поводом. И фюрер не скрывал этого. Выступая 23 мая на совещании с высшим командованием, он заявил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на востоке»¹².

Наращивание угрозы германской агрессии вынудило руководство Великобритании и Франции сделать неутешительный для себя вывод: добиться стабильности в Европе ценой очередных уступок Гитлеру так и не удалось, а это означало, что проводимая ими политика умиротворения потерпела полный провал. Чтобы не допустить установления гегемонии Германии в Европе, в Лондоне было решено предоставить гарантии сначала Польше и Румынии, а затем и Греции. Премьер-министр Чемберлен заявил 31 марта 1939 г. в палате общин: «...в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»¹³.

Одновременно Великобритания и Франция, прикрываясь готовностью к переговорам с СССР, стремились вовлечь его в надвигающуюся войну, подставить под удар Германии. В марте 1939 г. впервые за всю историю дипломатических отношений английский премьер-министр Н. Чемберлен посетил советское посольство в Лондоне. Несколько встреч с советским послом Я. З. Сури-

цем провел и французский премьер Э. Даладьё¹⁴. Естественно, СССР был заинтересован в отпоре Гитлеру, политическом и военном союзе с западными демократиями. Поэтому его руководство выразило готовность подписать предложенный британским правительством проект декларации. Он предусматривал обязательство правительств Великобритании, СССР, Франции и Польши «немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства¹⁵.

Однако руководство Польши отказалось подписывать декларацию четырех держав. Следует обратить внимание на тот факт, что возникновение Польши как государства явилось следствием Первой мировой войны. Она стала одним из «винтиков» версальской системы — своеобразным форпостом западных демократий как против СССР, так и против Германии. С момента прихода Гитлера к власти правительство Польши в значительной степени сменило свою внешнеполитическую ориентацию с Парижа и Лондона на Берлин, подписав в 1934 г. германо-польский договор. Что касается ее отношений с Советским Союзом, то на протяжении всего межвоенного периода они были крайне напряженными. Польша была совсем не прочь присоединиться к Германии в случае ее агрессии против СССР. Так, в докладе разведывательного отдела генерального штаба ее вооруженных сил, подготовленном еще в декабре 1938 г., подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»¹⁶.

Тогда же в декабре только что назначенный послом Польши в Иране Я. Каршо-Седлевский заявил: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. В случае указанного конфликта Польше выгоднее стать на германскую сторону, так как территориальные интересы Польши на западе и ее политические притязания на востоке, и прежде всего на Украине, могут быть обеспечены только путем германо-польских соглашений»¹⁷. И лишь возникновение в начале 1939 г. претензий Германии заставило польских лидеров вернуться к англо-французской ориентации.

Тем временем Гитлер все больше усиливал свой нажим не только на Польшу, но и на Румынию¹⁸. В связи с этим перед руководством Великобритании и Франции еще острее встал вопрос о привлечении СССР к англо-французской политике гарантий. В середине апреля 1939 г. Советский Союз получил официальное предложение о сотрудничестве. В ответ Москва направила в Лондон и Париж свои предложения: «заключение Великобританией, Францией и СССР соглашения о немедленной взаимопомощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого участника соглашения; обязательства трех государств оказывать всяческую помощь, включая военную, восточноевропейским соседям СССР от Балтийского до Черного моря в случае агрессии против этих государств; безотлагательная выработка военной конвенции, подписываемой одновременно с политическим соглашением»¹⁹. Советская позиция была основана на том, чтобы сформировать союз трех стран с жесткими обязательствами по взаимопомощи и совместными гарантиями европейским соседям СССР. Претворение в жизнь такой программы позволило бы стране Советов стать равноправным участником всех решений, касавшихся ситуации в Восточной Европе.

Однако западные державы не были готовы принять предложения Москвы, потому что, по их мнению, это оттолкнуло бы многих потенциальных союзников и, наоборот, только сплотило бы членов «антикоминтерновского пакта». К этому добавлялась традиционная враждебность Великобритании и Франции к «государству победившего социализма». Вот почему они приняли решение всячески затягивать переговоры с Москвой с целью удержать Гитлера от начала войны в Европе в 1939 г.

Вряд ли и сам И. В. Сталин рассчитывал, что западные демократии, требовавшие от СССР односторонней помощи, окажут ему в случае необходимости военную поддержку. Вместе с тем известие о заключении 22 мая 1939 г. «Стального пакта» — германо-итальянского союза, а также усиливавшееся давление Германии на Польшу вынудили британское министерство иностранных дел признать, что англо-франко-советский договор — это единственное средство предотвращения войны. Уже 27 мая представители Англии и Франции в Москве вручили наркому иностранных дел В. М. Молотову, который сменил на этом посту М. М. Литвинова, проект тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии²⁰.

На переговорах, которые начались в Москве 15 июня, Великобританию и Францию представляли послы этих стран — У. Сидс и П. Наджиар,

а советскую сторону — В. М. Молотов. Уже с самого начала стало ясно, что западные представители намерены добиться от СССР гораздо больших обязательств, чем сами они готовы были взять на себя в случае агрессии Германии. К тому же британское правительство тянуло с согласием о распространении гарантий трех держав на прибалтийские страны. Видя, что переговоры заходят в тупик, правительства Англии и Франции согласились в конце июля приступить к обсуждению наряду с политическими проблемами и военных вопросов.

Хотя руководство Великобритании и Франции располагало сведениями о намеченном на конец августа или начало сентября нападении Германии на Польшу, их военные миссии прибыли в Москву лишь 12 августа. Британскую военную миссию возглавлял адъютант короля Георга VI адмирал П. Дракс, а французскую — член военного совета генерал Ж. Думенк. Оба они вообще не имели никаких полномочий подписывать военную конвенцию. Так, в инструкции английской делегации указывалось: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах»²¹.

С советской стороны в переговорах участвовали высшие военачальники — К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и другие. В инструкции советской делегации, по всей видимости, записанной К. Е. Ворошиловым под диктовку И. В. Сталина, указывалось на необходимость заключить военную конвенцию, но «при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии». Принципиальным в ней был вопрос о пропуске Красной армии через территорию Польши и Румынии. В противном случае «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал», так как германские армии смогут беспрепятственно выйти к советским границам²². В ходе военных переговоров советская делегация предложила конкретный план совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон. С началом военной агрессии в Европе СССР обещал выставить 120 стрелковых и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. орудий больших калибров, 9–10 тыс. танков, 5–5,5 тыс. боевых самолетов²³.

В то время как советское руководство считало, что необходимы конкретные военные обязательства сторон, закрепленные международно-правовыми документами, западные державы всячески стремились, с одной стороны, не связывать себя подобными обязательствами с СССР, а с другой — угрозой соглашения с ним вынудить Германию отказаться от нападения на Польшу.

Негативную линию по поводу предложений Советского Союза проводили правительства Польши и Румынии: они отказались пропустить Красную армию через свою территорию в случае начала войны. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек 20 августа заявил: «Я не допускаю, что могут быть какие-либо дискуссии относительно какого-либо использования нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. Мы не хотим его»²⁴. Предлагаемые советским руководством гарантии Латвии, Литве, Эстонии и Финляндии правительствами этих стран также были отклонены.

Рассекреченные французские документы фиксируют ход Московских переговоров день за днем. Так, 17 августа глава военной миссии генерал Думенк сообщил в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». Спустя три дня он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции». В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, доверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается».

Британский исследователь Л. Риз, изучавший документы о Московских переговорах, полагает, что делегация во главе с Драксом придерживалась тактики, которая заключалась в том, чтобы вообще не отвечать на вопросы, касавшиеся Польши. Когда маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной армии на территорию Польши для совместной борьбы с агрессором, английская делегация оставила его без ответа.

Вот как оценивают те драматические события на тройственных переговорах в Москве американские историки А. Рид и Д. Фишер: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша — понять, каково реальное положение дел, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция»²⁵.

Можно только сожалеть, что в то время Запад не прислушался к мнению Черчилля, который считал, «что ни одно из этих государств Восточной Европы не сможет продержаться, скажем, год войны, если за ними не будет стоять солидная и прочная поддержка дружественной России в сочетании с союзом западных держав»²⁶.

В свою очередь и Германия была намерена любой ценой помешать заключению советско-англо-французского соглашения. Активизировав

торгово-экономические переговоры с Москвой, которые с перерывами проходили с начала 1939 г., и планируя превратить их в политические, Берлин вел одновременно тайные переговоры с Лондоном о разделе сфер влияния в мире.

Стоит напомнить, что начиная с 1920-х годов и СССР, и Германия оказались по итогам Первой мировой войны и в результате революций во внешнеполитической изоляции. Советскому Союзу как воздух нужны были промышленные технологии капиталистических государств, чтобы на современном уровне развивать свою тяжелую промышленность. Ведь от этого напрямую зависело укрепление его обороноспособности. Необходимость установления тесных экономических контактов с Германией диктовалась отсутствием альтернативы, так как западные демократии меньше всего желали оказывать экономическую помощь СССР. В свою очередь катастрофическое положение с сырьевыми ресурсами вынуждало и Германию искать страны, способные поставлять ей дешевое стратегическое сырье. На европейском континенте это мог быть только Советский Союз, причем его роль монопольного источника сырья должна была стать, по мнению Москвы, весьма серьезным аргументом в ходе дальнейших переговоров.

Благодаря экономическому сотрудничеству с Германией СССР получил новейшие образцы военной техники, машины и оборудование для тяжелой, химической и горнорудной промышленности, остродефицитное сырье, в частности, вольфрам, дюралюминий, а также уникальное высокоточное оборудование, в котором ему отказали Великобритания, Франция и США²⁷.

Гитлер с напряженным вниманием следил за ходом переговоров в Москве и, воспользовавшись возникшими в ходе их трудностями, стал все настойчивее добиваться от советского руководства соглашения о сотрудничестве не только в экономическом, но и в политическом плане. Правительство СССР, поддерживая улучшение экономических связей, весьма сдержанно отнеслось к политическому аспекту взаимных отношений. Однако учитывая нарастающую угрозу войны в Европе, а также на Дальнем Востоке — со стороны Японии, Сталин принял предложение Гитлера.

29 июля 1939 г. нарком иностранных дел, впервые касаясь «перемены вех» в отношениях с Германией, указал Г.А. Астахову, временному поверенному в делах СССР в Берлине, что немцы «обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение». Уже 15 августа посол Германии в Советском Союзе Ф. Шуленбург сообщил В.М. Молотову перечень вопросов, подлежавших обсуждению. Все это происходило в обстановке, когда вот-вот должна была начаться германская

агрессия против Польши, что ни для кого уже не являлось секретом, а советско-франко-английские переговоры окончательно провалились. 17 августа Германия предложила СССР подписать пакт о ненападении.

Получив от Сталина согласие, Гитлер 23 августа направил в Москву своего министра иностранных дел. В ночь на 24 августа в Кремле был подписан договор, который впоследствии стал называться пактом Молотова — Риббентропа. Он во многом повторял содержание договора о ненападении и нейтралитете, подписанного двумя странами еще в 1926 г. С международно-правовой точки зрения заключение такого договора было вполне обычным явлением. Важной составной частью подписанных документов являлись секретный протокол и последующие договоренности, которые предусматривали раздел сфер интересов между Германией и СССР. К сфере интересов Советского Союза относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), а также Бессарабия. Все эти государства или территории до Первой мировой войны входили в состав Российской империи, а после нее были отторгнуты путем прямых аннексий или на основании Версальского договора. Граница сферы интересов СССР должна была одновременно являться конечным рубежом продвижения немецких войск на восток²⁸.

Вне всякого сомнения, с точки зрения международного права, советско-германский договор был законным, действительным и правомерным, потому что был заключен двумя субъектами международного права, зафиксирован в соответствующем комитете Лиги Наций, признан другими международными организациями и государствами. Черчилль, которого весьма огорчил пакт Молотова — Риббентропа, вынужден был признать: «Если политика русских и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной». В своих мемуарах он писал: «Мюнхен и многое другое убедили советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком состоянии от них будет мало проку... Россия должна позаботиться о себе»²⁹. Вот этой фразой, что «Россия должна позаботиться о себе», все и сказано...

Изоляция в ожидании следующих акций Гитлера и в условиях недостаточной пока антинацистской зрелости мирового общественного мнения, несомненно, заключала в себе серьезный риск. В лучшем случае СССР в 1939 г. с беспокойством наблюдал бы за продвижением через Польшу немецких танков к своим западным границам, которые тогда находились всего в 30 км от Минска и в 120 км от Ленинграда. Нельзя было с уверен-

ностью утверждать, что за Польшей не последует Литва, неприкосновенность которой никто не гарантировал. Что же касается Латвии, то еще 16 марта ее посланнику в Берлине было заявлено, что его страна должна следовать за Третьим рейхом и тогда ее не будут заставлять с помощью силы становиться под защиту фюрера.

Выступая перед генералитетом в мае 1939 г., Гитлер поставил задачу решить и «прибалтийскую проблему». Поэтому одним из важнейших последствий пакта Молотова — Риббентропа явилось то, что в 1939 г. прибалтийские страны не были оккупированы вермахтом. В итоге Гитлеру не удалось создать вдоль балтийского побережья и в непосредственной близости от Ленинграда выгоднейший плацдарм для нападения на СССР. Вот почему некоторые немецкие политические деятели и генералы полагали, что заключение пакта Молотова — Риббентропа, укрепив стартовые позиции Германии в войне и дав ей некоторые другие преходящие тактические плюсы, нанесло ей невосполнимый конечный стратегический урон. В записке от 20 ноября 1939 г. начальник польского генерального штаба Л. Бек писал, что успех Третьего рейха в войне против Польши был обесценен выдвижением СССР на запад³⁰.

Не лишне напомнить, что инициатором договора была Германия. Ведь в случае начала новой мировой войны она могла оказаться, как это и произошло в 1914–1918 гг., перед перспективой ведения военных действий на два фронта. Но и для СССР это была вынужденная мера: во что бы то ни стало нужно было выиграть не только время, но и пространство для укрепления обороноспособности страны. По этому поводу Черчилль писал: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий»³¹.

Что касается секретного протокола, то это была широко распространенная в то время (да и сейчас тоже) практика в международных отношениях. Так, в августе 1938 г. Латвия и Эстония подписали секретное соглашение с Германией о гарантиях их границ. Правительство Литвы согласилось с проектом предложенного Берлином секретного договора, который предусматривал установление «протектората германского рейха».

23 марта 1939 г. состоялось заключение германо-румынского экономического договора, также имевшего секретное приложение о поставке германских военных материалов Румынии. Договор подчинял экономику этой страны Германии. 25 августа того же года был подписан польско-английский договор. В секретном приложении к нему Литва была объявлена принадлежавшей к сфере интересов Польши.

В мае 1940 г. был заключен договор между Румынией и Германией, по которому Румыния обязалась ежегодно поставлять в Германию 6 млн тонн нефти. Сопровождался он секретным протоколом, согласно которому Румыния отказывалась взимать таможенные пошлины, что свидетельствовало об экономически ущербном для нее характере договора. И, наконец, 27 сентября 1940 г. был подписан Тройственный пакт — соглашение о политическом и военно-экономическом союзе между участниками «антикоминтерновского пакта», который известен как «Ось Берлин — Рим — Токио». Он также имел секретный протокол, предусматривавший создание объединенной военной и военно-морской комиссии, а также комиссии по военно-экономическим вопросам.

Для Советского Союза присоединение в соответствии с секретным протоколом Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии, Буковины и Прибалтийских республик не являлось главной целью. Он был жизненно заинтересован в том, чтобы войска вермахта остановились по возможности как можно дальше от его границ. Именно это и было отражено в протоколе: Германия получала гарантию невмешательства Советского Союза в ее войну против Польши, а тот, в свою очередь, получал гарантии в отношении Прибалтийских республик, что ограничивало продвижение Германии на восток пределами Западной Польши.

Прежде всего была исключена возможность развязывания войны Германией против СССР в 1939 г., а такой вариант был вполне реален. В тех условиях Советский Союз был абсолютно не готов к широкомасштабной агрессии ни по количественному составу, ни по техническому оснащению своих Вооруженных сил. Договор давал ему шанс укрепить свою безопасность на выдвинутых вперед рубежах. В результате реализации его положений на западных границах были созданы такие геостратегические условия, которые позволили стране выстоять в 1941 г.

Другое дело, что заключение пакта и секретного протокола к нему противоречило декларируемым с момента Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. так называемым «ленинским нормам» внешней политики, которые отрицали секретную дипломатию, вмешатель-

ство во внутренние дела других стран, территориальные разделы и аннексии. Эти же принципы декларировались и в последующем во внешней политике СССР, остаются доминирующими при определении внешнеполитического курса Российской Федерации. В связи с этим еще в 1989 г. на 2-м съезде Верховного Совета СССР было принято Постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года». Съезд признал, что секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г. являются «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания», потому что они противоречат принципу суверенного равенства государств, то есть императивной норме международного права³². Такая оценка остается неизменной до настоящего времени.

Поэтому участвовавшие в последние годы попытки уравнивать гитлеровский и сталинский режимы, представить их в равной степени виновными в развязывании Второй мировой войны абсолютно беспочвенны. Сталин пошел на заключение пакта с Германией, совершив, по сути, с точностью до наоборот то, что на протяжении предыдущих лет предпринимали Великобритания и Франция, стремившиеся любой ценой направить агрессивные устремления Гитлера на восток — против СССР. Вероятнее всего, он рассчитывал повторить опыт США времен Первой мировой войны, которые, как известно, включились в военные действия в Европе лишь тогда, когда противники успели довольно сильно изнурить друг друга.

Правда истории состоит в том, что именно Гитлер — главный виновник развязывания Второй мировой войны, а СССР — жертва его агрессии. Именно германский нацизм, а не сталинизм стремился к завоеванию мирового господства и истреблению целых народов. И, наоборот, именно советская система вынесла основную тяжесть войны, «перемолола» военную машину Третьего рейха, ценой героизма и самопожертвования солдат и офицеров Красной армии спасла народы Европы и всего мира от «коричневой чумы»³³.

Стоит отметить, что и на Западе всегда существовала влиятельная группа ученых, которые придерживались самостоятельного и объективного взгляда на события прошлого. К их числу следует отнести британского автора С. Милайна. 9 сентября 2009 г. газета «Gardian» опубликовала его статью. Уже само ее название отражает позицию автора в отношении резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. — «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР в развязывании Второй мировой войны не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского насле-

дия времен войны». Милайн пишет, что до сих пор ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но сторонники «возродившегося правого национализма в Восточной Европе и истерического ревизионизма сравнивают нацизм с коммунизмом». Далее автор подводит читателей к следующему выводу: «Советский Союз внес решающий военный

вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда президент Дмитрий Медведев... назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом «циничной ложью», он говорил не только от имени правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира»³⁴.

- ¹ Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 15.
- ² Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. В 6 т. Т. 1. М., 1955. С. 246.
- ³ Цит. по: Hiedhart G. Grossbritannitn end Sowjetunion 1934 –1939. München, 1972. S. 238.
- ⁴ Бушуев В. Трудный выбор 1939 года: Заметки историка // Международная жизнь. Специальный выпуск. М., 2009. С. 17.
- ⁵ Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. С. 86–87.
- ⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 265.
- ⁷ Цит. по: Лиддел-Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1976. С. 23.
- ⁸ Цит. по: Вторая мировая война: Взгляд из начала XXI века. М., 2009. С. 26.
- ⁹ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. М., 2005. С. 65.
- ¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 308.
- ¹¹ Бушуев В. Трудный выбор 1939 года: Заметки историка // Международная жизнь. Специальный выпуск. С. 20.
- ¹² Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 80.
- ¹³ Цит. по: «Завтра может быть поздно...». М., 2009. С. 32.
- ¹⁴ Ржешевский О. А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. №3. С. 8.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Цит. по: Пыхалов И. Великая оболганная война. С. 109.
- ¹⁷ Цит. по: Военная разведка информирует: Документы: Январь 1939 — июнь 1941. М., 2008. С. 20–21.
- ¹⁸ Там же. С. 34.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 35–36.
- ²¹ Цит. по: Великая Отечественная война (1941–1945). М., 2010. С. 113.
- ²² Ржешевский О. А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. №3. С. 9.
- ²³ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 5. М., 2001. С. 271.
- ²⁴ Цит. по: Великая Отечественная война (1941–1945). С. 114–115.
- ²⁵ Цит. по: Ржешевский О. А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. №3. С. 10.
- ²⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 342.
- ²⁷ Гасюк А. Советско-германские торгово-экономические связи накануне Второй мировой войны // Международная жизнь. Специальный выпуск. С. 100–101.
- ²⁸ Ржешевский О. А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. №3. С. 10.
- ²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 334.
- ³⁰ Малевич И. С. Истинная цена Великой Победы — существование нашей цивилизации // Независимое военное обозрение. 2011. №16. С. 15.
- ³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 357–358.
- ³² Хавкин Б. «Нас никто уличить не сможет»: Как были опубликованы советские тексты советско-германских секретных документов // Родина. 2009. №8. С. 28.
- ³³ Бушуев В. Трудный выбор 1939 года: Заметки историка // Международная жизнь. Специальный выпуск. С. 10.
- ³⁴ Цит. по: Ржешевский О. А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. 2010. №3. С. 20.

Готовил ли СССР упреждающий удар против Германии в 1941 году?

В. Б. Маковский*

В последние годы с введением в научный оборот новых архивных материалов и источников многие отечественные и зарубежные авторы стали проявлять особый интерес к исследованию вопросов истории кануна и начала Великой Отечественной войны. В то время как одни исследователи стремятся объективно проанализировать причины ее возникновения, состояние и степень готовности советских Вооруженных сил к отражению агрессии, а также просчеты военно-политического руководства страны в определении сроков начала войны и в прогнозировании вероятного хода событий, другие недобросовестные историки выдвигают тезис о якобы готовившемся упреждающем ударе Красной армии против вермахта и в связи с этим о справедливом характере войны со стороны Германии. В этом случае она предстает чуть ли не потенциальной жертвой агрессии, вынужденной предпринять соответствующие меры по обеспечению своей безопасности от посягательств большевиков, стремившихся к мировому господству.

Какова была вероятность развития событий по такому сценарию в 1941 г.? Намеревался ли СССР совершить нападение на Германию? Следует напомнить, что начиная со второй половины 1930-х годов внешняя политика советского государства базировалась на двух ключевых положениях. Первое: Советский Союз не собирается нападать на кого-либо, он стоит за мир и укрепление деловых связей со всеми странами. И второе: в случае нападения противник будет только отброшен от его границ, но и разгромлен перешедшей в контрнаступление Красной армией. В Полевом уставе 1939 г. констатировалось: «Если враг навязет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех

когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника»¹.

Но для того чтобы быть «самой нападающей... армией» и вести военные действия «наступательно», необходимо заблаговременно принять решение на подготовку и ведение войны, определить ее стратегическую цель, иметь хорошо подготовленные вооруженные силы, обладать необходимым экономическим потенциалом для обеспечения вооруженной борьбы. Все эти условия были соблюдены именно Германией при подготовке агрессии против СССР. Известно, что политическое решение о развязывании войны было принято Гитлером 31 июля 1940 г. Тогда он заявил: «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г.»². За полгода до нападения был разработан конкретный план военных действий («Барбаросса»), в котором определялись стратегические задачи. В нем, в частности, отмечалось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война с Англией»³. При этом вермахту ставилась задача уничтожить силы Красной армии в западной части СССР и выйти на рубеж Архангельск, Астрахань.

В условиях нарастания военной угрозы, когда еще не были воплощены в жизнь многие мероприятия по укреплению обороноспособности страны, главная внешнеполитическая задача советского руководства заключалась в том, чтобы не дать Гитлеру повода обвинить СССР в действиях, враждебных Германии, даже в ущерб собственным интересам. Так, 9 мая 1941 г. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии. 12 мая правительство СССР офици-

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., в. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

ально признало профашистский режим Рашида Али в Ираке, установленный в ходе антибританского мятежа.

После того как И. В. Сталин в мае 1941 г. стал Председателем Совета Народных Комиссаров, заняв высшую должность исполнительной власти, посол Германии в СССР В. Шуленбург докладывал в Берлин, что он «использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений с Германией»⁴. В другом сообщении посол писал: «То, что эта внешняя политика прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели, тоном советской прессы... и соблюдением экономических соглашений, заключенных с Германией»⁵.

Советское руководство в мае — июне настойчиво стремилось установить контакт с лидерами Третьего рейха с целью добиться от них признания того, что слухи о близкой войне Германии против СССР не имеют под собой никаких оснований. Но эти инициативы так и не встретили отклика. Помимо этого И. В. Сталин предлагал В. Шуленбургу обсудить с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым возможность подписания советско-германского коммюнике, которое развеяло бы сомнения европейской общественности по поводу вероятной войны между двумя странами. Однако Берлин никак не отреагировал на сигналы Москвы. Тогда был предпринят еще один шаг.

14 июня было опубликовано сообщение ТАСС. В нем указывалось, что слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы так же, как и утверждение о том, что Советский Союз готовится сам напасть на нее⁶. Цель сообщения — вызвать реакцию Берлина, вступить в новые переговоры, а главное — выиграть время. Однако результат получился прямо противоположный: Гитлер к тому времени считал лишними любые объяснения со Сталиным. А вот граждан своей страны это сообщение ТАСС в самый канун войны ввело в заблуждение.

Однако в качестве доказательств агрессивности СССР часто приводятся слова Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г.: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом... Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»⁷. По сути, все это соответствует принятым концептуальным установкам на начальный период войны: «проводя оборону», иными словами отражая агрессию, мы не должны останавливаться на полпути. Надо идти вперед до полного разгрома противника. Но сторонники утверждения о том, что Гитлер лишь упредил Сталина в нанесении удара, не хо-

тят замечать того, что все планирующие документы начинаются со слов «если», «в случае войны», «проводя оборону» и т.д.

В основополагающем «Плане развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г. в отношении «основ нашего стратегического развертывания на западе» указывалось: «1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. 2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Тилица и верхнее течение р. Одер»⁸. Иными словами, намечалась следующая последовательность действий Красной армии с началом войны: на первом этапе в ходе ведения обороны не допустить вторжения противника на территорию СССР и тем самым обеспечить сосредоточение и развертывание основных сил приграничных военных округов. На втором этапе их мощными ударами совместно с подошедшими из глубины страны резервами Главного Командования перенести военные действия на территорию агрессора и нанести ему поражение.

Разработанный в Плане замысел возможных действий был апробирован на учениях, в частности на двух оперативно-стратегических играх. Первая из них проводилась со 2 по 6 января 1941 г. на северо-западном, а вторая — с 8 по 11 января — на юго-западном направлениях. К ним привлекалось все высшее военное руководство: нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков, их заместители, начальники управлений, командующие войсками и начальники штабов военных округов, командующие армиями и другие военачальники.

В играх были четко обозначены намерения сторон: вермахт собирался напасть, Красная армия планировала отразить его удар, а затем перейти в наступление. В заданиях сторонам отмечалось, что «синие» (немецкие войска. — *Ред.*) после развязанной ими агрессии и вклинения на территорию СССР на ряде направлений в результате контрударов вторых эшелонов и резервов округов (а контрудар, как известно, является частью оборонительной операции. — *Ред.*) отброшены в исходное положение на государственную границу. И только после этого шла отработка вопросов подготовки и ведения наступательной операции.

Основополагающее положение о первичности обороны в начальном периоде войны сохранялось и при разработке последующих вариантов Плана (март 1941 г.). Правда, тогда оборона рас-

считалась как кратковременный этап военных действий, на котором задействована лишь часть войск, выделенная для прикрытия границы. Так, в директиве наркома обороны от 14 мая 1941 г. при постановке задачи командованию Западного Особого военного округа указывалось: «С целью прикрытия отомобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа... лично Вам, начальнику штаба и начальнику оперативного отдела штаба округа разработать:

а) детальный план обороны государственной границы от Капчямистис до (иск.) оз. Свитязь...»⁹.

В этой директиве, как и в других директивах, направленных командованию приграничных округов, нет ни слова о переходе в наступление против группировок вермахта, развернутых у западных границ СССР. А ведь без детального планирования, сосредоточения полностью боеготовых группировок сил и средств, организации боевых действий, проведения многочисленных мероприятий по всестороннему обеспечению операций и боев невозможно нанести удар по противнику. Следовательно, советские войска приказ на наступление не получали.

В качестве еще одного доказательства агрессивных устремлений Советского Союза некоторые авторы приводят записку наркома обороны К. С. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова Председателю СНК И. В. Сталину от 15 мая 1941 г. В ней кроме анализа сложившейся обстановки содержались предложения о нанесении упреждающего удара: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отомобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»¹⁰.

Это единственный документ (если можно считать официальным документом никем не подписанную докладную, подготовленную Генеральным штабом), в котором в общих чертах отражен замысел первой наступательной операции начального периода войны. В нем предлагалось разгромить главные силы противника, сосредоточенные у границ СССР, выйти к рекам Нарев и Висла, овладеть районом Катовице и тем самым сорвать планы германского командования. Но это предложение явилось всего лишь реакцией на обстановку мая 1941 г., а не глубоко и всесторонне продуманным планом агрессивной войны.

Предложением же нанести упреждающий удар по развернутым у советских границ группировкам вермахта С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков пытались убедить И. В. Сталина в неизбежности в ближайшее время германской агрессии, подтолкнуть его к принятию безотлагательных мер. А тот, как известно, опасался спровоцировать Гитлера на нападение, памятуя, что страна еще не готова к войне с сильнейшей европейской державой. Тем не менее он разрешил призвать на «Большие учебные сборы» около 800 тыс. резервистов, начать выдвижение четырех армий из внутренних округов к западным границам. Но эти меры были слишком запоздалыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что Советский Союз в 1940–1941 гг. не разрабатывал, как это утверждают некоторые псевдоисторики, планов агрессивной войны против Германии, а намечавшийся в оперативных документах перенос военных действий на территорию противника являлся лишь ответной мерой на его нападение. Обвинять же Наркомат обороны и Генеральный штаб Красной армии в том, что они рассматривали в качестве одного из вариантов начала войны упреждающий удар против вермахта и ведение военных действий на вражеской территории, неправомерно. В любом случае решение об этом должно было принять руководство страны, а оно в то время придерживалось совершенно иного внешнеполитического курса.

Что же касается потенциальной возможности советских Вооруженных сил предпринять крупномасштабное наступление против вермахта, то для того, чтобы оценить ее, необходимо ответить на вопрос: что собой представляла Красная армия к лету 1941 г.? Как известно, 1 сентября 1939 г. в СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, в результате чего был снижен призывной возраст, сокращен срок службы, сняты социальные ограничения, повышен предельный возраст пребывания в запасе. Все это позволило увеличить общий мобилизационный запас и нарастить численность Вооруженных сил. В период с 1939 г. по июнь 1941 г. она возросла с 2 млн до 5,4 млн человек. За то же время число дивизий в Сухопутных войсках увеличилось с 98 до 303 единиц.

С началом Второй мировой войны в силу стремительного развития военных событий строительство армии и флота велось в СССР форсированными темпами, осуществлялся поиск новых организационных форм, проводились практические эксперименты в этой области. Серьезной реорганизации подверглись центральные органы военного управления. В связи с масштабным развертыванием Вооруженных сил и ростом числа их задач были расширены структуры Наркомата

обороны и Наркомата ВМФ. Так, центральный аппарат НКО к середине 1941 г. включал в свой состав Генеральный штаб и двадцать управлений, а Наркомат ВМФ — Главный морской штаб, Главное управление политической пропаганды и ряд управлений и отделов.

Но такая система управления оказалась излишне громоздкой и недостаточно жизнеспособной. К этому следует добавить частую смену руководящих работников, что негативно отражалось на качестве управления войсками и силами. Только с 1937 по 1941 гг. сменились три начальника Генерального штаба — А. И. Егоров, Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, а с февраля 1941 г. Генштаб возглавил Г. К. Жуков. Столь же часто менялись начальники Оперативного и других управлений. Переустройство центрального аппарата на случай войны не планировалось. Разработка положений об управлении войсками в военное время находилась на стадии проектов. Не было проработано решение о Главкомандующем Вооруженными силами во время войны. Предполагалось, что им должен быть нарком обороны.

В 1940–1941 гг. особенно активизировался процесс переоснащения армии и флота новой техникой и вооружением. К началу войны было выпущено 636 танков КВ и 1225 Т-34, которые по своим основным характеристикам превосходили танки вермахта. Однако новые танки составляли около 9 проц. всего танкового парка. Основу вооружения автобронетанковых войск (АБТВ) продолжали составлять легкие танки Т-26 и БТ с противопульным бронированием, из них от 15 до 18 проц. требовали среднего и капитального ремонта.

В 1940 г. было сформировано девять механизированных корпусов, а в начале следующего года принято решение о создании еще двадцати таких соединений. По штату механизированные корпуса должны были иметь 1031 танк, в том числе 546 средних, 358 орудий и минометов, 268 бронемашин, 5165 автомашин и 352 трактора. На их укомплектование были обращены отдельные танковые батальоны и бригады. Это привело к тому, что войска остались практически без танков непосредственной поддержки пехоты. Но и этого не хватало для развертывания механизированных корпусов в штатной численности. Одновременное формирование в короткий срок большого количества соединений автобронетанковых войск не соответствовало имевшимся в то время возможностям по обеспечению их военной техникой, вооружением и автотранспортом. В связи с этим к началу войны большинство механизированных корпусов имело значительный некомплект, они не были в полной мере обеспечены ГСМ и боеприпасами, не прошли боевого слаживания и обладали низкой боеспособностью.

В стадии формирования находились и многие авиационные соединения. Общая группировка ВВС приграничных округов, включая дальнюю бомбардировочную авиацию и авиацию флотов, насчитывала 10,2 тыс. самолетов¹¹. Однако с началом военных действий она не могла быть использована в полном составе. К июню 1941 г. не удалось завершить формирование более 30 проц. авиационных полков¹². 1196 самолетов не имели летных экипажей, 13 проц. были неисправными. Новых самолетов насчитывалось около 1,3 тыс., но лишь 208 экипажей сумели освоить их в достаточной мере. Большинство летчиков были подготовлены к ведению боевых действий только днем и в простых метеоусловиях.

На недостаточно высоком уровне была и боеготовность войск противовоздушной обороны. Главными причинами этого являлись: незавершенность мероприятий по реорганизации и перевооружению большого количества частей и соединений ПВО; низкий уровень выучки личного состава; неподготовленность системы управления; значительный процент устаревшей военной техники и вооружения.

К 1941 г. обновленный Военно-морской флот насчитывал в общей сложности около 600 боевых кораблей и катеров, а надводные и подводные силы на Черном и Балтийском морях по своей ударной мощи значительно превосходили флоты других государств. В то же время советские флоты оказались не сбалансированы по корабельному составу. К тому же ряд проектов, по которым осуществлялось строительство, оказался неудачен.

Никто сегодня не отрицает того факта, что к началу войны СССР обладал значительным превосходством над Германией по количеству военной техники и вооружения. К 22 июня 1941 г. он имел 23,1 тыс. танков (из них исправных — 18,7 тыс.), 18,8 тыс. боевых самолетов (исправных — 16 тыс.), 117,6 тыс. орудий и минометов¹³. У Германии вместе с союзниками было 4,3 тыс. танков, около 5 тыс. боевых самолетов, 47,2 тыс. орудий и минометов¹⁴. Однако крупномасштабные преобразования, вызванные нарастающей угрозой войны, осуществлялись преимущественно с ориентиром на количественные параметры боевого состава войск и сил, порой без учета возможностей экономики, без должного внимания качественному состоянию вновь формируемых частей и соединений, что снижало боевой потенциал Вооруженных сил в целом. Характерной чертой их строительства являлось принятие новых планов формирования корпусов, дивизий и полков до того, как будут выполнены предыдущие. Создание новых организационно-штатных единиц на базе существовавших обуславливало небоеспособное состояние и тех, и других.

Трудная ситуация сложилась с военными кадрами. Согласно отчету начальника Управления по начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко в 1936–1939 гг. из армии и флота были уволены по различным мотивам 42,5 тыс. человек командно-начальствующего и политического состава. Правда, в 1938–1940 гг. 11,2 тыс. человек были восстановлены на службе. Тем не менее по политическим мотивам армия безвозвратно лишилась 23,5 тыс. командиров и политработников. По состоянию на конец 1939 г. это составляло 8,8 проц. штатной численности комсостава. Их некомплект покрывался за счет массового призыва младших командиров из запаса, а также увеличения выпуска из военных училищ и академий.

При этом важно отметить, что в 1939–1940 гг. выпускники военных училищ и академий составляли не более трети от числа вливавшихся в ряды Вооруженных сил командиров. В результате в «Акте о приеме Наркомата обороны Союза СССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» от 7 мая 1940 г. указывалось, что «качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68 процентов имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта»¹⁵.

Не лучше обстояло положение и с кадрами среднего и высшего командного состава, которое характеризовалось низким качеством полученной подготовки, а также отсутствием военного, да и просто служебного опыта. Возраст военачальников, назначенных на должности в 1940–1941 гг., составлял: командиров полков — от 29 до 33 лет, командиров дивизий — от 35 до 38 лет, командиров корпусов и командующих армиями — от 40 до 43 лет. При этом в звене полк — округ в среднем 75 проц. командиров (командующих) занимали свои должности менее одного года. К 1941 г. только около 10 проц. командного и начальствующего состава различных звеньев управления имели опыт Гражданской войны, а около 15 проц. принимали участие в боевых действиях в Испании, в районе реки Халхин-Гол, в ходе советско-финляндской войны.

Давая в мае 1941 г. оценку командному составу Красной армии, начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер со ссылкой на доклад немецкого военного атташе в Москве писал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня»¹⁶. Примерно за полгода до этого И. В. Сталин на совещании, посвященном обобщению опыта войны с Финляндией, отмечал: «Культурного, квалифицированного и образованного командного состава нет у нас, или есть еди-

ницы. Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. Их пока нет у нас...»¹⁷.

Давали знать о себе крупные упущения в боевой подготовке войск, особенно в танковых частях и авиации, куда поступала новая техника. Результаты проверки состояния автобронетанковых войск на 16 июня 1941 г. были неутешительными: «1. Обучение бойцов и командиров проходит оторванно от основной задачи... и протекает нецелесообразно. 2. Огневая подготовка стоит на низком уровне. 3. Взаимодействие родов войск внутри мехсоединений отрабатывается мало и плохо»¹⁸. Крупные недостатки отмечались и в подготовке летчиков. «Из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2–3 самолета, — докладывали Сталину Тимошенко и Жуков 12 апреля 1941 г. — Только за неполный 1-й квартал 1941 г. произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убит 141 человек и разбито 138 самолетов»¹⁹.

Низкий уровень боевой подготовки объясняется прежде всего тем, что в 1940–1941 гг. почти все рода войск испытывали недостаток в необходимой учебной базе. Средства, выделяемые пятилетним планом военного строительства на 1939–1943 гг., не покрывали потребности создаваемых соединений и частей. Кроме того, расходы на боевую подготовку были сокращены в связи с огромными затратами на строительство оборонительных сооружений и аэродромов, выполнение программы производства танков и самолетов, развитие других отраслей военной промышленности. В итоге дефицит ощущался буквально во всем. Не хватало полигонов и стрельбищ, тренажеров и учебного оружия, а обеспеченность приборами не превышала 15 проц. потребности. Нехватка горючего и боеприпасов не позволяла в полной мере отрабатывать взаимодействие наземных войск с авиацией, танков и артиллерии со стрелковыми частями²⁰.

Для обучения механиков-водителей танков отводилось всего 10–12 моточасов. Начальник Автобронетанкового управления РККА Я. Н. Федоренко на совещании высшего командного и начальствующего состава Красной армии (декабрь 1940 г.) сетовал на то, что за прошедший год танкисты смогли освоить только стрельбу с места, остались недоработанными вопросы взаимодействия с другими родами войск. Главное управление ВВС в мае 1941 г. отмечало низкую огневую подготовку летчиков. Их годовой налет составлял только 12 часов. Зенитчиков обучали стрельбе лишь по малоскоростным воздушным целям; не было воздушных мишеней, которые можно было буксировать со скоростью выше 250 км/ч.

Следовательно, по качественным показателям — главному критерию боеспособности — Красная армия во многом уступала вермахту.

Как справедливо отмечал за несколько дней до начала войны американский военный атташе в СССР И. Итон, «в сравнении с высокомотивированными, боеспособными современными армиями... боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне... Красная Армия не может противостоять действующей в наступательном духе высокоподвижной армии, оснащенной современным снаряжением и вооружением»²¹.

В целом в подготовке СССР к войне, военном строительстве и строительстве Вооруженных сил имелись существенные недостатки. Как следствие, к июню 1941 г. не было завершено перевооружение армии и флота. Генеральным штабом не были в полной мере разработаны планы и способы их применения с началом военных действий. Отсутствовали органы стратегического управления, штабы округов и армий не освоили новые оперативные и мобилизационные планы.

Сегодня, характеризуя состояние Красной армии в 1941 г., различные авторы дают довольно противоречивые оценки. Одни утверждают, что она была не хуже немецкой и, если бы вовремя

была приведена в боевую готовность, успешно отразила бы агрессию вермахта. Другие считают, что армия совершенно не была готова к войне.

Безусловно, Красная армия не являлась полностью небоеспособной. Она успешно могла воевать с Японией в районе Халхин-Гола, сумела прорвать линию Маннергейма. Она, вероятно, могла бы иметь успех в войне с Польшей или даже с Францией, но не с хорошо подготовленным вермахтом. Несмотря на количественное превосходство по отдельным видам вооружения и военной техники, советские Вооруженные силы серьезно проигрывали ему по укомплектованности боевых соединений, организации и развертыванию тыловых частей, количеству транспорта, средств тяги и связи, по степени боевой слаженности и боевому опыту, а, следовательно, управляемости и подвижности войск и сил. Недаром в 1943 г. в Тегеране И.В. Сталин говорил Ф. Рузвельту: «Война с Финляндией показала, что советская армия была недостаточно вооружена и действовала плохо. Поэтому армию реорганизовали. Но все равно нельзя сказать, что она в момент нападения Германии была первоклассной»²².

¹ Полевой устав РККА (проект). М., 1939. С. 9.

² Цит. по: Совершенно секретно: Только для командования. М., 1967. С. 143.

³ Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 86.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Цит. по: Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991. С. 59–60.

⁶ Кульков Е. Н. и др. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 332–333.

⁷ Цит. по: Россия. XX век: Документы: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 162.

⁸ Цит. по: Россия. XX век: Документы: 1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 241.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 1–3.

¹⁰ Цит. по: Россия. XX век: Документы: 1941 год. Кн. 2. С. 216.

¹¹ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1. М., 2001. С. 11.

¹² Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 83.

¹³ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1. С. 10–11.

¹⁴ Величие победы: Истоки и уроки. М., 2000. С. 21.

¹⁵ Цит. по: Россия. XX век: Документы: 1941 год. Кн. 2. С. 622–631.

¹⁶ Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 2. М., 1969. С. 504.

¹⁷ Цит. по: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. СПб., 2000. С. 513.

¹⁸ Орлов А. Роковой 41-й: Готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // Россия. XXI. 2001. № 3. С. 85.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 85. Д. 179. Л. 20–21.

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 87.

²¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 495–496.

²² Цит. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Пер. с англ. М., 1958. С. 790.

Где решалась судьба Второй мировой войны?

Н. Н. Никифоров*

Среди множества событий Второй мировой войны особо следует выделить такие, которые, отличаясь размахом военных действий и достигнутыми военно-политическими результатами, оказывали решающее влияние на обстановку на всех ее театрах. Отечественные и зарубежные историки по-разному выстраивают иерархию важнейших битв и сражений, а в ряде случаев дают им прямо противоположные оценки. Первые к важнейшим событиям относят битву под Москвой, Сталинградскую и Курскую битвы, битву за Днепр, наступательные операции советских войск в кампаниях 1944–1945 гг. Именно в этих битвах и операциях были достигнуты крупные военно-политические и стратегические результаты. Но не оставляют они без внимания и важнейшие события на других театрах военных действий. Так, успешно проведенная высадка англо-американских войск в Нормандии, а позже и в районе Тулона поставила Германию перед необходимостью ведения вооруженной борьбы на два фронта. Другие операции союзных войск, проведенные ранее в Северной Африке и Южной Италии, а также в конце 1944 — начале 1945 г. в Западной Европе, по их мнению, в общем ходе Второй мировой войны играли ограниченную роль.

Зарубежные историки придерживаются иной точки зрения. К примеру, в американском многотомном издании «Военная история Второй мировой войны» названы только три события из имевших место на советско-германском фронте: это битва под Москвой, Сталинградская битва и Берлинская операция¹. Сведения о многих других операциях Красной армии ограничены лишь общими краткими пояснениями о том, когда, с какого рубежа и на какую глубину продвинулись советские войска за определенный период. При этом

отсутствуют данные о ходе и размахе боевых действий, их итогах и значении достигнутых результатов. Как следствие, полностью выхолащивается само содержание этих операций.

Но даже признаваемые западными историками битвы и сражения советских Вооруженных сил — всего лишь эпизоды. В их представлении судьба войны решалась в Африке, Западной Европе и бассейне Тихого океана, то есть там, где вели военные действия сами США и Великобритания. В принципе причины таких оценок понятны. В любой войне каждая из сторон оценивает события с точки зрения достижения поставленных целей и собственных национальных интересов. Даже в коалиционных войнах они довольно часто преобладают над общими интересами партнеров; и всегда найдутся исследователи, оправдывающие подобное положение дел.

С одной стороны, военные действия в Северной Африке напрямую затрагивали национальные интересы Великобритании, а значит, имели для нее стратегическое значение. Они велись с целью не допустить захвата своих колоний немецкими войсками. Такое же стратегическое значение придавали союзники операциям в Атлантике и на Тихом океане, так как от их результатов во многом зависела экономика Великобритании и США. С другой стороны, само существование Советского Союза как государства определялось именно положением на советско-германском фронте, поскольку вооруженная борьба на других театрах войны не имела для него принципиального значения.

Памятуя о том, что военные действия велись для достижения общей цели всех членов антигитлеровской коалиции, исследователь, независимо от своей национальной принадлежности, должен объективно освещать их ход на всех театрах вой-

* Никифоров Николай Иванович — к. и. н., заместитель начальника НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

ны. Вопреки этому во многих зарубежных изданиях битвы, выигранные Красной армией, не всегда даже упоминаются. Уже в одном этом проявляется преднамеренное принижение роли СССР в разгроме Германии и ее союзников, а, следовательно, искажение истории. «Люди на Западе, — писал в свое время известный британский писатель Дж. Олдридж, — сегодня не знают или почти ничего не знают о крупнейших битвах, разыгравшихся на советско-германском фронте, о том, что именно Красная Армия выпустила кишки фашистскому зверю, и о том, как, ценой каких лишений и жертв советские люди — солдаты, рабочие, мужчины и женщины — на фронте и в тылу завоевывали победу»².

Между тем события на советско-германском фронте, где в течение почти четырех лет Красная армия вела борьбу против главных сил противника, оказались настолько значительными для общего хода Второй мировой войны, что замолчать или опровергнуть их невозможно.

Первым из таких важнейших событий явилась битва под Москвой, в ходе которой был окончательно сорван план молниеносной войны Третьего рейха. Впервые с начала Второй мировой войны вермахт потерпел крупное поражение. Оценивая с чисто профессиональной точки зрения стратегический успех Красной армии, американский генерал Дж. Макартур отмечал: «Нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбрасывающее противника назад к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей военной истории»³.

Признание успехов советских Вооруженных сил нашло отражение в ряде официальных документов правительства США и американской прессе. Вскоре после успешного начала контрнаступления под Москвой газета «Star» констатировала: «История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили «молниеносную» войну, но и сумели обратить противника в бегство»⁴.

Однако после окончания Второй мировой войны зарубежная историография «переписала» историю битвы под Москвой. Уже в первых послевоенных изданиях появились оценки, принижавшие значение этой победы, представлявшие ее как результат стечения «счастливых случайностей» и «ошибок немцев». Одни западные историки доказывали, что она имела значение лишь для советско-германского фронта. Другие, хотя и называли битву под Москвой одним из поворотных пунктов Второй мировой войны, ставили ее в один ряд со многими, менее значимыми по масштабам и ре-

зультативности боевыми действиями союзников на других театрах войны.

Многие авторы на Западе пытались принизить историческую роль битвы под Москвой, выдвигая тезис о том, что она лишь совпала с решающим на то время событием — вступлением США во Вторую мировую войну. «Как раз в момент кризиса, в момент успешного советского контрнаступления, — писал Г. Солсбери, — на сцену выступил совершенно новый и, вероятно, решающий фактор. 7 декабря японцы атаковали Соединенные Штаты. Отныне США тоже стали воевать»⁵. Английский исследователь М. Макколи утверждал, что «включение США в борьбу предвещало, что Германия и Япония могут быть побеждены», в то время как битва под Москвой лишь «предоставила Советскому Союзу передышку». Германские историки М. Фройнд, П. Херде и другие, пытаясь преувеличить значение вступления Соединенных Штатов Америки в войну, заявляли, что оно в итоге привело Германию к гибели в «коралловых рифах Тихого океана»⁶.

Несомненно, это событие расширило масштабы войны, привело к изменению расстановки сил на международной арене. Но версия о гибели Германии в «коралловых рифах» Тихого океана не выдерживает критики, ибо отдельные надводные корабли германских ВМС появлялись в тихоокеанских водах лишь эпизодически, а действовали там японские вооруженные силы. После Пёрл-Харбора американцы и англичане в 1941 г. — первой половине 1942 г. оказались неспособными отразить агрессию в Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана. К тому времени японские войска захватили территории площадью 4,2 млн кв. км с населением более 200 млн человек. Это Малайя и Сингапур, острова Голландской Индии, Бирма, Филиппины, Гонконг, острова Гуам, Уэйк, Новая Британия, большая часть Соломоновых островов и т.д.

Тем не менее ход вооруженной борьбы на Азиатско-Тихоокеанском театре не повлиял на планы восточного союзника Германии в отношении СССР, а значит, и к ослаблению Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии, вблизи его границ. В результате в самый тяжелый период Великой Отечественной войны советское руководство вынуждено было держать на Дальнем Востоке крупные сухопутные, военно-воздушные и военно-морские группировки, которые могли бы значительно усилить войска, действовавшие под Москвой. А ведь именно там находился эпицентр вооруженной борьбы. И не случайно 10 декабря 1941 г. газета «Times» в своей передовой статье писала: «Хотя события, происходящие на Дальнем Востоке и на Тихом океане, важны для Британской империи и США... все же мы не забы-

ваем, что Россия еще является главным театром войны. Там находится основная часть немецкой армии. От этой громадной силы зависят все другие действия Германии и ее союзников»⁷.

Что касается факта вступления Соединенных Штатов в войну, то, как справедливо заявляют некоторые западные историки, с 7 декабря 1941 г., когда японцы нанесли удар по американской базе Пёрл-Харбор, она стала действительно мировой. Изменился и сам характер войны. Отныне перевес в экономике, людских ресурсах, военной мощи оказался на стороне антигитлеровской коалиции, и с этим трудно не согласиться.

Одним из важнейших событий Второй мировой войны навсегда останется Сталинградская битва. В ходе оборонительных сражений Красная армия остановила врага у Волги, а затем, перейдя 19 ноября 1942 г. в контрнаступление, окружила 6-ю и часть сил 4-й танковой армии противника: 22 дивизии и 160 отдельных частей во главе с командующим 6-й армией фельдмаршалом Ф. Паулюсом. Победа под Сталинградом оказала серьезное влияние на всю международную обстановку. Здесь была не просто разгромлена группировка вермахта, здесь начался распад агрессивного блока.

Тот факт, что именно на советско-германском фронте решалась судьба всей Второй мировой войны, отлично сознавали в странах антигитлеровской коалиции. Сталинградская битва получила соответствующую оценку в мире задолго до ее окончания. Международная общественность признала, что эта победа достигнута благодаря военному искусству советского командования и мужеству воинов Красной армии. 27 сентября 1942 г. газета «New York Herald Tribune» сообщила своим читателям, что сталинградцы отстаивают город со страшной решимостью. Как писала газета «New Republic», Красная армия обладает высоким моральным духом и боевой мощью. Адъютант генерала Д. Эйзенхауэра Т. Батчер отмечал: «Красная Армия несет основную тяжесть борьбы». По мнению историка Л. Монтросса, «моральное значение победы русских вряд ли можно переоценить; когда капитулировали остатки 6-й армии, перед нацистскими руководителями впервые открылась перспектива окончательного поражения»⁸. Другой американский историк и публицист — М. Вернер в книге «Наступлением можно выиграть войну в 1943 году» утверждал, что «под ударами поразительного контрнаступления Красной армии под Сталинградом рухнуло все здание германской стратегии»⁹.

«Армия русских, — писал английский журналист Р. Сквайрс, — ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызвали восхищение и энтузиазм у наших солдат;

но, узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан»¹⁰.

Президент США Ф. Рузвельт в телеграмме И. В. Сталину, направленной 5 февраля 1943 г., прежде всего поздравил советские войска с блестящей победой. Далее он отметил, что эпическая борьба, а также ее «решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей»¹¹. В грамоте, переданной Сталинграду, президент констатировал, что эта победа стала «поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии»¹².

Однако в послевоенные годы в оценке исторической роли Сталинградской битвы западные историки разошлись во мнениях. Часть их признавала ее выдающееся значение для хода всей Второй мировой войны. Так, английский исследователь Б. Лиддел Гарт в предисловии к книге Дж. Джукса писал: «Сталинградская битва была наиболее длительной битвой Второй мировой войны и оказалась самой решающей». Французский исследователь А. Мишель отмечал, что советские люди «справедливо видят в этом блестящем успехе Красной армии самую решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне». По мнению германского историка К. Центнера, «с именем Сталинграда начался поворот Второй мировой войны». В «Истории современного мира», изданной одновременно в Париже, Брюсселе и Монреале, историк М. Ронкайоло подчеркивал: «Сталинград воздействовал на ход войны. Германия, бросив в сражение не только основную массу своих сухопутных дивизий, но и главные силы авиации, перебрасывала в связи с этим и авиационные части со Средиземноморья и Атлантики»¹³.

Тем не менее значительная часть западных историков стремилась поставить Сталинградскую битву в один ряд с существенно меньшими по масштабам операциями вооруженных сил США и Великобритании на других театрах военных действий в 1942–1943 гг. Так, английский историк Г. Моль полагал, что победа Красной армии под Сталинградом означала перелом «лишь на русском фронте»¹⁴. Профессор Колорадского университета Р. Атиан в книге «Вторая мировая война», подробно описывая военные действия англо-

американских войск в Северной Африке, даже не упомянул о крупнейшем поражении вермахта на Волге и Дону. Другой американский исследователь Т. Дюпуи определил Сталинградской битве место после сражения англичан под Эль-Аламейном. С. Сульцбергер концентрировал внимание читателей на действиях американских войск в Марокко и лишь в этой связи «вспомнил» о том, что «русские добывали 6-ю немецкую армию под Сталинградом». Американские историки Э. Зимке и Дж. Шентон писали, что победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 г. явилась «вторым Сталинградом», так как именно там они нанесли противнику «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»¹⁵. В предисловии к книге М. Керига бывший начальник военно-исторического управления бундесвера Ф. Форстмайер утверждал, что «ощутимый поворот в войне» произошел в 1942 г. в результате двух событий — высадки англичан и американцев в Северной Африке и наступления советских войск против южного крыла восточного фронта. По мнению автора предисловия, поворот обозначился «более убедительно» не на советско-германском фронте, а в Северной Африке.

Следует отметить, что по своей продолжительности и количеству участвовавших войск, размаху и ожесточенности вооруженной борьбы, а также по потерям противника ни одна из операций англо-американских войск в 1942–1943 гг. не может быть приравнена к Сталинградской битве. Так, операция британских войск под Эль-Аламейном оказала воздействие лишь на обстановку в Северной Африке, где был задействован ограниченный контингент вооруженных сил Германии и Италии.

Версия о равноценности сражения под Эль-Аламейном и битвы под Сталинградом настолько противоречит непредвзятому взгляду на события, что встречает отпор даже со стороны отдельных западных авторов. Так, германский генерал Ф. Уле-Веттлер счел нужным отметить, что «поражение немцев под Эль-Аламейном в сравнении с масштабом их разгрома под Сталинградом не имело почти никакого значения»¹⁶.

Разгром немецких войск и их союзников под Сталинградом и наступление Красной армии зимой 1942–1943 гг. подорвали военную мощь Третьего рейха. Несмотря на это, его руководство, пользуясь относительной пассивностью союзников СССР по антигитлеровской коалиции, решило летом 1943 г. осуществить наступление в районе Курска, чтобы коренным образом изменить обстановку на восточном фронте.

Курская битва стала одним из важнейших и решающих событий Второй мировой войны. После очередного поражения командование

вермахта вынуждено было отказаться от наступательной стратегии. Советские Вооруженные силы окончательно овладели инициативой в ведении войны. Новая победа Красной армии была по достоинству оценена в мире. «Великое советское наступление, которое началось летом 1943 г. под Курском и Орлом, — указывалось в официальном труде военного министерства США, выпущенном в 1945 г., — продолжалось непрерывно до следующей весны, когда нацистские захватчики были полностью изгнаны из Южной России»¹⁷. Премьер-министр Англии У. Черчилль отмечал, что «три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на восточном фронте»¹⁸. Президент США Ф. Рузвельт 6 августа 1943 г., в разгар боев на Курской дуге, писал И. В. Сталину: «Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами»¹⁹.

То, что поражение вермахта под Курском повлияло на стратегию Германии, а значит, и на весь дальнейший ход войны, признавали и сами немецкие генералы — участники боевых действий на восточном фронте. «В результате провала наступления «Цитадель», — писал Г. Гудериан в своих мемуарах, — мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику... После крушения плана «Цитадель» восточный фронт забрал все силы из Франции»²⁰.

Несмотря на это, в 50–60-е годы во многих западных исследованиях о Курской битве упоминалось лишь вскользь. Так, в своих трудах о Второй мировой войне английские военные историки Дж. Фуллер и Б. Лиддел Гарт, бывший генерал вермахта К. Типпельскирх отвели ей по одному — два абзаца. А в книге «Роковые решения», написанной группой бывших генералов вермахта, о Курской битве вообще нет ни слова²¹.

Другой, не менее распространенный прием фальсификации истории этой битвы заключался в принижении ее значения для общего хода Второй мировой войны. В качестве аргументов приводились доводы о том, что наступление вермахта летом 1943 г. преследовало ограниченную цель, а победа Красной армии играла важную роль лишь для советско-германского фронта. Так, бывший

командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. Манштейн в своих воспоминаниях подчеркивал, что провал операции «Цитадель» стал решающим поворотным пунктом на восточном фронте²². В последующие годы эстафету об «ограниченных целях» этого наступления и локальном значении Курской битвы приняли от немецких генералов историки других стран. Но, продолжая отстаивать эту версию, они противоречат даже германским архивным документам. Например, в приказе генерального штаба вермахта на операцию «Цитадель» указывалось: «Оно (наступление под Курском. — *Ред.*) должно обеспечить нам инициативу предстоящей весной и летом текущего года. Лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры должны быть введены в дело на главном направлении. Каждый командир, каждый солдат должен проникнуться мыслью о решающем значении этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»²³.

В зарубежной военно-исторической литературе широкое распространение получила версия о том, будто победу Красной армии в Курской битве предопределила наступательная операция англо-американских войск в Сицилии, начавшаяся 10 июля. Британский историк М. Говард утверждал, что после высадки англичан и американцев в Сицилии командующие группами армий «Юг» и «Центр» Э. Манштейн и Х. Клюге 13 июля были вызваны в ставку А. Гитлера. Там он объявил им, что наступление под Курском должно быть прекращено, так как для того, чтобы «не допустить полного развала всего средиземноморского крыла, туда необходимо послать немецкие войска из России»²⁴. Американский исследователь Г. Солсбери, отмечая, что «Курск изменил историю», тем не менее писал: «Гитлер повернул назад, чтобы отразить вторжение союзников на Сицилию»²⁵.

Однако подобные утверждения не выдерживают проверки фактами. Как явствует из документов, 10 июля, когда стало известно о высадке англо-американских войск в Сицилии, фюрер отдал приказ: операция «Цитадель» будет продолжаться. По свидетельству начальника генерального штаба сухопутных войск К. Цейтцлера, он требовал продолжать активные боевые действия на Курской дуге даже после того, как многие генералы поняли всю бесперспективность летнего наступления. Только 19 июля, после семи дней с начала Орловской наступательной операции советских войск, германское главнокомандование пришло к выводу, что «дальнейшее продолжение «Цитадели» не представляется возможным»²⁶.

Эти факты свидетельствуют, что не высадка англичан и американцев в Сицилии заставила Гитлера прекратить наступление на восточном фронте, а мощные удары советских войск под Курском.

И наоборот, успех десантной операции союзников был достигнут благодаря тому, что летом 1943 г. главные силы вермахта были задействованы против Красной армии. Несопоставимы эти два события и по цифровым показателям — количеству участвовавших сил и средств, размаху боевых действий, потерям, понесенным противником. Несомненно, операции англо-американских войск в 1943 г. приближали победу, но они не играли решающей роли в общем ходе Второй мировой войны.

После того как попытка немецкого военного командования перехватить стратегическую инициативу на Курской дуге потерпела полный провал, оно все свои надежды стало возлагать на так называемый «Восточный вал», где планировалось остановить наступление советских войск. Для этого на правом берегу Днепра срочно укреплялся тысячекилометровый оборонительный рубеж. С его удержанием в Берлине связывали планы добиться раскола среди союзников по антигитлеровской коалиции, затянуть войну и в конце концов найти выход из нее на приемлемых для Третьего рейха условиях.

В ходе битвы за Днепр войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов форсировали его в 750-километровой полосе, от Лоева до Запорожья. В последующих наступательных операциях широко разрекламированный германской пропагандой Восточный вал был сокрушен. Захватив плацдармы на правом берегу Днепра, советские войска создали выгодные условия для дальнейшего наступления с целью полного освобождения Украины, изгнания захватчиков из пределов СССР.

Поражение противника под Курском, а затем и на Днепре оказало огромное влияние на моральный дух его войск. Вера в победу была подорвана не только у солдат и офицеров, но и у генералитета вермахта. Средства массовой информации нейтральных стран отмечали тогда, что в Германии «нарастает чувство приближающегося бедствия». Генерал А. Йодль в ноябре 1943 г. вынужден был признать, что по всей стране «шестует призрак разложения»²⁷.

В то время союзники СССР по антигитлеровской коалиции не сомневались, что главные события происходят на советско-германском фронте. Так, 7 ноября 1943 г. президент Ф. Рузвельт в своей телеграмме И. В. Сталину по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подчеркнул: «Позвольте мне в этот день... выразить мое и моих соотечественников глубокое восхищение тем великолепным стилем, в котором Красная армия отбросила захватчика. Красной армии и народу Советского Союза принадлежат вечная честь и слава. Они вписали бессмерт-

ные страницы в историю борьбы против тирании и гнета. Их пример и самопожертвование вдохновляют все силы, объединенные в совместной борьбе за победу»²⁸. Военным успехам Советского Союза давали тогда высокую оценку в своих публичных выступлениях премьер-министр Великобритании У. Черчилль и другие официальные лица.

Их заявления не были всего лишь протокольными приемами общепринятой дипломатической этики. Из секретной переписки Ф. Рузвельта с У. Черчиллем, опубликованной в 1975 г., мировой общественности стало известно, что лидеры Соединенных Штатов и Англии безоговорочно признавали: победы Красной армии летом и осенью 1943 г. содействовали успеху наступательной операции англо-американских войск на юге Европы²⁹.

После окончания войны эти объективные оценки затерялись в общем потоке фальсификаций. Так, Р. Леки, автор труда «Войны Америки», утверждает, что в то время главные события происходили на Средиземном море, куда и было привлечено внимание всего мира. Д. Макинтайр считает, что успехи или неудачи на Средиземноморском театре «отражались на ходе всей войны». Х. Болдуин, непомерно преувеличивая заслуги союзников в операциях на этом театре, совсем «забыл» о крупномасштабном наступлении Красной армии на советско-германском фронте.

Подробно расписывая военные действия на других театрах Второй мировой войны, английские и американские исследователи нередко характеризуют высадку своих войск на остров Сицилия и Апеннинский полуостров как открытие второго фронта в Европе. Якобы это в корне изменило соотношение противоборствовавших сил, что и предопределило неизбежное поражение Германии. Так, Т. Хиггинс оценивает действия союзников как «поворот в войне», который «спас многие жизни русским». Б. Кольер утверждает, что бомбардировки англо-американской авиации ослабили промышленность Германии, в результате чего «оказались безуспешными попытки предотвратить форсирование русскими Днепра». Но все эти утверждения не могут опровергнуть мнение верховного главнокомандующего союзными армиями генерала Д. Эйзенхауэра, который считал, что действия на Средиземном море следует охарактеризовать как «вспомогательную операцию». Тем более что вооруженные силы Италии после разгрома на советско-германском фронте самой боеспособной 8-й армии уже не представляли собой, как показали дальнейшие события, серьезно для США и Великобритании противника.

В 1944 г. советские Вооруженные силы провели две кампании — зимне-весеннюю и летне-осеннюю. В ходе первой Красная армия, ведя наступление в полосе шириной 2900 км, продви-

нулась в глубину на 300–500 км и освободила 329 тыс. кв. км советской территории. На многих участках была восстановлена государственная граница. Все это резко изменило военно-политическую обстановку в Европе в пользу антигитлеровской коалиции.

Какой же размах носили операции англо-американских войск в то время? Единственным участком их активных действий была Центральная Италия. Здесь в январе 1944 г. и началось наступление с целью захвата Рима. Однако вплоть до апреля боевые действия велись фактически лишь в районе города Кассино силами одного армейского корпуса. В ходе следующей операции, продолжавшейся 96 дней, англо-американским войскам удалось прорвать оборону противника южнее Рима, а 4 июня овладеть столицей Италии и выйти в предгорья Северных Альп. За шесть месяцев глубина их продвижения составила всего 200–350 км. Одновременно стратегическая авиация США продолжала воздействовать на объекты Третьего рейха.

Однако это не помешало командованию вермахта в январе — мае 1944 г. перебросить из Германии и Франции на восточный фронт 40 дивизий и 4 бригады. В результате немецкая группировка в Западной Европе была значительно ослаблена. Тем самым были созданы благоприятные условия для последующей высадки войск союзников во Франции. По признанию генерала Д. Эйзенхауэра, в течение всего заключительного периода войны в Европе стратегическое планирование и практические действия американско-английских войск на западном фронте находились в прямой зависимости от хода и исхода наступательных операций Красной армии.

Как известно, уже на пятый день после высадки в Нормандии, то есть 10 июня 1944 г., началась Выборгско-Петрозаводская операция Ленинградского и Карельского фронтов. Вслед за этим развернулось мощное наступление Красной армии в Белоруссии, вошедшее в историю под кодовым названием операция «Багратион». Оно продолжалось с 23 июня до конца лета 1944 г. Советские войска прорвали оборону врага одновременно на шести участках, разгромили его группировки в районах Витебска и Бобруйска, под Оршей и Могилевом, а затем окружили и уничтожили основные силы группы армий «Центр» восточнее Минска. «Менее чем за две недели Красная Армия изгнала противника из Белоруссии, — отмечал известный английский военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт. — К середине июля 1944 года она заняла больше половины северо-восточной части Польши... окружила Вильнюс, переправилась через Неман, приближаясь к границам Восточной Пруссии»³⁰.

К концу августа войска четырех советских фронтов продвинулись на запад на 550–600 км. Чтобы закрыть огромную брешь, образовавшуюся в результате наступления Красной армии, немецкое командование вынуждено было перебросить сюда с других участков восточного фронта и из Западной Европы дополнительные силы и средства. «Германский фронт в Белоруссии распался так, как мы до сих пор не наблюдали в течение этой войны», — отмечала в те дни английская газета «Daily Telegraph and Morningpost». Та же газета 26 июня 1944 г. подчеркивала: «Никогда еще тактика концентрированных ударов... не была применена с таким искусством, с каким ее применила Красная армия, рассекая ударами германский фронт»³¹.

В ходе операции «Багратион» были полностью освобождены Белоруссия, более трех четвертей территории Литвы и Латвии, началось изгнание оккупантов из Польши. Стратегическая обстановка на советско-германском фронте претерпела коренные изменения. Переброска вражеских войск с других направлений в Белоруссию облегчила советским войскам выполнение задачи по освобождению западных областей Украины и восточных районов Польши. Выход Красной армии в широкой полосе к Висле, Сану и границам Восточной Пруссии открывал ей дорогу на Кёнигсберг, Варшаву, Берлин.

Мировая общественность по достоинству оценила победы Красной армии в ходе наступления летом 1944 г. Политические и военные деятели Запада, дипломаты и журналисты отмечали их значительное влияние на дальнейший ход Второй мировой войны. «Стремительность наступления Ваших армий изумительна», — писал Ф. Рузвельт 21 июля 1944 г. И. В. Сталину. В телеграмме главе советского правительства от 24 июля У. Черчилль назвал события в Белоруссии «победами огромной важности»³². Одна из турецких газет 9 июля констатировала: «Если продвижение русских будет развиваться теми же темпами, русские войска войдут в Берлин быстрее, чем союзные войска закончат операции в Нормандии»³³.

В этой связи выводы западных историков о решающей роли Нормандской операции в будущем поражении Германии противоречат тем оценкам, которые были даны самим Гитлером. Так, выступая на совещании в «Волчьем логове» 31 июля 1944 г., он подчеркивал: «Если говорить о том, что меня больше всего беспокоит, то это проблема стабилизации восточного фронта... Я сейчас подумал о том, что относится к наиболее опасным моментам... Это прежде всего прорыв на востоке»³⁴.

Не в силах опровергнуть сам факт сокрушительного поражения вермахта летом 1944 г. западные историки объясняют причины этого тем, что

именно открытие второго фронта создало Красной армии благоприятные условия для успешного наступления, так как германскому командованию пришлось бросить свои главные силы против англо-американских войск. По мнению Б. Лиддел Гарта, Белорусская операция была успешной, потому что союзники в Нормандии и Италии «повсюду полностью сковали силы немцев». В американской «Энциклопедии военной истории» утверждается, что на запад после открытия второго фронта «поспешно перебрасывались подкрепления из Германии и с востока»³⁵.

Однако свидетельства периода войны опровергают эти утверждения. Например, 26 июня 1944 г. американская газета «Journal», оценивая действия советских войск в операции «Багратион», писала: «Они помогли так, как если бы они сами штурмовали укрепления на французском побережье, ибо Россия начала крупное наступление, вынудившее немцев держать миллионы своих войск на восточном фронте, которые в противном случае могли легко оказать сопротивление американцам во Франции». Лондонское радио 16 июля отмечало: «Русское наступление называют лавиной. Если сравнить его темпы с темпами наступления войск союзников в Нормандии, то последнее... идет пока очень медленно»³⁶. Это подтверждают и свидетельства немецких генералов. Так, Г. Гудериан вспоминал: «В то время как на фронте в Нормандии развертывавшиеся передовые части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта... на восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие чудовищную катастрофу»³⁷.

Следовательно, успеху союзников в Нормандии способствовала катастрофа вермахта на советско-германском фронте, а не наоборот. Это признают и объективные авторы на Западе. Английский публицист А. Верт, работавший во время войны корреспондентом в СССР, писал, что попытки западной пропаганды представить наступление Красной армии в Белоруссии «легкой прогулкой», потому что немцы якобы перебросили отсюда крупные силы во Францию, не соответствуют действительности³⁸. Профессор Эдинбургского университета известный английский специалист по военно-стратегическим проблемам Дж. Эриксон в книге «Дорога на Берлин» подчеркивал: «Разгром советскими войсками группы армий «Центр» явился их самым крупным успехом, достигнутым... в результате одной операции. Для германской армии... это была катастрофа невообразимых размеров, большая, чем Сталинград»³⁹.

Действительно, результаты наступления советских Вооруженных сил летом и осенью 1944 г. были впечатляющими. Они вступили в преде-

лы Болгарии и Венгрии, освободили Румынию и восточную часть Югославии, в том числе Белград. Крупное поражение было нанесено группе армий «Север»: свыше 30 ее дивизий оказались блокированы в Курляндии. Враг был полностью изгнан из Эстонии и Литвы, большей части Латвии. В Заполярье советские войска освободили северные районы Норвегии. Из войны на стороне Германии были выведены Болгария, Румыния и Финляндия.

Таким образом, попытки западных историков приписать открытию второго фронта решающее значение в военных действиях 1944 г., а США представить «главным спасителем Европы» не соответствуют действительности. Даже после вторжения союзников во Францию основные события Второй мировой войны происходили на советско-германском фронте. Не случайно, оценивая результаты наступления Красной армии, бывший генерал вермахта З. Вестфаль писал: «В течение лета и осени 1944 г. немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское... Теперь Германия неудержимо катилась в пропасть»⁴⁰.

Необоснованным является и стремление западных авторов преувеличить роль и значение боевых действий англо-американских войск в Арденнах в конце 1944 — начале 1945 г. По их мнению, это был «второй Сталинград», «великая победа», которая «сломала хребет гитлеровской военной машине» и решила «судьбу европейской кампании». В 1984 г., когда отмечалось 40-летие тех событий, американская телекомпания Эй-би-си назвала их «последней великой битвой», «самым кровопролитным сражением конца войны». А западно-германская газета «Süddeutsche Zeitung» вообще пыталась убедить своих читателей, что гибель «последних резервов Гитлера» в Арденнах «обусловила успех Советов в развернутом 12 января решающем наступлении в Южной Польше...»⁴¹.

В действительности же пассивность американцев и англичан позволила германскому командованию сосредоточить к середине декабря 1944 г. в районе Кёльна две танковые и одну полевую армии. Они беспрепятственно переправились через Рейн, нанесли удар в направлении Динана (Бельгия) и прорвали оборону американской 1-й армии, которая потеряла все запасы горючего и боеприпасов. Понесли большие потери и соседние с ней 3-я и 9-я армии. Немецкая ударная группировка, расширив прорыв в ширину до 80 км, в течение десяти дней продвинулись еще на 100 км. Одновременно одиннадцать дивизий перешли в наступление в Эльзасе против американской 7-й армии. Эти удары оказались столь неожиданными для союзного командования, что внесли дезорганизацию в управление войсками. «Мы еще можем

проиграть войну», — записал в своем дневнике 4 января 1945 г. командующий американской 3-й армией генерал Дж. Паттон⁴².

Кризисная обстановка, сложившаяся на западном фронте, требовала принятия кардинальных мер. 6 января 1944 г. У. Черчилль направил И.В. Сталину послание, в котором известил его о тяжелых боях в Арденнах. «...Ставка Верховного Главнокомандования, — сообщалось в ответе Сталина уже на следующий день, — решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»⁴³.

Начав 12 января 1945 г. грандиозную по своим масштабам Висло-Одерскую операцию, советские войска нанесли удары в полосе шириной от 500 км до 1000 км. Для ее проведения была создана самая крупная с начала Великой Отечественной войны группировка сил и средств в составе 1-го Белорусского, 1-го Украинского, левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов. В ходе наступления они в течение 23 дней продвинулись на 500 км, почти полностью освободили Польшу с ее столицей Варшавой, вышли к Одере, а на некоторых участках форсировали его. «Новое наступление русских, — сделал вывод английский комитет начальников штабов 22 января, — резко изменило обстановку. По более вероятным предположениям, конца войны можно ожидать к середине апреля»⁴⁴.

Стремительное продвижение Красной армии к границам собственно Германии заставило командование вермахта отказаться от продолжения наступления в Арденнах и срочно перебросить высвободившиеся за счет этого силы на восточный фронт. Англо-американские войска, используя благоприятную обстановку, в феврале и марте 1945 г. провели Маас-Рейнскую операцию. При слабом сопротивлении противника они успешно форсировали Рейн и захватили несколько плацдармов на его правом берегу. «Кризис, вызванный угрозой со стороны русских, — писал британский историк Б. Лиддел Гарт, — заставил немцев принять роковое решение пожертвовать обороной Рейна ради обороны Одера с тем, чтобы задержать русских... Наступавшим англо-американским войскам был облегчен не только выход к Рейну, но и его форсирование»⁴⁵.

Развивая наступление, американские 9-я и 1-я армии нанесли удар по сходящимся на Липштадт направлениям и окружили в Рурском промышленном районе 18 немецких дивизий общей численностью до 325 тыс. человек. По мнению американского историка Ф. Погью, оно больше походило на «маневры мирного времени,

проводимые со всеми техническими средствами современной войны». С окружением крупной группировки противника в Руре западный фронт вермахта фактически распался. После этого, как писал историк Ч. Макдональд, «наступление американских армий приняло форму бросков от одного объекта к другому. Вряд ли это могло быть названо преследованием, поскольку, в сущности, некого было преследовать»⁴⁶.

Однако все это не помешало некоторым представителям союзного командования приравнять по значению эту операцию к Сталинградской битве. Главнокомандующий объединенными союзными силами Д. Эйзенхауэр назвал ее «величайшим окружением в истории». Еще категоричнее был О. Брэдли, командующий 12-й группой армий: «На территории, вокруг которой мы сомкнули кольцо окружения, осталась разбитая группа армий «Б» Моделя, объединение более крупное, чем то, которое Паулюс сдал Жукову в Сталинграде»⁴⁷.

Не умаляя значения Рурской операции, проявленного в ней военного искусства, храбрости солдат и офицеров, стоит признать, что по размаху и ожесточенности борьбы, уровню полководческого искусства, боевого мастерства воинов, военно-политическому значению, влиянию на дальнейший ход Второй мировой войны Сталинградская битва является выдающимся историческим событием. Попытки поставить в один ряд с нею какие-либо операции англо-американских войск, в том числе и Рурскую, не состоятельны. Да, в ее ходе была окружена 325-тысячная группировка противника. Но это был уже совсем не тот противник, что под Сталинградом. К тому же весной 1945 г. немцы и сами были не прочь сдать в плен американцам и англичанам. Следовательно, успешный исход Рурской операции был предопределен всем ходом событий задолго до ее начала.

Неоднозначные оценки на Западе даны и Берлинской операции, которая началась 16 апреля. Боевые действия в ней развернулись в полосе шириной 700 км (от Балтийского моря до отрогов Судетских гор). В ходе операции советские войска разгромили 70 пехотных, 12 танковых и 11 мото-

ризованных дивизий вермахта, взяли в плен 480 тыс. солдат и офицеров.

Тем не менее среди западных историков немало тех, кто вообще отрицает сам факт проведения Берлинской операции. Так, немецкий публицист Э. Куби утверждает: «То, что в истории XX столетия названо великой битвой за Берлин и в Берлине, является мифом. Такой битвы никогда не было». Английский историк А. Кларк пытается уверить читателей в том, что численность берлинского гарнизона не достигала и 25 тыс. человек. Американский историк К. Райан заявляет: «Оборона Берлина — это иллюзия», потому что «Гитлер и его советники ничего не сделали для обороны города»⁴⁸.

Это явная ложь. В обращении национал-социалистической партии к солдатам и офицерам вермахта от 3 апреля 1945 г. указывалось: «Война решается не на западе, а на востоке... Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются — люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны»⁴⁹. На берлинском направлении противник сосредоточил все имевшиеся в наличии силы: 85 дивизий и много отдельных частей, насчитывавших в общей сложности около 1 млн человек, 10,4 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,3 тыс. боевых самолетов. Общая численность предназначенного для ведения боев в Берлине гарнизона составляла свыше 200 тыс. человек. Бои на подступах к этому городу и в нем самом носили исключительно ожесточенный характер: с 16 апреля по 8 мая советские войска потеряли убитыми и ранеными более 102 тыс. человек⁵⁰.

Таким образом, совокупность исторических фактов показывает, что судьба Второй мировой войны решалась на советско-германском фронте. Именно здесь были уничтожены основные силы Третьего рейха, что и привело германскую военную и государственную машину к полному краху.

¹ Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971. С. 37.

² Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988. С. 111.

³ Цит. по: Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. С. 41.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 86.

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966. С. 79–80.

⁸ Цит. по: Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. С. 47.

⁹ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов. С. 142–143.

- ¹⁰ Сквайрс Р. Дорога войны. Пер. с англ. М., 1958. С. 13.
- ¹¹ Цит. по: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее — Переписка Председателя Совета Министров СССР). В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 51.
- ¹² Цит. по: Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 312.
- ¹³ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 126.
- ¹⁴ Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. М., 1986. С. 72.
- ¹⁵ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. С. 75.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 77.
- ²⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. М., 1954. С. 167.
- ²¹ Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Пер. с англ. М., 1956; Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956; Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. Пер. с англ. М., 1957; Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958.
- ²² Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. М., 1957. С. 437.
- ²³ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 135.
- ²⁴ Говард М. Большая стратегия: Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 329.
- ²⁵ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 136.
- ²⁶ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. С. 80.
- ²⁷ О стратегическом положении Германии к концу 1943 года // Военно-исторический журнал. 1960. № 10. С. 77.
- ²⁸ Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 434.
- ²⁹ Секистов В. А., Коротков Г. И. Устами американцев. М., 1978. С. 4.
- ³⁰ Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 412–413.
- ³¹ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. С. 190.
- ³² Там же.
- ³³ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. С. 125.
- ³⁴ Там же. С. 126.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. С. 188.
- ³⁷ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 326.
- ³⁸ Верт А. Россия в войне 1941–1945. Пер. с англ. М., 1967. С. 627.
- ³⁹ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. С. 129.
- ⁴⁰ Роковые решения. С. 259.
- ⁴¹ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. С. 133.
- ⁴² Там же. С. 134.
- ⁴³ Переписка Председателя Совета Министров СССР. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 341.
- ⁴⁴ Цит. по: Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. С. 135.
- ⁴⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1976. С. 624.
- ⁴⁶ Макдональд Ч. Тяжелое испытание. Пер. с англ. М., 1979. С. 392–393.
- ⁴⁷ Брэдли О. Записки солдата. Пер. с англ. М., 1957. С. 567–568.
- ⁴⁸ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 177.
- ⁴⁹ Цит. по: Воробьев Ф. Д. и др. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М., 1975. С. 23.
- ⁵⁰ История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 10. М., 1979. С. 344.

Оккупационная политика нацизма как геноцид советского народа

А. А. Падерин*

Война Третьего рейха против СССР имела особый характер. Еще при подготовке к ней германское руководство на закрытых совещаниях прямо заявляло о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. Поэтому немецкие солдаты и офицеры заранее были ориентированы на ничем не ограниченную жестокость по отношению к военнослужащим Красной армии и местному населению. На обширных пространствах, населенных, по определению нацистских главарей, «недочеловеками», не действовали никакие моральные нормы и юридические законы.

Итог нацистского господства на оккупированных территориях СССР оказался поистине ужасающим. По советским официальным данным, полностью или частично было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 тыс. сел и деревень, около 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций, 40 тыс. больниц и лечебных учреждений, 84 тыс. школ¹. Но людские потери оказались куда страшнее материальных. Из общего числа советских граждан, оставшихся на оккупированной территории, около 7,5 млн человек были истреблены, более 4 млн умерли от голода и отсутствия медицинской помощи, почти 2,2 млн — на принудительных работах в Германии. Помимо этого, нацисты уничтожили около 3 млн советских военнопленных².

Казалось бы, эти вопиющие реалии навсегда останутся в людской памяти. Однако на рубеже 80 — 90-х годов XX века о геноциде советского народа стали забывать. Причем не на Западе, где об этом не очень-то было и известно, а в собственной стране. Более того, говорить сегодня о хладнокровно проводимой нацистами истребительной

политике на оккупированных землях почему-то стало считаться некорректным. При этом некоторые авторы представляют дело так, будто никаких злодеяний германские оккупационные войска и вовсе не совершали. Якобы это были всего лишь неизбежные на войне случайности. А если кто-то из таких «правдолюбов» под давлением неопровержимых фактов и признает, что имели место преступления против человечности, то тут же переходит к обличению сталинизма.

«Подлинная историческая память намеренно стирается, — отметила в этой связи известный российский историк Н. Нарочницкая. — Геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций, лишение их национальной жизни — забыт. Но если мы никогда не забываем страдания евреев, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обгарены кровью тысяч евреев и славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?»³.

Пропагандистская вакханалия в зарубежных и ряде отечественных средств массовой информации довольно убедительно подтверждает мнение Нарочницкой⁴. Более того, приходится с сожалением признать следующий реальный факт. Эта фальсификаторская кампания в значительной мере стала возможной из-за недостаточного внимания российских историков к исследованию данной проблемы и пропаганде объективных научных результатов на протяжении длительного времени.

* Падерин Александр Александрович — к. и. н., член-корреспондент РАЕН, ветеран НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

Как известно, еще во время войны преступления нацистов были посвящены тысячи статей и десятки книг, в которых отечественные писатели и журналисты цитировали приказы командования вермахта и СС, дневники и письма немецких солдат и офицеров. В 40–50-х годах прошлого столетия в свет стали выходить сборники немецких трофейных документов. Поэтому даже самые откровенные фальсификаторы не могли обвинить советскую сторону в пропагандистском искажении фактов.

В последующие годы в научный оборот были введены весьма важные документы, однако для населения страны они были малодоступны. Причин тому, по мнению российского историка А. Р. Дюкова, было две. Во-первых, должно пройти какое-то время, прежде чем трагедия периода войны может стать предметом осмысления. Во-вторых, послевоенное советское руководство не было в полной мере заинтересовано в подобных исследованиях, чтобы не доводить до крайности межнациональные отношения в стране, которые и так обострились после депортаций целых народов. Они стали результатом того, что в уничтожении мирного населения, кроме немецких войск, деятельное участие принимали формирования коллаборационистов из национальных республик⁵.

Но после окончания войны в СССР принимались меры для того, чтобы не дать прорасти семенам межэтнической розни, посеянным нацистами: в частности, были амнистированы граждане, служившие на мелких должностях в оккупационной администрации и полиции (если, конечно, им не были предъявлены обвинения в совершении преступлений против собственного населения). Но и те, кто, опасаясь возмездия, ушел вместе с отступавшими немецкими войсками, впоследствии были осуждены только на шесть лет ссылки. Сделано это было по вполне прагматичным соображениям: разоренная тяжелейшей войной страна нуждалась в мире и единении, а не в расколе.

Вплоть до середины 1980-х годов в Советском Союзе не прекращалось исследование вопросов оккупации, открывались музеи и мемориалы, посвященные ее жертвам, создавались фильмы и книги, в которых нашли отражение преступления нацистов и их пособников на советской земле. В качестве примера можно привести вышедшую в 1984 г. в Минске монографию «Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии». Почти 70 проц. ее объема занимает перечень уничтоженных там деревень, многочисленных лагерей смерти и наиболее крупных контрпартизанских операций, проведенных немецкими войсками⁶.

Однако к началу перестройки об истребительной войне, которая велась против советского народа, на официальном уровне, да и в обществе

стали забывать. К сожалению, мало что изменилось после развала СССР и прихода к власти политиков «демократической волны». Лишь в начале XXI века в России появились издания, в которых исследовались события, происходившие на оккупированной территории. Так, в 2002 г. вышла фундаментальная монография историка И. Альтмана «Жертвы ненависти: холокост в СССР. 1941–1945». В 2006 г. издательство «Европа» выпустило три сборника документов о деяниях прибалтийских пособников оккупантов. Летом следующего года вышла научно-публицистическая книга историка А. Р. Дюкова «За что сражались советские люди», посвященная преступлениям нацистов. А в 2009 г. большая статья этого историка на ту же тему была опубликована в специальном выпуске журнала «Международная жизнь» под названием «Вторая мировая война: История без купюр».

В опубликованных в последнее время научных трудах и статьях анализируется деятельность немецких оккупационных органов управления, жизнь и быт советских людей в условиях «нового порядка», поскольку этот аспект менее всего исследован в исторической литературе. Как известно, к декабрю 1941 г. вермахт захватил 8,7 проц. советской территории. Это были самые высоко развитые регионы: целиком вся Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтийские республики, многие области РСФСР. До войны здесь производилось 71 проц. чугуна, 58 проц. стали, 52 проц. цемента, 57 проц. тракторов, 57 проц. проката черных металлов, 74 проц. кокса, добывалось 63 проц. угля, 71 проц. железной руды. Валовая продукция сельского хозяйства составляла 52 проц. зерновых культур, 86 проц. сахарной свеклы, 70 проц. картофеля, 56 проц. мяса (в убойном весе), 57 проц. молока, 60 проц. яиц⁷. Но главное, что из проживавших к началу войны от 84,9 млн до 88 млн человек (по различным данным)⁸ под оккупацией остались более 70 млн человек⁹.

Оккупационная политика на советской земле существенно отличалась от той, что проводилась нацистами в других захваченных вермахтом странах. На Западе они сочетали насильственные меры с поощрением коллаборационизма и поддержкой местных фашистов, широко привлекали промышленников к сотрудничеству в проведении курса на экономическую интеграцию их стран в рамках «великогерманского пространства».

На территории СССР нацисты утверждали свое господство в основном посредством кровавого террора. И это не было результатом личной жестокости чиновников военной и гражданской администрации: террор планировался заранее как один из основных способов достижения целей, намеченных руководством Германии по отношению к населению СССР.

Еще 9 января 1941 г. руководящие деятели нацистской партии и командующие видами вооруженных сил выслушали откровенные высказывания Гитлера, который заявил, что война против Советского Союза будет «полной противоположностью нормальной войне на западе и севере Европы», что в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства»¹⁰.

13 мая 1941 г. начальник штаба главного командования вооруженных сил Германии В. Кейтель подписал «Распоряжение Гитлера о военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». В соответствии с этим официальным документом с солдат и офицеров вермахта снималась юридическая и моральная ответственность за преступления на территории СССР. Фюрер требовал быть безжалостными к советским гражданам, осуществлять расправы на месте без суда и следствия над всеми, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление¹¹.

А в «Руководящих указаниях о поведении войск в России», разработанных штабом главного командования в качестве приложения № 3 к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. по реализации директивы Гитлера № 21, прямо указывалось на необходимость беспощадных и решительных действий против «большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»¹².

Помимо этого, подводя идеологическую базу под свои планы, Гитлер в выступлении перед высшим командованием вермахта 30 марта того же года заявил, что война против СССР будет «борьбой двух идеологий», «уничтожающим приговором большевизму», а потому при ведении боевых действий на востоке «сама жестокость — благо для будущего»¹³.

Никаких сложностей с местным населением при реализации задачи, сформулированной фюрером, нацисты не предвидели. Они считали, что беспощадное насилие сразу же сделает его послушным и сговорчивым. Ведь каждый, кто осмелится бросить на немца косой взгляд, будет расстрелян. «Мотивировка перед миром наших действий, — поучал Гитлер соратников, — должна исходить из тактических соображений... Мы снова будем подчеркивать, что были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность... Тем не менее, вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры — расстрелы, выселение и т.п.»¹⁴.

Вместе с тем эти высказывания о «борьбе двух идеологий», приведении в исполнение «уничтожающего приговора большевизму», «борьбе с коммунистической опасностью»¹⁵ дают некоторым

историкам повод для вывода о том, будто Гитлер являлся идейным борцом против большевизма, защитником Европы от «красной опасности» и даже более — освободителем советских народов от деспотического сталинского режима. А известный немецкий историк Э. Нольте считает, что национал-социализм появился как непосредственная реакция на опасность большевистской революции в Германии. По его мнению, Гитлер и нацисты просто-напросто набрались страху перед «советскими недочеловеками», а потому и стали действовать бесчеловечно¹⁶.

Когда господин Нольте формулировал свое «научное открытие», он, видимо, был не в курсе того, что об уничтожении так называемых «неполноценных рас» упоминалось еще в первой программе национал-социалистической партии, принятой в начале 1920-х годов. Выходит, истинной целью нацистов изначально была отнюдь не реализация бредовой идеи о расовой «чистке» человечества, а захват любой ценой, с применением самых бесчеловечных методов «жизненного пространства» для немцев на востоке, а далее постепенное завоевание мирового господства. В 1924 г. в книге «Mein Kampf» Гитлер писал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам»¹⁷. Словом, подхватив давние устремления кайзеровской Германии к экспансии на востоке, он лишь подкрасил их расистской идеологией и антибольшевистской риторикой.

Вскоре после нападения Германии на Советский Союз фюрер высказался о целях войны более откровенно: «Основная задача заключается в том, чтобы аккуратно расчленив огромный пирог для того, чтобы мы смогли, во-первых, овладеть им, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его»¹⁸. Ему вторил главный идеолог рейха А. Розенберг, назначенный рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий: «Мы ведем сейчас «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы навеки избавить от него «бедных русских», а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обеспечить безопасность германского рейха»¹⁹.

Как справедливо отмечает в своих современных работах руководитель научно-исследовательского центра «Восток — Запад» Кассельского университета доктор философии Г. Горцка, «настоящая цель гитлеровской политики на Востоке заключалась в захвате экономического пространства для Германской империи и в создании жизненного пространства для миллионов немцев...». «По немецким расчетам, — утверждает он, — предполагалось изгнать или уничтожить 30 млн русских, чтобы дать место для поселения

немцев. В соответствии с этим война против России велась как завоевательная и истребительная война без всяких «но» и «если». Классификация военного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения, этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения»²⁰.

Деятельность немецких оккупационных властей представляла собой единый комплекс политических, военных, экономических и идеологических мероприятий. По своим целям и сути они были откровенно варварскими, грабительскими. Конкретным планированием оккупационной политики еще с апреля 1941 г. занялось «Бюро по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства» во главе с Розенбергом. Затем к нему подключились различные отделы штаба главного командования вермахта. В эсэсовских учреждениях готовились проекты планов колонизации восточных земель, под которыми нацисты подразумевали не только территорию СССР, но и всех стран Восточной и Юго-Восточной Европы, населенных в основном славянскими народами. В дальнейшем обобщенные проекты и предложения получили название «Генеральный план «Ост» («Восток»), причем он постоянно дополнялся и уточнялся. Название этого документа фигурировало на Нюрнбергском процессе, но сам он тогда не был представлен трибуналу. Единственным доказательством существования плана «Ост» явились «Замечания и предложения Восточного министерства по Генеральному плану «Ост», подписанные 27 апреля 1942 г. Э. Ветцелем — начальником отдела колонизации первого главного политуправления «Восточного министерства»²¹.

Почти полвека историкам не удавалось отыскать окончательный вариант плана «Ост». Только в конце 1980-х годов его полный вариант был обнаружен в государственном архиве ФРГ, о чем ее руководство не спешило сообщать мировой общественности. Поэтому исследователям он стал доступен лишь в декабре 2009 г., но уже в электронном виде. Полнее всего в нем изложены идеи геноцида населения СССР. План «Ост» предусматривал постепенную германизацию наиболее благоприятных для жизни и хозяйствования районов оккупированной советской территории. Прежде всего намечалось поселить немцев в Прибалтике и Ингерманландии (имелись в виду Ленинград и прилегающие к нему районы. — *Ред.*), а также в Крыму и Таврии (на юге Украины. — *Ред.*). Как писал Г. Гиммлер, они «должны быть тотально германизованы». Для этого намечалось выселить, а, по сути, обрести на смерть более 22 млн коренных жителей²².

Авторы планов освоения новых земель предусматривали различные способы сокращения численности местного населения, прежде всего русского. Средствам пропаганды предписывалось постоянно внушать жителям оккупированных территорий мысль, будто роды очень вредят здоровью женщин. Предполагалось расширить сеть абортариев, широко практиковать стерилизацию женщин, запретить обучение молодых матерей профилактическим мерам против детских инфекционных болезней, до минимума сократить подготовку педиатров из числа русских, не оказывать никакой помощи внебрачным детям и т.д. «Для нас, немцев, — указывалось в одном из вариантов генерального плана «Ост», — важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»²³.

В соответствии с «Инструкцией об особых областях к директиве № 21», подписанной 13 марта 1941 г. начальником штаба главного командования вермахта В. Кейтелем от имени Гитлера, вся власть на захваченной территории передавалась главнокомандующему сухопутными войсками, который должен был осуществлять ее через командующих группами армий и армиями. При этом требовалось установить тесное взаимодействие войск вермахта с карательными органами (гестапо, СД, полицией) при уничтожении населения и ограблении территории СССР. В районе боевых действий создавались отряды особого назначения (Sonderkommando), подчиненные службе безопасности (СД). Они были наделены полномочиями «применять принудительные меры в отношении гражданского населения», обеспечивать изъятие материальных ценностей, а также советских архивов, документов ВКП(б) и общественных организаций в тыловых районах немецких армий. Причем отрядам СД предоставлялось особое право действовать по собственному усмотрению. В оперативном тылу групп армий намечалось использовать оперативные группы (Einsatzgruppe) и оперативные отряды (Einsatzkommando) СД. Их задачи были аналогичны задачам отрядов особого назначения. При выполнении карательных функций им предстояло тесно взаимодействовать с абвером и тайной полевой полицией, не говоря уже о постоянной связи с войсковыми штабами²⁴.

Замысел кампании против Советского Союза включал подробно разработанные военно-экономические мероприятия. Хотя после захвата Польши, Дании, Норвегии, Франции, Югославии и других стран Германия распорядилась экономическим потенциалом почти всей Европы, для осуществления вынашиваемых ее лидерами планов завоевания мирового господства не хватало многих видов сырья, прежде всего нефти. Вот почему

в далеко идущих военно-экономических расчетах нацистского руководства значительное место отводилось нефтяным, продовольственным и другим ресурсам СССР. На совещании, проходившем в январе 1941 г., Гитлер откровенно заявил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»²⁵.

Разработкой планов разграбления национальных богатств Советского Союза в первую очередь занималось возглавляемое Г. Томасом управление военной экономики и вооружений главного командования вермахта, которое действовало в тесном контакте с германскими промышленниками. К этой работе были привлечены также ведомство «четырёхлетнего плана» во главе с Г. Герингом, имперское министерство продовольствия и другие государственные учреждения. На основании памятной записки Томаса фюрер принял решение о будущей оккупационной политике на территории СССР. Он считал, что для максимальной эксплуатации захваченных регионов первоочередной задачей является создание эффективного административно-экономического аппарата²⁶.

Управление военной экономики и вооружений подготовило проект специальной военно-экономической организации «Восток». Ей во взаимодействии с вермахтом предстояло заниматься всеми вопросами по использованию ресурсов оккупированных территорий. Общее руководство должен был осуществлять Геринг как глава ведомства «четырёхлетнего плана»²⁷.

Военно-экономической организации «Восток» непосредственно подчинялся экономический штаб, получивший кодовое наименование «Ольденбург». Он тесно взаимодействовал с тыловыми службами сухопутных войск, которые в свою очередь находились в подчинении генерал-квартирмейстера. В его состав входили группы по сбору военно-экономических данных, организации управления, контрразведки и юрисдикции, а также сельскохозяйственное, военное и экономическое главные управления. Им предстояло заниматься всеми основными отраслями промышленности, сельского хозяйства и транспорта на оккупированной территории Советского Союза²⁸.

Экономическому штабу «Восток» непосредственно подчинялись экономические инспекции, связанные с тыловыми службами групп армий. В ведении каждой такой инспекции находилось несколько хозяйственных управлений и их филиалов, которые действовали при охранных дивизиях²⁹. При штабе каждой армии имелся специалист из управления военной экономики и вооружений

главного командования вермахта. Во всей этой системе самым низшим звеном являлись экономические группы. Они должны были осуществлять свою деятельность совместно с военными комендатурами, созданными на всей оккупированной территории.

Функции военно-экономической организации «Восток» были сформулированы довольно четко. Так, из указаний главному сельскохозяйственному управлению экономического штаба от 23 мая 1941 г. следовало, что цель «восточного похода» — обеспечить снабжение германских вооруженных сил, а также немецкого населения за счет «снижения внутреннего потребления России до такой степени, чтобы образовались необходимые излишки для вывоза». Основными источниками продовольствия должны были стать Украина и Северный Кавказ. При этом снабжение других районов, в том числе таких крупных промышленных центров, как Москва и Ленинград, даже не предполагалось. Авторы документа вполне отдавали себе отчет, что подобные меры вызовут там голод, но это их мало беспокоило. Как отмечалось в указаниях, «попытка спасти население от голодной смерти путем привоза из черноземной зоны имеющихся там излишков продуктов... подорвала бы силу Германии»³⁰.

Непосредственно перед нападением на СССР Розенберг обратился с речью к тем, кому предстояло под его началом осуществлять руководство экономическим ограблением советских территорий. «В перечне задач Германии на востоке, — заявил он, — первое место занимает вопрос обеспечения продовольствием немецкого народа. Южные территории должны стать... житницей Германии. Мы не видим никаких оснований для обязательств с нашей стороны кормить также русский народ продуктами этой избыточной территории. Мы знаем, что это суровая необходимость, лишённая каких-либо чувств...»³¹.

Замыслы германского руководства в отношении советской промышленности изложены в «Директивах по руководству экономикой в новых захваченных восточных районах». Сброшюрованные в книгу с зеленым переплетом, они так и стали называться — «Зеленая папка». В соответствии с ними на оккупированной территории СССР планировалось организовать добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые имели первостепенное значение для функционирования военной экономики рейха и дальнейших действий вермахта. Сохранение, восстановление или организация какого-либо промышленного производства допускались только в случае, если того требовали интересы германской военной машины³². В целом стремление к беспощадной эксплуатации оккупированной территории соответствовало

установкам нацистского руководства на уничтожение Советского Союза как государства и порабощение его народа.

Проблема административно-политического устройства оккупированных советских территорий решалась в полном соответствии с взглядами фюрера. Краткую и вместе с тем весьма емкую характеристику дал им известный французский историк Н. Верт, специалист по русским и советским исследованиям. Вторжение в СССР, считал он, по замыслу Гитлера не было просто военной акцией. Оно преследовало особые цели, четко определенные его собственным видением будущего Германии: уничтожив большевизм и разрушив советское государство, завоевать на востоке жизненное пространство для немецких колонистов. Эти цели обосновывались ненавистью Гитлера ко всем славянским народам. Извечный, по мнению фюрера, конфликт Германии со славянским миром делал Россию постоянным источником угрозы для немцев. Наконец, его убежденность в неполноценности славян служила еще одним доводом, чтобы безвозвратно уничтожить в России любые формы политической организации, ибо рабам не нужно государство³³.

С самого начала войны повсюду, куда бы ни ступала нога захватчика, совершались тысячи невероятных по своей жестокости преступлений, жертвами которых становились женщины, дети, старики. Особенно свирепствовали четыре специальные карательные части — Einsatzgruppen, обозначенные латинскими буквами А, В, С и D. В соответствии с указаниями начальника полиции и СС Г. Гимmlера, а также начальника гестапо и СД (служба безопасности) Р. Гейдриха их задача заключалась в том, чтобы «ликвидировать на территории СССР всех коммунистов, коммунистических деятелей, евреев и других врагов Германии»³⁴.

Эти группы действовали в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг», командованию которых они непосредственно и подчинялись. Только до весны 1942 г. ими были истреблены, по немецким данным, от 500 до 700 тыс., а по советским — около 2 млн человек, среди них сотни тысяч детей³⁵. Именно такие группы организовали «форт смерти» № 9 под Каунасом, расстреляли 100 тыс. человек в Бабьем Яру под Киевом, потопили тысячи женщин и детей в Мозырских болотах, совершили многие другие злодеяния³⁶.

В своих бесчинствах каратели не знали предела. Так, с 22 июня 1941 г. по 15 декабря 1942 г. в тыловом районе группы армий «Центр» оперативной группой «Б» полиции безопасности и СД были убиты 134 198 человек³⁷. Каратели ничем не гнушались, забирая у своих жертв все, что, на их взгляд, имело хоть какую-то ценность. Напри-

мер, как следует из отчета этой группы за период с 15 ноября по 15 декабря 1942 г., личный состав айнзацкоманды № 8 изъял у 376 расстрелянных «евреев», «бандитов», «коммунистов» и «врагов рейха» 99 рублей, 2 золотых кольца, 12 колец (предположительно серебряных) и 4 пары серебряных серег³⁸.

Жителей и военнопленных сгоняли в специальные лагеря, ставшие неотъемлемой частью «нового порядка». На территории Украины и Белоруссии их было создано свыше 440³⁹. От непосильной работы, голода и холода узники умирали тысячами. Их травили газами и расстреливали, применяли другие самые изуверские методы. По отношению к советским военнопленным Германия не руководствовалась гуманными положениями, выработанными в Гааге и Женеве до начала Второй мировой войны. По немецким данным, из 3,4 млн солдат и офицеров Красной армии, плененных вермахтом в 1941 г., к концу января следующего года в живых осталось всего около 1,4 млн человек. Остальные 2 млн стали жертвами расстрелов, эпидемий, голода и холода.

Жесточайшим гонениям подвергалось еврейское население. Из 6 млн евреев, уничтоженных нацистами за годы Второй мировой войны, 1 млн 50 тыс. проживали в СССР⁴⁰. Без суда и следствия расстреливали армейских политработников, представителей партийно-советского актива, государственных служащих. Только на территории оперативного тыла группы армий «Юг» тайная полевая полиция с октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. уничтожила либо бросила в тюрьмы 35 тыс. партийных и советских активистов⁴¹.

Любой чиновник оккупационного административного аппарата, любой полицейский, не говоря уже об офицерах и солдатах вермахта, имели полное право распоряжаться жизнью советских граждан. Они могли быть подвергнуты смертной казни за сопротивление немецким войскам и административным органам, за хранение советских листовок и распространение сообщений советского радио, за срыв объявлений властей и невыполнение требования сообщать о местонахождении скрывавшихся красноармейцев и партизан, то есть за любые формы противодействия оккупантам.

Жители оккупированных городов обязаны были получить удостоверение личности сроком на два — три месяца, которое во избежание штрафа следовало своевременно продлевать. В удостоверение с фотографией владельца (вторая фотография хранилась у бургомистра) вносились на местном и немецком языках его внешние данные: телосложение, рост, цвет волос и глаз, особые приметы. Заверялось оно печатью. На удостоверении вновь прибывших ставилась либо латинская бук-

ва «F», либо русская буква «Ч» («чужой»). Иногда прямо в советский паспорт вклеивался дополнительный листок с описанием особых примет владельца документа. В некоторых сельских местностях каждому жителю присваивали номер. Бирку с ним он должен был в обязательном порядке носить на шее. На стене каждой избы вывешивался список всех проживавших с указанием присвоенных им номеров.

Нацисты взяли на вооружение систему заложничества и коллективной ответственности. В соответствии с приказом начальника штаба главного командования вермахта Кейтеля в случае покушения на жизнь немца уничтожению подлежали от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местного населения⁴². Широко применялись массовые экзекуции. В Белоруссии в качестве кары за поддержку партизан было сожжено 628 деревень, из них многие вместе с людьми⁴³. Символом массового террора стала деревня Хатынь, где 22 марта 1943 г. в огне погибли 149 сельян, среди них 76 грудных и малолетних детей⁴⁴.

Хатынь, Бабий Яр... Наряду с этими широко известными названиями, ставшими синонимами изуверской жестокости оккупантов, существует множество других. Дочиста сожжена в Барановичской области группа деревень вместе с жителями только за то, что власти подозревали их в связях с партизанами⁴⁵. Свыше 200 тыс. человек расстреляны и закопаны в ямах неподалеку от станции Понары (ныне в составе Литвы)⁴⁶. В городе Артемовске в шахте алебастрового завода наглухо замурованы несколько тысяч стариков, женщин и детей⁴⁷. Повсеместно применялась «душегубка» — специальная машина с герметичным фургоном, в котором обреченные люди погибали от отработанного газа автомобильного двигателя⁴⁸. В Крыму нацисты под предлогом эвакуации вывозили население на баржах в открытое море. Тысячи ни в чем не повинных людей находили мги́лу на морском дне⁴⁹.

Планомерно и цинично действовали оккупанты, осуществляя экономический грабеж захваченной территории СССР, эксплуатируя его производственный потенциал в интересах вермахта и продовольственного снабжения населения Германии. Нацистские лидеры уже не делали из этого никакой тайны: ведь положение на восточном фронте складывалось для них довольно успешно, и они считали, что маскироваться ни к чему. Летом 1942 г. главный идеолог Третьего рейха Й. Геббельс заявил: «Эта война ведется не ради «трона и алтаря», не за идеалы, а «за зерно и хлеб», за хорошо накрытый к завтраку, обеду и ужину стол, за создание материальных предпосылок для решения социальных вопросов, вопросов жилищного и дорожного строительства... идет война за сы-

рье»⁵⁰. Не менее откровенным был и Розенберг на заседании «Германского трудового фронта» в ноябре 1942 г.: «Вы не должны забывать, что там было отнюдь нелегко; и вы не можете себе представить, насколько велика была нагрузка, если за эти дни с востока в Германию прибыло 3 тыс. поездов с продовольствием; следует прибавить к этому, что вся находящаяся на востоке армия снабжается на месте, причем в это снабжение не входит то, что солдаты раздобывают сами себе»⁵¹.

Главное сельскохозяйственное управление экономического штаба «Восток» во главу угла своей деятельности поставило не просто вывоз продовольствия из оккупированных областей Советского Союза, а осуществление специальных мер, направленных на то, чтобы спровоцировать голод среди местного населения. «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, — говорилось на совещании членов этого штаба, — то, несомненно, десятки миллионов людей будут обречены на голод»⁵². Разумеется, сотрудники этой организации руководствовались не собственными измышлениями, а специально разработанным для них документом под названием «12 заповедей об отношении к русским». Как предупреждали его авторы, при проявлении малейшего сострадания к русским мякотелым немцам грозит отзыв с оккупированной территории⁵³.

Одной из основных задач сельскохозяйственного управления экономического штаба считалось постепенное освоение предприимчивыми хозяевами из рейха лучших восточных земель. Всего на оккупированной советской территории действовали 14 тыс. немецких «сельскохозяйственных руководителей», отвечавших за получение наибольшего количества продовольствия и сельскохозяйственного сырья для рейха⁵⁴.

Первоначально оккупационная администрация сохранила колхозы и совхозы в их прежнем виде. Но уже 15 февраля 1942 г. Розенберг подписал документ под названием «Новый аграрный порядок». Он предусматривал преобразование всех колхозов в общинные хозяйства, совхозы переименовывались в государственные имения, а машинно-тракторные станции — в сельскохозяйственные опорные пункты. В общем-то, изменили одни названия, суть осталась прежней. Администрация сохраняла за собой право устанавливать объемы поставок сельхозпродукции, а за их выполнение община несла коллективную ответственность, что было гораздо удобнее, чем иметь дело с отдельными хозяевами. Крестьяне сдавали не только основную часть общинного урожая, но и платили различные индивидуальные налоги, которые взимались даже за окна, двери, печные трубы, «излишнюю мебель», собак и т.п.

Еще безрадостнее жилось населению городов и поселков городского типа. Оно находилось в полной зависимости от оккупационных властей и новоявленных хозяев промышленных предприятий, где только и можно было заработать средства к существованию. Для работавших на производстве была установлена почасовая оплата. Рабочий день продолжался 12–14 часов. Недостаточная интенсивность труда наказывалась строгими вычетами. В случае невыхода на работу по болезни или из-за несчастного случая выплата жалования прекращалась. За знание немецкого языка следовала прибавка около 25 проц. За работу в районе боевых действий вообще не платили.

Какой-либо системы здравоохранения не существовало. Лишения и голод подтачивали здоровье населения. Как следствие, распространялись эпидемии, с которыми некому и нечем было бороться. Словом, все меры были направлены на вымирание советских людей⁵⁵.

За счет людских ресурсов с оккупированных территорий нацисты намеревались ликвидировать дефицит рабочих в Германии, вызванный тотальными мобилизациями в вермахт. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель 6 января 1943 г. объявил о начале новой трудовой мобилизации из восточных регионов⁵⁶. Он потребовал подавлять самыми жестокими средствами малейшее сопротивление этому мероприятию. 7 марта была установлена разрядка на отправку в рейх рабочих: с 15 марта — 5 тыс., а с 1 апреля — до 10 тыс. человек ежедневно⁵⁷. Уже 19 марта войска СС получили приказ оказывать всяческое содействие вербовочным комиссиям, непокорные деревни сжигать, а их население целиком вывозить в Германию.

С этого времени началась санкционированная охота на людей. Облавы устраивались чаще всего ночью. Нередко несчастных стогнали на сборные пункты в одном нижнем белье, мужей разлучали с женами, детей с родителями. Независимо от состояния здоровья и возраста людей отправляли в переполненных до отказа и наглухо запертых товарных вагонах на чужбину. В дороге больные не получали никакой медицинской помощи. Лишенные воды и пищи по несколько дней, тысячи умирали в пути⁵⁸.

Вывезенные из СССР рабочие использовались в промышленности, сельском хозяйстве, личных поместьях. Многие из них, как правило, занятые на крупных производствах, жили в тщательно охраняемых лагерях, окруженных колючей проволокой. Скучное питание иной раз и вовсе не выдавалось. Один из лагерных врачей, допрошенный на Нюрнбергском процессе, свидетельствовал, что среди восточных рабочих был широко распространен туберкулез. Люди умирали, по его

словам, как мухи, из-за переутомления, низкого качества и малого количества пищи, плохих условий жилья. В добавление ко всему распространявшиеся тиф вши и клопы нещадно терзали обитателей лагерей⁵⁹.

Согласно немецким данным, приведенным французским историком Вертом, в 1942–1944 гг. в Германию были вывезены более 4,2 млн человек⁶⁰. Правда, иная цифра приводилась на Нюрнбергском процессе: на работу в рейх были отправлены 4 978 тыс. советских граждан⁶¹.

Отступая под ударами Красной армии, войска вермахта подвергали варварским разрушениям города и поселки, вывозили с собой все, что представляло собой хоть какую-то ценность. Так, на Северном Кавказе соединения и части 1-й танковой армии при отходе уничтожили транспортные коммуникации, разрушили или заминировали многочисленные населенные пункты, убили или угнали с собой много мирных жителей. Только в Ставропольском крае они расстреляли более 30 тыс. граждан. Из Ростовской области оккупанты вывезли 300 тыс. тонн зерна, 154,8 тыс. голов крупного рогатого скота и 93,8 тыс. лошадей, а сам Ростов превратили в развалины⁶². На нефтяных промыслах Грозного и в Краснодарском крае было уничтожено свыше 3 тыс. нефтяных скважин, где до войны добывалось почти 5 млн тонн нефти в год⁶³.

Оперативный отдел 4-й армии 11 марта 1943 г. направил в штаб группы армий «Центр» «Отчет о разрушении Вязьмы». В нем с циничной откровенностью отмечалось, что «все важные военные объекты были в течение недели по точно намеченному плану полностью уничтожены, причем вследствие наличия железных дорог и автостроды, проходящих через город, а также имеющих в Вязьме водопроводных станций, заводов и аэродромов при их уничтожении был разрушен и город»⁶⁴. То же самое происходило и в сельской местности. Так, в районе Сычевки из 248 населенных пунктов 137 были сожжены дотла⁶⁵. Когда в феврале-марте 1943 г. советские воины ликвидировали ржевско-вяземский выступ противника, то на месте некогда цветущих городов они увидели лишь груды развалин.

«Русские должны получить безлюдные районы» — так сформулировал задачу 13 февраля 1943 г. Гиммлер в распоряжении высшим чинам СС и полиции России и Украины⁶⁶. В соответствии с этим распоряжением из оккупированных районов Сталинградской области были вывезены 64 244 человека⁶⁷, а из Вязьмы, Ржева и Гжатска — 15 тыс. жителей. В таком крупном городе, как Новороссийск, ко дню его освобождения частями Красной армии жителей осталось буквально считанные единицы⁶⁸. Еще более выразительно свиде-

тельствует об осуществлении целенаправленной политики «выжженной земли» послание того же Гимmlера руководителю СС и полиции Украины Прюцману от 7 сентября 1943 г., в котором он указывал: «Надо делать все, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта, и не было ни одного не отравленного колодца. Противнику должна остаться тотально сожженная и разоренная страна»⁶⁹.

В общем, «новый порядок» в полную силу проявил всю свою античеловеческую сущность. Убежденность в своем расовом превосходстве, трудности с рабочей силой и материальными средствами ведения войны толкали нацистских заправил и их последователей все дальше по пути варварства и тяжких преступлений, которые при

военных поражениях и отступлении приобретали еще более ужасающие масштабы. Таким образом, приведенные документы и факты красноречиво доказывают, что оккупационная политика, проводимая германскими властями на захваченной территории Советского Союза, представляла собой заранее продуманную и спланированную систему уничтожения и порабощения коренного населения нашей страны, разграбления национальных богатств. Оккупанты установили жестокий режим произвола, насилия и беззакония, основанный на идеологии расового превосходства и ненависти к народам, проживавшим на захваченных территориях. И сегодня без понимания того, что происходило на них, без правдивого освещения истребительной политики нацистов против многонационального советского народа нельзя осознать сути самой страшной и самой судьбоносной в истории России войны.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4. М., 1999. С. 294; Вторая мировая война: История без купюр // Специальный выпуск журнала «Международная жизнь». М., 2009. С. 103–104.

² Дюков А. Р. Истребительная политика нацистов на оккупированной советской территории // Вторая мировая война: История без купюр // Специальный выпуск журнала «Международная жизнь». С. 104.

³ Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 66 // Вторая мировая война: История без купюр // Специальный выпуск журнала «Международная жизнь». С. 104–105.

⁴ Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти: Материалы к международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М., 2005. С. 147–161.

⁵ Дюков А. Р. Истребительная политика нацистов на оккупированной советской территории // Вторая мировая война: История без купюр // Специальный выпуск журнала «Международная жизнь». С. 105–106.

⁶ Там же. С. 106–107.

⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Статистический сборник. М., 1990. С. 21, 22, 42, 85–86.

⁸ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 166.

⁹ Мировые войны XX века. В 4 т. Т. 3. М., 2002. С. 386–387.

¹⁰ Там же. С. 394.

¹¹ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 70.

¹² Там же. С. 67–70.

¹³ «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 394–395.

¹⁴ Там же. С. 103–107.

¹⁵ Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939—1942. Пер. с нем. В 3 т. Т. 2. М., 1969. С. 429, 430, 431.

¹⁶ Новое время. 1993. № 8. С. 41.

¹⁷ Цит. по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 15.

¹⁸ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Berlin, 1974. S. 563.

¹⁹ Цит. по: За рубежом. 1988. № 36. С. 16.

²⁰ Горцка Г. Истребительная война на востоке. Введение // Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941 — 1944. Доклады. Вып. 18. М., 2005. С. 12–13.

²¹ Мединский В. Р. Война: Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 133.

²² Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха: Книга не только о прошлом. М., 1981. С. 272–273.

²³ Vierteljahresheft für Zeitgeschichte. 1958. № 3.

²⁴ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. С. 58–59.

²⁵ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Bd. 1. Frankfurt a/M., 1961–1979. S. 258.

- 26 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1979–1990. S. 127; Tomas G. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45). Boppard, 1966. S. 300; Below N. Als Hitlers Adjutant. 1937–1945. Mainz, 1980. S. 181.
- 27 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 130.
- 28 Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen. Dokumente. S. 181.
- 29 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 130–132.
- 30 Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen. Dokumente. S. 377–379.
- 31 Цит. по: От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. Пер. с нем. М., 1988. С. 377.
- 32 Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der Faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 365; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 153.
- 33 Верт Н. История советского государства. 1900–1991 Пер. с фр. М., 1994. С. 313.
- 34 Гитлеровская оккупация в Литве: Сборник статей. Вильнюс, 1966. С. 91.
- 35 Мельников Д., Черная Л. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945 гг. М., 1987. С. 332.
- 36 Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 371.
- 37 Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985. С. 113.
- 38 Там же. С. 113.
- 39 Азяский Н., Князьков А. Плечом к плечу: Советские партизаны в период подготовки и в ходе Курской битвы (апрель — август 1943 г.). Воронеж, 1988. С. 18.
- 40 Верт Н. История советского государства. С. 314.
- 41 Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1985. С. 137.
- 42 Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. С. 117–118.
- 43 Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. Т. 2. Минск, 1984. С. 38.
- 44 Там же. 32.
- 45 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 149. Д. 94. Л. 43.
- 46 Там же. Л. 21.
- 47 Там же. Д. 7. Л. 42.
- 48 Там же. Л. 121–122.
- 49 Там же. Д. 28. Л. 24.
- 50 Цит. по: За рубежом. 1988. № 36. С. 18.
- 51 Нюрнбергский процесс: Сборник документов. В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 664.
- 52 Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen: Dokumente. S. 377.
- 53 Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der Faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen Sowjetunion (1940/41). S. 365; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 153.
- 54 Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. London, 1953. P. 101, 317.
- 55 Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 188.
- 56 Мюллер Н. Вермахт и оккупация: О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 167.
- 57 Нюрнбергский процесс: Сборник документов. В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 550.
- 58 Там же. С. 555–556.
- 59 Там же.
- 60 Верт Н. История советского государства. С. 315.
- 61 Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. С. 228; Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 96.
- 62 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. Berlin, 1979. S. 351.
- 63 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 4. С. 507.
- 64 ЦАМО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 129. Л. 20–21.
- 65 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 351.
- 66 Ibid. S. 352.
- 67 Самсонов А. М. Сталинградская битва. М., 1989. С. 322.
- 68 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 3. S. 351.
- 69 Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1994. С. 232.

Заградительные отряды и штрафные формирования: вымысел и реальность

В. В. Абатуров*

Начиная с перестроечных времен и до сегодняшнего дня в средствах массовой информации активно эксплуатируется тема заградительных отрядов и их роли в Великой Отечественной войне. Якобы, располагаясь за боевыми порядками подразделений и частей, они вели по ним огонь на поражение, если те без приказа отходили с занимаемых рубежей. Авторы подобных публикаций утверждают, что только применение таких отрядов, укомплектованных сотрудниками НКВД, заставляло солдат идти в бой, сражаться за ненавистный сталинский режим. Насколько данные утверждения соответствуют истине? В чем же состояло предназначение заградительных отрядов, и какие они имели полномочия?

Как известно, в ходе войны ведомственная принадлежность, а также состав и функции заградительных отрядов неоднократно менялись. Уже 27 июня 1941 г. 3-е управление Наркомата обороны СССР издало директиву № 35523 о работе своих органов в военное время. В ней, в частности, была предусмотрена «организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т.д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами:

- а) задержания дезертиров;
- б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;
- в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКВД (1–2 дня), с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности»¹.

Из этого следует, что первоначально заградительные отряды должны были только задерживать дезертиров и подозрительных лиц, оказавшихся возле линии фронта, а также вести предварительное расследование, после чего передавать задержанных в соответствующие судебные органы.

В июле 1941 г. на основании постановления Государственного Комитета Обороны № 187сс органы 3-го управления НКВД были выведены из его подчинения и переданы в состав Народного комиссариата внутренних дел. После реорганизации они получили новое название — «Особые отделы». Наряду с ведением борьбы «с шпионами, предателями, диверсантами... и всякого рода паникерами и дезорганизаторами» они наделялись дополнительными полномочиями: в исключительных случаях расстреливать дезертиров на месте². Как отмечал в директиве № 169 от 18 июля нарком внутренних дел Л. П. Берия, «смысл преобразования Третьего управления в Особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как борьба со шпионами и диверсией»³.

Для обеспечения оперативных мероприятий его же приказом № 00941 от 19 июля при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, а при аналогичных структурах в армиях и на фронтах — отдельные стрелковые роты и батальоны, которые укомплектовывались личным составом войск НКВД.

Для выполнения возложенных на них задач особые отделы должны были выставлять за-

* Абатуров Валерий Викторович — к. и. н., с. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

градительные отряды в тылу своих войск. Так, в «Инструкции для особых отделов НКВД Северо-Западного фронта по борьбе с дезертирами, трусами и паникерами» отмечалось, что они «организуют службу заграждения путем выставления засад, постов и дозоров на войсковых дорогах, дорогах движения беженцев и других путях движения, с тем чтобы исключить возможность какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции». Далее в ней указывалось, что все отставшие от своих частей военнослужащие формируются в сводные взводы и роты и направляются в штабы дивизий. И лишь «в особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия решительных мер для немедленного восстановления порядка на фронте», начальнику особого отдела предоставлялось право расстреливать дезертиров на месте. О каждом таком случае он должен был докладывать в вышестоящие инстанции⁴.

В изданной 28 июля 1941 г. Управлением особых отделов НКВД СССР директиве № 39212 на заградительные отряды возлагалась задача по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. В ней, в частности, отмечалось: «...одним из серьезных средств выявления засылаемых к нам агентов германской разведки являются организованные заградительные отряды, которые должны тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части»⁵.

Как следует из справки, подготовленной комиссаром госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейном для Л. П. Берии, с начала войны до 10 октября 1941 г. заградительные отряды НКВД совместно с особыми отделами задержали 657 364 человека. Из них были арестованы 25 878 человек, а остальные возвращены в свои части или направлены во вновь формируемые. В той же справке отмечалось, что «в числе арестованных особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371. По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек»⁶.

В начале войны заградительная служба была организована и на ряде действующих фронтов и флотов. О содержании ее деятельности можно судить на примере заградительного отряда при 3-м отделе Балтийского флота, который был сформирован в июне 1941 г. Первоначально отряд дей-

ствовал на территории Эстонской ССР. Для борьбы с дезертирами на дорогах, ведущих в Таллин и Ленинград, были выставлены специальные посты. Однако в связи с тем, что в зоне ответственности отряда проявлений дезертирства почти не встречалось, его основные усилия были сосредоточены на борьбе с укрывавшимися в лесах группами эстонских националистов. Выставленные секреты и заставы, а также «прочесывание» местности значительно затрудняли действия националистических формирований. Поэтому случаи вооруженного нападения на советские подразделения в районах, контролируемых заградительным отрядом, резко сократились.

В июле 1941 г. два взвода этого отряда, усиленные бронемашинами, совместно с местным истребительным батальоном с боем взяли в Пярнуском уезде местечко Варбла и поселок Тыстамаа. Уничтожив штаб «самозащиты» националистов, они захватили станковый пулемет, 60 велосипедов, свыше 10 телефонных аппаратов, несколько охотничьих ружей и винтовок.

При обороне Таллина личный состав заградительного отряда не только останавливал и возвращал на передовую отходивших без приказа военнослужащих, но и сам отражал удары противника. В ходе боев за город отряд потерял свыше 60 проц. своего состава, включая почти всех командиров. В целом с начала войны по 22 ноября 1941 г. им было задержано свыше 900 солдат и офицеров, из них арестованы и осуждены 77 человек, а 11 — расстреляны на месте или перед строем⁷.

Обстановка, сложившаяся летом и осенью 1941 г., вынуждала командующих войсками фронтов обращаться к И. В. Сталину с предложением о формировании войсковых заградительных отрядов. Своей директивой № 001650 от 5 сентября Ставка ВГК удовлетворила просьбу командующего войсками Брянского фронта генерал-лейтенанта А. И. Еременко об их создании «в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как устойчивые». В этой же директиве она подчеркивала, что задача заградительных отрядов заключается в том, чтобы не допустить самовольного отхода частей, «а в случае бегства остановить, применяя при необходимости оружие»⁸.

Уже неделю спустя такая практика была распространена на все фронты. В директиве Ставки № 001919 от 12 сентября указывалось: «Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает матери-

альную часть и потом одиночками начинает выходить из леса...».

Для того чтобы исключить панику и самовольное оставление оборонительных рубежей, приказывалось: «В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов численностью не более батальона (в расчете по одной роте на стрелковый полк), подчиненного командиру дивизии и имеющего в своем распоряжении, кроме обычного вооружения, средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин». Они должны были оказывать помощь комсоставу в поддержании твердой дисциплины в дивизии, пресекать бегство с поля боя, не останавливаясь перед применением оружия для уничтожения инициаторов паники⁹.

Стоит подчеркнуть, что в отличие от заградительных отрядов при особых отделах НКВД, ориентированных в основном на задержание дезертиров и подозрительных лиц, войсковые заградотряды создавались с целью не допустить самовольный отход. Эти подразделения были значительно крупнее (вместо взвода батальон на дивизию). Их личный состав комплектовался из красноармейцев, которым было предоставлено право применять оружие только для ликвидации инициаторов паники и бегства. Таким образом, заградительная служба осуществлялась одновременно особыми отделами НКВД, заградительными отрядами и войсковыми заградотрядами.

Летом 1942 г., когда враг прорвался к Волге и Кавказу, вышел приказ № 227, подписанный народным комиссаром обороны СССР И. В. Сталиным. В нем указывалось: «...сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной»¹⁰.

Во исполнение этого приказа заградительные отряды с 1 августа по 15 октября 1942 г. задержали 140 755 военнослужащих, оставивших без приказа оборонительные рубежи. Из этого числа 3980 человек были арестованы, 1189 человек расстреляны, 2961 человек направлен в штрафные роты и батальоны. В свои части и на пересыльные пункты были возвращены 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов отмечалось в полосах Донского и Сталинградского фронтов, в которых действовали 25 и 16 заградительных отрядов соответственно¹¹. По Донскому фронту были задержаны 36 109 человек, арестованы 736 человек, расстреляны 433 человека, направлены в штрафные роты 1056 че-

ловек, в штрафные батальоны — 33 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека. По Сталинградскому фронту задержаны 15 649 человек, арестованы 244 человека, расстреляны 278 человек, направлены в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны — 42 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека¹².

Во время обороны Сталинграда заградительные отряды сыграли важную роль в наведении порядка в частях и предупреждении их неорганизованного отхода с занимаемых рубежей. В критические моменты они сами вступали в бой с врагом. Так, 13 сентября 1942 г. 112-я стрелковая дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62-й армии под командованием лейтенанта госбезопасности Хлыстова занял оборону на подступах к важной высоте. В течение четырех суток его бойцы, отражая атаки немецких пехоты и танков, удерживали оборонительный рубеж до подхода своих частей. Другой заградительный отряд этой же армии два дня успешно вел бой с превосходившими силами врага в районе Сталинградского железнодорожного вокзала. Занимаемые позиции он оставил только тогда, когда его сменили подразделения 10-й стрелковой дивизии.

15 октября в ходе ожесточенных боев в районе тракторного завода противнику удалось выйти к Волге и отрезать подразделения 112-й стрелковой дивизии, а также 115, 124-й и 149-й отдельных стрелковых бригад от основных сил 62-й армии. Управление войсками было нарушено. Даже некоторые командиры поддались панике. В такой критической ситуации особый отдел армии создал оперативную группу под руководством лейтенанта госбезопасности Игнатенко. Объединив остатки особых отделов и личный состав 3-го армейского заградотряда, он принял меры по наведению порядка, задержанию дезертиров, трусов и паникеров, пытавшихся под разными предлогами переправиться на противоположный берег реки. В течение 15 дней оперативная группа задержала и возвратила в строй почти 800 человек рядового и командного состава, а 15 военнослужащих по постановлению особых органов были расстреляны перед строем¹³.

Столь же активно действовали заградительные отряды на Донском фронте. Например, в докладной записке Особого отдела НКВД этого фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О работе особых органов по борьбе с трусами и паникерами в частях Донского фронта за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года» сообщалось: «В борьбе с трусами, паникерами и восстановлении порядка в частях, проявивших неустойчивость в боях с противником, исключи-

тельно большую роль сыграли армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий.

Так, 2 октября 1942 года во время наступления наших войск отдельные части 138-й стрелковой дивизии, встреченные мощным артиллерийским и минометным огнем противника, дрогнули и в панике бежали назад через боевые порядки 1-го батальона 706-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии, находившегося во втором эшелоне. Принятыми мерами командованием и заградбатальоном дивизии положение было восстановлено. Семь трусов и паникеров были расстреляны перед строем, а остальные возвращены на передовую линию фронта.

16 октября 1942 года во время контратаки противника группа красноармейцев 181-й и 124-й стрелковых дивизий в количестве 30 человек проявила трусость и в панике начала бежать с поля боя, увлекая за собой других военнослужащих. Находившийся на этом участке армейский заградотряд 21-й армии силою оружия ликвидировал панику и восстановил прежнее положение.

19 ноября 1942 года в период наступления частей 293-й стрелковой дивизии при контратаке противника два минометных взвода 1306-го стрелкового полка вместе с командирами взводов... без приказа командования оставили занимаемый рубеж и в панике, бросая оружие, начали бежать с поля боя. Находившийся на этом участке взвод автоматчиков армейского заградотряда остановил бегущих и, расстреляв двух паникеров перед строем, возвратил остальных на прежние рубежи, после чего они успешно продвигались вперед.

20 ноября 1942 года во время контратаки противника одна из рот 38-й стрелковой дивизии, находившаяся на высоте, не оказав сопротивления противнику, без приказа командования стала беспорядочно отходить с занятого участка. 83-й заградотряд 64-й армии, неся службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей 38-й стрелковой дивизии, остановил в панике бегущую роту и возвратил ее обратно на ранее занимаемый участок высоты, после чего личный состав роты проявил исключительную выносливость и упорство в боях с противником»¹⁴.

Нередкими были и случаи применения заградительных отрядов для решения задач, не относившихся к их прямому предназначению. Причем не только в обороне, но и в наступлении, когда они действовали наравне со стрелковыми подразделениями. Так, заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, находившийся в подчинении командира 246-й стрелковой дивизии, был использован им для атаки вражеского опорного пункта. Потеряв убитыми и ранеными 109 человек из 118, он был отправлен в тыл на переформирование.

В целом во второй половине 1942 г. — начале 1943 г. действовали три вида подразделений заградительной службы: армейские заградительные отряды, созданные в соответствии с приказом № 227; заградительные батальоны дивизий; заградительные отряды при особых отделах дивизий и армий, укомплектованные военнослужащими НКВД. При этом армейские заградительные отряды и заградительные батальоны дивизий располагались непосредственно за боевыми порядками частей, чтобы исключить панику среди военнослужащих и несанкционированное оставление ими занимаемых рубежей. В свою очередь взводы охраны особых отделов дивизий, а также роты при особых отделах армий использовались на коммуникациях соединений и объединений с целью задержания трусов, паникеров и дезертиров.

Накануне Курской битвы в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 19 апреля 1943 г. № 415–138сс Управление особых отделов НКВД было передано в Наркомат обороны и Наркомат Военно-морского флота, в составе которых оно было реорганизовано в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР и Управление контрразведки «Смерш» НКВМФ СССР. При этом цель и содержание заградительной службы остались прежними. Так, в период с 5 по 10 июля 1943 г. заградительные отряды Воронежского фронта задержали 1870 человек. Большинство из них составляли военнослужащие, потерявшие связь со своими подразделениями. Были выявлены и арестованы 6 дезертиров, 19 членовредителей, 49 трусов и паникеров. Остальных задержанных возвратили в строй.

В специальном сообщении начальника отдела контрразведки «Смерш» 69-й армии Воронежского фронта от 18 июля 1943 г. в Военный совет армии о работе заградительных отрядов с 12 по 17 июля 1943 г. подчеркивалось, что за указанный период «были задержаны 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения...». В нем также обращалось внимание на случаи «самовольного оставления поля боя целыми подразделениями со стороны военнослужащих 92-й гвардейской стрелковой дивизии, 305-й стрелковой дивизии и 290-го минометного полка. Так, например, заградотрядом в районе с. Новая Слободка 14 июля с.г. были задержаны три подразделения 305-й стрелковой дивизии, как то: батарея 76-мм пушек, гаубичная батарея и саперная рота. Другим заградотрядом в районе дер. Самойловки были задержаны три минометные батареи 290-го армейского минометного полка. Заградотрядом в районе с. Кашеево были задержаны два обоза 92-й гвардейской стрелковой дивизии в количестве 25 подвод с личным составом 200 человек». Всего из

числа задержанных были арестованы 55 человек, а остальные — направлены в свои части¹⁵.

На Центральном фронте за июль 1943 г. органами «Смерш» был задержан 4501 человек, из них арестованы — 145, переданы в прокуратуры и органы НКВД — 346, направлены в спецлагеря — 14, возвращены в части — 3303 человека¹⁶. Следовательно, как и прежде, подавляющее большинство задержанных военнослужащих не подвергалось репрессивным мерам, а вновь использовалось для решения боевых задач.

После разгрома противника под Сталинградом, Курском и на Днепре стратегическая инициатива перешла к Красной армии. В 1944 г., после развертывания широкомасштабного наступления с целью полного освобождения территории СССР, заградительные отряды утратили свое значение. Например, 25 августа 1944 г. в докладной записке Политического управления 3-го Прибалтийского фронта начальнику Главного политического управления Красной армии генерал-полковнику А. С. Щербакову «О недостатках деятельности заградотрядов войск фронта» сообщалось: «...в августе была проверена деятельность шести заградотрядов (всего 8 заградотрядов).

В результате этой работы установлено:

1. Заградотряды не выполняют своих прямых функций, установленных приказом наркома обороны. Большая часть личного состава заградотрядов используется по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочесыванию лесов и т.д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде состоят 124 человека. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет 2-й эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111-му стрелковому корпусу с задачей охранять линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7-му стрелковому корпусу с той же задачей; пулеметный взвод находится в резерве командира заградотряда; 9 человек работают в отделах штаба армии, в том числе командир взвода старший лейтенант Гончар является комендантом управления тыла армии; оставшиеся 37 человек используются при штабе заградотряда. Таким образом, 7-й заградотряд совершенно не занимается заградслужбой. Такое же положение и в других заградотрядах (5, 6, 153, 21, 50-м).
2. В 5-м заградотряде 54-й армии из 189 человек штата только 90 человек несут охрану КП армии и заградслужбу, а остальные 99 человек используются на различных работах... В 6-м заградотряде из 169 человек 90 бойцов и сержантов используются по охране КП и линий связи, а остальные находятся на хозяйственных работах...

3. Штабы армий не осуществляют контроль за деятельностью заградотрядов, предоставили их самим себе, свели роль заградотрядов на положение обычных комендантских рот. Между тем личный состав заградотрядов подобран из лучших, проверенных бойцов и сержантов, участников многих боев, награжденных орденами и медалями Советского Союза. В 21-м заградотряде 67-й армии из 199 человек 75 % участников боев, многие из них награждены. В 50-м заградотряде за боевые заслуги награждены 52 человека...

Вывод: Заградотряды в своем большинстве не выполняют задач, определенных приказом наркома обороны № 227. Охрана штабов, дорог, линий связи, выполнение различных хозяйственных работ и поручений, обслуживание командиров — начальников, надзор за внутренним порядком в тылах армии ни в коей мере не входят в функции заградотрядов войск фронта.

Считаю необходимым поставить вопрос перед народным комиссаром обороны о реорганизации или расформировании заградотрядов как утративших свое назначение в настоящей обстановке¹⁷.

29 октября 1944 г. вышел приказ № 0349 «О расформировании отдельных заградительных отрядов», подписанный наркомом обороны И. В. Сталиным. В нем предписывалось: «В связи с изменением общей обстановки на фронтах... отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 года расформировать. Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий... О расформировании заградительных отрядов донести к 20 ноября 1944 года»¹⁸.

Таким образом, заградительные отряды задерживали дезертиров и подозрительных лиц в тыловых районах фронтов и армий, останавливали отступавшие подразделения и части. Выполняя свои прямые задачи, они имели право открывать огонь над головами отходивших без приказа военнослужащих, расстреливать трусов и паникеров перед строем, но непременно в индивидуальном порядке. Никому из исследователей пока еще не удалось найти в архивах ни одного факта, который подтверждал бы, что заградительные отряды вели огонь на поражение по своим войскам.

Не подтверждают этого и ветераны войны. Вот что, в частности, по этому поводу заявил Герой Советского Союза генерал армии П. Н. Лащенко: «Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта... Я запрашивал архивные документы на этот счет, таких документов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали вой-

ска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты... Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый».

А вот свидетельство кавалера ордена Александра Невского А. Г. Ефремова: «Действительно, на угрожающих участках выставлялись такие отряды. Эти люди не какие-то изверги, а обычные бойцы и командиры. Играли они две роли. Прежде всего готовили оборонительный рубеж, чтобы отступающие смогли на нем закрепиться. Во-вторых, пресекали паникерство. Когда наступил перелом в ходе войны, я не видел больше этих отрядов»¹⁹.

Долгие десятилетия после окончания Великой Отечественной войны официальная идеология, средства массовой информации, литература и искусство создавали в сознании не знавших этой войны советских людей образ беззаветно преданного Родине, верного идеалам коммунизма воина, сознательно идущего на смерть и подвиг ради достижения Победы. Прошли годы, поменялись идеологические установки, и на смену «воину — герою» пришел образ «выигравшего войну» штрафника как единственного спасителя Отечества и одновременно ярого противника сталинизма. По мнению новоявленных толкователей истории, именно штрафные подразделения, являясь жертвами «кровавого режима», завалили трупами всю Россию и пол-Европы, решив тем самым исход войны. Что же на самом деле представляли собой штрафные формирования, какие задачи они выполняли, какова их роль в достижении Победы?

Штрафные роты и батальоны были созданы по приказу наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., в котором требовалось прекратить отступление, «упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Далее И. В. Сталин, сославшись на опыт противника, приказал «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск...», а в каждой армии — «от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров...»²⁰.

Во исполнение этого приказа к концу сентября 1942 г. были разработаны положения о штрафных формированиях (батальонах и ротах), а также

их штаты. В соответствии с ними штрафные батальоны создавались с «целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий».

В постоянный состав штрафного батальона входили командир, военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной начальствующий состав. По отношению к штрафникам командиры и военный комиссар батальона были наделены дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии. Всему постоянному составу таких батальонов сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращались наполовину. При исчислении выслуги лет каждый месяц нахождения на должностях постоянного состава в штрафном батальоне засчитывался за шесть месяцев.

Лиц среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, разжалованных в рядовые, в штрафные батальоны направляли в качестве переменного состава на срок от одного до трех месяцев. Их разрешалось назначать на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Как следовало из Положения, штрафник за боевые отличия мог быть досрочно освобожден от исполнения наказания по представлению командования батальона, утвержденному военным советом фронта, а также представлен к правительственной награде. Все освобожденные подлежали восстановлению в званиях и во всех правах. Штрафники, получившие ранение в бою, считались отбывшими наказание. После выздоровления их направляли для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначалась пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

Штрафные роты создавались с «целью дать возможность рядовым бойцам и младшим командирам всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий». К постоянному составу штрафной роты относились командиры и военный комиссар, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав. Командир и военный комиссар роты по отношению к штраф-

никам были наделены дисциплинарной властью командира и военного комиссара полка. Постоянному составу штрафных рот предоставлялись те же льготы, что и постоянному составу штрафных батальонов. Переменный состав штрафных рот комплектовался из числа рядовых бойцов и младших командиров, которые направлялись в эти подразделения сроком от одного до трех месяцев. При этом младшие командиры подлежали разжалованию в рядовые.

В августе 1943 г. был издан приказ наркома обороны №0413, на основании которого командирам полков (отдельных частей) действующей армии и командирам дивизий (отдельных бригад) военных округов и недействующих фронтов предоставлялось право направлять в штрафные роты без суда «лиц сержантского и рядового состава за самовольную отлучку, дезертирство, неисполнение приказаний, промотание и кражу военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные воинские преступления в случаях, когда обычные меры дисциплинарного воздействия за эти проступки являются недостаточными»²¹.

На основании приказа от 26 января 1944 г. «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию» в штрафные подразделения отправляли и лиц, осужденных судебными органами. Этот приказ был подписан заместителем наркома обороны СССР маршалом А.М. Василевским, наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией, наркомом юстиции СССР Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшениным. В соответствии с ним надлежало «лиц, признанных годными к службе в действующей армии, военкоматам принимать в местах заключения под расписку и отправлять в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки их в штрафные части действующей армии вместе с копиями приговоров»²². Данное положение не распространялось, однако, на тех, кто на тот момент или в прошлом был осужден «за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи», кто неоднократно дезертировал из Красной армии, а также на воров-рецидивистов.

Причинами направления в штрафные части могли быть серьезные недостатки, допущенные в организации питания, материально-технического обеспечения и бытового обслуживания красноармейцев и командиров. В них попадали также лица командного и начальствующего состава, по вине которых в не боевой обстановке погибли люди, а также симулировавшие болезнь военнопленные и военнослужащие, членовредители. Такое же наказание несли военнослужащие, со-

вершившие хищение имущества, продовольствия и другие проступки, не связанные с выполнением боевых задач. Зачастую состав штрафников пополнялся за счет освобожденных из плена красноармейцев, а также тех, кто при отступлении Красной армии остался на оккупированной территории.

Какое же количество штрафных формирований было в Красной армии, и сколько человек через них прошло? В соответствии с «Перечнем №33 стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот и отрядов) со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны» всего было создано 65 штрафных батальонов и 1037 штрафных рот. Однако это вовсе не означает, что такие цифры оставались неизменными на протяжении всей войны, а эти роты и батальоны действовали на фронтах и в армиях в одно и то же время. На самом деле количество одновременно существовавших штрафных частей гораздо меньше. Например, в различные периоды 1944 г. в действующей армии находилось от 8 до 15 штрафных батальонов (в среднем — 11 в месяц) и от 199 до 301 штрафной роты (в среднем — 243 в месяц). Средняя численность переменного личного состава в штрафном батальоне составляла в месяц 225 человек, а в штрафной роте — 102 человека. Общая среднемесячная численность штрафников в течение года равнялась 27 326 человек²³. В то же время среднемесячная списочная численность действующей армии достигала 6 550 тыс. человек²⁴. Следовательно, в 1944 г. доля штрафников составляла всего лишь 0,42 проц. ее численности. Что касается числа военнопленных, прошедших через штрафные части, то представление об этом дают данные, приведенные в таблице.

Количество переменного состава штрафных частей в 1942–1945 гг.

Годы	Количество штрафников
1942	24 993
1943	177 694
1944	143 457
1945	81 766
Всего	427 910

Итак, за всю войну через штрафные части прошли 427 910 человек, в то время как через советские Вооруженные силы — 34 476,7 тыс. человек. Отсюда следует, что доля штрафников в них составляла всего лишь 1,24 проц. Таким образом, вопреки утверждениям недобросовестных публи-

цистов вклад штрафников в Победу никак не может быть решающим.

И еще один вопрос: о потерях среди штрафников. Поскольку штрафным формированиям, как правило, поручались наиболее сложные боевые задачи, то и потери среди постоянного и переменного состава были высокими. Так, в 1944 г. среднемесячная убыль переменного состава

убитыми, умершими, ранеными и заболевшими достигали 10 506 человек, а постоянного — 3685 человек. Это в три — шесть раз превышает уровень потерь личного состава других войск в тех же наступательных операциях. Однако это не дает оснований для утверждения о том, что Победа была завоевана исключительно штрафными частями.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. В 3 т. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 92–93.

² Дайнес В. О. Заградотряды и штрафбаты Красной армии. М., 2009. С. 61.

³ Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 337–338, 346.

⁴ Там же. С. 371–372.

⁵ Там же. С. 411–412.

⁶ Цит. по: Дайнес В. О. Заградотряды и штрафбаты Красной армии. С. 78.

⁷ Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. С. 360–363.

⁸ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 164.

⁹ Там же. С. 180.

¹⁰ Цит. по: Документы и материалы. Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 // Военно-исторический журнал. 1988. №8. С. 73–75.

¹¹ Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 230.

¹² Дайнес В. О. Заградотряды и штрафбаты Красной армии. С. 131.

¹³ Пыхалов И. Великая оболганная война. С. 377–378.

¹⁴ Цит. по: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 408.

¹⁵ Цит. по: Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 60–61.

¹⁶ Там же. С. 129–130.

¹⁷ Цит. по: Документы и материалы. Начальнику Главного политического управления Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1988. №8. С. 79–80.

¹⁸ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 326.

¹⁹ Цит. по: Пыхалов И. Великая оболганная война. С. 387.

²⁰ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941 — 1942 г.). Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 278.

²¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 198.

²² Цит. по: Пыхалов И. Великая оболганная война. С. 398–399.

²³ Там же. С. 438.

²⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 441.

Партизаны Великой Отечественной войны: правда и вымыслы

А. С. Князьков*

Очернительство отечественной истории под благовидным предлогом ее «углубленного исследования», «объективного раскрытия малоизвестных страниц войны» ныне, к сожалению, — довольно распространенное явление. При этом в ряде республик бывшего СССР и в различных СМИ всемерно возвеличиваются националисты различных мастей, а то и бывшие нацисты, преследуются ветераны Великой Отечественной войны, искажаются сущность и содержание борьбы с врагом на оккупированной территории.

Так, в свое время газета «Известия» представила целую полосу белорусской писательнице С. Алексиевич. В интервью под заголовком «Нас так долго учили любить человека с ружьем»¹ она назвала партизанские отряды, действовавшие в тылу немецких войск, «хорошими бандами», а их командиров охарактеризовала как «маленьких князьков», творивших произвол. Выявив имевшие место негативные случаи в отдельных отрядах, Алексиевич пытается дискредитировать все партизанское движение, поставив под сомнение его цель и идеалы.

Как известно, термин «бандит» для обозначения советских партизан и подпольщиков использовался в годы войны ни кем иным, как нацистами. Так, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер летом 1942 г. издал приказ, в котором потребовал «введенное большевиками возвышенное и прославляемое ими слово «партизан» в дальнейшем не употреблять». Всех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление оккупантам, предписывалось именовать «бандитами», «грабителями», «поджигателями»².

Между тем побудительные мотивы к действиям у «бандитов», «грабителей», поджигателей, с одной стороны, и партизан, с другой, совершенно

различны. Партизаны стремились защитить своих родных и близких или отомстить за них. Многие, оказавшись в окружении, предпочли вместо плена борьбу с врагом иными формами и методами. Население вступало в партизанские отряды, как правило, добровольно, что, разумеется, требовало от каждого человека немалого мужества. Ведь в немецких войсках действовали инструкции и наставления, в соответствии с которыми каждого народного мстителя в случае захвата ожидала неминуемая смерть. Тем не менее недостатка в добровольцах не было. В партизаны шли мужчины и женщины, старики и даже подростки, люди разных профессий, национальностей и вероисповеданий. При этом нельзя отрицать того, что партизанское движение зародилось и как ответ на жестокое обращение оккупантов с населением.

Было бы неверным утверждать, что борьба на оккупированной территории в полную силу развернулась с первых дней военных действий. Ведь к их началу в СССР не оказалось ни заблаговременно разработанной концепции партизанской войны, ни подготовленных к ее ведению кадров. Теоретические разработки по организации и ведению борьбы в тылу врага, имевшиеся ко второй половине 30-х годов, к 41-му году были преданы забвению, а подготовка территории страны к ведению партизанских действий полностью прекращена. Это было обусловлено взглядами советского военно-политического руководства на содержание начального периода войны, которое заключалось в отражении агрессии противника в приграничной зоне и быстром переносе военных действий на его территорию. В результате после вторжения вермахта органы политического и военного руководства Советского Союза столкнулись со сложной проблемой организации партизанского движения.

* Князьков Анатолий Сергеевич — к. и. н., с. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

Первые документы партии и правительства, посвященные этим вопросам, появились уже в первые недели с начала военных действий. 29 июня 1941 г. вышла директива Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой содержались указания о необходимости развертывания подпольного и партизанского движения. Такой же призыв прозвучал и в речи Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля. Через 15 дней вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». В соответствии с ним партийным и советским руководителям на местах вменялось в обязанность незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп.

Вначале большинство партизанских отрядов возникало стихийно. Их, как правило, создавали командиры Красной армии, оказавшиеся в окружении вместе со своими подчиненными, а также бежавшие из плена военнослужащие. К ним примыкали местные жители. Часть отрядов формировалась руководителями местных партийных и советских органов.

Одной из самых сложных проблем для партизан было обеспечение оружием, продовольствием, одеждой и обувью. Существовать и действовать во вражеском тылу они могли только за счет самоснабжения, захвата трофеев и помощи местного населения. Но без организаторской деятельности военно-политического руководства страны расширение масштабов партизанской борьбы было невозможно. Уже в июле 1941 г. Ставка Главного Командования, Генеральный штаб, Главное политическое управление Красной армии обязали военные советы и политические управления фронтов оказывать всемерную поддержку республиканским и областным комитетам партии в создании, вооружении и подготовке партизанских отрядов и диверсионных групп³.

К этой работе были привлечены также центральные и местные органы внутренних дел и государственной безопасности. Они вооружали партизанские отряды, осуществляли их материально-техническое снабжение, передавали партизанам опыт разведывательной и контрразведывательной деятельности, конспирации и связи, препятствовали проникновению в их среду немецкой агентуры. Нередко для развертывания партизанской борьбы на положение партизанских отрядов переходили истребительные батальоны, находившиеся в подчинении НКВД. Наряду с этим через линию фронта засылались специально подготовленные группы, которые становились организационным ядром вновь создаваемых формирований.

При вступлении в отряд каждый партизан принимал присягу на верность Родине, клялся сражаться с врагами до их полного уничтожения,

соблюдать воинскую дисциплину, подчиняться командирам и начальникам. Если кто-то нарушал присягу, то подвергался суровому наказанию, вплоть до расстрела. Приговоры выносили избранные самими же партизанами суды, действовавшие на основе советского законодательства.

Во главе всех партизанских формирований стояли командиры и комиссары. Их назначали партийные органы, военные советы фронтов и армий, штабы партизанского движения. Именно на них Государственный Комитет Обороны возложил задачу руководства борьбой в тылу противника. Их деятельность находилась под контролем подпольных партийных комитетов, а также органов НКВД, имевших в районах действий отрядов и внутри них свою агентуру. Судя по ее донесениям, порочащих партизан действий было немного, да и те сразу же пресекались. Командиров партизанских отрядов и групп, не оправдавших доверие, отстраняли от руководства и снижали в должностях. Так, только за полтора года (с июня 1942 г. по январь 1944 г.) по Калининскому штабу партизанского движения за бездеятельность были отстранены от занимаемых должностей 6 командиров бригад и 19 командиров отрядов. Помимо этого, направленные в отряды для оказания помощи 12 военных специалистов из числа среднего комсостава Красной армии были отозваны «как не оправдавшие доверия»⁴.

Было бы несправедливым и не соответствующим истине утверждение о том, что во всех партизанских отрядах соблюдалась строжайшая дисциплина. Ведь не случайно в среде высшего командного состава Красной армии некоторые действия подчиненных нередко характеризовались как «партизанщина». Не всегда, особенно на этапе становления партизанского движения, беспрекословно и точно выполнялись приказы, соблюдалась субординация, были объективными донесения и доклады и т.п. Возникали сложности во взаимоотношениях с местным населением: имелись случаи незаконного изъятия скота, продуктов и одежды.

И все же по мере изменения обстановки на фронтах, усиления организаторской деятельности государственных и военных органов управления, повышения эффективности помощи с «Большой земли» партизанские формирования стали представлять собой, по сути, части и подразделения, объединенные под командованием опытных партийных и советских работников, а также командиров Красной армии и представителей НКВД. Они обладали определенной организационной структурой, проходили военную подготовку, подчинялись требованиям дисциплины. Об этом красноречиво свидетельствуют и немецкие документы. Например, командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал Шенкендорф в апреле 1942 г. в своем доне-

сении о деятельности партизан отмечал: «...теперь они действуют крупными, обученными в военном отношении частями. Они имеют в большом количестве тяжелое пехотное оружие, частично также артиллерию и другое вооружение и, как показали крупные нападения на Ельню и Брынь (17 км северо-восточнее Ельни) с предварительной трехчасовой артподготовкой из десяти орудий, способны вести наступательные действия». И далее: «Во всех партизанских районах имеется военное руководство, которое регулярно производит набор в отряды в деревнях и осуществляет планомерное обучение. Поэтому партизаны, даже одетые в штатское платье, в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей, как это можно было установить при ведении боевых действий 221-й дивизией против партизан в районе Ельни. Разведка партизан организована отлично»⁵. Справедливости ради следует отметить, что в то время в тылу группы армий «Центр», помимо партизан, действовали части кавалерийской группы генерала П. А. Белова, 33-й армии и 4-го воздушно-десантного корпуса. По всей видимости, приведенная оценка в большей мере относится именно к ним.

Правда, высокая организованность в управлении партизанским движением была достигнута не сразу. В первый год войны партизанами пытались руководить без достаточного согласования между собой республиканские и областные партийные комитеты, политорганы Красной армии, Главное разведывательное управление Генерального штаба, органы Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности. Это приводило к параллелизму в работе, расточительному расходованию сил и средств, распылению усилий партизан.

Управление партизанскими силами было централизовано только в 1942 г. 30 мая решением Государственного Комитета Оборона при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Его возглавил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, которому спустя год было присвоено звание генерал-лейтенанта. Выполняя обширный круг задач, ЦШПД работал в тесном контакте с Генеральным штабом, военными советами фронтов и армий, руководящими органами республик и областей. При фронтах действовали республиканские и областные (фронтные) штабы партизанского движения, которые имели оперативные группы в армиях. Они-то непосредственно и руководили партизанскими формированиями.

Вот как впоследствии оценивал смысл и характер произошедших изменений Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Если в первый год войны в руководстве партизанским движением еще не было должной организованности и централизации, то в после-

дующем Ставка управляла военными действиями в тылу врага уверенно и твердо. Это делалось через созданный при ней 30 мая 1942 года Центральный штаб партизанского движения... В результате появилась реальная возможность направлять действия всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов»⁶.

Партизаны получали задания от советского командования и отчитывались перед ним об их выполнении. В прифронтовом тылу и районах базирования партизанских сил были развернуты спецшколы, в которых прошли обучение тысячи командиров и начальников штабов партизанских бригад и отрядов, руководителей разведки и контрразведки, инструкторов подрывного дела, радистов и других специалистов⁷. По данным на 8 февраля 1944 г., в партизанских формированиях насчитывалось 10 227 офицеров Красной армии⁸. Многие офицеры непосредственно возглавляли их. Так, командиры бригад и отрядов из числа военнослужащих составляли в Ленинградской области 61,9 проц., в Белоруссии — 42 проц.⁹ Это положительно влияло на боеспособность партизан.

В партизанском движении основной тактической единицей являлся отряд. Обычно он состоял из групп различного назначения и действовал как самостоятельно, так и в составе более крупных формирований — бригад и соединений, не равнозначных, однако, по численности и вооружению. Все зависело от местных условий. Чаще всего бригады и соединения действовали на обширной территории, где каждый отряд дислоцировался автономно. С одной стороны, это обуславливалось соображениями безопасности, а с другой — давало им возможность широкого маневра. При необходимости они могли быстро сосредоточиваться, что лишало противника преимуществ в силах и средствах.

Огромную помощь оказывал партизанам советский тыл. Им поставлялись специальное оружие для бесшумной стрельбы, зажигательные снаряды, портативные мины мгновенного и замедленного действия большой мощности, коротковолновые радиостанции. За годы войны в интересах народных мстителей авиация совершила 109 тыс. самолето-вылетов, при этом 13 тыс. из них были выполнены с посадкой на партизанских аэродромах и площадках.

Централизованное управление партизанскими силами, помощь советского тыла способствовали тому, что партизанское движение превратилось в мощную военную силу. Но это совершенно объективное утверждение опровергают некоторые отечественные историки, которые взяли на вооружение идеи западной историографии времен «холодной войны» о якобы незначительной эффективности действий советских патриотов в тылу противника¹⁰.

На самом деле партизанское движение, начинавшееся с разрозненных нападений на вражеские объекты, благодаря приобретенному боевому опыту становилось все более организованным и эффективным. Важным свидетельством этого является мнение известного военачальника вермахта Г. Гудериана: «Уже в 1941 г. появились новые трудности, которые поставили командование перед совершенно неизвестными до сего времени проблемами. Растянутый тыловой район с мало-проходимыми лесами и болотами облегчил русским создание и широкое использование банд, или так называемых партизан... Действия этих банд, заключающиеся в нападении на отдельных солдат и в совершении диверсий (взрывы мостов, полотна железных дорог и других важных объектов в нашем тылу), становились все более неприятными и требовали принятия решительных контрмер»¹¹.

А в записке командующего группой армий «Центр» от 24 февраля 1942 г. содержится следующая оценка деятельности партизан: «Непрерывное усиление групп противника за линией фронта группы армий и связанный с этим рост партизанского движения во всем тыловом районе принимают настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность...»¹². Не обошел вниманием эту проблему и Гитлер в своем приказе от 6 сентября того же года: «Действия партизанских отрядов на востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту»¹³.

В 1943 г. диверсии партизан на коммуникациях противника по своему размаху и результатам переросли тактические рамки и приобрели оперативное значение. Вот как характеризовал обстановку на железных дорогах летом того же года начальник транспортной службы группы армий «Центр» Г. Теске. Он сообщал, что партизаны сильно затрудняли снабжение войск. Они на двое суток перекрыли участок железной дороги у хутора Михайловского в тот момент, когда он был загружен воинскими эшелонами, в которых перебрасывались в район Курской дуги резервы группы армий «Юг». Огромный урон немецким войскам партизаны нанесли в Осиповичах. Там они уничтожили эшелон с танками, поезд с горючим и два поезда с различным войсковым имуществом. В целом только за июль на центральном участке восточного фронта партизаны вывели из строя 358 локомотивов и 1295 вагонов¹⁴.

В начавшейся в августе операции «Рельсовая война» приняли участие около 100 тыс. партизан Белоруссии, Украины, Ленинградской, Калинин-

ской, Смоленской и Орловской областей. По приказу ЦШПД она проводилась одновременно всеми наличными силами накануне перехода в контрнаступление войск Воронежского и Степного фронтов и продолжалась вплоть до середины сентября. В ходе ее многие важные транспортные коммуникации противника оказались парализованы, в результате чего темпы продвижения эшелонов снизились на 35–40 проц.¹⁵

Всего за годы войны партизаны совершили более 20 тыс. крушений вражеских эшелонов, подорвали 120 бронепоездов, вывели из строя около 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, взорвали или сожгли почти 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили либо захватили свыше 65 тыс. автомашин¹⁶. Английский военный историк Дж. Фуллер, исследовавший партизанское движение в СССР в годы Второй мировой войны, пришел к выводу, что «в России партизаны, число которых все время возрастало, вселяли ужас в сердца немецких солдат, разбросанных вдоль бесконечной линии сообщения. На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как и стаи подводных лодок в Атлантическом океане»¹⁷.

Под контролем партизан находились значительные территории. Уже к осени 1943 г. партизанские края охватывали более 200 тыс. кв. км. Здесь базировались крупные группировки, готовились резервы, скрывались от угона в Германию мирные граждане. Экономические ресурсы этих районов также становились недоступными для оккупационной администрации¹⁸.

Партизанская разведка оказывала неоценимую помощь Ставке ВГК, командованию фронтов и армий, вскрывая подготовку противника к наступлению, места расположения его резервов и пунктов управления, дислокацию складов и т.д. Партизаны принимали активное участие в наступательных операциях Красной армии. Ударами с тыла они дезорганизовывали работу органов управления врага, всячески препятствовали планомерному отходу его войск, захватывали важные рубежи, узлы дорог, переправы и удерживали их до выхода к ним советских частей и соединений, а затем вместе с ними освобождали населенные пункты. «По опыту своей работы в Генеральном штабе, — отмечал впоследствии Маршал Советского Союза А.М. Василевский, — я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение и борьба народов в тылу врага играли роль важного фактора в общих стратегических планах и расчетах Советского Верховного Главнокомандования»¹⁹.

Вывод маршала Василевского в полной мере подтверждают и данные самого противника о количестве соединений и частей, привлекаемых для борьбы с партизанами. Уже в первые месяцы воен-

ных действий немецкому командованию пришлось признать, что выделенных в соответствии с довоенными планами для охраны тыла сил явно недостаточно. Поэтому оно вынуждено было не только постоянно увеличивать число охранных и полицейских формирований в тыловых районах групп армий, но и задействовать для борьбы с партизанами полевые войска, усиленные танками, артиллерией и авиацией. Уже к зиме 1941–1942 гг. в этих целях использовались, кроме отдельных охранных батальонов, десять охранных и две пехотные дивизии, девять пехотных и кавалерийских бригад, части армейского корпуса и два охранных полка.

Вскоре выяснилось, что и этих сил недостаточно, и командование вермахта вновь было поставлено перед необходимостью наращивания противопартизанской группировки. К 1 октября 1943 г., по данным германского генерального штаба сухопутных войск, для борьбы с партизанами было задействовано шесть охранных, четыре авиаполевые и четыре резервные немецкие дивизии, а также девять венгерских, три румынские, две словацкие дивизии и румынский горнострелковый корпус. Всего за годы войны командование вермахта для защиты своего тыла вынуждено было использовать с учетом отдельных охранных, полицейских, жандармских и вспомогательных частей и подразделений в общей сложности более 50 дивизий. Задача противодействия партизанским формированиям рассматривалась им наравне с действиями против регулярных частей Красной армии. В одном из приказов главного командования вермахта отмечалось: «Проведение борьбы с партизанами и охранение оперативного района тоже относится к боевым действиям. Группа армий, командование группы армий и т.д. несут полную ответственность за проведение и успех операций по борьбе с партизанами в своем районе действий. Всеми вопросами по борьбе с партизанами и использованию охранных частей ведает теперь оперативный отдел генерального штаба при главном командовании сухопутных сил»²⁰.

Результативность действий партизан оценивается не только материальным уроном, нанесенным врагу. Они, оказывая постоянное психологическое воздействие на солдат и офицеров противника, вселяли в них страх. Об этом красноречиво свидетельствует тот же Гудериан, который писал, что «по мере того как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат»²¹.

Его откровениям созвучны выводы английских авторов Ч. Диксона и О. Гельбрунна, которые в своей книге «Коммунистические партизанские действия» отмечали: «...ущерб, нанесенный

немецкой армии партизанской войной, нельзя определить только числом убитых и раненых и количеством уничтоженных орудий и складов. К этому еще следует прибавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которых трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый шум — сигналом начала партизанской атаки»²².

Всего за годы войны в вооруженной борьбе непосредственно участвовали свыше 1,3 млн партизан, входивших в состав 6200 различных формирований²³. Основными районами партизанского движения были Ленинградская, Калининская, Смоленская, Брянская, Орловская, Курская области, Белоруссия и Украина. На оккупированной территории Российской Федерации действовало около 1 тыс. партизанских отрядов и групп, в которых насчитывалось более 250 тыс. бойцов. Так, в Брянских лесах удары по врагу наносили 27 партизанских бригад и 139 отрядов (60 тыс. человек). На территории Смоленской области сражалось 120 отрядов, полков и бригад (62 тыс. партизан). Под Москвой действовали не менее 15 тыс. народных мстителей. В Ленинградской области в январе 1944 г., к началу наступления Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, партизанские формирования насчитывали 35 тыс. бойцов.

На территории Белоруссии боевые действия с противником вели 213 бригад и 258 отдельных отрядов (374 тыс. человек); в Украине — 53 партизанских соединения, объединявшие 2145 отрядов, батальонов и полков, а также 1807 отдельных отрядов и разведывательно-диверсионных групп (до 500 тыс. человек); в Латвии — 12 тыс., в Литве — 10 тыс., в Эстонии — более 2 тыс., в Молдавии — 3,5 тыс., на территории Карелии и Мурманской области — свыше 5,5 тыс. партизан²⁴.

В борьбе с врагом они опирались на помощь и поддержку всего народа. Прославленный командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров отмечал, что успехи народных мстителей «стали возможны прежде всего благодаря тому, что население оккупированных районов с самого начала оказывало всестороннюю поддержку». Его слова находят подтверждение в немецких документах. Например, командир батальона охраны № 703, действовавшего в районе восточнее Десны, в своем отчете от 7 июня 1942 г. так характеризует отношение местного населения к партизанам: «Русские к немцам и венграм относятся с неприязнью, по меньшей мере сдержанно, к партизанам отношение очень дружественное, даже женщины и дети с осени 1941 г. поддерживают связь с партизанами, постоянно снабжают их продовольствием, как правило,

добровольно поставляют им сведения, бегут при приближении немецких и венгерских войск, потом долго скрываются в лесах, постоянно используются в качестве разведчиков...»²⁵.

О массовом, поистине народном характере партизанского движения свидетельствует социальный, возрастной и национальный состав партизанских сил. По официальным данным, на 15 января 1944 г. среди партизан насчитывалось 30,1 проц. рабочих, 40,5 проц. крестьян, 29,4 проц. интеллигенции и служащих, 1,9 проц. граждан с высшим образованием, 21,6 проц. со средним, 76,5 проц. с начальным. Возрастной состав: до 18 лет — 9,3 проц., от 18 до 25 — 39,7 проц., от 26 до 45 — 46,5 проц., старше 45 лет — 4,5 проц. Среди партизан было 90,7 проц. мужчин, а женщин — 9,3 проц.

Самоотверженная борьба партизан получила высокую оценку руководства страны. Тысячи патриотов были награждены орденами и медалями, 252 наиболее отличившихся удостоены звания Героя Советского Союза. Подвиги и имена С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, П. П. Вершигоры, Т. П. Бумажкова, А. В. Германа, М. А. Гурьянова, К. С. Заслонова,

В. З. Коржа, Н. И. Кузнецова, М. И. Наумова, С. В. Руднева, А. Н. Сабурова, М. Ф. Шмырева и других героев — партизан занимают достойное место в истории Великой Отечественной войны.

За четыре года войны погиб каждый седьмой партизан и подпольщик. Многие из оставшихся в живых стали инвалидами в результате тяжелых обморожений, заболеваний и ран, полученных при выполнении боевых заданий. Но все они, мертвые и живые, до конца выполнили свой священный долг перед Родиной. «Людьми с чистой совестью» назвал своих боевых товарищей Герой Советского Союза П. П. Вершигора — командир прославленного партизанского соединения. А упомянутые выше английские исследователи Ч. Диксон и О. Гельбрунн, оценивая вклад партизан в достижение победы, писали, что партизанское движение «превратилось в одно из важнейших условий разгрома врага»²⁶. Трудно с этим не согласиться. У современных фальсификаторов нет веских аргументов, способных опровергнуть эти утверждения, подвергнуть сомнению беззаветную преданность партизан и подпольщиков Отечеству.

¹ Цит. по: Известия. 1996. 29 февраля (№ 40).

² Князьков А. Люди с чистой совестью. Советские партизаны были защитниками Отечества, а не бандитами // Независимое военное обозрение. 2000. № 16. С. 5.

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4. М., 1999. С. 133–134.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 474.

⁵ Цит. по: Документы немецко-фашистского командования о действиях советских партизан // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 91.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 102–103.

⁷ Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Жуковский — Москва, 2001. С. 78–79.

⁸ Русский архив: Великая Отечественная война: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 472.

⁹ Там же.

¹⁰ Heese E. Der Sowjetrussische Partisanenkrieg 1941–1944. Gottingen, 1969. S. 84.

¹¹ Цит. по: Против фальсификации истории второй мировой войны: Сборник статей. М., 1964. С. 285.

¹² Цит. по: Документы немецко-фашистского командования о действиях советских партизан // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 90.

¹³ Цит. по: Против фальсификации истории второй мировой войны: Сборник статей. С. 285.

¹⁴ Там же. С. 286.

¹⁵ История Великой войны 1941–1945. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 409.

¹⁶ Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Стратегический и тактический обзор. Пер. с англ. М., 1956. С. 332.

¹⁷ Цит. по: История Великой войны 1941–1945. Т. 2. С. 407.

¹⁸ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). Пер. с нем. М., 1974. С. 291.

¹⁹ Цит. по: Война в тылу врага. Вып. 1. М., 1974. С. 222.

²⁰ Цит. по: Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1982. С. 431.

²¹ Цит. по: Fisher G. Soviet opposition to Stalin. Cambridge, 1952. P. 45.

²² Цит. по: Диксон Ч. О., Гельбрунн О. Коммунистические партизанские действия. Пер. с англ. М., 1957. С. 82.

²³ Великий подвиг народов. Минск, 2000. С. 137.

²⁴ Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 373.

²⁵ Цит. по: Князьков А. Люди с чистой совестью. Советские партизаны были защитниками Отечества, а не бандитами // Независимое военное обозрение. 2000. № 16. С. 5.

²⁶ Цит. по: Диксон Ч. О., Гельбрунн О. Коммунистические партизанские действия. С. 129.

Красная армия за пределами СССР: освободители или оккупанты?

В. Б. Маковский*

Соединения 2-го Украинского фронта 26 марта 1944 г. вышли к реке Прут и, форсировав ее, в ночь на 27-е вступили в Румынию. Так началось освобождение европейских стран советскими войсками. Ныне многие, особенно молодое поколение, задают вопрос: а стоило ли вообще продолжать войну на территории зарубежных стран? Даже в России появились книги, авторы которых утверждают, что Красная армия была освободительницей до тех пор, пока очищала от захватчиков свою территорию, что ей не следовало переносить военные действия за пределы Советского Союза; мол, с этого момента она сама превратилась в оккупанта.

Но ведь с выходом на государственную границу СССР военные действия не закончились. Сама логика войны подсказывает, что она ведется до тех пор, пока одна из сторон не признает свое поражение и не согласится на заключение мира на условиях победителя. В 1944 г. главари Третьего рейха ни о каком мире и речи не вели, а значит, боевые действия продолжались независимо от того, в пределах территории каких стран они велись. В этом случае географический признак не являлся определяющим. Для Советского Союза доминирующей была цель — полностью разгромить агрессора. Кроме того, он как участник антигитлеровской коалиции был связан определенными союзническими обязательствами. А они предусматривали, что война с Германией должна быть закончена ее безоговорочной капитуляцией. Нельзя забывать и о том, что на территории европейских стран, оккупированных вермахтом, ждали своего освобождения советские граждане, которые попали в плен или были перевезены в рейх в качестве рабочей силы. Наконец, вряд ли стоит сбрасывать со счетов еще один весьма важ-

ный фактор. К тому времени в Германии, далеко продвинувшейся в создании баллистической ракеты, велась интенсивная работа над созданием атомного оружия.

Разумеется, у СССР были и другие мотивы. Еще 3 июля 1941 г., то есть спустя две недели после нападения Германии, председатель Совета Народных Комиссаров И. В. Сталин отметил, что целью «всемирной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»¹. 6 ноября, выступая на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с докладом, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в развитие этой своей мысли он заявил, что «у нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи». «Наша цель состоит в том, — продолжил председатель СНК, — чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»².

На следующий день, 7 ноября, Сталин обратился к участникам парада на Красной площади с такими словами: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»³.

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., в. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

Такая установка была признана справедливой всеми государствами антигитлеровской коалиции, в сплочение и укрепление которой Советский Союз внес существенный вклад. Именно он выдвинул конкретную программу коалиции, где содержалось обязательство вести совместную борьбу за свободу и независимость народов, попавших под нацистское иго.

Конечно, большинство народов европейских стран с нетерпением ждало своих освободителей: одни с запада — англо-американские войска; другие с востока — Красную армию. Вычислить в процентах тех, кто ожидал ее прихода, разумеется, невозможно. Но, вне всякого сомнения, это были прежде всего коммунисты, представители интеллигенции, передовая часть рабочего класса. Объяснялось это тем, что СССР представлялся им государством социальной направленности, где существуют бесплатная медицина и образование на всех уровнях, ликвидированы сословия. Словом, получалась довольно значимая прослойка населения, которая встречала Красную армию с искренней радостью.

Около 7 млн советских воинов сражались за освобождение 11 европейских стран общей площадью в 1 млн кв. км с населением 113 млн человек. Кроме этого в августе 1945 г. Красная армия участвовала в освобождении народов Китая и Кореи. В ходе борьбы за скорейшее освобождение народов от нацистского гнета ее солдаты и офицеры не жалели своих жизней. Всего на полях сражений за рубежом погибли более миллиона советских воинов, а общие потери Красной армии вместе с ранеными и пропавшими без вести составили свыше 3 млн человек⁴.

В первые послевоенные годы, когда население европейских стран еще хорошо помнило ужасы бесчеловечного режима нацистов, советский воин был символом решающей силы, освободившей Европу. Однако после фактического распада антигитлеровской коалиции и по мере того, как набирала обороты «холодная война», на Западе все чаще стало появляться критическое, а в дальнейшем и просто клеветническое освещение освободительной миссии Красной армии. К сожалению, в последние годы это явление наблюдается и в России, особенно среди тех, кто сам не пережил того страшного времени.

За годы «холодной войны», впрочем, и «холодного мира» тоже установилось несколько основных направлений искажения сущности освобождения европейских стран советскими Вооруженными силами. Вряд ли стоит считать лишь злостным искажением появившиеся с 1992 г., начиная с Берлинского кинофестиваля, «документальные» и «художественные» фильмы, в которых утверждается, что в Польше и Германии воины

Красной армии изнасиловали 2 млн женщин, буд-то в одном только Берлине насилию подверглись более 100 тыс. немок. При этом истина искажается целенаправленно, чтобы задним числом дезавуировать советского воина — освободителя, прежде всего в глазах народов европейских стран.

Об «идейном обосновании» миллионов изнасилованных позаботился еще министр пропаганды Третьего рейха доктор И. Геббельс, который незадолго до самоубийства изрек: «В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все немецкие женщины от 10 до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатки можно рассмотреть явную систему»⁵.

Система в поведении воинов Красной армии и в самом деле существовала. Определялась она требованиями советского правительства и военного командования к их поведению на территории Германии. Например, в директиве Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г., которая была адресована командующим войсками и членам военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, приказывалось:

- «1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.
2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.
3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами»⁶.

На основании этой директивы Военный совет 1-го Белорусского фронта 22 апреля 1945 г. издал свою директиву, но и в ней ничего не говорилось о пресечении жестокого насилия, в том числе и в отношении женщин. А причина в том, что если и случались насилия, то они не носили массовый характер. Зато массовым явлением, подлежавшим пресечению, стали «изъятие у оставшихся немцев их личного имущества, скота, продовольствия, незаконные самозаготовки продовольствия и мяса,

самовольный сбор брошенного немцами бытового имущества»⁷. Разумеется, соблазн был слишком велик: в занимаемых войсками населенных пунктах, чаще всего покинутых жителями, оставалось множество разнообразных вещей, которых не только солдаты, но и офицеры никогда не видели, а также немало скота и птицы.

Советское командование запрещало любое проявление вседозволенности. Об этом свидетельствует, например, сообщение генерал-лейтенанта К. В. Крайнюкова, члена Военного совета 1-го Украинского фронта, направленное 4 апреля 1945 г. начальнику Главного политического управления Красной армии А. С. Щербакову: «Во второй половине марта войсками фронта занято на территории Германии 10 городов... Большинство немецкого населения... самостоятельно эвакуировалось или насильно угнано немецкими властями в глубь Германии... Во все занятые города назначены военные коменданты, которые вводят жесткий оккупационный режим для немецкого населения, наводят строгий военный порядок для военнослужащих Красной Армии... Военные советы армий ведут решительную борьбу против мародерства и изнасилования немецких женщин».

В тот же день генерал Крайнюков докладывал в Москву: «Остается до сих пор нерешенным вопросом снабжение продовольствием рабочих, больниц, детских домов и домов престарелых, а также городского немецкого населения».

Немецкое население ряда городов, таких как Беутен, Глейвиц, Грюнберг и других, голодает, часть пухнет и умирает от голода.

Разумеется, это не может не повлиять на настроение немецкого населения и отношение его к Красной Армии...»⁸.

Отсюда видно, что советское военное командование не оставалось безразличным к бедственному положению гражданского населения рейха. А ведь после недавно закончившейся зимы, в условиях стремительно развивавшегося наступления немало трудностей в материально-техническом снабжении испытывала и сама Красная армия. К тому же неоднородным было и поступавшее пополнение. Вот что по этому поводу 7 апреля 1945 г. сообщал в своем донесении в Главпул начальник политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор Ящечкин: «За время боев на территории Германии соединения и части фронта несколько раз восполнили свои боевые потери в людях за счет советских граждан призывного возраста, освобожденных из немецкой неволи. На 20 марта было направлено в части более 40 000 человек...»

Новое пополнение из числа советских граждан, освобожденных из немецкой неволи, значительно засорено враждебными элементами. Среди них немало выявлено немецких шпионов, дивер-

сантов, власовцев, лиц, служивших в немецкой армии и учреждениях. Большая часть этих людей специально оставлена или заслана немецким командованием для шпионской и диверсионной деятельности. В соединении, где начальником политотдела генерал-майор Воронов, выявлено в среде нового пополнения 11 предателей Родины, среди которых три бывших советских военнослужащих, добровольно перешедших на сторону врага, два агента гестапо и один фольксштурмовец — Беккер Борис Григорьевич, уроженец и житель города Сталинграда, 1912 г. рождения, принял в 1942 г. немецкое подданство, вступил в карательный отряд немцев, активно участвовал в расстрелах и избиениях... В 1943 г. Беккер добровольно эвакуировался в Германию, где работал на военном заводе. Он вступил в фольксштурм, прошел специальную подготовку и был оставлен немцами в нашем тылу для борьбы с Красной Армией...

На распропагандирование молодых бойцов в запасных полках времени не было, так как боевая обстановка настоятельно требовала быстрого введения в бой пополнения...»⁹.

Нельзя исключать и того, что перед немецкой агентурой, действовавшей в рядах Красной армии, ставились задачи дискредитировать советских солдат и офицеров, всячески нагнетать атмосферу страха среди местного населения, пробуждать ненависть к большевикам у военнослужащих вермахта, что явилось бы побудительным мотивом для их длительного и ожесточенного сопротивления.

Военный прокурор 1-го Белорусского фронта генерал-майор юстиции Л. Яченин, докладывавая 2 мая 1945 г. Военному совету фронта о состоянии дел, без каких-либо прикрас сообщал: «В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих, безусловно, достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и необоснованных расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее... ряд таких случаев еще зафиксирован».

Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место...

Считаю необходимым подчеркнуть ряд моментов:

1. Командиры соединений и военные советы армий принимают серьезные меры к тому, чтобы ликвидировать факты безобразного поведения своих подчиненных; тем не менее отдельные командиры самоуспокаиваются тем, что некоторый перелом достигнут, совершенно забывая о том, что до их сведения доходят донесения только о части насилий,

грабежей и прочих безобразий, допускаемых их подчиненными...

2. Насилиями, а особенно грабежами и барачностью широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих.
3. Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая...»¹⁰.

Вне всякого сомнения, даже несколько тысяч случаев изнасилований немецких женщин советскими военнослужащими — это уже массовое явление, а тем более — несколько десятков тысяч. Но вряд ли кто станет спорить, что за всю историю человечества подобного избежала хотя бы одна армия. С. Кремлев, автор книги «Мифы о 1945 годе», приводит слова генерала армии И. С. Третьяка, Героя Советского Союза, который в 1945 г. командовал 93-м гвардейским стрелковым полком 29-й гвардейской стрелковой дивизии: «Было бы ханжеством отрицать, что случаи изнасилования и других видов жестокости на немецкой земле имели место. Но попытка вслед за Геббельсом представить Красную Армию «ордой громил и мародеров» не соответствует исторической правде и кощунственна по отношению к памяти воинов — освободителей...

Что скрывать, мы были очень злы на немцев. Фашисты сожгли мой дом и еще четыре соседних дома. Поубивали родных и близких. В полку, пожалуй, не было ни одного бойца, у которого не чесались бы руки отомстить за родных, за друзей. Но существовал приказ Сталина, и мы его выполняли. Ведь тогда армия была намного дисциплинированнее, чем сейчас. Скажу честно, я жаждал мести. Но отдал бы под трибунал любого, кто дал бы волю этому чувству и распустил руки.

В моем полку не было ни одного случая насилия. Хотя, конечно, в такой огромной войсковой группировке, которая в 1945 г. вошла в Германию, всякое случалось. Мужики по несколько лет женщин не видели. Кто-то не устоял. Но сегодня многие признают, что сексуальные связи между нашими бойцами и немками далеко не всегда носили насильственный характер. Был и обоюдный интерес.

Непонятно другое: почему многочисленные иностранные и российские радители за «чистоту фронтовых нравов» не ставят вопрос о страшном и жесточайшем насилии со стороны немцев, которому подверглись в годы войны народы СССР?»¹¹.

Как известно, на оккупированной советской территории около 7,5 млн человек были расстреляны и сожжены, более 4 млн погибли от голо-

да и отсутствия медицинской помощи, а 2,1 млн умерли на принудительных работах в рейхе. Если учесть, что каждый пятый из более чем 70 млн советских людей, оказавшихся на захваченной территории, не дожил до Победы, то нетрудно догадаться, с какими чувствами вступали на немецкую землю солдаты и офицеры Красной армии.

Еще одним направлением искажения освободительной миссии советских Вооруженных сил является утверждение, будто СССР, стремясь захватить чужие территории, нарушал международное право. Так, английский историк А. Кларк пишет: «Сталин... решил овладеть Балканами для того, чтобы продвинуть советскую границу как можно дальше»¹². Германский историк Г. Раух утверждает, что Советский Союз, направляя Красную армию за рубеж, «стремился поработить народы Восточной Европы». Таких же взглядов придерживаются В. Мостны (Германия), Т. Кармайл (США) и ряд других западных историков¹³.

Однако если придерживаться фактов и только фактов, то придется признать, что правительство СССР строго руководствовалось существовавшими в то время договорами и соглашениями. На территорию Польши советские Вооруженные силы вступили по соглашению с Крайовой Радой Народовой, достигнутому летом 1944 г. Сообщая в своем послании от 23 июля 1944 г. об освобождении Люблина, И. В. Сталин писал премьер-министру Великобритании У. Черчиллю: «В этой обстановке перед нами встал практически вопрос об администрации на польской территории. Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским Комитетом Национального Освобождения, который... намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским Правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишены влияния. Польский Комитет я не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил»¹⁴.

Когда Красная армия только приближалась к границам Чехословакии, между советским правительством и представителями Чехословакии были решены не терпящие отлагательств вопросы военно-политического и дипломатического характера. В частности, были выработаны прин-

ципы взаимоотношений между советским командованием и чехословацкой администрацией на освобожденной территории. Они были закреплены в «Соглашении об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой Администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии», подписанном 8 мая 1944 г. в Лондоне. В этом соглашении имелись такие пункты:

- «1. После вступления в результате военных операций советских (союзнических) войск на территорию Чехословакии верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках Главнокомандующего советскими (союзническими) войсками...
6. Как только какая-нибудь часть освобожденной территории перестает являться зоной непосредственных военных операций, Чехословацкое Правительство полностью берет в свои руки власть управления общественными делами и будет оказывать советскому (союзному) Главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь»¹⁵.

Аналогичное соглашение о гражданской администрации было подписано 16 мая 1944 г. советским правительством и норвежской стороной. В тот же день Норвегия подписала два идентичных соглашения — с США и Великобританией. Оба документа предусматривали получение норвежским правительством гражданской власти на освобожденной союзными войсками территории с того момента, как позволит обстановка. Основное значение этих соглашений состояло в том, что великие державы обязались уважать суверенитет и законное правительство Норвегии.

Вопрос о перенесении военных действий Красной армии на территорию Югославии также был согласован с верховным главнокомандованием ее Народно-освободительной армии. 29 сентября 1944 г. было опубликовано сообщение ТАСС относительно такой договоренности. При этом сообщалось, что в районах расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация Национального комитета освобождения Югославии, а советские войска после выполнения оперативных задач будут выведены из страны. В связи с вступлением войск 3-го Украинского фронта в пределы Югославии политуправление фронта выпустило специальную памятку, в которой указывалось: «Воин Красной Армии!.. Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и унич-

тожить бегущих под твоими ударами немецких разбойников... Оказывай содействие и помощь югославскому населению, солдатам и офицерам Народно-освободительной армии Югославии во всем, что помогает нашей борьбе против общего врага — немецко-фашистских захватчиков»¹⁶.

Советский Союз строго соблюдал Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, принятую второй Гаагской конференцией еще в октябре 1907 г. В полном соответствии с ней и были перенесены военные действия советских войск на территории государств — союзников Германии: Румынии, Болгарии и Венгрии. В связи с вступлением Красной армии на румынскую территорию в заявлении СНК СССР от 2 апреля 1944 г. указывалось: «Советское правительство... не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии... вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»¹⁷. А в постановлении Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г. военному командованию предписывалось: «В занятых Красной Армией районах румынских порядков не ломать и советских порядков не вводить. Сохранить всю существующую систему экономического и политического устройства»¹⁸.

Следует подчеркнуть, что принцип невмешательства во внутренние дела освобождаемых стран неукоснительно выполнялся. В Венгрии, например, в большинстве районов была оставлена прежняя местная гражданская администрация. В Австрии советское правительство пошло навстречу пожеланиям общественности, предложившей поручить формирование правительства социал-демократу К. Реннеру, который до германской агрессии являлся председателем парламента (впоследствии он стал первым президентом Австрийской Республики. — *Ред.*). 27 апреля 1945 г., через две недели после освобождения Вены Красной армией, временное правительство страны было сформировано.

Многие историки на Западе пытаются обвинить Советский Союз в «экспорте революции». Так, не утруждая себя анализом общедемократического характера национально-освободительной борьбы европейских народов, американский историк К. Хоу пишет, что Красная армия «использовала все свои войска, вооружение и материальные ресурсы, чтобы установить советскую власть в Польше, Австрии, Чехословакии». Его британский коллега А. Ситон утверждает, что продвижение советских войск на запад «дало возможность Сталину навязать коммунистический режим в Восточной Европе»¹⁹.

Однако все это не соответствует исторической правде. Ведь развернувшаяся в годы войны освободительная борьба народов была направлена не только против оккупантов, но и против собственных реакционных режимов, которые довели свои страны до национальной катастрофы — потери независимости. Разгром вермахта создал благоприятные внешние условия для победы народных революционных сил, а мощь Красной армии, возросший международный авторитет СССР исключали возможность распространения влияния западных союзников на территории тех стран, куда вступали советские войска, а также ограничивали возможности сторонников прежних режимов. Этим и воспользовались демократические силы.

Естественно, в освобожденных странах шла острая политическая борьба между приверженцами народной демократии и довоенных политических режимов. Господствовавшие до войны политические партии, опираясь на поддержку Великобритании и США, оказывали яростное сопротивление проведению преобразований. В Польше, например, Лондон и Вашингтон пытались в противовес Крайовой Раде Народовой навязать возвращение к власти эмигрантского правительства. Однако Советский Союз занял четкую позицию по этому вопросу: польское правительство должно быть создано самими поляками. В результате западные союзники вынуждены были согласиться на реорганизацию уже созданного в июле 1944 г. в городе Люблин и действовавшего в Польше временного правительства «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы», а затем признать временное правительство национального единства.

Событием, изменившим впоследствии политический строй Чехословакии, явилось Словацкое восстание, развернувшееся в августе — октябре 1944 г. и поддержанное Советским Союзом. Оно способствовало развалу марионеточного «словацкого государства», стало началом национально-демократической революции, завершившейся провозглашением Чехословацкой Республики.

В Румынии, где главной силой антифашистского восстания 23 августа 1944 г. были коммунисты, прежняя администрация, сотрудничавшая с нацистами, предприняла в феврале 1945 г. наступление на народные массы. В нарушение взятых на себя перед руководством СССР обязательств правительство генерала Радеску вместо того, чтобы направить войска на фронт, сконцентрировало части и почти все танки в Бухаресте. 26 февраля в столице была расстреляна 600-тысячная демонстрация Национально-демократического фронта. В этой обстановке под нарастающим давлением народных масс Радеску вынужден был подать

в отставку. Король Михай поручил формирование нового правительства П. Грозе — лидеру Фронта земледельцев. Созданное во главе с ним демократическое правительство полностью выполняло условия перемирия.

В сентябре 1944 г. на переговорах в Болгарии, где в результате народного восстания к власти пришло правительство Отечественного фронта, представители США и Англии выступили за введение в нее своих войск. Эта акция носила провокационный характер, так как подобное требование они не предъявляли ни Румынии, ни Финляндии, хотя с ними уже были заключены соглашения о перемирии. Правительство СССР решительно выступило против таких посягательств. По его настоянию в соглашение о перемирии с Болгарией было включено положение о том, что ее правительство допускает возможность использования территории своей страны вооруженными силами западных союзников лишь для военных действий против Германии.

Решающую роль в политическом самоопределении Венгрии сыграл на последнем этапе войны в Европе Венгерский национальный фронт независимости. Его платформа, выработанная при активном участии компартии Венгрии, была одобрена и принята трудящимися на массовых митингах.

В то же время в Австрии, Норвегии, Дании, Иране, где внутренние условия для переустройства общественной жизни отсутствовали, не было и революций, хотя в некоторых из этих стран советские воинские части и соединения находились длительное время, иногда по несколько лет. Наоборот, в Албании и во Вьетнаме, где советских войск вообще не было, произошли революционные преобразования, вызванные внутривнутриполитическими условиями.

В Греции в связи с развернувшимся мощным национально-освободительным движением существовали все предпосылки для победы народно-демократических сил, тем более что две трети страны были освобождены частями Национально-освободительного фронта. У западных держав, прежде всего у Великобритании, это вызывало серьезное беспокойство. Опасаясь развития там революционной ситуации и установления демократических порядков, английское правительство еще в 1943 г. разработало план вооруженной интервенции с целью создания в Греции своего военного плацдарма, чтобы в дальнейшем использовать важное стратегическое положение этой страны в Средиземноморье.

После успешного наступления Красной армии на Балканах и начала вынужденной эвакуации немецких войск с территории Греции английские парашютная и танковая бригады высадились в районе города Патры, хотя, как признавал впо-

следствии У. Черчилль, такой шаг не был обусловлен военной необходимостью. Вслед за британскими войсками в Грецию прибыло эмигрантское правительство. В течение последующего времени эти, а затем и американские оккупационные войска, которые, по сути, действовали как завоеватели, с помощью местных реакционных кругов начали чинить расправу над демократическими силами, стремясь подавить национально-освободительное движение греческого народа²⁰.

Таким образом, не «экспорт революции», а объективные внешние и внутренние условия оказали решающее влияние на изменение общественно-политического строя ряда государств. Именно благодаря повелению масс, а не из-за «руки Москвы» возникли и страны народной демократии, и прокоммунистические режимы в Италии и Франции (против установления последних И. В. Сталин, кстати, возражал. — Ред.). И не случайно У. Черчилль, возглавлявший во время войны правительство Великобритании, после победы был смещен со своего поста левыми силами. А причина в том, что авторитарные методы управления государством, которые он выдвигал как приоритетные на выборах 1945 г., то есть уже в мирное время, не соответствовали ожиданию британцев, настроенных на демократические перемены.

Обвиняя Советский Союз в навязывании своего строя восточноевропейским народам, западная пропаганда пытается тем самым отвлечь их внимание от фактов грубого вмешательства США и Великобритании во внутренние дела европейских и азиатских стран. На Западе любят повторять, что в отличие от «советских оккупантов» англо-американские войска принесли в Европу «освобождение, независимость и лучший уровень жизни». В 1984 г., когда отмечалась 40-я годовщина Нормандской операции, журнал «Times» писал, что «американские войска спасли европейскую цивилизацию, это и определило судьбу Европы»²¹. А президент США Р. Рейган, посетивший Францию во время этих торжеств, заявил: «Европа была порабощена, и мир молился о ее спасении. Здесь, в Нормандии, было положено начало этому спасению»²².

Что касается отношения западных союзников к освобожденным ими народам, то в Бельгии, например, британские войска разоружили отряды Сопrotивления под тем предлогом, будто их члены готовили восстание (надуманность этого предлога вынуждена была признать даже английская печать), и силой привели к власти отвергнутое народом правительство.

5 января 1945 г. председатель Союзной контрольной комиссии в Италии Макмиллан призывал правительства США и Англии приложить

«героические» усилия, чтобы «спасти Италию от революции». Как отмечал итальянский публицист А. Гамбино, для достижения этой цели западные союзники «открыто поддерживали монархию, отстаивали свое безусловное право контроля над первой из освобожденных ими стран. Придавая своей оккупации политический характер, они, даже планируя военные операции, не забывали об ослаблении сил, «придерживавшихся иной политической ориентации», хотя те и сражались против общего врага.

Не ослабевало вмешательство США и Англии во внутренние дела европейских государств и после войны. Учитывая тот факт, что во Франции в результате свободных демократических выборов компартия стала крупнейшей политической силой, а в Австрии, Бельгии, Норвегии и Дании представители левых заняли ряд министерских постов, они стали оказывать на эти страны бесцеремонное политическое и экономическое давление. Вашингтон и Лондон объединили свои усилия с теми политическими режимами, которые совсем недавно являлись сторонниками Гитлера. В результате к весне 1947 г. им удалось добиться устранения левых партий из правительств ряда государств Западной Европы, а в их политике произвести крутой поворот вправо.

В Индонезии, Малайе, Индокитае британские войска, сменившие в 1945 г. японских оккупантов, сделали все возможное, чтобы силой оружия подавить развернувшееся там еще в ходе войны национально-освободительное движение и восстановить прежние колониальные порядки. Вскоре к ним присоединились французские и голландские колонизаторы. В Южной Корее Соединенные Штаты Америки поставили у власти марионеточный режим; на Филиппинах они установили свое господство, хотя еще в 1946 г. признали независимость этой страны.

Так что западным «миротворцам», «изобличающим» Советский Союз в различных нарушениях международного права и «экспорте революции» (хотя Черчилль и спустя много лет после войны говорил, что «Сталин всегда четко соблюдал достигнутые договоренности»), не следовало бы забывать и о том, что происходило в угоду их политике в странах, которые после 1945 г. оказались под их контролем.

На Западе весьма расхожим направлением искажения сущности освободительной миссии советских Вооруженных сил является миф о «грабительском» и «негуманном» характере политики СССР в отношении европейских народов. Якобы он стремился ослабить освобожденные страны, подорвать их экономику. При этом Красная армия представлена как «полчище варваров», пришедших грабить и разрушать «цивилизованную Европу».

На самом деле, ведя боевые действия за рубежом, фронты и армии стремились максимально сохранить от разрушений промышленные предприятия. Например, в январе 1945 г. Красная армия развернула борьбу за Верхнесилезский промышленный район, в ходе которой стало возможным окружение значительной группировки вермахта. Однако ее уничтожение потребовало бы затяжных боев, да к тому же нанесло бы немалый ущерб Силезии. Чтобы избежать разрушений крупных предприятий по добыче угля, производству металла и синтетического горючего, а также по выпуску другой важной для Польши продукции, советское командование отказалось от непосредственного окружения противника, а, лишь создав такую угрозу, вынудило его спешно покинуть Верхнюю Силезию. Тем не менее в западной литературе об этих фактах стараются не вспоминать. Наоборот, упор делается на то, будто продвижение Красной армии на запад сопровождалось мародерством, насилием и грабежами.

Еще одно из распространенных направлений извращения сути освободительной миссии Красной армии — это стремление некоторых зарубужных историков доказать, будто в последние месяцы войны происходило массовое изгнание немецкого населения из районов, куда вступали советские войска. В действительности вплоть до Одера и даже Шпрее они почти не встречали местное население. А причина в том, что перед их приходом нацистское руководство и отряды СС заставляли мирных жителей покидать родные места. Известная в Германии публицистка графиня М. Денхофф, в январе 1945 г. вынужденная оставить в Восточной Пруссии свое родовое поместье, писала, что население получило приказ немецких властей буквально в течение нескольких часов собраться и «всем как один» уходить на запад. О масштабах этой трагедии, устроенной нацистами, свидетельствуют данные «Военного дневника главного командования вермахта», где указано, что к 20 февраля 1945 г. с востока двинулись по эвакуационным маршрутам 8 350 тыс. немцев из тех 10 млн, что населяли восточные регионы Германии.

Следует напомнить, что с восстановлением границ ранее оккупированных вермахтом государств коренное население начало изгонять немцев, заселивших в годы войны их земли. Только с территории Польши, раздвинувшей свои границы до реки Западная Нейсе, были выселены в Германию 7 165 тыс. немцев²³. Причем осуществляли это сами поляки, а не Красная армия.

Из воссозданной Чехословакии были выселены 2 997 тыс. немцев, которые в 1938 г. изгнали чехов и словаков из Судетской области²⁴. Из Румынии, восстановившей свои границы, нарушенные

Венским арбитражем 30 августа 1940 г., к 1950 г. были высланы в пределы Германии 137 тыс. немцев; 213 тыс. их были выдворены из Югославии ее народным правительством²⁵. Так что обвинения в адрес СССР по поводу того, будто немцев из этих стран изгоняла Красная армия, не имеют под собой никакой почвы. А обвинять ее воинов в жестокости по отношению к населению освобожденных стран по меньшей мере некорректно, особенно, если вспомнить, что творили захватчики на советской земле.

Да, у советских воинов, всех советских людей были все основания для ненависти к врагу. Даже Маршал Советского Союза Г.К. Жуков признался: «Честно говоря, пока шла война, я был полон решимости воздать сполна гитлеровцам за их жестокость. Но, когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев. Наши убеждения и интернациональные чувства не позволяли нам отдаться слепой мести»²⁶.

Не лишне напомнить, что в поверженном Берлине немало деморализованных, истощенных, обессиленных горожан, уже давно не видевших даже куска хлеба, лежали на улицах в соседстве с трупами, людскими и конскими. Если учесть, что стояла жара, то, по мнению главного эпидемиолога 1-го Белорусского фронта профессора Г.А. Знаменского, над городом нависла реальная угроза вспышки холеры, а возможно, и чумы. По приказу командующего войсками фронта Г.К. Жукова Берлин буквально за несколько суток был приведен в удовлетворительное санитарное состояние. Кроме того медицинские работники Красной армии организовали лечение свыше 200 тыс. раненных немецких солдат на одинаковых с советскими войсками условиях²⁷.

Советское командование с самого начала проявляло особую заботу о детях. Вот лишь один эпизод. В ходе боев за Берлин в подвалах больницы было обнаружено около 300 детей, находившихся на грани полного истощения. Командир полка, подразделения которого заняли больницу, распорядился немедленно выдать для них продукты, а сам доложил об этом командованию. Военный совет 1-го Белорусского фронта одобрил действия командования полка и приказал обеспечить больницу продуктами на 15 суток²⁸.

Постановлением Военного совета 1-го Белорусского фронта от 31 мая 1945 г. было предусмотрено организовать снабжение молоком детей до восьмилетнего возраста за счет «использования молочных ресурсов пригородов Берлина в количестве ежедневно 70 тыс. литров молока», а также «передачи из трофейного скота 5 тыс. голов дойных молочных коров для размещения на молочных пунктах в районах Берлина...». Первый учет населения столицы Германии дал цифру 1 200 тыс.,

так как при приближении Красной армии большая часть жителей разбежалась по провинциям. Едва до них дошла весть, что никаких притеснений нет и в помине, наоборот, советское командование организует продовольственное снабжение города, число берлинцев за несколько дней превысило 4 млн. Вначале для взрослого населения были установлены временные нормы снабжения. 11 мая 1945 г. Государственный Комитет Оборона принял решение обеспечить город продуктами питания на пять месяцев и уже с 15-го числа того же месяца ввести повышенные нормы. Было запланировано отпустить: зерна для выработки муки и крупы — 105 тыс. тонн; мясопродуктов — 18 тыс. тонн; жиров — 4,5 тыс. тонн; сахара — 6 тыс. тонн; большое количество картофеля, соли и других продуктов. Только тыл 1-го Белорусского фронта передал населению Берлина 50 тыс. тонн картофеля.

СССР оказывал продовольственную помощь не только жителям столицы, но и других городов Германии. Так, по состоянию на июнь 1945 г. для снабжения Дрездена было выделено 3 тыс. тонн муки, 450 тонн мяса, 225 тонн жиров, 300 тонн сахара, 50 тонн кофе, 7500 тонн картофеля. Причем на ряд продуктов нормы снабжения были установлены значительно выше, в том числе и на хлеб, чем при нацистском режиме. А ведь в это время населению Советского Союза продукты питания отпускались по карточкам. Жители Берлина были поражены гуманным отношением к ним армии — победительницы. Так, электромонтер Трюмбер заявил на собрании рабочих: «Кошмарные недели остались позади. Нацисты пугали нас, что русские отправят всех немцев в вечное рабство, в холодную Сибирь. Теперь мы видим, что это была наглая ложь. Мероприятия советского командования показывают, что русские не собираются оскорблять и унижать нас. У меня опять появилась перспектива в жизни»²⁹.

Среди других насущных задач советского командования было открытие школ, театров, издание газет. «Где можно найти в истории такую оккупационную армию, — отмечал впоследствии ставший первым председателем правительства ГДР О. Гротеволь, — которая пять недель спустя после окончания войны дала бы возможность населению оккупированного государства создавать партии, издавать газеты, предоставила бы свободу собраний и выступлений»³⁰.

Сегодня на Западе, особенно после бомбардировок Югославии в 1999 г. и оккупации Ирака, не любят вспоминать о той огромной помощи, которую оказала Красная армия народам европейских стран в восстановлении инфраструктуры народного хозяйства. Всем забывшим стоит напомнить, что после Победы советские солдаты преврати-

лись, по существу, в строителей, восстанавливавших разоренные войной страны. Еще в дни завершающих сражений в Европе многое делалось для спасения городов и культурных ценностей. Так, благодаря стремительному штурму был спасен древний Краков, который нацисты приготовились взорвать. Братиславу же, подготовленную противником к уличным боям, советские войска обошли, тем самым сохранив ее от разрушений. Советское командование потребовало от войск, штурмовавших Белград, ограничить применение танков и артиллерии, уничтожить врага стрелковым оружием. Перед освобождением столицы Австрии — Вены войска получили приказ максимально сберечь архитектурные ценности города. Так было с десятками больших и малых городов Европы.

При вступлении Красной армии в ту или иную страну Советский Союз оказывал максимально возможную помощь ее правительству и местным органам власти в налаживании мирной жизни населения. В Румынии, разоренной войной, почти весь урожай 1945 г. погубила засуха, стране угрожал голод. Чтобы помочь румынскому народу, СССР предоставил 300 тыс. тонн зерна, сократил на 50 проц. (с 600 до 300 млрд лей) репарационные выплаты, отказался от поставок Румынией продовольственных и промышленных товаров для советских войск, предоставил ей другие льготы, которые за год составили 677 млрд лей. В Румынии осталась и большая часть германского имущества, подлежащего вывозу в СССР. Была оказана помощь нефтяникам в восстановлении уже к апрелю 1945 г. 1217 из 1450 нефтяных скважин. Советские воины помогли румынским железнодорожникам в восстановлении 380 км железнодорожных путей, более 1000 мостов, 16 тоннелей, 120 пунктов водоснабжения. Румынии было передано безвозмездно 23 торговых судна, 115 паровозов, 23 тыс. железнодорожных вагонов, 2 тыс. автомобилей, 2 тыс. тракторов³¹.

В первые же дни после вступления на польскую территорию населению восточных регионов были переданы 25 тыс. тонн муки, 10 тыс. банок консервированного молока, 50 тыс. тонн риса, 150 тыс. голов скота, 8 тыс. тонн мяса, 1 тыс. тонн жиров и много других продуктов³². После освобождения Чехословакии фонды общей материальной помощи СССР ее населению только в мае — июне 1945 г. составили 40 млн рублей. С выходом Красной армии к границам Югославии советское правительство выделило для ее населения более 50 тыс. тонн зернопродуктов, из них 17 тыс. тонн — для жителей Белграда.

Населению Венгрии весной 1945 г. было передано 33 тыс. тонн зерна, 4 тыс. тонн мяса, 2 тыс. тонн сахара, 600 тонн соли, 100 тонн горючего, 700 тонн машинного масла, 500 автомобилей.

В течение первых пяти месяцев после освобождения Австрии жители Вены обеспечивались продовольствием исключительно из запасов Красной армии³³. В советской зоне оккупации этой страны инженерные части восстановили 1719 км железнодорожных путей, два моста через Дунай, 45 железнодорожных мостов, 27 депо, помогли отремонтировать около 10 тыс. товарных вагонов, 30 проц. портовых кранов, более 300 локомотивов.

После освобождения Северной Норвегии ее население осталось почти без крова (50–85 проц. домов были разрушены или совсем непригодны для жилья), без продовольствия и топлива. Советское командование запретило своим военнослужащим занимать уцелевшие здания, полностью предоставив их норвежцам, лишившимся крыши над головой. Министр юстиции Т. Вольд после поездки по только что освобожденным Красной армией районам сообщал своему правительству в Лондоне, что «по вечерам можно было бы увидеть сотни небольших костров, вокруг которых спали советские солдаты»³⁴. Для населения со складов войсковых частей было выделено продовольствие. Каждый житель получал в неделю 1600 граммов хлеба, 200 граммов жиров и сахара. Было открыто шесть больниц, для больных выделялись места и в армейском госпитале³⁵. Руками советских солдат в Киркенесе и других городах были восстановлены портовые сооружения, водопровод и телефонная связь³⁶.

30 июня 1945 г. во время празднования «Дня союзников» в Осло король Норвегии Хокон VII говорил: «Норвежский народ с энтузиазмом следил за героизмом, храбростью и мощными ударами, которые наносила немцам Красная Армия... Именно эта победа привела к освобождению Красной Армией норвежской территории на севере... Норвежский народ принял Красную Армию как освободительницу»³⁷. Далеко не коммунистического направления норвежская газета «Афтенпостен» в 1945 г. отмечала: «Норвежцы никогда не забудут того, что русские сделали для них, а также для общего дела победы над врагом»³⁸. Спустя двадцать лет премьер-министр Норвегии Э. Герхардсен заявил корреспонденту ТАСС: «Мы, норвежцы, с особой благодарностью вспоминаем, что именно советские солдаты... освободили норвежскую землю от оккупации»³⁹.

Советский Союз предоставил Финляндии льготные условия выплаты репараций. Болгария вообще не несла никаких репарационных обязательств. Идя навстречу немецкому народу, СССР добровольно отказался от части репараций Гер-

мании. Так, из 600 предприятий, подлежащих демонтажу и отправке в Советский Союз, 200 были переданы местным органам власти⁴⁰.

Огромное значение имела помощь советских воинов в проведении весеннего сева. Так как восточнее реки Одер (Одра), то есть в тыловом районе 1-го Белорусского фронта, практически отсутствовало местное население, Военный совет фронта, несмотря на занятость в связи с подготовкой наступательной операции, своим специальным постановлением от 1 апреля 1945 г. предусмотрел организацию и проведение сева зерновых и технических культур, картофеля и овощей на площади 250 тыс. га. Войска фронта должны были освоить в прифронтовой полосе 130 тыс. га, а остальную площадь — силами и средствами местного населения и репатриированных граждан. В более отдаленных районах сев организовывали и проводили советские военные комендатуры. Для посевной кампании фронт выделил свыше 18 тыс. солдат и офицеров, 165 тракторов, 16 тыс. лошадей, 1310 волов. Было отпущено 10 тыс. семенного зерна и 350 тонн горючего. К 5 мая 1945 г. было засеяно 261 072 га, в том числе войсками — 163 612 га, то есть на 33 тыс. больше, чем предусматривалось планом⁴¹. И все это при том, что на советской территории тысячи и тысячи колхозов и совхозов еще долго восстанавливали свои разрушенные войной хозяйства.

После завершения советско-японской войны Красная армия всемерно помогала населению Северо-Восточного Китая и Северной Кореи наладить нормальную мирную жизнь. Создавались условия для возобновления работы предприятий, оказывалась помощь жителям деревень в уборке урожая, организовывалось снабжение продуктами питания и топливом, обеспечивалась бесперебойная работа транспорта, службы быта, торговли. Благодаря заботам советского командования возобновили работу начальные и средние школы Северо-Восточного Китая, была выплачена заработная плата рабочим промышленных предприятий Мукдена, Харбина, Чанчуня и других городов. Уже в сентябре жители ряда городов могли купить по твердым ценам продукты питания и некоторые предметы первой необходимости. Таковы факты истории.

Что бы там ни говорили, ни писали и ни показывали на кино- и телеэкранах те, кому действия советского воина за рубежом как кость в горле, подвиг воинов — освободителей по достоинству был оценен антифашистскими силами, пробудил чувства глубокой благодарности и уважения к СССР и его Вооруженным силам.

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 16.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 39–40.

■ Том XV. Великая Победа и современный мир

- ⁴ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971. С. 8.
- ⁵ Цит. по: Кремлев С. Мифы о 1945 годе. М., 2010. С. 127.
- ⁶ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война: Битва за Берлин. Т. 15 (4 — 5). М., 1995. С. 220.
- ⁷ Цит. по: Кремлев С. Мифы о 1945 годе. С. 128.
- ⁸ Там же. С. 129.
- ⁹ Там же. С. 131–132.
- ¹⁰ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война: Битва за Берлин. Т. 15 (4 — 5). С. 245–246.
- ¹¹ Цит. по: Кремлев С. Мифы о 1945 годе. С. 143.
- ¹² Clark A. Barbarossa. London, 1966. P. 349.
- ¹³ Rauch C. Geschichte der Sowietunion. Stuttgart. 1969. S. 413.
- ¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 281–282.
- ¹⁵ Цит. по: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 209.
- ¹⁶ Цит. по: Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М., 1986. С. 154–155.
- ¹⁷ Там же. С. 155.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 156.
- ²⁰ История дипломатии. В 5 т. Т. 4. М., 1975. С. 523–525.
- ²¹ Цит. по: Военная мысль. 2004. № 5. С. 34.
- ²² Там же.
- ²³ Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995. С. 320.
- ²⁴ Там же. С. 322.
- ²⁵ Там же. С. 323.
- ²⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1995. С. 363.
- ²⁷ Антипенко Н. А. Рядом с Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. М., 2001. С. 65–66.
- ²⁸ Комаров Н. Я., Орлов А. С. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил и буржуазная историография // Новая и новейшая история. 1975. № 2. С. 163.
- ²⁹ Цит. по: Вещиков П. И. Офицер тыла — начпрод полка. (Так было...). М., 2010. С. 199–200.
- ³⁰ Цит. по: Антипенко Н. А. Рядом с Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. С. 66–67.
- ³¹ Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. С. 165.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Цит. по: История второй мировой войны 1941–1945. В 12 т. Т. 9. М., 1978. С. 153.
- ³⁵ Орлов А., Варакин П. Освободительная миссия Советской Армии в Северной Норвегии // Военно-исторический журнал. 1974. № 10. С. 18.
- ³⁶ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. С. 328.
- ³⁷ Цит. по: История второй мировой войны 1941–1945. Т. 9. С. 153.
- ³⁸ Цит. по: Орлов А., Варакин П. Освободительная миссия Советской Армии в Северной Норвегии // Военно-исторический журнал. 1974. № 10. С. 18.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Вещиков П. И. Офицер тыла — начпрод полка. (Так было...). С. 200.

К вопросу о коллаборационистах: патриоты или предатели?

В. Г. Кикнадзе*

Великая Отечественная война как одно из главных событий в новейшей истории нашего государства — процесс чрезвычайно сложный и многогранный. Ему были присущи победы и поражения, успехи и неудачи, достижения в военном искусстве и катастрофические ошибки, героизм и трусость, готовность к самопожертвованию и предательство. Наряду с массовым героизмом, единением народа, всеобщей ненавистью к врагу существовало в различных формах (вынужденно или добровольно) и сотрудничество с ним. Это явление, на Западе получившее название «коллаборационизм», было свойственно всем народам, страны которых в годы Второй мировой войны подверглись оккупации, в том числе и народам, населявшим Советский Союз.

В России термин «коллаборационист» стал употребляться лишь в последние десятилетия. В советской исторической науке, да и в быту тоже в отношении людей, сотрудничавших с захватчиками, обычно применялись такие термины, как «изменник», «предатель», «пособник», хотя степень их вины была разной. Вряд ли можно назвать изменой Родине работу в системе жизнеобеспечения (например, на электростанциях, в пекарнях, торговле, сельском хозяйстве), даже если она и обеспечивала нужды оккупантов. Но нельзя найти другие слова, кроме как «измена» и «предательство», для характеристики поступков тех, кто осознанно и добровольно воевал на стороне Германии.

Об этом следует заявить со всей определенностью, тем более что после развала СССР на волне переоценки истории России XX века все чаще появляются попытки обелить тех, кто в годы Великой Отечественной войны верой и правдой

служил захватчикам, зачислить их в ряды идейных борцов против коммунизма и «сталинского режима».

По разным данным, в составе германских вооруженных сил и полиции служили от 1,2 млн до 1,5 млн советских граждан. Однако совершенно очевидно, что в любом случае речь может идти лишь о самых приблизительных цифрах, ибо учет так называемых «восточных добровольцев» в Третьем рейхе был крайне запущен. Как свидетельствуют немецкие источники, командиры многих частей и соединений, где служили эти добровольцы, даже после того, как было запрещено их использование в вермахте, любыми способами пытались оставить их в своем распоряжении, чтобы не отвлекать своих солдат на хозяйственные работы. Кроме того, при организационной чехарде, когда части и подразделения добровольцев непрерывно подвергались переформированиям, передавались из одного ведомства в другое, из одной группы армий в другую, учет их все сильнее запутывался. В результате не только отдельные лица, но и целые части и подразделения могли быть учтены два раза, а то и более, либо не учтены вовсе. Что же касается отечественных исследователей, то стоит напомнить, что в их распоряжении имеются только немецкие данные, поэтому оценка числа добровольцев зависит лишь от степени их доверия к источнику.

Использование иностранных формирований в вермахте было вызвано не только военной, но и политической необходимостью: стремлением германского руководства показать всему миру, что за интересы Третьего рейха готовы сражаться добровольцы из всех стран Европы, в том числе и из СССР. Именно поэтому Гитлер пошел на такой беспрецедентный шаг, как создание ино-

* Кикнадзе Владимир Георгиевич — д. и. н., начальник управления НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

странных добровольческих частей и соединений. В ходе войны были сформированы батальоны, полки и дивизии из украинцев, латышей, литовцев, эстонцев, поляков, голландцев, бельгийцев, французов, датчан, шведов, албанцев и других.

Военнопленных Красной армии и местного население оккупированных советских территорий противник привлекал для создания восточных войск. Германское командование делило их на три категории: добровольцы вспомогательной службы (так называемые «хиви», нем. *Hilfswillige* — добровольные помощники); полиция различного назначения; боевые части и подразделения. Поначалу на фронте и в тыловых районах групп армий использовались только первые две группы, ибо в предвкушении скорой победы над СССР Гитлер и слышать не хотел о какой-либо форме государственности на захваченном «жизненном пространстве», а тем более о привлечении «советско-русских» в вермахт. «Никогда не должно быть позволено, — заявлял он, — чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев. Даже если в ближайшее время нам казалось более легким привлечь какие-либо чужие, покоренные народы к вооруженной помощи, это было бы неграмотно... Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец»¹. Однако провал планов блицкрига, большие потери, понесенные вермахтом, заставили нацистов отказаться от своих принципов, пойти на привлечение в вооруженные силы и представителей народов СССР.

Еще накануне войны против Советского Союза в Германии начали создаваться различные подразделения из антисоветски настроенных эмигрантов, а с началом военных действий и оккупации — из военнопленных и местного населения. Так возникли диверсионные абвергруппы 211 и 212, два украинских спецотряда — «Нахтигаль» и «Роланд» и т.д. В ноябре 1941 г. был сформирован туркестанский полк — первая мусульманская часть, а в конце того же года началось развертывание туркестанского, кавказско-магометанского (азербайджанского), грузинского, армянского и волжско-татарского легионов.

Несмотря на то что 24 марта 1942 г. Гитлер запретил формирование «туземных» воинских частей, командование сухопутных войск продолжало укреплять их. Всего в составе национальных легионов было сформировано 90 батальонов численностью свыше 900 человек каждый, в том числе 26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских, 9 крымских татар, 7 волжских татар и других народов Поволжья². В них служили 36,5 тыс. азербайджанцев, 19 тыс. грузин, 15 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 12,5 тыс. казанских и 10 тыс.

крымских татар, 7 тыс. армян, 5 тыс. калмыков³. Впрочем, стоит отметить, что в немецких источниках все эти данные сильно различаются.

Характерно, что до конца 1941 г. в вооруженных силах Германии русские части и подразделения практически отсутствовали: русские использовали главным образом в качестве «хиви». Начиная с 1942 г. их стали включать даже в штаты боевых частей и соединений. Только в службе снабжения пехотной дивизии насчитывалось 700 «хиви», которые были шоферами, ездовыми, сапожниками, портными и т.д. В каждом полку имела саперная рота, целиком состоявшая из «добровольных помощников»⁴. Одновременно изменилось отношение и к привлечению граждан оккупированных советских территорий в вооруженные формирования добровольцев: их создание уже не только допускалось, но и поощрялось. В генеральном штабе сухопутных войск была введена должность генерал-инспектора по добровольческим восточным соединениям. Тогда же командующим группами армий были предоставлены соответствующие полномочия.

В разное время немецкое командование сформировало из коллаборационистов целый ряд войсковых соединений и частей, в том числе 15-й казачий корпус СС, 6-й латышский корпус СС в составе 15-й и 19-й латышских дивизий СС, «Казачий стан» Доманова, 162-ю тюркскую дивизию, 14-ю украинскую дивизию СС, 20-ю эстонскую дивизию СС, 30-ю белорусскую кавалерийскую дивизию СС, «Русскую освободительную армию» (РОА) и др. Кроме того, существовали различные национальные подразделения: транспортные, строительные, обозные, а также другие роты и батальоны общей численностью до 30 тыс. человек. Командование ими, за исключением тех, что входили в РОА, осуществляли немецкие офицеры. Солдаты восточных войск, принимая присягу, клялись «беспрекословно выполнять все приказы фюрера (в войсках СС добавлялось «рейхсфюрера СС») и назначенных им командиров».

Следует, однако, отметить, что так называемые «корпуса» и «дивизии» за редким исключением существовали лишь на бумаге. В реальности численность таких формирований не позволяла отнести их к полноценным соединениям. В целом проблема укомплектования вермахта и войск СС «восточными добровольцами» все время оставалась крайне острой. Хроническим и массовым явлением было дезертирство. Оставляли части и подразделения прежде всего те, кто вступал в ряды «освободителей» с целью выбраться из концлагеря, перейти на сторону Красной армии или партизан. Дезертировали и те, кто разочаровался в методах оккупантов.

В связи с этим в рейхе стали предприниматься все более активные меры по созданию русских частей. Так, в сентябре 1942 г., в ходе битвы за Кавказ, нацисты воспользовались тем, что значительная часть населения этого региона была недовольна политикой «расказачивания», проводившейся в 1920-е годы советской властью, и ее ошибками, допущенными в ходе коллективизации. Для привлечения казаков на свою сторону на Дон, Кубань и Терек был направлен полковник Г. Панвиц. Чтобы придать процессу формирования казачьих частей видимость общественного движения, в помощь ему из Берлина прибыли известные еще по Гражданской войне в России генералы Белой армии — П. Н. и С. Н. Красновы, А. Г. Шкуро и другие. К осени 1943 г. была сформирована 1-я донская казачья дивизия, объединившая семь полков. В последующем она была передана в войска СС и развернута в 15-й кавалерийский корпус войск СС в составе двух дивизий и пластунской бригады. Этот корпус был отправлен на Балканы, где задействовался для борьбы с югославскими партизанами. В последние дни войны он в полном составе сдался британским войскам⁵. Его командира Панвица, к тому времени группенфюрера СС, вместе с большинством казаков союзники передали советскому командованию. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР он был повешен.

В 1942 г. на западе Брянской области и в Белоруссии были созданы бригады под командованием бывшего инженера Б. Каминского и бывшего подполковника Красной армии В. Гиль-Родионова, которые полностью состояли из представителей славянского населения. Вместе с немецкими войсками они вели боевые действия против партизанских формирований.

Бригада Каминского, которая через некоторое время после создания стала называться «Русской освободительной народной армией» (РОНА), к лету следующего года выросла в довольно внушительное формирование. В нем было 14 стрелковых батальонов, бронедивизион и моторизованная рота, а общая численность достигала 10 тыс. человек. Через год бригада по распоряжению Г. Гимmlера была преобразована в 29-ю гренадерскую дивизию СС. Впоследствии она, а также 30-я русская дивизия СС были расформированы, а их солдаты и офицеры влились в «Русскую освободительную армию»⁶. Что касается бригады Гиль-Родионова, то в 1943 г. она почти в полном составе перешла к партизанам. Ее командир вскоре погиб в бою с карателями. К тому времени советское командование присвоило ему очередное воинское звание «полковник». Он был также удостоен ордена Красной Звезды.

К концу 1944 г. различные формирования из бывших советских граждан, действовавшие на стороне Третьего рейха, представляли собой

весьма пеструю картину. Часть из них входила в состав вермахта, другая — в СС, министерство восточных территорий и т.д. С самого начала их характерной особенностью была крайняя ненадежность, возраставшая по мере изменения обстановки на фронтах. Например, уже в октябре 1942 г. в 795-м грузинском пехотном батальоне возник заговор с целью перехода на сторону Красной армии. Но из-за предательства он был раскрыт, а батальон разоружен⁷.

23 февраля 1943 г. подавляющее большинство солдат 825-го волжско-татарского батальона, действовавшего в Витебской области, ушли к партизанам. 13 сентября занимавший оборону на Днепре 781-й туркестанский батальон уничтожил немецких офицеров и с оружием перешел на сторону Красной армии⁸. 27 августа 1944 г. два украинских батальона 30-й гренадерской дивизии СС, расправившись со своими командирами, присоединились к французским партизанам. В начале 1945 г. произошло восстание 822-го грузинского пехотного батальона на острове Тексель. Нередко добровольческие части отказывались от выполнения боевой задачи. По этой причине, а также из-за многочисленных случаев дезертирства немцам пришлось разоружить 797-й грузинский, 826-й и 827-й волжско-татарские батальоны⁹. Весьма низкие боевые качества большинства формирований восточных добровольцев — еще одно свидетельство того, что зачастую они шли на службу к врагу не в результате осознанного политического выбора, а под влиянием иных факторов.

При этом нельзя отрицать и случаев открытого предательства, как это произошло с генерал-лейтенантом А. А. Власовым, который начал войны встретил в должности командира 4-го механизированного корпуса Киевского особого военного округа, а затем возглавил 37-ю армию. После окружения главных сил Юго-Западного фронта он вместе с группой командиров вышел в начале ноября 1941 г. в районе Курска в расположение советских войск. 19 декабря, в ходе контрнаступления под Москвой, Власов вступил в командование 20-й армией. 15 апреля 1942 г. он, являясь заместителем командующего войсками Волховского фронта, принял под командование 2-ю ударную армию, вскоре окруженную противником. Устранившись от управления войсками, 12 июля, не оказав сопротивления, сдался в плен и согласился на сотрудничество с врагом.

Главное командование вермахта использовало Власова как пропагандистскую фигуру, возлагая на него вербовку военнопленных в концлагерях, задачу склонить пленных советских генералов к сотрудничеству. Он встречался с ними со всеми, но сумел уговорить лишь единицы. Особенно усердствовал Власов в подготовке различных об-

ращений, листовок и воззваний к воинам Красной армии с призывами о сдаче в плен, а также статей в газеты, издаваемые оккупационной администрацией. Так, в январе 1943 г. от имени «Русского освободительного комитета» было выпущено обращение к Красной армии и ко всем народам СССР. Его подписали Власов и один из его ближайших помощников — В. Ф. Малышкин (до пленения генерал-майор, начальник штаба 19-й армии). В нем подчеркивалось, что комитет имеет своей целью свержение советского правительства и уничтожение коммунистов. Далее содержался призыв к бойцам и командирам переходить на сторону РОА, хотя в то время она представляла собой слабо пропагандистский проект.

Стоит заметить, что немцы так мало считались с Власовым, что сами от его имени разрабатывали различные документы. Например, в ноябре 1943 г. в восточные батальоны было направлено «Открытое письмо Власова». Составлено оно было в отделе пропаганды главного командования вермахта, а утверждено начальником генерального штаба А. Йодлем. Долгое время на все настойчивые попытки добиться приема у кого-нибудь из руководителей рейха Власов получал унижительные отказы. С ним не пожелал встретиться даже только что назначенный в начале 1944 г. командующим добровольческими соединениями генерал Э. Кёстринг, заявивший, что ни о какой даже призрачной самостоятельности ни для русских, ни для других народов СССР не может быть и речи.

Ситуация несколько изменилась после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.: из ведения отдела пропаганды главного командования вермахта Власов был передан в подчинение СС. 16 сентября Гиммлер вызвал Власова и разрешил ему, наконец, не только сформировать РОА и «Комитет освобождения народов России» (КОНР), но и возглавить их.

Манифест о создании этого комитета был провозглашен 14 ноября 1944 г. в Праге. Однако всем его пышным фразам об освобождении народов Советского Союза от тирании, их праве на независимость, «свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства, свободу промыслов... отнятых большевиками», население СССР, особенно подвергшееся оккупации, уже знало цену¹⁰. Не сплотил манифест и антисоветские силы внутри самой Германии. Так, лидеры кавказских комитетов обратились к Розенбергу с коллективным письмом, в котором подтвердили свою готовность продолжать борьбу против большевиков, но категорически отказались подчиняться русскому Власову¹¹.

Не лучше обстояло дело и с формированием «Русской освободительной армии». При ее соз-

дании руководство Германии пресекало всякую инициативу. Даже форму одежды, разработанную в штабе Власова, оно отклонило, обязав использовать форму вермахта, оставив лишь кокарду Русской императорской армии и трехцветную нашивку на рукаве. Незначительная уступка была сделана и в отношении текста воинской присяги. Ее разрешили приносить не только Гитлеру, но и Власову.

В конце 1944 г. Власов был принят Гиммлером, Герингом, Геббельсом и Риббентропом. В ходе этих встреч решались практические вопросы, касавшиеся РОА и КОНР. В частности, Риббентроп обсудил с ним основные вопросы соглашения между КОНР и германским правительством, которое было подписано 18 января 1945 г. Этим документом предусматривалось выделение займа «на борьбу с общим врагом — большевизмом». Власов обязался возместить предоставленный кредит с соответствующими процентами ценностями и имуществом из русских активов¹².

28 января 1945 г. Власов был назначен командующим РОА. В ее состав вошли 1-я дивизия (по немецкой нумерации — 600-я пехотная) под командованием С. К. Буныченко (в Красной армии командовал 59-й бригадой на Закавказском фронте), 2-я дивизия (в немецких документах — 650-я пехотная), которой командовал Г. А. Зверев (в Красной армии — командир 190-й дивизии Юго-Западного фронта), 3-я дивизия (700-я народно-гренадерская) во главе с бывшим полковником Красной армии М. М. Шаповаловым.

Из всех трех соединений только 1-я дивизия была относительно боеспособной. 2-я дивизия, так и не завершившая своего формирования, была перебросена в Богемия — место сбора «Русской освободительной армии». В составе 3-й дивизии имелся штаб и 10 тыс. человек, на вооружении которых было только учебное оружие. Кроме того, в армию входили запасная и противотанковая бригады, а также офицерское училище. В начале апреля, то есть за месяц до капитуляции Третьего рейха, закончилось формирование четырех эскадрилий ВВС РОА: истребительной, бомбардировочной, разведывательной и транспортной. Судя по справке штаба армии, ее общая численность составила немногим более 50 тыс. человек¹³. Следовательно, встречающиеся в различных средствах массовой информации утверждения о том, что армия Власова насчитывала от 300 тыс. до 1 млн человек, являются всего лишь плодом воображения их авторов. Не понимая сути вопроса, они причисляют к «Русской освободительной армии» соединения и части, укомплектованные «русско-советскими добровольцами», но организационно никогда в нее не входившие.

Не добились сколько-нибудь значительных результатов формирования РОА и при ведении боевых действий. Так, 9 февраля ударный отряд в составе батальона личной охраны Власова и роты юнкеров вместе с немецкой дивизией «Доберитц» участвовал в бою с советскими войсками на левом берегу Одера. Первоначально власовцы имели некоторый успех, о чем их командующий поспешил доложить в генеральный штаб вермахта. Оттуда по телеграфу сообщили, что сам Власов удостоен личного приветствия Гимmlера, а его офицеры награждены Железными крестами. Однако к вечеру следующего дня почти весь отряд был уничтожен, а остатки отброшены в исходное положение¹⁴.

В начале апреля 1-я дивизия, направленная в район Фюрстенберга, попыталась было сбросить советские войска с плацдарма на левом берегу Одера, но была остановлена сильным артиллерийским огнем. Не получив поддержки, командир дивизии Буныченко самовольно вывел ее из боя. Уже на следующий день главное командование сухопутных войск отдало распоряжение об отводе ее с фронта. Игнорируя приказы командования вермахта, дивизия двинулась в Чехословакию. Так как было ясно, что дни Третьего рейха сочтены, КОНР на последнем своем заседании принял решение сосредоточить все свои части в Баварских Альпах, чтобы, продержавшись там до подхода англо-американских войск, капитулировать перед ними.

5 мая 1945 г. в Праге началось национальное восстание. Его руководители обратились по радио с призывом о помощи. Услышав его, Буныченко принял решение поддержать восставших, а затем уйти в американскую зону оккупации. Необходимо подчеркнуть, что оно было продиктовано отнюдь не заботой об истекавших кровью пражанах, а стремлением хоть как-то смягчить свою дальнейшую участь. Дивизии удалось успешно противостоять немецким войскам и, по существу, освободить от них значительную часть столицы Чехии. Но тут стало известно, что к Праге стремительно продвигаются не американские войска, а соединения 1-го Украинского фронта. Власовцы спешно покинули город.

К тому времени РОА уже потеряла всякие признаки организованной военной силы. Она представляла собой колонны вооруженных людей, стремившихся как можно быстрее уйти на запад. Пытался укрыться в американской зоне оккупации и сам Власов, но 12 мая он был задержан советскими войсками. Не удалось уйти от возмездия и другим руководителям РОА и КОНР. Многие из них избежали пленения Красной армией, но в разное время были выданы союзниками представителям СССР. 1 августа 1946 г. почти

вся верхушка «Русской освободительной армии» была приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение. На следующий день приговор был приведен в исполнение.

Любому непредвзятому человеку история «Русской освободительной армии» и ее командующего позволяет сделать вывод, что Власов отнюдь не был «русским де Голлем», как его называют некоторые почитатели, а его движение было очень далеким от общенационального. Без согласия и поддержки германских властей возникновение и какая-либо деятельность РОА и КОНР были вообще невозможны. К моменту их создания уже полностью проявилась политика нацистов, направленная на ликвидацию русской государственности, геноцид славянских народов или их закабаление. Выступать при этом за сотрудничество с нацистами могли только люди, чуждые интересам своего народа, озабоченные лишь стремлением выжить и удержаться у «кормушки».

Изначально не был Власов и убежденным антисталинистом, каким сейчас пытаются представить этого «патриота» его апологеты. До своего пленения он с благодарностью принимал все знаки расположения, оказываемые ему советским руководством, и совершенно не помышлял начинать борьбу с большевизмом. Словом, это был всего лишь предатель, сознательно перешедший на сторону врага.

Примечательно, что все те, кто сегодня пытается создать вокруг Власова ореол «борца за свободу народов СССР от большевизма», очень редко упоминают о других «вождях освободительного движения». Уж слишком непригляден моральный облик многих из них, слишком известны их мрачные деяния на службе нацистскому режиму, чтобы можно было считать их идейными радетелями за интересы народа.

Попытки оправдать предательство идеологическими соображениями предпринимались в последние десятилетия в Украине и странах Балтии. Что касается Украины, то здесь в постсоветские годы активно пропагандировалась деятельность Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) в годы Второй мировой войны как общенародное движение, якобы опиравшееся на «самые широкие слои трудового населения и отвечавшее его коренным интересам».

Что же в действительности представляли собой ОУН и УПА? Как политическое движение Организация украинских националистов оформилась на Первом конгрессе, состоявшемся в начале 1929 г. в Вене. Первоначально главным объектом борьбы, осуществлявшейся в основном террористическими методами, была Поль-

ша, в состав которой после советско-польской войны 1920 г. была включена Западная Украина, до этого входившая в состав Австро-Венгрии. Украинцы — основное население этих земель — подвергались жестокой дискриминации. Их недовольство и протест послужили одной из причин возникновения ОУН. Одновременно в идеологии Организации украинских националистов наряду с антипольской возникла и непримиримая анти-советская направленность.

В конце 30-х годов прошлого века любому сколько-нибудь дальновидному политику было совершенно очевидно, что назревает война между Германией и СССР. И каждая политическая партия, каждое политическое движение заранее определяло свою позицию в этом вопросе. Программа ОУН четко предусматривала сотрудничество с Третьим рейхом и активные антисоветские действия. В ней, в частности, указывалось, что «после занятия какого-либо населенного пункта его необходимо тщательно очистить от враждебных элементов (НКВД, милиции и т.д.). Русские должны быть переданы в качестве пленных немцам, а более опасные элементы расстреляны. Политические комиссары и известные коммунисты должны быть расстреляны. Подобным же образом следует поступить с сотрудниками НКВД»¹⁵. В общем, эти требования напоминают пресловутый «приказ о комиссарах», изданный нацистами в 1941 г.

Впрочем, националистическое движение в Украине, возглавляемое ОУН, — значительно более сложное явление, чем просто «пособничество оккупантам», как оно обычно характеризовалось советскими историками. Ведь его причинами являлись и дискриминация украинского населения польской администрацией, и серьезные ошибки уже советской власти, допустившей серьезные перегибы после присоединения Западной Украины к УССР, что умело использовала оуновская пропаганда.

В феврале 1940 г. Организация украинских националистов раскололась на две фракции: ОУН-Б во главе с С. Бандерой и ОУН-М, которую возглавил А. Мельник. Формально раскол объяснялся тактическими разногласиями. Фактически это была борьба за власть, раздиравшая руководство ОУН во все время ее существования. Но оба лидера и обе фракции были едины в одном — готовности сотрудничать с Германией в своей борьбе против Советского Союза. Так, ОУН-Б еще в преддверии войны совместно с немецкими спецслужбами создала отряды абвера «Нахтигаль» под командованием Р. Шухевича и «Роланд» во главе с сотником Р. Ярым. В ночь на 30 июня 1941 г., после оставления советскими войсками Львова, бойцы «Нахтигала» устроили в нем беспрецедентную

резню, зверски уничтожив 5 тыс. человек, в основном из числа советских работников и польской интеллигенции. Впоследствии оба отряда были расформированы, а личный состав обращен на укомплектование 201-го охранного батальона, который применялся для борьбы с партизанами.

О причинах создания Украинской повстанческой армии спорят даже историки оуновского движения. Некоторые из них утверждают, что они кроются, во-первых, в отказе немцев от украинской автономии под германским протекторатом, а, во-вторых, в очевидном ослаблении вермахта после Сталинграда. Вероятнее всего, датой возникновения УПА следует считать 9 апреля 1943 г., когда Н. Лебедь — один из руководителей ОУН-Б именно так назвал свои отряды. Тогда же ее численность стала быстро расти. Осенью 1943 г. первым командующим Украинской повстанческой армией был назначен Д. Клячкивский, в конце года его сменил Р. Шухевич (он же «Тарас Чупринка», он же «Тур»). Главкомом он оставался до своей гибели в 1950 г.

Шухевич состоял в украинских националистических организациях с 1923 г. Его неоднократно привлекали к суду за убийства польских деятелей. В 1937 г. в Германии он прошел курс обучения в военной школе. В октябре 1942 г. Шухевич отказался продлить контракт в вермахте. В апреле следующего года он был назначен начальником главного штаба Украинской повстанческой армии, а в декабре — избран на Третьем чрезвычайном съезде ОУН «главным командиром» УПА¹⁶.

Формально УПА объявила войну и немцам, и большевикам. И действительно, в первое время ее подразделения захватывали оружие и продовольствие у немцев, совершали акции, препятствовавшие отправке украинского населения на принудительные работы в Германию. Однако впоследствии она вела боевые действия только против советских войск, при этом получая вооружение и боеприпасы от немецкого командования. Нельзя не отметить, что многие из руководства УПА в различное время проходили службу в вермахте и войсках СС. Сам Шухевич имел звания гауптмана и гауптштурмфюрера СС, был награжден Железным крестом. Представители главного штаба УПА И. Гриньох (он же Гринивский) и Ю. Лопатинский носили погоны гауптмана и обер-лейтенанта соответственно, начальник службы безопасности УПА Н. Лебедь был лейтенантом, командующий УПА-Север Р. Клячкивский — обер-лейтенантом и т.д.¹⁷

При Шухевиче Украинская повстанческая армия приобрела определенную организационную упорядоченность. Она была разделена по территориальному принципу на четыре группы: УПА-Север, УПА-Запад, УПА-Юг и УПА-Восток.

Их командующим подчинялись округа, состоявшие из нескольких куреней, каждый из которых насчитывал до 500 человек и состоял из трех стрелковых сотен по 70–80 человек, взводов тяжелых пулеметов, противотанковых пушек, снабжения, штабной разведки, санитарного отделения и отделения полевой жандармерии. Первоначально УПА пополнялась за счет идейных националистов, дезертиров из Красной армии, людей, обиженных советской властью, полицейских, уволенных из расформированных батальонов, уголовных элементов и т.д.

УПА, заключив соглашение с немецким командованием, основные силы сосредоточила на боевых действиях против Красной армии, причем как раз в то время, когда та изгоняла оккупантов с территории Украины. Для борьбы с националистами командование советских фронтов и армий вынуждено было привлекать довольно значительные силы, так что уже одним этим УПА помогала противнику. Тот в долгу не оставался: с августа 1943 г. по сентябрь 1944 г. Украинская повстанческая армия получила от группы армий «Юг» 700 орудий и минометов, около 10 тыс. пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, 100 тыс. гранат, свыше 12 млн патронов¹⁸.

По мере того как приближалась гибель Третьего рейха, бесперспективность дальнейшей борьбы УПА становилась все очевиднее не только для ее руководителей, но и для многих рядовых бойцов. Боевая деятельность целого ряда отрядов УПА заметно снизилась, а то и вовсе сошла на нет. Следует отметить, что и ранее такие ее формирования, как УПА-Восток, УПА-Север и УПА-Юг, практически бездействовали и мало чем себя проявляли.

К тому же зверства бойцов УПА, причем не только к провозглашенным врагам, но и к мирному населению, в значительной степени подрывали доверие к ней. Установка на жестокость проходит через все директивные документы Организации украинских националистов. Вот всего лишь один пример: «Мы должны уничтожить всех, кто заподозрен в связях с советской властью. А семьи будем вырезать до третьего колена»¹⁹. И эти директивы неуклонно выполнялись.

Особенно усердствовала служба безопасности (СБ), жестоко расправлявшаяся с родственниками солдат и офицеров, служивших в Красной армии, с теми, кто работал в различных советских учреждениях, занимал выборные должности в Советах и колхозах. Даже апологеты ОУН признают, что именно служба безопасности повинна «в трагическом братоубийстве», что именно боевики СБ были активными исполнителями операций по уничтожению поляков, а также террористических

акций среди западноукраинского населения, не говоря уже о отношении к ОУН.

Под благородными лозунгами борьбы за независимость Организация украинских националистов вела, по существу, войну со своим народом. На ее совести потоки крови, десятки и сотни тысяч погибших и искалеченных бойцов Красной армии, мирных жителей, обманутых граждан, вовлеченных в заведомо обреченную на провал авантюру.

Понятно, что все те, кто активно участвовал в деятельности ОУН, кто воевал и бесчинствовал в ее составе, очень хотели бы сегодня вопреки фактам представить себя патриотами Украины. На это можно было бы не обращать внимания, тем более что их, к тому же глубоких стариков, осталось немного. Опасность кроется в другом: в новых исторических условиях определенные круги восхваляют «подвиги» Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии с одной целью — вбить клин между братскими украинским и русским народами. И все это ради удовлетворения своих политических амбиций, за которые, как и прежде, рано или поздно расплачиваются простые граждане.

После распада СССР настойчивые попытки реабилитировать тех, кто в годы войны верой и правдой служил Третьему рейху, предпринимаются и в странах Балтии. В этом смысле особо выделяется Латвия, где бывшие участники местных формирований СС объявлены патриотами, борцами за независимость республики от большевиков. И это несмотря на то, что Нюрнбергский международный трибунал, объявивший СС преступной организацией, особо подчеркнул, что включает в нее и членов «общих СС», войск СС и других служб²⁰. Кем же на самом деле были эти люди: патриотами или марионетками в руках нацистов?

Надо заметить, что в Латвии прогерманские настроения были издавна сильны. Это объясняется целым рядом исторических причин, а также деятельностью различных немецких организаций в межвоенный период. Вступление вермахта на территорию Латвии значительная часть населения встретила благожелательно. В свою очередь и нацистское руководство по отношению к Латвии, как, впрочем, и к другим республикам Балтии, допускало некоторые послабления. Так, со второй половины 1941 г. оккупационные власти разрешили образовать своего рода правительства — Советы генерал-директоров.

Эстония, Латвия и Литва, а также часть Белоруссии были объединены оккупационными властями в единую административную территорию — рейхскомиссариат «Остланд» со штаб-квартирой в Риге. Ее рейхскомиссаром был

назначен обергруппенфюрер СС Г. Лозе. Установив жесточайший режим, он одновременно привлекал к сотрудничеству местные националистические формирования. Первоначально они предназначались для обеспечения общественного порядка, но тяжелые потери, понесенные немецкими войсками в битве под Москвой, вынудили Гимmlера передать их в подчинение вермахта, где они использовались в качестве резервных и вспомогательных подразделений. Эти же обстоятельства заставили Гитлера дать согласие на формирование латышского добровольческого легиона СС. Но при этом фюрер категорически отверг проект о предоставлении Латвии суверенитета под протекторатом рейха, и мысли не допуская о какой-либо даже формальной независимости восточных земель.

Словом, к тому времени, когда Гимmlер своим приказом от 1 марта 1943 г. объявил о создании латышского легиона, уже было совершенно понятно, что тому предстоит сражаться не за национальную независимость Латвии, а за интересы Третьего рейха, который этой самой независимости никогда и не предполагал.

Комплектование легиона шло с большим трудом: добровольцев катастрофически не хватало. Уже в первые дни формирования латышских частей СС оккупационные власти прибегли к всеобщему призыву мужчин 1919–1925 годов рождения. Так что созданная на базе легиона 1-я дивизия (вскоре она получила наименование 15-й латышской дивизии СС) добровольческой была лишь по названию. Ее полки в ноябре 1943 г. в районе Невеля вступили в боевые действия с частями Красной армии, затем с января по март 1944 г. вместе с только что сформированной 19-й дивизией СС в составе 6-го латышского добровольческого корпуса СС вели оборону на рубеже реки Великая. Оба соединения оказали советским войскам ожесточенное сопротивление. В последующем они воевали на территории Латвии и Восточной Германии. В мае 1945 г. их остатки частично были пленены 130-м латышским корпусом Красной армии, а частично — ушли на запад к англичанам и американцам. Многие легионеры, возвратившись нелегально на родину, вступили в отряды «лесных братьев», чтобы продолжать борьбу с советской властью²¹.

Всего в боевых действиях против Красной армии приняли участие 165 тыс. латышей, что составляло почти 9 проц. населения. Это немалая цифра, если учесть, что, например, крымских татар, высланных за сотрудничество с врагом, в вермахте служило всего 10 тыс. человек, или 3 проц. населения. Однако у латышских националистов сотрудничество с оккупантами не ограничивалось одним участием в боях на стороне

Германии. Командование СС активно привлекало их формирования к проведению карательных операций против партизан и мирных жителей, к массовым расстрелам советских граждан, несению охранной службы в концентрационных лагерях и местах работы военнопленных и т.д. По данным архивов, еще до формирования латышского легиона СС в этих мероприятиях участвовало 27 латвийских батальонов. Только с декабря 1941 г. по август 1942 г. они уничтожили в гетто под Ригой около 27 тыс. евреев, расстреляли в Бикерниекском и Рамбульском лесах свыше 83 тыс. человек²². И это только начало: впереди еще было более двух лет бесчинств латышских эсэсовцев на родной земле.

Тем большее возмущение общественности вызывает политика латвийского руководства, направленная на полную реабилитацию бывших эсэсовцев, якобы сражавшихся за «свободу и независимость Латвии». Здесь их прославление приняло официальную форму. Различного рода манифестации ветеранов из латышских дивизий СС, торжественные перезахоронения останков эсэсовцев, павших в боях с Красной армией, всевозможные слеты — все эти подчеркнута пышные действия проходят с участием членов правительства, депутатов Сейма, руководящих работников министерства обороны и других ведомств.

Дошло до того, что в 1999 г. в стране был официально установлен День латышского легиона — 16 марта, когда в 1944 г. местные эсэсовцы вступили в бой с частями Красной армии непосредственно на территории Латвии. Правда, после ряда международных протестов этот день из календаря официальных памятных дат все же был исключен. Но он до сих пор торжественно отмечается в республике с участием высших должностных лиц.

Можно лишь сожалеть по поводу фарисейства, развернувшегося вокруг латышских прислужников оккупантам, даже если учесть, что часть их, одурманенная тогдашними политиками, искренне верила, что сражается за свободную Латвию и что Гитлер после победы предоставит ей самостоятельность. Это отнюдь не служит делу восстановления справедливости. Мертвые и живые легионеры являются всего лишь разменной монетой для тех сил, которые в своих политических играх делают ставку на оголтелый национализм и разжигание антироссийских настроений.

Как известно, на стороне врага сражались и служили ему представители других народов. Однако никто из них не считает такое сотрудничество предметом гордости. Никто не превозносит тех, кто к нему причастен, а уж тем более тех, кто

с оружием в руках верой и правдой служил Гитлеру в СС — организации, объявленной Международным трибуналом преступной.

Среди сотрудничавших с врагом были люди, обманутые немецкой и националистической пропагандой, либо привлеченные к сотрудничеству угрозами и силой, или таким образом спасавшиеся от всех ужасов концлагерей. Однако те, кто со-

знательно шел на стовор с оккупантами, в услужение к ним, кто стрелял в бывших однополчан, кто жег, насиловал, убивал мирных жителей, никакого снисхождения не заслуживают. Какими бы мотивами они ни оправдывали свою деятельность, в глазах народа они навсегда останутся предателями. Вот почему любая попытка их реабилитации безнравственна.

¹ Цит. по: Нюрнбергский процесс: Сборник документов. В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 480.

² Hoffman J. Die Geschichte der Vlassov Armea. Freiburg, 1991. S. 46–47.

³ Hitlerlagebesprechungen. Stuttgart, 1962. S. 260–261.

⁴ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 89.

⁵ Семенов К. К. Войска СС. М., 2004. С. 76–77.

⁶ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. С. 104–105.

⁷ Hoffmann J. Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Herr und die Orientvolker der Sowjetunion. Freiburg, 1991. S. 281–283.

⁸ Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 214.

⁹ Hoffman J. Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Herr und die Orientvolker der Sowjetunion. S. 267.

¹⁰ Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение. Франкфурт-на-Майне, 1975. С. 429–435.

¹¹ Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 161.

¹² Левин И. И. Генерал Власов: По ту и эту линию фронта // Московский комсомолец. 1998. 18 декабря.

¹³ Hoffman J. Kaukasien 1942/1943: Das deutsche Herr und die Orientvolker der Sowjetunion. S. 80.

¹⁴ Левин И. М. Генерал Власов: По ту и эту линию фронта // Московский комсомолец. 1998. 18 декабря.

¹⁵ Цит. по: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 3 т. Т. 2. М., 1966. С. 254.

¹⁶ Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне: Союзники Германии. М., 2003. С. 431–432.

¹⁷ Осташ А. ОУН–УПА и их адвокаты // Фонд региональных исследований. Львов, 2003. С. 15.

¹⁸ Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне: Союзники Германии. С. 432.

¹⁹ Цит. по: Николаев Д. Бандитская армия: Как бывшая УПА боролась за «незалежную» Украину // Независимое военное обозрение. 2002. № 44. С. 7.

²⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 7. М., 1957. С. 427.

²¹ Семенов К. К. Войска СС. С. 67–70, 138–142.

²² Шляхтунов А. Латыши-эсэсовцы // Независимое военное обозрение. 2001. № 47. С. 7.

Как складывались отношения СССР с союзниками

Н. И. Никифоров*

Большую роль в достижении победы сыграло взаимодействие СССР с другими странами антигитлеровской коалиции. Процесс ее создания и укрепления был связан с немалыми сложностями, поскольку в борьбе против агрессора объединились государства с различными социальными системами. Участники коалиции, наряду с решением общих задач, преследовали и свои самые различные военные, политические и экономические цели. Они обуславливались национальными интересами, что, конечно, порождало противоречия, которые нередко ослабляли усилия союзников по скорейшему разгрому общего врага.

Как известно, накануне Великой Отечественной войны международное положение складывалось для Советского Союза весьма неблагоприятно. В результате двойственной политики западных держав, настойчиво стремившихся направить агрессивные устремления Гитлера на восток, он оказался перед перспективой остаться один на один с сильнейшей на тот момент армией мира. При этом планы Германии в отношении СССР не являлись секретом для руководства Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Так, 15 июня 1941 г. британский премьер-министр У. Черчилль телеграфировал президенту США Ф. Рузвельту: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил»¹.

Вместе с тем находившаяся к тому времени в состоянии войны с Третьим рейхом Англия са-

ма остро нуждалась в союзниках. Поэтому, узнав о вторжении германских войск на территорию СССР, Черчилль уже вечером 22 июня выступил по радио с речью, посвященной этому событию. Он заявил, что любое государство, которое борется против Германии, получит помощь.

В США реакция на эти события была не столь однозначной, как в Великобритании. Дело в том, что сближение Советского Союза с Германией в 1939 г., подписание с нацистами пакта о ненападении, а также договора о дружбе стали поводом для развязывания в Соединенных Штатах антисоветской пропагандистской кампании. Поэтому с началом военных действий между вермахтом и Красной армией 55 проц. опрошенных американцев высказались против помощи СССР. Несмотря на это, через два дня Рузвельт сообщил представителям прессы о готовности Соединенных Штатов Америки оказывать «всю возможную помощь России».

Тем не менее, в военных кругах Англии и США делались однозначные прогнозы о возможном исходе войны между Германией и СССР. Например, из заключения британского объединенного разведывательного комитета, представленного правительству, следовало, что для захвата Украины и Москвы вермахту потребуется от трех до шести недель. Да и начальник британского имперского генерального штаба Дж. Дилл полагал, что с русскими будет покончено в течение шести — семи недель.

Аналогичного мнения придерживались некоторые видные политические и военные деятели США. Так, руководитель администрации ленд-лиза Э. Стеттиниус считал, что «германская армия пройдет сквозь Россию как нож сквозь масло». Военный министр Г. Стимсон полагал, что «Германия

* Никифоров Николай Иванович — к. и. н., заместитель начальника НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

будет основательно занята минимум месяц, а максимум, возможно, три месяца задачей разгрома России». А министр финансов Г. Моргентау отмечал, что «в лучшем случае капитуляция русских последует самое большое через шесть месяцев»².

Поскольку США не были втянуты в войну, перед советским руководством стоял вопрос об объединении усилий прежде всего с Англией. Потребовались активные шаги советской дипломатии и прямое участие в переговорах И. В. Сталина, прежде чем 12 июля в Москве было подписано соглашение о совместных действиях СССР и Великобритании в войне против Германии. Оно, хотя и носило общий характер и не содержало конкретных обязательств, все же имело принципиальное значение, поскольку закладывало фундамент союзнических отношений между двумя государствами.

Уже через месяц после начала войны, когда стала проявляться несостоятельность прогноза англо-американских военных специалистов относительно неминуемого поражения и капитуляции Красной армии, президент Ф. Рузвельт решил направить в Москву своего советника Г. Гопкинса. Во время переговоров с И. В. Сталиным тот заявил о готовности своего правительства обеспечить долгосрочную военно-экономическую помощь. В свою очередь Сталин сообщил, что Советскому Союзу крайне необходимы зенитные орудия, крупнокалиберные пулеметы, винтовки, алюминий для производства самолетов, бомбардировщики ближнего действия и высокооктановый авиационный бензин³.

Вопрос о взаимных поставках обсуждался на конференции представителей трех держав, которая проходила в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Для участия в ней со стороны США прибыл специальный представитель президента А. Гарриман, а с английской стороны — министр снабжения лорд Бивербрук. Советскую сторону представляли И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян и другие члены правительства. В соответствии с протоколом, подписанным Гарриманом, Бивербруком и Молотовым, Соединенные Штаты и Великобритания с учетом пожеланий СССР определили свыше 70 основных видов поставок и более 80 предметов медицинского снабжения. Западные союзники согласились поставлять самолеты, танки, зенитные и противотанковые орудия, а также другие виды оружия, военной техники, стратегических материалов, сырья, снаряжения и т. п.⁴ Спустя месяц президент США сообщил в Москву о решении его правительства предоставить советскому государству беспроцентный заем на сумму до 1 млрд долларов, а 7 ноября на основании принятого Конгрессом постановления он подписал документ

о распространении закона о ленд-лизе и на СССР. В реальности же это произошло только 11 июня 1942 г. после подписания сторонами Соглашения о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

Прежде всего надо пояснить, что такое ленд-лиз. Билль о ленд-лизе был рассмотрен в сенате США 10 января 1941 г. В рамках этого законопроекта страны, которые вели борьбу с Германией, получали от американского правительства технику, вооружение и другие военные материалы «во временное пользование». Уцелевшая к концу войны техника подлежала возврату или должна была быть выкуплена, а утерянная на полях сражений ни возвращению, ни оплате не подлежала.

В соответствии с Первым протоколом Соединенные Штаты обязались поставить Советскому Союзу в период с октября 1941 г. по июль 1942 г. 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же легких танков, 85 тыс. грузовых машин, другое вооружение. Но фактически за этот период поступило всего 267 бомбардировщиков (29,7 проц.), 278 истребителей (30,9 проц.), 363 средних танка (32,3 проц.), 420 легких танков (37,3 проц.), 16 502 грузовика (19,4 проц.) и т. д.⁵ По признанию Гарримана, американская сторона выполнила лишь четвертую часть взятых на Московской конференции обязательств.

Когда Красная армия в ходе битвы под Москвой окончательно сорвала планы блицкрига, а Соединенные Штаты Америки в то же самое время вступили в войну, произошли существенные изменения в соотношении и расстановке сил на мировой арене. Были созданы предпосылки для объединения не только экономических, но и военных усилий СССР, США и Великобритании для борьбы с общим врагом. Помимо ленд-лиза, на первое место вставал вопрос о начале союзниками военных действий в Западной Европе, то есть об открытии второго фронта.

В мае 1942 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов посетил Лондон и Вашингтон. Итогом его переговоров с Черчиллем стало подписание советско-английского договора о союзе в войне против Германии в Европе, а также о сотрудничестве и взаимной помощи после нее. Однако в нем не оговаривались конкретные сроки открытия второго фронта. Американский же президент заявил Молотову, что его правительство надеется на создание такого фронта в текущем году, правда, сослался на трудности согласования этого вопроса с англичанами⁶. В подписанном в Вашингтоне коммюнике фиксировалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»⁷. Тем не менее в кругу своих приближенных Рузвельт не скрывал, что его

заверения относительно сроков начала военных действий в Западной Европе «имели целью лишь обнадежить советское правительство»⁸.

В ходе переговоров Молотова в Вашингтоне был согласован Второй протокол о ленд-лизе сроком на один год. Планировалось, что в СССР будет поставлено 8 млн тонн материалов. В весенних посланиях 1942 г. Сталину руководители США и Великобритании вновь заверили его о своем твердом намерении оказывать помощь «лучше, чем мы это делали до сих пор». Однако вскоре Рузвельт без объяснения причин сократил запланированный объем военно-экономических поставок до 2,5 млн тонн. А летом 1942 г., в чрезвычайно тяжелый для Красной армии период, когда немецкие войска рвались к Кавказу и Волге, союзники вообще прекратили отправку военных грузов по трассе северных конвоев. Они мотивировали это гибелью в Баренцевом море со 2 по 5 июля конвоя PQ-17. Из 35 его транспортов дошли до порта назначения лишь 11. В трюмах погибших кораблей остались 430 танков, 210 бомбардировщиков, 3350 автомашин и 99 316 тонн груза⁹. Поставки все-таки продолжились по другим маршрутам, но для этого требовалось несравненно больше времени.

Вновь посетив Лондон, Молотов согласовал с Черчиллем текст советско-английского коммюнике, в котором пункт об открытии второго фронта был приведен в той же редакции, что и в советско-американском. Правда, премьер-министр особо подчеркнул, что его правительство не связывает себя обязательствами по поводу конкретных сроков начала военных действий в Западной Европе. И уже через несколько дней он вручил советскому наркому меморандум, где отмечалось, что Великобритания не в состоянии открыть второй фронт в 1942 г. В нем лишь содержалось обязательство осуществить намеченное в следующем году и «в большем масштабе...»¹⁰.

В результате летом 1942 г., когда вермахт, развернув наступление, вновь овладел стратегической инициативой, Советский Союз, как и прежде, вынужден был рассчитывать только на собственные силы. Отразив удары врага, Красная армия перешла 19 ноября в контрнаступление под Сталинградом и разгромила ударные группировки противника. В итоге в ходе вооруженной борьбы произошел коренной перелом, который тем не менее не ускорил открытия второго фронта союзниками.

В начале следующего года Черчилль и Рузвельт, встретившись в Касабланке, приняли решение о сосредоточении своих группировок в Северной Африке с целью последующей высадки на юге Европы. В связи с этим сроки десантирования англо-американских войск на атлантиче-

ском побережье Франции вновь откладывались, на этот раз на 1944 г. Сталину ими была представлена расплывчатая информация о том, что ведется подготовка к открытию военных действий в Европе, которые начнутся «как только это будет осуществимо»¹¹. В ответ на просьбу советского руководителя уточнить намерения союзников Черчилль, предварительно согласовав текст своей телеграммы с Рузвельтом, сообщил об их совместном плане высадиться в первую очередь на Сицилии. А далее он писал: «Мы также энергично ведем приготовления до пределов наших ресурсов к операции форсирования Канала (Ла-Манша. — *Ред.*) в августе... Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»¹².

Черчилль и Рузвельт осознавали, что решение об очередном переносе сроков открытия второго фронта ставит их как союзников в крайне неловкое положение. В очередном послании Сталину британский премьер-министр отмечал, что вполне понимает его разочарование позицией английской и американской сторон. На это Сталин в своем ответе от 24 июня 1943 г. прямо указал, что речь «идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям»¹³.

У руководителя советского государства имелись все основания для недовольства действиями союзников: ведь они не только перенесли сроки открытия второго фронта, но и не полностью выполнили свои обязательства по Второму протоколу о ленд-лизе. Судя по американским данным, вместо 4,4 млн тонн различных материалов в Советский Союз было отправлено только 3 054 299 тонн, или около 69,5 проц.¹⁴ Из США поступило 3816 самолетов, 1206 танков, 62 292 автомата, 93 713 автомобилей, 10 200 мотоциклов, 59 240 тонн взрывчатых веществ, 749 890 тонн металла, 213 488 тонн нефтепродуктов, 997 783 тонны продовольствия, а также имущество связи, промышленное оборудование и изделия легкой промышленности¹⁵.

В ходе переговоров о заключении Третьего протокола посол в СССР У. Стэндли и ряд членов американской делегации требовали в качестве дополнительного условия подписания этого документа допуска своих военных атташе к закрытой советской военной и экономической информации. Серьезные разногласия возникли также при обсуждении номенклатуры и размеров поставок. Так, Советскому Союзу было отказано в предоставлении оборудования для заводов по изготовлению синтетического каучука, производству толуола, авиационных запчастей и ряда других

предприятий. Кроме того американская сторона отклонила заявки на поставку 22 тральщиков, 12 морских охотников, 20 морских буксиров и еще нескольких боевых судов. Подписание Третьего протокола состоялось только осенью 1943 г. Результаты выполнения Соединенными Штатами Америки своих обязательств по нему приведены в таблице 1.

Между тем летом 1943 г., после завершения Курской битвы, Красная армия окончательно овладела стратегической инициативой. 2 августа Комитет начальников штабов США подготовил документ о роли СССР в войне, в котором констатировал: «Россия занимает во Второй мировой войне доминирующее положение и является решающим фактором в предстоящем поражении стран оси в Европе. В то время как в Сицилии войскам Великобритании и Соединенных Штатов противостоят две немецкие дивизии, русский фронт приковывает примерно 200 немецких дивизий. Когда союзники откроют второй фронт на континенте, то он, безусловно, будет второстепенным по сравнению с русским фронтом; русский по-прежнему будет играть решающую роль. Без участия России в войне в Европе разгромить страны оси невозможно»¹⁶.

Со всей остротой вопрос об открытии второго фронта встал на первой встрече руководителей трех союзных держав — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, которая состоялась на конференции в Тегеране в ноябре 1943 г. В ходе дискуссий премьер-министр Великобритании настойчиво предлагал развернуть военные действия англо-американских войск не на территории Франции, а на Балканах. В ответ на это Сталин заявил, что планируемые Черчиллем акции — это не что иное, как «диверсии». Он настойчиво потребовал от союзников назвать конкретный срок высадки их сил в Западной Европе, чтобы одновременно «подготовить свой удар по немцам». По его мнению, за

счет этого можно было бы гарантировать полный успех крупной десантной операции союзников. Рузвельт, заинтересованный в участии СССР в последующем сокрушении Японии, все-таки принял точку зрения Сталина. В конечном итоге в решении Тегеранской конференции было отмечено, что операция, получившая впоследствии название «Оверлорд», будет осуществлена в мае 1944 г.

В начале 1944 г. начались переговоры по содержанию Четвертого протокола. Его предполагалось заключить на период с 1 июля 1944 г. по 30 июля 1945 г. По условиям протокола США должны были предоставить СССР 5,7 млн тонн различных поставок. Вашингтон обязался также удовлетворить дополнительные советские заявки на материалы, необходимые для ведения войны против Японии. Из общего количества материалов американцы должны были доставить по тихоокеанскому маршруту 2,7 млн тонн, а еще 3 млн тонн — через Атлантику. При выработке окончательных условий соглашения возникли новые разногласия. В итоге Четвертый протокол был подписан только 17 апреля 1945 г. Правда, и до того времени поставки осуществлялись в соответствии с его условиями (таблица 2).

Поставки по этому протоколу превысили все предшествовавшие. Самыми значительными оказались поступления автотранспорта. По различным данным, на 1 января 1945 г. импортные автомашины составляли от одной до двух третей всего автопарка Красной армии. На встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля, состоявшейся в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г., были согласованы действия по завершению войны в Европе, а также утверждены тексты двух соглашений: о зонах оккупации и об управлении Большим Берлином; о контрольном механизме для поверженной Германии. В подготовленный еще до конференции текст условий ее капитуляции было внесено соответствующее дополнение. Предусматривалось, что победители

Таблица 1. Поставки в СССР по Третьему протоколу

Наименование поставок	Единица измерения	СССР запрашивал	США предоставили	% от советской заявки
Самолеты	шт.	8160	3452	42,3
Танки	шт.	не запрашивал	3000	—
Радиоаппаратура	шт.	26 880	26 880	100
Локомотивы	шт.	3000	500	16,6
Жел.-дор. платформы	шт.	10 000	7000	70,0
Алюминий	т	80 640	35 700	44,2
Зерно	т	1 680 000	1 180 000	70,2
Сталь	т	84 9730	710 000	83,5

Таблица 2. Поставки в СССР по Четвертому протоколу

Наименование поставок	Ед. измерения	Всего запрашивалось СССР	Предоставлено США	% удовлетворения советских заявок
Самолеты	шт.	4190	3020	72,0
Танки	шт.	3173	3173	100
Автомобили	шт.	165 048	143 330	86,7
Арттягачи	шт.	5000	2200	44,0
Радиостанции	шт.	12 291	12 253	99,6
Паровозы	шт.	15 64	1585	101,5
Жел.-дор. платформы	шт.	14 549	12 244	84,1
Взрывчатые вещества	т	65 000	60 000	92,0
Сталь	т	951 486	860 421	90,4
Консервированное мясо	т	408 000	951 000	233,0

«примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности»¹⁷.

Однако по мере приближения полного разгрома Третьего рейха правительства Великобритании и Соединенных Штатов Америки все больше пересматривали свою политику в отношении СССР. Со стороны США она круто поменялась после того, как 12 апреля 1945 г. скончался Ф. Рузвельт и президентом страны стал Г. Трумэн. Заняв жесткую позицию, он заявил своим приближенным, что если русские не будут с ней соглашаться, то «они могут идти к черту»¹⁸. Вместе с тем в Вашингтоне и Лондоне вынуждены были считаться с реальным положением дел в Европе. Кроме того, Соединенные Штаты крайне нуждались в участии Советского Союза в войне против Японии. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин продолжения американских поставок своему союзнику по антигитлеровской коалиции. За период с 13 мая по сентябрь 1945 г. США отправили в СССР еще 1 541 699 тонн различных грузов на сумму 3 млрд 14 млн 936 тыс. долларов¹⁹. Причем около 87,5 проц. этих поставок следовали в его дальневосточные порты, в том числе 37 160 тонн

нефтепродуктов, 235 607 тонн продовольствия, а также 245 самолетов, 56 танков, 12 тыс. грузовиков и другие материалы²⁰.

Значение американо-английской помощи для победы СССР в Великой Отечественной войне можно объективно оценить, если сравнить количество основных видов военной продукции, произведенной в Советском Союзе, с аналогичной той, что была получена из США и Великобритании (таблица 3).

Как видно из таблицы, союзные поставки составляли небольшой процент от общего количества основных видов военной продукции, выпущенной советской промышленностью. Удельный вес других видов импортного вооружения был еще меньше. Например, зенитные орудия составляли 2%, пистолеты — 0,8%, снаряды — 0,6%, мины — 0,1% от общего количества, произведенного в СССР²².

Довольно существенными по размерам и ценными по своему значению были поставки промышленного оборудования и стратегического сырья. За годы войны Советский Союз получил 44,6 тыс. металлорежущих станков, 517,5 тыс. тонн цветных металлов, 802 тыс. тонн проката черных металлов, 2 800 тыс. тонн стали,

Таблица 3. Советское производство вооружения и военной техники и аналогичная продукция, полученная от союзников с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г.²¹

Наименование военной продукции	Произведено в СССР, тыс. ед.	Получено от США и Великобритании, тыс. ед.	% к советскому производству
Самолеты	136,8	18,7	13,6
Танки и САУ	102,8	11,5	11,1
Орудия всех видов и калибров	482,2	9,6	1,9
Автоматы	6173,9	103,7	1,6

2 599,9 тыс. тонн нефтепродуктов²³. Заметными оказались ленд-лизские поставки различных автомобилей. По американским данным, они составили 401,4 тыс. единиц.

В военно-экономической помощи СССР со стороны западных союзников важное место занимали продовольственные поставки. За время войны он получил более 2 млн тонн продовольствия, а конкретно от США – 55,7 тыс. тонн зерна, 638,7 тыс. тонн пшеничной муки, 672,4 тыс. тонн сахара, 717,6 тыс. тонн консервированного мяса и другие продукты²⁴. В пересчете на зерно среднегодовой импорт крупы и зерна составил 0,5 млн тонн, или 2,8 проц. среднегодовой заготовки зерна в СССР.

Какое же место занимали поставки по ленд-лизу в экономике Советского Союза? Какова роль вооружений и других средств ведения войны, присланных союзниками, в достижении победы над врагом? Эти вопросы возникали и в годы войны, и в первые послевоенные десятилетия. На Ялтинской конференции И. В. Сталин подчеркивал, что «ленд-лиз — это замечательное изобретение, без которого победа была бы иной»²⁵. В июле 1945 г. в письме Г. Трумэну советский руководитель отмечал, что «соглашение, на основе которого Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии»²⁶.

В годы войны и вскоре после ее окончания реальную оценку экономической помощи союзников СССР давали многие политические деятели США, среди них и государственный секретарь Э. Стеттиниус. Он отмечал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это — миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями»²⁷.

Однако «холодная война» наложила свой отпечаток на освещение роли ленд-лиза как в Советском Союзе, так и за его пределами. В 1960–1980-е годы XX века многие западные историки придерживались версии, в соответствии с которой именно ленд-лиз сыграл решающую роль в победе СССР над Германией. Так, профессор М. Галлахер отмечал: «Отклик западных держав на положение, создавшееся в России, был быстрым и благородным, а материальный и военный вклад Запада в дело завоевания окончательной победы был очень велик. Союзники оказали материальную помощь в такое время и при таких условиях, когда

им приходилось приносить ущерб собственным военным усилиям»²⁸. Американский профессор Харвей писал: «Ленд-лиз — самый бескорыстный акт США к Советскому Союзу, который использовал ленд-лиз для победы и индустриального развития в послевоенный период»²⁹. В книге «Дорога в Россию» ее автор Р. Джонс настойчиво проводит мысль, что СССР проиграл бы войну без ленд-лиза. С ним согласен и профессор Эрикссон, написавший предисловие к этой книге³⁰.

Немецкий адмирал, автор известной работы «Вторая мировая война 1939–1940. Борьба на море» Ф. Руге отмечал, что именно ленд-лиз стал основой для восстановления советской боевой мощи в 1944–1945 гг. По его мнению, «полученное морским путем вооружение и снаряжение, в частности полмиллиона грузовиков, позволило русским дополнительно сформировать 60 дивизий и придать им мобильность. В результате они получили не только численное, но и материальное превосходство на важнейших участках фронта. Таким образом, англо-американское морское могущество сыграло решающую роль и в наземных операциях в Восточной Европе»³¹. Руге полагал, что именно благодаря поставкам зарубежной военной техники советские войска смогли провести успешные наступательные операции в 1944–1945 гг.

С ним согласен и другой немецкий историк — Х. Шойфлер, который в книге «Разгром вермахта между Одером и Вислой» объясняет успехи советской авиации тем, что она была оснащена американскими самолетами. Попытки объяснить успехи советских войск исключительно поставками американского и английского оружия продолжают и в настоящее время. В противоположность этому советские историки утверждали, что поставки по ленд-лизу вооружения и различных военных материалов сыграли известную, но не решающую роль в обеспечении Вооруженных сил СССР, так как составили не более 4 проц. по отношению к продукции отечественной промышленности и сельского хозяйства³². Чтобы объективно оценить роль ленд-лиза для Советского Союза, необходимо принимать во внимание не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность доставки на фронт, их значимость и т.п. А уж тем более недопустимо по одной и той же шкале ценностей измерять поставки военных материалов, какую бы острую нужду в них ни испытывал СССР, и принесенные советским народом жертвы ради победы над общим врагом.

Так, если общий объем поставок и составлял 4% валового продукта народного хозяйства Советского Союза, то по отдельным видам вооружений и оборудования, порой весьма ценного, он был

намного выше. Так, в годы войны авиационная промышленность выпустила 136,8 тыс. самолетов всех типов, а по ленд-лизу поступило 18,7 тыс. самолетов, то есть 13,6 проц. всего самолетного парка. Бомбардировщики союзников составили 20 проц., истребители — от 16 до 23 проц., самолеты морской авиации — около 29 проц. Причем по своим лётно-техническим характеристикам большинство этих самолетов не уступало аналогичным типам люфтваффе, а то и превосходило их³³.

Английские и американские танки составили 11,1 проц. от выпуска советских танковых заводов. И хотя по своим боевым качествам даже лучшие из них (например, М4-А2 «Шерман») уступали таким боевым машинам, как Т-34, КВ, ИС, уже их первые партии, прибывшие в конце 1941 г. (501 единица), сыграли немалую роль³⁴. То было время, когда каждый танк был на специальном учете. Важными для народного хозяйства страны и Красной армии стали поставки автомобилей, которые придали ей необходимую мобильность в наступательных операциях второй половины войны.

Существенную помощь получил и советский Военно-морской флот — 596 боевых кораблей и судов, или 22,3 проц. от общего количества, произведенного тогда отечественной промышленностью. Среди них 28 сторожевых кораблей (фрегатов), 89 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 202 торпедных катера, 60 малых охотников (сторожевых катеров), 106 десантных судов и барж, 33 вспомогательных судна и баржи³⁵. Кроме того, в 1944 г. в счет репараций с Италии Великобритания передала ВМФ СССР 1 линкор, 9 эсминцев, 4 подводные лодки, а США — 1 крейсер.

Следует учесть, что такие виды поступившей по ленд-лизу военной техники и оборудования, как десантные суда, неконтактные тралы, некоторые образцы радиолокационных станций, гидроакустической аппаратуры, дизельных генераторов, аварийно-спасательной техники, в Советском Союзе вообще не производились. Начиная с 1942 г., постройка торпедных катеров и малых охотников, которые главным образом и выпускала судостроительная промышленность, осуществлялась с помощью импортного оборудования, например, двигателей американской фирмы «Паккард»³⁶.

Немалое значение для Красной армии имели поставляемые союзниками мотоциклы, средства радио- и телефонной связи, автоматическое оружие и противотанковые ружья, боеприпасы, взрывчатые вещества, металлические сборно-разборные плиты для аэродромов и многое другое. Так, до 1944 г. СССР получил от США 189 тыс. полевых телефонов и свыше 670 тыс. миль кабеля, которого хватило бы, чтобы обернуть Земной шар 27 раз³⁷.

Наращивание мощностей военной промышленности и обеспечивавших ее отраслей неизбежно вело к развитию энергетики, черной и цветной металлургии, химической промышленности, транспорта и других отраслей советской экономики. В связи с этим необходимы были и соответствующие станки, технологическое оборудование, приборы, которые, если и производились, то в недостаточном объеме. Постепенно они начали преобладать в ленд-лизовских поставках. Пожалуй, трудно найти отрасль военного и народнохозяйственного предназначения, где бы в той или иной степени не использовались импортные материалы и оборудование.

Важное место в поставках занимали остродефицитное сырье и материалы для производства оружия и военной техники. Например, рассматривая в конце декабря 1941 г. итоги деятельности Наркомата авиационной промышленности, Государственный Комитет Обороны потребовал принять срочные меры для увеличения выпуска авиационной техники. Наряду с разбронированием 50 проц. материалов и металлов из мобилизационных запасов, он обязал Наркомат внешней торговли закупить в первом полугодии 1942 г. для предприятий авиапрома специальную сталь и прокат из нее, алюминий и изделия из него, 2 960 тыс. метров авиатроса, 1994 тыс. метров различных трубок, 20 тыс. метров латунной сетки, 580 тыс. метров резиновых шлангов и другие материалы, необходимые для производства боевых самолетов³⁸.

СССР планировал до 1 января 1942 г. приобрести у Соединенных Штатов 10 тыс. комплектов электрооборудования для автомоторов фирмы «Додж» и 100 тыс. электросвечей для производства танков, а к 1 февраля — 2 тыс. дизельных двигателей в комплекте с главным фрикционом, вентилятором, компрессором, стартером и генератором³⁹. В феврале и марте того же года для наращивания выпуска танков Т-34 были поданы заявки на поставки большого количества станков, оборудования, сырья и материалов, а также специального инструмента⁴⁰.

Особенно тяжелое положение сложилось в начале войны с производством артиллерийских снарядов и патронов к стрелковому оружию. Уже с конца 1941 г. из-за рубежа начали поступать основные компоненты для взрывчатых веществ и порохов, а также оборудование, которое обеспечивало производство 10 млн 7,62-мм патронов в сутки. Были также получены 500 станков для производства различных типов артиллерийских боеприпасов⁴¹.

Значительными были поставки различных видов пороха. Однако из-за его высокой калорийности в орудийных и оружейных стволах об-

разовывался нагар. Советские специалисты предложили смешивать импортный и отечественный порох и только затем снаряжать им снаряды и патроны. Большое количество зарубежных материалов шло на развитие автомобильной и химической промышленности, приборостроения, радио- и телефонного производства. Они также широко применялись в военном судостроении, для расширения и восстановления морских и речных портов.

Наращивание собственного производства оружия и военной техники с использованием сырья и материалов, станков и оборудования, поступавших по ленд-лизу, имело, пожалуй, большее значение (и это отмечалось еще в годы войны), чем готовые американская и английская техника и оружие. Важную роль играл и обмен военно-технической информацией. При Государственном Комитете Обороны была создана постоянная комиссия для руководства этой работой. В обязанности ее членов входили подготовка через соответствующие народные комиссариаты и другие ведомства запросов к США и Великобритании по военно-технической информации. Такого же рода информация предоставлялась со стороны СССР союзникам⁴².

Как справедливо отмечали советские специалисты, поставки современных образцов военной техники, оружия и оборудования уже сами по себе являлись передачей военно-технической информации. Новейшая техническая документация поступала из-за рубежа в виде различных отчетов, докладов, описаний, инструкций, наставлений, бюллетеней, каталогов, чертежей и технических ордеров. Так, до конца 1945 г. Советский Союз получил из США 11 313 различных инструкций по авиационной технике. Они передавались в заинтересованные организации для ознакомления и внедрения в производство⁴³.

До сих пор малоизвестной стороной ленд-лиза остается его значимость для железнодорожного транспорта СССР. Союзники поставили 1981 паровоз и 11 156 железнодорожных вагонов различного назначения, в то время как в Советском Союзе за годы войны было построено 92 паровоза и более 1 тыс. грузовых вагонов⁴⁴.

Большое количество поступавших из-за рубежа оборудования и материалов направлялось на развитие добывающих отраслей производства, для цветной и специальной металлургии. Они использовались на свинцово-никелевых, оловянных, вольфрамовых, цинковых и других рудниках⁴⁵.

С началом освобождения территории СССР в заявках на поставку товаров по ленд-лизу начали преобладать оборудование и остродефицитные материалы, направляемые затем на восстановление угольных шахт, нефтепромыслов, электро-

станций, предприятий черной и цветной металлургии. Вместе с реэвакуацией оборудования из восточных районов соответствующие станки и материалы завозились из-за рубежа⁴⁶.

После окончания Второй мировой войны начались переговоры между Советским Союзом и США об урегулировании расчетов по ленд-лизу. Первоначально американская администрация оценила свои претензии в 2,6 млрд долларов, хотя Великобритания, получившая в два раза большую помощь, должна была выплатить лишь 472 млн долларов, то есть около 2 проц. стоимости военных поставок. Позже американская сторона снизила сумму претензий к СССР до 1,3 млрд долларов.

Соглашение по вопросу о расчетах по ленд-лизу было достигнуто лишь 18 октября 1972 г. Советский Союз должен был выплатить 722 млн долларов при условии предоставления ему американской стороной режима наибольшего благоприятствования в торговле, а также экспортных кредитов и гарантий. Однако это условие Соединенными Штатами не было выполнено, и реализация соглашения осталась незавершенной.

По признанию американцев, ленд-лиз приносил немалые выгоды самим США. «Поставками из СССР, — отмечал бывший министр торговли Дж. Джонс, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»⁴⁷. По сути, ленд-лиз стал источником обогащения монополий. Дж. Херринг в своей книге, посвященной помощи Советскому Союзу в годы войны, писал: «Ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»⁴⁸.

Выгоды, очевидно, были немалые. И не только от ленд-лиза. Ведь единственной страной антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от Второй мировой войны, были США. Недаром там ее часто называют «хорошей войной». И, видимо, не случайно Т. Стадс, автор труда «Хорошая война: Устная история Второй мировой войны», по этому поводу замечает: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Это было чертовски хорошее время»⁴⁹.

Была и еще одна сторона ленд-лизовской программы, привлекательная для США. На это обратил внимание в своих мемуарах экс-президент

Соединенных Штатов Г. Трумэн: «Деньги, истраченные по ленд-лизу, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей молодежи»⁵⁰.

Следует все же подчеркнуть, что, помимо двухсторонней материальной выгоды, ленд-лиз способствовал сближению народов, воевавших против общего врага. В своей книге «Курсом к победе» бывший нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов писал: «Команды английских или американских транспортов... являлись нашими искренними союзниками в борьбе с фашизмом... Им, нашим добрым друзьям, простым и отважным морякам, хочется отдать должное и сейчас»⁵¹.

Нужно отметить, что в свою очередь и Советский Союз по мере сил помогал своим партнерам по антигитлеровской коалиции. США получили из СССР важное для них стратегическое сырье: 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота и т.д. на общую сумму 2,2 млн долларов⁵².

Очень емко о роли ленд-лиза высказался член Государственного Комитета Обороны, нарком внешней торговли СССР военных лет А. И. Микоян: «Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, оцениваю очень высоко. Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы... Представьте, например, армию, оснащенную всем необходи-

мым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу. Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, с учетом потерь в пути около 400 тыс. первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые виллисы и амфибии. Вся наша армия оказалась фактически на колесах и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления. Да, без ленд-лиза мы бы наверняка еще год — полтора лишних провоевали»⁵³.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод: да, помощь по ленд-лизу во многом способствовала победе СССР в войне. Да, она была существенной, но не решающей. Потому что никакие поставки материальных средств нельзя сравнить с теми жертвами, которые понес советский народ, добывая общую для всех победу.

Реально оценивая роль экономической помощи союзников СССР, представитель президента США Г. Гопкинс во время встречи с И. В. Сталиным 26 мая 1945 г. сказал: «Нам известно, что американские поставки были использованы в борьбе против общего врага. Но мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии. Этого добились воины Красной армии, которые отдавали свою жизнь и кровь в борьбе с общим врагом»⁵⁴.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. Кн. 2. М., 1991. С. 160.

² Morgenthau H. In Defense of the National Interest. New York, 1952. P. 165.

³ Цит. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. Пер. с англ. В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 526–528.

⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1983. С. 140–146.

⁵ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 439.

⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 192.

⁷ Там же. С. 203.

⁸ Цит. по: Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941–1942 гг. Пер. с англ. М., 1955. С. 271.

⁹ Кузнецов Н. Г. Предисловие // Ирвинг Д. Разгром конвоя PQ-17. Пер. с англ. М., 1971. С. 5.

¹⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 248.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. М., 1989. С. 103.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Там же. С. 163.

¹⁴ Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. Oklachoma, 1969. P. 273.

¹⁵ Ibid. P. 138, 273.

¹⁶ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Washington, 1970. P. 624–625.

¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1979. С. 277.

- 18 Foreign Relations of the United States. 1945. Vol. 5. Washington, 1967. P. 253.
- 19 Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. P. 275
- 20 Coakley R., Leighon R. Global Logistics and Strategy. 1943–1945. Washington, 1968. P. 483; Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. P. 275
- 21 Составлена по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. М., 1965. С. 48; История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 12. М., 1982. С. 168.
- 22 Куманев Г. А., Чузавков Л. М. США и Англия: Военно-экономическое сотрудничество в годы второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 40.
- 23 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. С. 48, 62.
- 24 Jones R. The Road to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. P. 290.
- 25 Цит. по: Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 360.
- 26 Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. Т. 2. М., 1984. С. 388–389.
- 27 Stettinius E. Lend-Lease: Weapon for Victory. New York, 1944. P. 228–229.
- 28 Цит. по: Левашко В. О. Антигитлеровская коалиция: ленд-лиз и его современные оценки // Материалы международной конференции. 18 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 69.
- 29 Там же.
- 30 Жилин П. А. Проблемы военной истории. М., 1975. С. 316–317.
- 31 Руге Ф. Война на море 1939–1945 гг. М., 1957. С. 284.
- 32 Великая Отечественная война: Вопросы и ответы. М., 1984. С. 417.
- 33 Авиационный ленд-лиз // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 27.
- 34 История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. С. 541.
- 35 Подсчитано по: Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР, 1928–1945: Справочник. М., 1988; Аммон Г. А. Надводные силы ВМФ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1982. С. 125.
- 36 Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 9. Д. 553. Л. 27.
- 37 Северные конвои 1941–1945 гг. Архангельск, 1991. С. 53.
- 38 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–31.
- 39 Там же. Д. 14. Л. 97; Д. 16. Л. 32.
- 40 Там же. Д. 20. Л. 174; Д. 23. Л. 148.
- 41 Там же. Д. 18. Л. 4; Д. 23. Л. 99.
- 42 Там же. Д. 65. Л. 1.
- 43 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 555. Л. 66, 67.
- 44 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 174; Д. 23. Л. 148.
- 45 Там же. Д. 34. Л. 86–87; Д. 74. Л. 167–173; Д. 88. Л. 15; Д. 97. Л. 29.
- 46 Там же. Д. 29. Л. 165–166; Д. 91. Л. 101; Д. 95. Л. 116.
- 47 Цит. по: Jones R. My Twenty One Billion Dollars. New York, 1959. P. 100.
- 48 Herring J. Aid to Russia 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. New York; London. 1973. P. 293.
- 49 Studs T. The Good War: An Oral History of World Two. New York, 1985. P. 34.
- 50 Цит. по: Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. М., 1986. С. 99.
- 51 Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1975. С. 236.
- 52 О прошлом во имя будущего. М., 1985. С. 67; История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 539–540.
- 53 Цит. по: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства: Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 38.
- 54 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. С. 438.

Кто внес решающий вклад в победу прогрессивных сил во Второй мировой войне?

В. В. Абатуров*

На Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., во время приема по поводу дня рождения премьер-министра У. Черчилля начальник имперского генерального штаба генерал А. Брук заявил, что в продолжавшейся войне наибольшие жертвы выпали на долю народа Англии. Он мотивировал это тем, что его страна сражается дольше других и, следовательно, больше делает для общей победы. После его слов в зале наступила неловкая тишина. Ведь всем присутствовавшим было хорошо известно, что к тому времени Красная армия в ожесточенных сражениях против основной массы германских войск ценой огромных усилий и жертв не только остановила агрессора, но и нанесла ему сокрушительные удары под Сталинградом, Курском, на Днепре, в итоге овладев стратегической инициативой.

Затянувшееся молчание прервал И. В. Сталин, который разъяснил А. Бруку, что в СССР судят о вкладе в разгром общего врага не по речам, а по конкретным делам¹. Тем самым глава советского правительства дал понять, что ход Второй мировой войны зависит прежде всего от результатов вооруженного противоборства на советско-германском фронте.

В те годы мало кто отрицал ведущую роль СССР в разгроме Германии, а также ее союзников в Европе и Азии. Подобные оценки звучали с нарастающей силой по мере каждой новой победы Красной армии. Не являлось исключением и руководство США, которое объективно оценивало значение советско-германского фронта и неоднократно подчеркивало это в своих публичных выступлениях. Уже в первом официальном заявлении правительства Соединенных

Штатов от 23 июня 1941 г. по поводу нападения Германии на СССР отмечалось: «Гитлеровские армии представляют сегодня главную опасность для Америки»². 2 августа в его же ноте подчеркивалось, что «укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»³. 7 ноября президент Ф. Рузвельт писал: «Оборона Союза Советских Социалистических Республик является жизненно важной для Соединенных Штатов»⁴. В мае 1942 г. он же говорил: «Русские уничтожают больше солдат противника и больше вооружений и снаряжения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые»⁵.

Развивая эту мысль, государственный секретарь США Э. Стеттиниус констатировал: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели... Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы также в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке»⁶. В тон этому заявлению высказался и начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. «Без успешных действий Красной Армии, — отмечал он, — американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессии, и война была бы перенесена на американский континент»⁷. А губернатор штата Нью-Гемпшир Блуд 23 июня 1943 г. заявил: «Американский народ находится в таком долгу перед народами Советского Союза, который нельзя выразить словами признательности или оплатить деньгами»⁸.

* Абатуров Валерий Викторович — к. и. н., с. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

В феврале 1944 г. генерал Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, в поздравлении по случаю 26-й годовщины Красной армии признавал: «Солдаты русской армии приняли на себя всю мощь ударов нацистской военной машины и остановили ее». 6 января 1945 г. Ф. Рузвельт в послании Конгрессу писал: «Мы не можем забыть героическую оборону Москвы, Ленинграда и Сталинграда и гигантский размах русских наступательных операций в 1943–1944 годах, в результате которых были уничтожены огромные германские армии». В мае того же года новый президент США Г. Трумэн отмечал: «Мы глубоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы»⁹.

Уже после окончания войны английский фельдмаршал Б. Монтгомери писал в своих мемуарах: «Россия совершила великий военный подвиг.. Пока Англия и Америка собирали силы, германские армии жгли, грабили и убивали на русских землях, оставляя за собой страшные разрушения и неисчислимые человеческие жертвы... Россия в тяжелом единоборстве почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла. Мы, англичане, никогда не забудем подвига России»¹⁰.

Вместе с тем тогда же появились и совсем иные оценки, степень объективности которых неуклонно снижалась по мере нарастания противоречий между двумя социальными системами. Американскому обществу все больше внушалась мысль о том, что главным фактором, определившим исход Второй мировой войны, стал огромный экономический и военный потенциал США. Именно они были страной, оплачивавшей борьбу союзников, и, являясь «арсеналом демократии», спасли мир от фашизма.

В подавляющем большинстве послевоенных изданий, предлагаемых американскими историками, борьба СССР против Германии и ее союзников трактовалась как явление локальное по своему характеру, не оказывавшее определяющего влияния на общий ход Второй мировой войны. Значение героического сопротивления советского народа они сводили к тому, что оно якобы лишь предоставило западным державам временную передышку, открыло широкие перспективы для англо-американской стратегии. Лейтмотивом их трудов стало утверждение, что роль Советского Союза в войне заключалась лишь в обеспечении выигрыша времени, необходимого для развертывания огромной военной машины Соединенных Штатов.

Но попытки принизить роль СССР и его Вооруженных сил в разгроме агрессора противоречат исторической истине. Как известно, в ма-

е-июне 1941 г. военно-стратегическое положение в мире складывалось так, что Гитлер, казалось, был недалек от осуществления своих завоевательных планов. Дело в том, что к тому времени, по существу, не оставалось силы, способной остановить вермахт. Ведь с 1 сентября 1939 г. по июнь 1941 г. он захватил одну за другой большинство стран Европы: была разгромлена Польша, пала Дания, оккупированы Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург и большая часть Франции, вооруженные силы которой оказывали сопротивление всего полтора месяца. Лишь поспешная эвакуация на Британские острова спасла от разгрома английскую экспедиционную армию.

В Берлине были настолько уверены в успешном осуществлении плана «Барбаросса», что весной 1941 г., еще до начала его реализации, приступили к детальной разработке последующих операций. «После окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию», — отмечалось в служебном дневнике главного командования вермахта. Эти операции намечалось провести в конце 1941 г. — начале 1942 г. Замысел их был изложен в директиве № 32 под названием «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса», направленной в сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы 11 июня 1941 г.»¹¹

В соответствии с ней после разгрома советских Вооруженных сил предусматривалось осуществить вторжение на Британские острова, после чего приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Гитлер и его генералитет рассчитывали, оккупировав Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар и отрезать Англию от ее колониальных владений.

Этим завоевательные планы фюрера не ограничивались. Он намеревался в союзе с Японией «устранить влияние англосаксов в Северной Америке»¹². Но следует подчеркнуть, что реализация столь далеко идущих замыслов напрямую увязывалась с молниеносным разгромом СССР. Оценки немецких стратегов носили категорический характер: большевики потерпят неминуемое поражение. Так, генерал Г. Блюментрит в своих заметках, подготовленных к совещанию высшего руководства сухопутных войск 9 мая 1941 г., писал: «...нам предстоят упорные бои в течение 8–14 дней, а затем успех не заставит себя ждать, и мы победим»¹³.

После нападения Германии на Советский Союз в политических и военных кругах Запада прогнозы были однозначны: сокрушившему Европу вермахту предсказывался несомненный успех.

Однако вопреки этому уже в ходе летне-осенней кампании 1941 г. план «молниеносной войны» потерпел крах. В тяжелейших оборонительных сражениях Вооруженные силы СССР остановили агрессора. Цель, определенная руководством Германии накануне вторжения и уточнявшаяся последующими оперативными директивами, не была достигнута. Вермахту так и не удалось уничтожить основные силы Красной армии западнее Днепра и Западной Двины, захватить Москву и Ленинград, выйти на линию Архангельск, Астрахань. По этому поводу французский профессор М. Дюверже в книге «Другая сторона событий» писал: «Вступление в войну Советского Союза означало, что нацизм встретил противника, который мог помериться с ним силой. Это еще не было концом ночи. Но возникла уверенность, что ночь скоро исчезнет. Это был первый луч света, который зажег фантастические надежды. Вступление в войну СССР открыло перспективу победы, возможности которой раньше не существовало»¹⁴.

Однако эту точку зрения ныне не разделяют многие западные авторы. Подробно описывая первые успехи вермахта, они пишут только о «паническом отступлении» Красной армии, умалчивая о непрерывном нарастании силы ее сопротивления. Подобные измышления опровергаются немецкими документами. Уже 29 июня 1941 г., то есть через семь дней после начала войны, штаб группы армий «Центр» вынужден был констатировать: «Если на западе и в польской кампании окруженные силы противника с окончанием боев в основном почти добровольно сдавались в плен на 100 процентов, здесь это будет происходить совершенно иначе»¹⁵. В тот же день начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека»¹⁶.

Уже в конце 1941 г. в ходе контрнаступления под Москвой советские войска достигли первого стратегического успеха, разгромив 38 дивизий врага, в том числе 15 танковых и моторизованных. После триумфальных побед на западе в течение двух предыдущих лет вермахт потерпел первое крупное поражение. По немецким данным, только группа армий «Центр» с 22 июня 1941 г. до начала апреля 1942 г. потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 796 тыс. солдат и офицеров¹⁷. В целом потери сухопутных войск Германии на восточном фронте за то же время составили свыше 1,5 млн человек. Это в пять раз больше, чем в ходе военных действий в Польше, Северо-Западной и Западной Европе, а также на Балканах.

Летом и осенью 1942 г. центром военно-политических событий Второй мировой войны стала Сталинградская битва. Напряжение вооружен-

ного противоборства достигло здесь наивысшего предела. Но, как и в 1941 г., главная цель агрессора — разгромить Красную армию, захватить важнейшие военно-экономические центры СССР и вывести его из войны — достигнута не была. Отразив удары врага, советские Вооруженные силы остановили его на Волге и подготовили условия для перехода в контрнаступление.

Мощными ударами фронты юго-западного направления сначала окружили, а затем и уничтожили в районе Сталинграда одну из самых боеспособных группировок противника на восточном фронте. За время битвы он потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 млн человек. Эта катастрофа, по признанию самих немецких офицеров, «затмила все военные трагедии прошлого». Главным политическим и военным итогом битвы на Волге стало изменение соотношения сил в пользу Красной армии и снижение боевой мощи вермахта, что подорвало международный престиж Третьего рейха, обострило его отношения с союзниками.

Однако в послевоенной западной историографии преобладали утверждения, что, если бы не поддержка со стороны вооруженных сил США, Красная армия не одержала бы победу на Волге. Так, германский исследователь Г. Шрётер в книге «Вторая мировая война» пишет, что командование вермахта не смогло достичь своих целей на востоке в 1942 г. из-за необходимости держать «в бездействии громадные армии на западе», чтобы отразить ожидавшуюся высадку англо-американских экспедиционных сил. Американский историк Дж. Стоксбери утверждает, что русские преднамеренно спланировали контрнаступление под Сталинградом на ноябрь 1942 г., когда «союзное вторжение в Северную Африку... сковало германские резервы в Западной Европе». Его соотечественник У. Крейг приписывает перспективе вторжения войск США и Великобритании во Францию еще более активную роль. Он пишет о будто бы начавшейся в период Сталинградской битвы «перекачке» немецких дивизий с восточного фронта на западный, в частности, о переброске из России во Францию дивизии «Великая Германия», ссылаясь при этом на военный дневник Ф. Гальдера¹⁸.

Но все эти высказывания далеки от истины. Во-первых, перед началом Сталинградской битвы численность группировки вермахта на территории Франции составляла 520 тыс. человек, а на восточном фронте — 2 997 тыс., то есть почти в шесть раз больше. Во-вторых, в период Сталинградской битвы «перекачка» немецких соединений осуществлялась не с востока на запад, а наоборот. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Франции и других стран Западной Европы на восточный фронт было направлено для воспол-

нения потерь вермахта 35 новых дивизий. Что касается утверждения Крейга о переброске на запад дивизии «Великая Германия», то это его вымысел. В дневнике Гальдера, на которого он ссылается, указано о том, что данная дивизия действовала на сталинградском направлении¹⁹. Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Согласно им дивизия «Великая Германия» находилась на восточном фронте с мая 1942 г. и до конца войны²⁰.

Стремясь принизить значение Сталинградской битвы, некоторые западные авторы ставят ее в один ряд со значительно меньшими по масштабам операциями, проведенными вооруженными силами США и Великобритании в 1942–1943 гг. Так, американские историки Э. Зимке и Дж. Шентон писали, что победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 г. явилась «вторым Сталинградом», что противник потерпел «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»²¹.

Но ни по составу противоборствовавших сил, ни по своей значимости для хода всей войны в целом ни одна из операций англо-американских войск в 1942–1943 гг. не может быть приравнена к Сталинградской битве. Например, в сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.) участвовало 80 тыс. немецких войск, а под Сталинградом — свыше 1 млн. Под Эль-Аламейном немецкие и итальянские войска потеряли 55 тыс. человек и более 300 танков, тогда как под Сталинградом только с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. потери вермахта составили 800 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий. Результаты боевых действий на берегах Волги оказали влияние на обстановку на всех театрах Второй мировой войны, в то время как наступление в районе Эль-Аламейна носило локальный характер.

Совершенно не обоснованы и попытки приравнять к Сталинградской битве высадку союзников в Северной Африке и их последующие боевые действия, завершившиеся пленением итало-немецкой группировки в Тунисе в мае 1943 г. Западные историки умышленно умалчивали, что 80 проц. вооруженных сил Германии действовало в то время на восточном фронте, а в Северной Африке — лишь 1,5 проц. Французский историк М. Мурэн справедливо отмечал, что в период наступательных операций западных союзников в Северной Африке «верховное главнокомандование вермахта думало в первую очередь о восточном фронте», потому что «судьба вермахта решалась под Сталинградом». Оно не имело возможности усилить свои войска в Северной Африке, без чего те не только не могли нанести ни одного контрудара, но и удержать свои позиции. В марте 1943 г. ко-

мандующий экспедиционными войсками фельдмаршал Э. Роммель был отозван в Германию, так как «Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один его фельдмаршал»²².

К началу лета 1943 г. группировка вермахта на восточном фронте вместе с его финскими и румынскими союзниками насчитывала более 5,3 млн человек, свыше 54 тыс. орудий и минометов, 5850 танков и штурмовых орудий, около 3 тыс. боевых самолетов. Общее же соотношение сил изменилось в пользу Красной армии: противник уступал ей по количеству людей в 1,2 раза, по артиллерии — в 1,9, по танкам и штурмовым орудиям (САУ) — в 1,7 раза, а по боевым самолетам — в 3,4 раза. Это позволяло советскому командованию массировать силы и средства на избранных направлениях.

Курская битва явилась главным событием летне-осенней кампании 1943 г. Ее важнейшим итогом стало крушение наступательной стратегии вермахта. Немецкие войска потеряли 30 дивизий, в том числе 7 танковых, свыше 500 тыс. солдат и офицеров, 1500 танков, 3 тыс. орудий. С того времени противнику пришлось перейти к стратегической обороне. В ходе последующих наступательных операций советские войска завершили освобождение Северного Кавказа, изгнали врага из Донбасса и Левобережной Украины, форсировали Днепр. В целом в летне-осенней кампании 1943 г. был завершён коренной перелом не только в Великой Отечественной, но и Второй мировой войнах в пользу антигитлеровской коалиции. В военно-политическом отношении главным ее содержанием были необратимые изменения в соотношении сил и общей военной обстановке.

Ход и итоги грандиозных битв и операций летне-осенней кампании 1943 г. на советско-германском фронте оказали непосредственное влияние на обстановку на Средиземноморском ТВД. Сосредоточив главные силы вермахта (195 из 296 дивизий) на восточном фронте, германское руководство было лишено возможности оказать действенную помощь своему главному европейскому союзнику — Италии. Сицилийская десантная операция англо-американских войск, следовавшая за ней их высадка на Апеннинском полуострове, наконец, падение режима Б. Муссолини в Италии и выход ее из войны (8 сентября 1943 г.) изменили политическую и военную обстановку на юге Европы, но не в войне в целом.

Не смогло предопределить перелом в войне и морское сражение у острова Мидуэй в июне 1942 г., на чем настаивают зарубежные историки, в первую очередь американские. Оно расценивается ими как важнейшее событие, ставшее катастрофой для Японии, так как заставило ее отказаться от наступательной стратегии. Однако для подоб-

ных выводов нет достаточных оснований. Урон, нанесенный в этом сражении японским военно-морским силам (четыре авианосца и тяжелый крейсер), оказался не столь весомым. А достигнутые американцами результаты заметно не отразились на общем ходе Второй мировой войны.

Нельзя считать одним из «поворотных пунктов» войны, как это предлагают некоторые западные авторы, и высадку усиленной дивизии американской морской пехоты на остров Гуадалканал в августе 1942 г. Эта десантная операция преследовала цель воспрепятствовать японским вооруженным силам, которые контролировали тогда общую обстановку в юго-западной части Тихого океана, дальнейшее продвижение в сторону Австралии. Бои за Гуадалканал велись с переменным успехом вплоть до начала февраля 1943 г. Гарнизон острова численностью до 11 тыс. человек беспрепятственно покинул его только тогда, когда японское командование сочло нецелесообразным продолжать наступление в районах, удаленных от метрополии на тысячи километров. Оно признавало, что в случае поражения своих союзников в Европе не сможет удержать захваченные ранее обширные территории.

Следовательно, перелом в войне на Азиатско-Тихоокеанском театре в пользу США произошел не в середине 1942 г., а значительно позднее. Он был следствием общей военно-политической обстановки в мире, которая коренным образом изменилась прежде всего после победы Красной армии под Сталинградом. Эта победа в совокупности с успехами американских вооруженных сил означала не только для Германии, но и для Японии утрату перспектив на выигрыш в войне.

К началу 1944 г. на советско-германском фронте продолжали действовать основные силы Красной армии (6 354 тыс. человек, 95,6 тыс. орудий и минометов, 5254 танка и САУ, 10,2 тыс. самолетов) и вермахта (4 906 тыс. человек, 54,6 тыс. орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3,07 тыс. самолетов). Здесь находились 205 немецких дивизий и 45 дивизий союзников Германии. В то же самое время на итальянском фронте войскам западных союзников противостояло лишь 21 соединение противника. В ходе зимне-весенней кампании на северо-западном направлении советские войска отбросили от Ленинграда группу армий «Север», а на юго-западном — нанесли поражение группам армий «Юг» и «А», почти полностью освободив от оккупантов Правобережную Украину, значительную часть Молдавии и Крым. Войска 2-го Украинского фронта 27 марта первыми пересекли государственную границу СССР и перенесли боевые действия на территорию Румынии. В ходе кампании противник потерял более 1 млн солдат и офицеров, из

них свыше 250 тыс. — безвозвратно. Потери советских войск были значительно больше: только безвозвратные составили 893,7 тыс. человек²³.

Эти столь значимые события так и не нашли должного отражения в трудах западных исследователей. Все свое внимание они сосредоточили на описании прорыва в мае 1944 г. линии Густава силами американской 5-й и английской 8-й армий. Их боевые действия преподносятся читателю как «величайшая битва военной истории» и «невероятный триумф»²⁴. Такая оценка обосновывалась тем, что к этой операции, проводимой на территории Италии, были привлечены 23 дивизии западных союзников. Для отражения их удара немецкое командование вынуждено было задействовать вначале 21 дивизию, а затем еще семь соединений, которые были переброшены из Франции. Тем самым была ослаблена группировка в Нормандии, где ожидалась высадка американцев и англичан. К тому же после прорыва линии Густава противник планомерно отошел на новые позиции на Апеннинах, где западные союзники и оставались вплоть до весны 1945 г.

Следовательно, эта операция англо-американских войск не оказала большого влияния на ход боевых действий на других театрах войны. Она не идет ни в какое сравнение с вооруженной борьбой на советско-германском фронте. Зимой и весной 1944 г. там действовали 461 дивизия, 80 отдельных бригад, 23 танковых и механизированных корпуса Красной армии. Если в первой половине 1944 г. командование вермахта направило в Италию 7 новых дивизий, то на восточный фронт оно было вынуждено перебросить из Германии и оккупированных ею территорий более 40 соединений, то есть почти в шесть раз больше. За тот же период советские Вооруженные силы разгромили 172 дивизии и 7 бригад врага, а западные союзники в Италии — всего 9 его дивизий²⁵.

К лету 1944 г. главные силы вермахта (221 дивизия, 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, 7,8 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,2 тыс. боевых самолетов) продолжали сражаться на востоке. На всех остальных театрах находились 125 дивизий, причем боеспособными из них являлось лишь 41 соединение²⁶. Вражеской группировке на советско-германском фронте противостояли значительные силы Красной армии: 6,6 млн человек; 98,1 тыс. орудий и минометов; 7,1 тыс. танков и САУ; 12,9 тыс. боевых самолетов.

В ходе летне-осенней кампании 1944 г. первый удар был нанесен в Карелии. С 10 июня по 9 августа войска Ленинградского и Карельского фронтов при участии сил Балтийского флота, Ладужской и Онежской военных флотилий провели Выборгско-Петрозаводскую операцию. 23 июня началось наступление советских войск в Белорус-

сии. Затем последовали Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Восточно-Карпатская, Прибалтийская, Белградская, Петсамо-Киркенесская и Будапештская операции.

Итоги этой кампании превысили достижения всех предшествовавших кампаний советских Вооруженных сил: наступление велось в полосе шириной почти 4,5 тыс. км, на глубину от 600 до 1100 км; потери противника составили 1 889,9 тыс. человек, из них безвозвратные — 777,2 тыс. Если же учесть выход из войны на стороне Германии армий Финляндии и Румынии, то состав вражеских сил уменьшился еще на 630 тыс. человек. Правда, и советские войска за семь месяцев потеряли 3 857,4 тыс. человек, в том числе безвозвратно — 962,4 тыс.²⁷

Сокрушительные удары Красной армии позволили союзникам в сравнительно благоприятных условиях провести 6–24 июня Нормандскую десантную операцию и открыть, наконец-то, второй фронт в Европе, а в августе осуществить Южно-Французскую десантную операцию. К концу осени 1944 г. восемь союзных армий, освободив всю территорию Франции, Бельгии, Люксембурга и значительную часть Голландии, вышли на рубеж от устья реки Маас до франко-швейцарской границы и на ряде участков вклинились в линию Зигфрида, прикрывавшую западную границу Германии.

По мнению ряда зарубежных историков, не успехи советских Вооруженных сил, а действия союзников в Западной Европе сыграли, наряду с бомбардировками ими промышленных центров Германии, главную роль в ее ослаблении в 1944 г. Но версию о решающей роли англо-американских бомбардировок в подрыве экономической мощи Третьего рейха опровергают материалы американских экспертов. Вскоре после окончания войны они подсчитали, что германская экономика в 1943 г. потеряла от бомбардировок лишь 9 проц. всей продукции, а в 1944 г. — около 17 проц. Комиссия экспертов пришла к выводу, что «эти потери не оказали решающего влияния на способность немецкой промышленности выпускать необходимые военные материалы»²⁸. То же самое подтверждают в своих мемуарах и бывшие генералы вермахта. Так, З. Вестфаль писал, что, «несмотря на чуть ли не беспрерывные налеты союзной авиации, железные дороги до зимы 1945 г. действовали почти нормально, а наибольший выпуск военной продукции в стране приходился на осень 1944 г. С этого времени он начал сокращаться сначала медленно, а потом, с потерей промышленного района Верхней Силезии, все быстрее и быстрее»²⁹. К. Типпельскирх отмечал, что «устрашающие налеты авиации против мирного населения и с целью уничтожения германских го-

родов не содействовали ни достижению, ни ускорению победы западных держав. Военного значения, даже в самом широком смысле слова, эти налеты не имели»³⁰.

К началу завершающей кампании 1945 г. Германия, несмотря на все поражения, все еще представляла собой грозную силу. К тому времени на восточном фронте действовало 188,5 дивизии вермахта из 313,5³¹. Здесь были сосредоточены 3,7 млн человек, 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. боевых самолетов. Им противостояла группировка Красной армии в составе 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. боевых самолетов.

Наступление советских войск развернулось в полосе шириной 2250 км, от Балтики до Балкан, на глубину до 800 км. В ходе Будапештской, Висло-Одерской, Восточно-Прусской, Западно-Карпатской, Восточно-Померанской, Моравско-Оставской, Братиславско-Брновской, Венской, Берлинской и Пражской операций они завершили освобождение Польши, Венгрии, Чехословакии, а также восточных районов Австрии. Соединения и части Красной армии заняли территории Восточной Пруссии, Восточной и Западной Померании, Центральной Германии, вступили в столицу Третьего рейха — Берлин.

Как и в предыдущей кампании, события на советско-германском фронте оказывали определяющее влияние на общий ход вооруженной борьбы в Европе. Это признавалось в ряде исторических работ западных исследователей. Так, французский историк Л. Латрей подчеркивал, что «до июня 1944 года СССР один вынес основную тяжесть наступления на Германию, а после высадки союзников он продолжил и усилил свои действия до конца лета, достигая поразительных успехов». Американский историк С. Патрик, отмечая, что «на Западе лишь немногие способны осознать колоссальные масштабы войны на Востоке», указывал: «Германия проиграла Вторую мировую войну на полях России, а не в живых изгородах Нормандии»³².

К сожалению, такие оценки составляют не правило, а исключение. Господствующая на Западе тенденция сводилась на протяжении послевоенных десятилетий к непомерному преувеличению роли англо-американских войск в Западной Европе в 1945 г. Но даже Гитлер считал, что силы вермахта, противостоявшие им, обладали низкой боеспособностью. Фюрер отмечал, что они не пригодны для ведения «маневренной войны», поэтому показатели количества находившихся на западе дивизий никого не должны вводить в заблуждение относительно возможностей этой группировки. По его мнению, в такой обстановке

Таблица. Распределение сухопутных войск Германии и ее европейских союзников по действующим фронтам в 1941–1945 гг.³⁵

Фронт*	22 июня 1941 г.	Апрель 1942 г.	Ноябрь 1942 г.	Апрель 1943 г.	Январь 1944 г.	Июнь 1944 г.	Январь 1945 г.
Восточный	190	219	266	233	245	239,5	195,5
Другие	9	11	12,5	14,5	21	85	107

* Распределение войск дано в расчетных дивизиях. При подсчете две бригады приравнены к одной дивизии.

оборона на территории Франции не имела «никакой перспективы»³³.

Тем не менее многие зарубежные историки сам факт проведения командованием вермахта крупной наступательной операции зимой 1944–1945 гг. пытались истолковать как свидетельство приоритета западного фронта над восточным. Американский историк Х. Коул, например, ссылался на Гитлера, который якобы руководствовался указанием военного теоретика А. Шлиффена о том, что «противник на Рейне более опасен, чем противник в Восточной Пруссии». Английский историк Д. Ирвинг также стремился убедить читателей, что со второй половины 1944 г. немцы перенесли центр тяжести борьбы с востока на запад.

На самом деле решение командования вермахта нанести удар по англо-американским войскам в Арденнах зимой 1944–1945 гг. было отчаянной попыткой найти выход из того критического положения, в котором оказались Третий рейх и его вооруженные силы вследствие тяжелейших поражений на восточном фронте, где был предreshен их крах. Признавал этот факт и бывший начальник штаба оперативного руководства главного командования вермахта генерал-полковник А. Йодль. Он писал, что к моменту открытия второго фронта ему уже было ясно, что Германия не сможет военными средствами выиграть войну, так как «инициатива полностью перешла к русским, а немецкая армия потеряла, во-первых, подвижность, а во-вторых, в дальнейшем больше не получила возможности восстановить свои потерянные кадры»³⁴. Это еще раз подтверждает, что именно Красная армия оказала решающее влияние на срыв немецких наступательных операций на западе. По этому поводу в дневнике главного командования вермахта отмечалось, что ввиду угрожающей обстановки на востоке фюрер приказал перейти к обороне на западе.

В каждом спорном вопросе о значении того или иного события одним из основополагающих аргументов являются признания самого противника. Известно, что Гитлер сотни раз говорил, что именно войну против Советского Союза он считал основным этапом на пути завоевания мирового господства. Поэтому на восточном фронте он ис-

пользовал основную массу своих солдат и вооружений. Наглядное представление о распределении сухопутных войск Германии и ее европейских союзников по действующим фронтам в 1941–1945 гг. дают данные таблицы.

Приведенные данные свидетельствуют, что до лета 1944 г. на восточном фронте находилось в среднем в 12–20 раз больше вражеских дивизий, чем на других фронтах, где действовали войска США и Великобритании (Северная Африка, Италия). С июня 1944 г. количество соединений вермахта, действовавших против американских, английских и французских войск на Европейском ТВД, существенно возросло, но и тогда их было в 1,8–2,8 раза меньше, чем тех, что противостояли Красной армии. При этом боеспособность немецких соединений на западе, как признавали многие зарубежные исследователи, была значительно ниже аналогичных соединений на востоке.

В течение всей войны советско-германский (восточный) фронт привлекал к себе основную массу войск и военной техники вермахта, а также его союзников. На различных ее этапах в полосе от Баренцева до Черного морей с обеих сторон одновременно находилось от 8 до 12,8 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, от 5,7 тыс. до 20 тыс. танков и САУ (штурмовых орудий), от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов. Такого сосредоточения войсковых масс и военной техники не знала мировая история. Активные оборонительные и наступательные действия войск на советско-германском фронте составляли 93 проц. всего времени. Ни на одном из других фронтов не было столь напряженной и ожесточенной борьбы. Следовательно, во Второй мировой войне ход и исход вооруженной борьбы определялся в ожесточенном противоборстве между вооруженными силами СССР и Третьего рейха.

Подводя итоги вооруженного противоборства, можно констатировать: именно Красная армия внесла основной вклад в достижение общей победы. На различных этапах войны на советско-германском фронте были разгромлены войска групп армий «Север», «Центр», «Юг», «Дон», «Северная Украина», «Южная Украина», «А», «Б», «Висла», в состав которых входили десятки полевых и танковых армий, уничтожены 73 проц. лич-

ного состава, почти 75 проц. танков и штурмовых орудий, свыше 75 проц. авиации, 74 проц. артиллерии врага³⁶. Урон немецких войск на этом фронте только по людям был в четыре раза больше, чем на Западно-Европейском и Средиземноморском театрах. Главным стратегическим и политическим итогом борьбы на советско-германском фронте стали сокрушение военной мощи Германии и ее европейских союзников, полный провал их завоевательных планов.

- ¹ Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988. С. 85.
- ² Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966. С. 41.
- ³ Там же. С. 44–45.
- ⁴ Цит. по: Большая ложь о войне. М., 1971. С. 91.
- ⁵ Цит. по: Всемирно-историческая победа советского народа // Коммунист. 1965. № 7. С. 6.
- ⁶ Stettinius E. Roosevelt and the Russians. London, 1950. P. 16.
- ⁷ Цит. по: Большая ложь о войне. С. 92.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 92–93.
- ¹⁰ Цит. по: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов. С. 228.
- ¹¹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 47–49.
- ¹² История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 242.
- ¹³ Цит. по: Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 36.
- ¹⁴ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 91.
- ¹⁵ Там же. С. 95–96.
- ¹⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 60.
- ¹⁷ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. С. 381.
- ¹⁸ Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 120–121.
- ¹⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 351.
- ²⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. М., 1976. С. 395.
- ²¹ Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 127.
- ²² Цит. по: Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С. 211.
- ²³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 158, 201, 250.
- ²⁴ Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 157.
- ²⁵ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 8. М., 1977. С. 467–468.
- ²⁶ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 4. М., 1956. С. 40.
- ²⁷ Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 247.
- ²⁸ Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 159.
- ²⁹ Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 159.
- ³⁰ Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 485.
- ³¹ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 5. М., 1957. С. 28.
- ³² Цит. по: Кульков Е. Н. и др. Правда и ложь о второй мировой войне. С. 167.
- ³³ Там же. С. 168.
- ³⁴ Цит. по: Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967. С. 637.
- ³⁵ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12. М., 1982. С. 217.
- ³⁶ Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 121.

Цена победы

И. И. Басик*

Война как ожесточенное вооруженное противоборство сторон всегда беспощадна и разрушительна. И в первую очередь безжалостна она к людям. Россия немало пострадала от агрессоров, будь то монголо-татарские орды в XIII веке или польские и шведские интервенты в Смутное время. Только в крупнейших сражениях Отечественной войны 1812 г. русская армия потеряла убитыми, ранеными и попавшими в плен свыше 110 тыс. человек¹. В Первой мировой войне (1914–1918 гг.) ее потери убитыми, умершими от ран, не возвратившимися из плена и пропавшими без вести составили более 1,8 млн человек². За годы Гражданской войны общий безвозвратный урон противоборствовавших сторон в людях исчислялся в 1,2 млн человек³.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала самой кровопролитной. Она потребовала от СССР предельного напряжения сил и огромных жертв. Ценой Победы стали унесенные жизни и искалеченные судьбы граждан страны. Вопрос о людских потерях в минувшей войне остается актуальным для российского общества до сегодняшнего дня. Однако в последние десятилетия они имеют не только статистическое измерение, но и являются предметом острых дискуссий, а в ряде случаев и объектом спекуляций.

Следует отметить, что многие авторы, претендующие на истину в последней инстанции, довольно произвольно используют понятия демографических, безвозвратных, санитарных, боевых и других видов потерь, в результате чего завышают их число. «Все дело в терминах, — отмечается, например, в сборнике «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне». — Есть безвозвратные демографические потери, т.е. люди погибли для армии и страны. И есть безвозвратные

военно-оперативные потери. Попавшие в плен, в действующую армию уже, как правило, не возвращались. Для армии это потери безвозвратные, независимо от того, вернутся эти люди из плена в конце и после войны или нет. Но часть вернулась. И для страны они — возвращенцы, они не безвозвратны»⁴. И это лишь один из многих нюансов анализа и учета потерь, причисления их к той или иной категории.

Урон Советского Союза в людях иногда завышается умышленно, чтобы очернить все, связанное со сталинской эпохой, доказать неумение Красной армии воевать, принизить подвиги солдат и офицеров. При этом большинство авторов, что пишут о «чудовищных» потерях страны и Вооруженных сил, мало знакомы с научными методами военной статистики и демографической науки, а иные просто-напросто приводят вымышленные цифры без опоры на документы и другие источники.

В многочисленных публикациях различные деятели «демократической волны» и публицисты, претендующие на сенсационность, оценивают демографические потери СССР в 35–50 млн человек, а то и более. С легкой руки А. Н. Мерцалова, Б. В. Соколова и других авторов в средствах массовой информации появились утверждения, будто потери советских Вооруженных сил превышают потери противника в три — пять раз и более. «Один к пяти» — так назвал одну из своих публикаций историк А. Н. Мерцалов⁵. Доктор филологических наук Б. В. Соколов в книге, вышедшей в 1990 г., насчитал 14,7 млн погибших советских воинов при соотношении с врагом 3,8 к 1⁶. Через три года он увеличил урон Красной армии в людях до 26,4 млн человек (по его «подсчетам», соотношение с противником стало 10 к 1)⁷. Методики

* Басик Иван Иванович — к. и. н., с. н. с., начальник НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

подсчета потерь, применяемые в подобных публикациях, основаны на избирательном использовании архивных документов или их игнорировании, заимствовании тенденциозных оценок и суждений других отечественных авторов, а то и специально отобранных данных, опубликованных на Западе.

Не стесняются некоторые авторы использовать эффектные публицистические приемы. Так, И. В. Бестужев-Лада пишет: «...советские солдаты буквально своими телами загородили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мертвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата...»⁸. То, что советские воины не щадили себя, защищая Родину, это правда. Но вслед за этим автор навязывает читателю мысль о том, что на каждого погибшего немца приходилось девять красноармейцев. Тем самым он, по сути, фальсифицирует историю Великой Отечественной войны.

А ведь еще в конце 1980-х годов специально созданной комиссией были подсчитаны максимально приближенные к действительности потери Советского Союза. Состояла она из представителей Генерального штаба, научных работников, специалистов соответствующих министерств и ведомств, представителей общественных организаций. Основные результаты проделанной работы, в частности, по вопросу о потерях Вооруженных сил в войне, начальник Генерального штаба М. А. Моисеев изложил на страницах мартовского номера «Военно-исторического журнала» за 1990 год. 8 мая того же года Президент СССР М. С. Горбачев в докладе, посвященном 45-летию Победы, сообщил, что минувшая война унесла почти 27 млн жизней советских людей, что соответствовало данным, полученным комиссией⁹.

В 1993 г. по результатам ее работы вышла книга «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (труд был переиздан дважды — в 2001 и 2010 гг. — под названием «Россия и СССР в войнах XX века»). В соответствии с приведенными в ней данными за период Великой Отечественной войны безвозвратные демографические потери Красной армии вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 668,4 тыс. человек¹⁰.

Эта цифра для многих граждан страны стала шоком. В общественном сознании никак не укладывалось, что Победа досталась столь дорогой ценой. Интерес общества к закрытой ранее теме, а также рассекречивание многих документов стали для военных историков дополнительным импульсом для выявления истинных причин огромных потерь. Прежде всего они заключались в том, что советское руководство не сумело раскрыть планы Гитлера, а потому спрогнозировать разви-

тие обстановки и выявить реальные сроки нападения вермахта. В итоге Красная армия оказалась не готовой к отражению агрессии. Начало войны застало ее в стадии перевооружения и переформирования, что затем усугубилось организационной сумятицей в ходе мобилизации и формирования новых соединений и частей.

Ставка Главного Командования (затем Ставка Верховного Главнокомандования) и Генеральный штаб неверно оценивали характер вооруженной борьбы в начальном периоде войны. Их стремление воплотить в жизнь разработанные еще в мирное время планы по переносу военных действий на территорию противника в короткие сроки, причем без учета реальной обстановки привело лишь к многочисленным и неоправданным жертвам. На боеспособности Вооруженных сил в немалой степени отразилась острая нехватка командного и начальствующего состава. Кроме того, должности командиров полков и дивизий, а также командующих армиями занимали офицеры, не имевшие для этого необходимого опыта. Многие прибывавшие из запаса командиры и политработники закончили лишь краткосрочные курсы. К этому следует добавить, что значительная часть рядовых бойцов, призывавшихся в ряды Вооруженных сил по мобилизациям, вообще не имела никакой предварительной военной подготовки. А ведь война безжалостна к любой необученности. Вермахт, наоборот, обладал несомненным преимуществом уже потому, что его офицеры и солдаты в 1939–1941 гг. получили богатый боевой опыт. Большие людские потери страны были обусловлены также жестокостью захватчиков, которые, ведя войну на уничтожение СССР, сплошь и рядом использовали самые изощренные методы истребления его населения.

К причинам значительных потерь следует отнести и крайнюю степень ожесточенности военных действий на советско-германском фронте в совокупности с большой огневой мощью и разрушительными возможностями оружия. Именно здесь решались ход и исход Второй мировой войны. Размах вооруженной борьбы на нем не идет ни в какое сравнение с другими ТВД. Министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс записал в своем дневнике в марте 1945 г.: «В настоящий момент военные действия на западе являются для противника не более, чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население (Германии. — Ред.) не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность разъезжать повсюду... население выходит навстречу американцам с белыми флагами... При таких обстоятельствах войска не хотят больше сражаться и отходят назад без сопротивления или сдаются в плен»¹¹.

Необходимо подчеркнуть, что общие демографические потери — это павшие в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие, а также не вернувшиеся из плена, погибшие партизаны и подпольщики, мирные граждане, умершие на работах в Германии или от тяжелых условий оккупации, а также другие жертвы войны, лишившиеся жизни в результате военного воздействия.

На сегодня официальная цифра демографических потерь Советского Союза в результате войны составляет 26,6 млн человек. Она определена специалистами с помощью метода демографического баланса. Это стало возможным благодаря рассекреченным в конце 1980-х годов итогам переписей населения СССР 1939 и 1959 гг. Суть этого метода заключается в сопоставлении численности населения страны на начало и конец войны. При расчетах верхняя граница периода (конец войны) была отодвинута на 31 декабря 1945 г. с тем, чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, вернувшихся на родину и репатриированных из СССР граждан других стран. Итог балансового расчета представлен в таблице 1.

Таблица 1. Расчет общих людских потерь СССР за годы войны¹²

Порядок расчета	Млн чел.
Численность населения СССР на 22.6.1941 г.	196,7
Численность населения СССР на 31.12.1945 г., в том числе родившихся до 22.6.1945 г.	170,5 159,5
Общая убыль населения из числа живших на 22.6.1941 г. (196,7 млн – 159,5 млн = 37,2 млн)	37,2
Количество умерших детей по причине повышенной смертности (из числа родившихся в годы войны)	1,3
Умерло бы людей в мирное время, исходя из уровня смертности 1940 г.	11,9
Общие людские потери СССР в результате войны (37,2 млн + 1,3 млн – 11,9 млн = 26,6 млн)	26,6

Приведенная в таблице численность населения СССР на 22 июня 1941 г. получена путем передвижки на указанную дату итогов переписи 1939 г. с корректировкой количества рождений и смертей за те два с половиной года, что прошли от переписи до начала войны. При этом была учтена возросшая численность населения после присоединения к Советскому Союзу в 1939–1940 гг. Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии. Численность его на конец 1945 г. рассчитана путем передвижки назад данных переписи 1959 г. с учетом изменения границ

страны после 1941 г. Кроме того, использовались уточненная информация о смертности населения и данные о внешней миграции за период с 1946 г. по 1958 г. В итоговое число также включены демографические потери в войне с Японией 1945 г.

Как следует из приведенных данных, общая убыль (погибшие, умершие, пропавшие без вести и оказавшиеся за пределами страны) за годы войны исчисляется в 37,2 млн человек. Однако вся эта величина не может быть отнесена к людским потерям, вызванным войной, так как за четыре с половиной года и мирного времени население подверглось бы естественной убыли за счет смертности. Если уровень смертности населения в 1941–1945 гг. принять таким же, как в 1940 г., то число умерших должно было бы равняться 11,9 млн человек. За вычетом указанной величины потери среди граждан, родившихся до войны, составляют 25,3 млн человек. К этой цифре необходимо добавить потери среди детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших (1,3 млн человек). В результате общие людские потери Советского Союза в войне, определенные методом демографического баланса, равняются 26,6 млн человек.

Безусловно, приведенные данные нельзя считать безупречными в связи с очень большими сложностями и различными подводными камнями в экстраполяции данных переписи 1939 г. на 2,5 года вперед, а переписи 1959 г. — почти на 14 лет назад. В частности, могут несколько варьироваться величины среднего ежегодного естественного прироста в предвоенные (1939–1940 гг.) и военные годы, что влияет на последующие расчеты¹³.

Некоторые исследователи считают цифру демографических потерь в 26,6 млн человек завышенной. Так, С. Н. Михалев предложил альтернативные варианты (минимальный и максимальный) подсчетов по переписи 1939 г., связанные с несколько уменьшенной оценкой численности населения. Он считает, что при минимальном варианте демографические людские потери составляют 21,2 млн человек, а при максимальном — 25,8 млн¹⁴. Те, кто в отличие от Михалева оценивают людские потери в войне большими показателями, нередко допускают ошибку, дополнительно включая в подсчет убыль от снижения рождаемости в период войны (не родившиеся дети) и от повышенной смертности в послевоенные годы, а также другие данные, связанные с нереализованным естественным приростом.

Из общего числа демографических потерь СССР две трети пришлись на гражданское население. В обзорном томе «Всероссийской Книги памяти» приведены следующие данные. Всего оккупанты истребили более 7,4 млн советских граждан. От голода, инфекционных болезней, от-

сутствия медицинской помощи погибли 4,1 млн человек (без учета 6-процентной убыли населения оккупированных районов, рассчитанной для условий мирного времени). На принудительных работах в Германии умерли около 2,2 млн человек¹⁵.

Весьма сложно определить численность потерь среди гражданского населения, хотя и находившегося вне зоны оккупации, но подвергнувшегося бомбардировкам и артиллерийским обстрелам, а кроме того испытывавшего лишения военного времени. Не выявлены пока полные и достоверные данные о потерях среди партизан и подпольщиков, народного ополчения, истребительных отрядов и батальонов, военизированных формирований различных гражданских ведомств, создававшихся в прифронтовых городах и районах.

Символом жертвенности и непоколебимой стойкости советских людей стал Ленинград. Его население погибало не только от налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов, но также от голода и болезней. Смерть не щадила никого: уходили из жизни старики и молодые, женщины и дети. Нередко люди падали на улице и больше не поднимались, в своих холодных домах и квартирах ложились спать и засыпали навеки. Часто жизнь ленинградцев обрывалась прямо на рабочем месте. Мертвых свозили на окраину города, на пустырь, что рядом со старой Пискаревской дорогой. Так и возникло известное ныне всему миру Пискаревское кладбище. Всего в результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов погибли более 16,7 тыс. ленинградцев, до 34 тыс. получили ранения, а 641 тыс. ушли из жизни в результате голодной смерти¹⁶.

В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецкой авиации погибло свыше 40 тыс. гражданского населения¹⁷. Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя и Одессы, Керчи и Новороссийска, Смоленска и Тулы, Харькова, Минска и Мурманска.

Как уже отмечалось, в числе общих людских потерь СССР значительными были демографические потери личного состава Вооруженных сил и других военнослужащих — 8 668,4 тыс. человек. Эта категория включает убитых, умерших от ран и болезней, пропавших без вести, не вернувшихся из плена, а также тех военнослужащих, кто утратил жизнь в связи с военными обстоятельствами. Данные о безвозвратных демографических потерях Вооруженных сил за годы войны были получены на основе балансового метода и обобщения сведений о потерях, содержащихся в донесениях фронтов и флотов. Порядок расчета и его результаты представлены в таблице 2.

Эта таблица, конечно, не безупречна. Так, в качестве верхней временной границы для балансового расчета в ней указано 1 июля 1945 г., в то время как в дополнениях в величину безвозвратных потерь включены 12 тыс. убитых, умерших от ран, болезней и пропавших без вести в войне с Японией в августе — сентябре 1945 г. Спорным выглядит в подразделе таблицы «Другая убыль» исключение из состава Вооруженных сил 250,4 тыс. военнослужащих, направленных на укомплектование польских, чехословацких и румынских войск, поскольку с окончанием войны они в короткие сроки были возвращены в Красную армию.

Как следует из данных таблицы, применение метода демографического баланса включало: установление первоначальной численности Вооруженных сил, количества мобилизованных в армию и на флот в ходе войны, их численности к концу ее; исчисление дефицита — общей убыли военнослужащих за годы войны; определение демографических потерь путем вычитания из общей суммы убыли числа военнослужащих, вернувшихся из плена и ранее считавшихся пропавшими без вести.

Необходимо отметить, что военно-оперативные потери — 11 444,1 тыс. человек — существенно превышают демографические потери в 8 668,4 тыс. Здесь нет никакой ошибки, так как из анализа приведенных данных ясно, в чем состоит разница между первыми и вторыми. Но многие публицисты и историки именно безвозвратные военно-оперативные потери принимают за безвозвратные демографические.

В печати периодически появляются предложения для уточнения потерь Вооруженных сил в войне использовать картотеку персонального учета потерь рядового и сержантского состава, а также картотеку персонального учета потерь офицерского состава, которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) РФ. По приблизительным оценкам, в них содержится от 12 до 13,5 млн учетных карточек¹⁹. Работа с ними не завершена и до настоящего времени. Сотрудники ЦАМО продолжают изымать дублирующие карточки и устранять выявленные ошибки. Понятно, что до тех пор, пока многомиллионная картотека не будет приведена в порядок, специалисты со стопроцентной уверенностью не смогут ее использовать для подсчета демографических потерь личного состава Вооруженных сил в войне.

Распределение безвозвратных военно-оперативных потерь по ряду показателей и характеристик уточнено в труде «Россия и СССР в войнах XX века», изданном в 2010 г. Их процентное соотношение по видам приведено в таблице 3.

Таблица 2. Потери Вооруженных сил СССР в войне¹⁸

Виды потерь	Тыс. чел.
В начале войны состояли по списку	4 901,8
Из них:	
— в армии и на флоте	4 826,9
— в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны.....	74,9
В ходе войны призваны, мобилизованы с учетом военнообязанных, находившихся к 22.6.1941 г. в войсках на Больших учебных сборах (БУС), за вычетом лиц, повторно призванных	29574,9*
Всего за годы войны привлечены в армию, на флот, в формирования других ведомств и для работы в промышленности (с учетом уже служивших к началу войны) (4 826,9 + 74,9 + 2 954,9 = 34 476,7)	34476,7
По состоянию на 1 июля 1945 г. оставалось (всего)	12 839,8
В том числе:	
— в строю	11 390,6
— в госпиталях на излечении	1 046,0
— в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны	403,2
Убыли из армии и флота в ходе войны (всего из числа призывавшихся) (344 76,7 – 12 839,8 = 21 636,9)	21 636,9
Из них:	
1) безвозвратные военно-оперативные потери военнослужащих списочного состава	11 444,1
Из них:	
— убиты и умерли от ран, болезней, погибли в катастрофах, покончили жизнь самоубийством, расстреляны по приговорам трибуналов	6 885,1
— пропали без вести, попали в плен	4 559,0
2) пропали без вести в пути военнообязанные, призванные по мобилизации, но не зачисленные в списки войск	500,0**
3) другая убыль (всего)	9 692,8
Из них:	
— уволены по ранению и болезни	3 798,2
— переданы для работы в промышленность, местную ПВО и подразделения военизированной охраны	3 614,6
— направлены на укомплектование войск и органов НКВД, специальных формирований других ведомств	1 174,6
— переданы на укомплектование польских, чехословацких и румынских войск	250,4
— отчислены по различным причинам	206,0
— не разысканные дезертиры и отставшие от эшелонов, пропавшие без вести из войск внутренних военных округов	212,4
— осуждены	994,3
Из них направлены:	
— в места заключения	436,6
— на фронт в состав штрафных подразделений	422,7***
Исключены из числа демографических безвозвратных потерь	2 775,7
Из них:	
– военнослужащие, ранее находившиеся в окружении и учтенные в начале войны как пропавшие без вести (вторично призваны в ВС на освобожденной территории) — вернувшиеся из плена после войны военнослужащие (по данным органов репатриации)	1 836,0
Безвозвратные демографические потери военнослужащих списочного состава (фактическое число всех погибших, умерших и не вернувшихся из плена)	8 668,4

* Число военнообязанных, находившихся на БУС, — 805,3 тыс. человек, повторно призванных — 2 237,3 тыс. человек.

** Отнесены к демографическим людским потерям страны — 26,6 млн человек.

*** Не включены в итоговую сумму другой убыли.

Таблица 3. Безвозвратные военно-оперативные потери Красной армии и Военно-морского флота на советско-германском фронте и в кампании на Дальнем Востоке (с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г.)²⁰

Виды потерь	Количество	% к числу потерь
Убиты и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации	5 187 190	46,0
Умерли от ран в госпиталях	1 100 327	9,8
Небоевые потери: умерли от болезней, погибли в результате происшествий, осуждены к расстрелу	541 920	4,8
Пропали без вести, попали в плен	4 445 620	39,4
Всего безвозвратных военно-оперативных потерь (без пограничных и внутренних войск)	11 285 057	100

Установлено, что в числе безвозвратных военно-оперативных потерь наибольшая доля — 46 проц. — приходится на убитых и умерших на этапах санитарной эвакуации. Расчеты показали, что среднесуточные потери военнослужащих составляли 20,9 тыс. человек, из них безвозвратные военно-оперативные — около 8 тыс. человек. Такой была тяжелая и горькая плата армии и флота, принесенная на алтарь Победы.

За период Великой Отечественной войны погибли в основном молодые и дееспособные люди в возрасте до 35 лет — всего 6,4 млн. В целом распределение потерь по возрастам выглядит следующим образом: 20 лет и моложе — 18 проц., 21–25 лет — 22 проц., 26–30 лет — 17,5 проц., 31–35 лет — 16,5 проц., 36–40 лет — 12 проц., 41–45 лет — 8 проц., 46–50 лет — 5 проц., 51 год и старше — 1 проц.²¹

Ощутимыми были потери среди офицерского состава: погибли, умерли от ран и болезней, пропали без вести и попали в плен 1 023 93 человека, или 35 проц. от общего числа офицеров Вооруженных сил в период войны. Наибольшими они, как это следует из данных таблицы 4, были в 1942 г.

Таблица 4. Распределение безвозвратных потерь офицеров по годам войны²²

Годы	Всего (тыс. чел.)
1941	203 083
1942	255 261
1943	202 405
1944	164 806
1945	73 163
Всего	898 718
Кампания на Дальнем Востоке	1470
Итого	900 188

Если военно-оперативные потери принять за 100 проц., то офицеры составляют 7,98 проц., сержанты — 17,62 проц., солдаты — 74,4 проц. По национальностям потери военнослужащих распределяются следующим образом: русские — 5 756 тыс., украинцы — 1 377,4 тыс., белорусы — 252,9 тыс., татары — 187,7 тыс., евреи — 142,5 тыс., казахи — 125,5 тыс., узбеки — 117,9 тыс., грузины — 79,5 тыс., мордвины — 63,3 тыс., чувашаи — 63,3 тыс., азербайджанцы — 58,4 тыс., молдаване — 53,9 тыс., башкиры — 31,7 тыс. человек и др.²³

Санитарные потери включали раненых, контуженых, обожженных, обмороженных, заблевших и т.п. По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, они составили по Вооруженным силам 18 344 148 человек²⁴. Послевоенная военно-медицинская статистика указывает на несколько большие масштабы санитарных потерь: за период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях были учтены 22 326,9 тыс. госпитализированных. Разница в цифрах объясняется тем, что в военно-медицинские учреждения поступал не только личный состав действующей армии, но и из воинских эшелонов и маршевых частей, находившихся в пути следования, а также из соединений и частей народного ополчения, партизанских отрядов.

Данные статистики относительно санитарных потерь могут быть оценены как приблизительные. Это связано с тем, что за время пребывания на фронте большое число военнослужащих было ранено два — три раза и даже более, поэтому в донесениях о потерях фиксировались неоднократно. Вследствие этого реальные санитарные потери следует уменьшить на 2–3,5 млн человек.

Из числа раненых, контуженых, обожженных и обмороженных, поступивших в медицинские учреждения, 71,7 проц. возвратились в строй, 20,8 проц. признаны не годными к службе и уволены из армии или направлены в долгосрочные от-

Таблица 5. Распределение санитарных потерь Вооруженных сил СССР в годы войны²⁶

Виды потерь и исход лечения	Количество (тыс. чел.)	%
Ранены, контужены, обожжены и обморожены	14 685,6	100
Из них:		
— возвращены в строй	10 530,7	71,7
— уволены с исключением с воинского учета или отправлены в долгосрочный отпуск по ранению	3 050,7	20,8
— умерли	1 104,1	7,5
Заболели	7 641,3	100
Из них:		
— возвращены в строй	6 626,5	86,7
— уволены с исключением с воинского учета или отправлены в отпуск по ранению	747,4	9,8
— умерли	267,4	3,5
Всего госпитализированы	22 326,9	100
Из них:		
— возвращены в строй	17 157,2	76,9
— уволены с исключением с воинского учета или отправлены в отпуск по ранению (болезни)	3 798,2	17,0
— умерли	1 371,4	6,1

пуска по ранению (болезни), около 7,5 проц. умерли (таблица 5). Инвалидами войны стали около 2 576 тыс. человек²⁵.

Величина потерь напрямую зависела от обстановки, в которой велись боевые действия, и от их интенсивности. В 1941 г., тяжелейшем для Вооруженных сил СССР, когда враг безраздельно владел инициативой, их безвозвратные потери только в Смоленском сражении, Киевской и Московской оборонительных операциях составили около 1,5 млн человек. А общие потери с 22 июня до конца года исчисляются 4 млн 474 тыс. человек. Из них убиты и умерли на этапах санитарной эвакуации 465,4 тыс., умерли от ран в госпиталях — 101,5 тыс., умерли от болезней, погибли в результате происшествий и т.п. — 235,3 тыс., пропали без вести и попали в плен — 2 335,5 тыс., ранены и контужены — 1 256,4 тыс., заболели — 66,2 тыс., обморожены — 13,6 тыс. человек²⁷.

Не меньшим был урон в людях и в 1942 г. Широкомасштабные наступательные операции, ставшие продолжением контрнаступления под Москвой, последовавшие летом тяжелые поражения советских войск в Крыму и под Харьковом, их отступление до Волги, оборона Сталинграда и Кавказа потребовали от Красной армии большого напряжения сил. Только в Харьковской, Воронежско-Ворошиловградской, Сталинградской и Северо-Кавказской оборонительных операциях советские войска потеряли безвозвратно около 1 млн человек. Всего же за 1942 г. безвозвратные потери составили 3 258,2 тыс. человек, а санитарные — 4 111,1 тыс. человек.

Статистика распределения безвозвратных и санитарных потерь Вооруженных сил за годы войны приведена в таблице 6.

Таблица 6. Распределение безвозвратных и санитарных потерь Вооруженных сил СССР по годам войны (в процентах)²⁸

Годы	Безвозвратные потери	Санитарные потери
1941	27,8	7,3
1942	28,9	22,4
1943	20,5	30,2
1944	15,6	27,9
1945	7,2	12,2
1941–1945	100	100

В целом самые большие безвозвратные потери советских войск приходятся на летне-осенние кампании 1941 и 1942 гг. (25,2 проц. и 18,3 проц. соответственно), в которых они превышали санитарные более чем на 1 млн человек. Во втором и в третьем периодах войны безвозвратные потери снизились и были в два — два с половиной раза меньше санитарных.

Что касается общих потерь, данные о которых приведены в таблице 7, то наиболее значительными они были в летне-осенней кампании 1943 г. (17 проц.), а наименьшими — в зимних кампаниях 1941–1942 и 1942–1943 гг. — 9,6 проц. и 9,5 проц. соответственно от всех потерь за войну. Сравни-

Таблица 7. Распределение потерь советских Вооруженных сил по периодам и кампаниям²⁹

Периоды войны	Кампании	Людские потери (тыс. чел.)*					
		безвозвратные		санитарные		всего	
		число	%	число	%	число	%
ПЕРВЫЙ 22.6.41– 18.11.42	летне-осенняя (22.6–4.12.41)	<u>2 841,9</u> 17,1	25,2	<u>1 145,8</u> 6,9	6,2	<u>3 987,7</u> 24,0	13,5
	зимняя 5.12.41–30.4.42	<u>1 249,0</u> 8,5	11,1	<u>1 602,7</u> 10,9	8,7	<u>2 851,7</u> 19,4	9,6
	летне-осенняя 1.5–18.11.42	<u>2 064,1</u> 10,2	18,3	<u>2 258,5</u> 11,2	12,3	<u>4 322,6</u> 21,4	14,6
Итого в первом периоде		<u>6 155,0</u> 12,0	54,6	<u>5 007,0</u> 9,7	27,2	<u>11 162,0</u> 21,7	37,7
ВТОРОЙ 19.11.42– 31.12.43	зимняя 19.11.42–31.3.43	<u>967,7</u> 7,3	8,6	<u>1 865,9</u> 14,0	10,2	<u>2 833,6</u> 21,3	9,5
	оперативно- стратегическая пауза	<u>191,9</u> 2,1	1,7	<u>490,6</u> 5,4	2,7	<u>682,5</u> 7,5	2,3
	летне-осенняя 1.7–31.12.43	<u>1 393,8</u> 7,6	12,3	<u>3 628,8</u> 19,7	19,8	<u>5 022,6</u> 27,3	17,0
Итого во втором периоде		<u>2 553,4</u> 6,3	22,6	<u>5 985,3</u> 14,7	32,7	<u>8 538,7</u> 20,9	28,8
ТРЕТИЙ 1.1.44– 9.5.45	зимне-весенняя 1.1–31.5.44	<u>801,5</u> 5,3	7,1	<u>2 219,7</u> 14,6	12,1	<u>3 021,2</u> 19,9	10,2
	летне-осенняя 1.6–31.12.44	<u>962,4</u> 4,5	8,5	<u>2 895,0</u> 13,5	15,8	<u>3 857,4</u> 18,0	13,0
	кампания в Европе 1.1–9.5.45	<u>800,8</u> 6,2	7,1	<u>2 212,7</u> 17,2	12,1	<u>3 013,5</u> 23,4	10,2
Итого в третьем периоде		<u>2 564,7</u> 5,2	22,7	<u>7 327,4</u> 14,8	40,0	<u>9 892,1</u> 20,0	33,4
Итого за войну на советско-германском фронте		<u>11 273,1</u> 7,9	99,9	<u>18 319,7</u> 12,9	99,9	<u>29 592,8</u> 20,9	99,9
Кампания на Дальнем Востоке 9.8–2.9.1945		<u>12,0</u> 0,5	0,1	<u>24,4</u> 0,97	0,1	<u>36,4</u> 1,5	0,1
ВСЕГО		<u>11 285,1</u> 7,8	100,0	<u>18 344,1</u> 12,7	100,0	<u>29 629,2</u> 20,5	100,0

* В числителе показаны все потери, в знаменателе — среднесуточные.

тельно небольшой урон советские войска понесли в войне с Японией. За 25 суток они потеряли 36,4 тыс. человек, в том числе 12 тыс. человек убитыми, умершими и пропавшими без вести.

Следует особо выделить потери Красной армии при освобождении территорий союзных республик, ныне ставших самостоятельными государствами. В Эстонии погибли 67 100 солдат и офицеров, Латвии — 130 200, Литве — 137 200, Молдавии — 18 700, Украине — 994 400, Белоруссии — 213 600 человек³⁰. Освобождая страны Европы от оккупантов, советские Вооруженные силы безвозвратно потеряли 1 099 465 человеческих жизней, из них в Польше — 600 212 человек,

Чехословакии — 139 918, Венгрии — 140 004, Германии — 101 961, Румынии — 68 993, Австрии — 26 006, Югославии — 7995 человек³¹:

Вооруженные силы Германии вместе с союзниками также понесли большие потери. Так, с 22 июня 1941 г. по 1 января 1944 г., то есть за 30 месяцев и 9 дней, немецкие войска потеряли на восточном фронте, по данным германского генерального штаба сухопутных войск, около 5,5 млн человек убитыми, пленными, пропавшими без вести и ранеными³². С 1 января 1944 г. по 15 мая 1945 г., то есть за 16 месяцев и 15 дней, потери врага, исключая пленных и сложивших оружие согласно Акту о капитуляции, составили еще 3,6 млн человек³³.

Таблица 8. Потери вооруженных сил Германии и ее союзников в войне³⁴

Виды потерь	ВС Германии вместе с военизированными формированиями*, тыс. чел.	Армии Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии, тыс. чел.	Всего, тыс. чел.
1. Безвозвратные военно-оперативные потери	7181,1	1468,2	8649,3
В том числе:			
— убиты, умерли от ран и болезней, пропали без вести, небоевые потери	3604,8	668,2	4273,0
— попали в плен**	3576,3	800,0	4376,3
Из них:			
— умерли в плену	442,1	137,8	579,9
— вернулись из плена	2910,4***	662,2	3572,6
2. Безвозвратные демографические потери (за вычетом вернувшихся из плена)	4270,7	806,0	5076,7

* Служба безопасности, военно-полевая полиция, военная администрация на оккупированной территории и другие военизированные формирования. Их безвозвратные военно-оперативные потери составили 316,5 тыс. человек.

** а) Включая военнослужащих (в основном не германской национальности), насильственно призванных в ВС Германии и ее союзников и освобожденных после соответствующей проверки непосредственно на фронтах (всего 600 тыс. чел.), а также граждан СССР, воевавших в составе вермахта и войск СС (более 220 тыс. чел.);

б) без учета военнослужащих противника, капитулировавших перед Красной армией после 9 мая 1945 г. (1 591,1 тыс. чел.).

*** Без военнопленных из числа граждан СССР, воевавших на стороне врага.

В приложении к закону ФРГ «О сохранении мест захоронений» поименно указаны 3 млн 226 тыс. военнослужащих, погибших на территории СССР и восточноевропейских стран. В это число вошли только «стопроцентные арийцы», а судетские немцы, хорваты, боснийцы, фламандцы, чехи, поляки, литовцы и граждане других государств, воевавшие в составе вермахта, учтены не были. В свою очередь и российские военные специалисты на основе балансового метода подсчитали общие безвозвратные потери Германии вместе с ее союзниками (таблица 8).

Представленные в таблице данные о потерях противника не являются окончательными. Но в целом они с достаточной достоверностью показывают, во что обошлась самому агрессору Вторая мировая война: общие демографические потери Германии и ее союзников (военнослужащих и гражданского населения) превысили 11,9 млн человек³⁵. Следует напомнить, что для Советского Союза война обернулась потерей 26,6 млн человеческих жизней, то

есть в 2,2 раза больше, чем у врага. Что касается соотношения безвозвратных военно-оперативных потерь Вооруженных сил СССР (11,4 млн человек) и противника (8,6 млн человек), то оно составляет 1,3 к 1. Но это далеко не те 10 к 1 или 5 к 1, о чем заявляют некоторые псевдоисторики.

Вопрос о цене Победы остается для российского общества весьма актуальным, поскольку за ним неизбывная боль страны, потерявшей лучших своих сынов и дочерей, память о полных драматизма военных годах. Никто сегодня не отрицает, что огромные людские потери Советского Союза были вызваны, помимо всего прочего, и многими субъективными причинами: ошибками в планировании боевых действий и руководстве ими; зачастую некомпетентностью, равнодушием и карьеристскими устремлениями некоторых командиров и начальников и т.п. Однако это не повод глумиться над собственной историей, подвергать сомнению великий подвиг народа в Великой Отечественной войне.

¹ Урланис Б. Ц. Война и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских государств в войнах XVII–XX вв.: Историко-статистическое исследование (далее — Война и народонаселение Европы). М., 1960. С. 87.

² Война и народонаселение Европы. С. 391; Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 100.

³ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб., 1995. С. 7; Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 488.

⁴ Цит. по: Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сборник статей. С. 8.

⁵ Мерцалов А. Один к пяти // Родина. 1991. № 6–7. С. 137.

⁶ Соколов Б. В. Цена победы: Великая Отечественная: Неизвестное об известном. М., 1990. С. 11.

⁷ Соколов Б. В. Цена потерь — цена системы // Независимая газета. 1993. 22 июня.

- ⁸ Цит. по: Литвиненко В. К науке отношения не имеет: О «подсчетах» боевых потерь в ходе Великой Отечественной войны // Независимое военное обозрение. 2001. № 36.
- ⁹ Известия. 1990. 9 мая.
- ¹⁰ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 129.
- ¹¹ Геббельс Й. Дневники 1945 г.: Последние записи. Пер. с нем. М., 1995. С. 298, 302.
- ¹² Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование. С. 229.
- ¹³ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сборник статей. С. 18–42.
- ¹⁴ Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне: Статистическое исследование. Красноярск, 1997. С. 4–8.
- ¹⁵ Всероссийская Книга памяти. 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 407.
- ¹⁶ Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. М., 1995. С. 87.
- ¹⁷ Всероссийская Книга памяти. 1941–1945: Обзорный том. С. 408.
- ¹⁸ Составлена по: Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование. С. 237, 247–248.
- ¹⁹ Елисеев В. Т. Документы Центрального архива МО РФ о Вяземском окружении, потерях в Московской битве и новой концепции по истории вооруженной борьбы на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2006. № 12(84). С. 71; Михалев С.Н., Елисеев В. Т. Потери в войне следует уточнить... // Военно-исторический архив. 2001. № 2 (17). С. 51.
- ²⁰ Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 230.
- ²¹ Там же. С. 228.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил. С. 240.
- ²⁵ Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 388.
- ²⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. С. 233.
- ²⁷ Там же. С. 236–237.
- ²⁸ Там же. С. 238–239.
- ²⁹ Там же. С. 247.
- ³⁰ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сборник статей. С. 80.
- ³¹ Всероссийская Книга памяти. 1941–1945: Обзорный том. С. 447.
- ³² Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. С. 107.
- ³³ Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. Кн. 4. М., 1999. С. 291.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил. С. 515.
- ³⁵ Там же. С. 518.

И. В. Сталин — роль и место в государственном управлении страной в годы Великой Отечественной войны

В. Б. Маковский*

В годы Великой Отечественной войны И. В. Сталин властно и твердо руководил государством и Вооруженными Силами. Кроме поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин уже на следующий день после ее начала, 23 июня 1941 г., входил в состав Ставки Главного Командования. С 30 июня был назначен Председателем Государственного Комитета Обороны, с 10 июля возглавил Ставку Верховного Командования (затем — Ставку Верховного Главного Командования), с 19 июля он был утвержден Народным комиссаром обороны СССР и с 8 августа 1941 года стал Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Советского Союза. По окончании войны ему было присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза. Он был награжден высокими государственными наградами — Герой социалистического труда и Герой Советского Союза, дважды орденом Победы. Безусловно, что вся практическая деятельность этих высших государственных органов, созданных в стране в годы войны, неотделима от имени И. В. Сталина как руководителя советского государства и Верховного Главнокомандующего.

На протяжении всей войны И. В. Сталин не только определял внешнюю политику, дипломатию, руководил экономикой страны, но и непосредственно возглавлял руководство вооруженной борьбой, решал вопросы, связанные с подготовкой резервов, производством оружия и военной техники, рациональным использованием всех ресурсов страны. Это были главные темы его повседневных забот. Впрочем, без его участия и ведома практически не решался ни один принципиальный вопрос.

Еще накануне войны, анализируя сложившуюся международную обстановку, советское правительство поставило перед страной задачи стратегического значения. Суть их состояла в том, чтобы и впредь проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми государствами, не давать провокаторам войны втянуть страну в конфликты; всемерно укреплять боевую мощь Красной армии; крепить международные связи с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами.

Исходя из поставленных задач, Советский Союз в канун Второй мировой войны снова предложил западным странам создать боевой союз против германской агрессии. Однако переговоры не имели успеха. США, Англия и Франция были верны себе.

После безуспешных переговоров с Англией и Францией Германия предложила Советскому Союзу заключить договор о ненападении. Перед Советским государством встала альтернатива: либо отказаться от германских предложений, либо согласиться с ними. Если отказаться, то война с Германией могла возникнуть в ближайшие недели, тогда Советскому Союзу пришлось бы вести войну на два фронта — против Японии и против Германии, чего и добивались правящие круги западных государств. Если же принять предложение Германии, то открывалась возможность отсрочки нападения вермахта на СССР, что позволяло советскому государству использовать это время для дальнейшего укрепления обороноспособности страны.

Советский Союз был вынужден принять предложение Германии. Советско-германский договор о ненападении был подписан 23 августа 1939 г. сроком на десять лет. Это, несомненно, был крупный успех советской дипломатии.

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., в. н. с. НИИ ВИ ВАГШ ВС РФ.

Расчет И. В. Сталина не вязываться в войну с Германией, а ограничиться осуждением ее действий был верным. Пакт о ненападении позволил выиграть и во времени, и в пространстве. Временная передышка — 22 месяца — была использована для наращивания военного потенциала СССР.

Пакт сыграл важную роль и в советско-японских отношениях. В дни, когда велись переговоры с Германией, войска под командованием комкора Г. К. Жукова добивали японцев в Монголии. Точно мог рассматривать шаги своего германского союзника как вероломство. Не исключено, что это повлияло на решение японского правительства напасть в 1941 г. не на СССР, а на США.

Оценивая действия И. В. Сталина в последние дни перед началом войны, необходимо учитывать и то, что ему помимо военных и экономических забот требовалось обеспечить стране еще и политический перевес. Ведь исход будущей войны зависел не только от умения достойно встретить противника на границе и вести затем оборонительные сражения, но еще и от того, кого мир назовет агрессором и кому станет помогать как его жертве.

Ведь известно насколько сложно для СССР складывалась ситуация последних предвоенных лет. 14 декабря 1939 г. страну исключили из Лиги наций — за войну против Финляндии. И. В. Сталину ставили также в вину «широкую территориальную экспансию» — присоединение Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, а заодно и договоры о ненападении, с Германией и Японией.

Всемирная коалиция против СССР была тогда не так уж невероятна. Тем более она стала бы возможной, если бы СССР обвинили в агрессии. По действовавшим тогда международным правилам, установленным Гаагской конвенцией 1907 г., военные действия следовало начинать с «предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое может иметь форму либо мотивированного объявления войны, либо ультиматума с условием объявлением войны»¹. И несложно было в 1941 г. представить нападение Германии на Советский Союз как вынужденный акт самообороны. Ведь тот факт, что Германия сконцентрировала войска на границе с СССР, для дипломатов, по сути, не имел бы значения, особенно если учесть, что А. Гитлер еще в середине мая писал И. В. Сталину: «...вдоль границ с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами. Уверяю Вас честью главы государства, что это не так». И далее из содержания письма следовало, что эти дивизии предназначены вовсе не для действий против СССР, а всего лишь для пере-

формирования. Их переброска на запад Германии, где формально продолжалась война с Великобританией была запланирована на 15–20 июня².

Поэтому вполне хватило бы нескольких вооруженных стычек на границе, чтобы фюрер мог, опираясь на международные правила, двинуть всю свою армаду против СССР как против агрессора. Да, собственно, и инциденты были не обязательны, хватило бы «предварительного и недвусмысленного предупреждения в форме мотивированного объявления войны» с высокой вероятностью полной поддержки Гитлера Великобританией и США.

Уже утром 21 июня 1941 г. руководство СССР знало: война начнется в ближайшие сутки-двое. Отдав приказ о полной боевой готовности войск западных приграничных округов, Сталин приступил к решению не менее важной политической задачи: показать всему миру, кто в начинающейся войне является агрессором, а кто его жертвой.

С началом Великой Отечественной войны руководству страны и лично И. В. Сталину пришлось решать сложнейшие, внезапно возникшие проблемы, связанные не только с ведением вооруженной борьбы, превращением страны в единый военный лагерь, но и одновременно вплотную заниматься внешнеполитической деятельностью, особенно в рамках создания и укрепления антигитлеровской коалиции.

Необходимо подчеркнуть, что антигитлеровская коалиция создавалась не одномоментно, а явилась итогом целенаправленной внешнеполитической деятельности СССР еще в предвоенные годы. Безусловно, этому способствовали не только некоторые объективные международные обстоятельства, которые все же позволили СССР уже 12 июля 1941 г. в Москве подписать соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии³, положившее начало формированию антигитлеровской коалиции, но и титаническая работа лично И. В. Сталина при проведении переговоров, встреч с представителями зарубежных государств. Так, его личный переводчик В. М. Бережков, присутствовавший на многих международных встречах и переговорах военных лет писал по этому поводу: «В первые недели войны, когда казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет, все высокопоставленные иностранные посетители начиная с Гопкинса, Бивербрука, Гарримана были настроены весьма пессимистически. А уезжали из Москвы в полной уверенности, что Советский Союз будет сражаться и в конечном итоге победит. Что же побуждало этих и других опытных и скептически настроенных политиков менять свою точку зрения? Только беседы со Сталиным»⁴. Специальный представитель президента США Ф. Рузвель-

та Г. Гопкинс так описывал свои впечатления от встречи с И. В. Сталиным: «Не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова... Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность в том, что Россия выдержит атаки немецкой армии»⁵.

А ведь в тот период действительно обстановка на советско-германском фронте складывалась не в пользу СССР. Враг неотвратимо продвигался все дальше в глубь страны. Однако И. В. Сталин, несмотря на ситуацию, казавшуюся безнадежной, умел создать в ходе переговоров атмосферу непринужденности, спокойствия и уверенности. Позднее эту уверенность специальным посланцам удалось донести до Рузвельта и Черчилля, что и позволило не только приступить к организации военных поставок стойкому союзнику, но и в сентябре того же года в Лондоне провести конференцию, где была оглашена декларация советского правительства, в которой были впервые сформулированы цели и задачи антигитлеровской коалиции.

Спустя три месяца по предложению советского правительства были начаты советско-английские переговоры о заключении договоров о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве. В частности, 15 декабря 1941 года, во время беседы министра иностранных дел Великобритании А. Идена с И. В. Сталиным затрагивалась проблема границ Советского Союза. Сталин твердо заявил, что «вопрос о границах СССР... представляет для нас исключительную важность... что вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства. Он хотел бы знать, готова или не готова Англия, наш союзник, поддержать нас в восстановлении этих границ»⁶. В ходе беседы А. Иден в ответ на этот вопрос заявил: «к чему торопиться с установлением послевоенных границ, когда Гитлер все еще стоит под Москвой и до Берлина далеко. На что И. В. Сталин ответил уверенно, без промедления: — Ничего, русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз!»⁷.

Кроме того на этих переговорах А. Идена интересовала и позиция СССР в отношении Японии. Однако И. В. Сталин посчитал обсуждение этой проблемы преждевременным, так как вступление СССР в войну с этой страной осложнило бы и без того нелегкое положение Советского Союза.

По завершении переговоров было опубликовано совместное советско-английское коммюнике. В нем, в частности, говорилось о единстве

взглядов сторон на вопросы ведения войны, а также необходимость «полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным»⁸. В целом эти переговоры были важным шагом в деле консолидации антигитлеровской коалиции.

Важная и вместе с тем наиболее сложная задача советской внешней политики состояла в том, чтобы добиться от Великобритании и США открытия второго фронта в Европе. Проблема открытия второго фронта была ключевым вопросом всей Второй мировой войны. И. В. Сталин занимал непримиримую позицию в этом вопросе. Он решительно требовал, чтобы англо-американские союзники выполнили свое главное обязательство перед Советским Союзом и открыли второй фронт в Европе. Так, 18 июля 1941 г. в послании У. Черчиллю И. В. Сталин писал: «Мне кажется... что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика)»⁹.

Этот вопрос приобрел особое значение после того, как весной 1942 г. стало очевидным намерение Германии организовать решающее наступление на советско-германском фронте. Прогрессивные силы в США и Великобритании добивались установления самого тесного сотрудничества с народами СССР; значение сотрудничества с Советским Союзом учитывали и правительства этих стран. Понимая, что от событий на Восточном фронте зависит судьба Англии, У. Черчилль подчеркивал важность и необходимость такого сотрудничества. Соответствующие заявления делало и американское правительство. В июне 1942 г. президент Ф. Рузвельт в беседе с министром финансов Г. Моргентау заявил: «В целом ответ на вопрос: выиграем мы войну или проиграем — зависит от русских. Если Русские смогут продержаться это лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев, то мы определенно сможем одержать победу»¹⁰.

В этих условиях в мае 1942 года правительства США и Великобритании пошли на заключение союзных договоров, но, как показали последующие события, они придавали им больше декларативное, чем реальное значение. В опубликованном 12 июня коммюнике о результатах переговоров между СССР, Англией и США указывалось: «...Была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»¹¹ Советская сторона тогда еще верила в реальность этих обязательств. При вторичном посещении Лондона советской делегацией, Черчилль лично передал министру иностран-

ных дел СССР В. М. Молотову памятную записку. Пункт 5-й ее гласил: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года»¹². Договоренность между Советским Союзом, Англией и США о создании второго фронта в Европе в 1942 г. открывала перед антигитлеровской коалицией огромные возможности. Реализация ее позволила бы закончить войну намного раньше. Но еще раньше, чем наступил этот срок, союзники объявили, что вместо высадки в Европе они в ноябре десантируются в Северной Африке. Ни по месту, ни по срокам это никоим образом не соответствовало взятым на себя западными союзниками обязательствам.

Отказ союзников открыть второй фронт в 1942 г. вызвал у И. В. Сталина резкое усиление недоверия к своим партнерам. В октябре 1942 г., отвечая на вопросы американского корреспондента Кэссиди в отношении второго фронта, он отметил, что реальная помощь союзников СССР малоэффективна по сравнению с той помощью, которую оказывает англичанам и американцам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы германских войск. Подобный ответ им был направлен и Черчиллю 19 июня 1943 г. на его послание о том, что и в 1943 г. второй фронт в Европе не будет открыт, Сталин писал: «Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Красной Армии, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»¹³. Тем не менее, ни в 1942 г., ни в 1943 г. второй фронт так и не был открыт.

В тот период серьезное беспокойство у И. В. Сталина вызывал вопрос о союзных поставках Советскому Союзу вооружения и материалов. Он поручил заниматься решением этой проблемы В. М. Молотову. В ходе его визитов и соответствующих переговоров уже 1 октября 1941 г. был подписан первый Московский протокол о военных поставках на период с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Согласно этому документу США и Великобритания обязались отправлять в Советский Союз ежемесячно большое количество вооружения и военной техники, а также военных материалов, в том числе 400 самолетов, 500 танков, 1000 орудий, 2 тыс. т алюминия, 1 тыс. т броневых листов и так далее. Из обещанных Англией в конце 1941 г. 800 самолетов поступило лишь две трети, а танков — менее половины. США с октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. направили в СССР 545 самолетов и 783 танка, что было в три с лишним раза меньше

обещанного, а также 16,5 тыс. грузовых автомашин, или в пять с лишним раз меньше, чем было запланировано¹⁴.

Если сравнить поставки боевой техники и вооружения по ленд-лизу в СССР с уровнем советского военного производства, то видно, что они не могли оказать решающего влияния на ход и исход войны. Так, советская промышленность за время войны дала фронту 136 844 самолета, а по ленд-лизу получила 18 753 самолета, соответственно танков 102 500 и 11 567, орудий — 489 900 и 9600¹⁵. Особенно резко сократились поставки в последний год войны: они составили менее 3% отечественного производства.

По этому поводу американский историк Д. Флеминг писал: «Множество американцев считает, что Россия потерпела бы поражение, если бы не наша помощь по ленд-лизу». Однако, подчеркивает он, «русские добились перелома у Сталинграда перед тем как наша помощь стала поступать в значительных размерах, а на протяжении всей борьбы их промышленность производила все основные средства войны»¹⁶. Ближайший советник президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинс отмечал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»¹⁷. Подобные мысли высказывал, и крупный политический деятель Англии Эрнст Бевин, который говорил, что «вся помощь», которую мы были в состоянии оказать, была незначительной по сравнению с громадными усилиями советских людей. Наши потомки, изучая историю, будут с восхищением и благодарностью вспоминать героизм великого русского народа»¹⁸.

Не отказываясь от борьбы за открытие второго фронта и увеличение военных поставок, советское правительство во главе со И. В. Сталиным решило не обострять отношений с союзниками, чтобы не ослаблять антифашистскую коалицию. В целом коалиция по экономическому и военному потенциалам значительно превосходила блок агрессивных государств, однако этот объективный фактор мог сыграть решающую роль лишь при условии его эффективного использования. Между тем, Соединенные Штаты Америки и Великобритания в своих военно-политических планах вплоть до открытия второго фронта продолжали уделять основное внимание театрам, на которых действовали лишь незначительные силы вермахта.

На протяжении всей войны И. В. Сталин вел напряженные переговоры в формате «Большой тройки», умело отстаивая государственные интересы страны, в том числе в ходе переговоров на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций¹⁹.

К концу войны список пожеланий, выдвигаемых советской дипломатией и лично И. В. Сталиным на встречах «Большой тройки», заметно вырос. Он включал в себя не только признание «границ 1941 года», но и равное участие в оккупации Германии и Японии, установление дружественных Советскому Союзу режимов вдоль его западных границ, возвращение территорий и привилегий царской России на Дальнем Востоке, свободный выход СССР в Черное и Средиземное моря с приобретением стратегических опорных пунктов в Проливах (за счет Турции) и в самом Средиземноморье (за счет бывших колоний Италии). Делались заявки на приобретение таких же опорных пунктов в Балтийском и Баренцевом морях, а также на создание просоветского анклава на севере Ирана в качестве буфера, обеспечивающего к тому же свободный доступ к иранской нефти.

И. В. Сталин считал эту программу вполне обоснованной с точки зрения обеспечения безопасности СССР. Это признавалось и сведущими людьми на Западе. Они понимали, что с «чисто стратегической точки зрения» интересы «национальной безопасности России требуют защиты границ и выхода в Мировой океан...»

При этом важно отметить, что стратегически желанное и морально обоснованное требование СССР становилось впервые за долгие годы реально возможным. Советская страна не была великой державой ни в 20-е, ни в 30-е годы. Такой она стала после Ялты. Ялта и Потсдам сделали Советский Союз великой державой, без которой не решался ни один крупный вопрос мировой политики. И. В. Сталину удалось расколоть мир на две части. Сокрушительный разгром врагов России — Германии и Японии, выход Красной армии к Эльбе давали уникальную возможность перевести гигантские потери и победы военных лет в гарантии безопасности СССР на долгие годы вперед. «Нам надо было закрепить то, что завоевано», вспоминал В. М. Молотов, и И. В. Сталин, по его словам, был полон решимости не упустить этот исторический шанс и не «дать себя одурачить».

Значительную часть этой программы удалось согласовать еще в годы войны. Однако ряд пунктов сталинской программы шел явно вразрез с интересами западных союзников, что внесло охлаждение отношений между ними. Дело осложнялось и тем, что за годы войны выросли геополитические аппетиты США, которые начали связывать национальную безопасность с расширением своего присутствия в Европе, а также на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. С окончанием войны заинтересованность союзников по антигитлеровской коалиции в расположении

руководства Советского Союза резко пошла на убыль, а вместе с ней и терпимость к его геополитическим притязаниям.

И. В. Сталин был готов к осложнению отношений с Западом, но поначалу старался осуществить задуманное без развала «Большой тройки». Сохранение этого формата позволило бы избежать дорогостоящего конфликта с двумя сильнейшими державами Запада (или, по крайней мере, отложить его), узаконить советскую сферу влияния, получить экономическую помощь на послевоенное восстановление, а также продолжать играть на противоречиях между США и Великобританией. Эти расчеты во многом объясняют особенности сталинской стратегии по консолидации советской сферы влияния, особенно на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы.

И. В. Сталину все же удалось добиться своей главной цели — раздвинуть границы СССР, избежав при этом большой войны с Западом.

Предвидя возможные фальсификации и переоценки результатов Второй мировой войны, И. В. Сталин, выступая на Ялтинской конференции, заметил, обращаясь к руководителям США и Англии: «Пока мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами...»²⁰. И далее — как писал сын президента США Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт, — участники конференции уже в свете этого выступления И. В. Сталина обсудили проблему единства «Большой тройки» и «...одобрили идею предоставления ее членам право вето, основывая свою аргументацию на том простом и предельно ясном факте, что мир может быть сохранен только при условии единодушия всех крупнейших держав»²¹.

Таким образом, на протяжении всей войны в центре внешнеполитической деятельности И. В. Сталина стояли проблемы защиты государственных интересов Советского Союза, максимального вовлечения в борьбу с Германией ресурсов Англии и США, обеспечения безопасности страны, надежности ее границ в послевоенный период.

Было бы опрометчивым считать, что советское высшее военно-политическое руководство во главе с И. В. Сталиным связывало все надежды на выживание Советского Союза в годы войны только с открытием «второго фронта» и военной помощью западных союзников. Еще в предвоенные годы советскому государству удалось сделать огромный рывок в индустриальном развитии страны. Это видно из следующих конкретных данных. Валовая продукция промышленности СССР к 1941 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась в 7,7 раза, производство средств производства — в 13,4, машиностроения и металлообработки — в 30, энерговооруженность труда — в 5 раз.

В 1940 г. в Советском Союзе было произведено 14,9 млн тонн чугуна, в (3,5 раза больше, чем в 1913 г.), 18,3 млн тонн стали (в 4,3 раза больше), 166 млн тонн каменного угля (в 5,7 раза больше), нефти 31,1 млн тонн (в 3 раза больше), электроэнергии 48,6 млрд кВт/ч²². В годы довоенных пятилеток было построено и введено в действие около 9 тыс. крупных промышленных предприятий, большинство из них составляли предприятия тяжелой индустрии, которые являлись мощным источником снабжения Красной армии вооружением и военной техникой на протяжении всей войны.

В преддверии агрессии темпы роста военных ассигнований более чем в два раза превышали темпы роста суммарных бюджетных расходов. По количеству выпущенных танков, боевых самолетов, орудий, минометов, стрелкового оружия СССР занимал лидирующее место в мире. По данным Наркомата обороны и Комитета обороны при СНК, к 1941 г. к выполнению военных заказов были привлечены сотни предприятий 60 наркоматов и ведомств, в том числе тяжелого, среднего и общего машиностроения, черной и цветной металлургии, химической, электротехнической и других отраслей промышленности²³.

Для укрепления оборонной мощи Советского государства огромное значение имело успешное развитие сельскохозяйственного производства. В предвоенные годы были достигнуты большие успехи в создании крупного механизированного социалистического сельского хозяйства. На 1 января 1941 г. в стране насчитывалось 236 900 колхозов, 4159 совхозов и 7069 МТС; на полях страны работали 684 тыс. тракторов, 182 тыс. зерновых комбайнов, 228 тыс. грузовых автомобилей и много другой сельскохозяйственной техники. Посевные площади в 1940 г. достигли 150,4 млн. гектаров (против 118, 2 млн. в 1913 г.). Валовая продукция сельского хозяйства выросла за это же время на 41%, производство зерна поднялось с 76,5 млн. тонн до 95,5 млн. тонн. Были накоплены запасы ржи, пшеницы, овса, муки, крупы, составившие на 1 января 1941 г. 6 162 тыс. тонн. Это позволило создать фонды продовольствия и фуража для 4–6-месячного обеспечения армии на случай войны.

В целом оборонная промышленность и сельское хозяйство страны, созданные в предвоенные годы, были способны производить для Вооруженных сил самую современную технику и обеспечивать их необходимым продовольствием. Советские люди не жалели сил, проявляли самоотверженность в труде во имя укрепления обороноспособности страны. Однако времени для оснащения армии и флота новейшим вооружением и боевой техникой оказалось недостаточно.

С начала войны условия военного производства коренным образом изменились. В результате огромных потерь вооружения и боевой техники положение с обеспечением вооруженных сил оружием приняло катастрофический характер: из имевшихся на 22 июня 1941 г. 22,6 тыс. танков к концу года было утрачено 20,5 тыс., из 20 тыс. боевых самолетов потери составляли 17,9 тыс., из 112,8 тыс. орудий и минометов — более 100 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов — 5,5 млн²⁴. Без восполнения таких потерь в кратчайшие сроки вооруженная борьба с агрессором становилась невозможной, что ставило бы СССР перед угрозой неминуемого поражения и разгрома.

Кроме того свыше 80% общего количества предприятий оборонной промышленности, в том числе 94% авиационных заводов и более 80% заводов Наркомата вооружения (НКВ), оказались с лета 1941 г. в зоне боевых действий и прифронтовых районах, что потребовало огромных усилий для их эвакуации уже в тяжелейших условиях военного времени. Планы расширения военного производства на востоке страны к началу войны выполнены не были; на Урале и в других восточных районах до 1941 г. не выпустили ни одного танка, отсутствовали даже прокатные станы для изготовления танковой брони. Мобилизационный план для промышленности по производству военной продукции на случай войны, представленный Генеральным штабом в Комитет обороны при СНК в марте 1941 г., не был принят. «Много говорили, спорили, доказывали, — писал Г. К. Жуков, — но настало лето, а мобилизационный план по военной продукции так и остался неутвержденным. И только тогда, когда грянула война, все стало делаться наспех, распорядительным порядком, зачастую неорганизованно и в ущерб одному другому»²⁵.

Война потребовала коренной структурной перестройки всего народного хозяйства, всеобъемлющей мобилизации людских, материальных, сырьевых, финансовых, научно-технических ресурсов для максимального расширения военного производства и обеспечения действующей армии всеми видами боевой техники, оружия и материальных средств. На военные нужды использовалось около 70% промышленной продукции, что определяло приоритетное развитие оборонных отраслей промышленности и их доминирующее место в общем народнохозяйственном комплексе страны²⁶.

Вынужденных диспропорций между производством и потреблением, между военным и гражданским секторами экономики, какие были в СССР не знала ни одна из стран, участвовавших во Второй мировой войне. К началу 1942 г. после потери важнейших промышленных районов,

оккупированных противником, экономическая база оборонного производства страны сильно сократилась: добыча железной руды по отношению к довоенному уровню составляла всего 32–38%, выплавка чугуна — 32–49%, выпуск металлорежущих станков — 39–58%²⁷. Такой спад промышленного потенциала, возвращавший страну к начальным этапам индустриализации, в ходе противоборства с фашистским блоком, опиравшимся на промышленную базу почти всей Европы, мог быть компенсирован только за счет сверхнапряжения всего общества.

Несмотря на все трудности, советские люди были убеждены в справедливости дела, за которое они сражались на фронте и ради которого самоотверженно трудились и переносили лишения в тылу. Они доверяли своему руководству, не сомневались в правильности проводимой им политики. Благодаря небывалому патриотическому подъему советских людей в тылу удалось в невиданно сжатые сроки не только восстановить довоенный объем производства военной продукции, но с марта 1942 г. и заметно превысить его. Красная армия уже в 1942 г. получила от военной промышленности около 24 тыс. танков, около 25 тыс. самолетов, почти 34 тыс. орудий — значительно больше, чем в первом полугодии 1941 года²⁸.

Все это стало возможным благодаря тому, уже 30 июня 1941 г. ввиду создавшегося чрезвычайного положения в стране в целях быстрой мобилизации всех сил народа для отпора врагу Президиум Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР создали Государственный Комитет Оборона (ГКО) во главе с И. В. Сталиным. В руках этого органа была сосредоточена вся полнота власти в государстве. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны были беспрекословно выполнять все его постановления и распоряжения. И. В. Сталин и Политбюро фактически возглавляли государство и принимали все решения. Но формально эти решения исходили от Президиума Верховного Совета, ЦК ВКП(б) и т. п. Такой бюрократизм в условиях войны создавал затруднения, и его решили устранить путем создания Государственного Комитета Оборона.

С начала войны огромную работу по реорганизации управления советской экономикой, переводу ее на военный лад вместе с другими руководителями партии и правительства проводил И. В. Сталин. Уже в первой половине дня 22 июня 1941 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Был утвержден текст обращения к советскому народу с главным лозунгом достижения победы: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Принято решение о введении военного положения, о мобилизации, о програм-

ме достижения Победы. Первую сводку с фронта, предназначенную для печати, он пишет лично. Вождь очень краток, тщательно подбирает слова, вновь редактирует уже набранный текст. Он хочет успокоить страну — «противник отбит с большими потерями». Но он-то понимает: произошло нечто страшное. Впервые за многие годы на карту поставлена судьба страны, жизнь и смерть государства. Отчетливо осознавая это И. В. Сталин как Председатель Совнаркома СССР и Секретарь ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г. направляет директиву в адрес руководителей партийных и советских организаций прифронтовых областей. Он лично участвует в ее написании, редактируя каждое предложение. Главную идею этого важнейшего документа составляло требование: «Все для фронта, все для победы!». Каждый ее абзац требовал действий: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села... Организовать всестороннюю помощь действующей Армии... вести беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами... В занятых врагом районах создавать партизанские отряды... — и далее Сталин вставляет фразу о «немедленном предании суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица»²⁹. Фактически это был программный документ партии, в котором советское руководство объявило о тактике выжженной земли. И уже в первых числах июля в соответствии с этой директивой были намечены конкретные планы действий.

С начала нападения Германии на СССР И. В. Сталин не сразу обратился к советскому народу. Его речь страна услышала 3 июля 1941 г. «Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, — говорил по этому поводу В. М. Молотов, — ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах»³⁰. Одним из первых, кто понял, что начавшаяся война возможна только как отечественная, как национальная, стал И. В. Сталин. Это он в своем обращении к народу, когда стало ясно, что предстоит жестокая и длительная борьба за выживание России, вслед за привычным «Товарищи! Граждане!» неожиданно произнес «Братья и сестры!»³¹. И этим сумел затронуть самое глубинное чувство тысячелетней народной общности. Он потому и был услышан, что обратился к русскому духу, к силе идущей от предков.

Впечатление от речи вождя было колоссальным. Большинство советских людей вдруг ощутило, что у микрофона находился человек, который

думает и чувствует так же, как они сами. В тот момент народ отчетливо понимал, что никакого другого руководителя, кроме Сталина, у него в этой войне нет и надо идти за ним. Возможно, в то время и сам Сталин более отчетливо стал понимать, что в целом в деле обеспечения обороны необходимо исходить не из отвлеченных идей, а из национальных интересов, искать рациональные военно-политические и стратегические решения. Не случайно 7 ноября 1941 года, выступая с трибуны Мавзолея перед отправляющимися прямо с парада на фронт частями Красной армии и флота, И. В. Сталин провозгласил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»³². Несомненно, что с этого времени война приобрела народный характер.

В тот период его деятельность охватывала чрезвычайно широкий и разнообразный круг проблем — рост выпуска военной продукции и экономное расходование важнейших материалов, перераспределение трудовых и финансовых ресурсов, снабжение фронта и тыла продовольственными и промышленными товарами, обеспечение промышленности необходимым сырьем, создание новых видов вооружения и боевой техники, налаживание бесперебойных железнодорожных перевозок (ведь он к тому же был еще и председателем Транспортного отдела ГКО), эвакуация из угрожаемых районов крупных заводов и научных учреждений и их размещение, и ввод в число действующих на востоке страны, выработка неотложных эффективных мер по возмещению людских и материальных потерь, понесенных в ходе войны, а также решение других неотлагательных проблем, ежедневно возникающих по мере развертывания грандиозной вооруженной борьбы на полях сражений.

Необходимо отметить, что на посту Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину приходилось решать иные задачи, иметь дело с руководящими лицами, учеными и конструкторами, осуществлять обязанности, не похожие на те, что стояли перед Председателем Совнаркома СССР и Секретарем ЦК ВКП(б), а равно впоследствии — перед Председателем Ставки Верховного Главнокомандования, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны СССР. Разумеется, при этом вся его деятельность на этих постах была подчинена одному — разгрому агрессора и победе Советского Союза в Великой освободительной Отечественной войне.

Стиль его работы на этом высоком государственном посту оставался прежним — это личная работоспособность, ответственность, высо-

кая требовательность, которую он предъявлял не только к членам ГКО, но и непосредственно к партийным, советским, военным работникам и специалистам на местах в плане четкого исполнения порученных заданий.

Успехам военной экономики страна обязана также новым сталинским кадрам («Кадры решают все!»), перед войной получившим высокие назначения. Так, например, Наркомат тяжелой промышленности возглавил 36-летний В. Малышев, наркоматом черной металлургии руководил 38-летний И. Тевосян, родственной отраслью — цветной металлургией — 36-летний Г. Ломако. Д. Устинов в 32 года стал наркомом вооружения, А. Косыгин в 36 лет был назначен заместителем председателя Совнаркома СССР, сотрудник путей сообщения И. Ковалев в 38 лет — начальник управления военных сообщений Генерального штаба, 34-летний доктор наук Н. Вознесенский возглавил Госплан СССР, да и самому Сталину перед войной, было чуть более 60 лет.

Необходимо подчеркнуть в целом титаническую работу ГКО на протяжении всей войны. Об этом говорит тот факт, что за годы Отечественной войны Государственным Комитетом обороны, при активном участии И. В. Сталина было принято свыше 9900 постановлений, не считая многочисленных его телеграмм направленных в различные инстанции, резолюций сделанных им на соответствующих документах, а также огромного количества отданных им устных распоряжений. Причем все наиболее важные постановления, связанные с назначением на руководящие должности, по вопросам общественно-экономического и военного строительства, созданием боевой техники рассматривались и подписывались только Председателем ГКО. Лично Сталиным было разработано более 2200 постановлений, касающихся непосредственно Вооруженных Сил. Наряду с этим за годы Отечественной войны под председательством И. В. Сталина было проведено свыше 200 заседаний высших руководящих партийных органов — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии, на которых обсуждались нужды фронта, работа тыла в условиях войны³³. В тоже время необходимо подчеркнуть, что все эти заседания не были специальными заседаниями Политбюро, так как в двух созданных чрезвычайных органах государственного и военного управления — Государственном Комитете и Ставке члены Политбюро и ЦК занимали главенствующее место. Поэтому постановления ГКО были, по существу, постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б). Иначе говоря, Политбюро пользовался практически всей полнотой власти, облеченной полномочиями ГКО.

С началом агрессии важнейшей задачей, от которой зависело создание военной экономики

страны, стал перевод народного хозяйства на военные рельсы. Он начался, прежде всего, с просмотра экономических планов и приведения их в соответствие с требованиями войны. План развития народного хозяйства СССР на III квартал был отменен. Вместо него 30 июня был разработан и утвержден мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г. Это явилось крупным шагом по пути перестройки всей советской экономики.

Выполнение мобилизационного народнохозяйственного плана в течение короткого времени сыграло огромную роль в развитии военной экономики. Однако ход событий показал, что этот план не мог обеспечить растущие потребности войны. 4 июля 1941 г. ГКО создал комиссию во главе с председателем Госплана СССР Н. А. Вознесенским для выработки нового военно-хозяйственного плана. 16 августа 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет ВКП(б) одобрили представленный Госпланом военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

В этом конструктивном военно-хозяйственном плане содержалась обширная программа развития всех отраслей военной экономики, а также эвакуации на Восток предприятий, особенно ведущих, оборонной промышленности из прифронтовых районов и восстановления их на новом месте в кратчайший срок. Непосредственно работой по перебазированию производительных сил страны руководил Совет по эвакуации, созданный уже на третий день войны, при Совнарком СССР во главе с Н. М. Шверником, заместителями которого были А. Н. Косыгин и Н. Г. Первухин. И. В. Сталин постоянно держал в поле зрения это очень важное для обороны страны направление деятельности.

Эвакуация потребовала огромного напряжения сил. Она стала народным подвигом. Целая индустриальная держава была перемещена на тысячи километров на восток. В течение июля — ноября 1941 г. на Восток было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, главным образом военных, предприятий. В районы Урала было перебазировано 667 предприятий, Поволжья — 226, Западной Сибири — 244, Восточной Сибири — 78, Казахстана и Средней Азии — 308. По железным дорогам за вторую половину 1941 г. прошло около 1,5 млн. вагонов с грузами эвакуируемых предприятий³⁴.

На новом месте, часто под открытым небом, машины и станки буквально с железнодорожных платформ пускались в дело. Значение этого народного подвига для развития военной экономики страны, для судьбы войны невозможно переоценить. Позднее Маршал войск связи А. И. Белов по

этому поводу напишет: «А вспомнить эвакуацию нашей промышленности на Восток. Эвакуацию и развертывание ее в кратчайшие сроки на новом месте. Беспримерная эпопея! И кто был душой ее? Сталин. Я знаю это тоже по рассказам многих участников и очевидцев. Понятно, не одного Сталина тут заслуга. Была огромная организаторская работа партии и правительства, всех органов государственной власти, сверхчеловеческий труд миллионов людей. Но это — большая заслуга и лично Сталина. Его мысли, его умения организовать, его неукротимой воли»³⁵.

Наряду с этим поистине одним из важнейших его проектов является «Дорога жизни» в осажденный врагом Ленинград. Так, 13 октября 1941 г. И. В. Сталин направил руководству города соответствующую телеграмму в которой писал: «...нужно поторопиться пробить дорогу через Мга на восток... Сами знаете, что других путей нет... Поторопитесь иначе боимся, что будет поздно. Пока силы противника отвлечены на другие фронты...»³⁶. Вскоре эти его указания превратятся в приказы, директивы, распоряжения, которые будут реализованы в «Дорогу жизни», спасшую блокадный город.

К середине 1942 года был завершен перевод экономики страны на военный лад. К лету на Востоке действовало уже 1200 крупных эвакуированных предприятий. Кроме того, было введено в эксплуатацию 850 новых заводов, шахт электростанций, доменных и мартеновских печей, прокатных станов и других важных объектов. Возрастал выпуск танков, самолетов, орудий и других средств вооруженной борьбы. Так, в 1942 г. только танкостроительная промышленность выпустила в 3,7 раза больше танков, чем в 1941 г., в то же время развитие авиационной промышленности позволило не только увеличить выпуск авиационной техники, но и дало возможность освоить производство 14 новых типов самолетов. Эти образцы по ряду тактико-технических показателей превосходили боевую технику противника³⁷.

С первых же дней войны И. В. Сталин добивался неукоснительного и предельно срочного выполнения всех военных заказов, поставки Красной армии новых видов вооружения. Так, например, 1 июля 1941 г. ГКО обязало своим постановлением горьковский судоремонтный завод «Красное Сормово» полностью перейти на выпуск средних танков Т-34 (план на 1941 г. — 700–750 танков). Однако не сразу удалось сормовичам выполнить задание. Первоначально И. В. Сталин грозит руководству завода: «...будем судить вас как преступников», но пока письмо печатается, гнев проходит и эту фразу он зачеркивает, оставляет только: «Надеюсь, что завод выполнит свой долг перед страной»³⁸. В то же время более гневную телеграмму он шлет

директорам двух куйбышевских авиационных заводов, в которой настойчиво предлагает руководству увеличить выпуск самолетов: «Прошу Вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю в последний раз. Сталин»³⁹. Благодаря помощи, оказанной заводам, уже через месяц выпускалось по семь самолетов Ил-2 в сутки. И таких его указаний было бесчисленное множество.

Большое внимание Сталин уделял совершенствованию боевой техники, поступавшей на вооружение армии и флота. Председатель ГКО И. В. Сталин часто встречался с наркомками оборонных отраслей промышленности А. И. Шахуриным, Д. Ф. Устиновым, Б. Л. Ванниковым, В. А. Малышевым и ведущими главными конструкторами авиационной техники Н. Н. Поликарповым, А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным, А. С. Яковлевым, артиллерийских систем — В. Г. Грабиным, танков — Я. Я. Котиним, А. А. Морозовым, стрелкового оружия — В. А. Дегтяревым, Б. Г. Шпитальным, Г. С. Шпагиным. Уже после войны Б. Л. Ванников так писал по этому поводу: «Сталин уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой, артиллерийской промышленности и военного судостроения»⁴⁰. При этом Сталин всегда был на высоте обсуждаемых вопросов. Он обходился без консультантов и пытливо добирался до малейших тонкостей, порой своими вопросами по существу дела ставил в тупик конструкторов.

В 1943 году советская экономика достигла выдающихся успехов. Это, между прочим, вынужден был признать и президент США Ф. Рузвельт. Говоря о росте американской военной экономики, он в послании конгрессу от 7 января 1943 г. отмечал: «Мы не должны забывать при этом, что наши достижения не более велики, чем достижения русских... которые развили свою военную промышленность в условиях невероятных трудностей, порожденных войной»⁴¹.

После изгнания немецких оккупантов на освобожденной территории по указанию И. В. Сталина сразу же начиналось восстановление городов и сел, заводов и предприятий, больниц и школ. Государство выделяло немалые сред-

ства для возрождения экономики в пострадавших от оккупации районах. Так, в 1944 г. они составили две пятых всех капитальных вложений в народное хозяйство. В восстановлении хозяйства участвовала вся страна. Широко было развито шефство тыловых районов для возрождения пострадавших от врага областей. В прошлом история не знала примера одновременного ведения крупнейших наступательных операций армии и широкого развертывания народом восстановительных работ на огромной территории, освобожденной от противника. Кроме того 1944 г. был годом максимального выпуска основных видов военной техники. Авиационная промышленность дала стране 40,3 тыс. самолетов, из них 33,2 тыс. боевых. Советские ВВС имели на фронте в 4 раза больше самолетов, чем Германия, а в 1945 году это превосходство стало еще большим. С января 1945 года до конца войны танкостроители произвели для армии 49,5 тыс. танков и САУ, в то время как германская промышленность только 22,7 тыс. Полностью удовлетворялись потребности фронта боеприпасами всей номенклатуры.

Подвиг тружеников тыла имел историческое значение. По данным Госплана СССР, в 1941–1945 годах наша военная промышленность, как по среднегодовому производству, так и по общему объему выпущенной военной продукции почти вдвое обогнала Германию⁴². Характерно по этому поводу признание немецкого генерала Курта Типпельскирха, который писал: «Сталин смог оснастить свои новые армии гораздо лучше, чем оснащались до того времени русские войска. Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов»⁴³.

Что же касается военной деятельности И. В. Сталина, как руководителя Ставки ВГК и Верховного Главнокомандующего, то необходимо отметить, что начало войны, как известно, сложилось трагично для нашей страны. Потерпев тяжелые поражения, Красная армия вынуждена была отходить. По воспоминаниям Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях

с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»⁴⁴.

Создавшаяся на фронте реальная обстановка требовала от советского политического руководства и военного командования немедленного коренного пересмотра прежних планов, самих взглядов на способы ведения войны, вооруженной борьбы. Необходимо было решительно отказаться от считавшихся незыблемыми догм, найти новые, нестандартные решения. И все это требовалось совершить в условиях стремительного наступления противника, отчаянной нехватки времени. События развивались стремительно и опасно.

Предпринятые попытки нанести контрудары лишь кое-где привели к успеху, но в целом не могли переломить обстановку. Условия, в которых Красная армия вступила в войну, оказались настолько сложными, а последствия первых массированных ударов врага настолько тяжелыми, что даже невиданный героизм советских воинов не в состоянии был изменить развитие событий на фронте. Между тем у руководства страны происходил глубокий поворот в осмыслении обстановки, сложившейся на фронте. И в целом он шел в правильном направлении. Переход к стратегической обороне был неизбежным. Меры к этому принимались. В решении этих коренных вопросов ведения войны на ее тяжелом начальном этапе выдвигавшаяся роль принадлежала И. В. Сталину.

С первых же дней войны перед ним неотложно и остро встала проблема оптимальной организации управления вооруженной борьбой и всей жизнью страны в новых крайне сложных условиях, тем более после первых неудачно развернувшихся военных действий. И в этих непростых условиях И. В. Сталин как высший руководитель государства, сумел быстро найти новые оптимальные формы управления и создать соответствующие властные органы. Уже к девяти часам утра 22 июня Генеральный штаб подготовил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении всеобщей мобилизации и образовании Ставки. На следующий день постановлением советского правительства Ставка Главного Командования была создана. Хотя ее председателем был назначен Нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, но в действительности руководство Ставкой им было чисто формальным. Нарком обороны как председатель Ставки без И. В. Сталина не мог принять ни одного принципиального решения и лишь подписывал одобренные последним директивы. Ясно, что в ситуации, когда существовали как бы два Главкомандующих: один — юридический, бесправный, а другой — фактический, всесильный, Ставка не могла нормально работать.

Ошибочность принятого решения выявилась очень скоро. Уже 10 июля 1941 г. решением ГКО Ставка Главного Командования преобразуется в Ставку Верховного Командования, а 8 августа — в Ставку Верховного Главкомандования. И. В. Сталин был назначен Верховным Главкомандующим и возглавил Ставку. По этому поводу Г. К. Жуков писал: «Надо сказать, что с назначением И. В. Сталина Председателем ГКО и Верховным Главкомандующим сразу почувствовалась его твердая рука»⁴⁵. Но все же необходимо отметить, что только через полтора месяца войны, когда противник находился в 300 км от Москвы, более четко определились формы и методы работы Ставки и ее основные функции. На протяжении всей войны она решала колоссальный объем задач. В осуществлении стратегического руководства Вооруженными Силами Ставка ВГК опиралась на свой рабочий орган — Генеральный штаб, хотя на этот счет формально никаких указаний не отдавалось.

В начале войны И. В. Сталин недооценивал значение Генерального штаба. Уже на второй день войны он отправил начальника Генерального штаба Г. К. Жукова для оказания помощи командованию Юго-Западного фронта, заместителя Наркома обороны Б. М. Шапошникова, заместителя начальника Генерального штаба В. Д. Соколовского и начальника оперативного управления Г. К. Маландина на Западный, а первого заместителя начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутина — на Северо-Западный фронты. И в дальнейшем Генеральный штаб не раз на много дней оставался без руководящих работников. Так, А. М. Василевский, из 34 месяцев пребывания в должности начальника Генерального штаба, 22 месяца работал на фронте. Все это негативно отражалось на деятельности этого ведущего органа военного управления, значительно снижало эффективность его работы. В тот период И. В. Сталин практически единолично принимал многие решения, не советуясь с руководством Генерального штаба. Так, бывший начальник оперативного управления Генштаба В. М. Злобин по этому поводу говорил: «...все решается без нас, наверху. Мы по существу превратились в простых технических передатчиков не только принимаемых, но и уже оформленных решений»⁴⁶. Только с сентября-октября 1942 г., когда очевидной стала тяжесть последствий допущенных командованием всех степеней просчетов, отношение Сталина к Генеральному штабу изменилось. Он стал внимательнее прислушиваться к мнениям его руководящего состава. Теперь уже ни одного сколько-нибудь важного решения Ставка без предварительного согласования с Генеральным штабом не принимала. «Поворотной вехой перестройки Сталина явился сентябрь 1942 г., ког-

да создалась очень трудная обстановка и особенно потребовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, — писал Маршал А. М. Василевский в своих мемуарах. — С тех пор наиболее важные решения принимались при участии его заместителя, работников Генштаба, главных управлений». — И далее он продолжает. — «Завершился процесс роста И. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны. Он стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, но и в оперативном искусстве»⁴⁷.

При непосредственном участии И. В. Сталина совершенствовалась система стратегического руководства и на более низких уровнях. Так, с целью повышения надежности и оперативности руководства войсками действующей армии 10 июля 1941 г. решением ГКО были образованы главные командования Северо-Западного, Западного и Юго-Западного стратегических направлений. В целом эти командования направлений сыграли положительную роль в организации боевых действий. Однако в силу того, что создавались они спешно, без заранее разработанной и проверенной организационной структуры и с неясными функциональными обязанностями, без необходимого количества средств управления, связи и квалифицированных военных кадров, эффективность их деятельности в начале войны была недостаточной. Главкомы не имели широких полномочий для принятия решений по использованию войск и руководству их боевой деятельностью. Кроме того, высокая динамичность обстановки вынуждали порой непосредственно и И. В. Сталина отдавать распоряжения фронтам напрямую, вследствие чего нередко возникали различные недоразумения, снижалась ответственность органов руководства в целом за исход операций.

Как уже отмечалось, что наиболее сложным и тяжелым для И. В. Сталина, как и для всей страны, был первый период войны. В это время он еще не имел необходимого опыта по руководству вооруженной борьбой. В результате многие вопросы решались им поспешно, нередко методом проб и ошибок, часто единолично, без участия Генерального штаба, а иногда и вопреки его предложениям. Именно в эти годы И. В. Сталиным было допущено больше всего грубейших просчетов, повлекших за собой тяжелые поражения и огромные, ничем не оправданные потери⁴⁸. В начале войны было немало случаев, когда фронтам ставились явно невыполнимые задачи. «Главная беда Сталина, как и других политических

деятелей (например, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, Д. Ф. Устинова), — писал по этому поводу Президент Академии военных наук, генерал армии М. А. Гареев в своей статье посвященной И. В. Сталину, — состояла в том, что они, не зная войсковой жизни, не имея опыта управления ими, совершенно не представляли себе, как в действительности могут происходить их действия после принятия политических решений, и отсюда — нередкие случаи постановки войскам нереальных задач. Таким людям кажется, что как только он скажет, армия сразу же и развернется для отражения агрессии, с началом войны или в ходе войны по любому телефонному звонку можно перейти в наступление или нанести контрудар, не понимая, что на это требуется определенное время»⁴⁹. И с этим трудно не согласиться.

Особенно серьезным его просчетом в 1941 г. было запоздалое решение на переход к стратегической обороне и несвоевременный вывод войск из-под ударов противника под Киевом, в результате чего потерпел тяжелое поражение Юго-Западный фронт. В 1942 г. последовали еще более грубые ошибки с определением возможного замысла действий противника, организацией многих частных операций, в которых были бесполезно израсходованы накопленные с огромным трудом людские ресурсы и материальные средства. Огромная вина ложится на И. В. Сталина за харьковскую катастрофу. По окончании войны, на приеме в Кремле после Парада Победы, он сам говорил об этом: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас минуты отчаянного положения в 1941–1942 годы»⁵⁰. Вместе с тем в тот период под его руководством Ставка все же сумела успешно решить ряд сложнейших задач, в том числе по изматыванию противника, ликвидации образовавшихся брешей, организации Смоленского сражения, обороны Одессы, Севастополя, Москвы, контрнаступления под Москвой в 1941 г., выводу войск из-под охватывающего удара противника, организации обороны Сталинграда и Кавказа летом и осенью 1942 г.

Важнейшим поворотным пунктом в организации работы Ставки ВГК и лично И. В. Сталина стало создание с весны 1942 г. института представителей Ставки. Это была качественно новая ступень в развитии системы стратегического руководства Вооруженными силами. Задачи и права представителей Ставки в ходе войны постепенно расширялись. Сначала И. В. Сталин сознательно ограничивал степень их вмешательства в развитие операций. Без его ведома и согласия они не могли принимать какое-либо принципиально иное, отличное от принятого им и соответственно Ставкой решение⁵¹. Только с середины 1944 г. ее представители были наделены более широкими

полномочиями, включая и возможность самостоятельного принятия решения. Тем не менее, и после этого каждый их шаг контролировался центром. «Право принятия окончательного решения, — писал Г.К. Жуков, во всех случаях — оставалось за Верховным Главнокомандующим»⁵².

От своих представителей он требовал постоянных докладов о выполнении поставленных задач, предъявляя высокий спрос за упущения и неудачи. В частности, он строго спросил с Л.З. Мехлиса, который как представитель Ставки пытался всю вину за невыполнение задач Крымским фронтом в 1942 г., возложить на его командующего генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова. В ответной телеграмме И.В. Сталин писал: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымского фронта. Эта позиция крайне удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи и обязанный исправлять на месте ошибки командования»⁵³.

За упущения и недоработки по службе Верховный Главнокомандующий сурово спрашивал и со всех ближайших заместителей. Это видно хотя бы из телеграммы, направленной на имя Маршала А.М. Василевского в августе 1943 г., в которой он в жесткой форме указывал: «...Вы почти каждый раз забываете об этой своей обязанности и не присылаете в Ставку донесений... Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»⁵⁴.

В тот период стиль работы И.В. Сталина на посту председателя Ставки оставался прежним. Хорошая интуиция и память, умение быстро вникать в суть вопроса, сильная воля и твердый характер, способность быстро схватывать обстановку и разбираться в сложных вопросах, все это было ему свойственно. Например, У. Черчилля поразила быстрая и верная оценка И.В. Сталиным показанного ему плана «Торч» по высадке союзников в Северной Африке в 1942 г. «Это замечательное заявление, — отмечал он, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно»⁵⁵.

Во втором периоде войны, когда решалась проблема коренного перелома в войне, практическая деятельность лично И.В. Сталина, а со-

ответственно и в целом Ставки Верховного Главнокомандования поднялись на более высокий уровень, приобрели достаточную стройность. Накопив опыт, военно-политическое руководство страны уже более осмотрительно и дальновидно руководили действиями Вооруженных сил, допускали меньше ошибок, искуснее организовывали операции.

В течение 13 месяцев, которые охватывает этот период, Ставка ВГК при непосредственном активном участии И.В. Сталина руководила действиями Вооруженных сил в двух наступательных кампаниях, подготовила и провела ряд крупнейших стратегических операций, в каждой из которых участвовало от двух до четырех фронтов.

В тот период характер работы Верховного Главнокомандующего существенно изменился. Переход от преимущественно оборонительных к наступательным действиям, владение стратегической инициативой, более благоприятное соотношение сил и средств позволяли ему действовать увереннее, ставить перед войсками действующей армии более активные задачи, предусматривать самые решительные способы действий, в том числе окружение и уничтожение крупных оперативных группировок противника. По этому поводу Маршал Г.К. Жуков писал: «Деятельность Ставки неотделима от имени И.В. Сталина. Мне очень нравилось в работе И.В. Сталина полное отсутствие формализма... Верховный Главнокомандующий сделал все возможное, чтобы Ставка и ее рабочий аппарат — Генштаб и Военные советы фронтов стали мудрыми и искусными военными помощниками в деле достижения победы над фашистской Германией»⁵⁶.

Многочисленные документы, а также свидетельства людей, работавших со Сталиным, показывают, что он с величайшей энергией и настойчивостью стремился к тому, чтобы получить максимум исчерпывающих данных о состоянии сил противника, его военно-экономическом потенциале и замыслах, о театре военных действий и т. д. Маршал А.М. Василевский в беседе с писателем К.М. Симоновым, говорил о Сталине как о военном руководителе в годы войны: «Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военные решения»⁵⁷. Именно с таких позиций, опираясь на огромный объем сведений, Верховный Главнокомандующий подходил к планированию войны, ее кампаний и стратегических операций.

Такие совещания, как правило, проводились в кабинете И.В. Сталина. На них по его распоряжению нередко приглашались отдельные члены ГКО, при необходимости вызывались те или иные командующие фронтами. В ряде случаев

организовывались совместные заседания с участием отдельных членов ГКО и Ставки ВГК или даже политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки. Но не было случая, чтобы Ставка собиралась и работала в полном составе. «Даже при обсуждении важнейших операций, в которых участвовало 3–4 фронта, и военных кампаний в работе Ставки принимали участие лишь те ее члены, которых приглашал Верховный, или те, кто выполнял особо ответственную задачу в рассматриваемой операции»⁵⁸. Такой неформальный подход позволял И. В. Сталину оперативно решать все вопросы. И хотя эти операции отличались оригинальностью замысла, своеобразием способов действий, значительно результатами, все же в деятельности высшего органа руководства Вооруженными силами были и недостатки. Достаточно указать на то, что фактически в течение всего 1943 г. ему не удалось успешно завершить ни одной операции на окружение крупной группировки противника. Немецкое командование во всех случаях быстро отводило свои войска и успевало подготовить прочную оборону на новом рубеже. Кроме того боевые действия советских войск сопровождались непомерно большими потерями среди личного состава⁵⁹. В значительной мере это — результат того, что в ряде случаев советским военно-политическим руководством неверно оценивалась обстановка и войскам ставились нереальные задачи. А это дорого обходилось фронтам.

К третьему, завершающему, периоду войны Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб и лично И. В. Сталин пришли с установившимися взглядами на способы ведения современной войны и богатым практическим опытом организации, планирования и осуществления операций большого масштаба. Появилась твердая уверенность в возможности быстрого разгрома врага собственными силами. Выработался творческий подход к решению возникавших задач.

Именно в это время в кабинете И. В. Сталина родилась идея нанесения взаимосогласованных одновременных и последовательных ударов. Вспоминая об этом, Г. К. Жуков писал: «Теперь мы могли готовить и проводить крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем стратегическом фронте. В то же время способность противника парировать эти удары значительно сократилась.

В узком кругу лиц, собравшихся в кабинете И. В. Сталина, Верховный поставил вопрос о новой форме проведения кампаний 1944 года. Предварительно он запросил мнение каждого из участников. Обсуждали, где именно следовало сосредоточить силы и средства для поражения основных сил противника и окончательного

разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять»⁶⁰. И, в отличие от прошлых лет, одновременно были начаты соответствующие просчеты на всех десяти направлениях.

Под руководством И. В. Сталина Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и провели в этот период три кампании. В ходе их проведения было осуществлено 17 стратегических операций. В ходе каждой из них достигались крупные стратегические результаты, подвергались разгрому мощные группировки врага. Высшие органы стратегического руководства страны продемонстрировали способность твердо управлять ими, решать задачи более экономно и искусно⁶¹. Безусловно, что прежде чем стать действительно эффективным органом стратегического руководства, Ставка ВГК и непосредственно И. В. Сталин прошли сложный, извилистый и трудный путь: от нервозности, растерянности и грубых ошибок через тяжелейшие поражения и неудачи, к формированию достаточно четкой, стройной и гибкой системы работы, созданию рациональной структуры и овладению новыми методами и формами управления, отвечавшими характеру и реальным условиям войны. Конечно, и в этот период они допускали отдельные просчеты, но, как правило, эти недоработки уже не оказывали существенного влияния на ход войны.

В Ставке и Генеральном штабе установился четкий режим работы, строгая система сбора данных и оценки обстановки, планирования операций, их подготовки и ведения.

Текущая стратегическая и оперативная обстановка в Генеральном штабе обобщалась и оценивалась в четко определенном круглосуточном рабочем цикле. Результаты обобщения докладывались Верховному, как правило, три раза в сутки: первый раз — в 10–11 часов по телефону начальника оперативного управления Генштаба, второй раз — вечером в 16–17 часов также по телефону начальника Генштаба или его заместителя и, наконец, ночью с 22–23 часов с выездом начальника Генштаба и начальника оперативного управления в Ставку. После подведения итогов дня докладывались и подписывались директивы на последующие действия, рассматривались просьбы фронтов и решались другие вопросы⁶². Работа у И. В. Сталина обычно заканчивалась в 5 часов утра. Затем в Генштабе дорабатывались возникшие вопросы, а с 7 часов начинались очередные сутки сбора данных и оценки положения на фронтах.

Обо всех резких изменениях обстановки Генеральный штаб докладывал немедленно. Письменные боевые донесения в Ставку представлялись трижды: два из них готовились на основе данных Генштаба, а третье представляло собой

обобщенные донесения фронтов. Одновременно готовились двухсоттысячные карты по каждому фронту и одна сводная масштаба два с половиной миллиона. Меняли карты по мере необходимости: двухсотки через два-три, а сводную — раз в пять-шесть дней⁶³.

Был выработан и своеобразный метод стратегического планирования. При разработке каждой очередной операции предварительные соображения обычно готовились представителями Ставки ВГК и Генерального штаба, а в отдельных случаях и командующими войсками фронтов. Затем они рассматривались у И. В. Сталина с участием руководителей Генерального штаба. Для уточнения расчетов в Ставку обычно вызывались Г. К. Жуков и А. М. Василевский, а в последующем и начальник тыла Красной армии, командующие родами войск, начальники главных управлений Наркомата обороны. Г. К. Жуков так описывал весь этот процесс: «Замыслы и планы стратегических операций и кампаний разрабатывались в рабочем аппарате Ставки — в Генеральном штабе с участием некоторых членов Ставки. Этому предшествовала большая работа в Политбюро и Государственном Комитете Обороны. Обсуждалась международная обстановка на данный отрезок времени, изучались потенциальные политические и военные возможности воюющих государств. Только после исследования и обсуждения всех общих вопросов делались прогнозы политического и военного характера. В результате всей этой сложной работы определялась политическая и военная стратегия, которой руководствовалась Ставка Верховного Главнокомандования»⁶⁴. И далее: «В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере политики; и чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них... его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения»⁶⁵.

Однако нельзя сказать, что все ему в этом плане удавалось решать безошибочно. Так, например, бездарно и безграмотно проводились операции советских войск под Либавой, инициатором которой был И. В. Сталин, а также севернее Варшавы правым крылом 1-го Белорусского фронта, в результате которой погибли многие десятки тысяч советских воинов. Командующий фронтом К. К. Рокоссовский неоднократно докладывал

И. В. Сталину о том, что по условиям местности там нельзя проводить наступательную операцию, однако его доводы были отвергнуты им как незрелые⁶⁶. Тем не менее, суровая действительность войны ломала и изменяла многое, наложила она свой отпечаток и на И. В. Сталина «...следует указать, что с накоплением опыта ведения войны ошибки и просчеты им умело исправлялись, их становилось все меньше и меньше, — писал Маршал Г. К. Жуков в одной из своих неопубликованных рукописей, — ...он не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать»⁶⁷. Подобную мысль высказывал и Маршал А. М. Василевский, он писал: «...в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами стал относиться сдержаннее, спокойнее даже тогда, когда на фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем раньше. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина»⁶⁸.

Знавшие и близко работавшие со И. В. Сталиным авторитетные партийные и военные руководители страны единодушно отмечали, что ко всем он обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. «Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, — писал Маршал Г. К. Жуков оценивая способности И. В. Сталина как военного руководителя. — Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим»⁶⁹. И далее он подчеркивает еще одну немаловажную черту его характера, что в тоже время: «...идти на доклад в Ставку, к Сталину, скажем с картами, на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные — было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У него было какое-то особое чутье на слабые места в докладах и документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виновных»⁷⁰.

С началом операций Ставка ВГК внимательно следила за их развитием, когда создавались кризисные ситуации и возникала опасность срыва выполнения поставленных задач — активно вмешивалась в действия командования. Весь ход операции часто контролировался лично Верховным Главнокомандующим, Генеральным штабом и представителями Ставки во фронтах. В случае неудач виновные строго наказывались. Так, например, после проверки группой офицеров Генерального штаба деятельности управлений Западного фронта в апреле 1944 г. командующий

войсками фронта генерал армии В.Д. Соколовский был снят Верховным с занимаемой должности по причине огромных безвозвратных потерь в личном составе, более 62 тыс человек⁷¹. Теперь фронтовые сводки о потерях он практически постоянно просматривал лично. И напротив, при успешных действиях войск руководящий, командный состав Вооруженных сил получал награды, повышения в званиях и должностях. Ведь Верховный не только хорошо знал их лично, ценил их знания и преданность делу, но и ко многим из них относился с душевной теплотой, внимательно следил за их деятельностью и, когда возникала особо ответственная задача, в первую очередь поручал ее решение именно этим людям.

За годы войны Ставка Верховного Главнокомандования проделала колоссальную по значимости, масштабам и объему работу. Непосредственно под руководством И.В. Сталина были решены важнейшие задачи, связанные с восстановлением нарушенного стратегического фронта, реорганизацией и укреплением Вооруженных Сил, их техническим переоснащением, проведено восемь военных кампаний, свыше 50 стратегических операций и операций групп фронтов, а также более 250 фронтовых, ряд воздушных, противовоздушных, морских десантных операций и три централизованные операции партизан. Кроме того при его активном участии дальнейшую активизацию получило антифашистское движение в оккупиро-

ванных странах, а также деятельность, связанная с организацией взаимосвязанных действий советских и союзных войск.

Подводя итог, можно сказать, что роль И.В. Сталина в Великой Отечественной войне Советского Союза представляется, безусловно, позитивной и выдающейся. Главная его заслуга состояла в том, что советское государство именно под его руководством разгромило фашистскую Германию, империалистическую Японию и избавило свои народы, Европу и все человечество от угрозы фашистского порабощения. На совести И.В. Сталина непростительная жестокость, особенно перед войной, серьезные ошибки и просчеты, которые, как он сам говорил, доводили страну до моментов отчаянного положения. Но невозможно отрицать и того, что во многом благодаря его мобилизующей роли, организаторским способностям и усилиям, Советскому Союзу под его руководством удалось не только проводить гибкую и прагматичную международную политику, мобилизовать народ, вооруженные силы и выстоять в неимоверно трудной, ожесточенной борьбе с сильным противником и прийти к Великой Победе.

Выполнение такой исторической миссии могло быть по плечу лишь выдающемуся деятелю соответствующего масштаба. Несомненно, И.В. Сталин был такой личностью. Именно так, сегодня оценивают его роль многие современники.

¹ Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций иных соглашений. М., 1999. С. 15.

² Гареев М.А. Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР в Великой Отечественной войне Генералиссимус Сталин. // Вестник Академии военных наук. № 1(10) 2005. С. 15.

³ Существенную роль в развитии советско-английского сотрудничества сыграло также последовавшее 16 августа 1941 г. соглашение о товарообороте, кредите и крелинге, предусматривающее предоставление СССР английского кредита в сумме 10 млн. фунтов стерлингов. Еще одним важным событием в этом направлении стали решения Московской конференции трех держав — СССР, Великобритании и США, проходившей в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 г. В ходе конференции были приняты первые конкретные решения оказания западными союзниками помощи СССР.

⁴ Бережков В. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 98–99.

⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. В 2 томах. М., 1958. Т. 1. С. 547–548.

⁶ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 31–32.

⁷ Бережков В. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 93.

⁸ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 43–44.

⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 томах. М., 1957. Т. 1. С. 19.

¹⁰ J. Blum. From Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945. Boston., 1967. P. 84–85.

¹¹ История дипломатии. В 5 томах. М., 1975. Т. IV. С. 265.

¹² Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 91.; Орлов А.С. За кулисами второго фронта. М., 2001. С. 120, 123–127.

¹³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 томах. М., 1957. Т. 2. С. 76.

¹⁴ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 267.

¹⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965. С. 438.

¹⁶ D. Fleming. The Cold War and its Origins 1917–1960. Vol. 1. P. 141.

¹⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. В 2 томах. Т. 2. М., 1958. С. 626.

¹⁸ A. Wert. Russia at War 1941 — 1945. London, 1964. P. XIV.

- ¹⁹ О титанической работе И.В. Сталина в период Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует опубликованная в 1957 и 1976 годах МИД СССР переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в 1941–1945 гг. в двух томах. Первый том содержит 504 документа переписки И.В. Сталина с У.С. Черчиллем и 12 — И.В. Сталина с К. Эттли. Второй том состоит из 290 посланий переписки И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и 94 — И.В. Сталина с Г.С. Трумэнном.
- ²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 94.
- ²¹ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 180–181, 235.
- ²² Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 55–57.
- ²³ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 92.
- ²⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 187, 258.
- ²⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 1. С. 353.
- ²⁶ История социалистической экономики СССР. В 5-ти томах. Т. 5. М., 1978. С. 187, 258.
- ²⁷ Зверев Б.И. Оружие — фронту. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 59.
- ²⁸ Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. В 2-х томах. М., 1958. Т. 2. С. 847.
- ²⁹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1984. С. 65–66.
- ³⁰ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 272., Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. М., 2010. С. 34.
- ³¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы. В 3 томах. Т. 1. (22 июня 1941 г.–31 декабря 1943 г. М., 1946. С. 29.
- ³² Уткин Б.П. Генералиссимус И. В. Сталин — интегральный полководец Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 2010. С. 478.
- ³³ Петров Ю.П. // Вопросы истории. 1970. № 5. С. 14.; Уткин Б.П. Генералиссимус И. В. Сталин — интегральный полководец Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 2010. С. 205–207.
- ³⁴ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 113.
- ³⁵ Советская Россия. 1997. 11 июня.
- ³⁶ Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. М., 2010. С. 65.
- ³⁷ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 175, 178–179.; Статистический сборник МГСК СНГ. М., 1995. С. 18, 24–26.
- ³⁸ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 178–179.; Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. М., 2010. С. 63.
- ³⁹ Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. М., 2010. С. 62.
- ⁴⁰ Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. М., 2010. С. 60.
- ⁴¹ Правда. 1943. 9 января.
- ⁴² Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 220.
- ⁴³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 256.
- ⁴⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 1. С. 340.
- ⁴⁵ Архив Президента РФ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.
- ⁴⁶ Василевский А. М. Дело всей жизни. В 2 книгах. М., 1989. Кн. 2. С. 219
- ⁴⁷ Василевский А. М. Дело всей жизни. В 2 книгах. М., 1989. Кн. 2. С. 228–229.
- ⁴⁸ В первый период войны Красная Армия потеряла: 11 млн 162 тыс человек, в том числе безвозвратные потери 6 млн 155 тыс, а санитарные — 5 млн 7 тыс человек. Безвозвратные потери техники и вооружения за 1941–1942 гг. составили 35,6 тыс танков, 208,7 тыс орудий и минометов, 30 тыс боевых самолетов (Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 157, 367).
- ⁴⁹ Гареев М. А. Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР в Великой Отечественной войне Генералиссимус Сталин. // Вестник Академии военных наук. № 1(10) 2005. С. 25.
- ⁵⁰ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 196–197.
- ⁵¹ Наиболее продолжительное время обязанности представителей Ставки ВГК выполняли маршалы Г.К. Жуков, А. М. Василевский, С.К. Тимошенко. Кроме того периодически в качестве представителей Ставки на фронты направлялись С. М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, Н.Н. Воронов, А.А. Новиков, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис и другие.
- ⁵² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 88.
- ⁵³ Василевский А. М. Дело всей жизни. В 2 книгах. М., 1989. Кн. 1. С. 208.
- ⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3963. Д. 158. Л. 142.
- ⁵⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 томах. М., 1955. Т. 4. С. 478.
- ⁵⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 105, 107.

- ⁵⁷ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 451.
- ⁵⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 116.
- ⁵⁹ За второй период войны Красная Армия потеряла 8 млн 538,7 тыс человек: безвозвратно — 2553,4 тыс, ранеными и больными — 5985,3 (Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 157).
- ⁶⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 97–98.
- ⁶¹ Общие потери советских Вооруженных Сил за 16 месяцев третьего периода войны составили 9 млн 892,1 тыс человек (безвозвратно — 2564,7 тыс, санитарные — 7327,4 тыс); по технике: танков и САУ — 37,4 тыс, орудий и минометов — 70,2 тыс, боевых самолетов — 35,8 тыс. Но противник за это время впервые потерял больше (Гриф секретности снят. С. 158, 367).
- ⁶² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 книгах. М., 1981. Кн. 1. С. 163, 164, 166, 167.
- ⁶³ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. С. 183, 184.; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. М., 1995. С. 131–133.
- ⁶⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 88–89.
- ⁶⁵ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 358, 372.
- ⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 19а. Оп. 2045. Д. 18. Л. 24.
- ⁶⁷ Архив Президента РФ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 46. Л. 35.
- ⁶⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. В 2 книгах. М., 1989. Кн. 2. С. 234.
- ⁶⁹ Архив Президента РФ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 46. Л. 61.
- ⁷⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. М., 1995. Т. 2. С. 108.
- ⁷¹ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. М., 1995. С. 106–107.

Документы

№ 1

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол

Договор о ненападении между СССР и Германией

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья 3

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга в вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 4

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья 6

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 7

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Секретный дополнительный протокол

23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.
2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.
Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.
Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.
3. Касательно Юго-Востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.
4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

1941 год: В 2 кн. Кн.2. М., 1998. С. 576–578.

№ 2

Германо-советский договор о дружбе и границе

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Приложения к германо-советскому договору о дружбе и границе

Доверительный протокол

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его интересов, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере интересов. Оно согласно с тем, что подобные перемещения будут производиться уполномоченными Правительства империи в сотрудничестве с компетентными местными властями и что права собственности эмигрантов будут защищены.

Аналогичные обязательства принимаются Правительством Германии в отношении лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих на территориях, находящихся под его юрисдикцией.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Секретный дополнительный протокол

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявляют о соглашении Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в пункте 1 таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, в то время когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту, приложенную к договору о дружбе и границе, подписанному сегодня). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Секретный дополнительный протокол

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении германо-русского договора о дружбе и границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Секретный протокол

10 января 1941 г.

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте.
2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительству Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысячам германских марок.
Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно 3 937 500 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 г. на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской экономической делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 г. о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом ССР и Германией».
3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии Шуленбург

*Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки.
В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 489–491.*

№ 3

«План «Барбаросса»

Директива № 21

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании, еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел.

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи.

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.
3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками.

Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере.

III. Проведение операций.

- A) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить си-

лы противника в Белоруссии. Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности. Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям. Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиема и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга: наступлением западнее или по обоим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру. С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы. Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях. Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут на порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) Военно-морской флот. В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполне-

ния служебных обязанностей каждого из них в отдельности. Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

В. Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве. О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Адольф Гитлер
Верно: капитан (подпись)

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР: Падение «Третьей империи». М., 1973. С. 86–89.

№ 4

Из записки наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии И. В. Сталину о плане стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией¹

¹ Рукопись на бланке «Народный комиссар обороны СССР» выполнена А. М. Василевским. Документ не подписан. Имеются исправления в тексте, предположительно сделанные Г. К. Жуковым. Дополнения в тексте приведены курсивом и взяты в угловые скобки. Вычеркнутая часть текста взята в прямые скобки.

Не ранее 15 мая 1941 г.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

И. В настоящее время Германия <по данным Разведывательного управления Красной Армии> имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.05.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 112 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий.

Остальные 104 дивизии будут находиться <в центре страны в резерве — 22 пд, 1 кд, 1 тд, 1 воздушно-десантная дивизия, всего 25 дивизий; в Дании, Бельгии, Голландии и Франции — 40 пд, 2 кд, 1 тд, 2 возд.-дес. див., всего 45 дивизий; Югославия — 7 пд, всего 7 дивизий; Греция — 7 пд, 1 кд, всего 8 дивизий; Болгария — 3 пд, всего 3 дивизии; Африка — 5 пд, 1 кд, 1 тд, всего 7 дивизий; Норвегия — 9 пд, всего 9 дивизий; всего 93 пд, 5 кд, 3 тд, 3 возд. — дес. дивизий; итого 104 дивизии> [в центре страны на западных границах, в Норвегии, в Африке, в Греции и Италии].

Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий, будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — следует ожидать ударов [одновременного с германской армией — перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

Не исключена также возможность вспомогательного удара немцев из-за р. Сан в направлении на Львов] <а) в направлении Жмеринки — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями; б) в направлении Мункач, Львов; в) Санок, Львов>.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия — до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд, Румыния — до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это [и разгромить немецкую армию], считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Опфельн, Оломоуц *<Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.*

Ближайшая задача — *разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на рр. Паров, Висла и овладеть районом Катовице>*, для чего:

- а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;
- б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;
- в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

<Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Мотовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона>...

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба К. А.
генерал армии Г. Жуков

1941 год. Кн. 2. С. 215–216.

№ 5

Из акта о приеме наркомата обороны Союза ССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова

7 декабря 1940 г.

Состояние кадров

К моменту приема Наркомата обороны армия имела значительный некомплект начсостава, особенно в пехоте, достигающий 21 % к штатной численности на 1 мая 1940 г.

Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ не обеспечивали создания необходимых резервов для роста армии и образования запасов.

Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором 68 % имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование командного состава кадра должным образом не организовано. Недостатком программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях является: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным.

В вопросах присвоения военных званий нет твердо установившейся системы, и в ряде случаев имела место кампанейщина. Этому способствовало отсутствие периодического аттестования начсостава. Существующий порядок аттестования не выявляет деловых качеств командира и работы командира по боевой подготовке своей части. Происходит это потому, что командный состав в значительной мере устранился от дела аттестования и подбора кадров, которое зачастую проводилось политорганами.

Учет начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего боевой опыт. Кандидатские списки отсутствуют.

При назначении командного состава Управление кадров недостаточно привлекало начальников соответствующих родов войск и служб.

Нормы пополнения начсостава на военное время не разработаны. Учет и подготовка начсостава запаса находится в неудовлетворительном состоянии.

Плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного от мобилизации армии по военному времени не было.

Боевая подготовка войск

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

- 1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.
- 2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.
- 3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.
- 4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.
- 5) Войска не обучены лыжному делу.
- 6) Применение маскировки отработано слабо.
- 7) В войсках не отработано управление огнем.
- 8) Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек.

Причинами этого являются:

- 1) Неправильное обучение и воспитание войск.
В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий.
Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны.
Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнить приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности и преодолевая их.
Вместо этого зачастую допускается ложный демократизм, подрыв авторитета командира.
- 2) Неправильно построены программы и планы боевой подготовки, приводящие к тому, что рода войск занимают изолированно, периоды обучения и боевые стрельбы их тождественных подразделений не совпадают по времени и недостаточно обеспечиваются материально...

Состояние родов войск

1. Пехота:
  - а) вопросам организации, вооружения и подготовки пехоты не уделено должного внимания;
  - б) пехота подготовлена слабее всех других родов войск;
  - в) накопление подготовленного запаса пехоты недостаточно;
  - г) командный состав пехоты плохо подготовлен и имеет большой некомплект;
  - д) пехотное вооружение отстает от современных требований боя и не обеспечено минометами и автоматами.
2. Военно-Воздушные Силы. Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран. Наркомат обороны (Управление Военно-Воздушных Сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздушных Сил не определяло направления развития военной авиации.

ации. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов. По вооружению отстает внедрение крупнокалиберного оружия. Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно. Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребности авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии).

Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживания передовых оперативных аэродромов и содержания их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе.

Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части, и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего с 1938 года существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной службы после годичного обучения в школах младших специалистов выпускаются по категории среднего начальствующего состава.

Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

3. Авиадесантные части не получили должного развития. Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстает от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений и развития парашютного дела.

Существующая двойственность подчинения — по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабжение, спец. имущ. и обесп. самолетами) — отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

4. Автобронетанковые войска. Вооружение танковых частей в своем развитии отстает от современных требований вследствие того, что современные толстобронные танки внедрены на вооружение с опозданием.

В использовании танковых частей организация взаимодействия с другими родами войск в достаточной степени не отработана.

Ремонт автобронемашин при наличии достаточной ремонтной базы затягивается.

Существующие ремонтные комплекты как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые части в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации текущего и среднего ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта.

Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мехтяге.

5. Артиллерия. В связи с тем, что делу организации и подготовки артиллерийских частей было уделено достаточное внимание, наличие материальной части артиллерии по средним и мелким калибрам обеспечивает развертывание артиллерийских частей, но отстает по крупным калибрам и зенитной артиллерии. Особенно недостаточна обеспеченность наиболее крупными калибрами — 203 мм и выше. По боеприпасам — потребность армии по средним системам обеспечивается недостаточно. Специальные артиллерийские выстрелы (бронбойные, зажигательные, а также выстрелы для зенитной артиллерии) имеются в крайне недостаточном количестве.

Приборами управления, биноклями артиллерия обеспечена недостаточно.

Наличие хранилищ не обеспечивает полностью хранение имеющихся запасов. Организация складского хозяйства поставлена неудовлетворительно.

К моменту приема из-за недостатка хранилищ и загруженности складов ненужными материалами находилось на открытом воздухе большое количество боеприпасов и вооружения...

6. Стрелковое вооружение. Внедрение современных образцов стрелкового вооружения (пистолеты-пулеметы и самозарядная винтовка) Наркоматом обороны производится с опозданием и крайне медленно.

По количеству винтовок мобилизационная потребность развернутой армии обеспечивается без учета убыли винтовок и для новых формирований во время войны.

7. Минно-минометное вооружение. Наркоматом обороны не придавалось значения минно-минометному вооружению. В результате Красная Армия оказалась необеспеченной минометами и неподготовленной к их использованию.

К моменту приема Наркомата Красная Армия минометами полностью еще не обеспечена. В частях имеется большой комплект минометов, а минометы крупных калибров существуют только в образцах. Совершенно неотработанными остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано, и имеются только опытные образцы.

8. Инженерные войска по своей организации и вооружению отстают от общего развития других родов войск.

Обеспеченность существующих инженерных частей основными видами инженерного вооружения слабая. Новейшие средства инженерной техники: окопкопатели, средства глубокого бурения, новые дорожные машины — имеются только в образцах и не внедрены на вооружение инженерных войск.

Переправочные средства по количеству недостаточны, особенно по тяжелым паркам.

Исключительно низкая обеспеченность инженерных войск по колючей проволоке.

В подготовке и в вооружении войск не получили развития и выпали такие коренные вопросы, как вопросы преодоления УРов, заграждения и разграждения, особенно минного.

9. Войска связи — в настоящее время на своем вооружении имеют много устаревших типов телеграфно-телефонных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи.

Большим недостатком войск связи является отсутствие быстродействующих и засекречивающих приборов.

Существующее отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели к тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами войска связи не имели устойчивой и непрерывно действующей связи.

10. Химические войска. Внимание к химическому оружию в Наркомате обороны ослаблено.

Существующие дегазационные средства не обеспечивают по своему количеству и качеству предъявляемые к ним требования. Дегазационные машины, состоящие на вооружении (АРС и АХИ-5), мало проходимы, а из дегазаторов существует только хлорная известь.

Химическая подготовка войск поставлена неудовлетворительно, что объясняется недооценкой значения химических средств нападения со стороны общевоинских командиров.

Научно-исследовательская работа по развитию химического вооружения поставлена слабо, а разработанные новые образцы внедряются в армию медленно.

11. Конница. Состояние и вооружение конницы удовлетворительные. Отмечается слабость и недоработанность организации горнокавалерийских частей.

Состояние разведывательной работы

Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организационной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены.

Противовоздушная оборона

Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям.

Вооружению активных средств ПВО зенитной артиллерии не уделялось достаточного внимания. Совершенно недостаточна обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дальнометы, состоящие на вооружении, не обеспечивают стрельбу на высотах более 6,2 км, а приборы ПУАЗО не совершенны.

Подготовка зенитных частей неудовлетворительная, и тренировка их ведется с устаревшими типами самолетов. Нет практики с современными самолетами.

Слабо развиты прожекторные части, не все объекты обеспечены прожекторами, и вследствие этого имеющаяся в них зенитная артиллерия способна отражать воздушного противника только днем.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО.

Наркоматом обороны к моменту приема не было выполнено постановление Правительства о введении в приграничных округах помощников командующего войсками по ПВО.

Руководство Наркомата обороны работой местных пунктов ПВО неудовлетворительное и слабое.

При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается.

Устройство и служба тыла

1. Руководство организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений слабое. За последние два года в армии не было ни одного специального тылового учения, не было учебных сборов командиров службы тыла. Хотя приказом наркома требовалось ни одного учения без отработки тыла не проводить, но фактически в некоторых частях учения с тылом не проводились. Устав тыла засекречен, и комначсостав его не знает. Устав требует переработки.
2. Территории, отошедшие к СССР в 1939 — 40 гг., в отношении устройства тыла не подготовлены.
3. Мобилизационная заявка 1937 — 1938 гг. устарела и требует переработки.
4. План вооружения и снабжения на 1940 год в округа до сих пор по вине ГУКА не спущен, что не дает возможности отработать обеспеченность войск на мирное и военное время.
5. Учет количественный и качественный в центральных довольствующих управлениях поставлен плохо и не дает возможности правильно определить обеспеченность войск.
6. Мобфонды продфуража, израсходованные в зимний период 1940 г., не восстановлены, а на Камчатке, Сахалине и в МНР они вовсе отсутствуют. Дислокация мобфондов требует коренного пересмотра.
7. Финансовые сметы на первый месяц войны устарели, непригодны и требуют переработки.

Военно-хозяйственное снабжение

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 г. по приведению войскового хозяйства и всего дела военно-хозяйственного снабжения армии в образцовый порядок не выполнено.

Войсковое хозяйство продолжает оставаться в запущенном состоянии. Учет и отчетность по имуществу не налажены. В боевых операциях 1939–1940 гг. армейский и войсковой тылы работали неудовлетворительно.

Санитарная служба

Санитарная служба в Красной Армии, как показал опыт войны с белофиннами, оказалась недостаточно подготовленной. По вине Санитарного управления не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, там, где они больше всего требовались.

Полевая подготовка медсостава кадра и запаса, особенно по вопросам военно-полевой хирургии, организации и тактики санитарной службы, оказалась неудовлетворительной.

Вопросы эвакуации раненых с учетом своевременного возвращения легко раненых в строй требуют переработки.

Крупнейшим недостатком работы Санитарного управления во время советско-финской войны было то, что оно стояло в стороне от дела захоронения убитых на поле боя.

Установленные нормы освежения медимущества не всегда соблюдались.

Военно-учебные заведения

Сеть высших военно-учебных заведений состоит из 16 военных академий и 10 военных факультетов, 132 сухопутных военных училищ и школ, 52 авиационных и авиатехнических училищ и школ, находящихся в ведении Управления высших военно-учебных заведений, Управления военно-учебных заведений и Управления военно-учебных заведений ВВС.

Крупным недостатком программ военных академий является то, что в этих программах отводится мало времени специальным дисциплинам, что отражается на качестве подготовки.

Новыми образцами вооружения военные академии и военные училища обеспечены недостаточно. В военных академиях и военных училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок.

Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд существенных недостатков, из коих главными являются:

- а) недостаточное знание материальной части;
- б) недостаточность практических навыков;
- в) слабое знание иностранных языков...

Сдал
К. Ворошилов

Принял
С. Тимошенко

Участвовали при сдаче и приеме: Жданов, Маленков, Вознесенский.

1941 год. Кн. 2. С. 622–631.

№ 6

Из донесения помощника военного атташе США в СССР о состоянии Красной Армии

16 июня 1941 г.

В сравнении с высокомоторизованными, боеспособными, современными армиями, уже созданными и создаваемыми в различных странах мира, боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне.

Руководство армии состоит из необразованных и даже невежественных людей. В результате чистки 1938 г. из армии были изгнаны способные военачальники, что сделало ее сегодняшней вышший командный состав в качественном отношении неполноценным. Офицерский корпус в целом может быть охарактеризован подобным же образом, за исключением офицеров молодого возраста. Возросшее значение, придаваемое в последние десять лет системе военных училищ, подняло образовательный уровень среди половины офицеров молодого возраста, но в этом отношении еще предстоит сделать очень много.

Источник формирования живой силы не вызывает беспокойства, и взятый в отдельности рекрут становится хорошим и храбрым солдатом, но он недостаточно находчив и сообразителен. Надо отметить, однако, что были предприняты усилия, направленные на то, чтобы солдаты и офицеры принадлежали к наилучшим образом обеспеченной группе населения страны. В целом мораль военнослужащих находится на высоком уровне, и их лояльность должна приниматься во внимание. Тем не менее в случае нападения немцев должны быть приняты в расчет определенные негативные последствия немецкого влияния в Прибалтике в сочетании с сепаратистскими движениями на Украине. Мусульманское влияние на Кавказе следует тоже учитывать в случае нападения на средневосточные государства.

Пехоту следует оценить как род войск, способный выполнять приказы командования, но нельзя сказать, что она делает это хорошо. Она испытывает недостаток способных командиров и недостаточно хорошо обучена. Военное обучение страдает от климатических условий, а также из-за того, что многие гарнизоны расположены в сердце городов и поселков. Огневая мощь дивизии слишком низка, а численность дивизии слишком большая...

Кавалерия может быть охарактеризована как хорошая, хотя она и лишена современных вспомогательного оружия и транспортных средств. Лучшая часть ее лошадей — это рослые и подвижные животные арабской породы, а остальная часть — небольшие, но крепкие и выносливые монгольские пони, способные переносить большие лишения. Внешний вид животных свидетельствует, что с ними плохо обращаются. Недостаток автоматического оружия, артиллерии поддержки и автотранспорта делает советскую кавалерию уязвимой для механизированных войск противника. Она вооружена винтовками, пистолетами и саблями.

Артиллерия имеет в достаточном количестве устаревшее снаряжение, но очень немного такого, которое является современным. Техника ведения огня может быть оценена как превосходная.

Танковые войска, как представляется, находятся в отличном состоянии, но они не располагают достаточным количеством современных тяжелых танков. Вооружение средних танков оставляет желать лучшего, и все не надежны с точки зрения механики. Существует огромная нехватка хороших механиков-водителей и ремонтных средств.

Противовоздушная оборона является слабой с точки зрения оснащения ее современным снаряжением. Очень сомнительно, что ее вооружение может быть достаточно эффективным.

Автомобильный транспорт устаревшего типа и не рассчитан на эксплуатацию в тяжелых военных условиях. У Красной Армии нет легких автомобилей-вездеходов. В качестве таковых используются автомобили Форда модели 1933–1934 гг. Так же, как и в случае с танковыми войсками, здесь наблюдается нехватка водителей и ремонтных средств. Тип и состояние автомобилей плюс состояние внутренней дорожной сети делают очень сомнительным успешное использование мотопехоты. Таким же образом они оказывают влияние на всю систему тылового снабжения. Если добавить к этому неразвитую сеть шоссе и дорог, а также слабую железнодорожную систему вместе с тихоходным и устаревшим гужевым транспортом, то мы можем сделать почти заранее предпрешенный вывод — система тылового обеспечения Красной Армии в случае войны рухнет. Эта армия не в состоянии сегодня передвигаться быстрее, чем она могла это делать тридцать лет назад.

Калибр противотанковых пушек слишком мал, а их число невелико. Есть сведения, что освоено производство 150-мм противотанковых пушек, но маловероятно, что их будет произведено достаточно и достаточно скоро, имея в виду возможное вовлечение СССР в военный конфликт в ближайшем будущем.

ВВС оснащены небольшим числом бомбардировщиков дальнего действия, имеется только один тип бомбардировщика, способного действовать ночью (ДБ-3). Они имеют на вооружении хороший скоростной истребитель и недавно освоенный новый скоростной бомбардировщик; но и тех, и других по числу очень немного, производство же наращивается медленно. Большая часть самолетов устаревших моделей и находится в изношенном состоянии.

Короче говоря, самая большая слабость Советской Армии состоит в недостатке современного снаряжения, вооружения и техники. В качественном и количественном отношении она нуждается в усилении современными самолетами, артиллерией и автотранспортом.

Эти недостатки снижают ее воздушную мощь, огневую мощь и мобильность. Она не сможет противостоять действующей в наступательном духе, высокоподвижной армии, оснащенной современным снаряжением и вооружением. Однако плохие дороги и огромные пространства страны могут стать труднопроходимыми препятствиями даже для современной армии вторжения.

Этот анализ проделан на базе тщательного изучения русского народа и того, что доступно для обозрения на улицах городов и во время военных парадов. Никто из сотрудников нашей группы военных специалистов не видел действия Красной Армии во время маневров.

Трудно говорить о боеспособности Красной Армии, базой которой является страна, все еще фактически безграмотная и отсталая с точки зрения технического оснащения. Общая эффективность, характерная для всех сфер экономической жизни страны, приводит именно к такому выводу. Он не может рассматриваться как целиком опирающийся на информацию, полученную из первых рук.

Джозеф А. Мишела

Геополитика и безопасность. 1993. № 1. С. 162–164.

№ 7

Сообщение ТАСС

13 июня 1941 г.

Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

*Кульков Е. Н. и др. Война 1941–1945:
Факты и документы. М., 2001. С. 332–333.*

№ 8

Записка начальника отдела обороны страны о «Проекте приказа о комиссарах»

12 мая 1941 г.

- I. Главное командование сухопутных войск представило проект следующего документа: «Руководящие указания по обращению с носителями государственной политической идеи и другими подобными лицами»; рассылаются в целях единообразного выполнения задачи, уже поставленной 31.3.1941 г. Этот проект предусматривает следующее.
  1. Носителей государственной политической идеи и политических руководителей (комиссаров) следует уничтожать.
  2. Если указанные лица будут захвачены войсками, то решение об уничтожении принимает офицер, обладающий дисциплинарной властью. Для такого решения достаточно установить, что данное лицо является носителем государственной политической идеи.
  3. Политические руководители подразделений не признаются пленными, с ними должно быть покончено не позднее, чем в пересыльном лагере. В тыл их не отправлять.
  4. Руководители-специалисты экономических и технических предприятий должны задерживаться лишь в тех случаях, когда ведут себя враждебно по отношению к германским вооруженным силам.
  5. Эти акции не должны мешать проведению военных операций. Войскам не отвлекаться на специальные розыски и прочесывания.
  6. В оперативном тыловом районе носителей государственной идеи и комиссаров передавать в руки полиции безопасности. К политическим руководителям подразделений это не относится.
- II. В противоречии с этим проектом находится «Меморандум 3» рейхслейтера Розенберга, требующий, чтобы уничтожались только старшие и высшие политические руководители, поскольку сотрудникам государственных, коммунальных и хозяйственных предприятий необходимо быть на месте для управления оккупированной территорией.
- III. Ввиду этого необходимо решение фюрера, которое внесет ясность.

Предложение отдела обороны страны относительно пункта II.

  1. Служащие, которые проявят враждебное отношение к войскам, чего можно ожидать от радикальной части руководителей, попадают под действие «Указа о функциях судов военного трибунала на территории операции «Барбаросса»» и должны уничтожаться как партизаны. Аналогичные предписания содержат и «Руководящие указания по поведению войск в России».

2. Лица, не совершившие проступков, свидетельствующих о враждебном отношении к Германии, остаются на первое время в неприкосновенности. Вряд ли можно ожидать, что представители войск будут в состоянии разобраться в различных рангах тех или иных служб. Лишь после дальнейшего проникновения в страну можно будет решить, оставить ли на месте тех или иных сотрудников или передать их специальным командам («зондеркоммандо»), если иным способом нет возможности проверить их личность.
3. С политическими руководителями подразделений и частей следует обращаться соответственно предложению главного командования сухопутных войск; пленными их не признавать и потому уничтожать их не позднее, чем в пересыльных лагерях, ни в коем случае не отправляя в тыл.

Варлимонт

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 29–30.

№ 9

Из распоряжения Верховного главнокомандования Вермахта об обращении с советскими военнопленными

8 сентября 1941 г.

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности положения устава сухопутных войск 38/2, стр. 13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 208.

№ 10

Указания Главного командования сухопутных войск Вермахта об обращении с населением Москвы

12 октября 1941 г.

Группе армий «Центр» Верховное главнокомандование приказало:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего

мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио.

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, представляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии.

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров».

Дополнение главного командования сухопутных сил: следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром.

Дальнейшие указания будут отданы позже.

Кульков Е. Н. Война 1941–1945. С. 364–365.

№ 11

Соображения экономического штаба «Восток» по использованию оккупированных советских территорий

2 мая 1941 г.

1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.
2. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на голод.
3. Наиболее важен сбор и вывоз урожая масличных культур и приготовленных из них продуктов питания; лишь на втором месте злаковые. Жиры и мясо, видимо, пойдут на продовольственное обеспечение войск.
4. Из промышленных предприятий можно будет восстановить только такие, которые производят дефицитную продукцию, например:
  - заводы по строительству средств транспорта,
  - заводы по строительству сооружений, используемых в различных областях снабжения (имеются в виду стальные сооружения),
  - текстильные предприятия,
  - из числа военных предприятий — только такие, каких не достает в Германии.Разумеется, для нужд войск будет организовано много ремонтных мастерских.
5. Для освоения больших территорий между железными дорогами необходимы специальные войска. Возможно, сюда будут брошены отряды имперской трудовой повинности или дополнительные формирования сухопутных войск.
Необходимо выяснить наиболее важные в экономическом отношении районы, чтобы организовать их охрану.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 28.

Из замечаний и предложений Восточного министерства по генеральному плану «Ост»

27 апреля 1942 г.

К вопросу о будущем обращении с русским населением

Необходимо коснуться еще одного вопроса, который совсем не упоминается в генеральном плане «Ост», но имеет большое значение для решения вообще всей восточной проблемы, а именно: каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа. Поэтому надо кратко рассмотреть вопрос об отношении к русским, о чем почти ничего не сказано в генеральном плане. Теперь можно с уверенностью сказать, что наши прежние антропологические сведения о русских, не говоря уже о том, что они были весьма неполными и устаревшими, в значительной степени неверны. Это уже отмечали осенью 1941 г. представители управления расовой политики и известные немецкие ученые. Эта точка зрения еще раз была подтверждена профессором доктором Абедем, бывшим первым ассистентом профессора Е. Фишера, который зимой этого года по поручению верховного главнокомандования вооруженных сил проводил подробные антропологические исследования русских...

Абель видел только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти очень серьезные положения Абеда заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ.

Предложенный Абедем путь ликвидации русских как народа, не говоря уже о том, что его осуществление едва ли было бы возможно, не подходит для нас также по политическим и экономическим соображениям. В таком случае нужно идти различными путями, чтобы решить русскую проблему. Эти пути вкратце заключаются в следующем.

а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие...

Пока можно оставить открытым вопрос о том, следует ли учредить имперский комиссариат на Урале или здесь надо создать отдельные районные управления для проживающего на этой территории нерусского населения без специального местного центрального органа управления. Однако решающее значение здесь имеет то, чтобы эти районы административно не подчинялись немецким верховным властям, которые будут созданы в русских центральных областях. Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар...

Как на Урале, так и на Кавказе существует много различных народностей и языков. Будет невозможно, а политически, пожалуй, и неправильно делать основным языком на Урале татарский или мордовский, а на Кавказе, скажем, грузинский язык. Это могло бы вызвать раздражение у других народов этих областей. Поэтому стоит подумать о введении немецкого языка в качестве языка, связывающего все эти народы... Тем самым немецкое влияние на Востоке значительно увеличилось бы. Следует также подумать об отделении Северной России в административном отношении от территорий, находящихся под управлением имперского комиссариата по делам России... Не следует отвергать мысль о преобразовании этого района в будущем в великогерманский колониальный район, так как его население еще в большой степени обладает признаками нордической расы. В целом в остальных центральных областях России политика отдельных генеральных комиссариатов должна быть направлена по возможности на разъединение и обособленное развитие этих областей.

Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа.

- б) Вторым средством, еще более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте «а», служит ослабление русского народа в расовом отношении. Онемечивание всех русских для нас невозможно и нежелательно с расовой точки зрения. Что, однако, можно и нужно сделать, так это отделить имеющиеся в русском народе нордические группы населения и произвести их постепенное онемечивание... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве. Если германскому руководству удастся не допустить сближения с русским населением и предотвратить влияние немецкой крови на русский народ через внебрачные связи, то вполне возможно сохранение германского господства в этом районе при условии, если мы сможем преодолеть такую биологическую опасность, как чудовищная способность этих примитивных людей к размножению.
- в) Есть много путей подрыва биологической силы народа... Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине. Пока мы заинтересованы в том, чтобы увеличить численность украинского населения в противовес русским. Но это не должно привести к тому, что место русских займут со временем украинцы. Чтобы избежать в восточных областях нежелательного для нас увеличения численности населения, настоятельно необходимо избегать на Востоке всех мер, которые мы применяли для увеличения рождаемости в империи. В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, и т.п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство этих средств. Распространение этих средств и абортны ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев. Можно, например, организовать специальную переподготовку акушерок и фельдшерниц и обучать их производить абортны. Чем качественнее будут производиться абортны, тем с большим доверием к ним будет относиться население. Вполне понятно, что врачи также должны иметь разрешение производить абортны. И это не должно считаться нарушением врачебной этики. Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. Наряду с проведением этих мероприятий в области здравоохранения не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи в виде надбавок к заработной плате...

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями...

Доктор Ветцель

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 36–38.

№ 13

Из письма М. Бормана А. Розенбергу по вопросам политики на оккупированных территориях

23 июля 1942 г.

Многоуважаемый партийгеноссе Розенберг!

По поручению фюрера я довожу до Вашего сведения его пожелание, чтобы Вы соблюдали и проводили в жизнь в политике на оккупированных восточных территориях следующие принципы.

1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей путем абортов. Немецкие юристы ни в коем случае не должны препятствовать этому. По мнению фюрера, следует разрешить на оккупированных восточных территориях широкую торговлю предохранительными средствами. Ибо мы нисколько не заинтересованы в том, чтобы немецкое население размножалось.
2. Опасность, что население оккупированных восточных областей будет размножаться сильнее, чем раньше, очень велика, ибо само собою понятно, его благоустроенность пока намного лучше. Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения немецкого населения.
3. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для немецкого населения.
4. Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму.
5. Ни в коем случае мы не должны какими бы то ни было мероприятиями развивать у местного населения чувства превосходства! Необходимо делать как раз обратное!
6. Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт.
7. Немцы должны быть обязательно удалены из украинских городов. Даже размещение их в бараках вне городов лучше, чем поселение внутри городов! Ни в коем случае не следует строить русские (украинские) города или благоустраивать их, ибо местное население не должно иметь более высокого жизненного уровня. Немцы будут жить в заново построенных городах и деревнях, строго изолированных от русского (украинского) населения. Поэтому дома, строящиеся для немцев, не должны быть похожи на русские (украинские). Мазанки, соломенные крыши и т.д. для немцев исключаются.
8. На коренной территории империи, подчеркнул фюрер, слишком многие вещи регламентированы законом. Этого мы ни в коем случае не должны практиковать в оккупированных восточных областях. Для местного населения не следует издавать слишком много законов: здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым. Немецкая администрация должна быть поэтому небольшой. Областному комиссару надлежит работать с местными старостами. Ни в коем случае не следует создавать единого украинского правления на уровне генерального комиссариата или даже рейхскомиссариата.
Экземпляр этой записки я переслал с просьбой принять к сведению господину рейхсминистру и начальнику имперской канцелярии д-ру Ламмерсу...

Ваш М. Борман

Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.

№ 14

Директива Ставки ВГК № 001919 главнокомандующему войсками Юго-Западного направления, командующим войсками фронтов и армиями, командирам дивизий о создании заградительных отрядов

12 сентября 1941 г.

Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.
2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.
3. Обязать работников особых отделов и политсоставов дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины дивизии.
4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа.
5. О получении и исполнении командующим войсками фронтов и армий донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин
Б. Шапошников

ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 465. Л. 231–233.

№ 15

Приказ № 227 Народного комиссара обороны

28 июля 1942 г.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит, загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не

прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдать в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

- а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;
- б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;
- в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих

политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:
  - а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;
  - б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизий расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;
  - в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.
3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:
  - а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;
  - б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин

*Великая Отечественная война:
Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 505–507.*

№ 16

Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск

18 июля 1941 г.

В войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. В этой борьбе с фашистскими захватчиками мы имеем много еще не использованных средств, много упускаемых нами возможностей для нанесения тяжелых ударов по врагу. Во всем этом нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами.

Чтобы придать всей этой борьбе в тылу германских войск самый широкий размах и боевую активность, необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, областных и районных партийных и советских организаций, которые должны в занятых немцами районах лично возглавить это дело, возглавить группы и отряды самоотверженных борцов, уже ведущих борьбу по дезорганизации вражеских войск и по уничтожению захватчиков. Между тем все еще не редки случаи, когда руководители партийных и советских организаций в районах, подвергшихся угрозе захвата немецкими фашистами, позорно бросают свои боевые посты, отходят в глубокий тыл, на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов. При этом руководители республиканских и областных парторганизаций в ряде случаев не принимают мер к решительной борьбе с этими позорными фактами.

ЦК ВКП(б) требует от всех партийных и советских организаций, и прежде всего от их руководителей, покончить с таким нетерпимым положением и предупреждает, что наша партия и правительство не останутся перед самыми крутыми мерами в отношении шкурников и дезертиров, и выражает уверенность в том, что партийные организации примут все меры к очистке парторганизаций от этих перерожденцев и к сплочению всех своих сил для разгрома врага на фронте и в тылу, для подготовки нашей победы над фашистскими бандами.

В соответствии с этим ЦК ВКП(б) требует от ЦК национальных компартий, обкомов и райкомов в захваченных и находящихся под угрозой захвата врагом областях и районах проведения следующих мер:

1. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями района, в который они направляются. Засылка работников в эти районы должна быть тщательно подготовлена и хорошо законспирирована, для чего следует каждую группу (2–3–5 человек) засылаемых связывать только с одним лицом, не связывая засылаемые группы между собой.
2. В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедленно организовать подпольные ячейки, переведя уже сейчас коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение.

Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и др. В эти же группы должны быть влиты коммунисты и комсомольцы, которые не используются для работы в подпольных ячейках.

Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы.

Необходимо также заблаговременно позаботиться об организации связи подпольных ячеек и партизанских отрядов с советскими районами, для чего их снабдить радиоаппаратами, использовать ходяков, тайнописи и проч., а также обеспечить посылку и печатание на месте листовок, лозунгов, газет.

3. Партийные организации под личным руководством их первых секретарей должны выделить для формирования и руководства партизанским движением опытных боевых и до конца преданных нашей партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей.
4. ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы должны сообщать ЦК ВКП(б) по специальному адресу фамилии товарищей, выделенных для руководства партизанскими отрядами.

ЦК ВКП(б) требует, чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью, чтобы вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20. (9). М., 1999. С. 18–20.

№ 17

Из донесения наркома внутренних дел СССР И. В. Сталину о действиях партизанских отрядов в тылу противника

21 ноября 1941 г.

В сентябре 1941 г. особый отдел НКВД Западного фронта сформировал из состава оперативных работников особого отдела и пограничников партизанский отряд численностью 125 человек.

26 сентября с.г. отряд перешел линию фронта и направился в оккупированные противником районы Смоленской, Витебской и Калининской областей. Отряд находился в тылу противника 35 суток, имея за это время 21 столкновение с противником.

Партизанским отрядом уничтожено: немецко-фашистских солдат и офицеров — 228 человек, грузовых машин с военными материалами — 13, штабных машин и мотоциклов — 4, повозок с военными материалами — 22, лошадей — 86, полковых минометов — 3, ящиков с патронами — 163, мин — 120; взорван склад с артиллерийскими снарядами, взорвано три моста через реки; разрушена телеграфно-телефонная связь в 43-х местах на протяжении 19 километров и взорвана линия ж.д. южнее станции Ломоносово.

Партизанским отрядом уничтожены три предателя, выдавших немцам партизан и красноармейцев, и четыре дезертира.

Партизанский отряд прошел 120 населенных пунктов, в которых проводил политико-разъяснительную работу и организовал 3 партизанских отряда. Отряд собрал и вывел из тыла противника 126 красноармейцев и командиров.

Партизанским отрядом в боях с противником захвачены трофеи — 6 пулеметов, 5 автоматов и 20 винтовок. Потери отряда — 4 партизана убиты и 5 ранены.

Партизанский отряд Ковпака, действующий на территории Путивльского района Сумской области (УССР), за период с 20 сентября по 5 ноября с.г. уничтожил 17 офицеров и 62 солдата; нанес тяжелые ранения 11 немецким солдатам, расстрелял 1 немецкого фашистского агента и 4 фашистских активистов.

За этот же период уничтожил 17 грузовых автомашин, 1 тягач с платформой, груженный боевыми припасами и продовольствием, 32 легковых машины, 1 мотоцикл и 2 средних танка. Захватил 2 танка. Вывел из окружения 58 командиров и 53 бойца Красной Армии. Выкрал из больницы г. Путивль двух летчиков Красной Армии, которые лечатся при партизанском отряде.

Партизанский отряд, действующий в Угодско-Заводском районе (Московская область), столкнулся 30 октября 1941 г. с немецкой разведкой. При столкновении 1 солдат убит, остальные 7 бежали. 7 ноября 1941 г. тот же отряд захватил в плен немецкого унтер-офицера, который передан в штаб 17-й стрелковой дивизии. В период с 20 октября по 7 ноября с.г. этим же отрядом выведены из окружения около 1000 бойцов Красной Армии...

Партизанский отряд Дмитровского района Курской области 19 октября с.г. произвел налет на группу немецких солдат, производивших грабеж в деревне Тархановка. Убит 1 немецкий солдат, остальные бежали. Тем же партизанским отрядом 30 октября уничтожено 3 броне- и 3 автомашины, убиты 4 немецких солдата, подорван мост между Дмитриев — Михайловка, на этом же участке пять раз разрушалась телефонно-телеграфная связь. Проводниками этого же отряда выведены из окружения 603 человека красноармейцев и командиров, а партизан Лыков вывел из окружения 326-й артполк 148-й дивизии численностью 350 человек.

Партизанский отряд Нектиновского района Ростовской области 13 ноября с.г. произвел взрыв ж.-д. моста западнее станицы Синявская.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 745. Л. 1–3.

№ 18

Из постановления Государственного Комитета Обороны №1837сс о создании центрального штаба партизанского движения

30 мая 1942 г.

1. В целях объединения руководства партизанским движением в тылу противника и для дальнейшего развития этого движения создать при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения.
2. Для непосредственного руководства партизанскими отрядами создать при военных советах соответствующих фронтов следующие штабы партизанского движения:
  - а) Украинский штаб партизанского движения (при Военном совете Юго-Западного направления);
  - б) Брянский штаб партизанского движения;

- в) Западный штаб партизанского движения;
- г) Калининский штаб партизанского движения;
- д) Ленинградский штаб партизанского движения;
- е) Карело-Финский штаб партизанского движения.

Перечисленные выше штабы подчинить Центральному штабу партизанского движения.

3. В своей практической деятельности по руководству партизанским движением Центральный штаб партизанского движения должен исходить из того, что основной задачей партизанского движения является дезорганизация тыла противника:
- а) разрушение коммуникационных линий противника (подрыв мостов, порча железнодорожных путей, устройство крушений поездов, нападение на автомобильный и гужевой транспорт противника);
  - б) разрушение линий связи (телефон, телеграф, радиостанции);
  - в) уничтожение складов — боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия;
  - г) нападение на штабы и другие войсковые учреждения в тылу противника;
  - д) уничтожение материальной части на аэродромах противника;
  - е) осведомление частей Красной Армии о расположении, численности и передвижениях войск противника...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Он. 1. Д. 36. Л. 235, 236.

№ 19

Из приказа Народного Комиссара Обороны № 00189 о задачах партизанского движения

5 сентября 1942 г.

...История войн учит тому, что победа над захватчиками часто достигалась не только борьбой одной регулярной армии, но одновременно и народным партизанским движением, способствовавшим окончательному разгрому захватчиков. Так было в Отечественную войну 1812 года... Так было и в годы гражданской войны...

Партизаны наносят серьезный урон живой силе, технике и дезорганизуют тыл противника. Однако партизанское движение еще не развернулось полностью, еще не стало делом всех и каждого, кто очутился в лапах немецких хищников, тогда как налицо все условия для повсеместного быстрого развития всенародной партизанской борьбы против немецких оккупантов...

Существующие сейчас партизанские отряды не должны замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно, наряду с организацией новых партизанских отрядов, создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно не ограничены и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

В настоящий момент разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а также перебрасывать из нашей страны в Германию награбленные хлеб, мясо и всякое другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает благоприятные условия для действия партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрывать пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, а также вывозить в Германию награбленное в нашей стране народное добро и тем самым облегчить Советскому Союзу разгром врага...

Приказываю:

1. В целях нарушения движения по железным дорогам и срыва регулярных перевозок в тылу врага устраивать всеми способами железнодорожные катастрофы, подрывать железнодорожные мосты, взрывать и сжигать станционные сооружения, взрывать, сжигать и расстреливать паровозы, вагоны, цистерны на станциях и разъездах. При железнодорожных крушениях уничтожать живую силу, технику, горючее, боеприпасы и прочие грузы, а также уцелевшие паровозы и вагоны. На шоссейных и грунтовых дорогах подрывать и сжигать мосты, виадуки, разрушать гати и другие искусственные сооружения. Уничтожать транспорты, подвозящие боеприпасы и горючее. Лошадей угонять. При невозможности использования вооружения, транспортов и грузов приводить их в негодность всеми возможными способами.
2. При всякой возможности истреблять воинские гарнизоны, штабы и учреждения, отряды войск, отдельно следующих офицеров и солдат, охрану транспортов и складов.
3. Уничтожать склады и базы вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и другого имущества, гаражи и ремонтные мастерские.
4. Разрушать линии связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, уничтожать аппаратуру связи, вырезать и увозить провода, спиливать и сжигать телефонные столбы, уничтожать радиостанции и обслуживающий их персонал.
5. Нападать на аэродромы противника и уничтожать самолеты, ангары, склады бомб и горючего, а также истреблять летно-технический состав и охрану аэродромов.
6. Уничтожать всякие хозяйственные команды, вражеских фуражиров, команды и агентов по изъятию хлеба, нападать на обозы с награбленным хлебом, на склады и элеваторы: по возможности хлеб раздавать населению, а если этого сделать нельзя, уничтожать полностью.
7. Действиями партизан еще не охвачены города. Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, котловые установки, водоснабжение, склады, емкости с горючим и другие объекты, имеющие военно-экономическое значение.
8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет.
9. Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии...
10. Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов, наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровавых оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и других печатных материалов на оккупированной территории...
Совместными действиями Красной Армии и партизанского движения враг будет уничтожен.

Народный комиссар обороны СССР И. Сталин

*Партизанское движение в годы Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 132–135.*

№ 20

Из обращения И. В. Сталина к советскому народу

3 июля 1941 г.

...Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем на-

родам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера...

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне: Документы и материалы. М., 1985. С. 19–20.

№ 21

Из доклада председателя ГКО И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы

6 ноября 1941 г.

...В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработанных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании. Поэтому все честные люди должны поддерживать армии СССР, Великобритании и других союзников, как армии освободительные.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!

Но, чтобы осуществить эти цели, нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения...

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. С. 23–24.

№ 22

Из доклада председателя ГКО И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

6 ноября 1943 г.

...Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

— освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, народы Франции,

---

Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

- предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве...
- создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры...

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. С. 26–27.

№ 23

Заявление Советского правительства в связи с вступлением Красной Армии на территорию Румынии

2 апреля 1944 г.

Вечером 2 апреля Народный Комиссар Иностранных Дел СССР тов. В. М. Молотов пригласил представителей советской и иностранной печати и сделал от имени Советского Правительства следующее заявление:

Красная Армия в результате успешного продвижения вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей между СССР и Румынией. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной в 1940 году договором между Советским Союзом и Румынией, вероломно нарушенным в 1941 году румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией. В настоящее время Красная Армия производит очищение советской территории от всех находящихся на ней вражеских войск, и уже недалеко то время, когда вся советская граница с Румынией будет полностью восстановлена.

Советское Правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 105.

№ 24

Из приказа Верховного Главнокомандующего в связи с международным праздником трудящихся

1 мая 1944 г.

...Наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоминают теперь раненного зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги — Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненный зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненного немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии.

Понятно, что эта задача представляет более трудное дело, чем изгнание немецких войск из пределов Советского Союза. Ее можно решить лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Вели-

кобритании и Соединенных Штатов Северной Америки путем совместных ударов с Востока — силами наших войск и с Запада — силами войск наших союзников. Не может быть сомнения, что только такой комбинированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию...

И. В. Сталин

*Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе
во Второй мировой войне. С. 27.*

№ 25

Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 11072 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немцам

20 апреля 1945 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.
2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.
3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Антонов

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 390. Л. 350-351.

№ 26

Из доклада военного прокурора 1-го Белорусского фронта о ходе выполнении директивы Ставки ВГК № 11072

2 мая 1945 г.

...Вся массово-правовая работа военных прокуроров была переключена на темы, связанные с изменением отношения к немецкому населению. Были разработаны специальные планы проведения массовой и правовой работы, согласованные с политорганами.

В целом ряде армий на основе материалов военных прокуроров изданы специальные приказы с приведением конкретных фактов неправильного отношения к немецкому населению; были вынесены решения о предании виновных лиц суду и т. д...

В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих, безусловно, достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились; тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев еще зафиксирован.

Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и барахольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т.д.

Привожу ряд фактов, зафиксированных в последние дни:

25 апреля в г. Фалькензее был задержан заместитель командира 1-й батареи по техничасти 334-го гвардейского тяжелого самоходного артполка ст. лейтенант Энчиватов, который в нетрезвом состоянии ходил по домам и насиловал женщин. Энчиватов арестован, дело следствием закончено и передано для слушания в военный трибунал.

Красноармейцы заставы 157-го отдельного погранполка Иванов и Мананков в г. Фронау, будучи в нетрезвом состоянии, зашли в дом одного немца. В этом доме Мананков изнасиловал больную немку Лизелет Люре. 22 апреля с.г. она была изнасилована группой наших военнослужащих, после чего отравила своего сына полутора лет, отравилась ее мать и она сама пыталась отравиться, но была спасена. В состоянии болезни после отравления ее Мананков и изнасиловал. Иванов в это время изнасиловал немку Кирхенвиц. Иванов и Мананков арестованы, дело следствием закончено и передано в военный трибунал для слушания.

Командир минометной роты 216-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии ст. лейтенант Буянов самовольно объявил себя начальником патруля г. Бернау и в пьяном виде останавливал всех проходящих немцев, отбирая у них ценные вещи. Буянов предан суду военного трибунала.

Начальник штаба 278-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии подполковник Лосьев послал подчиненного ему лейтенанта в подвал, где скрывались немцы, чтобы тот выбрал и привел к нему немецкую женщину. Лейтенант приказание выполнил, и Лосьев приведенную к нему женщину изнасиловал. Приказом Военного совета армии подполковник Лосьев отстранен от занимаемой должности и назначен с понижением.

22 апреля в населенном пункте Шенерлинде командир орудия 695-го артполка 185-й стрелковой дивизии старшина Дорохин в пьяном виде, угрожая оружием, на глазах у родителей изнасиловал 15-летнюю девочку. Дорохин арестован и предан суду военного трибунала.

25 апреля завдел оперативного отдела штаба 79-го стрелкового корпуса лейтенант Курсаков в присутствии мужа и детей пытался изнасиловать пожилую немку. Против Курсакова возбуждено уголовное преследование.

Можно привести еще целый ряд таких фактов и по другим соединениям.

Считаю необходимым подчеркнуть ряд моментов:

1. Командиры соединений и военные советы армий принимают серьезные меры к тому, чтобы ликвидировать факты безобразного поведения своих подчиненных; тем не менее отдельные командиры самоуспокаиваются тем, что некоторый перелом достигнут, совершенно забывая о том, что до их сведения доходят донесения только о части насилий, грабежей и прочих безобразий, допускаемых их подчиненными.

Вследствие того что один и тот же участок проходят различные соединения, отдельные командиры не прочь безобразия, которые имеют место и о которых им становится известно, сваливать на другие части. В беседе с командирами такая тенденция часто проскальзывает.

2. Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих.
3. Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая.

Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом.

Заслуживает интереса такого рода факт: когда я 27 апреля находился в 3-й ударной армии, был донесено, что командир 85-го танкового полка Чистяков в пьяном состоянии приводил к себе немку, насиловал их, а когда на крик одной немки военнослужащие хотели зайти в дом, где находился Чистяков, он дал приказ развернуть самоходную установку и открыл стрельбу, убив при этом 4 человека и ранив 6 наших военнослужащих.

Я приказал заместителю военного прокурора армии и военному следователю немедленно выехать на место. 29 апреля прокурор армии шифром донес мне о том, что этот факт не подтвердился...

Военный прокурор 1-го Белорусского фронта генерал-майор юстиции Л. Яченин

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 40. Л. 1-7.

№ 27

Из доклада председателю Совета Народных Комиссаров СССР о снабжении продовольствием населения Берлина

11 мая 1945 г.

9 и 10 мая проверяли состояние дела снабжения населения гор. Берлина продовольствием. Исходя из средних норм, установленных постановлением ГОКО от 8 мая 1945 года, разработали дифференцированные нормы продовольственного снабжения населения гор. Берлина. Занимались изысканием продовольственных ресурсов в самом Берлине, а также ресурсов, которые могут быть в кратчайшее время доставлены в гор. Берлин для обеспечения выдачи продовольствия по вновь вводимым нормам.

Начиная с 3 мая с.г. в Берлине выдаются продукты по временным нормам, о которых было сообщено Вам в свое время тов. Жуковым. Так как старый снабженческий аппарат города в ряде районов разбежался, а многие здания районных бургомистров уничтожены, поэтому пока выдано продовольственных карточек на 10 мая с.г. на 1,4 млн человек. По сообщениям бургомистров отдельных районов, можно предполагать, что в настоящее время в Берлине населения значительно больше 2 млн человек и в мае месяце может дойти примерно до 3 млн человек. Это объясняется, во-первых, тем, что много населения в первые дни занятия нами Берлина скрывалось в бомбоубежищах и подвалах, боясь репрессий, и, во-вторых, тем, что ранее ушедшее из Берлина население, узнав, что в городе не преследуют немцев и дают продовольствие, возвращается обратно.

Проверив фактическое положение дела, наличие продовольственных ресурсов и учитывая время, необходимое для печатания карточек и раздачи их населению, мы решили ввести новые нормы с 15 мая с.г., используя остающиеся до этого дни для образования минимума продовольственных запасов в магазинах и складах и укомплектования работниками торговых и пищевых предприятий.

Во избежание того, чтобы с самого начала не раздувать контингенты снабжаемого населения в Берлине, мы решили напечатать всего 2 200 тыс. карточек на май с выдачей 2 млн до 15 мая и с оставлением 200 тыс. карточек в резерве на случай каких-либо поправок. Когда будет проведена работа по выдаче указанного количества карточек и по-настоящему проверены действительные контингенты, можно будет к следующему месяцу выпустить продовольственные карточки в размере, соответствующем проверенному количеству населения ....

В беседах с бургомистрами районов, отдельными немецкими продработниками, а также в беседах с населением в очередях мы выяснили, что введение установленных Вами норм снабжения продовольствием производит на немцев ошеломляющее впечатление. Как видно, немцы не ожидали такого акта с нашей стороны. Все заявляют, что это является проявлением большого великодушия со стороны Советского Союза. Особенный фурор производит сообщение о предполагаемой выдаче натурального кофе и чая.

Норму картофеля мы установили в 400 граммов в день на человека, т.е. на уровне действовавшей в Берлине в осенне-зимний период.

Все продукты в соответствии с решением ГОКО (за исключением натурального кофе и чая) будут выданы за счет имеющегося наличия на 1-м, 2-м Белорусских и 1-м Украинском фронтах без ущерба для снабжения Красной Армии, за исключением жиров, ресурсы которых мы нашли пока только на один месяц, и для получения остального количества жиров необходимо будет организовать заготовку в Германии...

Для подвоза продовольствия в Берлин, и особенно картофеля, который разбросан по многим районам, фронтом временно выделен один автополк, который приступает к работе 12 мая, а для развоза продовольствия по городским районам и магазинам фронтом временно выделен еще один автополк, который уже приступил к работе...

Микоян
Жуков
Хрулев
Телегин

*Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе
во Второй мировой войне. С. 530–532.*

Из доклада политического управления Закавказского фронта о национальных формированиях в составе немецкой армии

Не ранее 12 октября 1942 г.

...Грузинский полк «Георгиен легион» (в донесениях его иногда называли батальоном) состоит из 4-х рот по 230 человек в каждой... Вооружение: русские винтовки, пулеметы, минометы. Форма одежды немецкая. Взводами и ротами командуют грузины из военнопленных. Полком командует грузин полковник Маглакелидзе, приехавший в Германию 7 лет тому назад и прошедший учебу в Берлине. Штабные офицеры — немцы.

Легион формировался из военнопленных грузин в Варшаве в ноябре прошлого года. В марте этого года легион получил пополнение 100 человек из лагеря города Лиды. Эту группу в Варшаве обучали с марта по август

При вербовке в легион применялось запугивание со стороны грузин-вербовщиков — немецких агентов. В своем выступлении перед солдатами полка в Варшаве полковник Маглакелидзе заявил: «После того как немцы освободят Кавказ, легион придет туда наводить порядок». Говорилось также о том, что Грозный и Махачкала захвачены немцами, будто немцы дошли уже до Баку, что Красная Армия уничтожена и от нее остались отдельные небоеспособные группы. Немцы и полковник Маглакелидзе старались внушить солдатам легиона страх перед русским пленом.

Дисциплина в полку была слабая. Имелись случаи невыполнения приказаний, за что провинившихся отправляли обратно в лагерь для военнопленных. Во время следования полка на фронт из него дезертировали 10 человек, в десятых числах сентября из легиона разбежались 50 человек.

Солдаты полка говорили между собой, что незачем воевать против своих братьев и отцов и что, если они узнают, что против них воюют грузины, они воевать не будут. Среди грузин были люди гестапо, подтверждением чего служит предательство замысла перехода на сторону Красной Армии.

«Георгиен легион» в конце мая отправился комбинированным маршем из Варшавы в Пятигорск, куда прибыл 10 сентября. На участок обороны в районе Алтуд, Майская, Котляревская полк прибыл 4 октября. Во время марша этого полка из Варшавы на фронт за ним следовали армянский и азербайджанский национальные полки немецкой армии.

В мае 1942 г. в г. Радом (Польша) сформирован 1-й батальон армянского легиона германской армии. Из лагеря «русских офицеров» (г. Барановичи) военнопленные направлялись на сборный пункт в с. Веньяминово (близ Варшавы), откуда их рассылали в разные города, где формировались из военнопленных по национальному признаку германские легионы. Из Радома армянский легион был переведен в г. Пулави. Здесь солдаты получили обмундирование, оружие и проходили учебу. Командный состав до командира роты включительно — из военнопленных, командир батальона — немец.

В составе армянского легиона 3 батальона. Дисциплина в легионе строгая. В наказание провинившегося при полной выкладке и в противогазе заставляют выполнять команды: «бегом», «ложись», «встать». Или заставляют влезать на дерево и там стоять по команде «смирно» на ветке. Применяется также метод круговой поруки, когда за проступок одного солдата наказывается вся рота.

Идеологическая обработка армянского и других легионов направлена на пропаганду национал-социализма, разжигание национальной вражды между солдатами и распространение провокационных выдумок о Советском Союзе и положении на Восточном фронте. Несколько раз в неделю с солдатами проводились занятия «немецкого языка», на которых переводчики в порядке «информации» сообщали солдатам, что Тифлис взят немцами, Баку окружен и скоро также будет у них, и т.п...

Кроме грузинского и армянского легионов, в районе Моздока оперирует так называемый Кавказский батальон. Он состоит из пяти рот. По национальному составу смешанный: 1-я рота — грузины и немцы, 2-я рота — смешанные национальности Дагестана, 3-я рота — азербайджанцы и немцы, 4-я рота — грузины и армяне, 5-я рота — штабная, укомплектована была белоэмигрантами (около 30 человек). Командный состав штабной роты целиком состоял из немцев.

Для вербовки в Кавказский батальон в лагерь приезжали фашистские агенты из азербайджанцев, армян и грузин, одетые в немецкую форму. Вербовщики обещали армянам: «Когда мы завоюем Кавказ, отнимем землю у азербайджанцев и будем жить хорошо»...

Немцы обещали солдатам после взятия Кавказа самоуправление и землю. Солдаты же азербайджанцы, армяне и грузины говорили между собой о том, что им незачем воевать за немцев и стре-

лять в своих братьев, но, боясь расстрела со стороны русских, они не переходят на сторону Красной Армии.

В батальоне есть агенты гестапо. В Митенвале были расстреляны по доносу 12 человек, которые говорили о том, что на Кавказе им надо перейти на сторону Красной Армии. Дисциплина в батальоне строгая. Солдаты батальона получают в месяц по 30 марок.

В Польше формировались также азербайджанский, узбекский, казахский, русский и украинский легионы.

Начальник 7-го отдела Политического управления Закавказского фронта
старший батальонный комиссар Петров

Военно-исторический журнал. 1991. №8. С. 35–38.

№ 29

Обращение русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, народам Советского Союза

27 декабря 1942 г.

Друзья и братья!

Большевизм — враг Русского народа. Неисчислимы бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался не способным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали Русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу.

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы, без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место.

Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики — в первую очередь дело самого Русского народа.

Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом, за построение Новой Европы мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали русский комитет.

Русский комитет ставит перед собой следующие цели:

- а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.
- б. Заключение почетного мира с Германией.
- в. Создание в содружестве с Германией и другими народами Европы Новой России, без большевиков и капиталистов.

Русский комитет кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние.

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам.
3. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны.
4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.
5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от данной эксплуатации.
6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость.
7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища.
8. Гарантия национальной свободы.
9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма.
10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства.
11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов.
12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами.
13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников объединяться для борьбы за родину, против ее злейшего врага — большевизма.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику. Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отряды, НКВД, заградотряды. Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожить этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский Комитет призывает всех русских людей выполнять этот свой долг.

Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируются неприкосновенность и жизнь вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!

На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа!

Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов!

Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета
генерал-лейтенант А. А. Власов

Секретарь Русского Комитета
генерал-майор В. Ф. Малышкин

Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 62–64.

№ 30

Спецсообщение НКГБ СССР о формировании латвийского ЛЕГИОНА СС

23 июля 1943 г.

В конце февраля с.г. немцы приступили к формированию на территории Латвии так называемого латвийского легиона СС. Формально было объявлено, что легион создается на добровольных началах, фактически же формирование легиона производилось в порядке принудительной мобилизации мужского населения определенных возрастов.

В конце февраля — начале марта 1943 г. мужчины 1919–1924 годов рождения получили по месту жительства повестки с извещением явиться в участковые отделения полиции, где они обязаны были заполнить учетные карточки и после этого пройти медицинскую комиссию.

От призыва в легион освобождались занятые на заводах, выполняющих заказы немецкой армии, и работающие в военизированных учреждениях (полиция). Мобилизованные по собственному выбору зачислялись или в латышский легион, или в части по обслуживанию германской армии, или же направлялись на строительство оборонительных сооружений. Преимущество легиона в материальном обеспечении по сравнению с частями, обслуживающими немецкую армию, и оборонными работами привело к тому, что большинство мобилизованных изъявили желание пойти в легион. Формирование первых частей легиона проводилось до середины марта. К этому времени был сформирован один полк, командиром которого назначен полковник Апситис.

28 марта с.г. в Риге легионеры принимали присягу. Каждый легионер давал следующее обещание: «Именем бога я торжественно обещаю в борьбе против большевиков неограниченное послушание главнокомандующему вооруженными силами Германии Адольфу Гитлеру, и за это обещание я, как храбрый воин, всегда готов отдать свою жизнь».

В газете «Кауэнер Цейтунг» от 23 марта 1943 г. было опубликовано следующее сообщение: «По указу Гитлера 27 февраля началось формирование латвийского легиона как замкнутого боевого соединения в рядах войск СС. Формирование в основном закончено. На пост командующего легионом назначен генерал Бангерский с одновременным присвоением ему чина генерал-майора и бригаденфюрера. Генерал Бангерский, а также его начальник штаба, произведенный в штандартенфюреры легиона, полковник Силгайлс принесли торжественную присягу».

О Бангерском и Силгайлсе известно следующее: Бангерский Рудольф Карлович, бывший командующий латгальской дивизией латвийской армии. Родился в 1878 году. Учился в Петербургском юнкерском училище и военной академии. Участвовал в русско-японской войне и в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны принимал активное участие в формировании белой армии, затем служил у Колчака, где командовал дивизией, корпусом и армейской группировкой. В 1921 году вернулся в Латвию.

В 1924–1925 гг. был военным министром Латвии в кабинете Ульманиса. В 1926–1927 гг. военным министром в кабинете Скуенека, а также занимал другие высшие командные должности в латвийской армии. В 1937 году вышел в отставку и был назначен председателем правления акционерного общества по производству кирпича «Кегелис». После установления Советской власти работал старшим инспектором треста кирпичной промышленности в Риге.

Силгайлс Артур Залилович, 1895 года рождения, уроженец волости Пенкулес Елгавского уезда Латвийской ССР. В 1919 году служил в армии Юденича в чине штабс-капитана и в отрядах князя Ливена. С установлением Советской власти в Латвии из армии был уволен. Являлся одним из руководителей офицерской контрреволюционной организации. В феврале 1941 года репатриировался в Германию.

После мобилизации мужского населения 1919–1924 годов рождения в апреле месяце с.г. в Латвии была проведена регистрация еще семи возрастов — с 1912 по 1918 г. рождения, подлежащих также мобилизации в латышский легион. 16 мая с.г. получены данные, что в Латвии проводится мобилизация, начиная от 1899 года рождения, причем в легион зачисляются все бойцы добровольческих отрядов по борьбе с партизанами. Пункты по формированию легиона организованы в большинстве уездных городов Латвии.

По имеющимся агентурным данным, настроение мобилизованных неустойчивое. Отмечены факты уклонения от мобилизации и дезертирства из легиона. Многие скрываются в лесах.

В г. Зилупе мобилизованные пели советские песни, в г. Лудзе произошло столкновение мобилизованных с полицией. Из 500 человек, мобилизованных в четырех латгальских уездах, еще до отправки

к месту формирования сбежали 100 человек. Есть сведения, что в первой половине апреля с.г. в Риге произошло вооруженное столкновение легионеров с немцами. (Данные уточняются.)

По агентурным данным, полученным в последнее время, в Латвии якобы сформировано девять латышских полков, которые отправляются на Ленинградский фронт и концентрируются в районе Красногвардейска. Высший командный состав латышского легиона состоит преимущественно из немецких офицеров, средние командные должности в легионе занимают бывшие офицеры латвийской армии. Легион построен по принципу немецкой армии, обмундирование частично бывшей латвийской армии, частично войск СС. Вооружены легионеры немецким, чешским и румынским оружием.

Шляхтунов А. Г. Создание и применение прибалтийских формирований в составе вермахта и войск СС. М., 2000. С. 26.

№ 31

Из договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии, о сотрудничестве и взаимной помощи после войны

26 мая 1942 г.

Часть I

Статья 1. В силу союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе как по взаимному согласию.

Часть II

Статья 3. 1) Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии. 2) Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон будет признана излишней ввиду принятия ими предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Объединенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья 6. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 8. Настоящий договор... вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть I настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть II настоящего договора остается в силе на период 20 лет...

Кульков Е. Н. Война 1941–1945. С. 367–369.

№ 32

Из соглашения между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии

11 июня 1942 г.

Статья 1. Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять.

Статья 2. Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей...

Статья 5. Правительство Союза Советских Социалистических Республик по окончании существующего чрезвычайного положения вернет Соединенным Штатам Америки по определению президента Соединенных Штатов Америки те из полученных по настоящему соглашению оборонных материалов, которые окажутся не уничтоженными, утраченными или потребленными и которые по определению президента смогут пригодиться для обороны Соединенных Штатов Америки или Западного полушария или смогут быть каким-либо иным образом использованы Соединенными Штатами Америки...

Статья 7. При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик в обмен за помощь, оказанную в соответствии с актом конгресса от 11 марта 1941 года, их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению путем соответствующих международных и внутрисударственных мероприятий производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров, что составляет материальную основу свободы и благосостояния всех народов; к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле и к сокращению пошлин и других торговых барьеров и вообще к достижению всех экономических целей, изложенных в совместной декларации президента Соединенных Штатов Америки и премьер-министра Соединенного Королевства от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик...

Кульков Е. Н. Война 1941–1945. С. 374–375.

№ 33

Из послания И. В. Сталина У. Черчиллю

24 июня 1943 г.

Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал. Эта сложность была также видна из Ваших сообщений.

Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и президент отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году...

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское правительство не могло предполагать, что британское и американское правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет наконец открыт в 1943 году.

Я уже не распространяюсь о том, что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и президентом без участия Советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Советских Армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989. С. 73–75.

№ 34

Из статьи американского журналиста и писателя Э. Сноу в газете «Saturday Evening Post», опубликованной в 1944 году

... Экспертами по Красной Армии можно было назвать только очень немногих американцев. Между тем армия эта оказалась самой великой армией из всех, которые когда-либо видела Европа. Когда Германия вторглась в Россию в 1941 году, наш генеральный штаб считал, подобно англичанам, что, вероятно,

все будет кончено через шесть недель. Говорят, что бригадный генерал Филипп Феймонвилл (будущий глава нашей миссии по ленд-лизу в Москве) был чуть ли не единственным американцем в военном министерстве, выразившим мнение, что красным, может быть, удастся уничтожить гитлеровскую армию. Помня это, мы должны понять, как мало мы знали о России и как много нам надо еще узнать.

Если бы Красная Армия была разгромлена, как этого ожидали, весьма вероятно, большинство из нас просто не дожило бы до конца этой войны. Нам не пришлось понести огромных людских потерь — и это было лишь побочным результатом борьбы русских. Конечно, русские сражались ради собственного спасения, но объективным результатом их решимости сражаться с гитлеризмом до победного конца было спасение Африки, спасение Ближнего и Среднего Востока. Эта решимость лишила Германию возможности установить контакт с Японией и оказать нашему врагу помощь, в которой Япония нуждалась, чтобы удержать свои завоевания в Азии и на Тихом океане.

Территория, которую русские отвоевали у врага, — это усеянная осколками и щебнем пустыня. Нетронутой осталась только земля, да и ту Гитлер отравил бы, если бы только мог. Чтобы дать хотя бы отдаленное представление, я попробую обратиться к аналогиям. Вот десяток крупных городов, опустошенных гитлеровцами: Севастополь, Ржев, Курск, Харьков, Киев, Одесса, Ленинград, Сталинград, Смоленск, Днепропетровск... По численности населения до войны они соответствовали таким американским городам, как Трентон, Атлантик-Сити, Нашвилл, Бостон, Балтимор, Сан-Франциско, Чикаго, Милуоки, Пеория, Вашингтон, Де-Мойн, Цинциннати.

Ленинград гитлеровцам так и не удалось оккупировать, но они обстреливали его более двух лет. Целые районы его придется теперь отстраивать заново. Все остальные города разрушены минимум на 30, максимум на 90 процентов. Сталинград до войны был примерно размером с Вашингтон, но сейчас 95 процентов его стерто с лица земли. Большинство остальных городов по-прежнему походило на города, когда на них смотришь издали; но когда помотришь ближе, там стоят только стены.

Попробуйте себе только представить, что осталось бы под развалинами в такой созданной человеком пустыне, если бы такая же участь постигла нашу страну. Или подумайте просто о Харькове, который был таким же большим городом, как Бостон, а сейчас разрушен на 70 процентов. Подумайте о десятках тысяч разрушенных домов, заводов, электростанций и других общественных сооружений, о разбитых и вывезенных сельскохозяйственных машинах, о разрушенных железных дорогах и мостах, учреждениях, школах, библиотеках, магазинах, о десятках миллиардов часов честного труда, пошедших прахом, сожженных в огне пожаров.

Это даст вам представление о цене, заплаченной русскими за победу. И не забудьте главную и страшную цену — людские потери: убитые, раненые, пропавшие без вести.

Как же объяснить, что Красная Армия, понеся такие огромные потери, смогла восстановить силы и одержать победу? Конечно, нетрудно свести все к рассуждениям насчет «генерала зимы» или насчет «орд» и «огромных территорий». Но можно ли ставить на этом точку и не задумываться дальше?

Верно ли, что немцев разбил мороз? Их снаряжение и боевая подготовка не так хорошо подходили к условиям зимней войны. Но это лишь второстепенный фактор. Во всяком случае, такое объяснение было бы поверхностным.

Другие говорят, что все дело в колоссальных людских ресурсах России. Один высокопоставленный чин из союзного командования вполне серьезно говорил мне, что Германия была побеждена «азиатскими ордами». Немцы, мол, терпят поражение потому, что они не «орда» и не могут состязаться поэтому с Россией в масштабах людских жертв. Но каковы факты?

Гитлер располагал большими людскими ресурсами, чем Красная Армия. После первого года войны треть населения России оказалась на оккупированной территории. Да и кроме того, что, собственно, заставляло «орду» так идти на смерть, во что бы то ни стало добиваться победы? Почему «орда» не разгромила кайзера в Первую мировую войну, когда имелся помогавший ей второй фронт?

Есть люди, которые думают, что причиной поражения Германии явились большие пространства. Гитлеровцы-де затерялись в беспредельных просторах России. Они зашли слишком далеко, все время растягивая фронт, пока не потеряли возможность сосредоточить силы для решающего наступления. Кое-что в этом рассуждении есть, но немного. Почему же? Да просто потому, что по мере того как немцы растягивали фронт, русским приходилось делать то же самое. Им пришлось опираться на свои уральские базы, находившиеся от фронта гораздо дальше, чем те базы, с которых они начинали оборону.

Иностранная помощь, главным образом американская помощь самолетами и танками, также имела определенное значение. Но русские знают, что наше оружие начало поступать в значительных количествах только после того, как в войне был достигнут поворотный пункт. Вплоть до Сталинградской битвы мы и англичане, вместе взятые, поставили России менее 10 процентов того числа самолетов

и танков, которые Германия имела, начиная вторжение. Точно так же союзнические бомбежки Европы, несомненно, ускорившие отступление и развал гитлеровской армии, не повлияли на боеспособность Германии в период, когда это могло оказать решающее воздействие на исход войны.

Говорят также, что русские дерутся просто потому, что их родина подверглась нападению. Русским солдатом движет-де доброе старое чувство патриотизма. Да, когда враг забрался в ваш дом, — это, безусловно, сильный стимул для борьбы, и любовь к России играет очень большую роль в героизме рядового солдата. Но разве французы любят Францию меньше, чем русские любят свою родину? Почему же немцам не удалось найти в России маршала Петэна, после того как русские потеряли больше миллиона человек в первые три месяца войны? Один лишь русский патриотизм не дает этому объяснения.

Возможно, что частичным ответом являются некоторые необычные черты русской армии. Во-первых, есть только одна партия и одно руководство, включающее и все высшее офицерство. Это единая армия, и, по-видимому, между ее политическими и военными целями нет никаких противоречий. Во-вторых, призыву подлежат все в равной мере, и путь к повышению открыт для всех. Поскольку это демократическая армия, лишенная какой бы то ни было дискриминации, в ней нетрудно поддерживать требующуюся твердую дисциплину. Я беседовал со многими генералами на различных фронтах в России. Большинство из них были сыновья неграмотных родителей, и всему, что они знали, их научила Красная Армия. Все офицеры Красной Армии, практически почти без исключений, — выходцы из трудовых классов.

Это армия интернациональная. В ее генералитете и офицерском корпусе русские и украинцы, узбеки и монголы, евреи и грузины — словом, люди разных национальностей. На пути продвижения способных людей по службе нет в Красной Армии расовых барьеров. А так как этот принцип действует и в советском обществе вообще, в армию приходят призывники грамотные и интеллектуально развитые.

По физическим данным своих солдат, по подготовке и вооружению Красная Армия стояла в ряду передовых современных армий. Но то, что в конце концов сделало ее армией-победительницей, лежало за пределами всех этих внешних условий. Насколько я мог судить по личным впечатлениям в России, исход конфликта решало то, что в конечном счете решает исход всех войн — боевой дух в широком смысле слова, имея в виду его определяющее влияние на мобилизацию людских и технических ресурсов народа для преодоления кризиса, грозящего его существованию.

Боевой дух русских в битве за Москву оказался выше, чем у немцев. И так же под Сталинградом. А эти два сражения решили судьбу гитлеровской армии. Впрочем, под Сталинградом русские называли это не боевым духом, а стойкостью. Притом все жертвы — цена этой стойкости на фронте — были бы напрасными, если бы советский народ не проявил такой же стойкости в тылу, не сосредоточил все свои усилия на организации производства так, чтобы добиться максимальной военной ударной мощи там, где она была нужна. Теперь хорошо известны за границей такие подвиги русской энергии, как эвакуация промышленности из оккупированных областей, переброска на восток миллионов рабочих, создание новой индустрии на Урале и в Средней Азии.

Уинстон Черчилль был совершенно прав, когда сказал: «Ни одно правительство, существовавшее когда-либо в истории человечества, не могло бы выстоять и обеспечить победу в условиях той жестокой войны, которую Гитлер навязал России...».

Книга сорок пятая

**МГИМО
И ВЕЛИКАЯ
ПОБЕДА**

Лейтенантское поколение победителей в МГИМО: судьбы и традиции

А. В. Шестопап*

Ситуация кризиса заставляет человека, общину, народ переосмысливать свою систему координат, подтверждать базовые ценности, которые лежат в основе этой системы. Сейчас с ощущением нового этапа в истории России, открытого событиями 2014 года, мы, мгимовцы, с особым вниманием вдумываемся и в историю нашей страны, и в историю *almamater*. Поэтому совсем не формально-юбилейно звучит для нас переключка 70-летия МГИМО и 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Годы Великой Войны и Великой Победы, годы «лейтенантского поколения» — первых наборов и первых выпусков МГИМО — заложили традиции, систему ценностей и приоритетов нашей корпорации.

Война обнажила фундамент, краеугольные камни, на которых держится история России. Были названы важнейшие имена и события: Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов, Ледовое побоище, Куликово поле, Полтавская битва, Бородино. Главной ценностью человека была признана любовь к Родине, вера в свой народ, в его силу.

Верой в Победу было отмечено само решение о создании МГИМО. Подготовка этого решения началась ранней весной 1943 года, после Сталинградской битвы. Осенью 1943 года был открыт факультет международных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1944 году этот факультет был преобразован в МГИМО.

Ядро первых наборов составляли фронтовики, к ним тянулись выпускники школ, студенты других вузов, перешедшие в МГИМО, производственники с оборонных предприятий. «Наш курс был очень разным по возрасту, по жизненному опыту, по привычкам и традициям, — пишет выпускник 1949 года (набор 1944 года), видный ученый и обществен-

ный деятель В. В. Загладин. — Немалая часть моих однокурсников пришла с войны. С выстраданным жизненным опытом, со своими твердыми принципами, устоявшимися характерами. Все они долго ждали мирную жизнь. Конечно, стремились учиться. Но переход из окопов на студенческую скамью для них был, наверное, непростым. По-другому, чем для бывших школьников, но все же непростым.

Однако эта, скажу военная, фронтовая часть нашего курса была его нравственным костяком, опорой. И для меня, во всяком случае, эти мои старшие однокурсники во многом стали примером. Нет, сами они отнюдь не стремились как-то выделиться, продемонстрировать, что они опытнее, зрелее, чем их младшие коллеги. Напротив. Но сам их опыт, сама их внутренняя устойчивость, прочность делала их как бы плюсом притяжения. Думаю, не только для меня»¹.

Многие сокурсники в своих воспоминаниях отмечали такую черту фронтовиков как товарищество, взаимовыручка. Любовь к Родине не декларировалась, а проявлялась в повседневном отношении к близким. И эта же любовь к Родине требовала знаний, умений, навыка, смекалки. Патриотизм и профессионализм в боевых условиях оказались глубоко взаимосвязанными. Теперь эти качества переходили в мирную жизнь.

Еще осенью 1943 года, когда Красная армия форсировала Днепр, вся страна узнала о подвиге лейтенанта Николая Забелкина: с небольшой группой бойцов он захватил плацдарм правее Днепродзержинска, отбил пять сильных контратак, а когда на высотку, где находился его наблюдательный пункт, полезли немецкие танки, — вызвал на себя огонь гвардейских минометов. В этом бою герой-лейтенант был тяжело ранен.

* Шестопап Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии МГИМО(У) МИД России.

«...В комнату вошел худощавый стройный человек с золотой звездой на пиджаке. Лицо совсем юное. Только едва заметные шрамы на бровях и щеке говорили, что юноша уже глядел в лицо смерти. То был Николай Забелкин, студент первого курса Института международных отношений. Он поделился своими успехами. По всем предметам пятерки. Только по английскому четыре. Надо будет приналечь на язык. Дипломатическая работа немыслима без отличного знания языка.

— Почему вы избрали эту специальность? — спросили мы Забелкина.

Студент ответил не сразу. Но то, что мы услышали от него, абсолютно исчерпывало вопрос.

— После всякой обыкновенной войны начинается война дипломатическая. Вы это отлично знаете и сами... Ну вот, раз та война кончилась, я решил принять участие в этой войне. А выйдет ли из меня боец на дипломатическом фронте, об этом судить еще рано»².

Война сплотила поколения. Молодые фронтовики с особой любовью и заботой относились к своим родителям. Лейтенантское поколение мгимовцев происходило из самых разных семей. Вот отрывки из двух биографий, столь разных и вместе с тем, схожих своим отношением к родителям, гордостью за них, принятием их идеалов: «В сентябре 1943 года, выписавшись из госпиталя в Баку, где я провел девять месяцев почти без движения после слепого осколочного ранения в область позвоночника на фронте, я приехал в Москву... Анкета у меня была вполне подходящая: родители из крестьян. Отец — участник войн с Японией и Германией, а дослужился до офицера (что редкость для крестьянина) и имел многочисленные царские награды за храбрость и героизм, воевал до тяжелого ранения в 1916 году, умер, работая в деревне...

Здесь хотелось бы сказать несколько добрых слов о моих замечательных, умных, всегда стремившихся к знаниям родителях. Они почти всю жизнь прожили в глухой деревне Тверской области. Отец вел дневники на фронтах и сочинял стихи, хотя окончил только четыре класса школы. Мать, окончившая два класса, увлекалась чтением книг и все время пополняла свои знания. У них было семеро детей: одна (старшая) дочь Александра и шесть мальчиков. Двое из них умерли маленькими (в деревне не было ни лекарств, ни медиков), третий умер взрослым в армии. Все оставшиеся дети, познав крестьянский труд и труд рабочего, получили высшее образование. Таковы были воля и желание отца, умершего в возрасте 47 лет. Мать дожила до 86 лет. Я был младшим в семье и единственным ребенком, родившимся при советской власти»³.

«Моему отцу было тридцать девять, когда на оружейном лафете в окружении венков его тело, изуродованное авиационной катастрофой, везли к Александро-Невской лавре по главному проспекту успешного улыбнуться после блокады Ленинграда. Он не был военным летчиком, но всегда торопился туда, где всего опаснее. Он носил генеральские погоны, но оставался строителем. Он возводил в городе, ставшим фронтом, оборонительные сооружения; проложил по льду Ладожского озера железную дорогу; в невиданно короткие даже для военного времени сроки построил в полосе прорыва блокады новую железную дорогу, связавшую осажденный Ленинград с Большой землей и названную Дорогой Победы. Он был удостоен звезды Героя Социалистического труда и других наград»⁴.

Неразрывная связь со старшим поколением проявляется у первых мгимовцев не только в любви и благодарности к родителям, но и в глубоком уважении, благодарности фронтовым командирам и учителям — профессорам и преподавателям института. Об этих чувствах замечательно написал один из самых ярких представителей лейтенантского поколения — историк-германист Г. Л. Розанов. «17 июня 1941 года нам, выпускникам 367-й московской школы вручили аттестаты зрелости. Мечтая стать историком, на следующий день подал заявление о приеме на исторический факультет МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории). Но тогдашние мои планы стать историком рухнули 22 июня. Началась Великая Отечественная война. Моя фронтовая жизнь поначалу проходила, будучи офицером связи в 217-й ордена Ленина, ордена Суворова Краснознаменный стрелковой дивизии. Дивизия особо отличилась в битве на Курской дуге. Здесь я получил первые боевые награды: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Дальнейшая моя фронтовая жизнь была неразрывно связана не только с великим полководцем, но и замечательным человеком Константином Константиновичем Рокоссовским. Именно он преподавал мне первые уроки в школе жизни. Константину Константиновичу был присущ врожденный демократизм... Всегда был ровен, доброжелателен при общении с людьми, независимо от их положения: будь то начальник штаба фронта генерал-полковник Малинин, молодой офицер или солдат охраны. Что касается вверенного маршалу войска, то примером для него служил Суворов: побеждать надо не числом, а умением...

Главное событие в моей послевоенной жизни — работа под руководством великого ученого, крупнейшего историка нашего времени академика Евгения Викторовича Тарле. Следует сказать о роли, которую мой учитель играл в то время

в исторической науке. Он во многом способствовал разгрому так называемой «школы Покровского». Прикрываясь флагом революционности, представители этой «школы» оплеывали все славное, героическое в истории нашей страны. Так, Петр I был для них «прогнившим сифилитиком», Екатерина II — «уличной проституткой».

В монографиях «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» Евгений Викторович раскрыл движущие силы нашей истории — глубокий патриотизм народа, его героизм и самоотверженность в борьбе с иноземными захватчиками⁵. Академик Тарле — наиболее часто упоминаемый ученый и педагог в блестящей когорте профессоров, унаследованных МГИМО от МГУ. Это о них ученики впоследствии писали: «Наше обучение шло в последних лучах славы истинной русской интеллигенции. Е. Тарле, А. Манфред, С. Крылов, В. Дурденевский, И. Витвер, Н. Баранский, М. Лившиц и многие другие передавали нам не только богатые фактические знания, но и большой духовный и моральный заряд целеустремленности, уважения и любви к России, умения самостоятельно мыслить»⁶.

Может быть Тарле наиболее полно воплощал в себе драму русской интеллигенции, носительницы саморазрушительных революционных иллюзий, с трудом и жертвами от них избавлявшейся. Ведь его «Наполеон» и «Талейран» читались первыми мгимовцами не только через призму истории внешней политики Франции, ее побед и поражений, но и через призму перерождения французской революции и установления единовластного режима Наполеона, успехов и безумств этого режима.

Если Тарле от революционных увлечений молодости шел через опалу и ссылку 30-х годов к патриотической позиции своих зрелых трудов, то выдающийся юрист-международник Сергей Борисович Крылов, проведенный три года в действующей армии в Первую мировую войну в звании штабс-капитана и получивший тяжелое ранение в 1916 году, долго, преодолевая внутреннее сопротивление шел на сотрудничество с советской властью. Окончательно, бесповоротно он принял ее в годы войны, которые он провел в блокадном Ленинграде. Крылов и не скрывал этого в доверительных разговорах со своими учениками. Русская интеллигенция, разорванная революцией и гражданской войной, сплотилась в годы Великой Отечественной войны на позициях патриотизма и эти позиции объединяли первых профессоров МГИМО с лейтенантским поколением студентов.

От Московского государственного университета МГИМО унаследовал университетские принципы широты и фундаментальности образования. Как отмечает академик А.В. Торкунов, «Первые

преподаватели института — академики и профессор — превращали свои талантливые лекции в инструменты активного приобщения студентов к научному мышлению, к аналитической и исследовательской работе. В ответ на этот «интеллектуальный пир» первые студенты, прежде всего вчерашние лейтенанты-фронтовики, демонстрировали неординарные усилия, упорство и последовательность в обретении профессии, именно с этой позиции рассматривая весь учебный процесс. Такого рода постоянный научный поиск преподавателей и заинтересованное участие в нем студентов, их совместная ответственность не только в образовании, но и в воспитании профессиональных дипломатов и специалистов-международников превратились в традицию, передаваемую мгимовцами из поколения в поколение»⁷.

К традициям, унаследованным от МГУ, добавилась неразрывная связь теории и практики, шедшая от повседневных контактов с Министерством иностранных дел, выступлений перед студентами ведущих отечественных дипломатов, от лекций и семинаров таких ученых-международников как Крылов, Дурденевский, Трухановский, принимавших участие в подготовке и проведении Ялтинской и Потсдамской конференций, в создании Организации Объединенных Наций и в других исторических событиях. Традиции отечественной науки и традиции российской дипломатии, просвещенная державность, политический реализм — вот что было заложено в основание МГИМО. Недаром любимым героем истории российской дипломатии для мгимовцев стал канцлер А. М. Горчаков.

«Горчаков возглавлял МИД долгие годы в очень непростые для России времена... Принципы, которые он заложил в основу политики Российской империи, полностью сохраняют свою актуальность», — сказал министр иностранных дел С.В. Лавров, открывая в дни 70-летия МГИМО памятник Горчакову⁸. Горчаков дорог для мгимовцев еще и тем, что он олицетворяет связь МГИМО с Александровским лицеем, с Пушкиным и «золотым веком» русской культуры.

В своих «Воспоминаниях бывшего «лицеиста» студент первого набора МГИМО фронтовик Э.А. Араб-Оглы пишет: «Создавалось впечатление, что наш институт, пусть отдаленно, но в чем-то напоминал Царскосельский лицей, а сами мы чувствовали себя лицеистами. Это дерзкое сравнение имело, пожалуй, некоторые поверхностные основания. Само возникновение института в разгар Отечественной войны заставляло вспомнить, что его далекий предшественник открылся накануне нашествия Наполеона на Россию. Набор студентов института явно предназначался для того, чтобы в последующем они выполняли ответствен-

ные роли в обществе: нас учили самые выдающиеся ученые и т.д. Не знаю, насколько я прав в этом сравнении. Однако я укрепился в нем полтора десятилетия спустя, когда в 1961 году был приглашен на 150-летний юбилей Царскоевского лицея, где выступал с докладом о жизни и творчестве его первого директора — В.Ф. Малиновского, чьи труды «Рассуждения о войне и мире», «Записки об освобождении рабов», «Размышления о преобразовании государственного устройства в России» я в 50-е годы извлек из архивов и воскресил из забвения. Несколько дней я дышал лицейской атмосферой, познакомился с отдаленными потомками бывших лицестов и их современными юными почитателями»⁹.

Сходство с Александровским лицеем упрочилось, когда МГИМО переехал в здание Николаевского (Катковского) лицея на Крымской площади, в котором когда-то учились многие выдающиеся деятели России «серебряного века». Неформальное имя «лицей» стало почти общепризнанным при легендарном директоре МГИМО Юрии Павловиче Францеве, чье директорство пришлось на 1945–1949 годы. Он принадлежал к одной из лучших в России гуманитарных школ — историков-античников Петербургского университета. Начав с исследований религий Древнего Востока под руководством академика В.В. Струве, Францев перешел к общим проблемам истории социальной мысли. В своей разносторонней научно-педагогической деятельности он стремился к восстановлению проблематики социальных наук в полном объеме, возрождению отечественной социологии и политологии как самостоятельных дисциплин.

С Францевым (или «папой Юрой», как прозвали его мгимовцы, хотя «папе» было чуть больше сорока) связано установление главных черт в корпоративной этике МГИМО: требовательности и доброжелательности, инициативности и ответственности, открытости внешнему миру и твердости в своих позициях. Свои взгляды на взаимоотношения между мгимовцами Юрий Павлович утверждал не словом, а делом. Как пишет выпускник МГИМО 1954 года, известный историк-германист и летописец МГИМО А.А. Ахтамзян, «первые два года после прихода в институт Юрий Павлович с женой жили в студенческом общежитии, находившемся в самом здании института. В общем коридоре им была выделена небольшая двухкомнатная квартира, без отдельных удобств, отгороженная от остальных комнат общежития фанерной перегородкой. По утрам и вечерам директор и его жена волею-неволей встречались со студентами. Эти обстоятельства позволяли студентам (в основном бывшим фронтовикам) общаться с директором, что называется, «в домашней обстановке»¹⁰.

Вокруг Францева и его семинара по философско-социологическим и политологическим проблемам сплотился цвет лейтенантского поколения, те, кто впоследствии стали академиками, основателями академических институтов и научных школ, советниками руководителей страны — фронтовики Иноземцев, Арбатов, Ермоленко, Араб-Оглы и их товарищи — Осипов, Гвишиани, Загладин, Замошкин, Юрий Семенов и Вадим Семенов, Бестужев-Лада и другие. Семинар Францева стал примером для семинаров и кружков других видных профессоров института. Впоследствии такие семинары вели уже сами представители лейтенантского поколения.

Францев всячески поддерживал разные формы студенческой самостоятельности: научное студенческое общество, стенную газету «Международник», научный и литературный журналы, театры на английском, немецком, французском и испанском языках, сатирические обозрения институтской жизни (капустники), спортивные состязания и многое другое. С не меньшим энтузиазмом первые мгимовцы работали на стройках и колхозных полях. Эти традиции в следующем поколении возродились в стройотрядах 60-х и 70-х, а еще через много лет в волонтерском движении МГИМО.

Справедливости ради отметим, что в живой и откровенной атмосфере студенческие собрания проходили еще до прихода Францева в МГИМО. Выпускник 1948 года известный экономист Станислав Меньшиков вспоминает: «Дважды в институт приезжал Молотов. Говорил он не так красочно, но четко и ясно. Помню, как он проявил заботу о нашем общежитии, спросив, достаточно ли там топят (дело было зимой). Один из наших фронтовиков, Герой Советского Союза, во всеулышание ответил: «Ничего, Вячеслав Михайлович, зима нынче теплая». Молотов не моргнул глазом, но топить после его отъезда стали лучше. Вот какие у нас тогда были дипломаты из молодых. Лично я своими старшими товарищами-студентами часто восхищался, набираясь у них понемногу коренной русской выдержки и мудрости»¹¹. Кстати, после этого собрания МГИМО был переведен на Крымскую площадь и директором назначен Францев.

При Францеве в МГИМО были приняты первые девушки и директор, по воспоминаниям многих студентов тех лет, настаивал на уважительном, рыцарском отношении мгимовцев к их соученицам и вообще к их подругам. Надо сказать, что спутницы международных дипломатов, разведчиков, журналистов — сыграли огромную роль в их непростых судьбах. Сейчас, когда женщины составляют не менее половины учащихся МГИМО, когда многие из них идут на

работу в МИД и международные организации, распределение семейных ролей в немалой степени изменилось. Но роль семьи для международного — мужчины или женщины — остается важнейшей, и воспитание ответственного отношения к семье остается одной из наиболее серьезных задач нашего времени.

В эти же годы в МГИМО стали принимать студентов иностранцев. Уже до этого студенческий коллектив был многонационален. В первом наборе учились русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, евреи, представители национальностей Поволжья и Северного Кавказа. Потом этот список существенно расширился. Как вспоминают мгимовцы первого набора, «особый вклад в дружбу в нашем многонациональном коллективе внесли фронтовики: Грант Епископосов, Сергей Романовский, Борис Пичугин, Саша Бондаренко, Жора Мамрыкин, Виктор Наумов, не один десяток добрых наших воинов-героев. В битвах Великой Отечественной приобрели они интернационалистскую закалку»¹². Лейтенантское поколение формировалось не только под влиянием Великой Отечественной войны и того короткого промежутка после Победы, которые в трудах ряда авторов получил название «первой оттепели», но и под влиянием достаточно долгого периода «холодной войны» конца 40-х–начала 50-х годов.

Взвешенная оценка этого периода отечественной истории и международных отношений остается на сегодняшний день достаточно сложным делом. Если попытки фальсификации Великой Отечественной войны встречают резкий отпор, то период героического восстановления страны и отпора экспансионистским устремлениям вчерашних союзников почти без сопротивления окрашивается полностью в черный цвет. Принижается и самоотверженная деятельность отечественной дипломатии и международная кампания борьбы за мир, в которой мгимовцы приняли самое активное участие.

В связи с этим хочу вспомнить беседы с одним из талантливых представителей первого поколения мгимовцев — историком-американистом Николаем Николаевичем Яковлевым, кружок которого я посещал в студенческие годы, поскольку интересовался политикой США в Латинской Америке. Так вот Николай Николаевич (которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину, поскольку его отец маршал авиации Яковлев был в послевоенные годы репрессирован, а заодно пострадал и сын) твердо придерживался убеждения, что США несут ответственность за развязывание «холодной войны» и гонку вооружений. Причем причиной их агрессивных намерений было отнюдь не желание «демократизировать» СССР. США мирились и работали с подвластными им

авторитарными режимами. Они не могли мириться с независимостью СССР, которая служила вызовом гегемонизму США. Конечно, шла борьба и за природные ресурсы, и за потенциальные рынки.

Профессор Яковлев считал, что в период «холодной войны» режим военизированной экономики и жестко централизованной идеологической и политической системы неизбежен. Эта цена победы в «холодной войне», которая велика, но не сопоставима с ценой победы в «горячей войне». Другой вопрос, и Яковлев неизменно это подчеркивал, что дисциплина и самоограничение не имеют ничего общего с беззаконием, демагогией и спекуляциями, которые сопутствуют «холодной войне».

Кстати, мгимовцы и особенно фронтовики отлично это понимали и, как пишет один из них, «несмотря на многие существовавшие в мое студенческое время идеологические предписания и ограничения, наш институт в силу своей специфики допускал иметь непредвзятое мнение и не путать черное с белым»¹³. Примером неприятия мгимовцами демагогических лозунгов и приемов служит история со спущенной в институт сверху кампанией борьбы с космополитизмом, начавшаяся в МГИМО весной 1949 года, перед самым уходом Францева из института. Как пишет выпускник 1948 года, первый президент Ассоциации выпускников МГИМО, Посол Ростислав Александрович Сергеев, «придать этой кампании широкий антисемитский размах не удалось. Подготовленная проработка профессора М. Лившица (преподавателя марксизма-ленинизма) проходила в Актовом зале института на комсомольском собрании. На выступления «критиков» собрание ответило топотом ног и свистом. А ответная речь профессора, блеснувшего, как и на своих лекциях, четкими формулировками, ссылками на классиков и остроумием вызвала аплодисменты... Иммунитет от чуждых влияний студенты военных и послевоенных лет получали иным путем, прежде всего патриотическим и интернациональным воспитанием в годы Великой Отечественной войны»¹⁴.

Главные достижения лейтенантского поколения мгимовцев пришлись на период 50-х–70-х годов, период выхода из «холодной войны», формирования и осуществления политики мирного сосуществования и разрядки. В политике мирного сосуществования в полной мере проявились как стремление к миру, так и трезвый реализм, основанный на учете баланса сил. При этом мирное сосуществование мыслилось не как конвергенция и унификация ценностных систем различных стран и регионов, а как сотрудничество государств и народов с отличающимися друг от друга культурными, экономическими, политическими традициями в интересах общей безопасности и ре-

шения глобальных проблем. Концепцию мирного сосуществования можно с полным основанием рассматривать как прообраз концепции полицентричной системой мироустройства, сформулированной на рубеже XX–XXI веков уже учениками лейтенантского поколения.

Важной особенностью отечественной теории международных отношений и глобалистики, в формировании которых мгимовцы приняли самое активное участие, был учет региональной специфики. Этому в большой степени способствовало присоединение к МГИМО в 1955 году Московского института востоковедения — наследника знаменитого Лазаревского училища восточных языков, основанного еще в 1815 году. С МИВ в МГИМО пришли крупнейшие ученые-востоковеды и немалый отряд лейтенантского поколения.

Ведущую роль в формировании политики СССР в странах Латинской Америки в послевоенный период также сыграли представители лейтенантского поколения мгимовцев. Здесь хотелось бы особо отметить двух Героев Советского Союза — Виктора Вацлавовича Вольского, многие годы возглавлявшего Институт Латинской Америки АН СССР, и Михаила Федоровича Кудачкина, отвечавшего за межпартийные связи со странами региона.

В течение сорока лет лейтенантское поколение мгимовцев успешно защищало интересы Отечества в мировом сообществе. Но и на их долю выпало пережить катастрофические события — поражение СССР в новом раунде «холодной войны», распад страны и гражданскую смуту — также как на долю их учителей выпало пережить поражение в войне и смуту начала XX века. Драма поколения задолго до геополитической катастрофы 1991 года нашла свое выражение в судьбах лучших его представителей, стремившихся предотвратить сползание страны к пропасти. Такова была судьба выдающегося ученого академика Н. Н. Иноземцева. «Это был несомненно выдающийся человек — образованный, интеллигентный, смелый, прошел всю войну офицером-артиллеристом, получил целый ряд боевых наград, и в то же время легко ранимый главным образом тогда, когда приходилось решительно отбивать атаки своих личных противников, а таких было немало — злобных, завистливых»¹⁵.

«Николая Николаевича глубоко беспокоило положение нашей страны... В сотрудничестве с другими учеными и от себя лично он выдвигал предложения по необходимой коррекции курса государственной политики, который становился все менее адекватным внутренним и международным проблемам. Но пробить партийно-бюрократическую стену было невозможно.

Нельзя сказать, что крупный ученый, выдающаяся личность, академик Н. Н. Иноземцев находился вне системы, что его неоспоримые заслуги не были по достоинству признаны и отмечены. Все это было: и высшие посты в научной и политической иерархии, и почетные звания, и многие правительственные награды. И все же Николай Николаевич полностью не вписывался в господствующий в то время режим. Со своим настойчивым стремлением к обновлению он был неудобен руководителям высшего ранга, которые не могли и не хотели допускать изменения сложившегося порядка...

Пришла очередь и академика Н. Н. Иноземцева. Против него лично и против ИМЭМО (директором которого он являлся. — *А. Ш.*) была развернута кампания злобной травли. Трагический финал наступил быстро. Не выдержало сердце, столько испытавшее и на фронте, и в баталиях с партийными иерархами. 12 августа 1982 года Николая Николаевича не стало»¹⁶.

Позже, уже в 80-е годы мгимовцы — дипломаты, разведчики, ученые — неоднократно предупреждали о губительности непродуманных волюнтаристских решений во внешней политике страны, стремились по мере сил противостоять вопиющему непрофессионализму лидеров и «прорабов» перестройки, который был незамедлительно использован геополитическими противниками СССР и их пособниками, преследовавшими свои корыстные экономические и политические интересы. Как писал в октябре 1990 года последний начальник внешней разведки СССР, выпускник МГИМО, востоковед Леонид Шебаршин: «Нами правят профессиональные политиканы. Для них история начинается с момента вступления их на пост первого секретаря райкома. Они не знают ни своего народа, ни его истории, ни окружающего мира»¹⁷.

И в самые тяжелые дни, когда катастрофа уже произошла, когда Советский Союз распался, образ Великой Победы продолжал внушать мгимовцам надежду. Перечитывая знаменитый сборник русских философов «Из глубины», вышедший в 1918 году, и сравнивая катастрофы 1917 и 1991 годов, Шебаршин писал: «Все, полная гибель, зияющая черная пропасть. А если бы в том же 18-м году кто-то предсказал, что через двадцать с небольшим лет этот покончивший самоубийством народ вдребезги сокрушит германский «тысячелетний рейх»? Поверил бы ему хоть один человек?»¹⁸.

Трудные времена не обошли стороной и МГИМО. Но по счастью наряду с другими заслугами лейтенантского поколения ему принадлежит заслуга воспитания другого поколения мгимовцев, которые сохранили МГИМО в период смуты 90-х годов. Среди многих профессоров

и преподавателей МГИМО, принадлежавших к лейтенантскому поколению, следует особо отметить проректоров, фронтовиков Д. В. Ермоленко, Г. Л. Розанова, трудившихся в Институте в 60-е годы и фронтовика, партизана Н. И. Лебедева, руководившего факультетом МО в 1969–1974 гг., ставшего первым ректором — выпускником МГИМО в 1974 году, и возглавлявшим МГИМО в течение десяти лет.

Именно при декане Лебедеве состоялся выпуск факультета МО 1972 года, ставший ядром следующего поколения мгимовцев и давший такие знаковые фигуры, как министр иностранных дел С. В. Лавров и ректор МГИМО академик А. В. Торкунов. Помощниками ректора Лебедева работали в первые годы после окончания института Торкунов и Тюлин, вокруг которых в 90-е годы сплотилась команда, не только сохранившая МГИМО в условиях экономического и политического хаоса, но и поднявшего его на новую высоту. Своим жизненным девизом Николай Иванович Лебедев выбрал строки из Гете «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой»¹⁹. Этот девиз хорошо усвоили его ученики.

Опираясь на изначально заложенные университетские традиции, МГИМО в 1990–2000-е годы превратился в полноценный университет с широкими международными связями, развернутыми на Запад и на Восток. Профессорско-преподавательский состав МГИМО-Университета пополнился крупными учеными, перешедшими в МГИМО из академических институтов. Традиции соединения научного творчества с практикой позволили МГИМО стать одним из важнейших центров разработки теоретических основ российской дипломатии в период возрождения независимого внешнеполитического курса России в 2000-е годы. Как отмечал С. В. Лавров, выступая в МГИМО 2 сентября 2013 года, «помимо пополнения нашего кадрового потенциала, мы очень ценим отношения с МГИМО и Дипакадемией в том, что касается научно-исследовательской и аналитической работы. Сегодня эта сфера востребована как никогда».

В мире происходят сложнейшие процессы — а они только запущены, — и до их окончания еще далеко. Однако ясно, что конечной точкой движения, в которое пришло мировое сообщество и международные отношения, будет новая полицентричная система мироустройства. Она будет опираться на диалог и согласие цивилизаций, взаимоуважение и прочную основу международного права. Ценности этой системы будут общими, присутствующими всем мировым религиям. Это стремление к миру, добру, достоинству, свободе и ответственности, уважению старших. Попытки трактовать эти ценности односторонне, только по своему, наблюдаются сейчас со стороны тех, кто не хочет

терять доминирующие позиции, которые столетиями занимали наши западные коллеги. Идет серьезное сопротивление созданию более справедливого и демократического миропорядка»²⁰.

Фундаментальные труды по истории и теории международных отношений, подготовленные за последние десятилетия в МГИМО (прежде всего «История международных отношений» в трех томах) свидетельствуют, что концепция полицентричного мира соответствует глубинным традициям внешней политики России, органично включающим в себя отечественную дипломатию периода Великой Отечественной Войны и создания Организации Объединенных Наций, решения Ялтинской и Потсдамской конференций, борьбу за мир в годы «холодной войны», поддержку борьбы за независимость народов колониальных и зависимых стран, Хельсинские соглашения и многое другое.

Особое место в исследованиях ученых МГИМО-Университета занимают труды, непосредственно посвященные эпохе Великой Отечественной войны. Среди этих работ первое место занимает многотомное издание «Великая Победа», получившее широкое признание в нашей стране и за рубежом.

Исследования, посвященные Великой Отечественной войне, имеют не только научное, но и большое воспитательное значение, вызывая резонанс в студенческой среде, стремление молодежи включиться в диалог поколений. В связи с этим следует особо отметить «Книгу Памяти», подготовленную студентами МГИМО и посвященную мгимовцам-фронтовикам и своим родным, ковавшим Победу на фронте и тылу. В нее ребята включили и стихи фронтовиков и, конечно, знаменитый «День Победы» Владимира Харитонова (фронтовика, мгимовца) — песню, которая стала гимном Великой Победы для всей России.

Здесь хочется упомянуть еще об одной работе, связанной с именем, которое открывало череду имен, вдохновлявших наш народ на борьбу с врагом. Эта книга — «Александр Невский. Государь, дипломат, воин»²¹. К почитанию Александра Невского как государственного деятеля, дипломата и военачальника мы сейчас добавляем — Святого, Благоверного Князя Александра. Кроме круглых дат 70-летия МГИМО и Победы мы отмечаем еще одну круглую дату — десятилетие встречи Патриарха Алексия II с ректором А. В. Торкуновым и группой мгимовцев, на которой было принято решение о строительстве Храма Святого Александра Невского при МГИМО. Это показалось бы чудом для первого поколения мгимовцев. Но Храм стоит и службы в честь Александра Невского — покровителя российской дипломатии — идут. И это еще раз говорит о том, что традиции

лейтенантского поколения не только сохраняются, но углубляются, наполняются новым смыслом.

* * *

В жизни человека и в жизни народа бывают моменты, когда определяется их судьба. Такой судьбоносный момент наступил сейчас для России и для каждого из нас. Возвращение Крыма в состав России подвело черту под долгим периодом смуты, явившейся результатом нашего поражения в холодной войне и геополитической катастрофы — развала Советского Союза. Собственно, полосу безвременья и потери ориентиров завершилась раньше — в сентябре 2013 года, когда в своей речи на Валдайском форуме Президент России четко сказал, что политика России будет опираться на ее традиционные ценности. «Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности, люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение...

Россия — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как „цветущая сложность“, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Цер-

ковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»²². (Выступление В. Путина на заседании клуба «Валдай»).

Эта позиция Президента нашла свое воплощение в политике России по отношению к Украине и Крыму. События на Украине и в Крыму вписываются в общий контекст противостояния сил мира и добра силам хаоса и зла. Политика хаоса и зла уже принесла свои чудовищные плоды народам Югославии, Ирака, Ливии, Сирии. Сейчас в хаос погружается Украина. Зачинщики украинского кризиса не скрывали, что следующей на очереди должна стать Россия, что события в Киеве — генеральная репетиция перед Москвой. Просчитались.

Наша радость от воссоединения России и Крыма, наша надежда на возрождение и процветание России не должны заслонять от нас трудности и испытания, которые ждут нашу Родину. Выход из кризиса, из смуты, из болезни — всегда тяжел и для человека, и для народа. Так было после смуты начала XVII века, так было после смуты начала XX века.

Выход один — сплочение, единство нашего общества, наша верность идеалам Великой Победы и памяти ее героев.

¹ Загладин В. Как день вчерашний видится с позиции сегодняшнего // Птенцы гнезда МГИМО'ва. 50 лет спустя. 1949–1999. Т. 1. Историки-международники. М.: МГИМО(У) МИД РФ. 1999. С. 63.

² Книга памяти / Рук. авт. колл. И. А. Логинов. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010. С. 11.

³ А. Стриганов. Мы были первыми // Полвека спустя (1948–1998). Говорят первые выпускники МГИМО. М.: Московские учебники и Картография 1998. С. 146–147.

⁴ Г. Зубков. Почему я не стал дипломатом // Птенцы гнезда МГИМО'ва. Т. 1, с. 69.

⁵ Г. Розанов. Школа жизни. Мои учителя // Научные школы МГИМО в лицах (К 70-летию Университета). М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 117–118.

⁶ В. Коллонтай. Размышления: пятьдесят лет спустя // Птенцы гнезда МГИМО'ва. Т. 1, с. 84.

⁷ А. В. Торкунов. Об инновационном потенциале научных традиций // Научные школы МГИМО в лицах, с. 7

⁸ MJ-MGIMJournal. 2014. №4, с. 22

⁹ Э. Араб-Оглы. Воспоминания бывшего «лицеиста» // Полвека спустя (1948–1998), с. 178.

¹⁰ Научные школы МГИМО в лицах, с. 43.

¹¹ С. Меньшиков. Давным давно // Полвека спустя, с. 103

¹² С. Нестеров. Слово о Гранте Епископосове // Птенцы гнезда МГИМО'ва. Т. 1, с. 122.

¹³ А. Сальковский. Это мой мир // Птенцы гнезда МГИМО'ва, с. 72.

¹⁴ Р. Сергеев. Юрий Павлович Францев (Францов) — педагог и руководитель // Научные школы МГИМО в лицах, с. 44–45.

¹⁵ Примаков Е. М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 31.

¹⁶ О. Быков. Заслуженно вписан в летопись науки // Птенцы гнезда МГИМО'ва. Т. 1. С. 51

¹⁷ Шебаршин Л. В. Последний бой КГБ. М.: Алгоритм. 2013, с. 69.

¹⁸ Там же, с. 200.

¹⁹ Алфавит МГИМО. Сост. И. Дробышев. М.: ООО «Медиадом Мажор», 2014. С. 148.

²⁰ Научные школы МГИМО в лицах, с. 6.

²¹ Александр Невский. Государь, дипломат, воин / Сост. В. И. Уколова. Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Р. Валент, 2010.

²² Выступление В. Путина на заседании клуба «Валдай» (<http://www.rg.ru/2013/09/19.Stenogramma-site.html>).

Кучкар Ханазарович Ханазаров – один из первых выпускников МГИМО

Гульнора Х. Мансурова*

По мнению исследователей подобно тому, как музыкант улавливает в этом мире гармонию звуков, художник — гармонию цвета, поэт — гармонию ритма, философ улавливает гармонию разумности бытия, раскрывающуюся для нас в виде системы понятий и категорий, в виде разумной логики бытия.

Одним из самых интересных разделов философии является философия языка, знатоком которой является заслуженный деятель науки Республики Узбекистан, доктор философских наук, профессор Кучкар Ханазарович Ханазаров. Его судьба человека и ученого представляет большой интерес. К. Х. Ханазаров в 1940 году был лишь призывником армии, а в этом году ему исполнилось 93 года. Ещё до войны при прохождении комиссии он был признан годным к летной службе. Он хотел и мечтал стать одним из первых узбекских лётчиков. Но в 1941 году курсанты военно-лётной школы, где учился молодой Кучкар Ханазаров, были направлены в пехотные войска. Ханазаров начал свою военную службу рядовым солдатом, затем стал командиром отделения, командиром взвода и командиром роты. В боях близ Воронежа был тяжело ранен. Участвовал в боях за освобождение Харьковской и Полтавской областей Украины. Надолго запомнились К. Х. Ханазарову кровавые бои на реке Днепр, после которой наши войска продвинулись до самой Румынии.

Для трижды раненного и контуженного бойца война стала большой школой жизненных испытаний. Античеловеческую значимость фашизма и лицо войны он познал не из книг и кинофильмов, а наяву со всеми её ужасами и труд-

ностями. Именно в те дни, в те суровые годы он понял это священное чувство Родины, понял, как она дорога и бесценна для каждого человека. А также он был свидетелем того, как много людей, независимо от языка и нации, объединенные одной бедой и горем, были дружны и самоотверженно защищали свою Родину. В годы войны он приобрёл много друзей. Среди тех, с кем он вместе воевал, были узбеки и русские, украинцы и белорусы, казахи, евреи, татары и другие. «Если вернусь живым и невредимым с войны, — решил тогда молодой Ханазаров, — всю жизнь посвящу делу мира и справедливости, защите лучших человеческих качеств».

В 1945 году Кучкар Ханазарович Ханазаров поступил в МГИМО и закончил учебу в 1950 году по специальности «Международное право» и «Референт — переводчик во Франции». Его научно-педагогическая деятельность началась в Москве, в авторитетных учебных и научных учреждениях, где на протяжении нескольких лет он являлся старшим научным сотрудником и преподавал в МГУ. В 1953 году в Москве К. Х. Ханазаров успешно защитил кандидатскую диссертацию, а через десять лет стал доктором философских наук.

В 1964 году профессор был переведен на работу в Ташкент и назначен директором Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбеки-

К. Х. Ханазаров

* Мансурова Гульнора Хаджибековна — доктор философских наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Филиала РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте.

стана. Затем снова была Москва: с 1971 по 1980 годы он работал старшим научным сотрудником в университете имени М. В. Ломоносова и в Московском вечернем университете. В 1980 году, вернувшись в Ташкент, К. Х. Ханазаров был назначен директором Института философии и права имени И. М. Муминова, а в 1986 году стал главным издателем Узбекской энциклопедии. Преподавал в Институте иностранных языков, Высшей партшколе, Медицинском институте, а с 1992 года стал заведовать кафедрой в Университете мировой экономики и дипломатии, где трудился до 2013 года в качестве редактора журнала «Международные отношения: политика, экономика, право», который выходит на узбекском, русском и английском языках.

Ныне профессор К. Х. Ханазаров — автор более 500 научных и научно-популярных книг и публикаций, владеющий в совершенстве русским и узбекским, английским и французским языками. Он — ученый с мировым именем, К. Х. Ханазаров упоминается среди самых известных ученых мира в Американской и Британской энциклопедиях. В 2005 году Российская академия лингвистических наук организовала международную научную конференцию «Язык, культура, общество», в которой принимали участие ученые из 40 стран. На этой конференции были присуждены три зо-

лотые медали: первая — британскому ученому Остлеру Николасу, вторая — ученому из Петербурга А. К. Федорову и третья — К. Х. Ханазарову.

Кучкар Ханазарович — философ редкой категории, глубоко знающий национальные особенности своего народа, язык и культуру, вместе с тем уважающий и ценящий людей и культуры других национальностей. Он — участник многих международных симпозиумов и конференций, на которых свободно выступает на французском и английском языках. Труд ветерана отмечен многими государственными наградами, в том числе орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» и «Мехнат шухрати». Несмотря на свои преклонные годы, он продолжает работать. Вся научная и общественная деятельность К. Х. Ханазарова направлена на воспитание интернационалистических чувств, дружбы между народами. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации более 100 человек. Многие из них живут и продолжают дело своего учителя не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами.

Кучкар Ханазарович неутомимый труженик, скромный и благородный, культурный и мягкий, очень добрый человек. И в свои 93 года он продолжает работать, пишет книги, помогает людям, желающим посвятить себя науке.

Студенты пишут о ветеранах Великой Отечественной войны

Н. В. Шевцов*

Считаю для себя большой честью представить молодых авторов — студентов МГИМО, подготовивших материалы о наших ветеранах. Одни из них учатся на 2–4 курсах бакалавриата, другие — студенты магистратуры, третьи — заканчивают аспирантуру. Но все они — студенты факультета международной журналистики МГИМО. А потому не стоит удивляться, что их материалы хорошо написаны. Студенты проявили себя великолепными репортерами, проделав огромную работу по сбору материалов для своих публикаций. Немало времени у них ушло на то, чтобы организовать встречи с ветеранами — героями материалов. Ведь многие из них находятся в весьма преклонном возрасте. Я внимательно следил за подготовительной работой, проделанной молодыми авторами, и могу сказать, что, договариваясь о встречах, они проявили максимум внимания и такта к своим собеседникам. И в то же время нельзя не оценить их настойчивость, желание получить нужную информацию. Кому-то удалось сразу договориться о беседах, у кого-то на их организацию ушло несколько недель.

Содержание подготовленных материалов убеждает, что их авторы умеют брать интервью, знают, какие надо задавать вопросы, чтобы получить исчерпывающие ответы. Впрочем, о студентах можно рассказать не только как о мастерах интервью, но и других жанров, например, портретного очерка. Они проявили себя тонкими психологами, сумев увидеть главные черты, распознать индивидуальность, особенности характера своих героев. Можно считать, что статьи наших студентов, подготовленные для многотомника «Великая Победа», стали заметным результатом их учебы в институте.

Появление очерков явилось следствием серьезного изучения жанров современной журналистики. Теоретическая работа подкреплялась интенсивными практическими занятиями на мастер-классах, в ходе которых студенты готовили статьи самых разных жанров. Их работы серьезно разбирались на занятиях, поэтому, готовя статьи о ветеранах, студенты показали себя знатоками основных журналистских жанров. И не случайно практически каждая из вошедших в многотомник статей включает не только элементы очерка и интервью, но и репортажа, эссе, комментария и других жанров.

Часть из предлагаемых читателю материалов посвящена ветеранам, которые, к счастью, находятся в добром здравии. Они не только говорят о прошедшей войне, но и вспоминают о своей учебе, а некоторые — и о работе в МГИМО. Их рассказы наглядно убеждают в том, сколь важный вклад внесли советские дипломаты в победу и в поддержание послевоенного мира.

Слушаешь их и понимаешь, что МГИМО на протяжении всех лет существования, а наш университет, возникший в 1944 году, можно считать почти ровесником победы, готовил не просто квалифицированных дипломатов, экономистов, журналистов, но и последовательных, активных сторонников мира.

Некоторые материалы посвящены фронтовикам — выпускникам МГИМО, которые, к нашему глубокому сожалению, уже ушли из жизни. Среди них — семь героев Советского Союза, прославивших как наш университет, так и всю страну.

Пройдя войну, закончив МГИМО, некоторые из ветеранов многие годы работали в университете, занимались преподавательской деятельностью.

---

* Шевцов Никита Всеволодович — к. и. н., доцент, заведующий кафедрой международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Я лично тепло вспоминаю заведующего кафедрой философии Д. В. Ярмоленко. Его увлекательные лекции духовно обогащали нас, помогали лучше понять происходившие в мире общественно-политические процессы.

Наши преподаватели-фронтовики работали на разных кафедрах и факультетах. Война закалила их, они хорошо знали цену жизни. Эти люди воевали и трудились за счастье будущих поколений, за наше счастье. Они щедро делились со студентами не только знаниями, но и бесценным жизненным опытом. Их уроки патриотизма дорогого стоили! Особую любовь заслужили прошедшие войну преподавательницы иностранных языков, такие как Т. Чарданцева, М. Рытова, А. Преснова. Благодаря их педагогическому дару многие выпускники МГИМО стали блестящими переводчиками. И на вопрос, в чем

секрет их великолепного знания языка, коротко отвечали — просто у нас были замечательные преподаватели.

Самое удивительное, что не все наши ветераны ныне находятся на заслуженном отдыхе. Так, Яков Алексеевич Ломко, одно время возглавлявший кафедру журналистики МГИМО, и сейчас, в 96 лет, продолжает активную преподавательскую деятельность.

По-разному сложилась судьба наших ветеранов. Одни по окончании МГИМО сделали блестящую карьеру, достигли высоких государственных постов, став выдающимися учеными, дипломатами, журналистами, другие, хоть и не добились широкой известности, но честно и с достоинством выполняли свой трудовой долг. И всех их объединяла любовь к Родине, к своему народу, к университету.

Судьба человека: Виктор Вацлавович Вольский

Д. Баринских (ЗМЖ)

Нынешняя молодежь живет в мире возможностей, располагает неограниченным количеством времени, безрассудно тратит себя на бестолковые и неважные дела и не умеет по-настоящему ценить жизнь. Поэтому современным молодым ребятам трудно представить, как тяжело пришлось юным парням и девушкам в годы Великой Отечественной войны. Они только начинали жить, их планам и надеждам не было конца, но свои судьбы им пришлось отдать в залог мира и счастья будущих поколений. Тем молодым мальчишкам и девчонкам тоже хотелось любить, дружить, учиться в университете, узнавать новое. И многим их ожиданиям не было суждено осуществиться: герои погибли с прекрасными улыбками веры в лучшее на устах. Но были и те, кто выстояли в этой битве за будущее, и смогли воплотить в жизнь свои юношеские надежды и мечты. И удача сопутствовала им в этом.

Одним из таких молодых, смелых и успешных людей был Виктор Вацлавович Вольский (10.08.1921–19.11.1999), Герой Советского Союза, член-корреспондент АН СССР (РАН), Заслуженный деятель науки РСФСР.

Родился Виктор Вацлавович в семье железнодорожного служащего на станции Злынка нынешней Белорусской железной дороги. Сейчас это местечко носит название поселка Вышков Новозыбковского района Брянской области. Читать Витя научился самостоятельно, а в 8 лет поступил сразу во второй класс четырехлетней железнодорожной школы. В 1938 году окончил Мало-Вышковскую среднюю школу и поступил в Лесотехнический институт им. С.М. Кирова в городе Гомель (Белоруссия).

В октябре 1940 года Вольский был призван в Красную армию. Он тогда учился на третьем курсе и в мае-июне 1941 года сдал все экзамены за третий курс. Незадолго до начала войны юноша служил на зенитной батарее вблизи Мурманска, всего в сорока километрах от границы, где войска охраняли Туломскую ГЭС и единственный в Заполярье военный аэродром. С первых же дней войны Виктор Вацлавович принимал участие в боях. Особенно трудными выдались эти дни: молодые ребята на пограничных территориях были вынуждены справляться с непредвиденными обстоятельствами, весь груз ответственности тогда лег на их плечи. Но даже в тяжелых условиях начала войны, когда неизвестность пугает как никогда, а любой неверный шаг рискует стать роковым, молодые солдаты справились со своей задачей.

О тех временах Виктор Вацлавович вспоминал так: «В войну мы втянулись как-то незаметно. Примерно за неделю до ее начала немцы стали нарушать границу, летали над нами с разведывательными целями. У нас объявили тревогу, но был приказ: огня не открывать. Боялись спровоцировать немцев. Напряжение висело в воздухе: войны нет, но что-то происходит. Первый воздушный налет на наши аэродром и батарею произошел ранним утром 22 июня — не было и шести часов. Войну еще не объявили, а приблизительно 20 немецких пикирующих бомбардировщиков напали на нас. Наши летчики не были к этому готовы, взлетали прямо во время бомбежки. Вот тогда мы в первый раз открыли огонь, причем эффективно. Один вражеский самолет сбили и еще один задели, он ушел далеко в сопки. А через день — новый налет бомбардировщиков. Их целью были Туломская ГЭС и аэродром. На этот раз летчики были наготове и сразу поднялись в воздух. Но наши самолеты в то время были хотя маневренные, но слабенькие, немцы называли их «русс-фанера». А у них «мессеры», более скоростные и лучше вооруженные. Вся тяжесть боя легла на нас, зенитчиков»¹.

Затем Вольский воевал на Карельском, Воронежском, Степном и 2-м Украинском фронтах. Осенью 1942 года Виктор Вацлавович получил тяжелое ранение обеих ног, но продолжил воевать: участвовал в крупнейших сражениях Второй мировой, таких как битва на Курской дуге, битва за Днепр, освобождении Правобережной Украины и Молдавии, после второго серьезного ранения и госпитализации Виктор Вацлавович снова вернулся на фронт и принял участие в Будапештской операции и освобождении Чехословакии.

За доблесть и храбрость, проявленные Вольским в августе 1944 года в ходе Яско-Кишиневской операции — одного из важнейших сражений заключительного этапа Великой Отечественной войны, известных как Десять Сталинских ударов, — Виктору Вацлавовичу указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. В. Вольский

При передислокации зенитная батарея, командование которой было поручено старшине В. В. Вольскому, у местечка Крецешти (18 километров восточнее румынского города Васлуй) столкнулась с танковой группой немецко-фашистских войск, вырвавшихся из окружения. В жестоком бою против нескольких десятков немецких танков, поддерживаемых артиллерией, две зенитные батареи В. В. Вольского и Л. С. Мерешко, находясь в окружении, отразили 5 атак противника и сумели двое суток сдерживать врага. Несмотря на то, что в скором времени снаряды закончились, тягачи сгорели, и батарея понесла значительные людские потери, старшина В. В. Вольский поднял в атаку уцелевших бойцов и прорвал кольцо окружения.

В книге «Поле боя испытаны. Фронтовые эпизоды» полковник М. Кирюхин, пришедший на помощь Вольскому и Мерешко, вспоминает о тех сражениях, отмечая решительность, сообразительность и смелость старшины Вольского, называет его «самым опытным командиром взвода». На тех позициях советским войскам пришлось отражать многократные наступления врага, силы были неравные, а войска истощены... Как вспоминал Вольский, отдавая приказания, он, конечно же, сомневался, верно ли его решение, не обрекает ли он свою часть на неминуемую гибель? Вольский размышлял: «Может быть, плюнуть на немцев и поискать обход? Но это значит открыть дорогу врагу в тыл наступающим войскам. Нет. Мы должны остановить его, и точка»².

Уже после окончания войны, давая интервью корреспонденту «Учительской газеты», Виктор Вацлавович рассказывал об участии в тех боях: «...К тому времени мы, что называется, привыкли побеждать, но неожиданно пять немецких дивизий прорвались из окружения, и моя батарея оказалась на острие этого прорыва... 107 бойцов, семь пушек и два четырехствольных пулемета «Браунинг» — вот все, что мы могли противопоставить пяти эсесовским дивизиям... Немцев не пропустили. Из моих ста семи бойцов в живых осталось восемнадцать...»

Но вклад Виктора Вацлавовича в Великую Победу не ограничивается военными подвигами: инженерно-технические знания, полученные в Лесотехническом институте, помогли бойцу изобрести планшет-трансформатор — прибор, который был принят на вооружение Красной армии в 1941 году и за который Вольский был награжден орденом Красной Звезды. Прибор позволял точно определить местоположение самолета противника и в несколько раз расширял радиус управления огнем зенитной артиллерии.

После войны удача продолжала сопутствовать Вольскому. Командование направило его

в Москву в МВТУ им. Баумана на приборно-артиллерийский факультет. Вольского ждала карьера офицера инженерно-технической службы, он уже был зачислен в университет, получил студенческий билет и место в общежитии. Но судьба Виктора Вацлавовича сложилась иначе. Он вспоминает: «...Иду я как-то по Крымскому мосту, смотрю на Москву-реку, на гуляющих и вижу, как на одном из зданий двое мужичков приколачивают вывеску: „Московский институт международных отношений“. В дверях стоит выхолонный швейцар с бородой и галунами и с таким важным видом, что ни дать ни взять генерал. Однако это меня нисколько не смутило. Я решил, что должен здесь учиться, а поступить в этот институт помог случай. Произошло это следующим образом: я поднялся на второй этаж в кабинет директора и сказал, что меня всю жизнь притягивали международные отношения. В кабинете, кроме директора, в тот момент находился заместитель министра иностранных дел.

— Ну что, возьмем парня? Смотри-ка, Герой Советского Союза, — произнес директор. — Только вот беда, парень-то военный.

Тогда заместитель министра берет телефонную трубку, звонит главному маршалу артиллерии Воронову. Через три дня меня демобилизовали, а еще через неделю зачисляют на первый курс института...»³

Так Вольский оказался в МГИМО — университете, с которым будет неразрывно связана его дальнейшая жизнь.

Тогда МГИМО только появился: в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 31 августа 1943 года в МГУ им. М. В. Ломоносова был создан факультет международных отношений для подготовки специалистов в области дипломатии, а 14 октября 1944 года на основе этого факультета был создан отдельный университет. В первые послевоенные годы многие студенты МГИМО были бывшими фронтовиками, пятеро из них — Героями Советского Союза, как Виктор Вацлавович Вольский. С доблестью защитив нашу страну в Великой Отечественной войне, эти молодые ребята хотели продолжать служить Родине и в мирное время — осваивать навыки дипломатии, чтобы помогать поддерживать равновесие и мир между странами. Тогда эта необходимость начала осознаваться как никогда ясно.

Университетская пора для Виктора Вацлавовича не была безоблачной. По воспоминаниям сокурсника и близкого друга Вольского, участника Великой Отечественной войны Г. И. Мамрыкина, «учебу в МГИМО после окончания войны Виктор начал буквально с нулевого цикла. Учился, имея на руках жену с ребенком и тяжелоболь-

ную мать. Проживал со своей семьей в крохотной комнате студенческого общежития, находясь в большой материальной нужде». Однако все эти сложности никак не мешали Вольскому добиваться блестящих результатов в учебе. В его личном деле, которое хранится в архиве МГИМО, есть документ, подтверждающий незаурядные способности студента, — заявление, в котором Вольский просит досрочно допустить его к сдаче государственных экзаменов, так как «полностью выполнен учебный план Института и защищена дипломная работа».

Но окончив университет досрочно и получив диплом с отличием, Вольский не покинул стены университета, а продолжил научную и преподавательскую деятельность в МГИМО: с 1949 по 1952 год учился в аспирантуре, в 1953 году защитил диссертацию кандидата экономических наук по теме «Англо-американская борьба за нефть в Южной Америке». С научным исследованием, послужившим основой данной работы, можно ознакомиться в Музее истории МГИМО (1 номер за 1949 год «Записок научного студенческого общества»). Далее Вольский работал в МГИМО старшим преподавателем, доцентом.

В 1966 году Виктор Вацлавович защитил докторскую диссертацию на тему «Латинская Америка: нефть и независимость» и стал директором Института Латинской Америки Академии Наук СССР. В 1984 году Вольский был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Г.И. Мамрыкин так вспоминал о деятельности своего друга: «Выдающийся ученик незабвенного русского гения, профессора И.А. Витвера, стал глубокоуважаемым и во всей России, и в странах Латинской Америки — вначале как ведущий в России специалист по этому региону, а затем как достойный продолжатель дела своего великого учителя по социально-экономической географии зарубежного мира в качестве заведующего созданной им кафедры МГУ им. М.В. Ломоносова». Возглавлял эту кафедру Вольский в течение 40 лет.

Виктора Вацлавовича признают одним из основателей современной российской школы латиноамериканистики. Вклад ученого в развитие исследований по этому региону огромен: за время своей научной деятельности Вольский подготовил 31 кандидата и 10 докторов наук, опубликовал порядка 300 научных работ, значительная часть которых переведена на иностранные языки и издана за рубежом.

Сам Вольский свободно владел испанским, португальским и английским языками, выступал в различных университетах мира, и его лекции всегда имели огромный успех благодаря ораторскому таланту, эрудиции и харизме Виктора

Вацлавовича. Он получил титул почетного доктора университетов в Перу, Колумбии, Бразилии, Кубе, почетного гражданина городов Кито (Эквадор), Гвадалахара, Халана и Мерида (Мексика), Рио-де-Жанейро (Бразилия). Во многих университетах Латинской Америки имя Вольского до сих пор ассоциируется с прогрессом, дипломатическим сотрудничеством и иберо-русской дружбой. Немало наград советский ученый получил и в странах изучаемого региона: Орден Андреса Бельо 1 класса (Венесуэла, 1975), Орден «За выдающиеся заслуги» степени Большой офицерской звезды (Перу, 1980), Орден Ацтекского орла 1 класса (Мексика, 1983), медаль «Боевое братство» (Куба, 1984).

В 1961 году Вольскому присвоили звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», а в 1987 году он стал лауреатом Государственной премии СССР по науке. Дважды Вольскому присуждали орден Трудового Красного Знамени — в 1975 и 1986 годах, а в 1981 году — орден Дружбы Народов.

Вольский поистине не пожалел себя, проявив свои таланты во всевозможных областях: инженерии, экономической географии, страноведении, экономике, латиноамериканистике... Ученым была разработана новая концепция социально-экономической типологии стран, создано учение о цивилизованном районировании мира. Значителен вклад Вольского и в педагогику, за что он был удостоен премии им. Ломоносова (1999). Как говорится, талантливый человек талантлив во всем!

Когда-то, защитив Родину на полях сражений Великой Отечественной войны, в мирное время Вольский продолжал ратовать за благополучное развитие стран всего земного шара и за идею мирного сосуществования держав. С 1965 года Виктор Вацлавович являлся членом Всемирного совета мира. С 1970 по 1993 год Вольский — заместитель председателя Научного совета по «Современным проблемам развивающихся стран» АН СССР.

Но главным направлением его деятельности оставалась горячо любимая Латинская Америка. С 1980 года Виктор Вацлавович занимал должность председателя Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, а с 1969 по 1993 год Вольский работал главным редактором журнала «Латинская Америка».

К сожалению, до 55-летнего юбилея Великой Победы Виктор Вацлавович не дожил: скончался Герой Советского Союза 19 ноября 1999 года в возрасте 78 лет. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Память о нем хранится во многих уголках Земли. На здании школы в поселке Вышков, где учился Виктор Вацлавович,

установлена мемориальная доска. Аудитория №1801 МГУ им. М.В. Ломоносова носит имя В.В. Вольского. В МГИМО о нем помнят как об одном из ярчайших выпускников первой дипломатической плеяды, а в университетах мно-

гих стран Латинской Америки Вольский навсегда запомнится как талантливый и деятельный первопроходец в деле развития дружественных отношений между Россией и латиноамериканскими странами.

¹ Вестник МГИМО-Университета. №2 (23), 2012.

² Полею боя испытаны. Фронтовые эпизоды. Сост. И.М. Дынин, И.А. Скородумов. Воениздат, М., 1981., с. 148.

³ Вестник МГИМО-Университета. №2 (23), 2012.

У войны не детское лицо

А. Яблочкина (ЗМЖ)

С Александром Сергеевичем мы договорились встретиться на станции метро. И вот в середине дня, среди спешащей и шумной толпы, я вижу человека в пальто и шапке «де-голлке», с бумагами в руках, стоящего на платформе. Молодецкая осанка, бодрый голос и большие голубые глаза, покрытые еле заметной пеленой. Он вовсе не выглядит на свои восемьдесят с небольшим, и, глядя на него, сложно представить себе, с какими испытаниями столкнулся этот человек в самом начале своего долгого пути — во времена военного детства...

Исчезнувшее детство

На самом деле, военного детства не было. Было детство до — с играми, ощущением защищенности, потому что рядом мать и отец, с радостью, ребяческими шалостями. А когда пришла война, мир изменился настолько, что даже самое прекрасное и чистое на земле — детство — перестало существовать. Говоря сейчас о детях войны, мы, современные люди, может быть, не вполне осознаем то, что все дети стали взрослыми в несколько дней — практически в один миг.

В 1932 году в деревне Лучанский поселок (Куркинский район, Тульская область) в семье крестьян родился сын Саша. Его родители — Семилеткины Сергей Михайлович и Анна Андреевна трудились в колхозе и воспитывали детей. В семь лет мальчик поступил в начальную сельскую школу, которую окончил в 1942 году, уже во время войны. Война забрала у Саши многое — в августе 41-го на фронт ушел отец, потом два брата. Учиться теперь он тоже не мог — ближайшая средняя школа находилась в районном центре в семи километрах от Лучанского поселка. Дорога в районный центр была не только долгой, но и опасной — она проходила через лесной массив, а в зимнее и осеннее время года была практически непроходимой из-за слякоти или снега. Снять комнату рядом со школой было невозможно, никакими денежными

средствами семья не располагала — мать за работу в колхозе получала «палочки», как их называли в народе, то есть отметки об отработанном трудовом дне.

Да и когда было учиться — стране нужны были рабочие руки, которые бы обеспечили армию продовольствием, оружием.

И Саша стал работать в колхозе, как и прак-

тически все его товарищи. Каждое утро мальчик шел в поле, где вместе с другими ребятами помогал женщинам и старикам (только они и остались в деревне). Во время посева детям взваливали на плечи мешки с семенами, каждый из которых весил не меньше 15 килограмм, и они переносили их из деревни в поле, где старики сеяли эти семена в землю. Когда приходило время сбора урожая, те же мальчишки и девчонки — от мала до велика — жали рожь и пшеницу, носили снопы. Этот труд был небезопасным. Иногда немцы совершали авианалеты, сбрасывая бомбы на поля, где шел сбор урожая. Дети прятались среди колосьев, лежали на земле, чтобы быть незаметными. Прятаться приходилось всем селянам, когда они собирались вместе молотить зерно — иногда это делали даже в темное время суток, чтобы большие группы людей не были видны с воздуха.

Из того зерна, что сами ребята добывали таким тяжелым трудом под вечным прицелом сверху, им и их родителям не доставалось практически ничего — все зерно отдавали, чтобы обеспечить хлебом армию и городских жителей. Саша Семилеткин, как и все его сверстники, питался травой. Лебеда, которая сейчас считается сорняком, была большим счастьем. Чтобы уто-

А. С. Семилеткин

лить голод, и взрослые, и дети, пили много воды из обычного деревенского пруда. От голода люди буквально распухали. Иногда ребята падали прямо во время работы — от усталости, истощенности, голода. Но потом все равно возобновляли свой жертвенный труд, чтобы своим отцам и братьям (а с ними и миллионам совершенно незнакомых людей) на фронте помочь выстоять и победить врага.

Кроме работы в колхозе, на плечи Саши и его товарищей ложилась и работа по восстановлению железнодорожного полотна. Железная дорога проходила прямо через деревню и постоянно подвергалась обстрелу и бомбардировкам с воздуха. В результате этого осложнялось движение поездов, чего нельзя было допускать в военное время. Заботу о восстановлении дороги брали на себя жители Лучанского поселка: дети носили ведрами землю на место «воронок», образовавшихся от бомб, а взрослые ее утрамбовывали. Некоторые воронки до сих пор не сравнялись с землей.

Часто ребята находили снаряды, потерянные солдатами. Избавлялись от них без ведома родителей довольно опасным способом — за деревней разжигали костры, и в эти костры бросали снаряды. Возможность получить травму всегда была, и нередко уничтожение снарядов заканчивалось для детей увечьями. Некоторые из товарищей Саши Семилеткина подрывались на минах. Война косила наш народ не только на фронтах, но и в тылу, выбирая в жертву самых беззащитных.

В декабре 1942 года с фронта пришла похоронка. Саша лишился отца, а ведь еще год назад он смотрел, как папа уходит на войну. Когда старший брат, который в это время был на фронте, узнал о смерти отца, он прислал домой письмо со словами: «Я отомщу за папу». А Саше только и оставалось свыкнуться с мыслью, что война уже уменьшила его семью. Правда, у Саши была теперь еще одна семья, большая — в деревне все были как родные, горе сплотило людей, заставило к чужим детям относиться как к своим и разделять чужие слезы. Но в то же время, война сделала людей настороженными — жители следили, чтобы посторонних людей в деревне не появлялось, и к каждому чужаку относились как к заведомому врагу. Александр Сергеевич вспоминает, что в Лучанском поселке в начале войны появилась незнакомая никому женщина, учительница, которая говорила, что ее прислали работать из другого района. Когда линия фронта была уже совсем недалеко от деревни, женщина куда-то исчезла. И у Саши, и у его односельчан тогда возникла мысль, что она была разведчицей.

Время шло. Для тех, кто находился в тылу, оно протекало и быстро (потому что без дела не

сидели — работали, а по вечерам сушили сухари, если был хлеб, вязали носки), и мучительно медленно, потому что ждали возвращения тех, кто в окопах под пулями был на волосок от смерти. Отправляя на фронт связанные носки, варежки, высушенные сухари, каждый с надеждой думал о том, что, может быть, эта посылка дойдет именно сыну, брату, отцу. А если и не ему, так пусть какому-то другому солдату будет от нее помощь да частичка тепла.

Когда закончилась война, Александру Сергеевичу было 13 лет. Один его брат навсегда остался на поле боя. Бомба взорвалась в нескольких метрах, и его и еще нескольких солдат убило осколками. Второй брат вернулся домой, а потом стал работать в Москве. Он часто говорил: «Я прополз на животе от Тулы до Берлина», и тогда еще подросток Саша отлично понимал, что значат эти слова. В них не было преувеличения.

Во всех своих выступлениях (а выступает он в различных учебных заведениях, рассказывая молодому поколению о пережитой войне), Александр Сергеевич говорит, что воевал весь народ — от хлебороба до шахтера, от стариков до детей, от тех, кто был в тылу, до солдат, кровью и потом отбивавших каждую пядь земли. Выступая в МГИМО, Александр Сергеевич произнес такие слова: «Нужно выразить дань глубокого уважения всем женщинам, которые в тяжелые годы войны заменили отцов, мужей, братьев на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. Они взяли на свои плечи не только тяжелый мужской труд, но и растили, воспитывали как могли малолетних детей. Дети, как и их родители, мужественно и самоотверженно переносили все трудности и ужасы войны, хотя и не участвовали в боевых действиях. Многие из них стояли на подставных ящиках у станков на заводах по 12 и более часов, другие работали на полях с восхода до заката солнца. Все они знают не понаслышке, что такое война. Они теряли близких, оплакивали их. Сами попадали под бомбежки, голодали, болели. Им не надо рассказывать, кто победил».

Через тернии к знаниям

В 1949 году Саша вместе с матерью, братьями и сестрой переехал в город Люблино Московской области. Старший брат работал в Москве, а жить на два хозяйства при послевоенной экономической ситуации было очень сложно. Да и в деревне жить было практически невозможно — все разрушено. В Люблино Саша и его семья купили какое-то крохотное полуподвальное помещение, в котором такому количеству человек было, конечно, тесно. Но выбирать не приходилось.

Нужно было кормить семью, выживать в новых условиях. С окончанием войны не закончи-

лась тяжелая работа. С 1950 по 1958 гг. Александр Сергеевич работал на оборонном заводе. Сначала он был учеником слесаря, потом понемногу учился, набирался опыта и получил квалификацию слесаря пятого разряда. Работать на заводе парню нравилось, правда, знаний часто не хватало — у Саши было только образование начальной школы. Приходилось читать чертежи, разбирать схемы. Руководство цеха порекомендовало Саше пойти учиться в вечернюю школу. И он пошел, поступив в 19-летнем возрасте в пятый класс школы рабочей молодежи. Окончил школу он уже в 26 лет, а тяга к знаниям не исчезла. И юноша попробовал поступить в МГИМО, но не прошел медицинскую комиссию из-за плохого зрения. В МГИМО он вернулся позже, уже в качестве сотрудника.

С 1959 по 1965 годы Александр Сергеевич учился на юридическом факультете МГУ им. Ломоносова. Он посещал занятия вечернего отделения и получил квалификацию правоведа, что позволило ему в октябре 1965 года устроиться на должность юрисконсульта в В/О «Экспортхлеб» Министерства внешней торговли СССР. Работа с документами требовала точности и аккуратности, а Александр Сергеевич как раз этими качествами и обладал.

Но проработать на этой должности ему удалось только четыре года. По запросу МВД СССР Александр Сергеевич был переведен на работу в это министерство. Сначала он стал следователем, но работать было психологически сложно. Для человека, который в детстве пережил войну, повидав множество смертей, испытал горечь утраты, отчаянье, было просто невыносимо разбирать дела об убийствах. От каждого случая из глубины души поднималось такое чувство отвращения и протеста, что слезы лились из глаз. Однажды следователю Семилеткину дали вести дело фальшивомонетчика, который так ловко подделывал купюры, так умело и талантливо рисовал, что его самодельные деньги не всегда могла распознать даже машина. Этот человек был того же года рождения, что и погибший на войне брат Александра Сергеевича. И все время допроса перед глазами у следователя стояло лицо брата и сцены его гибели. Больше двух лет Александр Сергеевич не выдержал и ушел на другую должность. Он проработал в МВД до 1991 года и вышел на пенсию по выслуге лет.

Самый добрый начальник курса

В мае 1992 года Александр Сергеевич начал свою работу в МГИМО на должности начальника курса факультета МИ. Можно сказать, исполнилась его юношеская мечта — попасть в МГИМО. Строгий, в общем-то, человек, бывший следова-

тель, закаленный годами работы в МВД, а еще раньше тяжелыми годами войны, он всегда был мягок по отношению к студентам. Доброта — вот что было его основным принципом в работе на факультете. Кто же защитит студентов, кто же решит их проблемы, если не он? Если в школе говорят, что классный руководитель — вторая мама, то в институте начальник курса — второй отец. Да и сами студенты его воспринимали как отца, приходили со всеми своими проблемами и переживаниями к нему в кабинет. А у Александра Сергеевича всегда наготове была чашка чая и мудрый совет человека, много за свою жизнь повидавшего. Многим этот «отцовский» совет помог. С некоторыми из своих студентов Александр Сергеевич общается до сих пор, и все так же их встречи проходят за чашкой чая и в атмосфере доброты.

В МГИМО Александр Сергеевич проработал до сентября 2004 года, тогда же он вступил в Совет ветеранов МГИМО, и до настоящего времени является его членом. Он активно выступает на собраниях, участвует в общественной жизни совета, читает лекции в школах. «Может быть, я и не говорю им чего-то нового, они это уже знают, скорее всего, из книг, но я это сам пережил, и из моих уст история о войне звучит по-другому», — говорит Александр Сергеевич о своих выступлениях в школах. По его мнению, молодое поколение — не испорченное, вопреки мнениям многих людей старшего возраста. Времена изменились, но народ по своей сути остался тем же великим народом. Может быть, это такая национальная черта — героизм. Фашисты не смогли победить, потому что жестоко расправлялись с людьми. А действие, как известно, равно противодействию. На все издевательства народ отвечал еще большим сплочением, напрягал все свои усилия, чтобы выстоять. А вообще Россию нельзя победить — огромная территория, большие ресурсы и очень терпеливые и выносливые люди.

Напоследок я спрашиваю Александра Сергеевича, помнит ли он те мгновения, когда узнал о победе нашей родины и нашего народа в Великой отечественной войне. Он начинает рассказывать: «На железнодорожной станции работал человек, у него был селектор, и он услышал, что мы победили. Он шел по деревне, на гармошке играл и кричал, что война закончилась...» И тут Александр Сергеевич начинает плакать, его большие светлые глаза покрываются пеленой слез. Мужественный, невероятный сильный человек, награжденный несколькими орденами и медалями, стоит на станции метро и плачет, его слезы — это слезы человека, знающего, что значит отдавать все, что значит терять и что значит ждать — ждать всегда. «Все выходили из домов, — продолжает он. —

Все радовались. Но ведь и ждали, когда же вернуться с фронта отцы, братья, сыновья. И я ждал. И до сих пор жду».

Своему папе Александр Сергеевич посвятил удивительно трогательное «Письмо отцу», в котором описал и свои детские воспоминания и борьбу, которую он вел за то, чтобы имя отца внесли в список на стеле памяти в их родной де-

ревне. Он обращался в различные инстанции, писал даже министру обороны, и в итоге имя Семилеткина Сергея Михайловича заняло свое заслуженное место в списке. Сам Александр Сергеевич за свою деятельность и службу был удостоен серебряного ордена «Общественное признание» и 12 медалей, среди которых и медаль «За заслуги» МГИМО (У).

Да, было трудно, тяжело. Но мы так жили....

Е. Никитина, Е. Сорокова (3 МЖ)

Удивительным образом сложилась судьба Анны Дмитриевны Пресновой. Ее юность пришлась на тяжелое военное время. Ей приходилось помогать в госпитале и на ткацкой фабрике, прокладывать железную дорогу, ездить на сбор урожая. Москву бомбили и обстреливали, продовольствия не хватало, многие в панике уезжали на эвакуацию. Но Анна Дмитриевна осталась в городе, окончила школу и институт, а в 1944 году... начала работать в нашем любимом МГИМО. На кафедре английского языка №1 она провела почти полвека. Ее выпускники блестяще знают язык и работают в различных международных организациях. Мы встретились с Анной Дмитриевной и попросили поделиться уникальными воспоминаниями.

— **Сколько лет Вам было, когда началась война?**

— В сорок первом году мне не было еще и шестнадцати лет. Я была на год-два моложе всех своих школьных друзей, потому что в 1931 году ребяташкам в округе исполнилось по 7 лет, и они пошли в школу, а мне еще не было шести (я родилась в декабре). Меня в школу не записали. Но я была очень активной девочкой. Рядом с нами находилась школа: одноэтажный домик, где учились дети с первого по третий класс, и я сама туда пришла. Очень хорошо помню: я прихожу в этот дом, никого нет, вдруг вижу — идет на встречу какая-то бабушка, спрашивает: «Девочка, ты что тут делаешь?» Отвечаю: «Я в школу пришла». Она говорит: «Да? Так рано еще, лето, осенью приходи...», я сказала: «Меня не берут». «А почему не берут?» «Потому что мне шесть лет. Будет. А все мои подружки уже в школу пошли». И она повела меня с собой, побеседовала: спросила, умею ли читать (да, я умела с четырех лет), дала мне книжку, я ей что-то прочитала, написала и посчитала. Она оказалась директором этой школы. Я попросила принять меня, побежала домой, привела маму, и директор разрешила мне посещать занятия.

Итак, я была на полтора года младше всех, и поэтому в 1941 году всем исполнилось 16–17 лет, а мне еще не было шестнадцати. Большинство наших ребят в начале войны, конечно, пошли в училища — кто в артиллерийское, кто в летное. Кое-кто из них вернулся.

А. Д. Преснова

— **Каким запомнилось Вам начало войны?**

— В сорок первом году 21-го июня папа повез меня на все лето в деревню к бабушке. Мы еще ничего не знали. Спустя пять часов добрались на поезде до деревни на р. Протве, где я родилась. Бабушка была рада, мы ужинали, вечером папа пошел к знакомым, а утром, в семь часов, бабушка разбудила меня и сказала: «Вставай, война началась!».

— **Получается, никто даже не догадывался о том, что приближается война? Не было никакой тревожной обстановки?**

— Абсолютно ничего! Да, с 1939-го года говорили, что в Европе началась война, Гитлер вошел в Польшу, но это все было «там». Официально ничего не говорили, и никто не задумывался об этом. А тут — «Война началась!» Я встала, вышла из дома, а по деревне уже скачут люди на лошадях, чувствуется тревога. Часов в 10 пришел папа, сели завтракать. Он говорит: «Опять началась война с немцами, — он и в Первой мировой участвовал, воевал с австрийцами в Галиции в 1914 году, был ранен. — Надо ехать в Москву. Я был в сельсовете, там сказали, что необходимо срочно возвращаться, потому что идет мобилизация». Спрашиваю, что будет со мной. Он отвечает: «Поживешь здесь до сентября, потом я за тобой приеду, и ты пойдешь в школу». Тогда ведь

никто не знал, что будет. Я сказала, что здесь не останусь и поеду с ним.

Потом наступил вечер, ни о каких развлечениях с подружками уже речи не было, все соседи только и говорят: «Война — мобилизация — муж — военкомат». Кто-то уже в Малоярославец поехал (это в 12-ти километрах). Взрослые-то знали, что такое война; мы этого еще, конечно, не понимали. Потом, уже часов в восемь, папа вернулся, а в десять-одиннадцать вечера отправлялся поезд из Малоярославца. И мы на полустанке «Оболенское» (на горе была усадьба этого князя) забрались на этот поезд. Платформы там еще не было, и приходилось карабкаться. Утром приехали в Москву и шли от Киевского вокзала до дома в Черкизово пешком, потому что трамваи не ходили. А уже через два месяца немцы вошли в нашу деревню. Если бы я не уехала, то оказалась бы среди них.

На следующий день была первая воздушная тревога. Сейчас трудно представить, как это происходило: сирены воют, летят два самолета, — а над Москвой самолеты никогда не летали! Конечно, поднялась паника. Но первая бомбежка в Москве была только через месяц. Мы в нашем районе тоже ее почувствовали: бомбы упали в пруд, потом недалеко, на товарной станции, запалили склад газетной бумаги, упала бомба на Колодезную. Здесь все гудело, было слышно, как бомбы падали, у Язузы, где студенческий городок, и в саму реку. Однако это было не так, как в некоторых районах в центре: с нашей стороны стояли установки ПВО, которые не все самолеты пропустили. К центру же некоторые прорывались.

— **Вы не прятались в бомбоубежище?**

— А где оно? У нас был погреб, но туда спустилась только семья, которая жила с нами в одном доме. Мы просто сидели под козырьком и смотрели. У меня даже хранился осколок зенитного снаряда, который со свистом пролетел и упал на землю недалеко от нас.

Потом мы работали в госпитале — его организовали в близлежащей школе. Правда, официально нас не оформляли, мы просто помогали. А 16-го числа началась эвакуация, и тогда многие уехали. Так мы и жили до конца декабря, пока немцев от столицы не прогнали.

— **Когда Вы стали точно понимать, что мы побеждаем?**

— Тогда в этом даже не было сомнения. Мы знали это, мы верили в нашу страну, верили партии и верили Сталину. А 7 ноября на параде он сказал: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Была вера и надежда на то, что так будет. Да, было страшно в сорок первом, особенно в октябре, когда по нашей Большой Черкизовской улице текла река людей: шли пешком,

ехали в телегах, на машинах — «эмках»... Вместе с ними шли коровы, овцы, свиньи. Было страшно.

В эти дни папа как-то утром ушел в военкомат, вернулся поздно вечером и сказал: «Не отпускают, я должен остаться в Москве. Меня призвали в ПВО». Всю войну он прослужил там, в противовоздушно-противопожарной роте, т. к. к началу войны ему было уже 47 лет и (по возрасту) его на фронт не призывали. Рота располагалась на берегу Черкизовского пруда. А мы — мама, сестра и я — жили рядом в маленьком одноэтажном деревянном домике. Было решено, что мы тоже никуда не поедем и будем надеяться, что город не отдадут. Когда же 7 ноября мы узнали, что Сталин в Москве, мы сказали: «Никакого немца в Москве не будет и быть не может!»

На Ленинградском проспекте до сих пор стоят противотанковые ежи — это была последняя линия обороны Москвы, и оттуда была слышна постоянная канонада. Те, кто остались в столице, были на дежурстве: каждую ночь, с 12 до 6 утра, один человек от каждого дома должен был дежурить на улице. Так как в городе действовал комендантский час, передвижение было по пропускам. И мы тоже ходили по очереди: выносили на двор табуретки и следили. Наша обязанность была следить за тем, чтобы не было посторонних, кроме тех, кто жил на нашей улице. Да, было трудно, тяжело. Но мы так жили.

А потом, в 1942 году, я пошла учиться, ведь в сорок первом мы окончили только девять классов. Для всех, кто остался и не эвакуировался из Москвы 16 октября, за прудом, в здании напротив церкви Ильи Пророка организовали так называемый «консультационный пункт». Туда собирали детей из всех школ, которые остались в нашем районе, чтобы они могли закончить десятилетку. В январе мы начали учиться и за полгода прошли весь материал десятого класса. Нам читали лекции по трем-четырем предметам по 2 месяца, а потом выдали аттестаты.

Моими самыми любимыми предметами в школе были геометрия и математика, и я мечтала пойти в МАИ. Но МАИ в 1941 году эвакуировали: тогда на восток переезжали почти все институты, заводы, предприятия. Наш сосед, который в то время работал преподавателем английского в Плехановском институте, посоветовал мне идти в языковой вуз. Я сказала: «Не хочу учить языки, не хочу быть преподавателем, хочу в МАИ». Но он отговорил: объяснил, что в инязе преподает Илья Романович Гальперин (сейчас существует «Большой англо-русский словарь» под его редакцией). Гальперин был деканом переводческого отделения, к нему я и пришла. Вступительных экзаменов тогда не было, собирались там, в основном, девочки и некоторые мальчики, которых не взяли

на фронт по болезни. И Гальперин сказал мне: если хочешь быть переводчиком, иди на педагогическое отделение! Я вновь говорила, что не хочу быть учителем, а он успокоил, сказав, что если язык я выучу хорошо, то и переводчиком потом смогу работать. Так я стала учителем английского языка.

— **Как и за что вам дали звание «Труженик тыла»?**

— Награждали решением Президиума Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд в великой отечественной войне 1941–1945 гг.» Осенью 1941 г. родители устроили меня на ткацкую фабрику (такие предприятия не эвакуировались). И я работала там до сорок второго года, после чего мне дали справку, что я трудилась в качестве моталки. Работа состояла в том, чтобы пряжу, которая хранилась в тюках и в мотках, наматывать на патроны (катушки). Потом их надо было ставить на ткацкие станки, на которых делали портянки и обмотки для солдат. Шили рукавицы, мама с папой тоже работали на ткацких фабриках. Это считалось работой для фронта. Тогда я еще училась в школе.

Потом мы, первокурсники МГПИИЯ имени Мориса Тореза, работали на трудфронте — нашу группу посылали на строительство железной дороги. От Кривандино до Радовицы тянули отдельную ветку, чтобы подвозить в Москву дрова. Летом 1943 года, в июле-августе, мы были на этом строительстве в качестве землекопов, делали насыпь: копали кювет, а потом мокрый песок загружали на носилки и ссыпали в определенном месте. Дорога местами шла через болота. Жили тогда в деревнях у колхозников, нас селили в избах по шесть или семь человек. Спали на полу на ватных матрасах.

На следующий год мы ездили собирать урожай хмеля в колхоз восточнее от Москвы. Поле выглядело так: в землю были врыты столбы, к ним прицеплялась проволока, на которую крючками накидывались проволочные нити, и по ним хмель рос. Когда к августу он поспевал, мужчины специальными шестами (метра четыре длиной) срывали эти крючки, а мы сидели внизу и собирали шишки хмеля. У нас была норма: нужно было за день набрать 10–15 килограммов этих шишек. В другой раз нас послали собирать колосья после того, как на поле убрали гречиху. Потом собирали картошку. Спали мы тогда в стогах — забирались наверх по лестнице, рыли ямки, прятались внутри и смотрели на небо, видели, как самолеты немцев летели на Москву. Мы по гулу различали, какие самолеты наши, а какие нет. Было грустно.

1942-й и 1943-й были достаточно трудными. Ели, что придется, в том числе картофельные, свекловые очистки и отруби — мама пекла из них

лепешки, которые были колючими. Помню, в сентябре 1941-го за окружной железной дорогой и деревней Калошино (по Щелковскому шоссе) были колхозные поля. На одном из них, где теперь оранжея, выращивали капусту. Однажды объявили, что те, кто хочет, может пойти и собрать черные нижние листья. Сами кочаны капусты уже убрали на хранение. Мы пошли туда всей семьей, вчетвером, с мешками, возвращались назад под бомбежкой. Из этих листьев мы нарубили большую кадку, поставили ее в погреб, потом варили щи, и этим кормились. Мясо тоже было: папа и соседи купили корову у тех, кто уходил в эвакуацию. Колхозники тогда уводили скот из подмосковных деревень на восток, чтобы он не попал к немцам, шедшим с запада. Мясо потом разделили на три семьи, сделали солонину.

— **Каким Вам запомнился День Победы?**

— День Победы помню прекрасно. В ночь на 9 мая мы спали в одноэтажном домике. Над нашей с сестрой кроватью висел черный репродуктор, который не выключали ни днем, ни ночью, т. к. могли передать объявления или тревогу. В 2 часа ночи вдруг он неожиданно заработал: «Говорит Москва. От Советского Информбюро. Великая Отечественная война закончилась! Враг разбит! Мы победили!» Это был голос Левитана! Напомню, было два часа ночи, но все вскочили, выбежали на улицу — боже мой, сколько было криков, сколько было радости! Еще засветло мы с сестрой пошли на Красную площадь — там, наверное, собралась вся Москва. Метро было открыто только на выход, мы вышли на «Дзержинской» и от нее спустились на Театральную площадь (тогда — площадь Свердлова). Там было просто море людей. Военных качали на руках, обнимались, целовались. Кто был с цветами, кто с флажками; мы с сестрой держались за руки — толпа стояла вплотную. В итоге мы с Театральной площади обошли гостиницу «Москва» и оказались у Исторического музея около Александровского сада. Было уже темно, слышны были музыка, песни. И вдруг все кричат: «Смотри-смотри! Ленин! Сталин!» — на аэростатах в это время подняли два огромных портрета и направили на них прожектора, и они ярко выделялись на фоне темного неба. Потом уже помню только, что мы шли пешком через площадь Революции и дальше до Дзержинской, затем по улице Кирова, а в метро сели только на Красных воротах. Позже, 24 июня, был парад, но его мы смотрели в кино, и только через несколько лет увидели по телевизору (он появился у нас лишь в 50-х годах).

— **Расскажите о вашей работе в МГИМО.**

— По окончании института я с двумя подругами по распределению попала в Министерство иностранных дел. Когда мы пришли в МИД, там сразу начали заполнять анкеты — тогда они состо-

яли не из четырех страниц, как сейчас, а, кажется, из 24 страниц. Увы, нам с однокурсницей сказали, что мы не подходим. А третья девочка через полгода работы уже уехала переводчиком в посольство в Швецию.

Но в МИДе сотрудник, который занимался моим оформлением, посмотрев на диплом и на характеристику, сказал: «Вы не против, если я передам вашу анкету в Институт международных отношений?» Я согласилась, и меня приняли на работу. Потом я беседовала с заведующей кафедрой (конечно, на английском языке), и она сказала: «Если хотите, могу предложить Вам третий курс». Тогда я заволновалась: как же можно работать на третьем курсе, не зная программы первого и второго? Она говорит: «Мне кажется, вы справитесь, но, если хотите, можете начать с первого, у вас прекрасное произношение и пятерки в дипломе». Так меня определили на первый курс, и с ним я не расставалась двенадцать лет! Преподавала фонетику. Работала также в группах второго курса. И только в 1960 году мне дали первую группу с третьего.

— **Бывали ли Вы в те времена за границей?**

— В 1958 году мне предложили поехать в Штаты на два года — преподавать в представительстве СССР при ООН. Это была моя первая поездка за границу. Оформление длилось с апреля по октябрь. В Нью-Йорке я работала со всеми: от дворников, которым нужно объяснить, как будет слово «метла», до наших выпускников. Вот это уже была хорошая школа. Там у меня было 11 групп разного уровня. Учебники были разные:

знаменитая «красная книга» для начинающих, американские издания — для продолжающих. А еще надо было заниматься с выпускниками, которые и в ООН поработали, и по-английски хорошо говорили. Я же тогда приехала только со «своим» английским, иностранных газет прежде не читала.

В первый раз собралась группа из восьми выпускников. Спрашивают: «Анна Дмитриевна, что будем делать? Читать Устав ООН?» Нет, отвечаю, его вы и так наизусть знаете, и спрашиваю: «Чем хотите заниматься?» Отвечают: «Анна Дмитриевна, давайте переводить!» Предложили утренние газеты: «New York Times» и «Gerald Tribune» — их выпускали в девять часов вечера, и в киосках их можно было свободно приобрести. Они обещали, что будут покупать и приносить их, а переводить-будем вместе. Я же подумала: «А я-то не смогу этого сделать, потому что не знаю газетных реалий, не знакома с материалом и местной жизнью». По-этому ответила: «Ладно. Только с одним условием: на столе будет лежать англо-русский словарь». Так начиналась моя работа. Я сразу подчеркнула, что отвечаю за синтаксис и грамматику, правильное понимание и перевод текста. А лексику нарабатывала: у меня был специальный блокнот, и когда они читали, я временами их останавливала: «Стоп! Что это такое?» И они мне объясняли, что это слово связано с промышленностью, или же с дипломатией, с ООН, или с будничной жизнью, и я все это записывала. Для меня эта работа была большой школой.

— **Большое спасибо за Ваш рассказ!**

Легенда греческого языка

Я. Михайлова (2 МЖ)

Боги Древней Эллады представлялись грекам реальными, живыми людьми, которые любили и страдали, имели свои слабости и недостатки, но все равно оставались сильными, неординарными личностями, каждая из которых обладала талантами в определенной сфере. Поэтому люди, которые нас окружают, часто обладают легко узнаваемыми чертами, присущими тому или иному древнему богу. Рытова Марина Львовна, мудрая, дальновидная и целеустремленная женщина, больше всего ассоциируется с богиней Афиной. Профессор МГИМО (У) МИД РФ, президент-исполнитель Ассоциации культурного, делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра «Филия», вице-президент Академии духовного единства народов Мира, член Российской педагогической академии, академик Афинской

Академии, почетный профессор университета Патр, почетный житель городов Афин и Олимпии — это лишь неполный список заслуг Марины Львовны. Ее не стало в 2009 году, однако ее жизнь может служить примером для многих людей, а ее труды, несомненно, бесценны для специалистов, занимающихся Грецией и греческим языком.

М. Л. Рытова

Огромная статуя Афины Парфенос, дочери Зевса, из золота и слоновой кости украшала Акро-

поль в Афинах, самом сердце Греции. Созданная легендарным скульптуром Фидием, воинственная, мощная и прекрасная богиня с копьем, сияющим на солнце, смотрела на афинян мудрыми «свинными» глазами. В греческой мифологии Афина была не только богиней мудрости, но также справедливой и честной войны, художественного ремесла, сильного женского начала. Впоследствии деятельных, обладающих живым умом, способных мастерски выходить из сложных, конфликтных ситуаций не только в быту, но и в политике, женщин нередко сравнивали с этой могущественной богиней, которая могла помериться силами с самим Зевсом. Именно такой была на протяжении всей жизни Марина Львовна Рыгова, которая, по ее собственному выражению, «в прошлой своей жизни была гречанкой».

Черты характера Марины Львовны начали формироваться, когда она была совсем юной девушкой: ей, как и многим поколениям людей, выросшим в войну, пришлось раньше повзрослеть, раньше научиться самостоятельной жизни, перенести многие испытания. Война наложила заметный отпечаток на характер Марины Львовны, сформировав личные качества, которые проявлялись в дальнейшей ее карьере и педагогической деятельности. Подобно справедливой Афине, она не могла остаться в стороне, когда страна переживала страшный период, во время которого немецкие захватчики пренебрегали любыми правилами и использовали любые средства против мирного населения. Шестнадцатилетняя Марина не была принята на фронт, хотя всем сердцем стремилась туда, где велись настоящие бои против фашистов. Своими воспоминаниями о военной юности Марина Львовна поделилась в интервью «Вестнику Кипра»: «Я была настолько маленькая, худая да еще близорукая, что военком, увидев меня, сказал „ну куда тебе... Мы из детского сада не берем“. Мне тогда было 16 лет. Поэтому сначала я работала военным почтальоном, возила в старом разбитом „газике“ из подмосковного Черкизова на Можайское направление почту. Тушили с товарищами зажигалки, помогали старикам при бомбежке, копали окопы». Марина Львовна прошла суровую школу, которая, по словам своей коллеги Ирины Олеговны Толстиковой, доцента кафедры скандинавских, финского и греческого языков МГИМО(У)МИД России, «формировала такие черты характера, как смелость, решительность, умение быстро принимать правильное решение <...> и которые помогли ей в 1944 году поступить в ВИИЯ и стать сначала военным, а после увольнения в запас прекрасным гражданским переводчиком, а затем и непревзойденным педагогом».

Согласно греческому мифу, в детстве богиня Афина всех поражала сообразительностью,

рвением к учебе и получению знаний, поэтому не случайно, когда Афина выросла, отец Зевс сделал ее богиней мудрости, покровительницей наук, ремесел и изобретений. Шла война, Марина Львовна продолжала помогать стране медленно, но неустанно идти к победе. Несмотря на то, что работать Марине Львовне приходилось не на фронте, война не обошла ее стороной: она была оглушена взрывом бомбы, контужена и отправлена в эвакуацию в Ташкент. После того, как удалось восстановить здоровье, Марина Львовна узнала о наборе в Театр Революции. Одаренной от природы, маленькой Марине всегда нравилось петь и танцевать. Поэтому она решила воплотить в жизнь свою мечту стать актрисой, прошла конкурсный отбор. Счастливая, решила написать об этом отцу на фронт. Вскоре пришел довольно резкий и категоричный ответ: «Скоморохом в наше время быть — предательство». Вопрос о продолжении актерской карьеры после этого для Марины Львовны не стоял. Однако активная и талантливая девушка не могла сидеть без дела и поступила в эвакуированный Ленинградский университет на истфак. Марина Львовна училась на отлично, и в 1944 году была официально мобилизована, работала переводчицей в разведывательных частях. Она была награждена медалью «За победу над Германией», а в мае 2005 года — памятной именной медалью в ознаменование 60-летия победы над фашизмом. Марина Львовна приняла медаль из рук президента Греции Каролоса Папульяса.

Трагедия Второй мировой войны заставила человечество задуматься о хрупкости и неустойчивости мира. Поэтому греки, как и многие другие народы, воспринимают войну как самое страшное явление истории. Ирина Толстикова, как специалист по Греции и греческому языку, рассказывала, что греки очень гордились всегда тем фактом, что ни один греческий солдат не воевал на стороне гитлеровской коалиции на восточном фронте. Греческий народ 28 октября празднует свой национальный праздник — День ОХИ — символ свободы и независимости, когда весь греческий народ сказал решительное «НЕТ» итальянскому фашизму. В находившейся под тройной оккупацией (Италия, Германия, Болгария) Греции очень сильно было антифашистское Сопротивление и практически вся территория страны была освобождена от фашистских оккупационных войск силами Греческой народно-освободительной Армии (ЭЛАС) под руководством Национально-освободительного фронта (ЭАМ), ведущую роль в котором играла Коммунистическая партия Греции. Марина Львовна, будучи участницей Второй мировой, поддерживала связи между советскими и греческими ветеранами. Ирина Олеговна вспо-

минает, что Марина Львовна много работала по линии Советского Комитета ветеранов войны, часто сопровождала делегации этого Комитета в Грецию, которые ездили туда по приглашению КПГ и греческих ветеранских делегаций. Ирина Олеговна вспоминает, с каким благоговением Марина Львовна рассказывала о своем участии вместе с легендарным летчиком Маресьевым Алексеем Петровичем в мероприятиях по случаю 40-летия освобождения Афин от фашистской оккупации. Это было в 1984 году. Марине Львовне довелось хорошо знать и часто встречаться с Манолисом Глезосом — героем антифашистом, который вместе со своим товарищем А. Сантасом сорвали фашистскую свастику с Акрополя 31 мая 1941 г. и водрузили на её месте греческий флаг.

С именем Афины греки связывали военное мастерство и ремесла — виды деятельности, которые требуют тщательного планирования и четкого исполнения задуманного. Иначе говоря, она является воплощением целенаправленности. Женщины, которых можно условно отнести к архетипу Афины, отличаются стремлением к реальным результатам и практицизму. Женщина-Афина обладает сильным интеллектом, умением не поддаваться эмоциям и правильно действовать в конфликтных ситуациях. Можно сказать, что все эти черты, присущие Марине Львовне, были выработаны во многом благодаря закалке, которую она получила во время войны. Ее работа в военные годы в чем-то определила и дальнейшую судьбу. Вернувшись после победы к учебе на истфаке, вскоре Марина Львовна была отобрана специальной комиссией для учебы в Военном институте иностранных языков, который сейчас называется Военным университетом Министерства обороны РФ. Распределение языков там было совершенно случайным: «когда я поступала, то нас выбирали, а не мы. Никакой склонности к греческому у меня не было, я его знать не знала», — сказала Марина Львовна в интервью «Вестнику Кипра». Когда выяснилось, что Марине Львовне предстоит учить греческий, она даже расплакалась от досады. Попробовала возразить начальнику приемной комиссии: «Почему выбираете меня учить греческий? Я не похожа на гречанку — очень светлые волосы и почти голубые глаза». Почти как богиня Афина, которую поэты античности называли «голубоглазой, светлоокой и дальнзоркой». И тогда генерал ей ответил: «О, как Вы плохо знаете историю! Древние греки были светловолосыми, голубоглазыми и очень красивыми».

Любовь к греческому языку пришла к Марине Львовне не сразу. Зато, как она потом рассказывала, «приехав впервые в Грецию, она абсолютно поверила в реинкарнацию душ». Марине Львовне

посчастливилось увидеть мир, она была во многих странах Европы и Америки. Но только в Греции к ней пришло ощущение того, что она находится у себя дома. Все было знакомо, привычно и дорого сердцу: «впервые тогда уезжала я из чужой страны чуть ли не со слезами на глазах». Неудивительно, что всю свою оставшуюся жизнь она посвятила изучению этой страны. И, как она неоднократно повторяла, «все, что мной делалось для греков — это от огромной любви к этому народу». Марина Львовна была личным переводчиком первых лиц государства и внесла огромный вклад в развитие и укрепление греко-российских отношений: в 2001 году она была награждена президентом России Владимиром Путиным орденом Дружбы за заслуги в этом непростом деле.

После окончания Военного института иностранных языков в 1949 г., Марина Львовна была направлена переводчиком в часть особого назначения. После демобилизации в 1954 г. работала в международном отделе Выставки достижений народного хозяйства СССР сперва переводчиком английского и греческого языков, а затем заместителем начальника отдела. Нередко высокопоставленные гости посещали ВДНХ: именно здесь их взору представлялись достижения народа Советского союза в различных сферах. Что примечательно, Марина Львовна в дальнейшем пользовалась опытом, который она приобрела во время работы на Выставке: будучи преподавателем греческого языка, она нередко водила своих учеников в музеи, показывала достопримечательности Москвы, в том числе бывала с ними и на ВДНХ. Как рассказывал один из ее учеников Борис Смирнов, на ВДНХ они провели несколько незабываемых часов. «Каждый из нас по очереди выступил в качестве экскурсовода, рассказал на греческом языке о многочисленных экспонатах, а остальные живо по-гречески задавали возникавшие вопросы». Перед учениками стояла задача употребить как можно больше греческих слов и выражений, правильно употребить все грамматические формы. Проведение занятий в такой формате оказалось очень эффективным: материал в такой интересной форме усваивался и закреплялся гораздо быстрее.

На ВДНХ Марине Львовне довелось работать в качестве переводчика с успешным американским кукурузоводом Рокуэллом Гарстом, который посетил нашу страну в составе делегации фермеров США. Никита Сергеевич Хрущёв, узнав о достижениях Гарста, очень заинтересовался американцем, так как хотел популяризировать выращивание кукурузы в СССР. Так, работая переводчицей с фермерами из США, с министром сельского хозяйства, Марина Львовна познакомилась и с советским руководителем. Вот какую

историю, связанную с Н. С. Хрущевым, вспомнила Марина Львовна, давая интервью газете «Вечерняя Москва»: «Однажды к нему пришёл греческий посол, о котором было известно, что это фашиствующая личность. Я пошла переводить. И всё шло вроде бы гладко, как вдруг посол говорит: „Господин премьер! Думаю, что вы понимаете: мы представляем собой юго-восточное крыло НАТО. И в случае возникновения военного конфликта на нашей территории могут разместить установки с зарядами. Неужели в таком случае вы направите свои ракеты на Акрополь?“ А Хрущёв ему отвечает: „Да вы только попробуйте, вашу мать! Мы вам такой Акрополь покажем...“ И матом его. После того, как беседа закончилась, посол мне и говорит: „По-моему, вы переводили сокращённо. Я слышал, речь шла о матери...“ — „Так это вы и без меня поняли! Зачем же мне вам лишний раз об этом говорить?“ Одним словом, Никита ему показал, почём фунт лиха!» Марина Львовна говорила, что нередко сталкивалась с трудностями при переводе речи Хрущева, так как это был «сгусток сумасшедшей энергии».

Очень точные характеристики Марина Львовна дала и многим другим российским и советским лидерам. Она успела поработать с Брежневым, Горбачевым и Ельциным. Так, например, Марина Львовна описывает свой опыт общения с Горбачевым: «Когда я с ним работала, у меня не было сложившейся идеи перевода. Слова-то я знаю, а идея — ёк, как говорят в Средней Азии! Ко мне даже закрадывалась нехорошая мысль, что он просто забалтывает собеседника. Я окосела, не помня, с чего он начал, не понимая, что ему надо...». Марина Львовна была переводчиком и для известных общественных деятелей Греции и Кипра, среди которых были президент Константинос Караманлис, Андреас Папандреу, архиепископ Макариос, композитор Микис Теодоракис.

В 1960 году Марина Львовна была приглашена преподавать греческий язык в МГИМО. В то время велась работа по подбору специалистов, владеющих редкими языками: знание языков небольших стран открывало новые горизонты для советских дипломатов. Накопленный багаж знаний и опыт преподавания, который Марина Львовна приобрела, позволил ей выпустить в 1974 году учебник греческого языка, который стал предметом особой ее гордости. Борис Смирнов учился у Марины Львовны как раз в тот период, когда она начала над ним работать: «Нам повезло в том, что как раз в это время Марина Львовна приступила к разработке учебника греческого языка и давала нам отдельные кусочки его, размноженные на ротаторе. Мы аккуратно переписывали их в наши тетради и потом тщательно вместе с учителем обсуждали эту информацию». Можно сказать, что так Марина

Львовна отработывала свою уникальную методику обучения. В интервью «Вестнику Кипра» Марина Львовна призналась, что учебник «стоил „большой крови“». Работая переводчиком, я запомнила те трудности, с которыми сталкивалась. И когда я работала над учебником, мне хотелось вот эти свои муки, эти переживания передать — не просто поделиться, а рассказать, что и как надо говорить, что надо делать — на встрече с греческой делегацией, во время прибытия в гостиницу». Конечно, изучение любого языка требует больших усилий. Поэтому Марина Львовна, человек, привыкший к постоянной работе, утверждала, что «как бы гениален ты ни был, если ты не будешь зубрить, то ничего не выйдет!» Как воительницу Афины, Марину Львовну не пугали трудности, она готова была взяться за любое дело и довести его до конца. Поэтому кажется, что этой удивительной женщине любая задача была по плечу.

Богиня Афина проявила себя как лучший стратег во время Троянской войны. Умение выходить из любой ситуации победительницей пригодилось Марине Львовне и в 1980 году, когда она, по поручению одного из отделов ЦК КПСС, провела большую организационную работу по оказанию помощи этническим грекам Грузии по налаживанию изучения ими родного греческого языка. В ходе работы она не раз столкнулась с различными трудностями. Так, грузинские власти всячески препятствовали проведению ее деятельности на территории Грузии. Известный общественный деятель Никос Сидиропулос как-то привел слова министра просвещения Кинккладзе, сказанные Марине Львовне: «Скажите, они вам платят за учебники, которые вы издаёте? Мы вам заплатим за все учебники на 100 лет вперёд!.. Оставьте наших греков!» Марина Львовна, как Афина, сторонница честной и неподкупной борьбы, настаивала на своем. В итоге благодаря её упорству греческие школы были открыты, а сама она награждена Золотой медалью Союза понтийских греков, удостоена звания Почётного гражданина двух грузинских городов — Цалка и Дманиси. А учебник Марины Львовны получил признание за рубежом: она стала Почётным доктором Лейпцигского университета и Почётным доктором университета Патр.

Честность и неподкупность — отличительные черты греков. Марина Львовна, оставаясь всю жизнь исключительно честным человеком, повторяла своим ученикам: «Ребята, едете в Грецию, на Кипр — имейте в виду, что там народ умный, многосообразующий и очень хорошо чувствующий, отличающий правду от лжи. Никогда не лгать! Один раз солжете — навсегда потеряете доверие». Потом Марина Львовна обычно приводила пример, когда ей пришлось сопровождать

Анастасия Микояна (зам. председателя Совета министров СССР, Министр внешней торговли) в Грецию. В Афинах к трапу самолета подкатили ковер. По нему подбежала очаровательная девушка с огромным букетом роз. Микоян поднял ее на руки, она начала говорить, а Марина Львовна ничего не поняла. Тогда она подумала: всё, провал. Микоян повернулся к ней: «А почему вы не переводите?». Она ответила честно: «Я не понимаю». И Микоян сказал: «Молодец, что не врешь! Девочка по-армянски говорит».

Человек тонкого ума, обаятельная и харизматичная личность, Марина Львовна одинаково легко находила общий язык как со своими многочисленными учениками, так и с первыми лицами государств. Ирина Толстикова, которая проработала с Мариной Львовной больше сорока лет, не раз упоминала, что было в ней что-то, что притягивало и располагало людей. Ирина Олеговна вспомнила, как однажды, участвуя в конференции по греческому языку в Салоникском университете, они с Мариной Львовной решили заехать в Афины по делам Общества дружбы. Незадолго до этого президент Греции Константинос Стефанопулос нанес официальный визит в Россию, в ходе которого Марине Львовне удалось пообщаться с ним. Она покорила президента своим профессионализмом и обаянием, прощаясь, он взял с нее слово, что она обязательно свяжется с ним, когда будет в Афинах. Прибыв в Афины, Марина Львовна попросила советника посольства о содействии в организации встречи с президентом. В ответ послышалось: «Ну что вы, Марина Львовна, это наверняка была просто фраза вежливости. Получить так спонтанно аудиенцию у президента немислимо. Наш посол уже три месяца не может к нему попасть». Ирина Олеговна и Марина Львовна тогда решили сами позвонить в секретариат президента. На следующий день пришло подтверждение аудиенции в Президент-

ском дворце. На встречу с президентом Греции Марина Львовна и Ирина Олеговна отправились в сопровождении Посла РФ в Греческой Республике Михаила Николаевича Бочарникова. Президент оказал теплый прием, обсудили вопросы сотрудничества в гуманитарной сфере, в том числе и вопрос открытия отделения русского языка в Афинском университете.

Сейчас Марину Львовну тепло вспоминают как на родной кафедре, так и в стенах организации АКДС «Филия», где она была долгое время почетным президентом. Коллеги отмечают талант, мужественность и мудрость этой удивительной женщины-Афины. Дело Марины Львовны продолжает жить: среди ее воспитанников — преподаватели, дипломаты, политики и бизнесмены, которых объединяют любовь к Элладе, греческому языку и теплые воспоминания об их мудрой наставнице. Имя Марины Львовны носит теперь одна из мультимедийных аудиторий МГИМО(У) МИД России, где находится собранная и ее стараниями греческая библиотека. Ученик Марины Львовны Георгий Мурадов, бывший Посол России на Кипре, а позже приглашенный мэром столицы России Ю.М. Лужковым на пост руководителя комитета по международным связям правительства Москвы, говорил о том, что советы Марины Львовны были бесценны во время трудностей: «Все сложные ситуации, которые мне приходилось переживать по работе, в жизни, я знал к кому обращаться — к Марине Львовне. <...> Уникальный человек, многогранный. Когда я был Послом на Кипре, на мои плечи свалилась тяжелейшая проблема поставок российских ракет S-300 по заказу правительства Кипра. Были минуты, когда я спрашивал ее: „Марина Львовна, что будем делать?“ Она знала, что надо делать!». Женщина-воительница, мудрая наставница и просто сильная личность — именно такой останется в памяти многих людей Рытова Марина Львовна.

«Мистер Ламба»

(Виктор Герасимович Филимонов — герой на всех фронтах)

А. Денисова

Как сухой факт принимаем мы то, что с каждым годом ветеранов войны становится все меньше и меньше, но не осознаем всей трагедии, пока не столкнемся с ней лицом к лицу. Эта статья была начата, когда Виктор Герасимович еще был жив, хотя и находился в тяжелом состоянии. Ему успели сообщить о создании данного сборника, и он был очень тронут и благодарен, что о нем напишут. Мне уже, к сожалению, не удалось встре-

титься с Виктором Герасимовичем, но надежда на то, что ему станет лучше или он хотя бы увидит статью при жизни, была. Но 1 января 2015 года Виктор Герасимович умер в больнице, и вся

В. Г. Филимонов

история, все воспоминания и рассказы превратились в некролог.

Памяти Виктора Герасимовича Филимонова. Героев забывать нельзя, особенно если это герои во всех смыслах и на всех фронтах. Виктор Герасимович — человек, во всех аспектах выдающийся. Фронтовик. Преподаватель с большой буквы. Человек с чутким сердцем. Мужчина с незабываемым обликом. По словам Натальи Валерьевны Мелехиной, преподавательницы урду в МГИМО и ученицы Виктора Герасимовича, «его, если увидишь один раз, уже ни с кем не перепутаешь».

Виктор Герасимович родился 31 июля 1923 года в простой рабочей семье в Москве. Отец трудился на фабрике, а мать была домохозяйкой. У Виктора Герасимовича было двое братьев. После окончания школы в 1941 году Виктор Герасимович был призван в армию. Сначала он прошел обучение в Первом московском стрелковом училище, а потом в феврале 1943 года был направлен на фронт, где стал командиром стрелкового взвода, а после и стрелковой роты. Дважды Виктор Филимонов был ранен, а в декабре 1945 года демобилизовался по ранению в звании лейтенанта.

По словам Натальи Мелехиной, Виктор Герасимович не любил рассказывать про войну. На все расспросы он реагировал так: «Что об этом говорить? Это было страшно». Этими словами, пожалуй, даны ответы на все вопросы. То же, о чем Виктор Герасимович все же говорил, только подтверждает вышесказанное. Например, одно из своих ранений он описывал так: «Ощущение такое, что тебя палкой по ноге ударили. Сильнейший удар палкой. Человек, который этого не переживал, не может этого понять». Никаких вам красноречивых слов о страданиях и боли, все коротко и ясно, просто и страшно в своей простоте. Это для нас война — история, а для него и многих других она была реальностью, настоящим кошмаром во всех смыслах. Возможно, Виктор Герасимович и не любил рассказывать о войне от того, что подобрать нужные слова невозможно даже для переводчика и редактора со стажем, а все сказанное будет ложью, как у Мандельштама — «мысль изреченная есть ложь» — все равно не получится донести до слушателя ту страшную реальность.

Однако однажды Виктор Герасимович вспоминал, как ночью они с товарищами раскладывали по окопам винтовки, а потом ходили от одной к другой и стреляли. Так создавали у врага видимость того, что в обороне много людей. Ничего необычного — такие вот будни. Действительно, «что об этом говорить»? Не ходил Виктор Герасимович и на встречи с однополчанами, хотя и посещал ме-

роприятия, посвященные Великой Отечественной войне, в том числе и в МГИМО.

При этом Виктор Герасимович очень любил сам праздник — День Победы, всегда ждал поздравлений 9 мая и даже расстраивался и обижался, если кто-то забывал о нем. Как рассказала Наталья Валерьевна Мелехина, очень многие ученики Виктора Герасимовича звонили и продолжают звонить ему в этот день в течение уже очень многих лет. А среди этих учеников много людей, достигших огромных профессиональных высот, людей, занимающих ключевые посты в МИДе. Наталья Валерьевна вспоминает, что когда она приезжала навестить и поздравить Виктора Герасимовича, он начинал рассказывать, что ему позвонил «такой-то и такой-то».

Виктор Филимонов был награжден медалями «За отвагу» в 1943 году и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» в 1945 году, а также юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне, в 1968 году — медалью «50 лет Вооружённых Сил СССР». В 1984 году Виктору Герасимовичу Филимонову были вручены орден «Знак Почета» и медаль «Ветеран труда», а в 1986 году — орден «Отечественной войны I степени».

После войны в 1946 году Виктор Герасимович поступил в Московский институт востоковедения (МИВ) и по чистой случайности, как он сам рассказывал, попал на отделение с урду. До этого же наш герой не знал ничего о языке, с которым ему предстояло связать всю свою жизнь. Окончив институт в 1952 году, Виктор Герасимович поступил в аспирантуру МИВ. В том же году он начал и свою преподавательскую карьеру, сначала на кафедре индийских языков в МИВ. В 1954, когда МИВ был закрыт, Виктор Герасимович перевелся в аспирантуру МГИМО, но преподавать в МГИМО начал только в 1960 году. До этого, с 1955 по 1960 он работал в Издательстве литературы на иностранных языках. Виктор Герасимович прошел путь от младшего контрольного редактора до старшего редактора секции урду. За время работы в редакции он дважды побывал в Индии в качестве переводчика.

В МГИМО Виктор Герасимович Филимонов преподавал урду с 1960 по 1992 год. С 1992 года он работал по договору уже только на курсах редких языков (КРЯ). Виктор Герасимович принимал активное участие в жизни университета, работал в аттестационных комиссиях, был парт-оргом кафедры индийских языков, организовывал студенческие языковые конференции, много времени посвящал воспитательной работе с учащимися. За свою научно-педагогическую деятельность Виктор Герасимович неоднократно удостоивался благодарностей со стороны ректората

МГИМО, а в 1983 году был награжден Почетной грамотой МИД СССР.

Его заслуги были признаны и оценены не только начальством, а, что, пожалуй, гораздо важнее, — коллегами и учениками. Виктор Герасимович пользовался колоссальным уважением еще у своих одногруппников во время учебы в МИВ, где он был самым старшим студентом. Но дело было не столько в возрасте, сколько в особенностях характера. Как подчеркивает Наталья Валерьевна Мелехина, Виктор Герасимович сочетал в себе практически противоположные качества.

С одной стороны, жесткость и твердость. Он требовал строгой дисциплины не только от учеников, но и от самого себя. «Если ты опаздывал на занятия на одну-две минуты, то он уже не пускал. Отказ был в очень такой категоричной форме. Но он и себе не позволял опаздывать, был как будильник. Для нас, 16-летних школьников, это было непривычно. В школе никто из учителей так жестко себя с нами не вел, — вспоминает Наталья Валерьевна о парах с Виктором Герасимовичем на курсах редких языков при МГИМО. — Он мог иногда и припечатать кого-то из мальчишек, если они валяли дурака. Сказать что-то с подковыркой. Однако по отношению к девочкам всегда вел себя очень уважительно. Никогда ничего не комментировал, в том числе и внешний вид, даже если ему было что-то непонятно в молодежной моде».

С другой стороны, Виктор Герасимович был очень терпелив. Если он видел, что человеку что-то нужно и интересно, то обязательно помогал. «Урду — сложный язык. Достаточно непросто ему научить детей 15–16 лет. Но за год Виктор Герасимович подготовил нас так, что мы сдавали урду как вступительный экзамен в МГИМО», — рассказывает Наталья Валерьевна. Как человек, готовый помочь, подсказать, направить по правильному пути, наш герой проявил себя и спустя несколько лет. Наталья Валерьевна поделилась воспоминаниями о работе с Виктором Герасимовичем: «Так получилось, что он вел у меня только на курсах редких языков, в университете он уже не преподавал к тому времени. А когда я пришла работать на кафедру, то звонила ему, спрашивала советов. Получился вот такой перерыв. Виктор Герасимович очень помогал мне с моим первым учебником. Выступал в роли редактора, поправлял что-то, комментировал, давал рекомендации, делился своим опытом и материалами. Если находил какую-то интересную статью, то всегда звонил, говорил, показывал. Очень ревностно подходил ко всем вопросам, связанным с языком. Не было у него той небрежности, когда «где-то как-то так пере-

вести можно». Всегда требовал точного перевода и меня учил тому же: никаких „приблизительно“ в работе с языком быть не может».

Неудивительно, что такой преподаватель, правильнее даже сказать Учитель, остался в памяти и в сердцах своих учеников. Даже те из них, кто не связал жизнь с урду, спустя десятки лет после окончания университета помнят фразы, просто-таки вколоченные в голову Виктором Герасимовичем. И когда эти люди, многие из которых занимают высокие государственные должности, приезжали к своему Учителю, то приветствовали его исключительно на урду, теми фразами, которые были популярны именно в их группе.

Больших успехов Виктор Герасимович добился и в научной деятельности. В апреле 1952 года он в качестве переводчика принял участие в Международном экономическом совещании, которое проходило в Москве. Виктор Герасимович Филимонов был одним из переводчиков-первопроходцев, отправившихся в Индию с советскими специалистами в начале 1950-х годов.

В качестве переводчика он работал с различными советскими и индийскими делегациями, был переводчиком делегаций индийских писателей во время их поездок по СССР, принимал участие в Ташкентской конференции 1966 года. Неоднократно Виктор Герасимович ездил и в заграничные командировки. Многие из них были в Пакистан. Местные жители приходили в восторг от Виктора Герасимовича. Их поражало все: от внешности до потрясающих знаний языка. Наталья Валерьевна Мелехина рассказывает: «Когда я сама ездила в командировки, то встречала тех людей, которые его помнят. Они всегда просили передать ему «большой привет». В Пакистане Виктора Герасимовича называли «мистер Ламба», то есть «мистер Высокий». Внешность у него действительно была выдающаяся, не только для пакистанцев, но и для русских — высоченного роста и с пышной густой шевелюрой. При этом у него был еще и очень высокий, звучный голос.

Сам Виктор Герасимович как-то рассказывал о командировке в посольство в Исламабаде. При посольстве жили два журавля, но однажды случилась беда — один из них умер. Нужно было поехать в Исламабадский зоопарк, выбрать и купить другую «птичку». Обычные люди в Пакистане плохо говорят по-английски, поэтому вести переговоры с работниками зоопарка попросили отправиться Виктора Герасимовича. Когда он рассказывал эту историю, то с особой нежностью и трогательной заботой описывал то, как «птичку» выбирали, как он потом вез ее в машине, держа на руках. Вот вам и суровый «мистер Ламба».

В 1975 году Виктор Герасимович Филимонов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на язык урду». Эта работа сыграла важную роль в дальнейшем изучении не только урду, но и всех индоарийских языков. В 1978 году Виктору Герасимовичу было присвоено ученое звание доцента. Он не оставил научную деятельность и в дальнейшем, опубликовал ряд статей, в том числе и на урду, в советских и зарубежных изданиях. Виктор Герасимович подготовил несколько учебных пособий, например, по экономическому переводу и по лингафонному аспекту. В 1982 году вышел составленный им «Русско-урду учебный словарь», который студенты используют и сегодня.

Кроме того, уйдя на пенсию, Виктор Герасимович отдал много словарей и учебной литературы родной кафедре. Да и вообще он всегда был рад помочь и поделиться интересными материалами. Только с книгами одного автора Виктор Герасимович не хотел и не мог расстаться. Наталья Валерьевна вспоминает об этом: «У него в комнате были полки, уставленные книгами. Он отдал мне какие-то художественные произведения. Сказал: «Можешь взять, если тебе надо. Но Паустовского я тебе не отдам, потому что я его так люблю! Я его читаю». Когда Виктор Герасимович стал уже плохо видеть, и ему было сложно читать или смотреть телевизор, то я подарила ему плеер и купила аудиокниги. Первым делом — Паустовского. Он был так рад и благодарен! Да, Паустовского он очень любил. Видимо, что-то общее находил».

И «что-то общее» заключалось не только в военном опыте, но в какой-то невероятной внутренней силе и любви к человеку, в доброте. Хотя Виктор Герасимович не был женат и не имел детей, он никогда не жаловался на одиночество. Он до последнего ходил сам и старался обходиться без посторонней помощи, даже когда это стало тяжело физически.

Неудивительно, что его очень хорошо знали в районе. Главную роль здесь опять же сыграла не выдающаяся, незабываемая внешность, но участие, которое Виктор Герасимович проявлял к людям. Он знал по именам продавщиц в близлежащих магазинах, знал сотрудников Сбербанка, всегда был рад поговорить, интересовался, как у кого дела. А на праздники он обязательно дарил какую-нибудь приятную мелочь, например, приносил шоколадки. И так было не только по-

сле выхода на пенсию, и в МГИМО, и на курсах иностранных языков (КИЯ) при МИДе никто не оставался обделенным вниманием Виктора Герасимовича.

Наталья Валерьевна поделилась еще одной очень доброй и теплой историей о своем Учителе: «Как-то он очень захотел купить себе куртку. Он тогда еще выходил на улицу. Вот и говорит: „Помоги мне, пожалуйста. Где можно купить?“ А ему действительно сложно было подобрать одежду. Помню, как мы пошли в магазин, как он долго выбирал. И с таким трепетом подходил ко всему этому... В итоге он остался очень доволен. Может, из-за нехватки семейного тепла какого-то он очень ценил и общение, и то, когда люди проявляли сами к нему какое-то, даже минимальное, участие. Это для него очень важно».

Даже когда Виктор Герасимович находился уже в очень тяжелом состоянии, он все еще помнил своих учеников, которые окончили институт 40–50 лет назад. Если кто-то из них звонил ему и что-то передавал через помощницу, то Виктор Герасимович отвечал: «Да-да, помню...». «Это действительно Учитель и Человек с большой буквы. Для него студенты не были проходящим этапом. Я думаю, что он многим даже и в жизни помог. Мне он точно совершенно помог», — такими словами Наталья Валерьевна закончила свой рассказ о Викторе Герасимовиче.

Хотя мне и не удалось встретиться с Виктором Герасимовичем, слушая рассказы о нем, узнавая о его жизни, я не могла не проникнуться уважением и даже какой-то своеобразной привязанностью к этому человеку. Уважение и восхищение — герою Великой Отечественной войны, научному работнику и переводчику — далекому и недостижимому. О них читаешь в книгах и энциклопедиях, поражаешься, признаешь, конечно, факт существования таких талантливых и сильных людей... и все. Но Виктор Герасимович благодаря живым и теплым воспоминаниям о нем предстал передо мной еще и как Человек, будто я сама была с ним знакома. И память об этом герое должна сохраниться не только как о фронтовике или как о преподавателе, но как о невероятном Человеке, который сочетал в себе столько разных и замечательных черт.

Благодарю за помощь в написании статьи Наталью Валерьевну Мелехину, кандидата исторических наук, доцента кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО(У) МИД России.

Жизнь по-английски

А. Яблочкина (3 МЖ)

Женщину с таким сильным характером встретишь нечасто. Закаленный в трудные годы войны, он помогал ей идти по жизни, преодолевая все препятствия. Хрупкая и молоденькая девчонка, она учила мужчин стрелять. Собранная, строгая, преподавала английский язык будущим дипломатам. Она со своими коллегами разработала методику преподавания английского языка для тех, кто должен был сохранять мир путем переговоров. И почти вся ее жизнь прошла под сенью МГИМО.

Многоязычное детство

Елена Мартыновна Зелтынь родилась в Красноярске в 1919 году. Ее отец, латыш по национальности, был арестован в 1905 году за революционную деятельность, а затем сослан в Туруханский край на вечное поселение. Именно там он встретил маму Елены Мартыновны. В 1916 году отцу разрешили переехать в Красноярск, а уже в 1920 году он был переведен на работу в Москву. В этом городе, на улице Большая Ордынка проходило раннее детство Елены, пока в 1926 году вся их семья не переехала в Англию — отца отправили работать в советское торговое представительство в Лондоне. Из-за постоянной занятости родителей, младших детей — Елену и ее маленьких братьев — пришлось отправить в школу-пансион в Сифорде, а старшая сестра (она была старше Елены на 10 лет) осталась с родителями. Возможно, такое стечение обстоятельств стало определяющим для последующих событий в жизни тогда еще маленькой Елены и тесно связало ее судьбу с английским языком. Оказавшись в школе, где никто ни слова не знал по-русски, дети были вынуждены приспособиваться к новой языковой среде — они то тоже не знали английского языка. Елена Мартыновна вспоминает, как поначалу маленьким гражданам СССР приходилось с помощью знаков и жестов объясняться с преподавателями и воспитателями пансиона. Однако детская восприимчивость и способности к изучению иностранных языков сделали свое дело — через некоторое время, когда родители Елены приезжали навестить своих детей, они с удивлением обнаруживали, что дочка и сыновья постепенно начинают забывать русские слова.

В 1927 году произошло нападение на советское торговое представительство в Лондоне, и семье Зелтынь пришлось срочно выехать из Лондона. Но вернуться в Москву им тогда было не суждено — отцу сказали «остановиться» в торговом представительстве в Берлине. Там Елена ходила

в советскую трудовую школу, где преподавали на русском языке. Но повседневная жизнь вынуждала учить и немецкий.

Возвращение на родину состоялось в 1930 году. В Москве жизнь пошла своим чередом, одиннадцатилетняя Лена продолжила учиться в обычной московской школе, где в качестве иностранного языка (как и почти во всех школах СССР) преподавался немецкий язык. После трех лет жизни в Германии девочка знала этот сложный язык достаточно хорошо и без труда осваивала школьную программу.

А вот английский язык в советских школах не преподавали. Но мама Лены понимала необходимость знания иностранных языков и заставляла детей читать книги на английском и немецком и ходить к преподавателю. Семья жила тогда в Большом Патриаршем переулке, и иногда дети отправлялись к Никитским воротам на занятия по английскому языку к пожилой учительнице Ие Гавриловне. Так, знание языков, приобретенное в раннем детстве, сохранилось, а любовь к ним не угасла.

От летчика к преподавателю

Елена закончила школу в 1936 году. В отличие от обычных девочек, она мечтала стать не врачом или учителем, а летчиком, и даже хотела поступать в Военно-воздушную академию имени Н.Е. Жуковского. Но семнадцатилетнюю девушку в академию вряд ли бы взяли, а школьные преподаватели наперебой уговаривали поступать в институт иностранных языков: с таким хорошим знанием немецкого не стать преподавателем — просто преступление. Как вспоминает сама Елена Мартыновна, перспектива быть учителем ее совсем не привлекала, но для поступления в академию нужно было повзрослеть, а два года терять не хотелось. И она выбрала факультет английского языка Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ, сейчас МГЛУ). Четыре года в институте пролетели незаметно, а мечты о полетах понемногу забылись. Им на смену пришло увлечение стрельбой

Е. М. Зелтынь

и парашютным спортом. В МГПИИЯ была военная кафедра, и занятия военной подготовкой были обязательными не только для юношей, но и для девочек. Под руководством преподавателя по военной подготовке работал кружок парашютного спорта, правда, ребятам удавалось только разбирать и собирать парашюты — прыгать не разрешали. А вот со стрельбой дело обстояло лучше — в институте был тир, где Елена Мартыновна регулярно тренировалась, а иногда всем составом секция по стрельбе выезжала на стрельбища. По словам Елены Мартыновны, в то время было ощущение того, что страна готовится к войне, по крайней мере, организация Осоавиахим работала достаточно активно.

Занятия стрельбой увенчались получением удостоверения инструктора стрелкового спорта. Учась на третьем и четвертом курсах института, Елена Мартыновна даже давала уроки стрельбы и готовила ворошиловских стрелков. Факультетские приятели советовали ей лучше давать уроки иностранных языков, чтобы набираться опыта, но девушка только отмахивалась: «Это я всегда успею, это моя жизнь!» Тогда она еще не знала, как совсем скоро ей пригодится это увлечение стрельбой.

По распределению после института Елена Мартыновна должна была поехать в город Кызылорда, но на кафедре знали способности своей талантливой студентки и заявили, что в далекую Кызылорду Елену не отпустят. Так она стала работать преподавателем в МГПИИЯ. Неприязнь к профессии учителя за четыре года переросла в неподдельный интерес и желание дарить свет знания тем, кто хотел стать человеком во второй и в третий раз. Ведь древняя мудрость гласит: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек».

Старший командир-инструктор

Война забрала на свои фронты многих школьных и институтских друзей Елены Мартыновны. Кого-то призвали, кто-то ушел добровольцем, а Елена Мартыновна осталась в Москве. Днем она продолжала работать, так как занятия в МГПИИЯ не прекратились, а по ночам дежурила на чердаках. Над столицей летали самолеты, и в каждый дом могла попасть зажигательная бомба. Именно эти «зажигалки» Елена Мартыновна и ее товарищи тушили по ночам, почти на каждом чердаке стоял бак с водой и емкость с песком, в которые «зажигалки» погружали специальными щипцами. А утром, после ночного дежурства Елена Мартыновна снова шла преподавать английский язык.

Все это закончилось 16 октября 1941 года, когда в Москве началась паника. Немцы были в 27 километрах от столицы, по городу распоз-

лись слухи, что Москву хотят сдать, а руководство страны уже эвакуировано. Начался настоящий хаос — люди, охваченные страхом, брали самые необходимые вещи и пытались любым способом выбраться из города. Общественный транспорт не работал. Семья Зелтынь — Елена Мартыновна, ее мама и старшая сестра с двумя малолетними детьми — практически пешком шли из Москвы. Однако им повезло, мама Елены Мартыновны работала в Институте профзаболеваний им. Обухова, который организовал эвакуацию всех сотрудников с их семьями в город Горький (сейчас — Нижний Новгород, — А. Я.). Елена Мартыновна вспоминает, что ей уезжать из Москвы совсем не хотелось, настрой был боевой, и сдаваться она не собиралась, но бросить маму и сестру она не могла. Пришлось сесть вместе со всеми в грузовик-«полупортук» и отправиться в эвакуацию.

Путь в Горький был очень непростым и длился около десяти дней. Дороги были забиты эшелонами с ранеными, войсками, эвакуирующимися людьми. Ночевали люди, направлявшиеся в Горький, в каких-то избах — где находили приют. Находились сострадающие, дававшие ночлег бежавшим из Москвы женщинам и детям. В Горьком семью Елены Мартыновны разместили в таком же институте профзаболеваний, фактически в здании больницы. Убедившись, что мама и сестра теперь в относительной безопасности, Елена, охваченная юношеским пылом, стала думать, как вернуться в Москву — ведь и в МГПИИЯ она никого не предупредила, стыдно было вот так бросить работу. Девушка обратилась к своим друзьям офицерам и с их помощью в машине, спрятанная под брезентом, снова попала в Москву, в то время въезд в столицу был разрешен только по пропускам. Стоял ноябрь, МГПИИЯ был уже эвакуирован, квартира семьи Зелтынь за время их отсутствия — вскрыта. Елена Мартыновна поняла, что делать в Москве ей больше нечего и надо возвращаться. К тому времени Институт профзаболеваний имени Обухова уже был эвакуирован в Свердловск (сейчас — Екатеринбург, — А. Я.), и Елена Мартыновна снова благодаря помощи друзей-военных отправилась туда с военным эшелоном.

В Свердловске нужно было искать работу — быть безработным в военное время казалось немислимым. Елена Мартыновна обратилась в горком комсомола, но на ее слова о том, что она преподаватель английского языка, только усмехнулись — какой английский во время войны! А вот увлечение стрельбой оказалось очень полезным — Елену Мартыновну назначили заведующим стрелкового клуба, а затем, когда клуб превратился в центр всеобщего военного обучения, она стала старшим командиром-инструк-

тором. В военное время военное обучение было обязательным для всех. Работа инструктора была трудной, на занятия приходили люди после тяжелых шестнадцати часовых рабочих смен на заводах, а Елене Мартыновне нужно было учить их разбирать винтовку, стрелять. Конечно, сохранять самообладание в таких условиях, когда тебя окружают уставшие, измученные работой люди, мог только человек с сильным характером. Помимо характера, Елене Мартыновне помогало и то, что у нее в подчинении было три сотрудника — люди, уже побывавшие на фронте и после ранения вернувшиеся в тыл.

Елена Мартыновна должна была учить стрелять из пулемета системы Максима. То, что сама она не была знакома с этим оружием, не помешало — начальство выдало инструкцию к пулемету и сказало: «Разбирайтесь». Так, стрелять учились из пулемета и малокалиберной винтовки. Правда, на практике знания применить не удавалось — боевые патроны для таких занятий не предназначались.

В октябре 1941 года Елену Мартыновну пригласили работать ассистентом кафедры иностранных языков в Уральский индустриальный институт имени Кирова. Отпускать из стрелкового центра ее сначала не хотели, но потом поддались на уговоры, и Елена Мартыновна снова стала преподавать английский язык.

В Свердловске семья Зелтынь жила в маленькой, почти треугольной комнате. В одной из стен было очень много окон, которые постоянно промерзали (отопление было плохим), поэтому лед на стекле никогда не таял. Елена Мартыновна вспоминает, что на электроплитке в комнате всегда варился кофе. Зеленые зерна кофе — почти единственный продукт, который можно было купить в магазинах в Свердловске. Гораздо позже появился яичный порошок, когда СССР стал получать помощь из Европы и США.

Елена Мартыновна, как сотрудник стрелкового центра, ходила обедать в городскую столовую. Сейчас трудно даже представить себе такой обед — в жестяных мисках подавался суп, состоявший практически из одной воды. На столах стояла горчица, которой этот суп заправляли. Конечно, ни о какой питательности такого блюда говорить не приходится. Иногда в столовой давали и какую-нибудь булочку, которую Елена Мартыновна всегда приносила домой — своим маленьким племянникам.

В пригород Свердловска ездили на санках, чтобы купить картошки у крестьян — меняли ее на какую-то одежду, ценные вещи. Из картофельных очисток пекли оладьи. Елена Мартыновна говорит, что всегда любила картошку, жареную в костре — воспоминание еще пионерских вре-

мен. Но после войны даже сам запах жареной картофельной кожуры вызывал отвращение. Ведь кроме оладий из кожуры практически никакой еды в тяжелые военные годы не было, только хлеб, который Елена Мартыновна получала по рабочей карточке. Уже в Москве, когда семья Зелтынь вернулась из эвакуации, по праздникам иногда выдавали бутылку водки, которую Елена Мартыновна напыталась обменять на картошку или хлеб. Одна бутылка водки равнялась буханке черного хлеба.

Первооткрыватели

В июне 1943 года семья Зелтынь вернулась в Москву. Придя домой, они обнаружили, что их комнаты в коммунальной квартире уже заселены другими людьми, хотя мама Елены Мартыновны платила квартплату все время, что они были в эвакуации. Одни жильцы съехали сразу, а вот новые жители другой комнаты возвращать жилье законным владельцам никак не хотели. И снова Елене Мартыновне помогли друзья-военные, которые на протяжении всей ее жизни как добрые ангелы приходили на помощь в самые трудные моменты. В итоге комнату все же освободили, и Елена Мартыновна с мамой стали жить дома, дожидаясь окончания войны.

Снова нужно было искать работу, так как в МГПИИЯ (к тому времени институт тоже вернулся из эвакуации) занятия начинались с октября. Елена Мартыновна устроилась преподавателем английского языка в издательство «Правда», и до октября ее учениками были журналисты. Затем она вернулась в родной МГПИИЯ, но вскоре ее вместе с коллегой Дорой Иремеевной Животовской пригласили работать на факультет международных отношений в МГУ, созданный в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР №932. Уйти из МГПИИЯ было практически невозможно, институт не хотел отпускать своих лучших сотрудников. Но идея работы на факультете МО была очень привлекательной — готовить не преподавателей, а дипломатов, людей, которые будут участвовать в решении важных международных проблем и выстраивать отношения СССР с другими государствами. Кроме того, Елене Мартыновне предлагали должность старшего преподавателя. Елена Мартыновна и ее коллега согласились и до 1945 года работали на полную ставку в двух учебных заведениях. В МГПИИЯ им шли навстречу — согласовывали расписание. Совмещать работу в двух местах было возможно еще и потому, что факультет МО в то время находился по адресу Кропоткинский переулок, дом 6, недалеко от МГПИИЯ, который тоже располагался недалеко от станции метро Крымская (сейчас — Парк культуры, — А. Я.).

Так Елена Мартыновна стала работником первой на факультете МО языковой кафедры — кафедры английского языка №1. Начинать нужно было практически с нуля — предстояло разработать методику преподавания, подготовить материалы. Все это было совершенно новым делом, ведь в языковых институтах готовили педагогов, в МГПИИЯ не было даже переводческого факультета. Все теоретические дисциплины — история языка или история педагогики, теоретическая грамматика, теоретическая фонетика, анализ текста — дипломатам были не нужны. При преподавании на факультете МО нужно было обращать внимание на целый комплекс составляющих: грамматику, фонетику — но при этом не разделять все на отдельные специализации. В итоге, занятия фактически проходили в двух направлениях — практика языка и перевод. Перевод преподавали люди, которые на протяжении долгого времени занимались непосредственно переводческой деятельностью.

Другой проблемой было отсутствие учебников и учебных материалов. Первым преподавателям кафедры пришлось основываться, прежде всего, на собственном знании языка и на том, чему их учили в МГПИИЯ. Елена Мартыновна вспоминает, что никаких газет на иностранном языке или радио тогда не было, ничего не пропускалось в СССР. Это значительно усложняло не только подготовку разработок и учебников, но и сами практические занятия — на кафедре был только один лингафонный курс английского, записанный на гибкие пластинки.

Хорошим подспорьем была библиотека иностранной литературы — туда студенты ходили с удовольствием, получив задание по домашнему чтению. Затем на занятиях возникали дискуссии, что и соответствовало основной цели Елены Мартыновны — заставить студентов говорить, построить занятие как диалог на английском языке, поощрять обмен мнениями. Обсуждали не только литературу, но и историю и особенности англоязычных стран. Таким образом студенты получали представление об Англии и США. Тогда слова преподавателя были практически единственным источником информации.

Мгновения победы

День Победы — едва ли не самый яркий день в истории нашей Родины. Елена Мартыновна была свидетелем и участником этого дня, но, по ее словам, описать ощущения, возникавшие тогда, невозможно: «Конечно, люди с криками выскакивали на улицу, но... Это все совершенно неопишимо. Я не знаю, что я ощущала тогда. Очевидно, какое-то освобождение».

Победа была омрачена для семьи Зелтынь тем, что на войне погиб брат Елены Мартыновны.

Еще в 1939 году он был призван в соответствии с указом забрать в армию всех студентов, достигших определенного возраста. Во время Великой отечественной войны он погиб под Великими Луками.

Родители многих друзей Елены Мартыновны, ушедших на фронт, тоже получили похоронки. Для многих победа была ознаменованьем окончания войны, но вместе с тем, на фоне всеобщей радости сильнее ощущалась горечь собственной потери. Великая страна победила, но сколько сынов и дочерей ее народа навсегда осталось на полях сражений. Об этом не могли забыть те, кто 9 мая 1945 года выходил из домов, слыша весть о победе.

Елена Мартыновна вспоминает, что они с мужем, адъютантом артиллерийской академии, тоже вышли на улицу 9 мая, но на Красную площадь не пошли. Они прекрасно понимали, что с окончанием войны не закончилось тяжелое время — впереди долгие годы восстановления. Да и все вокруг продолжало напоминать об ужасах, которые люди пережили за эти четыре года. На улицах появлялись бывшие фронтовики, оставшиеся без ног, на самодельных тележках — к деревянной доске прикреплялись маленькие колеса. Опираясь на деревяшки, люди на этих колясках ездили по Москве. Приходили солдаты, изувеченные, раненые, без рук, и рассказывали о том, что пережили. Среди них были и друзья, знакомые Елены Мартыновны. Конечно, все это было очень тяжело. Но снова твердый и сильный характер помог Елене Мартыновне и многим другим людям пережить это. Кто-то прошел всю войну и остался жив. Одна из них — приятельница Елены Мартыновны, которая всю войну была фронтовым врачом. С ней она до сих пор общается. Однако говорят они не о войне — те, кто пережил Великую отечественную, не любят вспоминать это время. Слишком больно.

Под сенью МГИМО

Вся последующая жизнь Елены Мартыновны была неразрывно связана с МГИМО. Она преподавала первому набору факультета МО, который составлял всего лишь 200 человек. Во время и после войны на факультет поступали и те, кто пришел с фронта — люди практически в шинелях и сапогах, еще не забывшие запах пороха и военную собранность. Они учились вместе с ребятами, только что закончившими школу. Конечно, недавние школьники были в более выгодном положении — они еще помнили что-то из школьной программы. А вот к закаленным войной студентам нужно было находить иной подход. По мере того, как набирали все новых и новых студентов, а ребята первого набора становились старшекурс-

никами, коллектив кафедры (по словам Елены Мартыновны, он всегда был великолепным) на базе уже накопленных разработок стал создавать учебники. Учебник для первого курса, составленный и написанный преподавателями английской кафедры, появился уже в 1952 году. Тексты, включенные в этот учебник, были в основном переводами из русской литературы, так как найти аутентичные актуальные тексты, да еще и опубликовать их в учебнике было практически невозможно из-за различных запретов.

В 1961 году вышел учебник английского языка для старших курсов, созданный Еленой Мартыновной и ее коллегами Д. И. Животовской и И. А. Тенсон. Впоследствии Елена Мартыновна стала автором еще нескольких учебных пособий, в числе которых учебник «Английский язык для будущих дипломатов» (написан в соавторстве с Г. П. Легкодух, 2005 год). Время шло, «железный занавес» приподнимался, появлялось больше возможностей. В кинотеатре «Иллюзион» стали показывать фильмы на иностранных языках, появились различные технические устройства. В институте создали лабораторию устной речи (ЛУР). Если раньше многие книги были под запретом, например, роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» или «Дипломат» Олдриджа (зато Драйзера можно было читать без ограничений, Елена Мартыновна вместе с Д. И. Животовской даже писала комментарий к изданию романа «Сестра Керри»), то теперь обеспечивался более свободный выбор произведений зарубежной литературы.

В 1979 году по направлению ССОД (Союза советских обществ дружбы) Елена Мартыновна была отправлена в командировку в США. Предполагалось, что в течение одного года она будет преподавать русский язык американцам в Американском институте. В итоге, Елена Мартыновна проработала в Сан-Франциско три года. Кроме преподавания русского языка группам разных возрастов, нужно было еще заниматься в некотором смысле пропагандистской работой — выступать в различных колледжах и университетах, на радио с лекциями о СССР. Занимаясь этим, Елена Мартыновна никогда не забывала о своей кафедре английского языка — регулярно читала прессу, делала вырезки и через консульство посылала эти

материалы дипломатической почтой в Москву. Благодаря ей студенты получали актуальную информацию на английском языке.

Что касается работы со студентами, Елена Мартыновна всегда относилась к студенту как к личности. Она вспоминает, что большинство студентов факультета МО и затем МГИМО были людьми с большой мотивацией и искренним желанием изучать иностранные языки. Конечно, были и те, кому язык давался непросто — для всякого дела нужен определенный талант. Но с помощью колоссальных усилий и самих студентов, и преподавателей барьер обычно бывал преодолен. Подтверждением хороших отношений Елены Мартыновны со студентами были многочисленные приглашения на студенческие свадьбы. Бывшие выпускники приходили в гости, иногда даже с женами. Со многими своими выпускниками Елена Мартыновна дружила, что называется, «семьями». До сих пор ей звонят студенты, которые учились пятьдесят лет назад, а это все-таки что-то значит.

Сама Елена Мартыновна говорит, что кафедра стала для нее настоящим домом, а коллеги — друзьями. И МГИМО отвечал ей взаимностью — в 1992 году Елене Мартыновне было присвоено звание доцента кафедры, в 1993 — профессора, а в 2003 — почетного профессора. В 2004 году Елена Мартыновна официально ушла из штата преподавателей, но до 2008 года еще преподавала на факультете европейского права. МГИМО как учебное заведение с высокими стандартами образования и славными традициями, блестящей плеядой выпускников, многие из которых решали и решают судьбу нашего государства, представляя его на международной арене, было бы невозможно без огромных усилий и самоотверженного труда тех, кто стоял у истоков качественного преподавания и закладывал его основы. Среди них те, кто прошел суровую школу военных лет, не ожесточившись и не потеряв веру в людей. Требовательные к себе, они были требовательны и к тем, кого обучали, но всегда были готовы им помочь и нередко становились друзьями. Большие новаторы, они с нуля создавали то, что прошло проверку временем и стало традицией. Все это можно сказать и про Елену Мартыновну Зелтынь.

Судьба Адриана Васильевича Рудомино

Н. Кононова (4 МЖ)

Ученый, литератор, краевед, участник Великой Отечественной войны, выпускник МГИМО, а позже — преподаватель, популярный у студентов МГИМО. Его матерью была выдающийся деятель советской культуры, библиотековед, основатель и директор (1922–1973) Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) Маргарита Ивановна Рудомино. В прошлом году Адриан Васильевич отметил 90-летний юбилей, а бодрости и чувству юмора ветерана могут позавидовать даже студенты. Мне посчастливилось побывать в гостях у человека-легенды: побеседовать за чашечкой чая с его женой Натальей Николаевной, полистать фундаментальные семейные фотоальбомы, узнать об истоках МГИМО, создании легендарной вузовской библиотеки и послевоенной студенческой жизни молодого стилиста Адриана.

В просторном кабинете развешены картины и семейные черно-белые фотографии, на полках книжных шкафов — аккуратно по годам расставлены фотоальбомы. Война, МГИМО, рождение первого сына... Наталья Николаевна достает тяжелый альбом и заботливо листает его. Военная карта с грифом «секретно», наградной лист, благодарности, фотографии однополчан, разрушенный Берлин и улыбчивый молодой русский парень... Этот альбом, посвященный Великой Отечественной Войне, можно листать как иллюстрированную энциклопедию. Семейный фотоархив Адриана Васильевича начинается фотографией 1850-го года...

Над столом фотография статного молодого человека. Это любимый сын Василий, окончивший международно-правовой факультет МГИМО. Фотография Маргариты Ивановны Рудомино и Сергея Королева, племянника ее будущего мужа, в далеком будущем — Генерального конструктора космических ракет. Совместная фотография Адриана Васильевича и его матери. Фотография красавицы жены.

Август 1942 года. Молодой Адриан учился в Московском авиационном институте (МАИ), одновременно работая в мастерских МАИ. Он занимался разборкой сбитых самолетов. Его призвали в армию и направили в Военное училище химической защиты Красной армии. После его окончания осенью 1943 года, в звании лейтенанта, Адриана направили на 1-й Белорусский фронт в 65-ю армию легендарного генерала Батова. Адриан освобождал Минск и Варшаву, участвовал в Берлинской операции. Был награжден Орденом Красной Звезды, отмечен десятью благодарностями

А. В. Рудомино

ми Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

После Победы в СССР по репарациям было отправлено много немецких культурных ценностей. Статья «Полвека в плену» под авторством Адриана Васильевича рассказывает о том, как это было и какую роль в сохранении ценностей сыграла семья Рудомино, в частности, его мать Маргарита Ивановна. Сокровище мировой культуры — Библия Гутенберга — была среди перевозимых ценностей. В военном фотоальбоме Рудомино этот момент запечатлен. Фотографию сделал сам Адриан Васильевич. Три советских солдата напротив автомашины. Именно они и перевозили Библию в СССР. Адриан Васильевич вспоминает, что бесценную «трофейную литературу» везли по Германии без всяких опасений, без охраны.

Маргарита Ивановна Рудомино, которая с весны 1945 года была в звании подполковника, руководила вывозом книг. Она старалась разумно отбирать издания: отправляла в СССР лишь те книги и журналы, которые могли бы одновременно восполнить потери Советского союза и не навредить культурному наследию Германии.

В армии Адриан Васильевич оставаться не хотел: демобилизовался в начале 1947 года. Сборник его военных воспоминаний готовится к выпуску в будущем году. В доме Рудомино на протяжении 17 лет каждый год собирались однополчане. Одним из тостов традиционно был: «Спасибо судьбе, что подарила нам еще один год!» Теперь из военных товарищей Рудомино никого не осталось...

В 1947 году для молодого Адриана начинается студенческая жизнь в МГИМО. Это уже другой фотоальбом Рудомино. Студенческий. Дружеские шаржи, карикатуры, фото веселого парня. Наталья Николаевна с улыбкой говорит: «Стилягой был, учиться не хотел!» Был модником, носил американскую форму (которую комсомольская организация в итоге запретила носить в связи с обострением холодной войны), менял костюмы и галстуки — студенты зачастую подшучивали над педантом, рисовали карикатуры, изображая Рудомино в галстуке с флагом ООН и с блестящим значком «Мерседес».

Любил читать, и, бывало, читал прямо на лекциях. Однажды профессор Николай Николаевич Любимов увидел, как Адриан — вместо того, чтобы слушать лекцию о валютных операциях, — увлекся книгой. Он поднялся к студенту, посмотрел название книги и гневно стукнул кулаком по столу. Рудомино начал извиняться перед профессором. В ответ профессор сказал: «Какое право Вы имеете читать Голсуорси... на русском языке?! „Темный цветок” нужно читать только на английском!» Любимов после лекции обнял студента и взял с него обещание приходить на кафедру каждую неделю и пересказывать по 10 страниц.

По окончании МГИМО Адриан Васильевич работал в Союзнефтеэкспорте, в конъюнктурном отделе, затем — возглавлял его, ездил в командировки в Англию, чтобы знакомиться с конъюнктурой английского нефтяного рынка. До 1994 года Адриан Васильевич преподавал в МГИМО. Его курс назывался «Основы конъюнктуры мировых товарных рынков». Его очень любили студенты, и эта любовь была взаимной. Именно Рудомино ввел в программу семинарских занятий know-how ситуационные игры — моделирование настоящих переговоров (часто — на иностранном языке). Например, моделировали сделку между Союзнефтеэкспортом и европейской фирмой-импортером нефти: студентам следовало разбирать коммерческий, юридический, транспортный вопросы. В учебных аудиториях воспроизводились переговоры в таком виде, в каком они происходили на самом деле.

Перу Адриана Васильевича принадлежит первая в Советском Союзе методичка по маркетингу. Тот факт, что Рудомино был беспартийным, вовсе не мешал его профессиональному успеху: работал он с жаром и энтузиазмом. В 70 лет Адриан Васильевич вышел на пенсию. Живет в Подмосковье, путешествует с женой, занимается сбором семейного архива, пишет книги, статьи, воспитывает 12-летнего внука Арсения. Адриан Васильевич связан с жизнью МГИМО и сейчас: он и его сын Василий состоят в Попечительском совете МГИМО, помогают библиотечным фондам.

На прощание Адриан Васильевич передал библиотеке МГИМО несколько книг, и мне на добрую память подписал две книги: «Почти весь XX век» и «Книги моей судьбы». Самое главное, говорит ветеран, чтобы молодежь читала. Читать, читать и читать — наставляет Адриан Васильевич. «Кто читает и мыслит, а не хватает по верхам из Интернета — из того выйдет толк».

Тамара Захаровна Черданцева

В. Позднякова (3 МЖ)

Невозможно рассказывать о человеке в отрыве от времени, в которое он жил, вырос, формировал свое мировоззрение. Это было время, когда одним из критериев отбора на должность диктора новостей считался мажорный тембр голоса. В те годы нельзя было допустить, чтобы по радио транслировались пессимистические настроения. Шла война. Трудовая деятельность Тамары Захаровны Черданцевой началась очень рано. Судьбоносный 1941-й застиг ее еще школьницей в родном Ленинграде. Ее отец про-

вел там всю блокаду с первого до последнего дня в должности главного инженера, а Тамара Захаровна с матерью и младшим братом оказались в эвакуации в Куйбышеве — нынешней Самаре. Там она окончила школу с золотой

Т.З. Черданцева

медалью. Но она знала, что жизнь вдали от событий, определяющих судьбу страны, не для нее. Никого за это не осуждая, в себе самой она чувствовала силы делать что-то большее, и решила попробовать себя в роли диктора новостей. И — не прошла строгий отбор как раз таки из-за тембра голоса. У нее, по воспоминаниям, был «дивный, очень мелодичный, красивый, женственный голос», но ему не хватало того оптимизма и задора, которые ценились в то время.

Тайком от матери — а по другим данным, именно по ее совету, — Тамара Захаровна подала документы в военкомат. В те годы практически все молодые люди стремились внести свой вклад в дело победы, отправляясь на войну добровольцами. Но в военкомате справедливо решили, что девочке с золотой медалью не стоит идти на фронт — лучше пройти подготовку и стать офицером. Её отправили в знаменитый Военный институт иностранных языков. Военный институт был основан в тревожном 1940-м году в виде факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков — для подготовки военных преподавателей. Позже, в 1942 году, он был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА) и именно под этим названием вошел в народную память как альма-матер целого поколения высококлассных специалистов.

Во время войны институт оказывал сильную помощь Красной армии: переводил документы для Генштаба, обеспечивал учебной и справочной литературой. И — продолжал готовить специалистов. Так как с октября 1941 года по приказу Наркома обороны большинство центров подготовки военных переводчиков были перемещены из Москвы в тыловые районы, Военный факультет западных языков временно базировался в городе Ставрополь-на-Волге Куйбышевской области, недалеко от города Тольятти. Именно сюда направили Тамару Захаровну. Естественно, в институте изучали «языки врага». Немецкий был общеобязательным, а вторые языки распределяли в случайном порядке: выстроив всех новоприбывших в одну шеренгу и попросив рассчитаться на первый, второй... Судьба в виде произвольного номера распорядилась так, что Тамаре Захаровне достался итальянский — и именно с итальянским и Италией была связана вся ее дальнейшая жизнь.

Во время учебы ей пришлось нелегко — практически все пособия для изучения языков были написаны уже в послевоенные годы, а тогда осваивать знания приходилось самостоятельно. Тамара Захаровна проявила большие способности, добилась многого и, еще не закончив институт, стала преподавать. Уже в 1944-м году она

уже была переводчицей военного атташе СССР в Италии, который вел переговоры об интернировании пленных россиян на родину. Около двух лет она провела в Риме. Для вчерашней выпускницы работа была тяжелой и напряженной, но Черданцева приспособилась и впоследствии с юмором вспоминала, в частности, случай, когда приехавший из Москвы генерал, размышляя, по форме ли она одета, строго спросил, как по-итальянски «чулки». Этого слова Тамара Захаровна еще не выучила, но, чтобы не ударить лицом в грязь, решительно ответила «чулки». Генерал остался доволен.

Она готовилась не только к работе военного переводчика, но и к разведывательной деятельности — хотя на фронт попала уже в самом конце войны. Весной 1945 года их группа была высажена в одном из приграничных районов Италии и Югославии, на побережье Адриатического моря — но провести операцию они, по всей видимости, не успели, потому что была объявлена капитуляция Германии. Ликование, охватившее их, когда они получили по радию радостную весть, Тамара Захаровна хорошо помнила и спустя много лет, как и оглушительную стрельбу, устроенную ими на морском берегу.

Это было самое начало ее карьеры. Потом она вернулась в Москву и занялась преподаванием в ВИИЯКА и МГИМО. Она стала одним из ведущих специалистов в стране по итальянскому языку, автором многочисленных учебников и словарей, много лет заведовала кафедрой романских языков МГИМО, которая в то время объединяла в себе французский, испанский, португальский и итальянский языки и на весь вуз славилась своей строгостью. «Что было удивительно, — рассказывает доцент Н. В. Шевцов, учившийся в это время, — это сочетание жесткой, принципиальной начальницы кафедры и очень чуткой, понимающей заведующей. Тамара Захаровна всегда могла уладить возникающие конфликты — а их было немало. Именно благодаря ей у итальянского отделения в те годы сложилась блестящая репутация на кафедре и в вузе — я, например, могу сказать, что взял третьим языком итальянский во многом из-за того, что знал, как здорово учить его у этих преподавателей под началом Тамары Захаровны».

Однако преподавательской деятельностью заслуги Тамары Захаровны не ограничивались. Она была одним из ведущих специалистов в своей области, ученым, тесно связанным с Институтом языкознания и Академией наук. Она проводила там немало времени, посвящая его работе по составлению словарей и методической литературы. Практически все пособия, по которым в те годы учили итальянский, вышли из-под ее пера или

так или иначе отмечены ее участием. В ее библиографии — более ста научных трудов, среди которых — словари, грамматики, монографии по итальянской фразеологии и статьи по языкознанию, в том числе культовый самоучитель, написанный ею в соавторстве с Ю.А. Карулиным. За это она получила международное признание — стала одним из немногих иностранных членов Итальянской Академии делла Круска.

Научную работу она непостижимым образом совмещала с постоянными командировками, в которые ездила с мужем-дипломатом — человеком не менее исключительным, чем она сама. Георгий Никанорович Черданцев был командиром взвода и прошел всю войну. В отличие от многих других, ему посчастливилось, попав во вражеское окружение, не только выжить, но и вывести свой отряд без потерь личного состава. То, что по нашим меркам является однозначно героическим поступком, в суровое военное время чуть не расценили как государственную измену: «Первым, что у него спросили на допросе, было: почему же вы не застрелились сразу, когда поняли, что попали в окружение? К счастью, того штабного мерзавца, который так поставил вопрос, сменил нормальный человек, и вместо штрафбата или расстрела дед получил орден Красной Звезды» — рассказывает внук Тамары Захаровны, спортивный комментатор Георгий Черданцев, названный в честь деда.

После войны орденосный боевой офицер доучивался в МГИМО, затем поступил на дипломатическую службу. «Есть внутреннее ощущение, о чем стоит говорить, а о чем нет. У меня дедушка все-таки был дипломат и работал в очень сложных странах в очень сложные времена...» — замечает Георгий Черданцев в интервью sports.ru¹. В другом интервью, данном «Спорт-Экспресс-ТВ»², он снова ссылается на дедушку: «Наверное, от него я перенял неумение и нежелание ссориться с теми, с кем предстоит бок о бок сотрудничать».

Тамара Захаровна сопровождала мужа во всех его зарубежных поездках. Она выступала в качестве переводчика на съездах КПСС, которые проходили в Москве и на съездах Итальянской коммунистической партии в Милане и других итальянских городах; активно участвовала в работе Международной демократической федерации женщин в Праге. Впрочем, достаточно очевидно, что профессиональная деятельность дипломата Черданцева была намного шире и рискованнее обычной дипломатии. После многих лет безупречной службы и непрерывных командировок во все уголки земли — Афганистан, Чехословакию, Австрию, Китай — в 1969 году он трагически погиб в ФРГ при невыясненных обстоятельствах. Эта история была засекречена спецслужбами сро-

ком на 60 лет. Официальная версия — автокатастрофа.

Тамара Захаровна, по воспоминаниям близких, представляла, что произошло, но ни с кем не делилась этим знанием. «Вновь я увиделась с ней при трагических обстоятельствах, когда она вернулась из ФРГ, — рассказывает профессор Т.В. Зонова. — Ее муж работал в советском посольстве в Бонне и возглавлял там советскую резидентуру. Командировка заканчивалась, и Тамара Захаровна уехала с сыном на родину на пару месяцев раньше, чтобы оформить получение новой квартиры. Уже в ее отсутствие на машину мужа был совершен наезд грузовика, и он погиб. Можно представить, как много душевных сил потребовалось, чтобы пережить эту трагедию. Тамара Захаровна тогда полностью погрузилась в работу, стала писать докторскую диссертацию, издала ряд учебников...»

Трагедия не сломала Тамару Захаровну, с новой силой отдавшуюся работе в МГИМО. «Она всегда была готова прийти на помощь всем — и студентам, и преподавателям, в том числе и молодым, и пожилым, и так далее. То есть самое главное, в чем она себя видела как руководитель — помимо великолепной организованности — это служить нерушимой стеной между человеком как личностью и всякими обстоятельствами. У всех нас бывали по молодости лет разные сложные моменты — и нет ни одного случая, когда Тамара Захаровна не оказала бы поддержки, пусть даже в ущерб себе самой, — рассказывает доцент Г.С. Романова. — Вообще, Тамара Захаровна как фронтовик повидала много вещей, после которых, наверное, уже перестаешь чего-то бояться... Она никогда не скрывала своего отношения к происходящему — в том числе политике. Разумеется, она не кричала на всех углах о своих взглядах, будучи очень интеллигентным человеком, но никогда и не пыталась сделать вид, что что-то одобряет. Если ей что-то казалось смешным — она так и говорила».

Последнее относится и к эпизоду, хорошо характеризующему как нравы и обстановку того времени, так и характер Тамары Захаровны. В жизни Университета был неприятный период, когда пришло строгое распоряжение увольнять на пенсию всех преподавателей, достигших пенсионного возраста — 55 лет для женщин, 60 — для мужчин. В 55 лет Тамара Захаровна была доктором наук, членом Итальянской Академии делла Круска, по воспоминаниям — молодой, красивой, очень энергичной женщиной. Ее вызвали в отдел кадров и попросили написать заявление об уходе. «Начальник отдела кадров был хорошим человеком — но в нем не было той черты, которая присутствовала в Тамаре Захаровне; он просто транс-

лировал то, что ему велели», — поясняет Галина Семеновна.

«У этого распоряжения было много жертв, в том числе физических, потому что не все могли морально перенести этот неожиданный удар в спину. Были даже смертельные случаи». Но здесь проявилось колоссальное уважение, которое Тамара Захаровна внушала всем, кто ее окружал — вся кафедра встала на ее защиту, фактически вынудив начальника отдела кадров извиниться и отстоять ее перед своим начальством. Тамара Захаровна, в свою очередь, не дала в обиду собственных сотрудников. «У нее был принцип: она говорила, что традиция класть отдельные распоряжения „под сукно“ — не такая глупая...» Зная, что очень многие постановления не выдерживают проверки временем, в некоторых случаях она предпочитала именно эту тактику выжидания. Если поступало повторное распоряжение — его волей-неволей приходилось выполнять, но, как правило, издержки бюрократии имеют свойство сами сходить на нет, как это и произошло с описанным выше приказом. «Так она одновременно спасала себя от ненужной суеты, а окружающих людей — от ненужных травм, духовных и физических. Вот такой она была человек — очень мудрый».

«Чудесный, душевный, талантливый, добрый человек — все эпитеты хороши, совершенно определено. И фантастический руководитель. Таких сейчас просто нет! Широчайшей души человек, очень тонкий, умный...» — отзывается доцент В. А. Дмитренко. Помимо уважения и благодарности сослуживцев она умела заработать искреннюю любовь тех, кому посчастливилось у нее учиться. «Она была очень требовательная, но вместе с тем исключительно доброжелательная, — вспоминает Т. В. Зонова. — На первом курсе мы изучали итальянский с преподавательницей из Италии, которая совсем не знала русского языка. Для моего сокурсника, видимо, такой метод погружения в итальянский совсем не подходил. Поэтому Тамара Захаровна, чтобы поставить ему хотя бы тройку, каждый день оставалась с ним на дополнительные занятия и заставила его овладеть программой первого курса. Тогда все это делалось абсолютно безвозмездно. В нашей группе учились еще два вьетнамца и болгарин. Всегда вспоминаю урок, на котором следовало обсудить творчество художников эпохи Возрождения. Оказалось, что вьетнамцы ничего не знают о Рафаэле. „А вы, — спросила Тамара Захаровна нас, советских,

и болгарина, — знаете что-нибудь о вьетнамских художниках?» Так мы получили урок интернационализма».

Наконец, великолепный руководитель, прирожденный педагог и видный ученый находил время быть матерью, бабушкой и просто женщиной. Ее внук спустя долгие годы, уже добившись известности и являясь признанным специалистом в своей области, будет с благодарностью вспоминать, как много она для него сделала в начале его жизненного пути. Знакомые восторженно отзываются о том, какие вкусные пироги она готовила и с каким вкусом обустроивала свой быт. Всегда ухоженная, очень изящная и неустанно следящая за собой, — так описывают ее люди, тесно общавшиеся с ней. «Например, ее невозможно было представить с ненакрашенными ногтями. Попав в больницу и очнувшись, она первым делом попросила зеркальце, а вернувшись домой, сразу же вызвала парикмахера...» — рассказывает Галина Семеновна. — «Сложно было поверить, что эта хрупкая женщина принимает на себя все удары судьбы, не ломаясь под ними и еще имея силы поддерживать других... Это был человек, который чувствовал себя обязанным взять на свои плечи ответственность за всех — всем помочь, всех примирить».

«Я могу сказать, что по духу она была истинной христианкой, — говорит доцент М. И. Кие-ня. — Обрядовая сторона не важна — главное, чем отличается христианин от нехристианина — это привычка видеть проблему в себе, не пытаюсь найти виноватого во внешнем мире. У Тамары Захаровны врагов не было. Она изгоняла их из своей души». Все, кому посчастливилось в какой-то период жизни находиться рядом с ней, вспоминают ее как редкостное, удивительное явление. «Конечно, ей приходилось непросто, и очень многое оставило шрамы на ее сердце, сократив ее жизнь, — говорит Г. С. Романова. — Такие люди, как Тамара Захаровна, действительно встречаются очень редко... Но в том поколении — встречались».

«Кто говорит, что на войне не страшно, — тот ничего не знает о войне», — гласят строки известного стихотворения Юлии Друниной. Возможно, именно справедливостью этих слов объясняется то, что из горнила военных лет вышли такие люди, как Тамара Захаровна, — бесстрашные, честные и готовые защищать до последней капли крови то, что им дорого — будь то взгляды, близкие или Родина.

¹ <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/dud/591426.html>

² <http://football.sport-express.ru/reviews/34418/>

Ровесник века Яков Алексеевич Ломко

А. Шаповал (аспирант МЖ)

В Университете сессия. Длинный коридор, спешат, снуют, галдят студенты... В одном из кабинетов царит особенное оживление. Там представляет оценки ребятам Яков Алексеевич Ломко. Доброжелательный, улыбчивый, бодрый, он внимателен ко всем и к каждому в отдельности. Студенты выходят довольные, заряженные удивительным жизнелюбием и энергией своего Учителя. Якову Алексеевичу 98-й год. По лицам ребят видно, что они действительно ценят время, проведенное за разговором с профессором. Неудивительно, ведь когда Яков Алексеевич начинает рассказывать, слушающие мгновенно попадают под магию слова и обаяния этого незаурядного человека. Его рассказ строен, жив, глубок, полон исторических и культурных параллелей. Ясные голубые глаза доверчиво улыбаются собеседнику. История возникновения государств или устройство боевого самолета... Невероятным представляется то, как можно держать в голове столько мелких деталей, нюансов в самых разных областях знания и так умело вплетать их в канву рассуждения? Столько опыта и дум стоит за ними — не пересчитать.

Не всем известно, что 19 лет своей жизни Яков Алексеевич отдал и нашему институту. Более того, он стоял у истоков основания факультета Международной журналистики МГИМО, был одним из его первых преподавателей, а затем и заведующим кафедрой журналистского мастерства. Его тогдашние студенты — сегодняшние руководители кафедры международной журналистики — неизменно расплываются в улыбке, слыша фамилию Ломко, и с благодарностью вспоминают его в годы работы в университете.

...Интересно, задумывается ли — по-настоящему, а не на долю секунды — галдящая на лестницах молодежь, что их преподаватель — без двух минут ровесник века? Насколько уникален и богат его жизненный опыт, каких ярких красок полон его насыщенный путь длиной в эпоху? Какая ценная шкатулка истории и воспоминаний приоткрывается перед ними в беседе с Яковом Алексеевичем, родившимся в 1917 году в Донецке? Здесь и отдельные воспоминания об Октябрьской революции (отступающую под окнами армию Деникина наш герой хорошо помнит и сейчас), и гражданская война, и голод 1921 года, когда дети собирали «склады» огрызков, а женщины меняли ценные вещи на муку... Пионеры-спартаковцы, до-революционные буквари и — первые пятилетки, коллективизация... Международные события — провокации на КВЖД и советско-китайская вой-

на (1929 г.), Японская интервенция в Маньчжурию (1931 г.), нападение Италии на Эфиопию (1935 г.), гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) — вызывающие горячий отклик в сердцах молодых людей. И, конечно, Великая Отечественная война. Как водораздел, как поворотный шаг, как решение Судьбы, кардинально изменившее всю последующую жизнь нашего героя.

В годы войны, которую наш герой прошел от начала до конца, ему довелось служить в авиации, быть начальником редкой и ценной службы — синоптической — деятельность которой имела решающее значение для эффективной организации полетов: ни одна операция не совершалась без отчетов синоптиков о состоянии погоды. Принимал он участие и в непосредственных вылетах бомбардировочной авиации, в вылетах к партизанам и на высадку десанта.

Когда Яков Алексеевич начинает говорить о периоде «военной работы» — так тогда называли войну — в голосе его слышатся отзвуки великого уважения к своему делу, к делу других людей: боевых товарищей, старших командиров, коллег — к общему делу советских людей тех лет. Никто и ничто не забыто: он помнит все и всех — фамилии, имена, отчества, звания, должности, города, военные аэродромы — и с трепетным вниманием относится к достоверности этих воспоминаний.

Яков Алексеевич никогда не предполагал, что судьба его будет связана с военным делом: до описываемых событий его, студента Ленинградского государственного университета, увлекала физика атмосфер, высших её слоев, слабо изученных на

тот момент. Молодой ученый на досуге даже читал лекции под названием «Тайны голубых просторов»¹. Как ни парадоксально, но именно тайны небесных просторов и привели Ломко в военное дело. В декабре 1940 года только что окончивший с отличием университет молодой человек был рекомендован в аспирантуру, однако его сразу призвали на военную службу. Знания, полученные им в университете, особенно в области методики прогнозирования погодных условий, оказались как нельзя более актуальны и важны для полетов дальней авиации.

Так свежееиспеченный выпускник оказался в 40-й дивизии дальнебомбардировочной авиации, которая входила в 1-й авиакорпус Ленинградского военного округа. Дивизия базировалась на аэродроме Кречевицы у озера Ильмень, в 17 км от Новгорода Великого. Впоследствии нашего героя ожидают новые и новые аэродромы, летопись которых может заслуживать отдельного интереса. Всего за годы войны Яков Алексеевич летал с 24 различных аэродромов, многие из которых именуется в рассказе ветерана не иначе как «наш аэродром».

Пока же тихо и мирно шла служба нашего героя. Рядовой быстро и успешно сдавал все экзамены, необходимые для получения звания лейтенанта или старшего лейтенанта: физкультура, специальные дисциплины, стрельба... Что касается последней, Якову Алексеевичу было не привыкать стрелять метко — еще в школе он получил значок Ворошиловского стрелка! Кроме того, молодой рядовой и сам читал лекции для командного военно-политического состава по краткому курсу истории ВКП(б); рассказывал и о современных методах прогнозирования погоды в высоких слоях атмосферы. Командование было довольно его работой и предложило провести исследование по основной специальности геофизика, необходимое для бомбардировочной авиации. Шел июнь 1941 года...

Нападение фашистской Германии на СССР не стало сюрпризом для нашего героя. По его словам, несмотря на существующие договоренности, многие из его поколения понимали, что не стоит на них полагаться: слишком губительна и жестока была природа фашизма. Всем ходом жизни советские люди были подготовлены к войне. Когда она была объявлена, Яков Алексеевич находился в командировке в Ленинграде, куда его направили для проведения опытов. Именно благодаря предварительной службе, на фронт Яков Алексеевич попал уже достаточно подготовленным и, по его собственному выражению, «вписанным в военную систему» — его сразу же прикрепили рядовым в метеослужбу 40-й дивизии бомбардировочной авиации.

С гордостью вспоминает он наиболее успешные операции летчиков своей дивизии: с особенным чувством рассказывает о проведенной его однополчанами, «лучшими экипажами дивизии», уже летом 1941 года бомбардировке Берлина. Эта операция имела большое значение: «Немцы были уверены в своей скорой победе: советская армия отступала. Но в начале августа нашей авиации удалось совершить ночной налет на Берлин, ставший большой неожиданностью для противника. Авиаудар повлиял и на перемену в оценке нашей армии западными союзниками — и вдохновил рядовых бойцов всей нашей обороны».

Другим важным сражением, в котором Яков Алексеевич принимал косвенное участие, как специалист по прогнозированию погодных условий, была сложнейшая битва за Москву осенью 1941 года. Когда немецкая армия в обход шла к городу, чтобы взять в клещи и окружить, планируя «7 ноября устроить праздник на Красной площади — даже билеты заготавливали уже!» — 40-я дивизия активно бомбила мосты на подступах к Москве, разрушая пути коммуникации для врага. В сентябре 1941 года практически вся летная часть 40-й дивизии оказалась разбита, многие экипажи погибли — и её остатки были слиты с прилетевшей в Переборы из Закавказья 26-й бомбардировочной дивизией. Якова Алексеевича сразу же назначили руководителем синоптической группы при командире дивизии и присвоили звание сержанта. Задача группы была — анализировать ситуацию и докладывать о возможности полета на боевую цель непосредственно командиру дивизии, разрабатывать альтернативные маршруты полета в случае неблагоприятных погодных условий.

К январю 1942 года и эта дивизия растеряла всю свою материальную часть. Тогда вышло решение командования создать ночную авиацию дальнего действия, сокращенно АДД, в первую дивизию которой и попал наш герой. Яков Алексеевич с гордостью вспоминает службу в АДД: «Идея создания ночной авиации дальнего действия была очень продуктивной, поскольку в то время еще не было средств радиолокации. Это делало наши экипажи довольно малоуязвимыми».

Репутация АДД была очень высока. В ее полках служило много известных уважаемых людей, настоящих отважных героев. Её командующим был Александр Евгеньевич Голованов, впоследствии Главный маршал авиации СССР. Командиром одного из полков была знаменитая Валентина Степановна Гризодубова, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза². Подчинялась ночная авиация только Верховному Главнокомандующему, И. В. Сталину, была, по словам Якова Алексеевича, у него «под рукой»: ее бросали на самые ответственные задания, в самые горячие

точки. А без доклада начальника синоптической службы — нашего героя — ни один вылет не решался. Вообще, по уровню ответственности эта небольшая служба значительно опережала многие другие. Главным оружием синоптиков были знания и понимание важности каждого решения: «Можно прилететь на цель, а она в это время будет закрыта облаками. Обратно возвращаться с таким запасом бомб, которые подвешивались под каждым самолетом, было невозможно и опасно, пришлось бы выбрасывать драгоценное оружие в болото».

В ходе Московской битвы Якову Алексевичу запомнились первые боевые вылеты на Ржев в марте 1942 года. Трудность вылетов синоптической службы заключалась в том, что, в отличие от полетов боевых самолетов, которые скрывало ночное небо, разведка погоды могла осуществляться только на закате — «а на закате самолет летит на фоне темного неба — как серебристая птичка, заметная издали». «Но ничего! Все обошлось, — смеется Яков Алексеевич, — молодые были все, отчаянные! Не боялись ничего».

Что касается боевой смелости, тут Яков Алексеевич имеет четкую позицию. В годы перестройки зародилось мнение, что успех нашей армии обеспечивался жестким приказом Сталина № 227 «Ни шагу назад», в частности специальными штрафными батальонами. Наш герой долго может рассуждать об абсурдности идей о том, что красноармейцы шли сражаться по принуждению, «из-под кнута»: «Приказ № 227 преследовал иные цели: он побуждал сражаться за каждый город, за каждую пядь земли нашей Родины. Возможно, вышеупомянутое толкование могло касаться отдельных родов войск, например, пехоты. Но в авиации, танковой артиллерии, военно-морском флоте, на подводных лодках?.. Главным мотивом было высокое сознание, точность, своевременность, ответственность каждого экипажа. Все было построено на доверии и, конечно, преданности Родине. Каждый был на своем месте».

К осени 1942 года Яков Алексеевич начал принимать участие не только в боевой разведке погоды, но и в бомбардировочных полетах, высадке десанта, в полетах к партизанам. После Сталинградской битвы, важное участие в которой принимала АДД, наш герой, уже находясь на Украине, работал в оперативной группе двух полков, которые «выбрасывали десант на маленькую излучину Днепра, южнее Киева, недалеко от Полтавы». Побывала дивизия Ломко и на Северном Кавказе, где помогала освобождать Таманский полуостров, затем была направлена в Липецк, где намечалась танковая битва на Курской дуге, участвовала в Прохоровском сражении (12 июля 1943 г.). В конце 1943 года авиация дальнего действия была

направлена под Ленинград. Дивизия Ломко сыграла существенную роль в том, чтобы пробить дорогу в блокадный город, за что получила орден Красного знамени и звание «Мгинская Краснознаменная» — по названию железнодорожной станции Мга, которая открывала дорогу для связи с Ленинградом, где дивизия содействовала изменению положения города. Затем были аэродромы в окрестностях Ленинграда — Левашово и Гатчина, — аэродромы под Вильнюсом и на территории Польши.

Последний аэродром, где дольше всего, в том числе и после войны, стоял полк Ломко, находился около маленького городка Венгров. Штаб дивизии находился в 25 км от Варшавы. Оттуда полки дивизии бомбили Берлин и Кенигсберг на завершающем этапе войны, а один из полков принимал участие в освобождении Праги. Войну Яков Алексеевич Ломко закончил в должности начальника синоптической службы дивизии, в звании инженера-капитана, был награжден орденом Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «Партизану Великой Отечественной войны» II степени, «За взятие Берлина» и «За штурм Кенигсберга».

Особого внимания заслуживает тот факт, что во время службы в АДД Ломко в течение полугода успел поработать заместителем редактора дивизионной газеты «За боевую тревогу», на должности инструктора-литератора. «Необходимо было, чтобы я помог газете приобрести характер издания, занимающегося не только бытописанием людей, а настоящими проблемами боевой работы», — вспоминает ветеран. В августе 1942 года Яков Алексеевич — чья первая публикация, к слову, была сделана еще в школьные годы в репортаже о подготовке сверстников к Дню знаний — был выдвинут на должность главного редактора, но попал в госпиталь с перитонитом. Тем временем дивизионные редакции закрыли, оставив одну общевойсковую газету «Красный сокол». Тем не менее впоследствии этот эпизод сыграл решающее значение в жизни нашего героя.

Да и вообще, рассуждая о своей жизни, Яков Алексеевич может припомнить множество случаев, когда в дело вмешивалась рука Судьбы. Это слово постоянно всплывает в ходе разговора. «Сожалеть о чем-либо, знаешь, что... Судьба есть судьба!» — задумчиво улыбается ветеран. Так, Яков Алексеевич не смог полететь вместе с экипажем, который был в тот вылет сбит. Так, попав в госпиталь, очнувшись от наркоза, он услышал от склонившегося хирурга, что входит в число 5% людей, выживших после такой операции в условиях войны. Так, перейдя в университете со 2-го на 4-й курс, наш герой окончил университет рань-

ше и попал в армию до начала войны, что позволило участвовать в ней совсем на иных условиях, в то время как большинство его университетских однокашников в начале войны были определены рядовыми в пехотные части, защищавшие Ленинград, и погибли.

В 1946 году демобилизованный по собственной просьбе Яков Ломко планировал дальше идти по своей службе «на гражданке», но тут произошёл ещё один крутой поворот в его судьбе. Во время пребывания в Польше наш герой, выполняя общественную нагрузку секретаря партбюро управления штаба дивизии, много общался с местными — и в короткие сроки овладел польским языком, научился понимать чешский. А немецкий он выучил ещё в университете. Именно знание языков и стало поводом для дальнейших событий, которые привели к тому, смеется Яков Алексеевич, что «сегодня мы здесь сидим и беседуем». По воле случая находившийся в то время в гостях у командира дивизии, в которой служил Ломко, генерал-майор из Москвы увидел, как Ломко читает газету на польском языке. Так последний, как обладатель высшего образования и знания языков, был рекомендован в Высшую Дипломатическую Школу (ныне Академия) и попал в систему МИДа.

С отличием окончив в 1948 году западный факультет Высшей Дипломатической Школы МИД СССР, где он выучил английский язык, Яков Алексеевич был направлен служить в Советское Информбюро, где в то время возникла острая необходимость в кадрах. Та самая «роковая» строчка о должности заместителя редактора дивизионной газеты сыграла решающую роль на комиссии по распределению. Служба в Совинформбюро стала одним из наиболее ярких воспоминаний Якова Алексеевича. Начинать он с рядовых должностей, затем стал старшим редактором, защитил диссертацию в Академии общественных наук и стал политическим обозревателем, затем получил в ведение большой отдел печати социалистических стран, затем стал начальником главной редакции, затем заместителем начальника Совинформбюро, курирующим пропаганду на весь капиталистический мир.

С большой гордостью он вспоминает работу по организации Всемирных выставок в Брюсселе (1958) и в Монреале (1967)³, где павильоны СССР пользовались огромной популярностью, собирая самые длинные очереди: «Количество изготовленной литературы исчислялось миллионами экземпляров изданий, рассказывающих о жизни и развитии СССР и всех республик, его составляющих. За 6 месяцев наши павильоны посетило 42 миллиона гостей, и каждый имел возможность унести с собой по экземпляру». За организацию работы

выставки в Брюсселе Яков Алексеевич, как и другие руководители советской секции, был награжден престижным орденом на шейной ленте, одной из высших наград Бельгии, — Орденом Командора Леопольда II.

В 1960 году Якову Ломко предложили возглавить газету «Московские новости»⁴, которую он полностью реконструировал за годы главного редакторства, добившись значительного роста тиража, достигшего 1 миллиона экземпляров на всех языках, на которых газета издавалась. В то время Яков Алексеевич и пришел в МГИМО, где в 1967 году на Факультете международных отношений было создано Отделение международной журналистики, в 1969 году преобразованное в факультет. Заведующим кафедрой международной журналистики в те годы был Шалва Парсаданович Санакоев, заместитель редактора журнала «Внешняя политика СССР», доктор исторических наук, коллега Ломко по Академии общественных наук. Именно он пригласил Ломко, как ведущего специалиста, читать студентам курс по Истории печати социалистических стран. Впоследствии Яков Алексеевич стал заведующим кафедрой журналистского мастерства. У него остались самые теплые воспоминания о работе в МГИМО, его преподавателях и студентах.

Одновременно Яков Алексеевич читал лекции в Дипломатической Академии, был членом совета по защите Диссертаций там же в течение 5 лет, преподавал в Военном университете; был связан с внешнеполитическими организациями: был членом Президиума Союза обществ дружбы (СОД), членом Советского Комитета защиты мира, членом Советского комитета за европейскую безопасность. В 1980—1983 годах Яков Ломко был первым заместителем председателя Союза журналистов СССР. При нем были проведены творческий пленум по проблемам советской публицистики, встреча журналистов и писателей по проблемам очерка — по итогам чего была издана книга «Горизонты советской публицистики». С 1989 года преподает в РУДН, где продолжает — так же, как и в Военном университете — читать лекции и сегодня.

Яков Алексеевич не отстает от духа времени — следит за всеми мировыми событиями, общается с публикой, выступая с лекциями о войне, о нашей Родине в различных аудиториях: начиная с официальных мероприятий и заканчивая школами, рассуждает о важности интернет-технологий в современном информационном обществе. Он элегантен, галантен, обаятелен, полон жизнерадостности, оптимизма, творческой энергии и душевных сил. Кажется, что ему известен удивительный секрет вечной молодости души и разума. Хотелось бы пожелать нашему герою

здоровья — и еще долго оставаться таким же искренним и настоящим мастером, профессионалом и просто Человеком, на которого стоит рав-

няться, которым нужно восхищаться и ставить в пример молодым поколениям сегодняшнего и завтрашнего дня.

¹ Лекции были посвящены полетам швейцарского профессора Огюста Пиккара, совершившего на стратостате — воздушном шаре, разработанном им, — первый в мире полет в стратосферу на высоту 15 785 м.

² Этого звания В.С. Гризодубова удостоилась еще до войны за крупный мировой авиарекод. В 1938 году в качестве командира экипажа, вместе со вторым пилотом, Полиной Осипенко, и штурманом Мариной Расковой, она совершила беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток (Николаевск-на-Амуре) — самый дальний на тот момент перелет женского экипажа в мире. Во время войны совершила более 200 боевых вылетов — на бомбардировку вражеских объектов, для доставки боеприпасов и военных грузов на передовую и для поддержки связи с партизанскими отрядами.

³ В качестве заместителя генерального комиссара СССР на Всемирных выставках и в качестве заместителя генерального директора по идеологии соответственно.

⁴ Газета «Московские новости» издавалась с 1935 года и была нацелена на удовлетворение интереса к СССР за рубежом.

Удивительная жизнь на стыке политических событий

С. Архангельская (2 маг. МЖ)

Георгий Аркадиевич Арбатов — выдающийся российский ученый, создатель Института США и Канады РАН и отечественной американистики, выпускник второго набора МГИМО. Он прожил непростую, долгую, созидательную и увлекательную жизнь, узнать о которой можно сейчас лишь из рассказов семьи, немногих еще ныне здравствующих сокурсников и друзей и написанных им книг. Сам о себе Арбатов говорить не любил. Возможно, поэтому семье его сына, Алексея Арбатова, буквально приходилось уговаривать и заставлять ученого изложить на бумаге свою историю, в самом начале которой он сразу обозначил: «Я только потому дерзнул написать и издать свою автобиографию, сосредоточившись на периоде моего детства и юности, что жизнь моя в те годы проходила на фоне важнейших событий XX века...»¹

Георгий Аркадиевич родился в 1923 году в Украине в семье партийного работника и учительницы младших классов. Его отец — Аркадий Михайлович Арбатов — был родом из крестьянской семьи евреев-колонистов. В юности закончил в Одессе благотворительное ремесленное училище. В 17 лет вступил в партию и начал участвовать в политической деятельности, благодаря которой уже через несколько лет после рождения сына был назначен директором Одесского консервного завода, а потом вместе с семьей отправлен на работу в торговое представительство СССР в Германии.

Роскошь в виде поездки за рубеж в то время выпадала не многим, и это наложило определенный отпечаток на сознание мальчика. Детство Георгия Аркадьевича оказалось сильно политизированным. С первого класса он учился в советской школе в Берлине, где заботились об идейном воспитании юных выходцев из союза. Вдобавок, пребывание семьи

Арбатовых в Германии совпало с началом мирового экономического кризиса, а также с приходом к власти Гитлера и проведением в немецкой столице первых фашистских демонстраций. В воспоминаниях будущего ученого навсегда остались уличные нищие и безработная интеллигенция, пожар в Рейхстаге, выступление Гитлера с балкона ратуши, антисемитские бойкоты и погромы принадлежавших евреям лавок.

Арбатовы прожили в Германии 5 лет — с 1930 по 1935 г. Последний год семья провела в Гамбурге, где Георгий Аркадиевич посещал немецкую школу. Здесь советские учащиеся принципиально были освобождены от политических предметов и религии. Доходило до того, что когда объявлялась лекция о Советском Союзе одного из «немцев Поволжья», все уходило в зал, а Арбатов оставался в классе один. Он неплохо освоил немецкий, правда, в последствии редко им пользовался и в институте предпочел учить английский и французский. Однажды, уже в зрелом возрасте, во время рабочего визита в Германию он все же заговорил на языке принимающей страны, и собеседники его тут же переспросили: «А Вы из Гамбурга?» К собственному удивлению Арбатова, не смотря на то, что прошло много лет, детское звучание немецкого с гамбургским диалектом у него так и осталось. Кроме того, по личному мнению Георгия Аркадьевича, пятилетняя жизнь за рубе-

Г. А. Арбатов

жом подарила ему также «трезвое» представление о Западе и капитализме — помогла на всю жизнь получить иммунитет от двух идеологических крайностей. Поэтому уже в зрелом возрасте во время зарубежных командировок ему ничего не пришлось переосмысливать.

Отчизна встретила семью Арбатовых сурово. В то время в стране началась эпоха массовых репрессий, а проще говоря террора. По ночам проводились аресты неугодных, по утрам в школьных стенах — публичное отречение детей от родителей — врагов народа. Все общество оказалось насквозь пропитано страхом. Люди меньше общались, боялись друг друга, замыкались. Страна на глазах превращалась в полицейское государство, где дела вершили палач, доносчик, прокурор и несправедливый судья. Жизнь Арбатовых в те годы была очень скудной и бедной, хотя до голода и не доходило. Тем не менее, будучи подростком, Георгий Аркадьевич, как и его сверстники, не думал об ухудшавшейся политической обстановке, учился, общался, занимался спортом. И, как и у многих, его юность закончилась внезапно, в один день — 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

Военная карьера Арбатова началась во время обороны Москвы осенью 1941 года и продолжилась контрнаступлением советских войск от Курской дуги до Днепра в течение двух последующих лет. Это наложило печать на всю его оставшуюся жизнь. Чтобы выжить, ему пришлось быстро повзрослеть, стать более самостоятельным, независимым и смелым в суждениях и решениях. Любопытно, что будучи еще в выпускном классе школы, а именно осенью 1940 года, Георгий Аркадьевич, чувствуя приближение войны, решил поступать в военное училище. За день до роковой даты — 21 июня 1941 года — он был принят 1-е Московское артиллерийское училище имени Красина, специализировавшееся на тяжелой корпусной артиллерии и перепрофилированное в ходе войны на гвардейские минометы, в простонародье называемые «катюшами».

В июле начались первые бомбардировки Москвы. Город был охвачен паникой. Однако, курсанты ее не чувствовали. Все лето и большую часть осени они учились стрелять, тушили пожары, стояли в оцеплениях, ловили «ракетчиков», якобы указывавших немецким пилотам цели, а то и спасались в траншеях. А утром 7 ноября строевым шагом отправились из казарм напрямиком на Красную площадь, где артиллерийское училище имени Красина открывало парад. Арбатов вспоминает об этом так: «Я был правофланговым где-то в середине батальона. Волновался, даже немножко сбился с шага, но быстро исправил ошибку еще до прохождения мимо Мавзолея. Запомни-

лось: очень низкая облачность (потому, наверное, и решились проводить парад, не опасаясь авианалета) и снег... многие части прямо с Васильевского спуска отправлялись на передовую». Георгий Аркадьевич закончил обучение уже на Урале, под Новым, куда было переброшено училище. Там он получил звание лейтенанта и был рекомендован на должность начальника разведки дивизиона. Затем последовал долгий тяжкий год оборонительных и отступательных боев. В ту зиму вся его семья была под Ульяновском. Отца несправедливо осудили за «контрреволюционный саботаж», а мать с трехлетним младшим братом находились неподалеку в эвакуации, носили в тюрьму передачи через замерзшую Волгу. Начало 1942 года запомнилась Георгию Аркадьевичу голодом. Дороги развезло, подвоз продовольствия прекратился, фронтовики питались вытаивавшими из снега трупами убитых лошадей.

Аналитический ум при расчете артиллерийской цели, смелость и упорство будущего ученого, проявленные в бою, не остались незамеченными. В мае 1942 г. 19-летнего Георгия Арбатова назначают командиром батареи и дают в подчинение около 50 человек. Спустя несколько месяцев он становится заместителем командира дивизиона по строевой части. Позднее Георгий Аркадьевич был даже рекомендован на должность командира дивизиона, однако не получил ее из-за близкого родства с «врагом народа».

О своей фронтовой жизни он пишет так: «Мне с „моей войной“ повезло, во-первых, потому что риск и лишения в ракетной артиллерии все же были меньшими, чем в танковых войсках, противотанковой или полковой артиллерии, не говоря уже о пехоте. Правда, у себя в полку я ходил в весьма смелых и рискованных: большую часть фронтовой жизни провел в артиллерийской разведке, а это значит — на передовой, часто в боевых порядках пехоты; при наступлении порой приходилось оказываться и впереди нее, пока не наткнешься на оставленную немцами засаду... Во-вторых, по-настоящему воевать мне довелось не в 1941 году, когда шло в основном беспорядочное отступление, всегда сопровождавшееся колоссальными потерями за счет убитых, пропавших без вести или попавших в плен. Мне пришлось воевать в основном уже тогда, когда ситуация была взята под контроль, и мы уже умели более или менее упорядоченно как отступать, так наступать, причем пришло уже время преимущественно наступать, что не всегда безопасней, но всегда радостней».

Весной 1943-го его боевое подразделение перебрасывают через Москву в Воронежскую область — ближний тыл войск, сражавшихся позднее на Курской дуге. С лета война становится

иной. Советские войска окончательно перешли в наступление. В частности, сам Арбатов участвовал в форсировании Днепра. Позднее, в 1985 году ему даже было присвоено звание почетного гражданина ближайшего к сражениям города — Черкассы, во время взятия которого он тяжело заболел. Из-за того, что пришлось вплавь преодолевать несколько протоков Днепра, а потом на себе сушить одежду, началось все с воспаления легких, приведшего затем к туберкулезу. Георгий Аркадьевич был отправлен в полевой госпиталь, а оттуда в тыл — домой в Москву. Отец к тому времени уже был реабилитирован. Семья вернулась в столицу. «Дома дверь открыла мама, — вспоминает ученый в своей книге, — „Юра! Ты надолго?“ А здесь же крутится у ног Сашка, мой подросток пятилетний братишка. Он хочет целоваться, а я его отодвигаю, боюсь заразить. Отвечаю маме: „Не знаю, надолго ли — я болен“. Мать: „Туберкулез?“ Говорю: „Да“. Она: „Какое счастье!“ Так могла сказать только мать, со страхом и тоской два года изо дня в день ждавшая похоронку, когда, наконец, увидела живого сына и решила, что самое страшное позади».

Хотя тогда шансов вылечиться от туберкулеза было очень мало, Георгию Аркадьевичу повезло. Уже на следующий день после возвращения сына в Москву отец направился с его историей болезни к военному коменданту, и тот выдал направление в офицерский туберкулезный госпиталь. Заведующей отделением, куда положили на лечение Арбатова, — известным специалистом по туберкулезу горла, — оказалась мать его одноклассника. Она принялась за лечение так, будто лечила собственного сына — сама наложила пневмоторакс, направила на операцию пережигания спаек, а после долгих месяцев госпиталя на восстановление в Болдино — единственный в те годы туберкулезный санаторий. Оттуда летом 1944 года Арбатов был демобилизован как инвалид Отечественной войны II группы. Тогда встал вопрос — что делать дальше? Семья жила небогато, но поддержать могла. Решили, что нужно идти учиться.

«Еще на фронте, осенью 1943 года, как-то, сидя в землянке, в газете „Известия“ прочитал объявление, что в Университете открывается факультет международных отношений, — вспоминает в своей книге Георгий Аркадьевич, — и вслух, при товарищах сказал: „Вот куда я после войны пойду“. Они подняли меня на смех, по-дружески, конечно, — такими далекими казались и конец войны, и учеба, да и выживешь ли? Однако, сложилось все так, что всего год спустя я подал документы на этот факультет. Через несколько месяцев он стал самостоятельным институтом при Министерстве иностранных дел СССР. И я был принят».

Так для Арбатова начались университетские будни, а в стране, где послевоенная разруха усугубилась неурожаем и прекращением поставок из США по ленд-лизу, — еще более жесткое закручивание гаек, новые компании проработок и репрессий. И в МГИМО это ощущалось с особой силой. «Надзор за нами был свирепейший. Я не встречал более таких длинных дотошных анкет, как те, которые ежегодно приходилось заполнять в институте. И практически каждый год кого-то из студентов исключали или, того хуже, арестовывали... «Вольные» разговоры на политические темы или слишком откровенный дневник, найденный осведомителем в общежитии, даже случайный контакт и беседа в метро с иностранцем, невзначай затеянная по юношеской неосмотрительности студентом, пожелавшим проверить, достаточно ли он уже знает язык, чтобы вот так поговорить. Этого было вполне достаточно для исключения, а в ином случае — и ареста».

Став студентом осенью 1944 года, Арбатов должен был выбрать специализацию: изучение какой страны станет для него приоритетным. И он выбрал Соединенные Штаты, так как уже тогда понимал, что США и СССР будут играть особую роль в послевоенном мире, то ли как враги, то ли как соперники, то ли как сотрудничающие по необходимости державы. И хотя в первые 20 лет после окончания института Арбатов занимался Америкой только как хобби, в свободное от основной работы время, изучение США стало впоследствии его профессией.

Уже на первом курсе института, чтобы не сидеть на шее у родителей, Георгий Аркадьевич начинает сотрудничать с Союзом кинохроники — переводить и писать обратный сценарий на огромный раздел секретной немецкой трофейной кинохроники, скопившейся в «спецотделе». Так пригодился ему освоенный в детстве немецкий язык. Тогда же, в декабре 1944 года, на вечере филологического факультета МГУ он встретил свою будущую супругу — Светлану. Они поженились спустя 4 года. Как пишет сам Арбатов, раньше было нельзя — необходимо было окончательно излечиться от туберкулеза. Он был одним из лучших студентов на курсе и закончил учебу с отличием.

Однако при распределении на работу снова в полной мере дала о себе знать репрессивно-бюрократическая система. Несмотря на высшие баллы и боевые награды, никакой работы ему не предложили. При этом заведующий управлением кадров МИД СССР дал понять прямо — проблема в том, что в прошлом был арестован отец. В расчет не брались ни освобождение, ни реабилитация. Тогда запрос о трудоустройстве Арбатова пришел в МГИМО из Издательства иностранной литера-

туры, для которого на старших курсах он писал рецензии на книги, делал рефераты и переводы. Так после окончания института Георгий Аркадьевич стал его штатным сотрудником. «Я никогда об этом не жалел. Главной моей обязанностью было читать американскую, английскую и немецкую политическую, экономическую и философскую литературу, чтобы отобрать наиболее интересное для перевода и реферирования в «закрытых» (предназначенных для руководства) изданиях. За всю свою остальную жизнь я не прочел столько политических книг, сколько за эти 4 года».

Изначально Издательство иностранной литературы замышлялось как гигант: оклады работников здесь были в 2–3 раза выше, чем в других, включая Политиздат, напрямую подчиненный ЦК КПСС, работали четырнадцать редакций по всем отраслям знаний. Однако сталинская машина репрессий добралась и сюда. Из-за этого в 30 лет Арбатов был вынужден оставить работу с иностранной литературой. Он начал писать для журналов «Вопросы философии», «Коммунист» и «Новое время», затем работал политическим обозревателем издания «Проблемы мира и социализма» в Праге, участвовал в создании учебника «Основы марксизма-ленинизма». В то время как и сам Георгий Аркадьевич, его исследования в рамках кандидатской диссертации также были далеки от американистики. В МГИМО он защитился как кандидат юридических наук, хотя по факту занимался политологией, которая в то время не существовала в СССР как наука.

Все изменилось после XX съезда КПСС, когда был развенчан культ личности Сталина. Арбатов становится консультантом ЦК, а затем возглавляет группу консультантов отдела, работает бок о бок с Андроповым и Брежневым, параллельно заведует сектором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, пишет докторскую по американистике. В 1967 году, в разгар холодной войны, правительство страны, сознавая острую необходимость в изучении Соединенных Штатов, поручает Георгию Аркадьевичу создание Института США и Канады РАН. Так появился настоящий исследовательский центр, который доводил до руководства практические выводы и рекомендации в сфере советско-американских отношений, в том числе по военным вопросам и проблемам разоружения. Арбатов возглавлял его до 1995 года, создав за это время с нуля отечественную школу американистики, но и не забывая при этом о политике — важнейшей задачей своей жизни он считал борьбу с неосталинизмом. Поэтому порой тратил месяцы на написание и правку публичных речей первых лиц государства и принимал активное участие в движении шестидесятников — известных деятелей, выступавших за социализм с человеческим лицом. Профессионализм Арбатова был высоко оценен руководством страны и после распада СССР. Во время правления Ельцина он был экспертом Государственной Думы, членом Совета по внешней политике МИД РФ и председателем Ассоциации содействия ООН.

¹ Здесь и далее — Арбатов Г. А. Детство. Отрочество. Война: Автобиография на фоне исторических событий. — М.: Собрание, 2007.

Звезда Валентина Зорина

С. Архангельская (2 маг. МЖ)

В этом месяце отметил свой 90-летний юбилей Валентин Сергеевич Зорин — известный журналист, писатель, ученый-американист, почетный президент Федерации мира и согласия, выпускник первого набора МГИМО и основатель газеты «Международник». За время своей блистательной карьеры от лица Советского союза и России он беседовал с 9 действующими президентами США. Человек удивительной судьбы, чей пример заражает и вдохновляет на движение в заданном направлении, и чья история лишний раз подтверждает непреложную истину о том, что все в этом мире возможно.

В свои 90 лет он выглядит на 75. Невысокий и невероятно обаятельный, он излучает бодрость,

оптимизм и уверенность — возможно потому, что все еще продолжает работать — несмотря на возраст, является профессором Института США и Канады РАН, шеф-редактором журнала «Мир и согласие» и политическим обозревателем международного информационного агентства «Мир сегодня» и госу-

В. С. Зорин

дарственной радиовещательной компании «Голос России», бывшей когда-то «Всесоюзным радио СССР». Именно сюда он попал сразу после института по распределению. Здесь мне и посчастливилось встретиться с Валентином Сергеевичем.

Стены кабинета увешены фотографиями, на которых запечатлены рабочие моменты — съемки в телестудии, беседы, пресс-подходы, интервью и дружеские разговоры с великими людьми XX века: премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер, президентом Франции Шарлем де Голлем, премьер-министром Индии Индирой Ганди и канцлером ФРГ Гельмутом Колем. Стоя рядом с Зориным разных лет, улыбаются в объектив камеры 5 президентов США. «Вот эти 2 фотографии с Рейганом я особенно люблю, — говорит Валентин Сергеевич. — На первой Вы можете видеть, как я стою рядом с ним в толпе журналистов, и он очень пристально на меня смотрит. Тогда Рейган еще только избирался в президенты от Голливуда. А здесь [переходим ко второй фотографии] мы беседуем в его кабинете уже после вступления на пост. Тогда перед интервью, как и полагается, я собирался представиться, но он перебил меня: „Профессор, я Вас помню!“. Это было удивительно, ведь с момента первой встречи прошло несколько лет! И тогда стала понятна причина его пристального взгляда, навеки застывшего на первой фотографии. Оказалось, что я был первым живым коммунистом, которого он когда-либо видел».

Мы садимся за стол, чтобы продолжить беседу. Профессионально поставленный низкий глубокий бархатный голос и то, как Валентин Сергеевич расставляет в речи паузы, просто завораживает. Теперь уже редко встретишь мастера такого уровня. За полтора часа он не допустил в разговоре ни одного инакомыслия, повтора или речевой ошибки. Теперь с очередным юбилеем его поздравляют первые лица России и все журналистское сообщество страны, и уже трудно представить, что когда-то все начиналось с ничем не подкрепленной, кроме собственных усилий, мечты.

О детстве Валентина Зорина практически нигде ничего не написано, да и сам он о нем особо не рассказывает. Родился и вырос в Москве в семье служащих. Учился в школе №93, где его близким другом и одноклассником был также будущий выпускник МГИМО и впоследствии директор Института мировой экономики и международных отношений РАН Николай Николаевич Иноземцев. Был октябренок, пионером и комсомольцем. Когда стало понятно, что немцы подступают к Москве, вместе с другими восьмиклассниками подделал документы и ушел на фронт — защищать родной город. «Все маль-

чишки ушли тогда в ополчение. Я был в комсомольском батальоне Краснопресненского района Москвы. В него входили добровольцы из МГУ, консерватории и ГИТИЗа. Никакой мобилизации не было, да и у мамы с папой в тот момент разрешения не спрашивали, — вспоминает Валентин Сергеевич. — Немецкие генералы утверждали, что в бинокль видят Кремль. Тогда Москву фактически спас наш замечательный разведчик Рихард Зорге, который, находясь в тылу врага — в Японии — получил точные данные о том, что страна восходящего солнца в ближайшее время в войну вступать не будет. И отборные дивизии, которые Сталин приказал держать на Дальнем Востоке, опасаясь нападения фашистского союзника, мгновенно перебросили в Москву. Они-то ее и отстояли. Ну а мы сначала 3 недели проходили обучение в комсомольском батальоне, а потом воевали под Волоколамском. И когда подошли сибирские стрелки, особисты начали проверять документы, обнаружили липовые справки и отравили нас по домам. Так что моя война — это ноябрь и первая половина декабря 1941 года».

Через год юным ополченцам спешно выдали аттестаты. И Зорин, который уже в то время мечтал стать журналистом, устроился работать в едва открывшуюся многотиражную газету МГУ. Издание с незатейливым, но известным на всю страну названием «Московский университет», в котором он фактически был на посылках, подарило ему первую в жизни работу, первую журналистскую школу и счастливый билет в жизнь. Именно здесь Валентин Сергеевич одним из первых узнал о том, что в МГУ создается новый факультет, и без раздумий написал заявление о желании учиться международным отношениям.

Специализированный факультет создавался в расчете на то, что с приближающейся Победой потребность в специалистах-международниках становилась насущной проблемой. Первый набор состоял из 200 студентов. Девушек не брали. Они появились только в третьем или четвертом наборе. И то только потому, что в тот год закончили школу Светлана Молотова, Эра Жукова и Людмила Косыгина. Ну и поскольку троих принимать было нельзя, взяли 25 человек.

«Итак, нас было 200, — вспоминает Валентин Сергеевич. — А в 1943 году где в Москве можно было найти 200 парней? В основном в госпитальных. Поэтому, экзаменов никаких, конечно же, не было. Но все же некоторый отбор нам всем пройти пришлось. Сперва каждый абитуриент заполнял длинную подробную анкету, которую приемная комиссия отправляла куда-то на проверку, затем нужно было обязательно беседовать с деканом. Им был назначен старый большевик и очень сильный экономист, заведующий эконо-

мическим факультетом МГУ, Иван Дмитриевич Удальцов. Он впоследствии стал и первым ректором МГИМО. Сейчас одна из улиц недалеко от университета носит его имя. Тогда же, чтобы отобрать лучших, он беседовал с абитуриентами на самые различные темы. Говорили о политике, культуре, музыке и театре. И как уже потом, став студентами, мы между собой выяснили, Иван Дмитриевич заканчивал разговор двумя способами: «Спасибо, было очень интересно! Рад с Вами познакомиться! До свидания!» и был еще один вариант окончания беседы, который по счастью достался и мне — «Спасибо, было очень интересно! Скоро увидимся!» Так в свои 18 лет я стал студентом факультета международных отношений МГУ. А через год он превратился в отдельный институт».

Метод отбора Ивана Дмитриевича Удальцова сработал блестяще. Первый выпуск МГИМО подарил стране трех академиков, 26 чрезвычайных и полномочных послов, а также группу известных на весь Советский союз журналистов, одним из которых станет и сам Валентин Зорин. На пути к этим блестящим результатам их поджидало немало трудностей. И хотя поступление в МГИМО оказалось для них несложным, в его стенах каждому пришлось потрудиться как следует. Уже тогда, в 1943 году, к обучению иностранным языкам в институте относились со всей серьезностью. Лишь небольшая часть будущих международных в школе абы как изучала немецкий, поэтому практически все приступили к учебе с нуля. Занятия проходили по несколько часов в день в группах по 4–5 человек. Язык можно было выбрать самостоятельно — в то время их не распределяли, однако, и вариантов было немного. Английский, немецкий, французский и испанский — всего 4 языка в сравнении с 54, преподаваемыми в нашем нынешнем университете. Редко кто из студентов чувствовал в себе силы начать изучать второй иностранный — настолько сильна была учебная нагрузка. Программы были сформированы в самом начале и с должной ответственностью. Читать лекции будущей элите страны пригласили блестящую плеяду российских ученых того времени — профессоров Тарле, Витвера, Баранского, Дурдневского и многих других. Мы в этом смысле, конечно, были избалованы. Учащимся МГИМО завидовали студенты других гуманитарных вузов, потому что такого созвездия преподавательских звезд не было ни у кого. И они вдохновляли нас на будущие научные исследования, — вспоминает Валентин Сергеевич. — К примеру, Анатолий Федорович Добрынин — молодой специалист, который только закончил дипломатическую академию и поступил на работу в МИД, откуда был направлен к нам в ин-

ститут для чтения спецкурса по Соединенным Штатам Америки. Его занятия были настолько увлекательными, что уже тогда я решил для себя, что стану американистом. Позднее, когда Анатолий Федорович работал чрезвычайным послом, а я ездил в США в качестве журналиста, мы часто пересекались и любили вечерами вспоминать институтские годы. А чего стоили лекции академика Тарле! На них сбегались буквально все, потому что это было настоящее театральное представление! Его выступления я не конспектировал, потому что рассказ был настолько ярким, что перед сессией я мог легко восстановить его в памяти. Блестящим лектором был остроумный и злоязычный член Международного суда академик Крылов. Что же касается экзаменов — они, конечно, были достаточно тяжелыми. Предметов было довольно много, предъявлялись очень высокие языковые требования. В конечном итоге, изучая иностранный язык в течение 5 лет с нуля, мы если не свободно, то очень хорошо им владели. Но цена за это была довольно высокой. Нас поступило 200, а закончило 126. Сокурсники исчезали и отчислялись. В то время студенты МГИМО находились под бдительным наблюдением советских спецслужб, которые опасались, что к институту, готовящему в СССР будущих международных, у западных агентов будет повышенное внимание. Поэтому студентов «выбраковывали» со всей строгостью. Достаточно было просто заговорить с иностранцем в метро. Объяснения о том, что ты просто хотел попрактиковаться в изучаемом языке, не принимались».

Почти в каждой биографической справке о Валентине Зорине написано, что он является первым редактором институтской газеты МГИМО «Международник», существующей и по сей день. И никто не вспоминает о газете факультета международных отношений МГУ «Говорит тринадцатый» (тогда новый факультет стал тринадцатым по счету). Как и он, газета просуществовала только год, однако создавал ее также Валентин Сергеевич. Его, работающего в многотиражной газете, просто не могли не привлечь к редакторской деятельности.

«В печатное издание МГУ меня взяли мальчиком на подхват. Тем не менее сокурсники думали, что у меня богатый журналистский опыт, и когда пришло время выбирать главного редактора нашей газеты, выбор пал на меня. Так что все 5 лет своего обучения я занимался факультетской, а затем и институтской газетой: формировал повестку и привлекал к работе над выпусками наиболее способных на мой взгляд студентов. Газета была стенной. Длина полотна достигала 8–10 метров. Выходила 2 раза в месяц и была достаточно влиятельной. Вокруг нее постоянно образовывалась

толпа. Было достаточно много интересных материалов и было на что посмотреть — с созданием иллюстраций нам помогал замечательный художник Рафаэль Федоров, который впоследствии получит признание на западе.

В «Международнике» в основном обсуждались институтские темы. Причем достаточно остро. Доставалось и профессуре. И что удивительно, эту критику пропускали. Очень мощным у нас был отдел фельетонов. Марк Виленский — впоследствии один из самых известных журналистов-юмористов СССР, публиковавшийся в «Крокодиле», — учился вместе с нами и уже тогда писал блистательные фельетоны. Через институтскую газету прошли и такие классики международной журналистики, как Станислав Кондрашов и Мануор Стуруа, и мой друг, Георгий Аркадиевич Арбатов, также писавший для нее довольно едкие заметки.

Газета делалась обязательно ночью в институте на полу актового зала. А когда ректором МГИМО стал великий Юрий Павлович Францев, ставший позднее академиком, колкий «Международник» стал настоящим официозом, потому что папа Юра, а именно так мы все его звали, в ночь создания газеты приходил в актовое зал и рисовал ее вместе со студентами. Благодаря Юрию Павловичу Францеву появились мои первые настоящие публикации. Это произошло, когда я учился в МГИМО уже на третьем курсе. Папа Юра отличался очень злым и остроумным языком и как-то раз публично обо мне сказал: «Ну, Зорин прослыл у нас великим журналистом, не написав при этом ни одной статьи!» Тогда это здорово меня обидело и задело и подтолкнуло к действиям. И через некоторое время я с большим удовольствием принес ему номер «Комсомолки» со своей первой публикацией».

В 1948 году Валентин Зорин сложил с себя полномочия главного редактора институтской газеты. Настало время выходить в большую жизнь. Получив диплом историка-международника, референта по США, он мечтал о распределении в газету «Правда», где уже с 3 курса работал по вечерам в отделе досье и подбирал материалы для обозревателей. Однако ничего не вышло — в анкете выпускника института международных отношений значилось очень неудобное для тех времен обстоятельство: папа — русский, мама — еврейка. В «Правду» его не взяли. Тогда в журналистику приходили выпускники МГИМО, которых не пригласили в МИД, либо те, кто нашел в ней свое призвание. При этом сразу попадали в «Известия» и ТАСС. Ну а Валентину Зорину разрешено было приступить к работе на только что открывшемся тогда Всесоюзном радио, о чем он с тех пор ни разу не пожалел.

«Я очень быстро понял, каким огромным преимуществом является работа на радио, — вспоминает Зорин. — Помню, как объяснял тогда сокурснику и коллеге Кондрашову: „Для тебя великое счастье, что твои заметки выходят в «Известиях» 2 раза в месяц. А у меня фактически есть безбрежный эфир — пиши, сколько душе угодно“. Я писал комментарии для выпуска последних новостей, а также материалы в жанре беседы. Самый лучший способ научиться плавать — начать плавать. И я поплыл.

Некоторое время назад в этот кабинет пришел заведующий отдела кадров радиокompании „Голос России“ и положил на стол мою трудовую книжку. Говорит, посмотрите, прочитайте. Я читаю „Зачислить В. С. Зорина в международный отдел последних известий Всесоюзного радио обозревателем“, и стоит дата — 15 сентября 1948 года. Так эта трудовая книжка и по сей день стоит на учете в отделе кадров».

Работая журналистом на Всесоюзном радио, Валентин Сергеевич сначала защитил кандидатскую, а потом и докторскую в своем родном МГИМО. Всю свою жизнь продолжил заниматься американистикой, хотя ни в аспирантуре, ни в докторантуре специально не учился — самостоятельно исследовал структуру американского монополистического капитала, совмещая научные поиски с журналистской деятельностью. Сейчас он с улыбкой вспоминает, что из-за отсутствия в стране в те времена политологии, как науки, ему была присвоена степень доктора исторических наук.

В 1960-е гг. Зорин возглавлял кафедру международных отношений в родном институте — замещал отсутствовавшего по рабочим вопросам академика Трухановского. В МГИМО он продолжил традицию своего учителя Анатолия Федоровича Добрынина — читал курс по Соединенным Штатам Америки. Потом вместе с институтским другом Георгием Аркадиевичем Арбатовым создавал Институт США и Канады РАН, где был заведующим отдела внутренней политики. Когда в стране появилось телевидение, стал политическим обозревателем Центрального телевидения и Всесоюзного радио, готовил комментарии для международных выпусков, а затем и собственные программы. Так пришлось заново учиться «плавать», вспоминает журналист:

«Тогда телевидение было только на Шаболовке. Я подготовился к эфиру, написал комментарий, как это всегда делаю на радио, сел перед камерой, вспоминая свой текст без бумажки. Программа вышла. А наутро мне позвонил мой друг, писатель Ираклий Андроников, и сказал: „Дорогой Валечка, я вчера Вас видел (делает многозначительную паузу). Это был ужас! Это был кошмар! Это было

не лицо, а маска, пустые оловянные глаза и очевидное желание вспомнить заранее написанный текст. Никогда больше этого не делайте!» И дальше он сказал фразу, которая стала одним из правил всей моей телевизионной журналистской деятельности: „Учтите, искусство выступать перед камерой — это умение публично мыслить, а не говорить зазубренный текст. Если мысль рождается на глазах у зрителя, он превращается в Вашего собеседника”».

А потом был успех. Именно Валентин Зорин стал создателем жанров публицистического фильма и телевизионного «круглого стола». Много лет был ведущим телевизионных программ «9-я студия», «Недипломатические беседы». Стал автором цикла фильмов «Америка семидесятых» и по сути суперзвездой советского экрана. Позднее в составе советской делегации Валентин Сергеевич начнет выступать уже не только в качестве обо-

зревателя, но и советника и эксперта. Он и сейчас убежден: журналист-международник должен быть специалистом в отдельной узкой области глобальной политики. Только так можно добиться успеха и создавать в информационном пространстве что-то по-настоящему полезное.

Нельзя сказать, что этот выдающийся журналист родился под счастливой звездой. Он пришел в профессию подмастерьем и не получил желаемое распределение, как мог, противостоял советской системе государственного антисемитизма, на пике карьеры необоснованно обвинялся в шпионаже. Совершенно точно, что Валентин Зорин зажег свою звезду сам, став «проводником» в западный мир для миллионов соотечественников и открыв им Америку с телеэкрана. Этот человек очень хорошо понимает свою миссию в этом мире и продолжает претворять ее в жизнь, несмотря на солидный возраст.

На пути в небо

В. Вихрова (2 маг. МЖ)

Выпускники и сотрудники МГИМО знают Марину Михайловну Анфилофьеву как преподавателя второй кафедры французского языка. Как ответственного работника ЮНЕСКО. Как жену великолепного синхрониста и кадрового сотрудника МИД Аркадия Анфилофьева. Но эта миниатюрная женщина достойна гораздо большего, чем признание в узких кругах и профессиональном сообществе. Она, как и те немногие фронтовики, что сегодня все еще могут рассказать нам о беспрецедентном человеческом героизме, о самопожертвовании миллионов людей во благо будущих поколений и о подвиге Великой державы, должна быть чтима каждым ныне живущим и здравствующим.

Детство Марины Михайловны Анфилофьевой прошло в Ленинграде. После скоропостижной кончины отца, мать вышла замуж за друга семьи и перевезла дочек в причерноморский Сочи. Школьные годы неподалеку от Бочарова ручья, сопровождаемые круглогодичными купаниями в тихой Имеретинской бухте, быстро остались позади... В старших классах Марина увлеклась техникой. Несмотря на то, что в сороковом году поступила в Николаевский кораблестроительный институт, манила ее совсем не водная гладь. Тянуло в небо. Девушка активно занялась парашютным спортом. С храбростью, которой открыто завидовали даже мужчины, худенькая Анфилофьева влезала на сорокаметровые вышки и... периодически застревала на них. Ее веса просто не хватало для нормального функционирования десантного

купола. Позже, она стала зажимать стропы под левой рукой и «нырять» с вышки головой вниз. Обеспечивая дополнительную нагрузку при толчке, придуманная инструктором схема работала исправно. Анфилофьева была довольна. Но с борта самолета прыгнуть так и не успела, началась война.

М. М. Анфилофьева

— Сказать, что сразу поверила в войну? — задумывается на секунду Марина Михайловна. Неправда. Поверила не тогда, когда услышала из большой черной тарелки радиоприемника вдохновенный призыв Молотова, а тогда, когда курортный город Сочи превратился в огромный госпиталь. Первые раненные стали поступать в Сочи в августе сорок первого года. А осенью в городе был развернут уже пятьдесят один госпиталь на 19 тысяч 620 коек... Прибывавшие по железной дороге, морю, воздуху и даже транспортируемые по горным тропам на ослах пострадавшие прогуливались по улицам прямо в больничных пижамах. Вот тогда-то Марина «поверила в войну». И немедленно отправилась на Сочинский аэродром, где была принята добровольцем на трехмесячные курсы радисток.

Угроза захвата немцами Сочи к середине сорок второго года стала вполне ощутимой, и 23-й Берлинский отдельный авиаполк, куда поступила радистом Марина, перебазировался в Минеральные воды. Анфилофьева никогда не считала себя героем. Хотя поводов было предостаточно. Досадовала, когда на семейных торжествах старенький муж просил рассказать гостям историю ее второго рождения. А дело было вот в чем. С середины сорок второго года авиаполк базировался в Закавказском военном округе. Воздушные действия велись практически непрерывно: то Клухорский перевал, то Марух, то ночные вылеты к крымским партизанам с целью доставки продовольствия и транспортировки раненых. Охваченные желанием завладеть стратегическими запасами нефти, немцы остервенело прорывались к Грозному. Советская армия с вражеским напором не справлялась. В непосредственной близости от аэродрома находилась железная дорога, и было хорошо видно, как спешно отступают наши войска и грузят на платформы бронетехнику. Маринин полк тоже эвакуировался: самолеты поднялись в воздух. На земле остались лишь две молоденькие радистки. Это были Лена с Мариной. Для того, чтобы подавать сигналы воздушным судам о том, что посадка на аэродром категорически запрещена.

Спустя годы, когда ее спрашивали, каково это, чувствовать, что ты обречен на смерть и ждать, Анфилофьева сухо вато отвечала: «Воевать и анализировать нельзя. И паниковать нельзя. Если судьбе угодно, она сама распорядится».

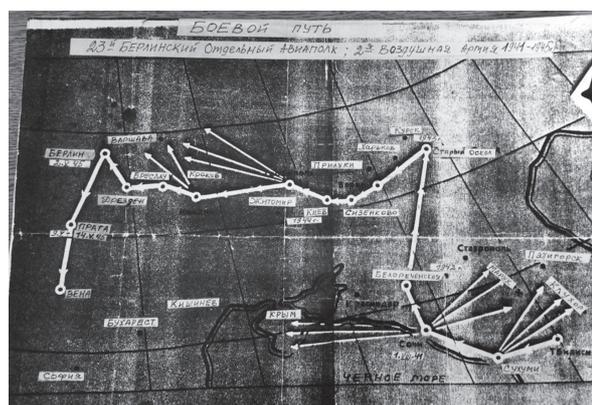
И, действительно, имела полное право на эти слова. Получив сигнал о запрете посадки и осознав, что на атакуемой земле остались люди, пилот, направлявшийся в Баку, посадил самолет на атакуемый аэродром и забрал девушек, которых уже окрестили «без вести пропавшими». Через две недели в Тбилиси Марина снова присоединилась к своему полку.

Ни слезинки не блеснет в прикрытых светлыми ресницами, и оттого кажущихся широко распахнутыми, глазах Марины Михайловны, ког-

да она рассказывает эту давнюю историю. Только у слушателей сдавливает горло и начинает щипать в глазах. Да, были моменты, которыми она искренне гордилась, хотя и о них знали только близкие родственники. Работе радиста на территории Курской области не позавидуешь. Мало того что радиоэфир войны переполнен сотнями звуков: голосами экипажей танков и самолетов, донесениями радистов-нелегалов, вещающих из-за линии фронта, переговорами подразделений и даже агитационными передачами для армии противника, так еще и магнитная аномалия мешает передаче радиосигналов и затрудняет их прием. В таких условиях многие просто терялись. На свой страх и риск Анфилофьева меняла волны и продолжала передавать зашифрованные сигналы. Начальником радиостанции в то время был довоенный радиолучитель-коротковолновик Борис Ефименко. По достоинству оценив решимость девушки, умение обучаться и находить выход из сложных ситуаций, Ефименко поспособствовал переводу радистки в пеленгаторщики. И снова началось для Марины нелегкое обучение.

— В институте сопромат с черчением доводили меня до белого каления. Но если ты перешагивал на второй курс, все эти крючки и детали, отрисованные в карандаше, оставались позади, — вспоминает Марина Михайловна. — Занятия с новым начальником связи, который обучал меня находить в воздухе свой самолет, задавать радисту курс и другим приемам работы с пеленгатором, будто вернули меня в институт. Правда, «не сдать» и отчислиться здесь было нельзя. Дальше было освобождение Киева, Кракова, Бреслау и, конечно, взятие Берлина.

— Когда мы подошли к границе СССР, наша армия развила такой темп наступления, что авиация еле успевала за сухопутными и бронетанковыми войсками. Пока перебазировемся, пока поставим антенну, пока разложим связь. Уже и снова приказ перебазироваться! Знаете, это такой общий психологический прорыв. Во время отступления все были морально подавлены. Но когда страну освободили, восторг был близок к эйфории.

Ночь с 8 на 9 мая 1945 года и долгожданную победу Анфилофьева встретила в Берлине. Вдоволь насидеться за наспех собранным столом не удалось. Счастливые выстрелы в воздух, имитирующие праздничный салют, были прерваны приказом срочно перебазироваться на аэродром в Прагу. Таким образом, для Марии Михайловны война закончилась лишь 14 мая 1945 года освобождением столицы Чехословакии от группы армий командованием Фердинанда Шёрнера.

По окончании войны 23-й Берлинский отдельный авиаполк перебазировался в Вену, где стоял более двух лет в качестве оккупационных войск. Там-то и сбылась мечта Анфилофьевой.

— Сказать, что женщин любили брать на борт самолета? Да нет же, — с хитрецей улыбается Марина Михайловна. — Как и на корабле, примета дурная.

Но пилот Юрий Сиротеев рискнул. И в 1945 году 22-летняя девушка стала бортрадистом Ли-2. Крылатую машину, сконструированную на базе американского самолета Douglas, за похожую форму корпуса Марина ласково именовала «дельфинчиком».

— Он напоминал мне о детстве. В районе Бочарова ручья буйков не было, и море всегда оставалось тихим и спокойным. А дети — они же совсем бесстрашные. Целым классом мы заплыва-

ли далеко-далеко от берега и резвились в волнах. Наверное, со стороны мы больше походили на стайку беспокойных крупноватых рыб, чем на людей. Но все-таки самыми счастливыми моментами в памяти останутся минуты, когда нам удавалось поплавать вблизи дельфинов...

Во время одного из полетов в Москву Марина Анфилофьева подала документы в Военный институт иностранных языков. Фронтвикам было достаточно собеседования, от экзаменов они освобождались. Проблем с немецким у девушки никогда не было. Сначала учила язык в школе, потом помогала командованию вести кое-какие переговоры по хозяйству, а в Вене и вовсе квартировалась у австрийки, которая по собственной инициативе занималась ее лингвистическим образованием. Приемная комиссия высоко оценила австрийский акцент девушки и к зачислению приняла. Вот только командир полка был искренне удивлен решимости маленькой бортрадистки и отпускать ее наотрез отказался. В институт Марина все равно уехала...

Р. С. По статистике, во время Великой Отечественной Войны на одного погибшего пилота приходилось семь советских радистов... И теперь, услышав вопрос «Как ковалась победа», я еще не раз вспоминаю эти малюсенькие ручки, выстукивающие телеграфным ключом сотни тысяч точек и тире...

Из танкистов в дипломаты

А. Лещинский (1 маг. МЖ)

Если как следует присмотреться к карте разгрома немецко-фашистских войск на Правобережной Украине, то у границы с Чехословакией можно отыскать совсем небольшой город Коломыя. Его обычно насквозь прошивает красная стрелка наступления советских войск, но иногда город оказывается аккурат на её острие. Эта маленькая стрелочка с завидной наглостью врывается в боевые порядки гитлеровцев и отодвигает линию фронта вплотную к границе. Однако за условными знаками всегда скрываются живые люди, сотни тысяч солдат и офицеров Красной армии, отдавших жизни за свободу и мир на полях Великой Отечественной. Среди них был и Андрей Николаевич Игнатъев, Герой Советского Союза, выпускник МГИМО.

Жизненный путь будущего младшего лейтенанта Игнатьева начался 6 сентября 1921 года в селе Мещерском (Московская область), на полпути от Подольска в Чехов. Его отец был учителем, сугубо гражданским человеком, но юный Андрей Николаевич всегда хотел стать танкистом. Не лётчиком, как в ту пору мечтали многие ребята, не

капитаном крейсера или подводной лодки, не военачальником, руководящим армиями и фронтами, а простым танкистом. Ещё в детстве Игнатъев рисовал на листках бумаги бронированные машины с пушками и пулемётами, а из деталей первого в своей жизни конструктора прежде всего собрал, разумеется, танк.

Затем была московская школа № 344, где увлечение вооружением и техникой перешло в серьёзный интерес к военной истории. Совпадение ли, что по окончании средней школы, уже вступив в ряды Красной армии в 1940 году, Игнатъев попал именно в танковые войска? На самом деле, в военкомате у юноши сами спросили, где

А. Н. Игнатъев

бы он хотел проходить службу. Ответ был очевиден.

Будущему Герою Советского Союза предстояло проделать долгий путь из Москвы в Забайкальский военный округ. Служба была Игнатьеву по-настоящему в радость. Простой мальчишка, с детства мечтавший надеть шлемофон и стать частью экипажа, мастеривший танки из конструктора, наконец-то мог почувствовать запах пороха и рёв мотора настоящей боевой машины. Молодой Игнатьев проявлял стойкость даже в лютые сибирские морозы. Своим родителям он писал: «Вы напрасно обо мне беспокоитесь. Хоть зима и суровая, но я ни разу не простудился. Учиться на командира танка очень интересно, особенно здесь — ведь в нашей части много участников боёв на Халхин-Голе...» Тогда он ещё не знал, что ему предстоит принять своё собственное боевое крещение, самому руководить экипажем, подбивать бронемашину противника, спасать товарищей, стать причастным к большой семье героев-танкистов. Пока Андрей Николаевич только начинал постигать искусство управления лёгким танком БТ-7, изучал основы тактики ведения боя.

А потом началась война. Всех сержантов, имеющих среднее образование, в срочном порядке отправляли на курсы подготовки младших лейтенантов. В их числе был и молодой Игнатьев, который отныне стал носить гордое звание офицера. В ноябре 1941 года его назначают командиром взвода 111-го танкового полка. В свои 20 лет он пишет родителям следующие строчки: «Теперь я... отвечаю не только за себя: надо учить, воспитывать, заботиться о нуждах доверенных мне людей».

Ещё год А. Н. Игнатьев оставался вдали от ужасов войны, хотя необходимость в свежих силах день ото дня ощущалась в Красной армии всё сильнее и сильнее. Вероятно, он и сам понимал неизбежность своей отправки на фронт и был, разумеется, к этому готов. В ноябре 1942 года его переводят командовать танковым взводом в разведывательный дивизион 51-й кавалерийской дивизии. Вести разведку — великий труд и очень опасная работа, поэтому назначение Игнатьева говорит о его надёжности и большом уважении военачальников к таланту молодого офицера.

На фронт Андрей Николаевич прибыл в январе 1943 года. Его соединение вошло в состав 60-й армии, где Игнатьев оказался под командованием легендарного генерала Черняховского. Именно здесь, под Орлом, будущему Герою Советского Союза предстояло принять боевое крещение и стать настоящим воином. Взводу Игнатьева приходилось вести разведку в тылу противника, идти в наступление в первых эшелонах, прикрывая кавалерию и пехоту. Разумеется, он испытал и горечь от потери близких ему фронтовых друзей и товарищей.

Всего за несколько месяцев младшему лейтенанту Игнатьеву удалось познать разные стороны войны, пройти через многие испытания, однако самый главный подвиг ему только предстояло совершить.

Этого могло и не случиться, если бы весной кавалерийскую дивизию, где служил Андрей Николаевич, не расформировали, а его самого отправили в город Рыбинск (Ярославская область) на курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) при Пушкинском танковом училище. По окончании учёбы Игнатьев уже был готов опробовать новые танки Т-34. Пока советские войска освобождали Киев и форсировали Днепр, он со своими товарищами помогал рабочим завода в Нижнем Тагиле (Свердловская область) укомплектовывать и обкатывать «тридцатьчетвёрки».

После завершения всех необходимых работ Игнатьева снова отправляют на фронт. Его боевой путь продолжается в феврале 1944 года, на этот раз на Западной Украине в городе Шепетовка. Младшему лейтенанту выпадает большая честь сражаться в прославленной 1-й гвардейской танковой бригаде 1-й танковой армии 1-го Украинского фронта. У Игнатьева и выбора-то не было, кроме как во всём быть первым и подавать товарищам пример. Однако вакантных должностей командиров взводов уже не осталось, и Андрей Николаевич, ни секунды не сомневаясь, согласился командовать танком. Тем временем всюду шла подготовка к Проскуровско-Черновицкой операции, где его соединение должно было сыграть решающую роль.

Наступление развивалось стремительно. За считанные дни танкисты освободили Чертков, с ходу форсировали Днестр по дну реки и закрепились в Городенке. Части вермахта, неспособные оказать советским войскам никакого сопротивления, беспорядочно отступали. Однако этого было недостаточно. Стремительным ударом нужно было не дать немцам занять переправу через реку Прут. Эта задача была возложена на капитана В. А. Бочковского, группе которого предстояло совершить 75-километровый бросок и овладеть городом Коломыя. Перед выходом в дерзкий рейд комбат сразу сказал своим офицерам: «Танки Духова, Шарлая и Игнатьева идут в разведке».

День 27 марта 1944 года стал поворотным в жизни младшего лейтенанта. Танкисты-разведчики стремительно продвигались вглубь оборонительных порядков противника, подавляли огневые точки, уничтожали немецкую бронетехнику. Вот уже показалась окраина города и сама переправа. На въезде в Коломыю завязался бой, танки метались от одной огневой точки к другой. В общем хаосе и суматохе Игнатьев сохранял хладнокровие и был немногословен, лишь предавал по радио: «Веду бой. Соппротивление сильное». Ему пришлось войти в столкновение с танками

противника на железнодорожной платформе. В неравном бою Игнатьеву не удалось заметить немецкий «тигр», скрытый в клубах дыма.

Прямое попадание. Стрелок-радист убит, механик-водитель сильно контужен, а сам командир и заряжающий тяжело ранены в ноги. Однако выхода нет: «тигр» вот-вот добьёт «тридцатьчетвёрку». Превозмогая боль, раненый Игнатьев нащупывает пусковую педаль орудия и производит выстрел. «Тигр» был повержен, а город к вечеру взят Красной армией.

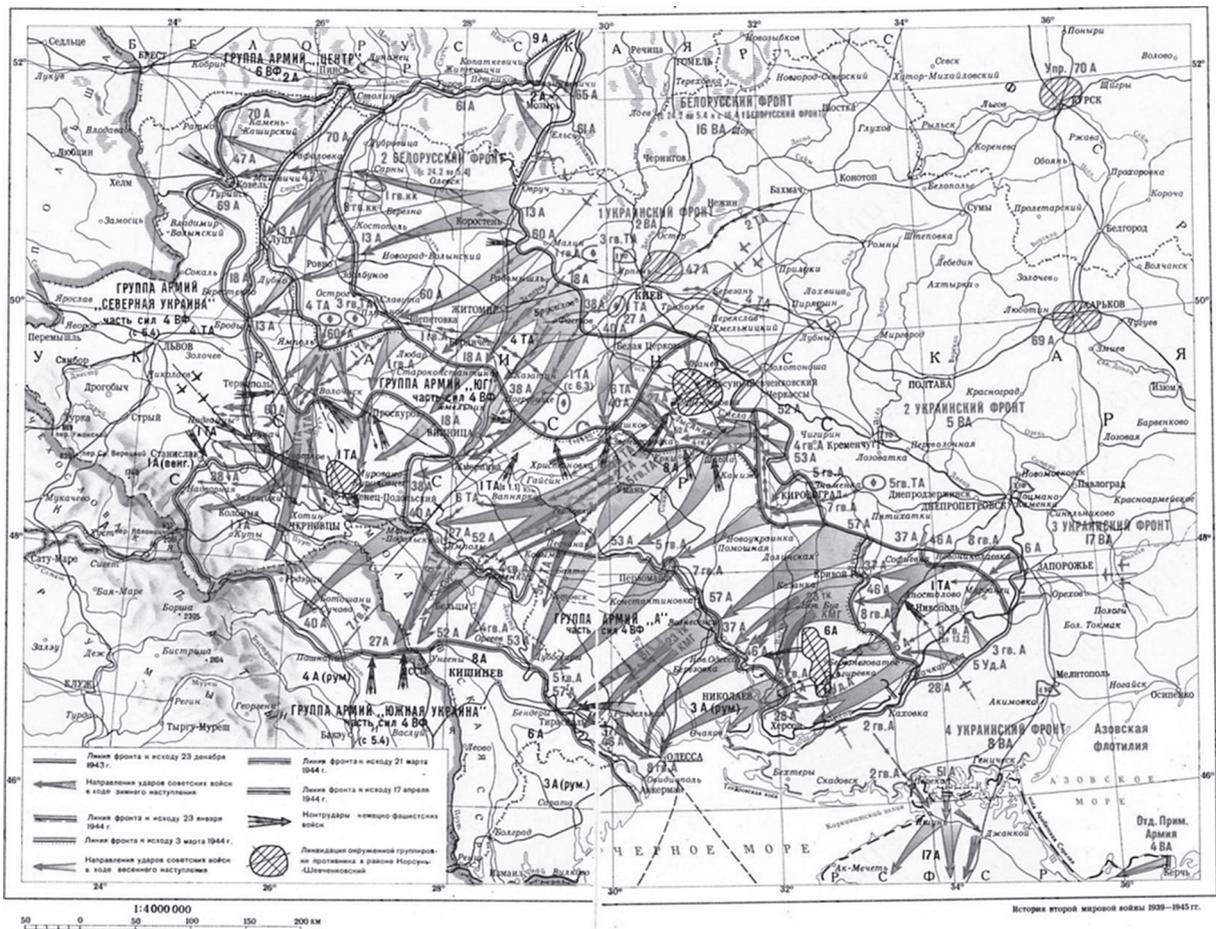
***

«Извините, что задержался с письмом... Чувствую себя хорошо, только немного повреждена правая нога, отчего даже отвезли в госпиталь, хотя ранение легкое». Эти строчки своим родителям Игнатьев написал из Энгельса (Саратовская область). Хоть своё «лёгкое ранение» он и залечивал год, волноваться по лишнему поводу родителям было совсем не обязательно. В госпитале из газет он узнал, что какому-то Игнатьеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. Мысленно порадовался за своего однофамильца, однако вскоре из бригады пришло письмо: «От души поздравляю

своего питомца, замечательного исполнителя моего манёвра. Твёрдого, дерзкого, нахального героя-танкиста... Привет всем хлопцам от гвардейцев. В. Бочковский». Кроме того, за освобождение Коломьи 1-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени, а за образцовое выполнение задач в предгорьях Карпат — орденом Красного Знамени. Высокие заслуги соединения были бы немыслимы без подвига младшего лейтенанта Игнатьева.

В апреле в передовой статье газеты «Красная звезда» появились следующие строчки: «Подобно тому, как подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев стал образом несокрушимой советской обороны, так и героический путь 1-й гвардейской танковой бригады останется в сознании народа символом нашего победоносного наступления».

Долечивался Герой в Москве. Подолгу тренировался и буквально заново учился ходить. Нерушимая сила воли позволила Игнатьеву уже 20 октября 1944 года прийти на награждение в Кремль без костылей, где ему вручили «Золотую Звезду» и орден Ленина. Полностью на ноги Андрей Николаевич встал в марте 1945 года, но вернуться на фронт ему было уже не суждено, и из армии он был демобилизован в звании капитана.

Разгром немецко-фашистских войск на правобережной Украине. 24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.

Война закончилась, вскоре наступило лето. Пришло время задуматься о взрослой гражданской жизни, выбрать профессию, поступить в институт.

* * *

Андрей Николаевич вошёл в число студентов первого послевоенного набора МГИМО. Его сокурсник М. Д. Пилосов в интервью «Вестнику» (№ 5 (26) 2012) вспоминал: «Так как девушек в МГИМО не принимали, Институт больше походил на военное училище. Действительно, значительная часть студентов нашего курса пришла с фронтов войны. Почти все офицеры с орденами и медалями на пропахших порохом кителях. Трое из них — герои Советского Союза. Эти ребята знали войну не понаслышке. В мирной студенческой жизни они оставались простыми, скромными парнями, не кичились своими подвигами, довольствовались тем, что есть, не требовали себе никаких льгот и поблажек... Одеты были очень просто. Фронтовики донашивали свою военную форму, остальные — кто во что горазд».

По воспоминаниям М. Д. Пилосова, как-то раз на одном из занятий в аудитории вошёл сам В. М. Молотов, сопровождаемый руководством Института. Стал расспрашивать студентов о бытовых трудностях, проблемах организации учебного процесса и многом другом. Однако студентов всё устраивало, и жаловаться им было не на что. Тогда Молотов поинтересовался, почему молодые люди всё ещё продолжают носить военную форму? Улыбку у него вызвал ответ Андрея Игнатъева, который честно признался, что просто привык и чувствует себя в ней комфортно. Тогда министр иностранных дел сказал: «Вы будущие дипломаты и вам пора привыкать носить гражданские костю-

мы, галстуки, шляпы. Мы подумаем, как вас всем этим обеспечить». Через некоторое время студентам действительно пошили костюмы, выдали шляпы, галстуки и туфли.

В 1950 году Андрей Николаевич окончил МГИМО и поступил на работу в Совинформбюро. После четырёхлетнего обучения в Академии общественных наук при ЦК КПСС перешёл в Комитет по культурным связям с зарубежными странами. В 1964-м А. Н. Игнатъева направили в Нью-Йорк для работы в представительстве СССР при ООН. В следующем году он возвращается в Коломну, чтобы стать почётным гражданином города.

Без малого двадцать лет до своего выхода на пенсию Андрей Николаевич проработал заместителем главного редактора «Ежегодника Большой Советской Энциклопедии». 19 марта 2012 года его не стало.

Жизнь А. Н. Игнатъева была удивительной по многим причинам. Взять, к примеру, его чудесное спасение из подбитого «тигром» танка. Или чудом вновь обретенная возможность ходить. За всю свою жизнь ему удалось побывать во многих странах, встретиться и побеседовать с выдающимися людьми своей эпохи: М. А. Шолоховым, А. И. Хачатуряном, И. С. Глазуновым, А. Н. Туполевым, Н. С. Хрущёвым, А. А. Громыко, И. Тито, Я. Кадаром, Е. Фурцевой.

Однако больше всего поражает путь, пройденный Андреем Николаевичем. Путь от казармы в Забайкальском военном округе, от Пушкинского танкового училища и горящей кабины «тридцатьчетвёрки» до штаб-квартиры ООН. Путь героя Советского Союза, дипломата, мальчика Андрея из села Мещерского, который так мечтал стать танкистом.

Музыка жизни — жизнь в музыке

И. Шевченко (4-й курс ФМЖ)

Подумать только! Сегодня после занятий я пью кофе с преподавателем Еленой Витальевной Кабатовой. До этого дня я слышала о ней лишь пару отзывов, и все они были только восторженно-положительные. Однако в этот раз речь пойдёт вовсе не о тонкостях международного частного и гражданского права, а о её отце, профессоре той же кафедры и ветеране Великой отечественной войны Виталии Алексеевиче Кабатове.

Сегодня Виталия Алексеевича уже не встретишь в коридорах МГИМО: он предпочитает проводить время дома, вместе с супругой Саи-

дой Павловной. И всё же по сей день коллеги считают его одним из самых авторитетных профессоров международно-правового факультета. А ведь он мог бы и не добиться столь значительных успехов в правоведении, став профессиональным музыкантом-скрипачом! Всё изменила война...

В. А. Кабатов

Маленький Виталий, родившийся в 1924 году, был тринадцатым ребёнком в семье и единственным мальчиком из тех четырёх, что пережили детские годы. Его отец Алексей Фёдорович Кабатов был потомственным кожевником родом из села Богородское Нижегородской губернии, которое было известно как раз своими мастерами выделки кожи. Алексею пришлось покинуть отчий дом и вполне обеспеченную семью, когда он встретил Елену Санкину и заявил родителям, что хочет на ней жениться. Девушка была очень красива, однако её семья была бедна, поэтому родители не одобрили выбор сына, и тогда юные влюблённые решили бежать вместе. Так они оказались в Москве, где им пришлось всё начинать с начала, не имея никакой поддержки от семьи.

Алексей продолжал кожевную работу, его молодая супруга держала дом, воспитывала детей, появлявшихся один за другим, шила одежду на заказ. Музыкой серьёзно никто не занимался, однако единственному сыну Виталию природа подарила исключительный музыкальный талант. В детстве он случайно обнаружил, что если стеклянные бутылки наполнять разным количеством воды, звук при ударе по ним получается тоже разным — свой первый «концерт» мальчик исполнил перед дворовыми друзьями как раз на таких бутылках. В школе он играл в самодеятельном оркестре домр, и добился в этом немалых успехов: к ним на выступления приходили иностранные гости, приходившие в восторг, а когда в 1937 году столица готовилась отпраздновать 20-летие Октябрьской революции, в городе был создан большой оркестр народных инструментов, куда приглашали лучших, был среди них и Виталий. Ребята выступали на известнейших московских сценах, в том числе даже в Большом театре!

Однако юный музыкант мечтал о скрипке и видел себя исключительно скрипачом, несмотря на такие успехи в игре на домре. Покупка скрипки в то время считалась дорогим удовольствием, доступным далеко не каждому, и всё же родители, заметив талант и стремление мальчика, не пожалели денег.

Освоение скрипки проходило необычайно легко, вскоре сын уже мог демонстрировать родителям свою виртуозную игру. Тем временем Виталий окончил школу и решил испытать судьбу — попробовать поступить в знаменитое музыкальное училище имени Гнесиных. Дело в том, что попасть сюда могли только выпускники музыкальных школ, а мальчик-самоучка, уже имевший за плечами столь значительный опыт выступлений, игре на музыкальных инструментах нигде специально не учился. И всё же его приняли! Свой последний экзамен Виталий сдавал 24 июня 1941 года...

В те дни, когда многие бывшие школьники готовились к новой студенческой жизни, страну ошарашили известием о начале войны. Причём у ребят, только-только вступивших во взрослую жизнь, складывалось неоднозначное впечатление: с одной стороны, им говорили готовиться к этой войне, с другой же, казалось, что всего лишь через пару месяцев она закончится, забудется как страшный сон, и можно будет учиться дальше. Вот и Виталий думал, что он ещё успеет побыть студентом «гнесинки».

Уроки музыки

Постепенно начало приходить страшное осознание того, что на самом деле происходит. Семнадцатилетний парень, ещё не достигший совершеннолетия, устроился токарем на завод, где производили снаряды для фронта. А когда ему исполнилось 18, Виталия отправили во Владимир в военное училище. В 1943 году его, уже младшего лейтенанта, бросили в раскалённый очаг войны — Виталий Кабатов был назначен командиром взвода противотанковой артиллерии, которая принимала участие в битве на Курской дуге, под Белгородом. Здесь пали тысячи молодых русских ребят, а для тех, кому всё-таки удалось выжить, жизнь никогда уже не была прежней...

В одном из боёв Виталия ранило осколком снаряда, в результате чего он лишился рук... Подумали, что он погиб, и даже прислали домой похоронку, которая чуть не свела с ума мать. Однако молодому лейтенанту повезло: его, как в фильме, вытащила на себе медсестра и смогла дотащить до санитарного батальона. Виталий был без сознания, и врачи решили дождаться, когда он придёт в себя, и лишь потом делать операцию, так как общий наркоз для человека в таком состоянии крайне опасен. После такого ранения, конечно, о карьере музыканта не могло быть и речи...

Как только Виталий стал осознавать, что с ним случилось, в первую очередь он захотел успокоить домашних: попросил лежащих с ним в госпитале ребят написать и отправить письмо домой, сообщить, что он жив. Но семья с первой же строчки

поняла, что письмо написано не их сыном — почерк был другим. И тогда его мама Елена Фёдоровна обратилась к начальнику госпиталя с просьбой написать всю правду. Он показал это письмо Виталию и сказал, что может сам дать ответ, но Виталий решил, что всё объяснит матери лично.

Фронтное фото

Вплоть до 1944 года Виталий Кабатов восстанавливался в разных госпиталях, потом его демобилизовали, и он вернулся к семье. Отец к тому времени уже ушёл из жизни, за раненым братом начала ухаживать старшая сестра Александра. Она всегда была рядом, стала ближайшей помощницей, посвятив всю свою жизнь

брату, так и не устроив своего собственного семейного счастья. В любви и заботе Виталий быстро шёл на поправку.

Он понимал, что будущее известного скрипача так и осталось мечтой и нужно начинать жизнь с чистого листа. Впрочем, музыка не была забыта: в доме всегда стоял рояль, время от времени Виталий практиковался в игре на нём, но ему было ясно — нужно выбирать что-то другое. Оправившись от болезни, Виталий поступает в МГУ на философский факультет, однако быстро разочаровывается в выборе. Заучивание трудов партийных руководителей вместо изучения философской мысли веков было не для него, и тогда в 1946 году Виталий переводится на первый курс юридического факультета, который в 1951 заканчивает с отличием.

В годы студенчества он живёт в доме матери с сестрой Сашей, учится с удовольствием. Жизнь ребят, выстоявших в тяжёлые годы войны, невозможно было остановить: они хотели получить то, что пытались отнять у них судьба, веселились, не боялись трудностей и смело смотрели вперёд. Отмечая в кругу студентов новый 1949-й год, обещающий большие перемены, Виталий встречает молодую студентку исторического факультета Саиду Берцинскую, которая уже в марте того же года согласилась стать его женой и всю жизнь находиться рядом.

Удивительное имя — Саида — не правда ли? Многие подумают, что у девушки, возможно, восточные корни, а ведь на самом деле она самая настоящая русская! Её отец — тот самый Пашка Словохотов, герой романа Вс. Иванова и В. Шкловского «Иприт», дворянский сын, который в революционном 1917-м сбежал на флот. У этого Пашки был друг-татарин Саид Галиев, который во время Гражданской войны умер у него на руках. Словохотов дал слово, что, если у его бере-

менной жены родится сын, ему дадут столь экзотическое имя. Родилась девочка, но и её решили назвать Саидой.

После скорой свадьбы Виталий и Саида были неразлучны. Саида Павловна поначалу работала в библиотеке иностранной литературы, после рождения своей единственной дочери Елены, которая и поведала мне историю жизни своего отца, большую часть жизни работала литературным редактором в издательстве «Наука», а потом перешла в реферативный отдел Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН), впоследствии преобразованную в Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН).

Карьера же Виталия Алексеевича после окончания университета развивалась стремительно. Уже в 1954 году он защищает кандидатскую диссертацию под руководством профессора В. И. Серебровского, которая была посвящена вопросам близкого всем людям творческой профессии авторскому праву. Сразу после молодой специалист начинает работать в институте государства и права Академии наук, а в 1963 году переходит на преподавательскую работу в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (сегодня — РУДН), где начинает читать курсы гражданского и римского права. Однако уже через четыре года он получает приглашение от заведующего кафедры гражданского права МГИМО К. К. Яичкова. С большим трудом Виталия Алексеевича удалось «переманить», поскольку Университет никак не хотел его отпускать.

МГИМО тогда ждали большие перемены: в 1969 году появились новые факультеты — международной журналистики и международного права. Последний сформировали из юридической группы факультета международных экономических отношений, на котором к тому времени уже функционировали несколько правовых кафедр, в том числе, та, на которой работал Виталий Алексеевич. Так получилось, что Кабатов был оче-

С дочерью Еленой

видцем рождения важнейшего факультета нашего университета.

Преподаватель по-прежнему вёл курсы гражданского и римского права. Курс римского права считается основой обучения любого специалиста по юриспруденции, и именно Виталий Алексеевич для многих своих учеников открывал мир правоведения. Студенты, некоторые из которых впоследствии сами пришли работать на кафедру, запомнили его как открытого человека, готового доходчиво объяснять, разговаривать с каждым. А. А. Костин, А. И. Муранов, О. Н. Зименкова, Н. Г. Елисеев, Н. Н. Остроумов — его ученики. По стопам отца пошла и дочь Елена, которая сегодня считается виднейшим специалистом в области международного частного права. А гораздо позже на всё той же кафедре отучился и его внук Павел, который, впрочем, решил стать практиком и работает в крупной юридической консультационной компании.

В 1971 году Виталий Алексеевич защитил докторскую диссертацию, и уже через год ему было присвоено звание профессора. Огромный опыт и блестящие знания позволили ему в 1974 году стать арбитром Внешнеторговой арбитражной комиссии (МКАС) и Московской арбитражной комиссии (МАК) при Торгово-промышленной палате РФ. Кабатов был частым гостем на многочисленных конференциях и форумах, в том числе зарубежных.

При всей загруженности у Виталия Алексеевича оставалось время и на научную деятельность. За годы работы им было написано три монографии, несколько учебных пособий для студентов международно-правового факультета и свыше 80 работ по договорному праву, международному коммерческому арбитражу, некоторые из которых были переведены на иностранные языки и опубликованы в зарубежных научных изданиях.

В 2004 году, когда профессор отмечал свой 80-ый юбилей, его пригласили в Министерство иностранных дел, где вручили специальный адрес, подписанный С. В. Лавровым. Министр подчеркнул, что Виталий Алексеевич считается крупнейшим юристом страны. Помимо этого, Кабатов награжден орденом Дружбы народов и двумя военными наградами — орденами Отечественной войны I и II степеней.

Виталий Алексеевич, добившийся стольких профессиональных успехов, никогда не стремился занимать высокие руководящие посты. Напротив, он был скромн, достойно трудился, помогал людям. Даже экзамены, судя по рассказам студентов, он принимал крайне доброжелательно, стараясь помочь каждому, навести на верную мысль. Сотрудники родной кафедры тоже всегда отзываются о нём исключительно положительно, например, профессор Сергей Николаевич Лебедев, более 40 лет проработавший с Кабатовым, отметил его невероятную силу воздействия на каждого человека, с которым общается Виталий Алексеевич, причём без какого-то ни было особого усилия с его стороны. Людям с ним легко и приятно!

Кроме того, удивляют редкая сила духа и неиссякаемая энергия Кабатова. Он, по оценкам друзей и знакомых, очень требователен к себе и никогда не позволяет себе сдаться, вновь и вновь преодолевать невозможное. Забыв про тяжелейшую травму, Виталий Алексеевич продолжает играть на музыкальных инструментах — Елена Витальевна рассказывает, что те, кто впервые приходят к нему в дом и слышат игру на пианино, даже подумать не могут, что это делает человек с ограниченными физическими возможностями!

Не забывал Виталий Кабатов и про физическую активность: среди его любимых видов спорта плавание, велосипед, лыжи. В молодости, работая ещё в Институте права, он вместе с друзьями предпринял ряд байдарочных походов, ради чего сам сконструировал для себя специальные приспособления, помогающие самому держать весло. Принимал он участие и в пятикилометровых заплывах, причём оказывался одним из немногих,

кто достигал финиша. И все окружающие недоумевали, как он сумел осуществить это, преодолев самого себя?

Несмотря на столь значительный послужной список Виталий Алексеевич своим главным достижением считает свою собственную жизнь, прожитую именно в тех условиях, какие были даны судьбой. Ведь многие из его поколения погибли, а кто-то, вернувшись с войны с ранением, не смог это преодолеть, считая свою жизнь потерянной.

Но Виталий Алексеевич Кабатов смог выстоять. Да, из-за тяжёлого ранения ему не удалось стать музыкантом, однако эта же трагедия стала причиной того, что в нашей стране и в нашем Университете появился столь авторитетный специалист. Конечно, во многом ему помогла поддержка своей семьи, однако главная причина, почему Виталий Алексеевич смог преодолеть все трудности, кроется в нём самом, в его сильном характере и светлом взгляде на мир!

На фронте между теорией и практикой

Н. Якимов (1 Маг МЖ)

Дмитрий Владимирович Ермоленко был одним из тех, кто еще 21 июня 1941 года отмечал свой школьный выпускной, а уже на следующий день с замиранием сердца слушал знаменитое сообщение Молотова о вторжении немецких войск на территорию СССР. Так как к моменту начала войны Ермоленко еще не было 18 лет (он родился 14 августа 1923 г.), ее первые два месяца он провел на фронте строительном — участвовал в возведении оборонительных укреплений на Западном фронте. По достижении совершеннолетия Дмитрий Владимирович вернулся в Москву и зачислился в РККА. Он поступил в состав мотострелкового батальона 32-й танковой бригады. Бригада находилась в подчинении 50-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина — одного из соединений, прикрывавших Москву с юга. Зимой 1941/42 г. Ермоленко принимал участие в тяжелых боях под Тулой и Калугой. Там он был контужен и затем отправлен в госпиталь.

После прохождения лечения Дмитрий Владимирович поступил в артиллерийское училище под Пензой, где командовал взводом курсантов. В сентябре 1943 г. ему было присвоено звание лейтенанта. Он вернулся на фронт офицером-артиллеристом и участвовал в боевых действиях вплоть до победного мая 1945-го. В июне 1945 г. он был уволен со службы по состоянию здоровья.

В сентябре того же года Ермоленко вместе с многими другими фронтовиками поступил в МГИМО. «Поколение лейтенантов» составило костяк студенческого коллектива первых послевоенных лет. Дух боевой взаимовыручки и товарищества они перенесли из окопов в университетские аудитории здания на берегу Москвы-реки. Многие мгимовцы-фронтовики впоследствии стали выдающимися учеными, государственными и партийными деятелями, но и спустя много лет они поддерживали те крепкие дружеские отношения, которые сложились в студенческие годы.

Доктор исторических наук, почетный профессор МГИМО А. А. Ахтамзян отмечает, что еще будучи студентом, Д. В. Ермоленко «отличался не только солидностью тона, но и основательностью знаний и суждений»¹. Неудивительно, что после окончания учебного курса Дмитрий Владимирович стал аспирантом кафедры философии в своей «alma mater». Вместе с ним там работала целая плеяда выпускников международного факультета — В. М. Коллонтай, Н. Н. Иноземцев, Ю. Н. Семенов. Молодые аспиранты были пионерами в преподавании концепций западных школ — они рассказывали студентам о трудах Рассела, Хантингтона, Ростоу, Парсонса.

Б. С. Старостин, профессор МГИМО, доктор философских наук, так описывает занятия с Д. В. Ермоленко: «Наш студенческий курс познакомился с Дмитрием Владимировичем, когда он стал читать нам лекции по философии... На нас, грешных, обрушился ураган каких-то мистических понятий, как то: онтология и гносеология, бытие и ничто, материя и сознание и т. д. Лекции читались в самом престижном первом зале в старом здании МГИМО у Крымского моста, где сохранились интересные атрибуты прошлого. В первом зале висела огромная люстра со множеством хрусталиков, и когда Дмитрий Владимирович начинал говорить хорошо поставленным баритоном, зал замирал, и воцарившаяся тишина внимала мелодичному перезвону хрусталиков на старинной люстре»².

Д. В. Ермоленко

Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии МГИМО А. В. Шестопап, много лет проработавший с Д. В. Ермоленко, вспоминает, что тот «тепло, сердечно относился к своим коллегам, к студентам. Каждого мгимовца, с первокурсника начиная, он считал своим товарищем и не жалел для него ни времени, ни сил»³. Но, как замечает Н. В. Шевцов, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международной журналистики, «...с прогульщиками Ермоленко всегда был строг, никогда они не получали у него высоких оценок».

Ермоленко углублялся в изучение западной философии и кандидатскую диссертацию защитил по теме «Критика космополитических теорий в буржуазной философии и социологии». В 1956 году он получил ученое звание доцента, а через год вышла его монография «Современная буржуазная философия США». В 1959 году его назначили проректором по учебной работе. На новой, управленческой должности он проявлял такую же корректность и заботу о людях, как и на преподавательской. А. А. Ахтамзян, работавший в ректорате под его началом, замечает, что Д. В. Ермоленко умел сохранять выдержку и чувство юмора в курьезных ситуациях: «Таким случаем был инцидент на вступительных экзаменах: один из абитуриентов получил оценку неуд по сочинению и заявил протест, обратившись к проректору. Дмитрий Владимирович корректно пригласил кандидата на поступление в вуз в приемную комиссию, чтобы показать ему его сочинение с многочисленными замечаниями экзаменаторов. Получив текст своего опуса, абитуриент выбежал из зала и направился к выходу. Его остановили и потребовали вернуть манускрипт, часть которого нерадивый юноша успел сжевать. Остатки вещественного доказательства вернули в личное дело, а проректор распорядился вручить аттестат зрелости кандидату на поступление на факультет, „где учат на посла“»⁴.

Как профессиональный ученый, Дмитрий Владимирович, оказавшись на посту проректора, рьяно защищал позиции фундаментальных наук, все больше уступающих место прикладным дисциплинам, специализациям. Он настаивал на сохранении в учебной программе полных курсов права, истории, математики. В то же время он вовлекал студентов и аспирантов в деловые игры и прикладные исследования в области мировой политики.

В своей научно-исследовательской деятельности Ермоленко все больше обращался к теме международных отношений и их взаимосвязи с техническим прогрессом. В 1964 году он издал монографию «Технический прогресс и разрыв с традиционализмом в общественных отноше-

ях». В своей докторской диссертации «Критика современной буржуазной философии США» (1965) он также затронул проблему влияния достижений научно-технического прогресса на обстановку на международной арене. Тема получила развитие в вышедшей в 1973 году монографии «Научно-техническая революция и международные отношения», которая впоследствии была переведена на английский и французский языки.

Дмитрия Владимировича занимала возможность использования развивающихся компьютерных технологий для моделирования различных ситуаций в мировой политике. Он начал изучать эту область с самых азов, обложившись учебниками по информатике и математике, и достиг в ней значительных высот. А. В. Шестопап вспоминает случай, когда Ермоленко на дипломатическом пляже на Николиной горе встретился с нобелевским лауреатом Л. В. Канторовичем и деканом механико-математического факультета МГУ Н. В. Ефимовым. Между ними завязался настоящий математический спор, и Дмитрий Владимирович выглядел в нем весьма достойно.

«Кто он?» — спросил потом Ефимов про Ермоленко.

«Профессор МГИМО», — сказали ему.

«Экономист?»

«Нет, философ».

«Ну, тогда с меня бутылка коньяка», — ответил Ефимов⁵.

Научные работы Дмитрия Владимировича заинтересовали МИД. Сначала его стали приглашать для участия в так называемых «мозговых штурмах» — обсуждениях международных проблем, на которых приветствовались самые передовые идеи и предложения. Затем его назначили главным советником МИД СССР.

В 1969 году Ермоленко получил в управление научную группу, а затем целый отдел в Управлении планирования внешнеполитических мероприятий. Но по сути он играл куда более значимую роль — как выражается А. В. Шестопап, роль «связующего звена между Академией наук и МИДом»⁶. В самом деле, с одной стороны, Дмитрий Владимирович ставил практические эксперименты с системным, компьютерным прогнозированием международных ситуаций. С другой стороны, в этом ему немало помогал многолетний научный опыт в философии и политологии. В Философском обществе СССР он открыл секцию философии политики и международных отношений. В МИДовской работе Ермоленко постоянно помогала референтная группа коллег-мгимовцев во главе с Н. Н. Иноземцевым, с которым они начинали как молодые аспиранты на кафедре философии.

Исследования Дмитрия Владимировича имели непреходящую научную значимость. Его со-

курсник Ю. Н. Рахманинов, который затем 10 лет работал в его научной группе, подчеркивает, что Ермоленко был одним из первых в нашей стране, и «не только в ней», кто использовал социологию для исследования процессов и основных акторов в международных отношениях. Г. К. Ашин, заведовавший кафедрой философии МГИМО в 1974–75 гг., называет Дмитрия Владимировича «одним из основателей философской школы МГИМО»⁷.

Научный подход Ермоленко был передовым в масштабах не только СССР, но и всего мира. Он на десятки лет вперед моделировал развитие международных отношений в разных частях света в новой, постиндустриальной социально-экономической формации. Как специалист с мировым именем, Ермоленко несколько лет участвовал в работе Национальной комиссии ЮНЕСКО, пользовался авторитетом и в других международных организациях. Таким образом он также немало способствовал выведению советской дипломатии из изоляции.

Д. В. Ермоленко превосходно разбирался в хитросплетениях государственных и партийных властных механизмов и умел приводить стороны к консенсусу. У него всегда хорошо получалось играть роль посредника, медиатора — между дипломатами-практиками и учеными-теоретиками, между Международным отделом ЦК и МИДом. Однако более гибкий инструмент осуществления внешней политики Дмитрий Владимирович все же видел именно в межпартийных отношениях.

А. В. Шестопал вспоминает еще один пример успешного выполнения Д. В. Ермоленко роли посредника. Когда Алексей Викторович работал в Институте общественных наук под руководством ректора Ф. Д. Рыженко, там сложилась конфликтная ситуация. Рыженко и его команде мгимовцев (до этого он был ректором МГИМО) противостояли ветераны ИОН с большим партийным стажем. Ректор выше всего ставил не прежние заслуги, а профессионализм, и поэтому много курсов доверял вести молодым специалистам: Разумовичу, Араб-Оглы, Степанянцу, Грушину, чем вызывал недовольство более опытных коллег. Когда обстановка в коллективе накалялась, как рассказывает А. В. Шестопал, «мы звонили Ермоленко и я отправлялся на Смоленку. Там все обстоятельства, участники, формулировки учитывались, складывались в модель „кризис-

ной ситуации», принималось решение, снималась трубка „вертушки” — силы быстрого реагирования начинали действовать. „С одним условием, — Ермоленко это повторял мне неоднократно, — вы не имеете права ни на кого обижаться. Дать отпор и подвести черту. Обидчивость и мстительность — это дилетантизм в политике”»⁸.

Все, кто знал Дмитрия Владимировича, отмечают, что это был человек широких талантов, в отношениях с коллегами, подчиненными понимающий и отзывчивый. «Сегодня, спустя годы, я беру в руки книгу Д. В. Ермоленко „Система, структура и процесс развития международных отношений” с дарственной надписью, — рассказывает Чрезвычайный и Полномочный посол Р. А. Сергеев, — и вспоминаю человека одаренного, обладавшего глубокими познаниями в различных областях; умевшего мыслить остро, реалистически; с устойчивыми взглядами, готового отстаивать свое мнение; сдержанного, но отзывчивого, чуждого чванства; с чувством доброй иронии; благожелательно относящегося к своим товарищам, ко всем тем, с кем ему приходилось встречаться и работать»⁹.

У Ермоленко, как отмечают коллеги, всегда была своя особенная, неповторимая энергетика. «Вспоминая Дмитрия Владимировича Ермоленко, — пишет А. В. Шестопал, — я сразу отчетливо вижу его внешний образ — невысокий, но крупный и плотный, с веселым прищуром одного глаза и характерным движением рук: он словно отряхивался, выходя из воды. Подвижный и динамичный, он был замечен в любой аудитории — на совещании, конференции, выставке, концерте, приеме. Всегда и всюду от него шла волна энергии и доброжелательности»¹⁰.

Д. В. Ермоленко умер в возрасте 63 лет от болезни, явившейся следствием контузии, полученной им на фронте. Он не успел сделать многое из того, что мог бы сделать. 90-е годы, до которых он не дожил, стали эрой повсеместного расцвета компьютерных технологий, которые могли бы вывести спроектированные Ермоленко геополитические модели на новый уровень. Но и без того он внес значительную лепту в развитие философии, науки о международных отношениях и дисциплин, находящихся на их стыке. И самое главное — он навсегда остался в памяти коллег и друзей, которые спустя десятилетия продолжают посвящать ему статьи и сборники воспоминаний.

¹ Ахтамзян А. А. Дмитрий Владимирович Ермоленко — первый проректор МГИМО из числа выпускников вуза / А. А. Ахтамзян // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1.

² Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923–1986) / МГИМО(У) МИД РФ; ред.: Г. К. Ашин, Б. С. Старостин, А. В. Шестопал; отв. ред. И. Г. Тюлин. — М., 2000. — (Выдающиеся ученые МГИМО — Университета МИД России; Вып. 2).

³ Шестопал А. В. МГИМО: лица и поколения / А. В. Шестопал // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6.

⁴ Ахтамзян А. А. Дмитрий Владимирович Ермоленко — первый проректор МГИМО из числа выпускников вуза / А. А. Ахтамзян // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1.

- ⁵ Шестопап А. В. МГИМО: лица и поколения / А. В. Шестопап // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6.
- ⁶ Шестопап А. В. МГИМО: лица и поколения / А. В. Шестопап // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6.
- ⁷ Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923–1986) / МГИМО(У) МИД РФ; ред.: Г. К. Ашин, Б. С. Старостин, А. В. Шестопап; отв. ред. И. Г. Тюлин. — М., 2000. — (Выдающиеся ученые МГИМО — Университета МИД России; Вып. 2).
- ⁸ Шестопап А. В. МГИМО: лица и поколения / А. В. Шестопап // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6.
- ⁹ Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923–1986) / МГИМО(У) МИД РФ; ред.: Г. К. Ашин, Б. С. Старостин, А. В. Шестопап; отв. ред. И. Г. Тюлин. — М., 2000. — (Выдающиеся ученые МГИМО — Университета МИД России; Вып. 2).
- ¹⁰ Шестопап А. В. МГИМО: лица и поколения / А. В. Шестопап // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 6.

Скромность, украшающая героя

М. Максимова (1 маг. МЖ)

Михаил Фёдорович Кудачкин родился 2 ноября 1923 года в селе горный Балыклей Горно-Балыклейского района Сталинградской области. В 1931 году вся семья переехала в Сталинград, где Михаил в 1941 году окончил среднюю школу. В июне выпускника призвали в армию, и он оказался в Урюпинском военном пехотном училище, переведенном в Нальчик. Год спустя, в феврале 1942 года, после окончания училища Михаил Кудачкин попал на фронт. «Моя фронтовая жизнь началась в Крыму, где шли тяжелые оборонительные бои с большими потерями, — рассказывал ветеран Кудачкин в интервью, которое состоялось в Музее истории МГИМО в мае 2006 года. — Наши солдаты проявляли примеры мужества и героизма».

Затем битва за Сталинград. Родители во время войны так и не покинули город: отца Михаила, работавшего на заводе «Красный Октябрь», не отпускали. «Получается, — рассказывал Михаил Фёдорович уже в другом интервью, — что сражаясь за легендарный город на Волге, я в буквальном смысле защищал свой дом. Сталинград мы отстояли. А вот родителей сберець не сумел. После сражения меня отпустили на несколько часов, от дома остались руины, рядом — могилы матери и отца...»

Воевал Михаил Фёдорович не только в Крыму и Сталинграде, но и на Западном, Белорусском, 3-м Прибалтийском и дважды на 1-м Белорусском фронтах. На счету фронтовика освобождение Ярцево и Смоленска, Курская дуга, Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион», Висло-Одерская стратегическая наступательная операция и, наконец, штурм Берлина.

Весной 1943 года капитан Кудачкин возглавил 1-й батальон 82-й стрелковой дивизии 601-го стрелкового полка. Боевой путь этой дивизии впоследствии описал И. Ф. Аврамов в книге «82-я Ярцевская». Есть в этой книге и описание подвигов капитана, а впоследствии и майора Кудачкина. «30 октября командир батальона 601-го стрелкового полка майор М. Ф. Кудачкин получил боевую за-

дачу выступить с занимаемого рубежа вдоль леса и занять дорогу севернее Яунземь. Для выполнения этой задачи командир батальона имел единственную сводную роту в составе 35 активных штыков и станковый пулемет. По приказанию майора рота лейтенанта И. В. Столова двинулась вперед.

Командир батальона со своими связистами и автоматчиками шел несколько позади. Правее, тем же лесом, должны были продвигаться подразделения 692-го стрелкового полка соседней дивизии. Пройдя 350–400 метров, рота была внезапно атакована группой пьяных гитлеровцев в количестве свыше 150 человек. Командир роты погиб. Разгорелся неравный гранатный бой на близком расстоянии. Майор М. Ф. Кудачкин принял командование ротой на себя и приказал медленно отходить на исходный рубеж, где стояли две пушки и пулемет. Эти 350–400 метров с упорными боями отходили свыше двух часов, уничтожая гранатами и автоматным огнем озверевших пьяных фашистов. Уже на подступах к исходному рубежу роту атаковали три танка. Их уничтожили наши артиллеристы. И только теперь на помощь пришли две роты 692-го стрелкового полка соседней дивизии. Гитлеровцы были разбиты».

В ходе Берлинской операции 15 апреля 1945 года Михаил Фёдорович организовал прорыв немецкой обороны на левом берегу Одера. На одной из станций под Берлином батальон Кудачкина захватил 4 военных склада и освободил 22 тысячи военнопленных. Это был первый в полку батальон, оказавшийся возле Берлина и именно

М. Ф. Кудачкин

он, преодолев озеро Хафель, ворвался в крепость Шпандау. Благодаря этому маневру остальные части практически беспрепятственно штурмовали центр германской столицы.

После войны фронтовик вернулся в Сталинград, но пробыл там недолго и весной 1946 года собрался поступать в вуз в Москве. О том, что «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года Кудачкину Михаилу Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и „Золотая Звезда”», сам Михаил Фёдорович узнал из газеты «Правда» незадолго до своего отъезда в столицу.

Майор запаса и Герой Советского Союза, прошедший войну, решил поступать в советскую кузницу дипломатов — МГИМО. «По возвращении к гражданской жизни встал вопрос: где учиться? — рассказывал в одном из интервью Михаил Фёдорович. — Я хотел продолжать образование. До войны я мечтал поступить в Военно-морское училище. Но война спутала все мои планы. Приехав в Москву в начале лета 1946 г., я узнал, что у Крымского моста есть институт международных отношений, где готовят дипломатов. Это меня привлекло, и я направился прямо к Ю. П. Францеву. Беседуя с ним, я выразил сомнение, смогу ли я поступить, ведь за годы войны многое из школьного курса забылось. Юрий Павлович ободрил меня, развеял сомнения и посоветовал готовиться. Так я поступил в МГИМО.

Мне было двадцать два с половиной года. Это был удачный прием — сочетание зрелых людей, прошедших войну, имевших суровый опыт жизни, и вчерашних школьников. Шел процесс взаимного обогащения жизненного опыта и знаний. Приходилось много заниматься, нам помогали вчерашние школьники. И, конечно, огромную роль в нашем образовании сыграл профессорско-преподавательский состав, плеяда крупнейших ученых, привлеченных в МГИМО. Я благодарен судьбе, что поступил и окончил этот институт».

Учился Михаил Фёдорович на международно-правовом факультете и окончил его в 1951 году. Обладатель Звезды Героя отличался исключительной скромностью. Об этой его черте вспоминали однокурсники. «У нас на курсе был „свой” Герой Советского Союза, Миша Кудачкин, — пишет в своих воспоминаниях Р. А. Варганова (Молочкова). — Всегда неизменно дружелюбный, приветливый, никогда не подчеркивавший своего

исключительного положения. К его чести, надо сказать, он сохранил эти качества и потом, спустя годы, занимая большой пост в ЦК КПСС, он всегда оставался таким же приветливым, ровным и дружелюбным».

После окончания МГИМО Михаил Фёдорович продолжил обучение и поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС, там же защитил диссертацию. После этого — работа в Отделе информации МИД СССР, в Посольстве в Чили, а затем долгие годы возглавлял сектор Латинской Америки в международном отделе ЦК КПСС.

Коллеги по отделу, как и однокурсники, отмечают исключительную скромность бывшего фронтовика. Так о нем пишет в своих мемуарах «Тридцать лет на Старой площади» К. Н. Брутенц: «Михаил Кудачкин — специалист по Латинской Америке, патриот „своего” региона. Человек мягкий и ровный, склонный к юмору, прибауткам. Не любит ввязываться в острые споры, но готов отстаивать определенные принципы. Лояльный коллега и товарищ, умеющий поддерживать добрые отношения с подчиненными, естественно и ненаигранно скромный (Герой Советского Союза, надевавший, в отличие от многих, свои регалии лишь дважды в год — 23 февраля и 9 мая)».

Михаил Фёдорович много лет посвятил изучению Латинской Америки. В 1973 году вышла его книга «Чили: борьба за единство и победу левых сил». Совместно с М. В. Данилевичем и М. А. Окуневой издали краткий справочник о Латинской Америке. В соавторстве с А. В. Борисовым и В. Г. Ткаченко М. Кудачкин написал книгу «Чилийская революция: опыт и значение», совместно с Ю. Н. Королевым была написана книга «Латинская Америка: революции XX века».

«Он вел беседу в спокойной, рассудительной манере, не лишенной, впрочем, чувства тонкого юмора, — пишет И. А. Павленко, близко знакомый с М. Кудачкиным. — Несмотря на почтенный возраст, с удивительной легкостью согласился прийти в музей для беседы, рассказать о своей фронтовой молодости, вспомнить учебу в институте, рассказать о дальнейшей трудовой деятельности. Пришлось, однако, приложить некоторое усилие, чтобы уговорить его прийти на нашу встречу со Звездой Героя на груди.

Умер Михаил Фёдорович 8 октября 2010 года, похоронен на Кунцевском кладбище.

Жизнь, расчерченная войной

Д. Титова (2 МЖ)

Все дальше в историю уходят суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С каждым днем все меньше и меньше остается в живых ее непосредственных участников. Не одно молодое поколение узнает о былых ужасах только из книг, учебников и кинофильмов, со слов участников былых сражений и тружеников беззаветного труда тыла. Вот почему нет задачи более благодарной и благородной, чем доносить до новых поколений правду о минувшей войне, об истерзанной огнем и металлом родной земле, о подвигах тех, кто встал на защиту Отечества, для кого война стала настоящим испытанием характера.

В этом благородном деле особенно преуспел Виктор Александрович Анфилов, профессор МГИМО, доктор исторических наук, академик Академии военных наук. Он внес большой личный вклад и в Великую Победу над фашизмом, и в научные исследования Великой Отечественной войны. Ранние годы Виктора Александровича мало чем отличались от многих других молодых судеб своего времени. Он родился 10 июля 1919 года в деревне Ягубовке Нижегородской губернии. Родители, Александр Иванович и Наталья Михайловна, занимались сельскохозяйственным трудом, это была обычная русская крестьянская семья. В 1929 году, когда в стране начала разворачиваться коллективизация, она вступила в колхоз. Через несколько лет, в 1934 году, Виктор Анфилов стал комсомольцем. Молодой человек тянулся к знаниям, он с отличием окончил среднюю школу в районном центре Бутурлино, в 1938 году поступил в Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева.

Начиналась новая жизнь. Но время решило все по-своему. Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила мирные планы. Ушел на фронт отец — Александр Иванович. Известие о начале войны Виктор Анфилов получил в Киевском Особом военном округе. В то время он окончил третий курс академии и в звании техника-лейтенанта проходил производственную практику под Рава-Русской. Строил ДОТ «Комсомолец». Так в жизнь Виктора, как и миллионов советских людей, вошло страшное слово — война. Не закончив учебу, он встал на защиту своей страны. От начала до конца войны находился в действующей армии.

За долгие четыре года он успел побывать в самых разных инженерно-командных должностях: начальник группы строительства оперативных аэродромов ВВС Юго-Западного фронта, началь-

ник минно-сапёрной службы в одной из воздушных армий Степного (2-го Украинского) фронта. Анфилов с группой бойцов днем и ночью минировали и разминировали мосты и другие различные объекты на местности. Он строил аэродромы на западной границе, участвовал в обороне Киева и освобождении Украины.

В. А. Анфилов

За действия, способствовавшие успеху боевых операций, Анфилов был награжден орденами Великой Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». В 1943 году, уже будучи офицером, стал членом Коммунистической партии. Много пришлось повидать молодому офицеру за все годы войны. Не суждено было вернуться с войны отцу. В марте 1942 года Александр Иванович погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Но его сын прошел всю войну, вернулся домой и продолжил учёбу в Военно-инженерной академии.

Окончив академию в 1949 году, до осени 1951 года он проходил службу в Группе советских войск в Германии, где занимал инженерные и штабные должности. В 1951 году Виктор Анфилов поступил на учебу на военно-исторический факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. Через 2 года, в 1953, окончил ее с золотой медалью и стал преподавать в родной Военно-инженерной академии. В 1955 году Виктор Александрович защитил кандидатскую диссертацию. Была выполнена научная работа на заданную Генеральным штабом тему. Виктора Александровича заметно начала увлекать исследовательская работа. В 1957 году у Анфилова появилась возможность занять должность старшего научного сотрудника в Исторический отдел Военно-научного управления Генерального штаба.

Эта работа дала ему столь необходимую возможность доступа к архивным материалам и общения с такими знаменитыми военачальниками, маршалами Советского Союза, как Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Голиков и другими. По итогам этой кропотливой работы

в 1962 году в Воениздате в свет вышла монография «Начало Великой Отечественной войны». В это же время Виктор Александрович начал думать над следующими своими трудами.

По злой иронии судьбы, именно война повлияла не только на юные годы Анфилова, но и предопределила дальнейший карьерный путь — всю свою жизнь он посвятит изучению величайшей войны XX века в истории Советского Союза, России, да и всего мира. А к усердию и неподдельному интересу к предмету исследования приложился его личный опыт — всю войну он перенес и пережил лично. В 1964 году В. А. Анфилова назначили на должность старшего преподавателя кафедры истории войн в Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. Виктору Александровичу нравилось преподавать. Это отражалось и в его преподавательском стиле, слушатели никогда не скучали на его лекциях — неподдельный интерес к своему делу всегда заметен со стороны.

Эти годы были очень плодотворными и для его научно-исследовательской работы. Он публикует книги, основу которых составляют уникальные архивные данные. Готовит и публикует ряд трудов совместно с маршалами Советского Союза Р. Я. Малиновским, С. С. Бирюзовым и М. В. Захаровым: «Яско-Кишинёвские Канны» (1964 г.), «Будапешт — Вена — Прага» (1965 г.), «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы» (1970 г.). Из Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР Виктор Александрович был уволен в запас уже в звании полковника в сентябре 1970 года. С октября того же года В. А. Анфилов начал работать в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР в должности заведующего вечерними подготовительными курсами. Он так же продолжил научную и исследовательскую работу.

В эти годы Виктор Александрович много пишет для периодических изданий, публикуется в таких газетах, как «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Литературная газета», «Советская Россия», «Независимая газета», «Независимое военное обозрение» и других. С 1972 года стал членом Союза журналистов СССР. В 1973 году Виктор Александрович защитил докторскую диссертацию и стал доктором исторических наук, а уже через два года — профессором. Не удивительно, что имея подобный огромный опыт, в 1975 году В. А. Анфилов был назначен на должность декана факультета международной журналистики, который он успешно возглавлял в течение 8 лет. Факультет был и является до сих пор отличной школой для советских, а сейчас уже российских, журналистов-международников. Его выпускники,

которым посчастливилось учиться у В. А. Анфилова, характеризуют свои студенческие годы самими теплыми словами.

Покинув пост декана факультета международной журналистики, В. А. Анфилов полностью посвятил себя изучению любимой темы. В 1983–1990 гг. он возглавлял кафедру истории СССР, преподавал отечественную историю студентам, затем работал профессором-консультантом при ректорате. Заслуги Виктора Александровича были отмечены орденом Дружбы народов (1979 г.), званием «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1990 г.), членством в Академии военных наук (с 1995 г.).

Всю послевоенную жизнь В. А. Анфилов продолжал заниматься исследованием темы, которую подсказала учёному сама жизнь, — канун и начало Великой Отечественной войны. Еще в 1957 году, работая в Генеральном Штабе, он начал углубленно ей заниматься. Все последующие годы он копил материалы, архивные и личные свидетельства непосредственных участников Войны. Его вторая книга — «Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны» — была уже почти готова ко времени ухода в запас. Книга — серьезная работа более чем в 500 страниц — вышла огромным по тем временам тиражом. Она представила на суд читателей анализ тех самых архивных материалов и воспоминаний участников войны, накопленных за долгие годы. Неудивительно, что работа была крайне положительно принята общественностью и прессой. В. А. Анфилов успешно защитил свою работу в Институте истории СССР в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук.

Позже на свет появились и другие работы автора: «Провал «Блицкрига» (1974 г.), «Незабываемый сорок первый» (1982), «Крушение похода Гитлера на Москву. 1941» (1989 г.), «Грозное лето 41-го года» (1995 г.), «Дорога к трагедии сорок первого года» (1997 г.). «Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами» стала последней напечатанной работой В. А. Анфилова, вышла в 2005 году. В это время Анфилов активно работает, его материалы часто и охотно публикуют в различных изданиях. Общественность хорошо принимает работы — они давали широкий анализ военных действий Великой Отечественной войны, предлагали глубокий вдумчивый анализ случившегося на основании редких архивных данных и личного свидетельства множества очевидцев.

Как многое в жизни Виктора Александровича, конец его блестящей научной деятельности был определен самой жизнью — его публикации прекратили появляться только после смерти учёного. До самого конца Виктор Александрович был

активен, полон творческих планов, о которых, к сожалению, мы никогда уже не узнаем. 15 февраля 2002 года завершилась жизнь и творческий путь удивительного ученого, преподавателя и боевого товарища. Она прошла в поисках ответов на вопросы, сформулированные еще в его юношеском возрасте Великой войной.

Библиография В. А. Анфилова

1. Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1962. 224 с. Тираж: 50000 экз.
2. Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Серия: Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах. М.: Наука, 1971. 543 с. Тираж: 25000 экз.
3. Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М.: Наука, 1989. 352 с. Тираж: 30000 экз.
4. Анфилов В. А. Провал «Блицкрига». М.: Наука, 1974. 616 с. Тираж: 50000 экз.
5. Анфилов В. А. Грозное лето 41-го года. М.: Изд. центр «Анkil-воин», 1995. 191 с.
6. Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года / В. А. Анфилов. М.: Акопов, 1997. 304 с.
7. Анфилов В. А. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. Серия: Военные тайны XX века. М.: Вече, 2005. 512 с. Тираж: 5000 экз.
8. Анфилов В. А. Незабываемый сорок первый. М.: Советская Россия, 1982. 368 с.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА КАК МОСТ В БУДУЩЕЕ

Книга сорок третья

А. Ю. Борисов

Война и Победа: как рождался послевоенный мир 7

Н. В. Павлов

Война в исторической памяти народов

(9 мая глазами немцев и русских: победа, освобождение или поражение?) 24

А. А. Синдеев

СССР и его роль в победе над фашизмом в политической культуре ФРГ 35

А. А. Ахтамзян

К историографии Великой Отечественной войны 47

М. А. Гареев

Об объективном освещении военной истории России 76

М. М. Наринский

«Синдром Мюнхена» и «синдром 22 июня» в происхождении холодной войны 89

А. А. Падерин

Уроки войны и Победы, забвение которых недопустимо 95

С. М. Монин

Налаживание военно-экономического сотрудничества

СССР с США и Великобританией в 1941 году 107

С. М. Монин

Дорогами ленд-лиза 121

М. А. Сапронова

Подъем национально-освободительного движения

на Арабском Востоке после Второй мировой войны 135

Л. М. Ефимова

Победа СССР в Великой Отечественной войне и становление

независимой республики Индонезии 152

ЗА ПРАВДУ В ИСТОРИИ

Книга сорок четвертая

М. А. Мунтян

Мы не можем судить историю, но мы можем и должны знать правду 167

Н. Н. Виноградова

Советско-германский договор о ненападении:

победа или поражение советской внешней политики? 174

В. Б. Маковский

Готовил ли СССР упреждающий удар против Германии в 1941 году? 184

Н. Н. Никифоров

Где решалась судьба Второй мировой войны? 190

А. А. Падерин

Оккупационная политика нацизма как геноцид советского народа 200

В. В. Абатуров

Заградительные отряды и штрафные формирования: вымысел и реальность 210

А. С. Князьков

Партизаны Великой Отечественной войны: правда и вымыслы 218

■ Том XV. Великая Победа и современный мир

В. Б. Маковский	
Красная армия за пределами СССР: освободители или оккупанты?	224
В. Г. Кикнадзе	
К вопросу о коллаборационистах: патриоты или предатели?	235
Н. И. Никифоров	
Как складывались отношения СССР с союзниками	244
В. В. Абатуров	
Кто внес решающий вклад в победу прогрессивных сил во Второй мировой войне?	254
И. И. Басик	
Цена победы	262
В. Б. Маковский	
И. В. Сталин — роль и место в государственном управлении страной в годы Великой Отечественной войны	272
ДОКУМЕНТЫ	290

МГИМО И ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Книга сорок пятая

А. В. Шестопап	
Лейтенантское поколение победителей в МГИМО: судьбы и традиции	333
Гульнора Х. Мансурова	
Кучкар Ханазарович Ханазаров — один из первых выпускников МГИМО	341
Н. В. Шевцов	
Студенты пишут о ветеранах Великой Отечественной войны	343

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ XV

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

Верстка В. А. Хохлова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Г. В. Брагова
Н. В. Лиханова
Ю. П. Кириленко

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 20.10.2015.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 50,5. Уч. изд. л. 45,8. Тираж 500 экз. Заказ № 91.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru